VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

Мануэль Саркисянц
АНГЛИЙСКИЕ КОРНИ
НЕМЕЦКОГО ФАШИЗМА

Adolf Hitlers englische Vorbilder

Английские корни немецкого фашизма

MANUEL SARKISYANZ

ADOLF HITLERS ENGLISCHE VORBILDER:

VOM BRITISCHEN ZUM OSTMÄRKISCH-BAJUWARISCHEN HERRENMENSCHENTUM

Vorlesungen gehalten an der Heidelberger Universität

Ketsch am Rhein
1997

МАНУЭЛЬ САРКИСЯНЦ

АНГЛИЙСКИЕ КОРНИ НЕМЕЦКОГО ФАШИЗМА:

От британской к австро-баварской «расе господ»

Курс лекций, прочитанный в Гейдельбергском университете

Академический проект
Санкт-Петербург
2003

Перевод с немецкого М. Ю. Некрасова

ISBN 5-7331-0169-5

© Мануэль Саркисянц, 2003
© М. Ю. Некрасов, перевод, 2003
© Гуманитарное агентство «Академический проект», 2003

*Памяти Кэтрин, герцогини Атолской, британской аристократки, пожертвовавшей постом депутата от партии консерваторов во имя справедливого дела республиканской Испании**.

* Кэтрин Марджори, урожд. Рэмзи (1874—1960), жена Джона Джорджа Стюарт-Мэррея, восьмого герцога Атолского. В 1923—1938 гг. член парламента от консервативной партии (в 1924—1929 — парламентский секретарь в министерстве просвещения). В 1938 г. покинула парламент и партию из-за несогласия с ее курсом. В 1944 г. председательствовала в «Английской лиге за свободу Европы». Автор нескольких книг по международным вопросам, в том числе «Прожектор в Испании» (1938).

Это... не могло быть правдой, потому что шло вразрез с общеизвестными представлениями о правде.

Эдвин Джонс. «Английская нация. Великий миф»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга почти наверняка подвергнется нападкам. Ей будут приписывать то, чего в ней *нет*, несмотря на то, что практически весь материал, на котором она построена, основан на документах, причем на документах, опубликованных ранее и не вызвавших критики.

Нельзя назвать новым то наблюдение, что «большинство англичан не могут править, не заявляя при этом о своем превосходстве, и что они всегда были подспудно озабочены проблемой цвета кожи», — это отмечал еще Бенджамин Жове, преподаватель оксфордского колледжа в 1870—1893 гг. Известно и то, что, к примеру, лорд Альфред Милнер, верховный комиссар Англии в Южной Африке, заявлял: «именно британская *раса** создала империю... только британская *раса* способна сохранить ее», упоминал он и об «узах *крови*». Не являются открытием и свидетельства привязанности Гитлера к Англии, привязанности, граничившей с преклонением и выразившейся, например, в насмешках над стремлением Индии к независимости. Общеизвестно (по крайней мере так было раньше), что Гитлер восхищался Англией именно как расист.

Еще в классическом исследовании Тойнби отмечался тот факт, что «расовые предубеждения, порожденные английским протестантством... к несчастью, стали определяющим фактором в становлении расовых отношений во всем западном мире». Неоднократно публиковалось и следующее, явно преувеличенное, заявление ли-

* Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, курсив автора (*прим. автора*).

берала сэра Чарлза Дилка об уникальности английской практики геноцида: «Англосаксы — *единственная* истребляющая раса на земле. Никогда еще — вплоть до начала ставшего теперь уже неизбежным уничтожения индейцев... маори и австралийцев [аборигенов] — ни одна столь многочисленная раса не была стерта с лица земли завоевателями». О том, что уничтожение аборигенов Австралии в значительной степени явилось следствием преобразований в метрополии, первой из стран Европы, ставшей на путь экономического рационализма, писал еще более десяти лет назад Ричард Рубинштейн в изданном в Лондоне сборнике «Мозаика жертв. О не-евреях, преследовавшихся и уничтоженных нацистами» (под редакцией Беренбаума, директора американского Мемориального музея холокоста). Рубинштейн подтверждал и то, что «связь между геноцидом, проводившимся поселенцами колоний XVIII—XIX веков и геноцидом XX века может быть прослежена в гитлеровской программе "жизненного пространства"»: опыт колонистов служил для Гитлера «моделью, которой должна была следовать Германия на востоке европейского континента». Однако нельзя не отметить существенных различий в идеологии вдохновителей и вдохновленных — разницы между *обществом*, практикующим геноцид, и *государством*, в котором он является частью официальной политики. «Нацистская Германия была *государством*, проводившим политику геноцида... [а Британская] Австралия — *обществом*, практиковавшим геноцид». В английской среде (как в колониях, так и в самой Англии) давление общества значило гораздо больше, а давление государства — гораздо меньше, чем в Германии (см. прим. 213—222). Истребление австралийских аборигенов проводилось спонтанно, а не по приказу правительства. Хотя Гитлер и стремился развить у немцев именно такой спонтанный «расовый инстинкт», Ричард Рубинштейн совершенно справедливо отмечал следующее различие: «уничтожение аборигенов... в Австралии являлось непреднамеренным следствием государственной политики» в отличие от истребления жертв нацизма, которое было совершенно преднамеренным и проводилось по приказу Гитлера. И все же нельзя не поставить «в заслугу» обществам, практиковавшим геноцид, то, что «они сподвигнули Гитлера на повторение этой практики, а его государство — на планомерное претворение ее в жизнь»[1] (очевидно не доверяя «расовым инстинктам» немецкого общества).

Однако даже такое простое повторение давно известных вещей — по-настоящему злободневных — нарушает общепринятое табу. Бесспорные различия, существующие между британской расистской практикой и аналогичной практикой Гитлера, становятся «ар-

гументом» в пользу того, что английские *теории* не могли повлиять на нацистскую идеологию. А поскольку в XX веке Гитлер проводил геноцид, а Британия — нет, то делался вывод, что Англия вообще *ни в чем* не повлияла на фюрера: табу никогда не отличались логикой.

Это табу является гораздо более священным в Германии, чем в самой Британии, поскольку в Германии фашистское прошлое остается намного более острой темой, чем эпоха правления королевы Виктории и короля Эдуарда VII в Англии.

В результате именно британские данные послужили источником для темы этой книги. Именно британская сторона интересовалась английскими корнями некоторых важнейших установок Гитлера — от британского социал-дарвинизма до ненависти к демократии Томаса Карлейля. Так, Ричард Терлоу утверждал, что государственная политика Британии «способствовала становлению фашистских идей в Европе... нацистского расизма и империализма». «Британское влияние на континентальный фашизм... помогло развитию фашизма, особенно в Германии»[II]. Пол Хейз напоминал о «существенном вкладе британских интеллектуалов в формирование фашистской мечты о мировом господстве одной расы... Английские социал-дарвинисты подарили своим нацистским последователям оправдание...»[III]. Пол Хейз обращал внимание и на то, что именно Бенджамин Кидд установил взаимосвязь между естественным отбором и процветанием нации — эту идею, с незначительными изменениями, перенял у Кидда гитлеровский идеолог Альфред Розенберг[IV]. Из киддовской «науки о власти» Гитлером были усвоены [V] представления о «закономерностях», в соответствии с которыми *сама природа* при помощи механизма «социальной наследственности» низводит какой-то народ до уровня «низшей расы» — причем эту «социальную наследственность» может регулировать и государство[VI]. По мнению Хейза, самое сильное и самое продолжительное влияние на фашистов оказало расистское направление социал-дарвинизма, которое создал Карл Пирсон (бывший колониальный чиновник, а затем — до 1933 года — профессор евгеники в Лондоне), ратовавший за «борьбу расы против расы и выживание сильнейшей расы»[VII].

Британские исследователи, интересовавшиеся влиянием английских образцов на Гитлера, не ограничиваются признанием роли одного только «естественнонаучного подхода». «Критическое отношение Карлейля к демократии... можно назвать фашистским — и иногда это и в самом деле фашизм» — писал Уолтер Хотон[VIII]. Лондонское «Anglo-German Review» за 1938 г., пропагандируя ре-

жим Гитлера, совершенно однозначно утверждало, что Карлейль был «первым нацистом»[IX]. Характеристика английских бедняков Гитлером (и его наставником — Хьюстоном Стюартом Чемберленом) также была предвосхищена Карлейлем, отзывавшемся о рабочем классе как о «бесчисленных скотах», «бездушных тварях, отребье». Карлейль видел в них «обезьяньи рожи, чертовы рыла... собачьи морды, тяжелые и угрюмые бычьи головы». В воинственном и иерархическом обществе, о котором мечтал Карлейль, работал миллион черных рабов, а править ими должна была сотня тысяч белых рабовладельцев — совсем как у Гитлера и главы СС Генриха Гиммлера, планировавших ввести подобные порядки на территории побежденной России. И точно также, как Карлейль утверждал, что давать чернокожим образование — значит идти против воли Бога, Гитлер писал в «Mein Kampf»: «давать образование готтентотам и зулусским кафрам — значит идти против Воли вечного Творца»[X]. В таком же ключе можно охарактеризовать и влияние Редьярда Киплинга: «Многие из тех идей, которые придают произведениям Киплинга особую силу и привлекательность... трудно отделить от того, что способствовало становлению... господства фашистской идеологии, особенно в Германии»[XI].

«Одними из немногих английских учреждений, которые воссоздал у себя Гитлер» были британские паблик-скул, — отмечал директор школы Харроу, сэр Сирил Норвуд, подчеркивая тем самым заслуги английских школ... А директор паблик-скул в Лоуэстофт, обращаясь к британским читателям, назвал гитлеровские «наполас»* «немецкими паблик-скул» («Public Schools in Germany»)[XII]. Подобного мнения в 1937 г. придерживался и директор другой английской паблик-скул Дж. Тейт[XIII]. В том же году этот же наставник паблик-скул заявил, что к «тому времени, когда парни из «напола» Бакнанга начнут командовать... национал-социалистские правители будут обладать здравым смыслом в той же мере, в какой его приписывают британским офицерам, то есть станут настоящими белыми «пака»-сахибами**»[XIV]. В 1938 г. мистер Роувен-Робинсон, делая в английском королевском институте международных отношений доклад о «воспитании будущих вождей нацистов», отметил,

* "Наполас" (Napolas; Nationalpolitische Erziehungsanstalten (*нем.*)) — созданные в апреле 1933 г. учебные заведения для подготовки нацистской элиты. В "наполас" обучались подростки в возрасте 10—18 лет; формально "наполас" подчинялись министерству образования, однако старший преподавательский состав представляли члены СА и СС. По сути "наполас" являлись кадровым резервом нацистской партии и вооруженных сил (*здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, примечания переводчика*).

** "Белый пака-сахиб" — особо замечательный и выдающийся белый сахиб.

что нацистские заведения «во многих отношениях построены по образцу... английских паблик-скул»[XV].

Обергруппенфюрер СС Гейсмейер* также отмечал параллели между английской и нацистской воспитательными системами. В том же 1938 г. этот эсэсовский авторитет заметил, что «воспитательные средства и задачи [британских паблик-скул]... уместны и в наших заведениях[XVI]. Говоря о целях воспитания, нацисты утверждали, что в школах для элиты, наподобие английских паблик-скул они стремятся «вырастить будущих фюреров [Führernachwuchs]»[XVII]. Немного позже апологет нацистской педагогики Теодор Вильгельм (1906—?) гордо заявлял, что «наполас ближе всего стоят к британским паблик-скул», и обещал: «За несколько лет мы догоним британские паблик-скул»[XVIII]. Роберт Лей** также предпочитал немецким кадетским заведениям соответствующие британские школы: ведь «Англия со своей итонской системой... построила мировую империю»[XIX]. Нацистские воспитатели подчеркивали, что «паблик-скул, как, например, Итон — оплот старой доброй английской традиции — призваны воспитывать фюреров подобных тем, которые... правят Англией и английской империей»[XX].

На момент объявления войны Германии (1939), 76% английских епископов, судей, директоров банков и управляющих железными дорогами, а также чиновников (включая чиновников из Британской Индии) и губернаторов доминионов являлись выпускниками паблик-скул. 70% генерал-лейтенантов и высших военных чинов вышли из четырех паблик-скул, главным образом — из Итона и Харроу. Призванные защищать Англию — страну с выборной парламентской системой — от тоталитарной Германии, англичане сами были продуктом авторитарной системы, авторитарной морали паблик-скул, хотя и не «тоталитарной дисциплины», как (не без преувеличения) уверял Т. Уорсли в своей книге «Barbarians and Philistines. Democracy and the Public Schools», вышедшей в 1940 г.[XXI] Еще более резкая критика в адрес паблик-скул содержится в книге X. Дж. Филда, вышедшей в Оксфорде в 1982 г.: «английского мальчика методично заставляют воспитывать волю... учат подавлять любые внешние выражения чувств». «Аскетическая, бесполая, нарциссическая культура имперской мужественности сводит сам предмет на нет. Она подготовила почву для культуры смерти», — писал Филд. Британский историк Дж. А. Мэнген указывал на то, что «всевозра-

* Гейсмейер Август (1897—?) — министериальдиректор, депутат рейхстага и офицер СС.

** Лей Роберт (1890—1945), рейхсляйтер, зав. орг. отделом НСДАП, руководитель "Германского трудового фронта".

стающее имперское самосознание среди [британских] учеников паблик-скул... и видение своей главной задачи в воинственном самопожертвовании... поразительно схожи с тем, что переживала элита гитлеровских наполас»[XXII].

Не удивительно, что в такой ситуации немецкий историк Censored Гервин Штробль, выступая с лекциями в университете британского города Кардиффа, заявил: «было бы глупо и нелепо утверждать, будто гитлеровские наполас *хоть в чем-то* копировали британские паблик-скул» — и это несмотря на многочисленные свидетельства наставников паблик-скул и самих нацистов.

Тем не менее в своей книге «Тевтонский остров. Восприятие Британии нацистами», опубликованной в 2000 г. в Cambridge University Press, Штробль отмечал, что даже в Германии 1920-х гг. «восхвалять британскую силу воли, решимость и жесткость, восхвалять британские паблик-скул, призванные воспитывать правителей и растить... лидеров, и подчиняться там, где лидировать невозможно, или приветствовать такие британские установки, как «это моя страна, права она или не права», значило очень точно предрекать дальнейший путь развития Германии... Восхваление подобных [английских] добродетелей было для нацистов тем более необходимым, что именно эти ценности были забыты в [демократической] Веймарской республике с ее пацифизмом; и победы британцев все в большей и большей степени становились победами нацистов». И действительно, ссылаясь на комментарии эсэсовского журнала 1935 г., Штробль совершенно верно отметил «готовность Третьего рейха видеть в Британии свое альтер эго»[XXIII].

(Гитлер еще в 1935 г. заявил: «Только у меня, подобно англичанам, хватит жестокости, чтобы добиться цели». А в 1920 г. нацистский теоретик расизма Ханс Гюнтер назвал английский язык языком «безжалостного акта воли». «Воля была... центральным понятием... нацистской веры», — справедливо отмечал Штробль. Англистика, наука, процветавшая при нацистах и занимавшаяся изучением Англии, характеризовала английский язык как «язык воли, язык борьбы за выживание, язык, в котором до сих пор действуют "законы жизни", а значит проявляется воля расы, воля крови». «Постепенно в глазах английской прессы мы получим равный с британцами социальный статус, потому что мы действуем безжалостно», — настаивал Гитлер[XXIV].)

Штробль совершенно верно заметил, что «обращение нацистов к реальным или воображаемым британским образцам... носило характер... откровенного восхищения». В результате в гитлеровской Германии Сесил Родс стал героем книг, названия которых очень

точно отражали природу его привлекательности в глазах нацистских читателей: «Завоеватель», «За Великое Отечество» или «Мечта о мировом господстве». Тот факт, что «Гитлер в течение долгого времени расценивал Британскую империю в качестве образца для предстоящей экспансии Третьего рейха» (как писал Штробль), в те времена представлялся гораздо более очевидным, чем сейчас. Я не случайно так подробно и много цитирую здесь книгу Гервина Штробля — сам статус издательства, выпустившего ее (Cambridge University Press) снимает все обвинения и подозрения в «апологетике и предвзятости», которые непременно возникли бы, будь эта книга опубликована за пределами Британии, а особенно в Германии. Так, самая важная глава книги Штробля носит название «Британия как модель для нацистской экспансии». В самом начале вышеупомянутого исследования — еще до титульной страницы — напечатано следующее откровение: «одна из фундаментальных задач нацистов заключалась... в подражании «безжалостности» Британской империи по отношению к Восточной Европе». «Нельзя не вспомнить отзывы Гитлера об Индии или Северной Америке как о моделях для будущего германского правления в России, и его восхищение... непременной «безжалостностью» Англии... В 1937 г. немецкая молодежь была обязана изучать англосаксонскую историю, чтобы преодолевать собственные угрызения совести... Нацистские лидеры ни в коей мере не порицали опыт империалистической Британии. Они надеялись добиться такого же результата». Гитлер настаивал, что увеличение дистанции «между расой господ и низшими расами заложено в самой сердцевине британского империалистического этоса и является секретом успеха британцев... Несомненно, именно здесь кроется связь между расой и империей (идея этой связи доминировала во взглядах Гитлера в течение всей его жизни), именно здесь кроется объяснение настойчивых утверждений Гитлера о том, что в управлении Россией Третьему рейху следует брать пример с британского правления в Индии»[xxv].

Это рассуждение дополняет сделанный в 1971 г. вывод о том, что восхищение Британской империей и британский колониальный опыт послужили для Гитлера оправданием собственных империалистических амбиций. «Британское правление в Индии стало для Гитлера моделью, на которую... он собирался ориентироваться... при создании своей империи на Востоке. В застольных разговорах он часто проводил параллели между собственными планами завоевания и завоеванием Индии Британией, заканчивая свою речь рассуждениями о будущей империи на Востоке», — писал Йоханнес Фойгт.

И действительно, фюрер постоянно и неизменно возвращался к одной и той же теме — он словно бы внушал всем немцам: если вы не станете такими, как англичане, вы не добьетесь мирового господства. Но каково же было представление немцев об англичанах, нации, которой они стремились подражать? Вот как характеризовал англичан один эсэсовский источник 1940 года, являвшийся руководством по покорению сердца Англии и превозносивший черты, свойственные британскому правящему классу: «Джентльмены, не озабоченные какими-либо философскими изысканиями... обладающие огромной силой воли и неуемной энергией, считающие духовные ценности пустой тратой времени... но при этом знающие, как надо управлять. Это люди... видящие смысл своей жизни в продвижении интересов английского правящего класса». «По сути это определение было ничем иным, как скрытой характеристикой их [лидеров СС] собственных нравов, спроецированных на других, скрытым выражением собственных качеств», — утверждала гамбургская консервативная газета[xxvi].

Но нацистская доктрина видела в «истинном патриотизме англичан» не только образец для подражания. «Англичане добились того, чего нам... до сих пор не хватает»; «англичане принадлежат к тевтонской нордической расе, и уже по одной этой причине им предопределено быть гордыми... и высокомерными». Утверждалось, что «вера в фюрера и его божественную миссию» свойственна как «немцам, так и англичанам, и, следовательно, является тевтонской». Один из нацистских гарантов этой идеологии — Кригер заявлял, что «вера в божественное предопределение свойств расы является чем-то абсолютно естественным; то, что человек ощущает внутри себя как голос крови, переживается как призыв Бога, обращенный к нему. Именно из этого закона Жизни и Расы исходили все англичане, завоевавшие новые земли для своей империи».

Даже за год до гитлеровских планов вторжения 1940 г. Англия оставалась образцом для последователей фюрера. «Представляя британское стремление к мировому господству как эгоистическое побуждение и обличая их веру в собственную миссию как хитрую уловку, мы оказываем медвежью услугу национальному политическому образованию. Напротив, наши воспитанники должны понимать, что именно религиозность, готовая к действию и полная силы воли, которая направлена на благо нации, так рано сделала Англию столь могущественной мировой державой... И тем более решительно следует призвать силу воли наших воспитанников сделать для Германии то, что англичане сделали для своей страны, основываясь на том же наследии». Подчеркивая свое сродство с Англией,

нацисты постоянно высказывали свое восхищение британским империализмом, видя в нем «модель и оправдание для собственных захватнических планов». Именно осознание британцами своей божественной Избранности — как никакая другая черта британского национального характера — привлекало нацистов, подчеркивая общие для них расовые принципы[xxvii].

Привлекало настолько сильно, что даже ветхозаветный (а на самом деле неоиудаистический) характер английского постпуританского «патриотизма... вера в то, что англичане являются избранной нацией, в то, что «Бог — англичанин»* (Рафаэль Самуэль) ни в коей мере не умаляли страстного желания нацистов подражать англичанам, используя именно такой источник чувства собственного превосходства. Нацисты стремились культивировать настроения, подобные тем, о которых пишет Уильям Блейк в своем «Иерусалиме» («the divine Voice: I elected Albion for my glory; I gave to him the nations of the whole earth») исключительно как образец для построения мирового господства.

Фридрих Брие еще до прихода нацистов к власти утверждал, что английский Бог, сражающийся с богами «неверных», воинственный Бог Ветхого завета, противостоит Богу Достоевского, его представлению о русском Христе, спасителе мира[xxix]. Для Гитлера же Англия в первую очередь ассоциировалась с правом власти. При этом он не понимал, что британская империалистическая власть *должна была* действовать в качестве моральной силы. Отмечалось также, что британский империализм спасало присущее ему в достаточно высокой степени чувство моральной ответственности[xxx]. В год прихода Гитлера к власти в Англии было опубликовано написанное в XIX веке заверение в том, что «несправедливость остается несправедливостью и ее тем более нельзя оправдать... когда ее жертвами становятся беззащитные люди...», что «высокомерие, несправедливость и душевная черствость... среди людей, облеченных властью, являются грехом против Божественной Воли и... влекут за собой страшную кару», пусть даже «те, кто презирают евангельские добродетели», не понимают этого. А за век до этого один протестантский гимн выражал беспокойство, не помешают ли «черные преступления», совершенные в далеких краях, прославлению Спасителя. В самом деле, «убежденность в том, что привилегии, данные нации, подразумевают ответственность нации, а прегрешения нации повлекут за собой ее наказание, помешала использовать чув-

---

* Крайним проявлением этого убеждения стал религиозный англо-израильский культ, отождествлявший англосаксонскую расу с потерянными коленами Израиля (*прим. автора*)[xxviii].

ство избранности Богом исключительно в целях безжалостной империалистической эксплуатации»[xxxi].

Морализм Гладстона также сыграл серьезную роль в преодолении мещанских тенденций в обществе, ориентированном на денежные ценности, и лицемерных заявлений о моральном долге. Это был период, когда предоставление свобод стало считаться особой миссией Британии — речь шла о предоставлении свободы рабам (после того как Англия перестала быть мировым лидером в работорговле). «Борьба с рабством и работорговлей продемонстрировала британский гуманизм в действии... Таким образом, право на власть было связано с моральными установками» англичан[xxxii].

Однако на деле эти установки были направлены скорее против работорговли, которой занимались арабы, а не сами англосаксы (например, североамериканские южане). «Хрупкое равноправие... между [белым] охотником и африканским вождем, [британским] торговцем и его африканской любовницей, или миссионером и потенциальными новообращенными было в значительной степени нарушено... расовыми установками». И «с тех пор, как империя стала прочной, британцы оказались неспособны относиться к африканцам как к человеческим существам», — утверждали авторы «Прелюдии к империализму». «Отношения африканских племен друг к другу затмевали этноцентризм отдельных британцев... В результате, африканская жизнь обесчеловечивала и доводила до звероподобного состояния чувствительность людей»[xxxiii]. В подобном же духе высказывался и полковник Бедфорд Пим (в третье десятилетие правления королевы Виктории) в Лондонском антропологическом обществе: «Англии еще предстоит учиться тому, как следует править чужеродными расами». И последовавшая затем резня британского гражданского населения индийскими «мятежниками» в 1857 г., ставшая предпосылкой для паники из-за вымышленного негритянского бунта на Ямайке в 1865 г. (страха перед «неграми, пьяными от крови» и «спятившими от возбуждения»), даже в большей степени, чем страхи, связанные с освобождением рабов в Соединенных Штатах, повлекла за собой господство расистской идеологии в викторианскую эпоху[xxxiv].

(Расизм англосаксов не в последнюю очередь был направлен и против кельтов. Так, Томас Карлейль спрашивал: «Разве это не великое благословение — избежать участи родиться кельтом?»; большинство ирландцев были, по его мнению, «свиньями в человеческом обличье» (1849). «В голодные годы 1846—1848 гг. стало ясно, на какие крайние меры готова была пойти Англия, чтобы очистить Ирландию от коренных жителей. Послабления, которые давало

ирландцам английское правительство... осмотрительно сохранялись на уровне, обеспечивавшем соответствующие демографические перемены... приветствуемые лидерами английского общества и правительства: *Смертность от голода и эмиграция... очистили земли от нерентабельных производителей и освободили место для более совершенного сельскохозяйственного предприятия*», — напоминал Ричард Рубинштейн. К 1850 г. эдинбургский профессор анатомии Роберт Нокс не только стал приписывать ирландцам целый ряд качеств, несовместимых с чертами среднего класса. Он «научно доказывал», что «источник всех бед Ирландии кроется в расе, кельтской расе Ирландии... Следует силой изгнать эту расу с земель... они должны уйти. Этого требует безопасность Англии». Ведь «человеческие качества зависят исключительно от расовой природы».)

Такие установки не в последнюю очередь способствовали изменению представлений британцев о туземцах в 1865 г. Даже те протестанты, которые отказывались принимать доктрины англиканской церкви и считали (в начале — середине XIX века), что церковь не имеет отношения к мирским делам, и, следовательно, не сильно верившие в божественную избранность Британской империи, стали приобщаться к делу империалистов. Таким образом, ко времени формирования взглядов Гитлера в Британии стало преобладать то течение британской империалистической мысли, которое считало, что колонии существуют исключительно для блага расы господ — вместо предшествовавшего ему британского же представления о колониях как о «ниспосланной Богом возможности нести в мир доброе [нравственное] правление» (как писала Кэтрин Тидрек)[xxxv]. В результате Гитлер увидел в британском империализме только последнее направление, исключая предшествующее. Однако фюрер немецкого нарда не сильно ошибался, усматривая в империализме англичан только одну сторону, отражавшую ту точку зрения, которая превалировала в годы его юности. В то время, когда Гитлер учился в школе, Сесил Родс заявил (1899): «Либералы и консерваторы из кожи вон лезут, чтобы показать, кто же из них — самые великие и исполненные энтузиазма империалисты». Один из них — Лайонел Кертис — (между 1934 и 1937 гг.) опубликовал трехтомное сочинение «Civitas Dei», призванное «доказать... что Британское содружество явилось... высшим воплощением... "нагорной проповеди, переложенной на язык политики"». И все же даже в момент наивысшего расцвета империализма англичанин Сидней Болл из Оксфорда утверждал, что «империализм является последним прибежищем негодяя» (как однажды заметил доктор Самуэль Джонсон по поводу патриотизма)[xxxvi].

(Вероятно, Англия — единственная в мире великая страна, в которой «интеллектуалы стыдятся собственной национальной принадлежности», — заявил как-то Джордж Оруэлл — еще до того, как Германия была запятнана зверствами национал-социализма. «В [некоторых] левых... кругах полагают, что в принадлежности к английской нации есть нечто постыдное...»[xxxvii])

Еще один оксфордский профессор — Винсент Харлоу — нарушал непререкаемое правило, согласно которому джентельмен никогда не должен выказывать своих чувств: он приводил в замешательство будущих колониальных чиновников тем, что не мог без слез говорить о благородной миссии попечительства по отношению к отсталым расам... Стоит вспомнить и Гарфилда Тодда, который, начиная с 1920-х гг., был миссионером в Родезии. После того, как Родезия отделилась от Великобритании, Тодд был арестован за свои выступления против расовых притеснений[xxxviii].

Однако подобные примеры являлись лишь исключением. Не только в дни расцвета Британской империи этос империализма пронизывал буквально все средства массовой информации. «В массовой культуре не существовало никакого антиимпериализма», — утверждал Джон Маккензи. «Критика [империализма] замалчивалась; пародии высмеивали сами себя» в мюзик-холлах. Даже в 1930-е гг. Джон Ю. Норвич вспоминал: «Империя окружала нас повсюду... она была основой нашей жизни. Тогда мы все были империалистами». Даже после окончания первой мировой войны «Британия все еще могла позволить себе смотреть на мир через призму своего особого имперского статуса... расового превосходства и высокого национального самомнения... Давая четкие определения характерных признаков британской «расы», создатели книг для юношества решительно отграничивали англичан от представителей других рас». Даже оксфордский профессор истории Джеймс Энтони Фрод высказывался против отмены рабства для африканцев. После 1890 г. в Британии практически перестали ставить мелодрамы о жизни чернокожих рабов, которые раньше играли для рабочих. Мелодрамы в мюзик-холлах «больше не настаивали на том, что целью британского правления является освобождение»[xxxix].

Подданные Британии, лишенные в своем большинстве избирательных прав, вынуждены были довольствоваться «правлением лучших», тех, кто занимал более высокое положение[xl]. Однако и после того, как это большинство получило некоторую возможность участвовать в политической жизни, оно практически не обладало политическим сознанием. Тем не менее «консервативные классы считали, что рабочие чувствовали свою отчужденность от основ-

ных ценностей, и потому представляли опасность... В результате между двумя войнами в Британии была создана политическая культура среднего класса, построенная на противостоянии угрозе со стороны недовольного рабочего класса». «В конце первой мировой войны британский средний класс был мобилизован... перед лицом растущей враждебности к политике, проводимой рабочим классом», — писал Росс Маккиббин. В качестве примера он цитировал слова Ричфорда, опасавшегося «бесчисленных людских масс, не признающих ни одного из стандартов человеческого общества и всегда готовых поглотить их». Авторы «Тайного сговора Чемберлена и Гитлера» приводят воспоминания, касающиеся леди Дианы Мэннерс, которая во время всеобщей забастовки 1926 г. «слышала скрип тележек и падение отрубленных голов». В ответ на ее взволнованные расспросы, когда же они смогут достойно уехать из страны, ее муж Дафф Купер отвечал: «не раньше, чем начнется резня». И все это несмотря на то, что избиратели от британского рабочего класса сохраняли почтительное отношение к консервативной элите и придерживались мнения, что она «более приспособлена для руководства», чем они сами. (Этого отношения не смогли изменить даже ужасные условия жизни рабочих, например, на рудниках Южного Уэльса, которые описал в своих романах Кронин.) При этом рабочие презрительно или же безразлично относились к остальному миру. Они испытывали «чувство искреннего удовлетворения от того, что являются британцами, а не какими-нибудь иностранцами»[XLI]. Именно такое отношение было свойственно Сесилу Родсу и «лучшим представителям» британской расы, именно такое отношение ранее стремился привить британцам премьер-министр Дизраэли. (Посол Его Величества короля Великобритании, сэр Невилл Гендерсон полагал, что «все иностранцы невыносимы».)

«London Financial News» била тревогу, утверждая, что даже собственная «политическая машина Британии до такой степени подчинила себе британское человечество (sic), что ей удалось втиснуть в одну десятую избирательных участков британского парламента людей чужой крови в качестве своих представителей... Чужеродная кровь... из синагоги Каиафы... может просочиться на самые верха британской политической машины». Демократические реформы, проводимые этой «политической машиной есть не что иное, как выковывание новых цепей для нации рабов»; «Мир... реформа» — демонические слова, воплощающие настоящее евангелие Синагоги Сатаны... это орудие Дьявола, собирающегося украсть меч у святого Георгия». В этом тексте («Зов Меча») заявлялось, что «мир» как «выгода» является доктриной Мамоны, а не Христа... Меч отделит

вселенскую правду от вселенской неправды», — настаивал Дж. Кларк, автор памфлета, опубликованного в 1917 г. в издательстве «London Financial News». Кларк утверждал, что «Пруссию и Германию населяют не христианские, но иудейские нации... Шейлок — их священнослужитель». В его представлении евреи и немцы были тождественны. Как показал Панаи («Враг среди нас»), уже в июле 1918 г. в Британии разразилась паника, связанная с присутствием немецко-еврейской тайной руки. «Евреи, нанятые Германией, подрывают мощь Британии при помощи проституции и венерических заболеваний». «Германия всегда стремилась заразить чистые нации со свойственной гуннам кротономанией», — писала газета «The Vigilante», предвосхищая тем самым навязчивые представления Гитлера и Юлиуса Штрайхера о евреях. В Британии времен первой мировой войны враждебное отношение к евреям сочеталось с таким же отношением к немцам, а представление о зловещей тайной руке прежде связывали не с евреями, а с немцами... Считалось, что именно немецкие агенты контролируют партию либералов и партию юнионистов, что это они стоят за суфражистками и пацифистами, их же обвиняли в организации забастовок. Об этом заявлял, например, автор «Невидимой руки» Киртон Варлей. Еще в 1917 г. он внес предложение, согласно которому королю, военно-морским силам и армии следовало собрать «верных представителей нации» и наделить их «полномочиями править... Новым Государством» — после «отказа от следования любым партийным интересам»[XLII] — Варлей говорил об этом еще за пять лет до прихода Муссолини к власти и формирования замысла «Mein Kampf».

Д. С. Льюис в своей книге об Освальде Мосли и фашизме в британском обществе (1987) подтверждал, что «фашизм был не чужд Британии... Он не был привезен из-за границы. Фашизм развился на британской почве в соответствии с британскими требованиями». Выступая за сильную империю, английский фашизм придерживался «патриотической программы». «Высказывать предположения, будто британскому обществу были свойственны какие-то особые уникальные качества, предохранявшие его от фашизма... значит проявлять излишнюю самонадеянность... Лучше обойтись... без популярного мифа, согласно которому фашизм был искоренен такими чертами британского характера, как умеренность и терпимость». «Возможно, мы уделяли слишком мало внимания британской “традиции” фашизма и тому, что сформировало ее», — заметил Ричард Терлоу[XLIII].

В действительности влиятельная — если не решающая — часть консерваторов была предрасположена «в целом рассматривать фа-

шистов как защитников установленного порядка во всех частях света, где существовала угроза социализма», — писала Маргарет Джордж. Росс Маккиббин утверждал, что именно «всеобщий страх перед социализмом» объединил в 1930-х гг. британский средний класс[XLIV], чье отношение к самому принципу демократического правления было амбивалентным.

(«В Англии насчитывалась не одна тысяча правых, ждавших своего часа... они были очарованы Гитлером и его Новым порядком» и были готовы поддержать его не только перед войной. Ядро правых, входившее в состав британского истеблишмента и «имевшее, несмотря на свой экстремизм, значительное влияние, с одобрением относилось ко многим начинаниям Гитлера. Страшно даже подумать, что они могли бы предпринять, если бы Гитлер обрел контроль над Британскими островами... у них было очень много общего с врагом», — писал Н. Бетелл в «Войне, которую Гитлер выиграл. Сентябрь 1939 г.».)

Ситуация, сложившаяся в Британии того времени, станет еще более понятной, если вспомнить, что именно в этот промежуток — перед 1914 г. и вплоть до 1920-х гг. — «*Англию обычно не называли демократической страной*: она была "свободной" или же "конституционной", но не, или пока еще не, "демократической"». Преподобный Кристофер Уайвилл (1792) был далеко не последним англичанином, обеспокоенным тем, что расширение избирательных прав сделает «частную собственность и общественные свободы» доступными для «неуправляемого и дикого сброда», а народные выборы приведут к чудовищному хаосу. Стэнли Болдуин, трижды становившийся премьер-министром от консерваторов, заявлял (вплоть до 1937 г.): «Мы должны ограничить избирательные права» [вновь]. Даже Уинстон Черчилль отмечал, что «выборы — и в странах с самой развитой демократией — считаются несчастьем, препятствующим социальному, нравственному и экономическому развитию» (и это несмотря на то, что две трети всех членов британского парламента, избранных между 1660 и 1945 гг. происходили всего лишь из 368 семей)[XLV]. Последнего британского посла в гитлеровской Германии, сэра Невилла Гендерсона называли «представителем «упадочного правящего класса», неспособного смириться с преобразованиями в обществе». В межвоенный период британская «политическая экономика была целиком подчинена... интересам... среднего класса», предвидевшего, что подобные преобразования могли пойти гораздо дальше в случае, если Британия окажет вооруженный отпор экспансии Третьего рейха. Ведь невозможно было провести перевооружение, избежав при этом «чрезвычайного уве-

личения роли организованного рабочего класса в обществе. Ни в коем случае нельзя забывать об этом, говоря о «политике умиротворения» [Гитлера]. В результате, «странная» война [продолжавшаяся до тех пор, пока Черчилль не принял на себя руководство страной в 1940 г. и не спас демократию] явилась попыткой и после объявления войны сохранить порядок, существовавший в довоенные годы»[XLVI]. Порядок, при котором (по словам Невилла Чемберлена, обращенных к королю Георгу VI) «Германия и Англия играют роль двух столпов, на которых держится мир в Европе, и являются оплотом против коммунизма». Не только Бетелл отмечал, что Чемберлен, этот «борец за мир в наши дни» «стремился дать Германии возможность начать экспансию на Восток».

(Несмотря на привычные заявления, особенно популярные в годы холодной войны, сегодня уже нельзя отрицать, что Советский Союз предлагал значительную военную помощь своим чешским союзникам. Именно Россия «предлагала предоставить чешскому правительству семьсот истребителей... Румыния согласилась... пропустить сто тысяч советских солдат до Чехословакии...»)

Фюрер, в свою очередь, нашел понимающего собеседника в лице Невилла Чемберлена, когда пожаловался ему на то, что «он не почувствует себя в безопасности до тех пор, пока не будет аннулирован договор [о взаимопомощи] между Россией и Чехословакией». «Предположим, что... Чехословакия не будет более связана обязательствами помогать России в случае нападения на нее... решит ли такое положение дел ваши затруднения?», — отвечал ему Чемберлен (о чем он сделал запись в дневнике)[XLVII]. Таким образом, Гитлер мог расценивать давление Чемберлена на Чехословакию (и ее союзницу Францию) как подтверждение тому, что Британия не станет препятствовать нападению Германии на Россию, а, возможно, даже активно поддержит такую политику рейха. При этом англичане не могли ожидать нападения немцев на Россию от какого-либо не нацистского правительства.

В результате становится понятным, почему в годы проведения «политики умиротворения» Англия решительно отвергала «все предложения со стороны сильной и влиятельной оппозиции внутри Германии». А британское министерство иностранных дел даже в августе 1945 г. сочло «крайне опасными» послевоенные показания гитлеровского генерала Франца Гальдера о «военной слабости Германии» на момент передачи Невиллом Чемберленом чехословацких укреплений Гитлеру. Действительно, эти секретные показания подрывали доверие к британской «политике умиротворения», ведь Гальдер утверждал, что 21 дивизии Гитлера противостояли 35 хорошо

вооруженных чешских дивизий, что на Западном валу стояло лишь 5 дивизий рейха. Таким образом свидетельство генерала Гальдера подтверждало, что «Мюнхен... стал чудовищным и незаслуженным триумфом гитлеровских методов запугивания. Он [Гальдер] даже рассказал о заговоре [против Гитлера], провалившемся благодаря неожиданному приезду Чемберлена в Германию». Правоту показаний Гальдера подтверждал, например, офицер Берлинского Штаба британского Главнокомандующего Стил. Более всего министерство иностранных дел Британии было обеспокоено возможностью «утечки этой информации... в особенности угрозой ее попадания в американскую прессу и тем, что разглашение этих вредных сведений повлечет за собой... демонстрации, направленные против военных преступлений». Однако, к счастью для Британии и ее престижа, «немецкое общество не стало критиковать англичан за то, что они не поддерживали заговоры против Гитлера», — отметил в 1951 г. начальник политического отдела Главного управления британской оккупационной зоны в Германии[XLVIII].

И действительно, немецкие средства массовой информации не только почти не уделяли внимания критике подобного рода — более того, когда британская пресса сравнила «левого» министра финансов Оскара Лафонтена с гитлеровским гауляйтером (1998), немецкий деятель не стал в ответ напоминать о тайном сговоре Гитлера и Чемберлена. Когда английская «Daily Mail» (та самая газета, которая в свое время более, чем все другие иностранные издания, превозносила Адольфа Гитлера) развернула массовую кампанию против немецкого министра культуры, социал-демократа Михаэля Нойманна, называя его «преемником Геббельса»[XLIX], он, тем не менее, не стал в ответ прибегать ни к одному из фактов, описанных в данной книге. Так как уже начиная с 1871 г. английские модели стали служить образцами для немецких политиков*, а общественное мнение Германии при всех четырех последовательно сменявших друг друга режимах — монархическом, республиканском, нацистском и натовском — относилось к английскому государству как к «высшей политической школе», то напоминания о бесчисленных отсылках Гитлера к британским примерам до сих пор считаются в Германии «оправданием нацизма» и «правым экстремизмом» — какими бы антифашистскими они ни были по своей сути.

Одна из причин такого «забвения» кроется в представлении о «коллективной вине» всех немцев, признание которой стало чем-то

---

* Английское искусство управления государством было предметом зависти немцев, — отмечал в 1926 г. немецкий министр-демократ Отто Гесслер (*прим. автора*).

вроде пропуска в «свободный мир» НАТО, и предпосылкой для «экономического чуда» при Аденауэре. Поскольку в 1944—1945 гг. немецкий народ не восстал против тех, кто привел его к войне и чудовищному поражению (как это отчасти было в 1918 г.), то многие бывшие нацисты смогли войти практически во все институты власти послевоенной Федеративной республики Германии. Их организаторский талант и умение приспосабливаться оказались незаменимы для восстановления послевоенной Германии и «экономического чуда». Одним из следствий приятия бывших нацистов в немецкое общество стало провозглашение «коллективной вины» всего народа: ведь если виновны *все*, то невозможно уже обвинять отдельных лиц. А поскольку *абсолютно все* не могут быть виновны, то делался вывод, что не виновен *никто*. Следование такой логике (которую трудно назвать аристотелевской), довольно часто приводило к различным абсурдным заявлениям. Так, в кругах содружества студентов юридического факультета утверждалось (такие высказывания делались якобы для защиты немецкого народа от обвинений в коллективной ответственности), что коменданту Освенцима Рудольфу Хёссу «был вынесен несправедливый приговор»*. В результате нацистский геноцид очень часто стали рассматривать сквозь призму других несправедливых поступков, совершенных противоположной стороной (или вменяемых ей в вину).

После падения Третьего рейха именно англоязычные победители предложили Западной Германии свои демократические образцы правления. Германия добровольно продолжала зависеть от англосаксонских моделей, игнорируя свои прежние демократические стремления: крестьянскую войну 1524—1525 гг., революции 1848—1849 гг. и Ноябрьскую революцию 1918 г., которая привела к становлению первой современной демократии на немецкой почве. Результатом такого длительного «перевоспитания» стала безоговорочная вера в то, что немецкая история не смогла сама породить демократическое государство, что она была лишь сплошным отклонением от правильного пути и что нацистский фашизм следует считать исключительно немецким феноменом.

Все это, в свою очередь, способствовало закреплению соглашения, согласно которому понятие о «коллективной вине» применялось только по отношению к немецкому народу, — по крайней мере, среди западных союзников. И, естественно, ни одной публикации в Германии не полагалось напоминать наставникам немцев о том, откуда к ним пришли расизм и даже геноцид. В то время как

* 29 марта 1947 г. Хёсс был приговорен в Варшаве к смертной казни и несколько дней спустя казнен в Освенциме.

упоминание о любых русских (не говоря уж о «сербских» или «иракских») образцах для Адольфа Гитлера не вызывает никакого негодования, любая отсылка к британским образцам, которым подражал фюрер, подпадает под жестко регламентированное табу — несмотря на подробные описания подобных «образцов» в английской историографии и на многочисленные заявления самого Гитлера о том, что же послужило для него моделью.

В результате английский перевод следующего текста из книги Ханны Арендт «Элементы и происхождение тоталитарного господства»*: «английское общественное мнение... создало самую плодородную почву для... возникновения биологических представлений о мире, целиком ориентированных на расовые доктрины» — зазвучал таким образом: «английское общественное мнение... стало плодородной почвой для различных натуралистических доктрин, возникших в то время». Комментарии излишни. А «перевод» текста, касавшегося «непреодолимой дистанции [от туземцев], на которой держались английские колониальные чиновники и которая послужила причиной для ненависти к ним...» превратился в следующий эвфемизм: «отчужденность была свойственна всем британским чиновникам». Такой «перевод» отражал, скорее, представления послевоенной Западной Германии, чем Британии. Надо сказать, что и мой собственный текст был «покалечен» подобным же образом. Некий мистер Питер П. Борнхаузен, «тщательно редактировавший» мою лекцию «Представление о Третьем Риме и Третьем рейхе» для публикации, вычеркнул следующие давно известные цитаты из сэра Чарлза Дилка и Герберта Джорджа Уэллса: «голые варвары... спаслись от истребления, потому что европейцы не могли постоянно жить в их климате [в Индии]»; «единственным разумным и логичным решением в отношении низшей расы является ее уничтожение». (Не кто иной, как Тойнби напоминал об этом англичанам еще в 1934 г.)[L]

Аналогичным образом подробнейшая история немецкого антиинтеллектуализма, написанная Дитцем Берингом[LI], откровенно опускает фёлькише (прото-нацистское) заявление Фридриха Ланге (1899) о том, что следование британским образцам, усвоение «духа джентльменов... приведет к тому... что с течением времени образованных людей [среди немцев] будет все меньше... Напротив, мы пройдем через все стадии... воспитания, чтобы научиться владеть миром, и станем на равных с нашими заморскими двоюродными

* Немецкое издание этой книги вышло уже после английской публикации — в 1955 г. под названием "Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft" (*прим. автора*).

братьями, уже владеющими миром... [это произойдет] тогда, когда мы станем похожи на них»[LII].

Поклонник Англии Эрнст Хэкель (1834—1919) утверждал, что «немцы достигли бы гораздо больших успехов в управлении колониями, если бы перестали руководствоваться идеалистическими представлениями». Сам он был очень привязан к Англии и часто посещал эту страну. Эрнст Хэкель в значительной степени способствовал распространению социал-дарвинизма в Германии. Он занимался популяризацией идеи об «аристократических принципах устройства природы», ставшей впоследствии частью доктрины Гитлера, и являлся членом прото-нацистского «Общества Туле». Хэкель называл англичан и немцев двумя тевтонскими народами и мечтал об их союзе — точно так же, как Хьюстон Стюарт Чемберлен, главная работа которого предвосхитила основные установки Хэкеля. Однако немец Хэкель «так никогда и не смог подняться на одну ступень с [англичанином] Хьюстоном Чемберленом (1855—1927) в анналах нацистской истории»[LIII]. Влияние Чемберлена на Гитлера не в последнюю очередь объяснялось псевдовагнерианским освящением понятия «фюрер», придуманным этим онемеченным британцем — духовным лидером наследников Рихарда Вагенра. Именно Чемберлен посвятил Гитлера в «Спасители германской расы», именно он назвал его посланником богов[LIV]. В то же время, преследуя чисто практические цели, Гитлер видел за расовыми доктринами Чемберлена пример, который давало ему мировое господство имперской расы, мировая гегемония Британской империи.

Тем не менее роли Чемберлена как вдохновителя Адольфа Гитлера не уделялось должного внимания — по крайней мере в той степени, в которой оно действительно было оказано. Так, Чемберлена как теоретика нацистского расизма ставили в один ряд с графом Жозефом Артуром де Гобино*. Возможно, такое сопоставление и является вполне адекватным, когда дело касается хронологии становления общеевропейских идей о «превосходстве арийской расы»; однако такое сравнение представляется совершенно необоснованным в контексте расизма Гитлера. Ведь не графа Гобино, а именно Хьюстона Чемберлена назвал «отцом нашего духа», «пионером» нацизма и «первопроходцем» Йозеф Геббельс[LV]. Более того, в 1925 г. газета «Volkischer Beobachter», являвшаяся официальным органом нацистской партии, прославила труд Чемберлена «Основы девятнадцатого века» как «Библию Движения»[LVI]. Гобино же чита-

* Жозеф Артур де Гобино (1816—1882) — французский социолог, писатель и публицист, один из основателей расистской теории и расово-антропологической школы в социологии.

ли в Германии гораздо меньше. Таким образом, хотя именно Гобино первым сформулировал *теорию* расизма во Франции, реализация этой теории на *практике* не началась там. Напротив. Многие отмечали, а среди них и Арнольд Тойнби, что «ярые англосаксонские расисты... считали, будто “романцы” отлично ладят с “ниггерами”», поскольку «“романцы” — весьма сомнительная категория белых людей»[LVII]. Немецкие расисты вообще относились к французской колониальной империи как к негативному прецеденту, как к примеру «расовой дегенерации», явившейся следствием смешанных браков, и потому служившей предостережением. Британская же империя и населявшая ее имперская раса с неизменным постоянством называлась образцом для подражания (который был впоследствии превзойден), она была моделью, которую Гитлер использовал в качестве оправдания.

Исходя из этих соображений, я не стал рассматривать в данной книге влияние, которое французский расизм (*Gobineau*. «Essai sur l'inegalité des races humaines». 4 Vol. Paris, 1853—1855 (немецкое издание вышло в 1898—1900 гг.); *Vacher de Lapouge*. «L'aryen. Son role social». Paris, 1899 (немецкий перевод появился в 1939 г.) оказал на становление нацистской идеологии. В этой книге не затрагивается и (пассивная) роль Франции в поощрении нацистской экспансии — так называемая «политика умиротворения» — поскольку в данном вопросе Франция почти полностью зависела от позиции Британии.

В настоящем издании я стремился сделать факты истории дипломатических отношений того времени, например, факты, приведенные в книге Лейбовитца и Финкеля «Тайный сговор Чемберлена и Гитлера», более понятными, напомнив о некоторых (отнюдь не безызвестных) элементах английской политической культуры. Эта книга не делает никаких открытий, касающихся политической культуры викторианской эпохи и эпохи правления короля Эдуарда VII в Англии. Она лишь указывает на те аспекты британской культуры, которыми восхищался Гитлер и которым он стремился подражать. В этой книге не рассматриваются и те аспекты идеологии Гитлера и нацизма в целом, которые возникли и сформировались вне влияния реальных или воображаемых британских моделей. Было бы излишним говорить о бесконечном количестве «чисто» немецких предшественников гитлеризма: их и так повсюду цитировали в многочисленных изданиях, посвященных Третьему рейху. Но вот настолько же очевидные примеры влияния идей британского империализма на формирование представлений о себе гитлеровской Германии и ее устремлений почти не анализировались — по крайней мере в той степени, в какой они того заслуживают. Однако

необходимо уточнить, что Гитлер радикально «тотализировал» вовсе не тоталитарные британские модели. Таким образом, тематика данной книги практически не затрагивает ту обширную литературу, которая написана о гитлеровском тоталитаризме. Эта книга целиком посвящена влиянию английских образцов на нацистскую идеологию. Ибо, если собрать воедино все немецкие материалы, отражающие только одну эту проблему, получилась бы не такая уж маленькая библиотека.

Я хотел бы поблагодарить библиотекарей Гейдельбергского университета г-жу Филипп и г-на Дитера Кляйна за предоставление дополнительных материалов, д-ра Фрэнка Паза (Нью-Йорк) за возможность работать с некоторыми материалами из США, профессора С. Митра из университета Ноттингема за советы, касающиеся важных источников, о заявлениях Дж. Неру о связи фашизма с империализмом, и д-ра Д. Балза из Гейдельберга, обратившего мое внимание на отрывок о Гитлере и немецкой англофилии в книге Н. Зомбарта «Rendevous mit dem Weltgeist: Heidelberg 1945—1951». А также г-жу Бланку Луз Пулидо за ее неоценимый труд в доведении до ума этой сложной и довольно замысловатой рукописи.

Само собой разумеется, что только я несу ответственность за содержание этой книги, задуманной мной еще в 1948 г.

Мануэль Саркисянц
Мерида, Мексика, июль 2002

Происходящее в Британской империи всегда интересует нас в первую очередь: ведь там... наши наставники...

Карл Петерс*

Я ощущаю, что в английской империи добился положения избранника основательный, медлительный человек с Севера, одной крови со мной.

Ханс Гримм**

---

* Петерс Карл (1856—1918) — нем. колониальный деятель, основатель колонии Германская Восточная Африка, в 1891—1893 г. — рейхскомиссар этой колонии.

** Гримм Ганс (1875—1959) — нем. писатель, автор романа "Народ без пространства", широко использовавшегося в нацистской пропаганде. Долгое время жил в Южной Африке, где занимался коммерцией.

...Для этого у нации должна быть счастливая история нации господ, длиной лет в триста—четыреста — как у англичан.
Генрих Гиммлер

ГЛАВА 1
ЕСЛИ ВЫ НЕ СТАНЕТЕ ТАКИМИ, КАК АНГЛИЧАНЕ, НЕ БУДЕТ ВАМ ДАНО ЦАРСТВО

Сам Гитлер утверждал, что его политика строилась на основе английских моделей. В 1935 г. он заявил: «Только у меня, подобно англичанам, хватит жестокости, чтобы добиться цели». Адольф Гитлер уверял, что образцом для его владычества на восточных пространствах (имелась в виду Россия) служило правление Англии в ее индийских колониях.

За несколько месяцев до того, как Адольф Гитлер начал немецким мечом обеспечивать для немецкого плуга пространство на Востоке*, он напомнил своим «соотечественникам, товарищам по партии и национал-социалистам»: «Я восхищаюсь английским народом. В деле колонизации он совершил неслыханное»[2]. Восхищение Гитлера Англией являлось скорее призывом учиться у Великобритании «непоколебимому стремлению к власти», чем завистью. Пример Британии был для Германии настолько авторитетным, что одно только его упоминание способно было изменить общественное мнение.

Только после того, как Британия объявила войну Германии, Гитлер под аплодисменты слушателей отметил: «Господь Бог создал мир не для одних англичан». Гитлер требовал, чтобы Германия заняла в мире такое же положение, как Англия. Его восхище-

* “Наша цель — не Данциг, — заявил Гитлер 23 мая 1939 года. — Наша цель — расширение жизненного пространства на Востоке”[1]. И это пространство на Востоке должно было стать “германской Индией” (*прим. автора*).

ние этой страной означало скорее не зависть, а призыв к своим сторонникам учиться у Англии ее «всепоглощающему стремлению к власти». Представление об Англии как об образцовой стране настолько утвердилось в Германии, что одной только ссылки на пример Англии было достаточно, чтобы повлиять на общественное мнение.

Еще в 1928 г. он причислял к «народным ценностям англосаксов» именно «устремленность в пространство». Гитлер хвалился: «С 1920 года я со всем упорством... пытался вызвать национальное движение в пользу... союза между Германией и Англией»[3].

Возможно, это было не слишком трудно. В кругах, к которым принадлежал Гитлер, полагали — в контексте «превосходства белой расы» — что «судьба народа объясняется его расовыми качествами... Эти качества наилучшим образом позволяют британцу властвовать над цветными...», ведь «главное — что он умеет "держать себя"»[4]. Задача, как известно, состояла в том, чтобы (и) немцы научились держать себя. Эсэсовцы являлись элитой «новых немцев». Один из фюреров этой организации заявил: «Все то, что мы хотим претворить в жизнь в отношении расы, классов и образа жизни, уже давно существует в Англии»[4a]. Многие немцы придерживались об Англии такого же мнения, что и Адольф Гитлер и его предшественники, которым «еще в XIX веке была свойственна основанная на восхищении любовь-ненависть к Англии»[5]. (Гитлер якобы в 1913 г. лично побывал в Англии, по крайней мере его невестка утверждала, что Гитлер посещал ее супруга Алоиса — единокровного брата будущего фюрера — в Ливерпуле.) О том, что Гитлер относился к Британии как «отвергнутый поклонник», сообщал и аккредитованный в Берлине посол Англии. Ведь в 1934 г. Гитлер воззвал: «Двум германским нациям следовало бы стать друзьями уже под воздействием одного только природного инстинкта». Во всяком случае, отмечено, что «Гитлер до самой смерти сохранил расположенность к англичанам — за их силу и находчивость» (в оригинале — «resourcefulness»)[6]. Даже втянув Германский рейх в войну на два фронта, он оставался «уверенным, что конец войны станет началом длительной дружбы с Англией...» По мнению Гитлера, чувство собственного превосходства у англичанина было развито сильнее, чем у немца. А чувство собственного превосходства «присуще лишь тому, кто имеет возможность повелевать»[7]. Хотя Англия в ответ на соглашение Гитлера со Сталиным объявила войну, это не изменило убеждения Адольфа Гитлера, что «ни один народ... по своим государственно-политическим качествам... не пригоден в большей мере к тому, чтобы владеть империей»[8].

Правда, в наше время Эрнст Нольте показал, что, несмотря на *все свое восхищение Англией*, Гитлер не разобрался в «специфически английской *ситуации*»[9] — что, видимо, мог бы сделать, если бы «руководствовался настоящим английским мышлением». Возможно, Гитлер и не понял ситуации, но похоже, что тем лучше создатель Третьего рейха понял суть определенной британской модели — прежде чем в самоубийственной «спешке», становящейся все более иррациональной и даже апокалиптической, довел эту модель до абсурда.

В Германии аксиома о превосходстве англичан, безусловно, является ровесницей Второй империи. Аргумент, что между авторитетом англоязычного мира и авторитетом немцев существует антагонизм, был выдвинут еще Генрихом Трейчке. Он утверждал, что «для немецкой нации жизненно важно продемонстрировать колониальный импульс»[10]: только «тогда мы станем... благородным народом господ, принадлежностью к которому будет гордиться каждый немец». Зачинатель немецких колониальных аннексий, Карл Петерс, предрекал это Второй, а после и Третьей империи: ведь до сих пор «немец... путешествующий по чужим краям... [был] вынужден повиноваться; англичанин [же] повелевает». Ведь «по естественным причинам англичане развили в себе качества нации господ, и поэтому английское владычество над нашей планетой неудержимо расширяется...»[11] Высказывалось мнение, что английский народ «сплошь и рядом выступает в окружающем мире как народ господ. И английский народ причиной тому, что не романец или монгол задают тон на земле, а именно германцы — германцы, какими мы и сами себя ощущаем». Ханс Гримм, лавочник из Южной Африки и пророк империализма немцев — «народа, лишенного пространства» — объясняет действия англичан (и их немецких подражателей) самыми что ни на есть мещанскими побуждениями:

«Они отправились за море не затем, чтобы спасать свои души, обдумывать великие проблемы и вершить дела для общей пользы, но изо дня в день они стремились получить какую-то скорейшую прибыль — хороший пример... без особой работы и руководствуясь лишь настоящим английским мышлением»[12].

Следующее высказывание — «В том, что касается стиля жизни, Англия... ведет за собой и благородное общество Германии»[13] — явно было сделано еще в разгар первой мировой войны, после того как с 1871 г. восхищение политической мощью Англии вытеснило восторг перед культурой Франции. В самой Франции Гюстав Лебон мог даже не доказывать, что англичане *превосходят* французов:

он сразу приводил объяснения, *на чем* основано это «превосходство»[14]. Как известно, Вильгельм II, движимый в том числе и любовью-ненавистью, пытался подражать Англии (см., в частности, слова кайзера: «Будущее Германии — на воде»). Один немецко-кайзеровский морской офицер у Густава Френсена* в 1904 г. восхищается: «Вон там, за высокими меловыми скалами, живет первый народ земли — благородный, бесконечно умный, храбрый, единый и богатый. А мы? Мы издревле обладаем единственным из их качеств — храбростью. Понемногу мы приобретаем другое — богатство. Усвоим ли мы когда-нибудь остальные — это для нас вопрос жизни»[15]. И в том же духе написана книга под названием «Англия как воспитатель», которая увещевает немецкий народ стать тем, чем он (еще) не является: «Ни один народ столь непрерывно не преуспевал, как английский. Нам бы поучиться у него»[16].

Мне надоело числиться среди парий: я хотел бы принадлежать к народу господ.
Карл Петерс

...Учись у англичанина... как прирожденному властителю претворять волю к власти в жизнь.
Эрнст фон Вольцоген

Потеря статуса и стремление стать «расой господ» благодаря крови и расе

В конечном счете и Гитлер, и Альфред Розенберг, и Рудольф Гесс были убеждены, что народу Англии (неприятие так называемого «западного духа» к нему не относили) суждено принадлежать к расе господ; в свою очередь, в британской Палате лордов в то время сверх меры были распространены прогитлеровские настроения[17]. Ни Альфред Розенберг[18], ни Дарре**, гитлеровский «идеолог» крови и почвы, не желали видеть в Англии торгашеское нача-

* Еще до гордого заявления Френсена, что его “малое дело стало частью... большого дела фюрера, что он, горячо любимый фюрер... ценит это и... уважает” (*прим. автора*). (Френсен Густав (1863—1945) — нем. писатель.)

** Дарре Рихард Вальтер (1895—1953) — с 1934 г. “рейхсбауэрнфюрер” (руководитель сельского хозяйства Третьего рейха). Автор выражения “Blut und Boden” (кровь и почва).

2 Зак. 4322

ло* (в противоположность «героическому»)[19]. Ведь именно английский пример делал идею «расы господ» особенно привлекательной для «вождей по природе», ощущавших потерю власти в результате Германской революции 1918 г.

Буржуа по натуре, утратившие социальный статус после Германской революции 1918 г., — такие, как *Ханс Гримм, который сформировался как торгаш* в расистской Южной Африке, — *стремились компенсировать свою утрату за счет превращения в расу господ по образцу представителей британского расового империализма.* Гримм, немецкий эпигон британских имперских визионеров, полностью признанный только в Третьем рейхе, где его идеи чуть было не воплотили в жизнь, изрекал: «Люди не равны между собой. И души перед Богом также не равны». И не случайно в связи с этим он ссылался именно на *британцев*: «...Когда изначальные силы вновь возьмут верх, мы снова сможем мыслить по-английски, и немцы снова будут мыслить по-немецки». Этот южноафриканский торговец требовал, чтобы был найден некий «путь к новому времени... пока массовое безумие не задушило последнего благородного человека — благородного духом и сердцем». Ведь «Германия должна стать страной господ, где живут подлинные господа... по расе», «миром, где по-настоящему ценят истинных господ»[20]. Благодаря англичанам, провозглашавшим тосты за такой мир, «происходит подъем «расовой» [völkische] Германии»[21]. «...Не идти на Англию... а произвести окуривание и уборку в нашем собственном доме». Добровольческим корпусам (которые, как известно, в 1920 г. в Берлине пытались — в тот раз тщетно — уничтожить немецкую демократию), бригаде Эрхардта** следовало не направляться на борьбу с Англией, а попробовать, как властителям (по мнению этого торговца), «окурить» Германию. Те же, в кого они стреляли, то есть защитники демократии в Германии, для цитируемого нами торгаша-властителя были «моабитским отребьем». Для гриммовской расы господ Англия тоже являлась крестной матерью: «Как вы пытаетесь вырастить из клетки нового англичанина в надежде, что он наведет в Англии чистоту и английский порядок, так мы добиваемся, чтобы немец вновь получил шанс»[22] — для осуществления идеи расы господ на буржуазный манер. Один британский офицер-по-

---

* В противоположность позиции Вернера Зомбарта, назвавшего выпущенный в 1915 г. труд, посвященный полемике вокруг войны, “Торговцы и герои” (*прим. автора*). (Зомбарт Вернер (1863—1941) — немецкий экономист, социолог и историк.)

** Эрхардт Герман (1881—1971) — командир “морской бригады” в составе “Добровольческого корпуса”, отличавшейся крайне правыми настроениями. В начале капповского путча, 29 февраля 1920 г., эта бригада заняла Берлин.

бедитель произнес тост за «две белые нации, два белых народа». В его немецком пленнике (консуле Васмуссе) его не устраивало лишь одно: что тот не англичанин![23]

Высказанная британским офицером мысль отнюдь не является уникальной: сам Адольф Гитлер не раз сожалел, что его немцы во многих отношениях не похожи на англичан...[23А] «Единственная ошибка Гитлера состоит в том, что он не был рожден англичанином», — заявил один из британских эсэсовцев[23а]. Эрнст фон Вольцоген, веривший в звезду немцев, в заключение своих мемуаров 1922 г. привел следующий завет, обращенный «к немцу»: «Как политик учись... у англичанина... как прирожденному властителю претворять волю к власти в жизнь»[24]. Даже во времена Лиги наций англичане открыто говорили о том, что мотивом принятия ими мандата на управление территориями в Африке стал «инстинкт их расы»[24а].

И в апогее британского империализма, когда над империей (еще) не заходило солнце, в основе мировоззрения этой расы господ лежала именно расовая гордость. Один из ностальгических панегириков бисмарковскому рейху (содержащий также клевету на республиканскую Германию) так и называется — «Англия как воспитатель». Ведь его автор, М. В. Л. Фосс*, «учился завидовать им [англичанам] *в их расовой гордости*»[25]. Правда, он «смог осознать, что при определенных условиях можно воспитать властителя и из немца... То, что верно для Англии, верно и для Германии»[26]. Это означало, что немцам следовало *прививать* свойственный англичанам расовый инстинкт — *«естественное»* для англичан чувство своего расового превосходства, сознание расовой чистоты благодаря тому, что от «цветных» их отделяет расовая дистанция (по-английски «colour bar»**. Уже в одной из своих ранних речей (1920) Гитлер приписывал успех, которого Англия добилась в управлении колониями, не только осознанию собственного расового превосходства перед туземцами, но и дистанции, на которой англичане удерживали местных жителей: по отношению к туземцам они вели себя как господа, а не как братья. Всему этому национал-социалисты стремились научить немцев. Гитлеру была свойственна «агрессивная... реакция на чувство неполноценности». Ведь он исходил из нехватки расовой гордости у немцев: «Гордости, основанной на расовой принадлежности, немцы по сути не знали»[27].

---

* Фосс Макс В. Л. (1850—?) — контр-адмирал, автор специальных книг по морской технике.

** Цветной барьер (*англ.*).

Германия должна стать страной господ, где живут подлинные господа... по расе.

Ханс Гримм

От расы господ, повелевающей туземцами, до «окуривания» Германии ради расовой очистки

Несомненно, что уже в основу колониальной расовой политики кайзеровской Германии было заложено подражание британским колониальным образцам: Карл Петерс, один из первых немецких захватчиков Африки, «впитал кое-какие из самых радикальных постулатов британской колониальной идеологии», находясь в Англии[28] — во время «полезного обучения... когда в нем и созрело решение... основать где-нибудь немецкую колонию». «Настала пора как можно скорей усвоить английский принцип: ...его нужно рассматривать как безусловно умный и практичный, и было бы близорукостью не учиться у них этому», — призывал Карл Петерс. Система воззрений, которая сформировалась у него во время долгого пребывания в Англии, помогла ему стать видным политиком и теоретиком колониализма. В результате была основана Германская Восточная Африка[29]: «Мост... соединивший лондонские устремления с немецкой колониальной политикой, в конечном счете и привел к созданию Германской Восточной Африки».

«Я всегда ссылался на британскую колониальную политику как на важнейший фактор»[30]. «Каждый день пребывания» в лондонском Сити — центре тогдашнего финансового мира — «давал мне новый конкретный урок колониальной политики». Так например, Карл Петерс, который стремился перейти из парий во властители, с восторгом принял положение о том, что «многие сотни тысяч людей в Англии могут наслаждаться досугом, потому что на них работают многие миллионы представителей чужих рас»[31]. А «происходящее в Британской империи всегда интересует нас в первую очередь: ведь *там... наши наставники...*»

Таким образом, Пангермания, бросившая вызов «более великой» всемирной Британии, вряд ли могла выбрать более впечатляющую модель, чем британская. Бисмарк утверждал, что период германского «колониального брака с Англией» существовал (в 1889 и 1890 гг.)[32]. Но таких людей, как Карл Петерс, хоть он и был пионером немецкой колониальной политики, намного выше оценили англичане, чем его соотечественники: английские «строители им-

перии» получали от своей нации свободу действий, а Карл Петерс — нет. Ведь в 1897 г. он стал жертвой «травли в Германии»[33]: за злоупотребления властью, выразившиеся в жестоком отношении к туземцам, Карла Петерса уволили со службы кайзера Германской империи.

«Англичане, имеющие опыт Южной Африки», не отрицают того, что «учитывая характер... туземцев, необходимо применять самые жесткие средства их подавления для поддержания дисциплины и порядка» — такой довод еще в 1919 г. выдвинуло имперское колониальное ведомство Германии в ответ на версальский диктат[34]. И именно в лондонском министерстве колоний (Colonial Office) начал изучение английской практики колониального управления заведующий отделом колоний в министерстве иностранных дел Германии, Бернхард Дернбург[35].

Тем не менее известно, что еще в 1911 г. от судебных чиновников в Германской Юго-Западной Африке требовали «больше проявлять расовое сознание»[35a]. Там до 1905 г. не запрещались браки между немцами и неграми[35b].

Один колониальный журнал в позднее кайзеровское время негодовал по поводу «отсутствия расового инстинкта» у немецкой публики: немецкие женщины якобы «увивались» вокруг африканских музыкантов из колоний, гастролировавших по Германии, настолько активно, что колониально-политические поборники расового инстинкта указали немкам на англосаксонский образец. Прозвучали упреки такого характера: немецкие женщины способны считать иностранца — «даже какого-нибудь бразильца» — интереснее земляка, а вот «англичанки, особенно из мещан», считают позором, если их увидят с иностранцем[36]. Так, в 1899 г. британская общественность была возмущена тем, что англичанка Китти Джюэл пожелала выйти замуж за южноафриканского «принца» Лобенгула. «Англосаксонские расы уже давно считают смешение рас бичом цивилизации», — заявила газета «The Spectator». А «Daily Mail» поздравила священников, отказавшихся венчать эту пару, с тем, что они отказались быть «сообщниками... телесной безнравственности». По-видимому, после этого скандала Китти покончила жизнь самоубийством, а Лобенгула был вынужден зарабатывать себе кусок хлеба трудом на шахте[36a].

Именно подобные случаи имел в виду Ханс Гримм («немецкий Киплинг»)[37], требовавший захвата колониальных пространств для лишенных пространства немцев, когда вновь и вновь ссылался на пример Британской империи: *там* «браков между белыми англичанками и даже очень хорошими мужчинами другого цвета кожи

до сих пор никогда не наблюдалось»[38]. «Мы не хотим смешения, и это совпадает... с убеждением... всех британских колониальных политиков, [с] мнением большей части британского народа». Об этом напоминали и национал-социалистские «колониальные пионеры»[39]. Ведь во времена расцвета британского империализма расовая дистанция, которую соблюдали британцы по отношению к своим «цветным» подданным, считалась «источником имперского могущества». Предполагалось, что такая дистанция поможет избежать возникновеня «расового смешения», существовавшего в «вечно мятежной латинской Америке». Поэтому уже в 1869 г. для каждого «англичанина, способствовавшего появлению на свет... смешанной расы» требовали сурового наказания, о чем и сообщалось в «Anthropological Review».

Разумеется, в Третьем рейхе — как оплоте господства белой расы — с восторгом встречали успехи британской колониальной политики, изображая их как блистательные примеры для подражания: «В частности, использовались все средства для предотвращения роста смешанного населения...» Когда «англичанин... простой солдат проявляет в этих делах очень большую сдержанность — это для него жертва, которую он сознательно приносит своему положению и расовым инстинктам»[40]. (Лозунг разрыва дружеских связей с «расово чуждыми лицами» как «жертвы во имя расы» использовался и при насаждении антисемитской доктрины в ранний период Гитлерюгенда.) Таким образом, национал-социалисты оценили, что «[уже] из английского образа мышления... вытекает понятие “раса”, в то время как мы, немцы, [еще]... пишем “народ”». В 1909 г. британские учителя истории получили четкую инструкцию обучать воспитанников в соответствии с этосом *своей расы.* В 1913 г. свойственное англичанам чувство «скажем... легкого отвращения», возникающее при виде кожи другого цвета, посчитали слишком глубоким, чтобы его можно было искоренить. И даже в 1986 г. редактор «Imperialism and Popular Culture» отметил, что «согласно достоверным источникам, население Британии в целом придерживалось и придерживается до сих пор — расистских убеждений»[41]. «В Англии расизм вездесущ». Так гласит набранный крупным шрифтом заголовок в «Stuttgarter Nachrichten» даже *в 1994 году*[42].

А то, что англичане — «германская нация в чистейшем виде», утверждал еще «расовый» (völkische) пророк немецкой веры[43], Пауль де Лагард*, живший во времена Вильгельма[44]. Этот «компли-

* Лагард Пауль Антон де (1827—1891) — ориенталист и культурфилософ, автор книги “Немецкая вера, немецкое отечество, немецкое образование”. Нацистская пропаганда активно использовала его имя.

мент» не остался без ответа с британской стороны: в 1901 г. некто Н. Ч. Макнамара (в книге «Характер британского народа») охарактеризовал Вильгельма II как «истинного германца [genuine Teuton]»[44а]. А самый популярный представитель «расоведения» межвоенного периода, Ханс Ф. К. Гюнтер, в своем «расистском учебнике для высших слоев мещанства» (1927) подсчитал, что доля нордической крови у населения Британских островов выше, чем в самых северных районах Германии. Он превозносил англосаксов как истинно тевтонских завоевателей, которые «благодаря своему похвальному эгоизму» избежали смешения с покоренными народами». Поэтому они и стали властителями мира, — утверждал Гримм[45].

Сам Адольф Гитлер «как германец... предпочитал видеть Индию скорее под английским, чем под чьим-либо другим владычеством». Ведь «lesser breeds» (по сути непереводимое английское понятие, нечто вроде: «низкое [цветное] отродье»), по представлениям Гитлера, дали расово чистой Британской Северной Америке превосходство над смешанной в расовом отношении Латинской Америкой. («Расово чистый германец американского континента» останется хозяином континента до тех пор, пока не «падет жертвой кровосмешения», — заявлял Гитлер в 1924 г. в «Mein Kampf»[46], по сути давая не более чем собственный вариант английской* колониальной максимы[46а]).

В британских доминионах, получивших самоуправление, — таких как Австралия или Британская Колумбия (Канада), цветные представители населения были лишены права голоса. Именно в Британской Северной Америке — в Ванкувере, в 1892 г. — впервые отмечено использование расовой ненависти как мотива для разработки законов, оскорбляющих и унижающих «небелых», и более того — можно проследить, как здесь начал зарождаться лексикон расовой ненависти, предвосхитивший словарь антисемитского «Der Stürmer» Юлиуса Штрайхера: «небелый» (понятия «неариец» еще не было) — «оскорбительное ругательство, означающее в лучшем случае "грязный переносчик заразы"»[48]. Сам Гитлер с сожалением отмечал, что образ Шейлока — «безжалостного еврея» — создан англичанином Шекспиром, а из-под пера немца Лессинга вышел совсем иной образ — Натана Мудрого, гуманного и мудрого еврея[49]: английский классик изобразил еврея в антисемитском духе, а немецкий — в противоположном, филосемитском. Юлиус Штрайхер, «специалист» по юдофобии у национал-социалистов, уже в 1931 г.

* Еще в 1847 г. тогдашний британский премьер Дизраэли, отец британского империализма, постулирует: упадок любой расы неизбежен, если только она не избегает всякого смешения (*прим. автора*)[47].

предрекал «тайное соглашение между Гитлером и Великобританией, которое смягчит финансовое бремя Германии... как [только] Гитлер станет канцлером»[50].

Ведь в конечном счете Адольф Гитлер хотел — с британской помощью (или хотя бы при попустительстве Британии) — сделать из «пространства на Востоке» (т. е. из России) то, чем (в его представлении) для Англии была Индия: «Восточные пространства станут для нас тем, чем была для Англии Индия»[51]. Однако в Индии британский расизм, направленный против небелых, неевропейцев, пошел на спад еще тогда, когда неполноценность последних считалась «(научно) доказанной»[52]. А «недочеловеки» в гитлеровской «немецкой Индии», на «восточных пространствах», были в основном «европейцами», белокожими, и это во времена, когда в международном масштабе расизм больше не считался «научно» оправданным.

Вопрос «смешения рас», который существовал в Третьем рейхе, в период расцвета Британской империи волновал и вице-короля Индии лорда Керзона*. Он решал «вопрос», что лучше для империи — сожительство представителей «имперской расы» (the Imperial Race) с туземцами или «смешанные браки»?[53] (Такие браки серьезно порицались колониальным обществом, начиная со середины XIX века**). К 1870-м гг. туземные женщины могли являться лишь любовницами или проститутками. Однако «межрасовый конкубинат» продолжал оставаться привычным делом в Британской Малайе[53b]. В Британской Бирме и Уганде подобные отношения стали порицаться начиная с 1890-х гг. А после 1909 г. — в противоположность французской колониальной политике — межрасовые сексуальные отношения были запрещены[53c] (хотя к колониям в Карибском море, на Сейшельских островах и на острове Маврикия это не относилось: там белые продолжали сожительствовать с черными[53d].)За это, правда, не отправляли в концлагерь, а «только» исключали со службы или переводили в другое место. Впрочем, уже этого было достаточно для сохранения сравнительной расовой чистоты — ведь для англичан сохранение расовой дистанции по отношению к «расово

* Керзон Джордж Натаниэл (1859—1925), маркиз.

** В Индии в середине XVIII века сами губернаторы Британской Ост-Индийской компании женились на индийских женщинах. В 1778 г. британским солдатам, женившимся на туземках, даже оказывалось материальное поощрение, поскольку эти семьи должны были способствовать росту колониальной армии. В 1807 г., когда мыс Доброй Надежды перешел от голландцев к англичанам, около 10% белых были женаты на "цветных" (3% на чистокровных африканках). Однако после 1800 г. в Индии были более распространены браки между британцами и евразийками, чем британцами и женщинами индийского происхождения (*прим. автора*)[53a].

неполноценным» цветным было более «естественным», чем для соотечественников Гитлера — по отношению к «остменшен» и «недочеловекам» с белой кожей. (Лидер британских фашистов сэр Освальд Мосли утверждал, что поскольку англичане обладают врожденным расовым инстинктом, который предотвращает смешение и ухудшение нации, то, следовательно, нет необходимости в специальных расовых законах. «Если же это врожденное расовое сознание когда-нибудь ослабеет, придется вводить такие законы») Так, при лорде Керзоне британских буфетчиц из Британской Индии (которым трудно было оставаться недоступными для «туземцев» из высших слоев) отправили на родину — как, впрочем, и машинистов локомотивов из англичан, чтобы никто из «имперской расы», никто из англичан не выполнял работу низкого ранга.

Ведь английские представители белой расы должны были составлять «аристократию» белокожих, как чуть позже — гитлеровские «арийцы» — играть роль расовой элиты, «аристократии крови». В Индии «англичанин обосновывал свое право считаться «аристократом» не религией [как при испанском империализме], не образованием [как при французском империализме], не классом [классовой идеологией, как при советском империализме], но принадлежностью к доминирующей этнической группе» (Хатчинс). Поэтому вполне логично, что тесть сэра Освальда Мосли — лорд Керзон (воплощавший «успехи колонизации», столь восхищавшие Гитлера) выражал притворное удивление, что у англичан из низших слоев (простых солдат) такая светлая кожа...[54] Ведь белая кожа на «восточных пространствах» Англии отличала представителей расы господ, а цветная — низшие слои, «the lesser breeds» («низкое отродье»), расово неполноценных. Потому и д-р Карл Петерс хотел, чтобы к нему относились соответственно: «Мне надоело числиться среди парий [деклассированных элементов, несмотря на докторскую степень]: я хотел бы принадлежать к народу господ»[55].

Но мысль, что «и плебеи нашего племени в среде народов низшей расы станут аристократией», «что наконец заложит основы для возникновения заморской немецкой расы господ»[55a], в 1879 г. тоже была уже не новой.

В консервативной партии Англии (и в аморфных социальных слоях ее населения) были люди, считавшие Германию будущим жандармом Европы.

Ян Колвин

Мелкобуржуазный «властитель» как жандарм нации по образцу англичанина — мирового жандарма

Ответ на вопрос, кто служил образцом для немецких колониальных «властителей» очевиден: это была британская буржуазия (в том числе и мелкая), которая в тропических колониях получила возможность усваивать «аристократические» замашки — причем во времена, когда в самой Великобритании аристократия все больше утрачивала власть. «В Англии государственные служащие считались простыми чиновниками, в Индии же они становились губернаторами колонии». Те, кто в самой Англии порой стояли на иерархической лестнице немногим выше, чем прислуга, в Британской Индии как «белые сахибы» могли неограниченно повелевать цветными слугами. (Британский офицер, оказавшийся в Индии, считался настоящим «сахибом», человеком, принадлежащим к расе господ; ему было позволено все (кроме возвращения домой), любой его поступок оставался безнаказанным. Привычка повелевать туземцами превратила англичан в зверей. Даже тон, который они позволяли себе в отношении местных жителей, больше походил на окрик собаке)[55b]. Для колониальных британцев такую ситуацию безусловно можно было назвать значительным «социальным улучшением», хотя они и не обладали тем всемогуществом, какое собиралась присвоить себе элита элит мелкобуржуазного общества «работающих локтями» — гитлеровские СС — для владычества в своей «Индии», на восточных территориях. Сэр Чарлз Дилк, автор «Более Великой Британии», так описывал британского новобранца: «пьяный, не пройдет мимо туземца, не ударив его... обращаясь к офицеру, он кричит: “Да, я рядовой... я знаю, но я джентльмен”». «Невозможно описать, насколько грубыми стали эти пьяные солдаты и моряки... когда приобрели столь непривычную для них власть».

Однако в издании «Более Великой Британии» 1894 г. сэр Чарлз Дилк заявлял: «Наши офицеры рассказывают, что любой туземец, говорящий по-английски, — негодяй, лжец и вор, что... недалеко от истины»[56]. И именно «туземцы» с английским образованием больше всех страдали от своего статуса «низкого отродья» (the lesser breed). В Zulu Land (Южная Африка) даже негр с университетским

образованием вынужден был путешествовать по железной дороге в вагоне для скота. «Черным не разрешалось ходить по тротуарам», — напоминает Ричард Саймондз, написавший книгу «Оксфорд и империя». О самоубийстве одного из цветных рассказывает, например, президент Бирмы Ба У, который был высокопоставленным судьей в Британской Индии[57]. На одной из железных дорог Южной Англии запрещалось продавать цветным билеты на курорты. «Индийцам и ниггерам» был закрыт доступ на многие пляжи, что восхищало корреспондента нацистской газеты «Völkischer Beobachter»: «В 1935 году и некоторые рестораны завели практику тихо и вежливо предлагать клиентам-евреям покинуть заведение», — сообщал он из Лондона.

Правда, в английском расово-сословном обществе, в тропиках империи, число «небелых», которые решились на самоубийство в результате психических травм, вызванных расизмом, было несравненно меньше, чем число «неарийцев», покончивших с собой уже в 1933—1937 гг. (т. е. еще до расцвета эсэсовского государства Гитлера). В 1937 г. — т. е. до начала гитлеровского геноцида, в частности, до истребления евреев — существование британских колониальных расовых барьеров, которые при царящем повсюду расизме создавали атмосферу невежества и панического страха, было названо «неврозом», «сравнимым только с антисемитским комплексом фашистской Германии»[58].

Во всяком случае, несомненно, что Гитлер, поклонник Англии, обязывал свои войска СС учиться именно у британских «властителей» тому, как должен себя вести представитель расы господ, чтобы ограниченными силами держать в страхе целый континент, — учиться, например, с помощью любимого английского фильма Гитлера «Жизнь бенгальского улана». Просмотр этого фильма был обязательным для всех членов СС. А одна эсэсовская газета отмечала, что фильм «Жизнь бенгальского улана» прославляет англичан как раз за то, за что англичане критикуют сторонников Гитлера. Именно на пример поведения англичан в британской Индии ссылались нацисты, когда в своей «Индии» (России) они изолировали русских добровольцев немецкой армии от остальных немецких войск — ведь англичане не разрешали совместную транспортировку своих солдат и туземных наемников[59].

По словам Альфреда Розенберга, гитлеровского идеолога завоевания восточных пространств, «миссия Великобритании» заключается в «обеспечении политического господства белой расы на земном шаре», господства нордической Европы, «Запада, за морем... и где [только] это необходимо в интересах нордического человека».

(Англия должна «сохранить престиж белой расы... в интересах всех белых народов», — писала газета «Völkischer Beobachter».) «В Суэце [Англия] остается защитником нордической Европы* от вторжения сил Передней Азии»[60]. И в розенберговском «Мифе двадцатого века» для автора «не подлежит сомнению то, что Индия нуждается в длани господина над собой»[61].

С другой стороны, то есть с индийской, не кто иной, как Джавахарлал Неру, видел в такой длани европейского господина прототип европейского фашизма. Находясь в тюрьме, куда его привела борьба за права индусов, Неру заявил, что фашизм и империализм являются кровными братьями, а борьба за свободу в Индии — часть мировой борьбы против фашизма и империализма. Неру предупреждал, что расистский фашизм означает применение колониально-империалистических методов и в самой Европе. Это осознавали и британские властители Индии и власти США. Так, фильмы, допускавшиеся к показу в Британской Индии, не должны были затрагивать тему фашизма (поскольку это могло напомнить индусам об их колониальном опыте). Несмотря на то, что британский историк Маккензи (редактор книги «Империализм и культура масс» («Imperialism and Popular Culture»)) справедливо отмечает, что было бы ошибочным в чем-либо отождествлять Британскую империю с фашистскими державами, он же напоминает, что и те, и другие безоговорочно верили в иерархию рас, в превосходство одной расы над другой. В свою очередь, после того, как США вступили в войну против нацизма, американское ведомство «Office of War Information» забраковало проект компании «Metro Goldwyn Myer», собиравшейся снять фильм по произведению Киплинга «Ким», прославлявшему британское владычество над Индией[61а]. (Интересно, что британский вице-король Уиллингтон в 1931 г. назвал себя «чем-то вроде Муссолини в Индии».) Может, и не преувеличивал Неру, утверждая, что «фашизм... уже давно был знаком Индии под именем империализма»[62]. Возможно, утверждение, что колониальная идеология «сформировала *все* принципиальные элементы будущих фашистских идеологий», — слишком сильное. Однако очевидно, что связь последних с первой выявляется даже при самом поверхностном рассмотрении[62А].

(Убеждения подобной направленности выразились уже в 1906 г. в напечатанном в газете «Deutsch-Südwestafrikanische Zeitung» письме читателя: «Что мешает нам использовать эти принципы [естествен-

* Даже в 1956 г., когда египетское правительство национализировало британские доходы от эксплуатации Суэцкого канала, реакция на это во Франкфурте выглядела так, словно на Суэцком канале были ущемлены *немецкие* интересы.

ное право сильного, естественный отбор] не только в колониальной политике, но и во всей политической сфере? Разве расширять территорию за счет слабосильных белых — хуже, чем за счет безоружных черных?..»[62a]) Так, в восстании гереро 1904 г. даже начальник германского генерального штаба фон Шлифен* увидел «расовую борьбу», «которая может закончиться только уничтожением или порабощением одной из сторон»[62b]. «Произошла... обратная проекция колониального государственного терроризма на внутреннюю политику метрополии, а также на завоеванные «восточные пространства»... «Генеральный план Ост», предусматривавший массовое уничтожение тридцати миллионов человек в Восточной Европе, был составлен и рассчитан как концепция колонизации... и апартеида, явственно связанная с колониальной практикой, использовавшейся до 1914 года»[62c].

Очевидно, что и милитаристы колониально-империалистического типа приняли деятельное участие в прокладывании пути к Третьему рейху: в их активе — контрреволюционный подрыв демократии. Наглядный пример антидемократизма колониальной военщины — роль генералов Пауля фон Леттов-Форбека**, защитника «колонизованной» по британским образцам Германской Восточной Африки, и Риттера фон Эппа***, имевшего опыт подавления восстания туземцев (китайцев), который пригодился ему в разгроме Мюнхенской Советской республики 1919 года.

Первый защищал правомерность войны на уничтожение, которая велась в 1904 гг. в Германской Юго-Западной Африке против гереро: он полагал, что восстание такого масштаба сразу же следовало «выжигать всеми средствами»[63]. Еще в 1957 г. Пауль фон Леттов-Форбек хвалился: «Слава богу, я *как африканец* прослыл беспощадным». В 1920 г., после того как немецкий народ сформировал правительство в соответствии с демократической Веймарской конституцией 1919 г., этому герою Африки стало ясно, «что законного правительства нет». Поэтому Леттов-Форбек в том же году принял участие в антидемократическом капповском путче, и всегда гордился этим: «Я отдал *строжайшие* приказы образовать [*такую*] государственную власть»[64] и «запер... в казарме мекленбургское [земельное] правительство» (ведь оно считало себя ответственным перед

* Шлифен Альфред фон, граф (1833—1913) — нем. военный деятель.

** Леттов-Форбек Пауль фон (1870—1964) — нем. военный и колониальный деятель, в первую мировую войну руководил военными действиями в Германской Восточной Африке.

*** Эпп Франц Ксавер Риттер фон (1868—1947) — нем. военный и политический деятель, с 1926 г. руководил штурмовыми отрядами в Баварии, с 1928 — депутат рейхстага от НСДАП, с 1933 — наместник Баварии.

избранным ландтагом, а не перед путчистом — «имперским регентом» Каппом). Леттов-Форбек учредил военные трибуналы и взял на себя ответственность за смерть защитников избранного правительства Германии. «Теперь для Мекленбурга и особенно для столицы этой земли настало время, когда ситуация не слишком отличается от войны в Южной Африке [sic]», — комментировала уже тогда газета «Norddeutsche Zeitung». Демократия на время одержала победу, но земельное правительство (Staatsministerium) Мекленбург-Шверина так и не добилось, чтобы против героя Африки Леттов-Форбека было выдвинуто обвинение в государственной измене[65]: правительство Германии лишь уволило его в отставку из рейхсвера[66]. Натуру вождя, «прирожденного фюрера», Леттов-Форбек видел в собственном сыне...[67]

Имперским наместником «фюрера» в Баварии в 1933 г. стал генерал Риттер Франц фон Эпп — с 1925 г. он был вождем Союза колониальных воинов. Этого вождя колониальных воинов возмущал следующий факт: «Ведь какие колониальные войны вели другие народы, те же англичане, и хоть бы глазом кто моргнул. Почему... немецкий народ должен стесняться?» Участие немцев в китайской кампании 1900 г. (во время «восстания боксеров») он воспринимал следующим образом: нас «послали сюда... чтобы мы сделались господами» над «бесстыжими китайцами». Даже в это время, когда кайзер в подражание гуннам произнес: «Пощады не давать, пленных не брать», Франц фон Эпп сетовал на «слюнявый немецкий гуманизм», «подогреваемый красной демагогией [немецких социал-демократов]». Когда его, уличенного в разбое, уже собирались отдать под кайзеровский военный трибунал, он заявил: «С этим народом господин должен вести себя беспощадно».

И явно не только с *этим* народом (цветных). Ведь его добровольческий корпус, призванный нести «возмездие государственным преступникам», пытался применить методы, опробованные на цветных, и к немцам — жителям мюнхенских предместий, таких, как Гизинг. С 1 по 6 мая 1919 г. немецкие сторонники «красных извергов» оборонялись от спасителей отечества под предводительством Риттера фон Эппа (через восемь лет он станет депутатом рейхстага от национал-социалистов). Риттер фон Эпп сетовал: «В некоторых домах Гизинга огонь по наступавшим вели из всех окон». В конечном счете, его корпус во время боев в Мюнхене потерял пять человек убитыми...[68] После того как «красные изверги» расстреляли *двенадцать* заложников, защитники отечества под командованием этого усмирителя туземцев убили от 400 до 533 «красных» немцев[69].

В борьбе против «подрывного отребья» (уже в Южной Африке) этот будущий наместник Гитлера рекомендовал следовать примеру британских колониальных властей. Британские оценки своих ранних военных успехов он находил особо «достойными» — по сравнению с немецкими[70]. Этому «освободителю» Мюнхена от власти Советов британцы вообще представлялись людьми образцовыми (когда он сравнивал немецкий и английский «колониальный народ»). Настолько образцовыми, что, на взгляд Риттера фон Эппа, «немцу перестают нравиться обычаи его родины, как только он сравнит их с английскими»: ведь у англичан всегда отдают предпочтение отечественному. Образцом истинной расы господ в глазах Риттера фон Эппа делала англичан и обширность их колоний. «Колониальная деятельность — ...выражение величия народов. Пример этого — Англия»[71]. Для Германии, по мнению фон Эппа, старого вождя «колониальных воинов», «национал-социалистское расовое законодательство дает особые возможности» для управления чужими народами в колониях. Пример Великобритании, по его словам, наглядно показывает[72], что «для испытания характера подрастающего поколения» необходимо «заморское жизненное пространство»[73].

Утверждается, что колонизация делает из колонизаторов зверей. Так озверели ли голландцы, озверели ли англичане?
Карл Петерс

Слава богу, как «африканец» я прослыл беспощадным.
Генерал Леттов-Форбек

От расы господ в колониях к фашизму в Европе

Различие между тем, что «происходило в призрачном, наполовину ирреальном тропическом мире колоний и в Европе, состояло в том... что в Европе для разрушения этических стандартов потребовалось несколько десятков лет, тогда как [в тропических колониях] все совершалось со скоростью короткого замыкания» (Ханна Арендт*). Уже у Киплинга стремление «на восток от Суэца» мотивируется так: «лучший [там] — как худший; там нет десяти запо-

* Арендт Ханна (1906—1975) — политолог и философ; занималась еврейским вопросом и проблемами тоталитаризма.

ведей». Там «этот тип процветал» и вел британцев к «зрелости расы». Разочаровавшиеся в жизни и потерявшие цель должны были найти спасение от одиночества и отчаяния в некоем тайном обществе — «Потерянном легионе», цель которого (по Сесилу Родсу) заключалась в установлении власти Империи над всем «нецивилизованным миром». Этот легион должен был состоять из джентльменов, хотя в него могли входить и авантюристы из разных слоев общества. Члены легиона отличались решимостью, жестокостью и преданностью своему лидеру. Это была опасная, бесстрашная и готовая на все команда, братство мужественных людей, закаленных жизнью на границе империи, где они выполняли тяжелую работу во имя Британии. Вот что представлял собой «Потерянный легион», существовавший задолго до СС Гитлера.

О «Потерянном легионе» писал Роберт Макдональд, его прославлял Редьярд Киплинг. Слабовольным нечего было делать на границе цивилизованного мира, только люди с «сердцами викингов» могли победить здесь. «Только на границе могут процветать добродетели варваров. Человек, обитающий на границе, живет по законам Природы: мир — это джунгли, где выживает сильнейший». «Он [сильнейший] ведет себя как истинный англичанин, он сознает, что он — лучший, и может доказать свое превосходство... самым жестоким образом». «Потерянный легион утверждает расовое превосходство, это клуб белых людей». Так империалистическая литература (существовавшая и в 1920-е гг.) утверждала господство белой расы над туземцами, а герои этой литературы (как, например, «Captain Kettle», придуманный Hyne-Cutcliffe'ом и Sanders, описанный Henry Wallace'ом) еще задолго до зарождения фашизма в Европе являлись «фашистами в своем [выдуманном] королевстве»[73А].

Поэтому вполне логичным представляется то, что арестованные нидерландские эсэсовцы во время последней колониальной войны были отправлены в Нидерландскую Ост-Индию защищать западную цивилизацию от цветных «мятежников»[73а], а немецкие эсэсовцы, попавшие в плен к французам, — во Вьетнам.

Уже прежний опыт строителей империализма в тропиках способствовал усилению нигилистического отношения европейцев к более слабым народам. В 1857 г. лорд Элджин говорил об «отвращении, презрении, жестокости... объектами [которых] были китайцы или индийцы»[74]. Период между 1840 и 1860 гг. ознаменовался переходом от «колониального гуманизма» к «эпохе империализма»; на место альтруизма противников рабства пришел цинизм строителей империи. «Утверждая превосходство... белой расы над черны-

ми туземцами... нельзя пользоваться привычными нравственными нормами... [ведь] дикари не понимают доброго отношения».

«Высший слой белых дельцов-империалистов» очень быстро решил, что «с азиатами чрезвычайно выгодно обращаться так же, как с неграми»[75]. А в фашизме — именно в английском (в его «Нордической лиге») — англосаксонское высокомерие по отношению к колониальным народам трансформировалось в претензию на элитарное превосходство «нордической расы» над «средиземноморской» в самом британском обществе[76]. По утверждению одного историка, занимавшегося вопросами расы и империи, для многих англичан ближайшим местом жительства «ниггеров» был уже Кале (или Дублин, «населенный «низшей кельтской расой», эмоциональной и недисциплинированной»)[77].

Считалось, что «примеси... иностранной крови» (французской, ирландской, еврейской) «угрожают врожденному превосходству англосаксонской расы». Англичане не рассматривали французов как белую нацию, ведь подчас цвет их кожи почти не отличался от цвета кожи какого-нибудь брамина из Индии. Ирландцы же с пороками, присущими кельтской нации (в противоположность добродетелям англосаксов) являлись постоянным объектом для критики в литературе викторианской эпохи. Ирландцев — в противоположность англичанам — обвиняли в излишней эмоциональности. «Из всех черт характера, вменяемых ирландцам в вину... эмоциональность... была самой худшей»[77а].

Вывод был совершенно очевиден: «кельтам с их характером необходима власть англосаксов, им необходим порядок, навязанный сверху». А поскольку британские свободы являлись привилегией тех, кто добровольно подчинялся власти, тех, кто способен управлять собой, то кельты попросту не подходили для англосаксонских свобод. И действительно, раз «дикие ирландцы» понимают только силу (как и азиаты), то необходимо, чтобы ими (как и азиатами) управляла превосходящая раса. Такую точку зрения высказывал, например, оксфордский профессор истории Джеймс Фрод. Но даже критиковавший его У. Лекки все же видел необходимость в установлении жесткой формы правления над ирландцами — по образцу британского колониального правления в Индии или даже ориентируясь на самодержавный режим России. И англичане, установившие жесткую власть над Индией, и нацисты, стремившиеся ввести еще более жесткое правление в России, соответственно считали индусов и русских «упадочными», слабыми народами. Такого же представления англичане придерживались и в отношении кельтской нации. Таким образом, и русских и кельтов следовало исклю-

чить из Европейской федерации, о чем говорил Роберт Нокс, утверждая, что «кельтская и русская нации... презирающие... труд и порядок... стоят на низшей ступени человечества»[77b].

Действительно, кельты, по мнению англичан, стояли на столь низкой ступени развития, что их описывали как «наполовину людей, наполовину обезьян». Англичане часто проводили параллели между обезьянами, дикарями и ирландцами. Так, в 1845 г. Джеймс Фрод уверял, что он встречал ирландцев, которые больше смахивали на грязных обезьян, чем на человеческие существа. А в 1860 г. популярный британский писатель Чарлз Кингсли (1819—1875) жаловался на то, что в Ирландии его «преследовали толпы человекоподобных шимпанзе». «Вид белокожих шимпанзе ужасен, будь у них черная кожа, было бы легче...»[77c]. Ирландцев приравнивали также к свиньям, китайцам, маори и готтентотам. А «ученый» Джон Биддоу полагал, что предками ирландцев были негры. Даже «социалисты» Сидней и Беатриса Уэбб называли ирландцев «отвратительной нацией»: «мы ненавидим... ирландский народ так же, как и готтентотов». В 1891 г. отставной британский чиновник, служивший в Индии, утверждал, что он не может относиться к ирландцам как к белым людям[77d]. А Томас Карлейль (во время Великого голода 1847 г.) советовал выкрасить два миллиона ленивых ирландских попрошаек в черный цвет и продать их в Бразилию под видом негров.

Раз уж и ирландцев англичане считали черномазыми, то про местное население Индии и говорить нечего[78]. После мятежа 1857 г. индусов непременно называли индийскими «ниггерами»[78a]. И именно это «определение» вошло в заглавие эссе, принадлежащего перу столь крупного английского мыслителя, как Томас Карлейль: «The Nigger Question» («Вопрос о черномазых») (1849). Он считал, что «ниггер — это единственный болван [blockhead], единственный дикарь из всех представителей цветных рас, который не вымирает, столкнувшись с белым человеком». По мнению Карлейля, Всевышний предназначил «ниггерам» участь рабов, «рабов тех, кто родился их господами» — «чтобы благодетельный бич принуждал их трудиться». «Черный имеет бесспорное право — быть принуждаемым к работе вопреки своей природной лени. Худший господин [для него] лучше, чем вообще никакого господина»[79]. Таким образом, порабощение для негров естественно; и если гражданская война в США освободит их, они погибнут. В Англии того времени отношение к освобождению негров было резко отрицательным, поскольку британский консерватизм только усиливал расизм англичан. В Англии Линкольна высмеивали до самой его кончины. Гражданская война в США (1861—1865 гг.) усилила расовую гордость британцев.

Даже столь разные люди, как Теккерей и Дизраэли провозглашали одинаковые лозунги о солидарности англосаксонцев и избранности английской расы на Юге США[79а].

Поэтому Карлейль клеймит гуманитарные организации и общества, борющиеся за отмену рабства, называя их «обществами за универсальную отмену боли», высмеивает их как «союзы защиты негодяев» («Scoundrel Protection Society») — задолго до того, как выражение «слюнявый гуманизм» вошло в лексикон немецких публицистов. Предвосхищая слова Гитлера о «пацифистском хныканье», англичанин Томас Карлейль уже в 1849 г. «обосновывает» неуместность «сентиментальности» по отношению к расово чуждым элементам тем, что ведь и белые (то есть его соотечественники в Англии) голодают[80]... Предвосхитил он Гитлера и в другом: согласно Карлейлю, ни один черный не вправе возделывать для собственных нужд «землю, где покоятся останки могучих англичан, землю, пропитанную британской кровью» — «разве что на условиях, продиктованных Британией»[81]. Карлейль, в частности, имел в виду Ямайку. Ямайским диктатором он хотел видеть Эдварда Джона Эйра, который в 1865 г. в качестве демонстрации силы приказал убить 586 негров, чтобы «предотвратить» их восстание (подобное тому, которое произошло на Гаити в 1804 г. и закончилось победой негров) и «резню европейцев»[82].

Сходным образом и европейцы, которые жили в колониях, в зловещем мире тропиков, ощущали свою смертельно опасную изолированность, безнадежно уступая по численности массам туземцев; психология панического страха, порожденная постоянной угрозой для жизни, также побуждала их использовать для поддержания власти методы фашистского типа.

Не один Неру — под впечатлением глобальной войны против фашистского расизма — ассоциировал расистский колониальный империализм на Востоке с фашизмом. Силы движения Сопротивления в Бирме, объединившиеся под названием «Антифашистская лига народной свободы», в 1946—1947 гг. боролись против восстановления чужеземного британского господства, причем определение «фашистский» они относили и к британским колониальным властителям с их расистской политикой. (К организации фашистского толка «English Mistery»* принадлежал и губернатор Британской Бирмы Дорман-Смит, который в 1947 г. безуспешно пытался не допустить провозглашения независимости в стране.)[83] А когда англичане (вместе с Францией и Израилем) напали на Египет в октябре 1956 г., радио Дамаска объявило (по-французски), что *так*

* Ср. прим. 936—937.

же, как Сталинград стал могилой фашизма, Порт-Саид станет могилой империализма...

Основанием для того, чтобы ассоциировать фашизм и Третий рейх с колониальным империализмом — самой известной и основной формой которого был британский империализм — остается расистское понятие «раса господ». Ведь равноправие в Британской империи было «жестко привязано к этнической исключительности, оно основывалось на откровенно постулируемом принципе... верховенства расы завоевателей»* [84]. (И многие азиатские ученые и ученые из стран третьего мира полагали, что холокост явился абсолютно логичным продолжением того насилия, которое испытали на себе туземцы во всем мире.) Расово ориентированный империализм исходит из того, что человеку недостаточно заявлять о своей причастности к какой-то нации и культуре, чтобы принадлежать к ним: он должен быть кровно связан с этой нацией. Поэтому так называемых «инородцев» из колоний и в европейской метрополии следует угнетать как людей «низшего ранга»[84b].

Среду, где такой имперский расизм усугубляется, развиваясь в направлении гитлеровского геноцида, Ханна Арендт обнаруживает на Черном континенте, в «колониальном» экзистенциальном чувстве тревожности африканской жизни: «Призрачный мир черного материка... как бы театральная декорация... человеческой жизни, которая казалась совершенно нереальной, а потому преступление [против нее] превращалось в ирреальную игру без последствий. Нечто неясное и призрачное... гибнет с комической гротескностью. Убивая туземца, уничтожали не человеческое существо, а призрак, в реальное существование которого и без того невозможно было поверить. Действие происходило не в некоем мире, а «просто в театре теней». В театре «теней, сквозь который господствующая раса... могла идти напролом, преследуя свои цели». «Мы были отрезаны от окружающей действительности, мы не воспринимали ее; она скользила мимо нас, как призрак... Земля казалась какой-то неземной... а люди... нет, они не были человеческими существами». «Это были «дикие твари», лишенные свойственных человеку черт... и потому, истребляя их, европейцы не осознавали, что совершают убийство...» в этом «населенном призраками черном мире»[85]. Правда, чтобы подобные экзистенциальные взгляды могли оказать заметное влияние на бесчисленные «теории фашизма», тре-

---

* “Цветные” не имели права голоса в британских доминионах. Еще в 1912 г. на государственную службу принимались лишь лица “*чисто* европейского происхождения”. А в 1930 г. один британский судья в британской Бирме был практически отстранен от должности, потому что жители колонии — англичане — не могли выносить его расовой беспристрастности (*прим. автора*)[84a].

бовался хорошо развитый гносеологический базис, лежащий в основе мировоззрения. Однако даже простое наблюдение из жизни тех же тропических колоний показывает, что доля расистов или же нацистов среди европейцев в колониях была выше, чем в среде тех же наций в самой Европе. Убежденные расисты протофашистского толка в английских колониях были представлены более широко, чем в самой Англии. Сама атмосфера в британских колониальных поселениях способствовала рождению и процветанию фашистских идей. Принадлежность к британской нации в Африке, Азии, Вест-Индии давала такую власть, о которой у себя на родине колонисты и мечтать не могли. В результате колонии оказались раем для сторонников авторитарного стиля правления[85а].

Британские фашисты объявляли себя борцами против тех, кто стремится разрушить Британскую империю (т. е. де-факто собирались защищать интересы англичан из колоний). Они подчеркивали, что ради сохранения Британской империи следует бороться «против всех... революционных движений, способствующих в настоящее время... разрушению... империи». Узы, связывающие английский фашизм с имперским расизмом англичан-колонистов, проявляются в том, что целый ряд британских «фюреров» был, так или иначе, связан с колониальным империализмом. Так, некий Арнольд Спенсер Лиз (1878—1956) из Имперской фашистской лиги (Imperial Fascist League) (возникшей в 1928 г.) служил на северо-западной границе Британской Индии (и в Кении). А придерживавшийся фашистских убеждений граф Портсмутский являлся представителем расистских британских колонистов Кении* [86]. И как раз «за вирулентный антисемитизм и расистско-фашистские воззрения его в первую очередь следует назвать английским Гитлером»[87]. Его «Расовый инстинкт» обострился вследствие пребывания в колониях: в Индию он приехал с расплывчато-либеральными убеждениями, но там «прочувствовал», что «расовая элита» призвана руководить, что «два сапога не пара». Так одно лишь проживание в колонии сделало из Лиза фашиствующего экстремиста[88]. Фюрер «Лиги верноподданных империи» («League of Empire Loyalists») А. К. Честертон, был пропагандистом Британского союза фашистов (British Union of Fascists) — лиги арьергардных борцов с распадом британской колониальной империи, союза, особо тесно связанного с бывшей администрацией колоний. Его члены нередко разгоняли собрания организаций вроде

* Во время чрезвычайного положения 1952—1954 гг. британские фашисты рекомендовали расстрелять 50000 туземцев-кикую, а за каждого убитого европейца вешать по сто туземцев (*прим. автора*).

«Движения за свободу колоний» или «Общества против рабства» — совершенно в духе Томаса Карлейля и с помощью британских фашистов сэра Освальда Мосли[89], зятя вице-короля Британской Индии лорда Керзона.

Среди французов в колониях расисты протофашистского толка также встречались чаще, чем во Франции; доктрина национал-социализма в голландских колониях была распространена больше, чем в самих Нидерландах — и среди немцев, живших в колониях, процент убежденных приверженцев Адольфа Гитлера (или его союзников — немецких националистов-консерваторов) был выше, нежели в самой Германии времен Республики*.

Альфред Розенберг был родом из прибалтийской немецкой колонии Лифляндия, Рудольф Гесс родился в оккупированном британцами Египте. Герман Геринг, как известно, был сыном одного из наместников Германской Юго-Западной Африки, другом которого был Сесил Родс[90], кумир Карла Петерса, служивший ему образцом того, как любой поступок, совершенный ради личной выгоды, можно изобразить деянием патриотическим и потому достойным гордости. Петерс считал себя, так сказать, немецким Сесилом Родсом:

«Я верил, что во мне есть силы, чтобы проводить современную колониальную политику — по английскому образцу, как Сесил Родс...» А Сесил Родс обещал своим землякам, что «закрасит на географической карте красным цветом Британии столько, сколько сможет... по всей земле»[91].

Родс как один из первых создателей британской колониальной империи в Африке и пророк владычества английской расы господ во всем мире стал примером для немца Карла Петерса: в проекте своего завещания Сесил Родс предрекал мировое господство «нордической» расы и (в качестве первой стадии) «распространение британского главенства в мире» — включая британскую колонизацию всей Южной Америки, колонизацию всех стран, в частности, захват всей Африки, побережий Китая и Японии, и окончательный возврат Соединенных Штатов как «неотъемлемой части Британс-

* "Личное знакомство" автора с национал-социалистскими идеями произошло в 1941—1945 гг. в Тегеране благодаря почти ежедневным беседам о политике с одним африканским немцем, который воевал под началом Леттов-Форбека. Тот не только взял себе персидское имя, но и принял ислам, однако так и не отказался от убеждений, что "папа не сделает и шага без позволения верховного раввина", что Гете (будучи масоном) "отравил националиста Шиллера" и что Адольф Гитлер увез с собой оружие "Фау" в Японию на подводной лодке... На СДПГ он был сильно обижен за то, что "они требуют выдать всем неграм шерстяные носки..." (***прим. автора***).

кой империи»[92]. Завещание Родса гласило, что «лишь тайное общество, постепенно поглощающее богатства мира», может реализовать эти идеи на практике[92a].

В Оксфорде Сесил Родс выучил, что англичане как раса принадлежат к «людям лучшей нордической крови». «Англия должна завладеть каждым куском... свободной, плодородной земли...». Родс был уверен, что Бог желал господства англосаксонской нации, «а лучшим способом помочь Господу в его стараниях... являлось сотрудничество с Ним в возвышении англосаксонской расы». Так, в 1877 г. Родс в своем завещании указывает, что некое тайное общество должно установить мировое господство нордической расы, «работать во имя распространения в мире власти британцев»[93]. «Думаю, что сам Господь желает, чтобы я действовал так, как действует Он сам, — писал Сесил Родс. — [«Родс не оставлял места для возражений. Настаивать на том, что правда всегда означает добро, было пустой тратой времени», — вспоминал один его собеседник.] А так как сам Всемогущий определенно превращает англоязычную расу в свое избранное орудие,.. он желает, чтобы как можно больше территорий на карте мира я окрасил в британский цвет... — чтобы распространить влияние англоязычной расы»[93a]. Вплоть до настоящего времени родсовские стипендии служат консолидации элит англосаксонской расы и вообще *нордических* элит*. Присутствие стипендиатов Родса в Оксфорде прививало там расовые предрассудки, способствуя их росту в Кембридже[93b]. (Кстати, среди качеств, необходимых для стипендиатов, Родс особо отмечал «брутальность»).

«Какое счастье — родиться англичанином в мире, где миллионы родились не англичанами». «Туземцев» же следует изолировать от «избранной» англосаксонской расы и вообще от «белых» — настаивал Сесил Родс[94].

Даже миссионеры не должны были обучать туземцев, поскольку из последних выходили лишь «проповедники для кафров и редакторы газет» — «к тем и другим Родс чувствовал выраженную неприязнь». Адольф Гитлер позже так же яростно высказывался против просвещения представителей «низшей расы». Задолго до него Сесил Родс выступал против введения избирательного права для негров, именно оно, считал он, привело к бунту «черных» на Ямайке в 1865 году. И вообще, по его мнению, «туземцы... не должны много позволять себе», — при национал-социализме такая точка зрения считалась особенно похвальной[95]. Так было суждено испол-

---

* Интересно, что начиная с 1939 г. родсовские стипендии стали давать и индусам, чего Родс и предположить не мог (*прим. автора*)[93c].

ниться словам «историка», писавшего: «нерожденные еще поколения почитали его память; и пусть беснуются враги Английской империи». И правда же, «как могут жалкие бедняги понять волю Сесила Родса к властвованию, горевшую в голубых глазах этого белокурого англичанина с чертами ястреба», — вопрошал Ханс Гюнтер. «Нам суждено быть властителями над ними. Нам суждено быть властителями над ними... Быть властителями над ними, и пусть они станут покоренной расой»[95а].

И в том же духе Сесил Родс, этот светоч африканских немцев в их имперских устремлениях, заявлял следующее: по отношению к «варварам из Южной Африки нам следует применять систему [британско-]индийского деспотизма». С удовольствием он брал на себя и задачу поучать английский народ, укрепляя в нем имперскую веру. В 1895 г. он выдвинул доктрину, согласно которой для «расового единства» первостепенную важность имеют прибыли с колониальных территорий[96]. Сесил Родс совершенно открыто заявлял: «Я поднял глаза к небу и опустил их к земле. И сказал себе: то и другое должно стать британским. И мне открылось... что британцы — лучшая раса, достойная мирового господства»[97] и, прежде всего, господства над Африкой, мрачным Черным континентом экстатической тревожности, ожидающим, когда его укротит раса господ.

Оргиастическое вожделение черного мужчины к белой женщине — т. е. коллективное бредовое представление об этом — стимулировало расово-сексуальную ненависть белых к цветным. Вплоть до политики апартеида в Австралии (считалось, что там, как и в колониях, британская раса представлена лучше, чем в космополитической и «зараженной ниггерами Британии»)[98]. Вплоть до рифмованной краткой молитвы австралийского «поэта» Генри Лоусона* о «силе веры», которая позволила бы ему *убить собственных женщин, «чтобы уберечь их от поцелуя [цветного] прокаженного»*. Еще в 1921 г. подобный «идеал» белокожей Австралии считался «национальным идеалом» — при полной его поддержке со стороны британской расы[99]. Подобная одержимость «кошмаром» ненасытного, недочеловеческого сладострастия, свойственного неарийцам, нашла свое продолжение в подстрекательствах национал-социалистского «Stürmer» с его стереотипами «еврейской похотливости»: эта газета, единственная, которую не было скучно читать Гитлеру (по его словам), напоминала (под заголовком «Volksjustiz» («Народное правосудие»)), что лучший способ подвигнуть толпу на суд Линча — обвинить черного в изнасиловании белой женщины[100].

* Лоусон Генри Арчибалд (1867—1922) — австралийский поэт и писатель.

В результате английское общественное мнение... создало плодородную почву для появления несчетного множества мировоззрений биологического типа, ориентированных исключительно на расовые доктрины.

Ханна Арендт

Национал-социализм... выводил многие свои расовые догматы... из британских научных постулатов девятнадцатого и начала двадцатого века... Из таких воззрений вытекало мнимое превосходство англосаксов.

Ричард Терлоу. «Фашизм в Британии»

ГЛАВА 2
ВДОХНОВИТЕЛИ ГИТЛЕРОВСКИХ «ЖЕЛЕЗНЫХ ЗАКОНОВ БЫТИЯ»

Нация, назначением которой было властвовать над низшими расами.

Сомервилл. «Духовные течения в Англии»

Англия, которая, завоевав мир, вступила в контакт с более слабыми расами, подверглась искушению — в проклятой гордости кровью и цветом кожи, гордости империей — позабыть, что это не отменяет, а лишь усугубляет долг сохранять человечность.

Р. Босуорт

[*Согласно Мильтону*] *самый могущественный и успешный империалист — Бог.*

Джон Мартин Эванс

Ветхозаветная избранность Англии

Итак, именно англичанин — причем высокопоставленный представитель церкви — возвестил: «Окраска кожи негра составляет непреодолимое препятствие к тому, чтобы его *можно было допустить в наш род* [species]»[101], предвосхитив гитлеровские «железные законы бытия» и идею избранности «провидением».

В свою очередь, колоссальное влияние социального дарвинизма на расовый империализм Англии было связано и с давними стремлениями подобной «науки» «биологически» обосновать принадлежность англичан к высшей расе, обосновать присущее им сознание своей избранности, которое вытекало из их буржуазного пуританства и стало составной частью «необиблейского» представления о высокой миссии Англии. Мало того, что социальный дарвинизм хорошо сочетался с кальвинистским пуританским учением о предопределении («Некоторых Я избрал по особой Своей милости, поставил их выше всех прочих; такова Моя воля», — вот какие слова приписывал самому Богу Джон Мильтон): Ричард Хофстедтер даже назвал социал-дарвинизм натуралистическим кальвинизмом[102].

Сила — это право («Might is Right») — знаменитый догмат Карлейля, постулированный во имя ветхозаветного Бога. Этот догмат призывает: поражай «невежество, глупость и грубость ума*... — хотя бы только с тюрьмами, виселицами... поражай их... неустанно... во имя Бога... Всевышний Господь... повелевает тебе это»[103].

«Если ты хочешь вытащить человечество, пусть не в небеса, а хотя бы из ада, — вышиби его оттуда», — призывал набожный каноник (canon) Чарлз Кингсли** [104]. В доказательство этой мысли сей британский слуга божий приводит в пример самого Бога: «Когда Карл Великий повесил четыре тысячи саксов на мосту через Везер, не благословил ли Бог этот ужасающе справедливый приговор? Вы верите в Ветхий Завет? Конечно; тогда скажите, как понимать уничтожение хананеян?» Это уничтожение автор рассматривает как прецедент, оправдывающий переход от необходимой самообороны к самой настоящей бойне, как, например, на Северном Борнео***: «Истребить одно племя, чтобы спасти целый континент, — значит ли это «пожертвовать жизнями людей»? Пусть докажут, что это жизни *людей*. Это жизни хищных зверей. Эти даяки приняли облик зверей». «Вы, малайцы и даяки Саравака, вы... враги Христовы..., вы звери [beasts], тем более опасные, что обладаете получеловеческой хитростью». (Даже организатор движения бойскаутов, Баден-Пауэлл уже в 1899 г. утверждал, что лучшим спортом, который поможет справиться с «дикими зверьми человечества» является «охота на людей».)

---

* В оригинале: “ignorance, stupidity and brute-mindedness” (*англ.*).

** Кингсли Чарлз (1819—1871) — англ. священник, поэт и романист, с 1869 г. каноник; в политическом плане — приверженец империализма.

*** Речь идет об истреблении пиратов, не имевших пушек, при помощи артиллерии (*прим. автора*).

Точка зрения, что русские (на «восточных» пространствах) — это «зверолюди» (Tiermenschen), а евреи — как «недочеловеки» — вообще не люди, как известно, была неотъемлемой частью психологии массовых убийств, совершавшихся национал-социалистами.

«Я гоняюсь за врагами моими и истребляю их, и не возвращаюсь, пока не уничтожу их; И истребляю их, и поражаю их, и не встают, и падают под ноги мои» (Вторая книга Самуила, 22: 38—39 (хвалебная песнь Давида)), — продолжает Кингсли, английский священнослужитель, в 1849 году[105].

И таким образом «расизм, санкционированный ветхозаветным пуританством и социальным дарвинизмом, создал атмосферу, в которой обычный контроль над животным началом в человеке мог значительно ослабеть»[106].

Англичане — согласно классическому английскому историку, занимавшемуся войной за независимость Индии 1857 года — были готовы, как в Ветхом Завете, «убивать каждого, разить в плечо и бедро»[107].

Именно после этого «мятежа» индийцев стали называть «черномазыми», о них заговорили с «полным презрением и настоящей ненавистью». Мятежных индийцев «теперь стали относить к низшим формам жизни — наравне с крысами, змеями, насекомыми»[107a]. «Ни один цветной не мог чувствовать себя в безопасности... потому что британцы стремились убивать всех «туземцев» без разбора...» *Подозреваемых* в участии в мятеже или сокрытии бунтовщиков вешали, насаживали на штыки, расстреливали. В 1857—1858 гг. в Дели британские солдаты, по всей видимости, подкупали палачей, чтобы те продлили мучения приговоренных к повешению; им очень нравилось наблюдать, как осужденные танцуют «хорнпайп»*, извиваясь в смертных судорогах[107b].

«...Британские солдаты даже слишком старались, исполняя приказ не щадить никого старше 16 лет (естественно, за исключением женщин)». После подавления мятежа в одном только Джханси было убито около пяти тысяч индийцев — в несколько раз больше, чем всех британцев, погибших во время восстания. В то же время большая часть информации об ужасных преступлениях индийцев, распространявшаяся в Англии, была очень далека от правды. На самом деле сипаи почти или даже вовсе не совершали никаких зверств. И все же британское общественное мнение единодушно отказывалось «понять англичан, симпатизировавших черномазым». А некоторых из подсудимых мятежников вынудили предстать перед судом

---

* Хорнпайп (hornpipe — *англ.*) — название английского матросского танца.

с завязанными ртами, и, таким образом, они были лишены возможности отвечать на обвинения[107c].

«Что касается черномазых, так большинство действительно желает уничтожить всех обладателей черной кожи, независимо от того, друзья они или враги», — в 1896 г. писал из будущей Южной Родезии своим родителям британский очевидец событий[107d].

При этом протестанты полагали, что «общепризнанная чистота помыслов могла освободить англичан от моральной ответственности за кровь, пролитую во имя соблюдения империалистических интересов»[107e].

С другой стороны, британский историк Мэнген характеризует проповедь, произнесенную в день памяти Ватерлоо (издана в 1899 г. под заголовком «Божественное руководство нациями»), следующим образом: она «пропитана кровью ветхозаветных битв, наполнена расистской бранью, отличается чувством самодовольства благодаря островному высокомерию... шовинизму, ханжеству и расизму»[108].

А вдова каноника Чарлза Кингсли вспоминает с гордостью: «Его глаза обычно светились и наполнялись слезами, когда он вспоминал, как впервые услышал — чтобы никогда не забыть — бряцанье офицерских сабель и шпор, мерный топот ног солдат, входивших строем в церковь; эти звуки потрясли его подобно звукам труб» [Страшного суда?][109]. «Военная история нашей расы всегда волнует кровь», — напоминал британский историк Уильям Фитчетт (еще в 1910 г.)[109a].

«Британский шовинизм (усиленный элементами, в скрытом виде присутствовавшими в пуританстве)... за несколько мгновений превратил таких людей, как Кингсли и... Карлейль, в [почти что гитлеровских] штурмовиков (sic)». Такую формулировку дает Хотон[110].

Статус человека предполагает равенство, а поскольку было объявлено, что некоторые представители человечества в глазах Бога не должны обладать равными правами с остальными, то их вообще перестали считать людьми. Им как бы и не было предопределено быть человеческими существами.

Во всяком случае в 1936 г., т. е. в начальный период существования Третьего рейха, национал-социалисты — именно в контексте «владычества белой расы» — признавали избранность англичан: «Коль скоро англичанину несомненно удалось занять ведущее положение внутри белой расы и повсюду предстать перед цветными представителем Европы как таковой, нельзя не... признать, что он... предназначен расой (sic) для выполнения этой задачи»[111]. «При этом важнее всего, что религиозное учение о предопределении (почерпнутое ими из Ветхого Завета) трансформировалось у них в выра-

женное расовое сознание. Уже не как протестант, но как англосакс он [англичанин] считает себя избранным для власти над миром... Власть над миром стала для него важнейшей частью его земного призвания»[112].

«...Свои притязания на роль единственного избранного народа они воплощают в жизнь с ветхозаветной силой и даже жестокостью»[113]. В оде к Океану, написанной Э. Юнгом в 1728 г., говорится: «Небеса повелели... дать вам владычество над человечеством»[113a].

О том, что избранные орудия должны сохранять свою избранность «в духе Ветхого Завета», вновь напомнил премьер-министр империалистической Великобритании — Бенджамин Дизраэли в 1870 г.[114] Наконец, Редьярд Киплинг — бард английского расового империализма — торжественно объявил англичанам: «Воистину, вы происходите из Его (sic) Крови»*. Основой «уникальности» имперской идеологии Англии была именно британская кровь. Ведь еще задолго до Гитлера британское общество обосновывало претензию на свою гегемонию в империи[116] именно своей расовой чистокровностью.

Нацисты (даже в 1940 г.) с восхищением признавали британскую мотивировку избранности английского народа, основанную на «духе расы» и «узах крови, которые связывают предков и потомков», мотивировку, основанную на избранности самой Судьбой[116a].

Чисто теоретически Генрих Гиммлер мало что добавил к этому (зато намного больше — на практике), когда произнес: «Пока жива наша кровь, наша нордическо-германская кровь, на сем земном шаре Господа Бога будет порядок»[117]. А Ветхий Завет, похоже, ничуть не помешал Адольфу Гитлеру «вспомнить» следующее: «Не может быть двух избранных народов. Мы — народ Бога. Разве этим не все сказано?»[118]

Кое-что, конечно, этим сказано. Сказано, каким образцам следовал он — он и его «провидение».

Еще в XVII веке отождествление Англии с библейским Израилем, представление, что Англия связана с Богом особыми узами, являлись общепризнанными, особенно в среде пуритан. Считалось, что «англичане, как некогда иудеи, — избранный народ Бога»[119]. «Англия как Новый Израиль... избранна и уникальна», — в 1580 г. провозгласил Джон Лили[119a]. Уильям Саймондз в своей проповеди в 1607 г. связывал завет Бога с Авраамом «с английской нацией, избранным народом нового времени <...> с замыслом Бога об избранном народе». Подобно тому, как «сыны Израиля изгнали хананеян... англичане должны были вытеснить язычников с их земель

* «Truly... ye come of The Blood»[115] (*англ.*).

в Новом Свете». В 1613 г. Самуэль Пёрчаз также провозгласил, что британская нация является избранной[119b]. Известно, что и Оливер Кромвель считал не весь христианский мир, а именно английский народ, «народом Бога», Новым Израилем, сражающимся в битвах Господних. В 1653 г., произнося свою первую речь в парламенте, Кромвель заявил, что Англия была призвана Богом, как когда-то иудеи — чтобы править вместе с Богом и исполнять его волю[119c]. В «Потерянном рае» Мильтона силен империалистический стиль мышления: в нем говорится об особом божественном провидении, ниспосланном Англии и ее избранному народу, которому предстоит установить свое царство по всему миру: «Твое семя сразит Врага нашего»[119d]. О Новой Англии говорилось: «Бог предназначил эту страну для нашей нации, уничтожая туземцев чумой, не тронувшей ни одного англичанина[119e]. Итак, исчезновение туземцев приписывалось Провидению, которое было сродни геноциду. В результате эпидемия чумы 1616—1618 гг., завезенная в Новую Англию британскими рыбаками и поразившая большую часть местного населения (но не затронувшая англичан), также расценивалась как воля Божья. Утверждалось, что Божественное Провидение предназначило Новую Англию именно для англичан, свидетельством чего и была эпидемия, которая оказалась как нельзя кстати, поскольку освободила место для английских переселенцев-пуритан. А в 1653 г. из Новой Англии «с чувством глубокого удовлетворения» сообщали, что благодаря «чудесным трудам великого Иеговы» численность массачусетского племени индейцев сократилась с тридцати тысяч до трех[119f].

У Джона Мильтона не было ни малейшего сомнения в том, что тот, кто попытается противостоять избранному Богом народу, будет на веки вечные ввергнут в самые недра Преисподней и обречен на вечные муки. Подобные высказывания Мильтона явно повлияли на Сесила Родса, который утверждал, что вера Мильтона в избранный Богом английский народ должна стать основополагающим принципом, вдохновляющим британцев на расширение Империи[119g].

Аналогичный принцип прослеживается и в немецкой «Идеологии английской культуры»[119h] 1941 года — года, в который Гитлер был наиболее близок к осуществлению своей мечты о мировом господстве. Когда же стало ясно, что его мечтам не суждено сбыться, министр пропаганды Йозеф Геббельс совершенно серьезно заявил, что «богиня Истории, должно быть, шлюха», раз она не отдала победу Фюреру, ведомому Провидением. Ибо, как утверждал один из более ранних «специалистов» по превосходству белой расы: «Бог, так сказать, обязан... помогать [избранному народу]»[120].

В начале XVIII столетия «благословение небес» распространилась и на заморскую часть Британской империи. Ведь, — как уверял Киплинг, — Англия смогла захватить власть над заморскими территориями благодаря «особому благоволению Господа», а платой за его милость стала пролитая английская кровь. Современник Гитлера — британский поэт Альфред Нойс, родившийся в 1880 г., также отзывался об английской нации как об избранной Богом. Он, как, впрочем, и Суинберн (1837—1909), представлял английского Бога как «Бога воинственного» — так утверждалось (за пять лет до прихода Гитлера к власти) в немецкой монографии об империалистических течениях в английской литературе[120a]. Воинствующее христианство с его идеей расового превосходства, описанное в книге Макдональда «Язык Империи», несет в себе скорее языческое представление о боге[120b]. А в «Прелюдии к Империализму» рассказывается, что миссионеры в Центральной Африке были склонны проповедовать строгие ветхозаветные принципы, а отнюдь не идею о любящем Боге Нового Завета[120c].

Благодаря контакту с южноафриканскими бурами уверенность в избранности белой расы среди всего черного мира — избранности белых (то есть светочей) для владычества над черными (в конечном счете «мракобесами»), которым «предопределен» подневольный труд[121] — смогла получить дополнительное подтверждение. У расистов, империалистов и торгашей типа Сесила Родса и Ханса Гримма эта вера стала столь крепкой, что она канонизировала ловких дельцов: «Когда на земных делах человека лежит благословение божье — иными словами, когда его дело продвигается...»[122].

Не только в 1853 г. в покорении Великобританией Индийской империи многие видели «еще и перст божий в истории»[123]. Но и в 1897 г. один исторический компендиум вещал: «За ошибками и неудачами индивидуумов мы ощущаем незримое, надзирающее [за всем] провидение как источник судеб англосаксонской расы»[124]. А уже в первом году двадцатого столетия лорд Розбери, на сей раз как глава университета Глазго, в речи по случаю присуждения ученой степени изрек: «Разве за это нам не следует столь же восхвалять энергию и искусность расы, как и длань Всевышнего?»[125]

В том, что делают святые господни, греха быть не может... — это... догмат непогрешимости для английского мещанина.

Вильгельм Дибелиус

Киплинг придерживался того простого правила, что любая раса, препятствующая соблюдению собственных интересов, является низшей.

Уорсли Т. «Barbarians and Philistines. Democracy and the Public Schools», 1940 г.

Господь, наш Бог, Высочайший... Он проложил нам путь до краев земли.

Р. Киплинг. «Песнь Англичан»

Британский «cant»*: двойной стандарт Англии

В конечном счете тем, кого Бог избрал Своей милостью, так же невозможно ее утратить, как и тем, кому Он отказал в ней, — приобрести ее... С этим сознанием божественной милости к избранным — а значит, и святым — здесь соединялось представление о греховности ближнего, которое вызвало не осознание собственной слабости, а ненависть и презрение к тем, кто отмечен знаками вечного проклятия. Уже с 1619 г. кальвинизм утверждал: «Бог так хранит *избранных*... что, *несмотря на их грехи*, они все равно не лишаются милости Божьей»[126]. Таким образом принадлежность к группе избранных давала нечто вроде карт-бланш на любые поступки: люди, входившие в число избранных, считали, что они по определению «неспособны» на грех — ведь избранные «не могут» совершить несправедливость. «Пусть английский народ... избранный Богом, предназначенный Им для господства, народ, которому суждено блаженство, впадет в самый тяжкий грех — на его избранности это не отразится ни в малейшей степени... В том, что делают святые господни, греха быть не может, как бы скверно их дела ни выглядели. [Не в том дело, *что* совершается, а в том, *кто* свершает эти дела: «Британцы — раса, избранная Богом... потому действия британцев не могут быть неправедными...»] Для английских мещан это... дог-

---

* Лицемерие, ханжество (*англ.*).

мат непогрешимости... в который они верят более ревностно, чем католики — в непогрешимость папы»[127].

Подобные установки входили в состав знаменитого британского «cant»[128].

Правда, уже немецкий англист Вильгельм Дибелиус в 1929 г. заметил, что «слово «лицемерие» — не всегда является точным переводом слова «cant»... Ведь лишь на высокой стадии развития человек может научиться... более или менее различать эгоистические и альтруистические мотивы [в том числе и] в собственной деятельности. В Англии число людей, способных на это, бесконечно мало». Здесь же Вильгельм Дибелиус перечисляет архаичные черты характера нижнесаксонских крестьян (родственных англосаксам): чванство вследствие «незнания окружающего мира... неспособность понимать или признавать вещи, уязвляющие самолюбие»[129]. С другой стороны, Вильгельм Дибелиус, брат епископа Отто Дибелиуса (имя которого ассоциируется с противниками Гитлера), подчеркивает, что подобный «cant» ведет к притуплению чувства истины», создавая опасность для нравственности всей [британской] нации[130].

Правда, рассуждая о нравственности в духе немецких кантианских представлений (которые еще были актуальны в Германии 1920-х гг.), Дибелиус, возможно, недооценил значение для британской власти критерия прагматической пользы, который вскоре и в немецкой политологии (следовавшей англосаксонскому образцу) стал почти что естественным.

(Так, даже историки, занимавшиеся второй мировой войной, почти не обращали внимания на различие, существовавшее между тем, что проповедовала Британия, и тем, какую политику она проводила на практике. С одной стороны, когда Англия стремилась сокрушить гитлеровский «новый порядок», лондонская радиостанция «Передатчик европейской революции»[131] (вещавшая в 1940—1942 гг. на короткой волне длиной 31,2 м по ночам через каждые два часа) пыталась поднять немецкий народ «на последнее восстание» против Гитлера и призывала к «политической и социальной революции». С другой стороны, когда сохранение дисциплины и порядка в лишенной правительства Германии стало отвечать английским интересам, немецких военных моряков, отказавшихся подчиняться Гитлеру (и адмиралу Деницу) и *уже находившихся под охраной британцев* в качестве военнопленных, могли судить и судили «военным трибуналом» «верные фюреру» офицеры, которые и вынесли им приговор: по британским представлениям, военно-уголовный кодекс Третьего рейха вместе с его процедурой судопроизводства продолжал действовать в отношении немцев и в британском плену[132].)

3 Зак 4322

Таким образом, лондонский корреспондент «Volkischer Beobachter», возможно, не слишком преувеличивал, утверждая, что степень демократии и гуманности в Англии определяется «крупнейшей аристократической и военной организацией, какую только знает мир, а именно... Британской империей». По его словам, «эта демократия и гуманность применяются только там, где это необходимо, и только в той мере, насколько это необходимо... для сохранения власти за германско-британским господствующим слоем»[132а].

Один из лозунгов Британии во время англо-бурской войны (1899—1902) (которая не в последнюю очередь была развязана из-за африканских запасов золота) звучал так: «Справедливость и свобода для мира» (а не только «для Бога»). С другой стороны — утверждается, что в «Bank of England» оказалось кое-что от того золота, которое попало в гитлеровский Рейхсбанк из челюстей европейских евреев, убитых теми, кто практиковал расизм... (В 1996 г. стало известно, что в «Bank of England» хранятся два золотых слитка с маркировкой гитлеровской Германии.)[133] «Англичане должны... при их значении и миссии в мире, получить ответственность за место [т. е. власть над местом], где в земле лежит золото», — настаивал (имея в виду золотоносные районы Южной Африки) гитлеровский пророк «народа без пространства» Ханс Гримм[134].

Именно кредо Великобритании: «My Country, right or wrong» («Это моя страна, права она или не права») — избрал для себя первый завоеватель жизненного пространства для Германии в Африке, Карл Петерс. Тот факт, что в Англии над иностранными «обвинениями против соотечественников [только] презрительно смеются», не принимая их всерьез[135] и даже не интересуясь, правдивы ли эти обвинения (как это делалось в кайзеровской Германии его времени), Карл Петерс считал достойным подражания. «Людей, которым доставляет удовольствие осыпать себя прахом самообвинения [т. е. предшественников тех, кто «выносит сор из избы»], *в Англии* нет», — напоминал и бывший южноафриканский торговец Ханс Гримм[136]. «Великобритания — образец для всего мира», — уверял Карл Петерс в своей книге об Англии еще во время первой мировой войны[136а].

И соответственно Гитлер утверждал (1942), что следует обучить «немецкий народ... подобно англичанам, лгать с самым искренним видом...»[137]. До некоторой степени ему удалось сделать немецкую военную пропаганду периода второй мировой войны более похожей на английскую 1914—1918 гг., чем на пропаганду Германии того же времени*. Ведь именно этому имперскому дискурсу «была

* Тогда успехи немецкой военной пропаганды в деле фабрикования и распространения всяческих вымыслов были не столь значительными, по сравнению с успехами союзников (*прим. автора*).

свойственна тенденция нравственной переоценки, при которой грех или вырождение приписываются жертве, а не виновнику империалистической агрессии»[137a].

И коль скоро собственная, избранная группа, «имперская раса» никогда в жизни — уже по определению — не смогла бы поступить безнравственно, не оставалось ни малейшего места для оценки своих поступков по этическим меркам. Этические мерки прикладываются лишь к другим, неизбранным — для осуждения их. Отсюда вытекает традиция оценивать действия собственного правительства с прагматической точки зрения, а действия соперников — исходя из моральных категорий. И пока считается аксиомой, что группа, в которую входят оценивающие, то есть группа избранных, уже по определению не может поступать несправедливо — применение двойного стандарта, естественным образом положенного в основу всех рассуждений, представляется абсолютно логичным; даже если эта группа «всего-навсего» практикует принцип, гласящий, что «сила — это право».

Утверждается, что даже Джеймс Фрод, оксфордский профессор истории, высказывал следующую точку зрения: когда британцы совершают подобные поступки, то это происходит на благо человечества, но когда эти же поступки совершает кто-либо другой — это грех, который нельзя допустить[137b]. Подобный «прагматизм» приводил к систематической замене понятия «правда» понятием «польза». «Составной частью правды, благодаря лицемерию (cant), становится польза» — так звучит немецкое определение этого английского феномена, данное Максом Шелером в середине первой мировой войны[137c].

На рубеже веков британский электорат, не задумываясь, предпочел консерваторов, стремившихся свести понятие морали к уровню благосостояния в собственной стране и развитию национальных интересов за рубежом, и отверг тех политиков, кто, по крайней мере, на словах взывал к соблюдению общечеловеческих этических норм[137d].

«История британского патриотизма», изданная за год до объявления Англией войны Германской империи[138], включает утверждения, что «любовь к человечеству — абстрактное интеллектуальное представление», «буддийский яд для патриотов», а также уверения, что «Бог не может находиться в противоречии с Отечеством», в этой книге прослеживаются и ветхозаветные притязания англичан на роль избранного народа. Таким образом, Господь Бог опять стал Богом войны.

И христианство тоже не должно было более оставаться универсальной религией — речь шла о том, чтобы больше не европеизи-

ровать индусов, в том числе и путем принятия христианства: пусть оно остается, так сказать, знаком отличия (в ветхозаветном понимании) англичан с их уникальностью, с их избранностью[139].

Столь же мало универсализм Нового Завета (отсутствующий в Ветхом) помешал тому, чтобы в Англии — в свете британской колониальной идеологии — была принята на «ура» расистская проповедь об избранности англосаксов, с которой выступил американский проповедник-конгрегационалист Джозия Стронг (принадлежавший к «социальным евангелистам»)*. Он как раз настаивал, что «низшие» расы должны уступить место «высшим». Джозия Стронг заявлял: «И вот туземцы Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии исчезают перед лицом завоевателей всего — англосаксов... Ведь эти низшие племена были лишь предшественниками высшей расы... Так прочь с дороги, которую проложил Господь!»[140]

В конечном счете, для Стронга — за четверть века до Гитлера, ведомого «провидением» (согласно «Mein Kampf») — неравенство рас было делом рук не кого иного, как самого Всевышнего. И в вымирании североамериканских индейцев Стронг видел проявление божьей воли: они должны были освободить землю для лучшей расы — англосаксов. Ведь «высшие расы», по его мнению, должны были прийти на смену «низшим» во всем мире. А поскольку проповедник в этом контексте поминал волю Всевышнего и, сверх того, ссылался на утверждение (считавшееся тогда выводом «общественной науки»), что выживает сильнейший (и более приспособленный), — ему был открыт доступ в круги как английских реформаторов, так и английских консерваторов. Все они приветствовали (столь приятную для них) весть о превосходстве англосаксов и их неминуемом торжестве над расово неполноценными[141].

Таким образом, Стронг делал все, что мог, для доказательства расового превосходства англосаксов, задействовав, помимо божественного провидения, еще и социальный дарвинизм[142], — на который как на «железные законы бытия» обычно ссылался Гитлер.

В то, что «высшее величие назначено британцам природой, верило большинство англичан в Индии»[143]. И не только в апогее империалистической эпохи. Ведь уже в 1850 г. популярный в то время автор, Мартин Ф. Таппер**, заявлял в журнале «Англо-саксон»: «Мир — это шатер для истинных властителей мира... Мир — это мир для [англо]саксонской расы». В том же году даже анатом Роберт Нокс, человек с медицинским образованием, провозгласил: «Раса, то есть

* Стронг Джозия (1847—1916) — амер. теолог, пастор конгрегационистской церкви, в 1886—1898 гг. секретарь Евангелического союза США, в 1898—1902 гг. председатель Лиги за социальную службу.

** Таппер Мартин Феркухар (1810—1889) — английский литератор.

наследственность, происхождение, — значит всё: она определяет человека»[144].

Избранность англосаксонской расы как властительницы мира должны были доказывать и восхваления британского империализма, расточаемые английской историографией. Среди подобных книг можно назвать труд сэра Чарлза Дилка «Более Великая Британия» (Лондон, 1860, 1867, 1894). Этот автор пророчил крупный расовый конфликт, из которого англосаксы — как «более ценная» раса — должны были выйти победителями рас «более дешевых» [cheaper]: ирландцев, китайцев и всевозможных «туземцев». А «Китай, Япония, Африка и Южная Америка вскоре должны достаться всепобеждающим англосаксам... Италия, Испания, Франция, Россия станут карликами рядом с таким народом» — и все это ради *высшей* цели[145]. «Расширение Англии» сэра Джона Сили (Лондон, 1883) также выводило право на мировое господство из (мнимого) превосходства англосаксонской расы. Равно как и «Истоки и предназначение имперской Британии» Крэмба[146].

Безусловно, Сесил Родс и подобные ему испытали влияние этой литературы и насаждаемой ею идеи британского мирового господства, и прежде всего господства над Африкой. Эта идея не могла не повлиять и на британцев в Индии. В Калькутте английская газета «The Englishman» в 1875 г. опубликовала читательское письмо (подписанное «Британник») со следующим заявлением: «Единственный народ, имеющий какое-то право на Индию, — это британцы; так называемые индийцы [sic] вообще не имеют никаких прав»[147].

На социальный дарвинизм ссылались духовные лица, не признававшие, что предком человека была обезьяна, но предпочитавшие видеть в этой роли тигра — как доказательство того, что право берется силой.

Ф. Р. Хёрст*, 1902

Британским... идеям, особенно имеющим отношение к... научным представлениям о расе и влиянию социального дарвинизма на общество, предстояло сыграть важную роль в формировании фашистских идей в целом — и национал-социалистских в частности.

Пол Хейз[148]

«Наука» о праве сильного

«Жизненную мудрость», согласно которой «Бог создал мир [таким], каков он есть, для сильных и тех, у кого сострадания не в избытке...», Победоносцев, государственный деятель самодержавной России (цитируя книгу Стефена «Liberty, equality, fraternity») в 1901 г. назвал «глубоко укоренившимся убеждением английской нации, в лучших, солиднейших ее представителях». Не только Данилевский, русский противник «западных» ценностей, считал, что дарвинизм является чисто английской доктриной, которой присущи все особенности английского мышления и все качества английского духа. Его американский комментатор подтверждал эту точку зрения: «вполне возможно, что современники Дарвина, особенно те, кто находились вне контекста британской культуры, связывали борьбу за существование именно с британскими буржуазными ценностями» (1989)[149].

В год рождения Гитлера (1889) на пике эпохи империализма, критик культуры Макс Нордау констатировал: «Отныне они могут прикрывать свое природное варварство... ссылкой на последнее слово науки в духе теории эволюции»[150].

Однако еще до выхода в свет главного труда дарвиновской теории эволюции («Происхождение видов»), т. е. до 1859 г., позитивист Герберт Спенсер — не слишком обремененный знаниями (и оттого еще более самуверенный) — заверял расу завоевателей в следующем: «Победоносные группы, группы завоевателей в общем более ценны, чем большинство тех, кто оказался несостоятелен и потерпел поражение»[151]. «Естественный отбор» Дарвина он превра-

---

*[0] Хёрст Фрэнсис Ригли (1873—1953) — англ. экономист и либеральный публицист.

тил в «борьбу за существование», в которой выживает сильнейший, действующий наиболее эффективно («Survival of the Fittest»). Такой подход предполагает, что неприспособленные, малообеспеченные люди тормозят прогрессивное развитие расы. Так, в индийских «евразийцах», появившихся на свет в результате смешения рас, Спенсер видел пример расового «вырождения» и высказывал пожелание, чтобы межрасовые браки были «самым решительным образом запрещены»[152].

Евгеника, так называемая «наука» чисто английского происхождения, подтверждала право англосаксонской расы на мировое господство* и предоставление гражданства лишь на основе принадлежности к арийской расе в Третьем рейхе. «...Это течение зародилось в Англии, его лидером был Френсис Гальтон — двоюродный брат Чарлза Дарвина. Именно Гальтон придумал термин «евгеника». <...> Гальтон был уверен, что существует не только градация людей в пределах одной расы, но и сами расы отличаются друг от друга по сорту... Большинство негров, — как утверждал Гальтон, — «слабоумные». Прочие примитивные расы также являются врожденно дефективными. «Можно приводить сколько угодно примеров, — заявлял Гальтон, — доказывающих, насколько глубоко те или иные богемные [sic: т. е. некапиталистические, небуржуазные] привычки вошли в кровь и плоть людей, населяющих большую часть территорий, которые теперь заняты англосаксами и другими цивилизованными расами»». В качестве примера Гальтон приводил подчиненных «низших» кельтов Ирландии[153]. Он также ратовал за «священную войну» во имя укрепления расы[154]. Френсис Гальтон намеревался сделать евгенику «частью национального сознания, наподобие новой религии»[155]. В гитлеровской Германии Гальтона называли (как, например в 1937 г.) «отцом сознательной культивации рас», стоящим на «пути, ведущем к сверхчеловеку». Вот каким образом нацисты стремились популяризировать свою основополагающую доктрину (евгенику), подчеркивая английские корни этой науки**.

Такое «дарвинистское» происхождение имеет немалая часть ключевых понятий национал-социализма, в частности, заявления са-

* В Англии и Америке большинство приверженцев евгеники поддерживали расистскую политику нацистов и приветствовали уничтожение "дегенеративных" элементов внутри белой расы, они также выступали за запрет смешанных браков[152a] (*прим. автора*).

** Заявляя о желательности уничтожения гомосексуалистов, — первая категория жертв Гитлера, уничтожение которых было *открыто* рекомендовано — представители СС (в 1935 г.) аргументировали это тем, что и в данной области "Британия была первооткрывательницей: она ввела самое строгое уголовное наказание в Европе" за гомосексуализм (*прим. автора*).

мого Адольфа Гитлера[156]. Он и в последний год войны все еще был убежден: «Природа учит... что сильный выходит победителем, а слабый гибнет... [природа] прежде всего не знает... гуманности... желания... сохранять слабого... Природа не видит в слабости никакого повода для сострадания... напротив, слабость — основание для осуждения... Следовательно, война — предпосылка естественного отбора и одновременно... устранение слабых... Народ, неспособный одержать верх, должен уйти, и его место займет другой»[157].

Правда, здесь сказалось и влияние на Гитлера теории «расовой борьбы» австрийского социолога Людвига Гумпловича, который пытался оспаривать общность происхождения людей и объявлял порабощение, удовлетворение потребностей за счет эксплуатации порабощенного «важнейшим содержанием человеческой истории». (Представления Гумпловича «в некоторых случаях почти дословно воспроизведены... в «Mein Kampf» Гитлера. «Во всяком случае, эта натуралистическая социология вызвала к жизни и... газовые камеры Третьего рейха».) Однако этот вдохновитель Гитлера тоже в свою очередь следовал «воззрениям» британца Бенджамина Кидда, согласно которым прогресс происходит и должен происходить «только путем отбора сильнейших»[158].

Кидду принадлежит и вывод: коль скоро *«нигде и никогда... государства не образовывались иначе, чем путем покорения чужих племен»*[159], то в расовой борьбе «англосаксонская раса... совершенней всех». Это «объясняет и оправдывает господство этой расы над миром»[160]. Книга Кидда «Социальная эволюция» быстро нашла переводчиков на немецкий: ведь в ней подтверждается, что «рабство — самое естественное и... одно из самых разумных установлений»[161]. Понятие о подчиненности индивидуума и «органическое» представление о государстве, идею естественного отбора «высших от природы» в ходе эволюционного процесса — все это, с незначительными изменениями, перенял у Кидда гитлеровский идеолог Альфред Розенберг[162]. Из киддовской «науки о власти» представления о «закономерностях», в соответствии с которыми *сама природа* при помощи механизма «социальной наследственности» низводит определенные народы до уровня «низшей расы»[163] — причем эту «социальную наследственность» может регулировать и государство[164] — были усвоены Гитлером[165]. Несомненно, на основе этих теорий он в конечном счете собирался вывести новый немецкий народ.

Среди британских источников «самое сильное и прочное влияние на [немецкий] фашизм» (как полагал Хейз) оказало расистское направление социал-дарвинизма, которое создал Карл Пирсон (до 1933 года — года прихода Гитлера к власти — бывший профессо-

ром евгеники). Пирсон уверял, что двигателем человеческого прогресса является расовый конфликт: «История показывает, что существует один путь, один и только один, при котором возможно возникновение высокоразвитой цивилизации — это борьба расы против расы — и выживание расы, более одаренной в физическом и духовном отношениях». Именно от Пирсона заинтересованные этой теорией немцы переняли следующую идею: нация, провозглашающая равные права для всех людей, не может удержать свои позиции в борьбе наций. А вымирание «низших рас» требует заселения все больших пространств «высшей расой». Чтобы обеспечить условия для существования своей нации, Пирсон предлагал проводить политику грубой силы. Ведь колонии, отвоеванные у низших рас, можно содержать в порядке только с помощью подавляющей силы и путем подчинения низшей расы высшей. Все эти идеи основывались на «законах природы», которые считались истиной в последней инстанции.

Уже в 1886 г. Пирсон «настаивал на захвате территорий, где могут жить белые люди», территорий, которые должны были обеспечить пространство, необходимое при «высоком уровне рождаемости среди прогрессивных классов» с целью влить новые силы в империю. А в 1900 г., во время империалистической англо-бурской войны, Пирсон вновь и вновь повторял, что «прогресс зависит от выживания сильной расы». Борьбу расы против расы он сравнивал с «раскаленным тигелем, откуда выходит закаленный металл»; это качество и достигается войной с «низшими расами». Для того чтобы победить в этой борьбе, «нация должна быть «гомогенной»... а не представлять собой “смесь низшей и высшей рас”», — заявлял Пирсон, намекая на необходимость уничтожения низших рас. «Сознательная расовая культура» должна перестать быть препятствием для «очищающего... естественного отбора». Таким образом, «патриотизм и расовая гордость должны... помочь остановить упадок расы. <...> Решением проблемы расовой деградации является империалистическая экспансия... люди должны отправиться за моря и проверить свою мужественность», став первыми колонизаторами. (На этом настаивал организатор британского движения бойскаутов Роберт Баден-Пауэлл.)[166]

Ведь селекция, «производимая самой природой», оправдывала любую неразборчивость в средствах, с которой мещане неудержимо рвались вверх (раньше социал-дарвинистский расизм тоже ассоциировался с апологетикой капитализма манчестерского типа[167]), оправдывала она и расистский империализм. Правда, Фридрих Ницше заметил, говоря о слишком человеческой природе последо-

вателей социального дарвинизма: «Весь этот английский дарвинизм как будто бы отдает духотой английской перенаселенности, напоминающей характерный запах нужды и бедности, какой бывает в кварталах бедняков»[168].

Впрочем, из таких людей, из массы среднего сословия, с точки зрения социал-дарвинизма могла — благодаря подлинно биологическому (расовому) отбору — «с каждым поколением все более и более выделяться некая аристократия, обладающая истинной внутренней ценностью». «В результате некой... селекции... должна была возникнуть особо прогрессивная раса, настолько превосходящая остальных людей характерными качествами, как племенной жеребец — диких лошадей»[169]. Книга авторитетного представителя этих взглядов, Джона Берри Хейкрафта*, уже в год своей публикации была переведена на немецкий под названием «Natürliche Auslese und Rassenverbesserung» (Естественный отбор и улучшение расы)[170]. В Германию эти «взгляды» пришли из Англии. Британские евгеники рассматривали себя как орудие английского империализма[170а].

Британский рабочий уже давно обладает тем, что национал-социализм только должен внушить немецкому рабочему: сознанием... принадлежности к расовому единству...

Тост. «Национал-социалист в Англии»

Свободы англичан как иерархические привилегии

Только в Англии (по словам Ханны Арендт) расистская идеология вытекала непосредственно из национальной традиции: мало того, что последняя была ветхозаветно-пуританской — ситуацию усугубляло и восприятие социального неравенства как части английского культурного наследия (низы испытывали благоговение и уважение к верхам, а верхи относились к ним с презрением)[171]. Сословное неравенство воспринималось почти как «неотъемлемый признак английского национального характера». Именно «общественное неравенство было основой и характерным признаком специфически английского общества, так что представление о правах человека, пожалуй, нигде не вызывало большего раздражения», — констатирует Ханна Арендт[172].

* Хейкрафт Джон Берри (ум. 1922) — англ. врач и физиолог.

«И не надо воображать себе, что у вас есть какие-либо права в этом мире, кроме тех, которые вы заработаете», — учил бойскаутов английский генерал Баден-Пауэлл. Антидемократическая пресса английских «христианских социалистов», проводя «политику умиротворения», как раз в «опасный год» — 1848-й — агитировала против представления о правах человека (а также против избирательного права для «тех, кто его недостоин») и против революционной Франции. И совсем в духе Эдмунда Бёрка звучало следующее заявление, сделанное в 1794 г.: «Ты, пустословящая толпа свиней, что ты понимаешь в этом? Таинственны дела державные, о них не подобает тебе трепаться». «Со своим интернациональным гуманизмом и вселенским братством, стремясь обнять вселенную, они утратили свое английское чувство... В Англии можно отметить сильную реакцию отторжения идеи вселенского братства... мы [британцы] должны придавать большое значение границам и различиям между [социальными] классами»[172a].

Специфически британское понятие «our *betters*» почти непереводимо на другие языки: вышестоящих лиц там называли «наши лучшие» (в смысле: «*лучшие, чем мы*»). И говорят так именно *нижестоящие*. Да, на господина в Британии прямо-таки молились: «Боже, храни помещика и его родных и оставь нас всех в должном нам сословии». «Джон Буль» по этому поводу заметил (1834): «Сынок... будь прилежным и трудись для нации, предоставь право распоряжаться тем, кто мудрее тебя». Почтительное отношение нации к тем, кто выше, считалось «секретом успеха Англии». Ведь нижние слои общества долго (часть — до 1918 г.) смирялись с отсутствием избирательного права, передоверяя выбор вышестоящим; среднее сословие выбирало представителей из своих высших слоев, которые в свою очередь признавали власть кабинета министров, сформированного из аристократов. Так объясняет «конституцию» Англии Беджгот*[49]. Интересно, что ни в одной другой стране рабочий класс так активно не голосовал за консерваторов, как в Англии. Ханна Арендт отмечала, что в Англии «феодальные представления могли оказывать влияние на политические идеи низших слоев общества в гораздо большей степени, чем в других странах». Авторитарно-иерархические свойства ассимилировались, связывая все слои общества. Классовое сознание не вызывало здесь столь антагонистического раскола, как в Германии[173].

Зато здесь привыкли делить людей на британцев и небританцев, «первые — избранные Богом властители мира, вторые — их естественные подданные; известно, что среди первых есть джентльме-

---

*[49] Беджгот Уолтер (1826—1877) — англ. экономист и политолог, сторонник социал-дарвинизма, автор книги “English constitution”.

ны и неджентльмены. Первых там почитают как *своих лучших* и учат относиться к ним с уважением; что касается вторых, то хороший сюртук и чистое белье вызывают у них не зависть, а желание добровольно... подчиняться»[174]. У промышленных рабочих тоже сохранялось чувство сословной иерархии. Еще в 1929 г. считалось, что «всякий покорно следует предписаниям, которые высшие слои дают низшим». Английский народ был сильно склонен «принимать мнение вышестоящих и подчиняться им». Не одни лишь бойскауты — британский вклад в мировую «сокровищницу» — были «приучены... слушаться любого приказа» и «беспрекословно подчиняться»[175]. А господствующий класс, полный сознания собственного превосходства, вообще не нуждался ни в какой теории для обоснования чрезвычайно четких классовых различий. Их «естественность почти никогда не вызывала сомнений»[176].

В отношении «туземцев» внимание британцев к классовым различиям усугубляло расовую сегрегацию — причем на английских кумиров Гитлера оказала влияние и брахманская кастовая иерархия в Индии[177]. С другой стороны, уже Генрих фон Трейчке мог констатировать, что белая «раса начинает противопоставлять себя диким народам как массовая аристократия». «Полноценные граждане становятся [sic] аристократией по отношению к... рабам-невольникам. Но, с другой стороны, именно [sic] потому — и это прекрасно — полноценные граждане особенно склонны воспринять идею равенства»[178]. В некоторых случаях англичане редко были склонны связывать полноценность человека «с чем-то еще, кроме рождения в Британии», — отмечал столь почитавший Англию «немецкий Киплинг», Ханс Гримм[179]. В конце концов, любой простой солдат британской расы мог рассматривать туземца, даже носящего княжеский титул «высочества», как стоящего ниже себя: расизм, поначалу в колониях, а после и в самой Европе, выступал как фактор мнимого уравнивания классов внутри расы господ. Этому способствовало следующее социальное «утешение»: самый непривилегированный сородич по расе стоит выше, чем кто угодно из «низшего [в расовом отношении] отродья» (lesser breeds) Британской империи (а позже, тем более — чем кто-то из «унтерменшей» в Третьем рейхе). Так, например, для британского вице-короля Индии брак с горничной-англичанкой был бы меньшим позором, чем женитьба на индийской принцессе[180]. «Все равны, но некоторые более равны, чем другие»: автор этой формулы — англичанин (Джордж Оруэлл).

В Англии утвердилось представление, что основные права — *привилегия всех англичан.* К особенностям английского национального характера относится «представление о свободе как о сумме

всех привилегий, наследуемых вместе с титулом и землей...»[181]. «Но если, при нашем свободолюбии, предложишь дать немного свободы таким же подданным, как мы [fellow subjects], в Индии, ответом будет «ах-ах-ах»», — сетовали в 1858 году.

Ведь свобода рассматривалась в Англии не как естественное *право* и вовсе не как право *человека*, а как наследственная феодальная привилегия, которая, правда, постепенно (начиная с 1688 г. и заканчивая 1912 г.) должна была распространиться на всех *англичан*. «Англичанина, даже принадлежащего к самому низшему классу, в его положении более всего впечатляло то, что он, по сравнению с иностранцами вообще и французами в частности, является свободнорожденным англичанином... — это национальный стереотип, который никому даже в голову не приходило оспаривать», — утверждал Вингфилд-Стрэтфорд. И уже в 1790 г. «консерватор» Эдмунд Бёрк противопоставлял *права англичанина правам человека*[182]. В апогее британского империализма один из его главнейших либеральных, даже «республиканских» вдохновителей, Чарлз Дилк (в своей «Более Великой Британии», издание 1885 г.), объясняет, что «свобода существует лишь в жилищах представителей английской расы». (Однако отказ отдавать должное почтение стоящим выше на иерархической лестнице на основании английского происхождения считался абсолютно неприемлемым.) Здесь же он предупреждает: «Французская демократия опасна своей горячечной симпатией к ложному гуманизму... Любовь к расе у англичан зиждется на более прочных основах, чем... любовь к человечеству». «Более всего на положение англичанина, даже англичанина из низших слоев общества, влияло осознание того факта, что он — в отличие от иностранцев вообще и французов в частности — является свободнорожденным англичанином. Это был национальный стереотип, и никому даже в голову не могло прийти оспорить его»[183].

Таким образом, представление англичан о свободе сохранило в себе атрибуты сословных привилегий и ассоциировалось с исключительностью отдельной этнической группы. Ведь британская «система... делит все нации на свободные и несвободные в зависимости от того, похожи они на англичан или нет, и считает, что... английской свободе... предначертано властвовать над миром»[184]. Таким образом, англичане воспринимали себя как аристократическую нацию, как свободный народ по сравнению со всеми остальными народами, как расовое дворянство в мире простолюдинов («commoners», «низкого отродья», «the lesser breeds» по Киплингу). (Именно в Индии Киплинга, во время противостояния 1857 г., простые английские солдаты ощутили («народным чутьем», которое

нацисты позже расценивали как «здоровое»), «что всех цветных, вплоть до самых безобидных с виду, надлежит бить по башке»[185].) Таким образом, британцы из всех слоев общества привыкли вести себя по отношению к иностранцам — совершенно независимо от их социальной принадлежности — как расовая аристократия. Презрение, а в некоторых случаях и откровенная антипатия к иностранцам, по всей видимости, являлись традиционной эндемической чертой англичан[186]. На этом основании немало немецких авторов (например, Фосс в 1921 г.) прославляли Англию в качестве воспитателя, в качестве постоянного, почти недосягаемого примера расового единства для Германии (Volksgemeinschaft*).

Ведь именно такой народной общностью расовой знати по британскому образцу должны были стать немцы: Альфред Розенберг «заверял [на нюрнбергском съезде партии 1937 г.], что немецкий народ обладает потомственной знатностью»[187]. Включение всех англичан независимо от сословной принадлежности в сообщество привилегированных сделало из них *расовое единство*[188]. Верховенство — единственно вследствие принадлежности к английскому народу, привилегированность всех англичан — только на основании того, что они англичане (таким образом «эгоизм и чувство солидарности отождествлялись»), должны были сделать их народ моделью национал-социалистического расового единства для немцев (чтобы они становились патриотами, «потому что это выгодно», как призывал Карл Петерс).

Особенно достойным подражания этот провозвестник расового единства считал чувство избранности, которое даже беднейшие англичане испытывали по отношению к иностранцам, — ощущение превосходства, которое он сравнивал с чувством превосходства людей над «гориллами и шимпанзе» [sic].

Карл Петерс был не единственным, кто придерживался подобной точки зрения. Один британский нищий, которому негр подал милостыню (приблизительно в 1905 г.), обратился к последнему со словами: «Покажи мне свой хвост, черный, как уголь хвост». Ханс Гюнтер одобрял веру англичан в то, что остальные люди занимают положение, близкое к животным, и советовал подражать в этом англичанам. «Эта сильная вера сделала их великими». А будущая британская вице-королева Индии в 1845 г. величала яванского вельможу Али Раден Салеха, жившего при кобургском дворе, не иначе, как «домашняя обезьянка». Оксфордский профессор Эдвард Фримэн 15/16 октября 1881 г., находясь в Ньюпорте, Род Айленд, США,

* Volksgemeinschaft (*нем.*) — расовое единство — национал-социалистическое идеологическое представление о расовом превосходстве немцев и их гармоничном единстве (*прим. перев.*).

заявил: «Негры, которые кишат тут повсюду... мои арийские предрассудки настраивают меня против них... Вы уверены, что они — люди? Слишком уж они похожи на *огромных переодетых обезьян*». А 6 ноября 1881 г., находясь в Итаке, Нью-Йорк, тот же самый профессор Фримэн признался: «Вид свободного негра... заставляет нас чувствовать некую арийскую неполноценность. Я уверен, что идея сделать из них свободных граждан была ошибкой. У меня мурашки бегут по коже... при мысли, что одна из *этих огромных черных обезьян* может... стать президентом»[189].

Подобное «здоровое расовое сознание» англичан должно было восхищать национал-социалистов. Коль скоро ни один немецкий институт не дал немцам общеобязательных образцов поведения — какие имелись в Англии[190] — «то неудивительно, что это столь выраженное свойство англосаксов произвело особое впечатление именно на немцев». (Поощрение королем Георгом VI (еще до его вступления на престол) общих лагерей для британской молодежи репортер «Volkischer Beobachter» однозначно квалифицировал как «национал-социалистское».) Здесь следует упомянуть и заявление о «воле [желании] национал-социализма создать *это* единство народа» в рамках «господства белой расы»[191].

С восхищением, а то и с завистью и со скрытым намерением дать образец для подражания в Третьем рейхе (в контексте того же «господства белой расы») немцам напоминали, что у англичан любой соотечественник как властитель имеет уникальные перспективы деятельности в рамках «управления своим миром»[192]. Благодаря этому «сохраняется и развивается... руководящее всем народом чувство повелителя... ставшее квинтэссенцией... англосаксонского расового инстинкта; сознание превосходства, которое особо привилегированные особы проявляли внутри своего же расового единства, но любой представитель нации — в отношении всех чужаков. Ничто так не способствовало сохранению и укреплению этого чувства, как привычка властвовать над цветными и проявлять при этом свойства вождей масс; в этом гигантская ценность управленческой деятельности в колониях как средства воспитания молодого поколения»[193]. Именно на Черном континенте Баден-Пауэлл, воспитатель молодого поколения, основатель и вдохновитель движения бойскаутов, смог увековечить на фотографии смерть африканца на виселице (причем виселицу он назвал «рождественской елкой»). Другую же казнь, на которой он не смог присутствовать, он нарисовал[193a].

Наличие такой возможности показать свою власть над туземцами облегчало рядовым британцам необходимость подчиняться своим «лучшим».

Человек является англичанином... потому превосходит других, принадлежит к классу властителей мира, каким бы... маленьким человеком он ни был.

Ханс Гримм

...Упорядоченность, подчинение и единство целого народа — извечная основа его сил.

Генрих Гиммлер. Выступление 8 декабря 1938 г.

ГЛАВА 3
АНГЛИЯ КАК ПРООБРАЗ РАСОВОГО ЕДИНСТВА (VOLKSGEMEINSCHAFT)

Французская демократия опасна своей горячечной симпатией к ложному гуманизму. Любовь к расе у англичан зиждется на более прочных основах, чем... любовь к человечеству.

Чарлз Дилк. «Более Великая Британия», 1885 г.

Две расы, самые родственные друг другу и самые дисциплинированные в мире.

Дрюммон-Вольф, сентябрь 1939 г.

Иерархическое повиновение и расовая солидарность

Именно в Англии самая бедная прослойка общества с давних пор отвыкла восставать против своей нищеты — и в компенсацию получила возможность надеяться, что она тоже принадлежит к высшей, английской расе. Эта надежда долгое время служила политическим капиталом страны. Именно в Англии исторически сложившейся традицией стало то, чего в Германии впервые добился Гитлер: мобилизация масс во имя контрреволюции. Именно в Англии стало реальностью то, что Адольф Гитлер (в одной из самых первых речей в качестве рейхсканцлера) назвал «первейшим долгом... имперского правительства»: «Привлечение... немецкого рабочего на сторону национального дела».

Тот факт, что у английского рабочего класса чувство патриотизма развито сильнее, чем у других, отмечал и ценил поборник им-

периализма и анти-парламентаризма, верховный комиссар Англии в Южной Африке*, лорд Альфред Милнер. Интересно, что среди английских рабочих враждебное отношение к иностранцам было (и остается) выражено гораздо сильнее, чем среди других слоев общества** [194]. Однако и рядовой англичанин резко отрицательно относится к установлению каких-либо льгот для иностранцев. Как сообщило Би-Би-Си, даже сегодня (апрель 2001 г.) Британия, среди всех стран Европейского сообщества, наиболее враждебно относится к иностранным беженцам, и именно в Британии столь часты случаи насилия над ними. Ведь раньше от стэффордширского шахтера ожидали того, что он «бросит кирпич в приезжего за оскорбление, нанесенное тем, что у приезжего чужое лицо», — напоминал один историк. Именно британская чернь — состоявшая не в последнюю очередь из рабочих — срывала в 1900 г. митинги протеста против империалистической англо-бурской войны (таким образом судовые плотники демонстрировали солидарность нации против одного «пробурского» профессора[195]). Тем самым Англия показала пример «кипения (расистско-империалистической) народной души», в противовес (говоря словами Гитлера) «пацифистскому хныканью» интеллектуалов, продемонстрировала пример «инстинкта, здорового национального чувства» в противовес «дефективному» интеллекту.

Такой «социальный» империализм — при котором рабочие инстинктивно голосовали за тех, кто смягчал экономическую депрессию внутри страны путем завоевания новых рынков, а не за тех, кто требовал равноправия для туземцев в колониях***, — также внес свою лепту в появление национал-«социализма» (как и предшествовавших ему движений) и даже повлиял на возникновение идеи приобретения нового жизненного пространства на Востоке.

Британский «социалист» (т. е. фабианец) Бернард Шоу, создав пьесу «Человек и сверхчеловек» (1902 г.), дал фюреру британских фашистов сэру Освальду Мосли образ сверхчеловека, обладающего волей к власти, волей к подчинению «меньших» людей. Ричард Терлоу утверждает, что Освальд Мосли всегда воспринимал идею Ницше о сверхчеловеке сквозь призму произведения Б. Шоу[197].

Фабианцам был свойственен империалистический стиль мышления; сильное влияние на их идеи оказало учение Пирсона. Фа-

---

* Милнер Альфред, виконт (1854—1925) — англ. политический деятель, с 1897 г. верховный комиссар Южной Африки и губернатор Капской колонии.

** Оруэлл утверждал, что практически любой рабочий-англичанин даже правильное произношение иностранных слов считает “бабьим” (то есть достойным презрения) (*прим. автора*).

*** Например, на выборах поздней осенью 1885 г. во время британского завоевания Верхней Бирмы (*прим. автора*)[196].

бианцы насмехались над идеалами интернационализма и ратовали за осуществление задач, поставленных империализмом. Б. Шоу, например, высказывался за осуществление реформы британской дипломатии, которая позволила бы английским бизнесменам извлекать максимальную выгоду из возможности выхода на рынки колоний. Вместе с Шоу британские социалисты-фабианцы Беатриса и Сидней Уэбб, а также Г. Дж. Уэллс поддержали «National Efficiency Program» («Программа процветания нации») Альфреда Милнера, делавшего особый упор на расово-имперскую идею и хладнокровный рационализм. Сидней Уэбб предупреждал о том, что результатом «расового вырождения», если не сказать «расового самоубийства», может стать постепенный переход страны под власть ирландцев и евреев[198]. В 1913 г. в «New Statesman» сообщали, что лорд Милнер, боровшийся за единую, неприкосновенную Империю, подобно социалистам, серьезно задумывается над проблемой создания имперской расы[198a]. Его политическое кредо заключалось в следующей альтернативе: «Следуйте *расе*. Британское государство должно следовать *расе*». Это высказывание было опубликовано в «The Times», а потом широко растиражировано в других газетах и распространено по школам и другим общественным учреждениям[198b].

Г. Дж. Уэллс, рекомендуя принять «National Efficiency Program» лорда Милнера, заявил, что в Англии многие приветствовали бы даже власть тирана и сторонника казней[198c]. Фабианцы ценили Милнера; для них он, несмотря на его беспощадную борьбу с «подрывной деятельностью» против империи, с «внутренними врагами» и даже с существованием партий, а по сути — с парламентаризмом, являлся настоящим героем. В действительности, Милнер пытался разрушить конституционную форму правления, а с 1886 г. — закрыть Палату общин («лет на десять»), так как его понимание империализма исключало демократический стиль правления. После выборов в январе 1906 г., которые ознаменовали возвращение лейбористов и тем самым породили «ужасный призрак социализма», к Милнеру стали относиться как к возможному спасителю Англии. Сам Милнер (как позже Гитлер в отношении восточных пространств) полагал, что колонизация завоеванных территорий станет привлекательной для англичан лишь в том случае, если в колониях будет процветать рабство. В результате китайским кули, например, было запрещено обращаться в суд. А сам Милнер получил благоприятный отзыв Палаты лордов и четыреста тысяч подписей со всей империи в поддержку идеи введения для кули (в рабочих лагерях в Южной Африке) наказания плетьми — вопреки критике со стороны лондонских парламентариев[199].

Любое вмешательство парламента в дела империи, безусловно, раздражало англичан в колониях. Последним, чтобы быть уверенными в своей неуязвимости, требовалось отсутствие всякого публичного контроля — как со стороны парламента, так и со стороны прессы и министерств. Идея «прозрачности» вызывала у колонистов-англичан буквально «ненависть к общественности, имеющей возможность дискутировать и контролировать», презрение к гласности как таковой и ко всему, что с ней связано[200]: «Все они в равной мере спелись, наживаясь на Индии и повышая там свой социальный статус. И все потерпели бы ущерб в случае общего краха [империи]. Из этого следовала исключительная солидарность англичан [в колониях] и исключительная чувствительность к критике, направленной против кого-либо из них»[201]. Колонисты придерживались настолько консервативных взглядов, что даже поведение пацифистов — и вообще всех критиков несправедливостей со стороны империалистов — они считали «*неанглийским*» (именно так квалифицировали и позицию Ричарда Кобдена, выступившего против второй опиумной войны с Китаем в 1858 г.)[202].

Препятствием для подобной критики была и социальная сплоченность общества в самой Англии. Ведь по меньшей мере с XVIII в. в Англии «народные движения не были революционными, а революционные движения не были народными»[203]. В Британии трудящиеся ни разу «не создали угрозы режиму и институтам страны — даже во время великой революции в соседней Франции, ни разу не поддержали реформаторских устремлений»[204].

Вполне закономерно, что такой образ Англии стал примером для воспитания в духе национал-социализма. Ведь именно представление англичан о себе как об аристократической нации породило сознание национального превосходства над «низшим отродьем» (lesser breeds) и «естественное чувство принадлежности к расе господ»: в Англии обошлось даже без создания какого-либо абстрактного учения для идеологической обработки масс или рационального объяснения и внушения им чувства превосходства. Таким образом, вполне логичным представляется то, что неотъемлемой частью «Немецкой веры» Пауля Лагарда (1827—1892), которого иногда называют предтечей национал-социализма, стало понятие о расе господ. «Народ свободен лишь в том случае, когда состоит из истинных господ...», — утверждал Лагард[205]. Из чувства исключительно этнической обоснованности такой свободы — вследствие принадлежности народа к расе господ — неизбежно вытекало «сознание расового превосходства»[206]. Прообразом и моделью такого народа — причем успешно функционирующими — по логике могли быть только англичане.

«Свобода — прирожденное право англичанина», — часто провозглашал в лондонском Гайд-парке в 1878 г., в год самых напряженных отношений между империалистическими державами, урапатриот Эллис Бартлетт* [207]. Та же идея лежит в основе британского национального гимна, написанного еще в 1740 г.: «Правь, Британия, правь морями, *бритты* никогда не будут рабами»**. В 1929 г. немецкий англист Вильгельм Дибелиус назвал этот гимн «самым плебейским и агрессивным из всех когда-либо сочиненных». Данный гимн следовало понимать как провозглашение господства Британии над теми, кто живет далеко за морями, т. е. над «туземцами». Своим гимном англичане заявляли, что именно они (а отнюдь не весь людской род) никогда не будут рабами, что именно Британия намерена править мировым океаном (а значит, и небританцами), и, следовательно, статус свободного человека должен стать исключительно английской привилегией. Киплинг с гордостью утверждал, что на заморских территориях, подвластных военно-морским силам Британии, только глупец осмелится подвергать сомнению «наше право на власть». «Когда вид флага «Юнион Джек», развевающегося над столькими чужими землями, наполнял трепетом сердца англичан, под грохот [мерно шагающих] солдатских сапог, под треск залпов, богатые и бедные в равной мере ощущали волнение от того, что они — подданные одного государства, во владениях которого никогда не заходит солнце... [подданные угодной Богу] империи»[208].

«Железный закон бытия» в лучшем случае неосознанно подражал строю этой империи — таким подражанием стали, например, печатавшие шаг коричневые батальоны Гитлера, построенные в колонны. Это было подражание «нации, постоянно нацеленной на рост богатства и расширение власти... благодаря добровольному подчинению отдельного человека общему благу...» И действительно, такое представление о британцах полностью соответствовало их самооценке: так, Бенджамин Кидд, например, утверждал, что именно сплоченность англосаксов способствовала их успешному выживанию и процветанию[209].

---

* Бартлетт Эллис Эшмед (1848—1902) — англ. политический деятель, депутат от консерваторов.

** “Rule Britannia, rule the waves, *Britons* never shall be slaves” (*англ.*).

Средний класс... называют у нас... филистерами... врагами детей света... Таким образом, английский варвар... несет в себе и что-то от филистера...

Мэтью Арнольд. «Культура и Анархия», 1865 г.

Наша чисто социальная нетерпимость никого не убивает, не искореняет никаких мнений — она [лишь] вынуждает скрывать их, что чрезвычайно способствует сохранению существующего порядка вещей... И ни в коем случае нельзя считать жестоким то, что социальная нетерпимость вынуждает людей держать при себе свои домыслы о правительстве и морали.

Фицджеймс Стефен. «Свобода, равенство, братство», 1874 г.

Свободы англичанина как добровольное подчинение

Свободы в Британии понимались как свобода общества от власти извне, а не как свобода индивидуума от общества. Британские свободы сводились *преимущественно* к «добровольному подчинению отдельного человека общему благу», в соответствии с «единой волей целеустремленного... народа»[210]. Подобное устройство британского общества восхищало тех, кто в 1921 г. (после неудачи путча 1920 г.) ностальгировал по додемократической Германии. Сам Адольф Гитлер, поборник расового единства, представленного (и руководимого) волей вождя, в 1928 г. сожалел, что немецкий народ «в своей расовой разобщенности обнаруживает прискорбное отсутствие качества, которое отличает, *к примеру*, англичан — сплоченного единства... [как] инстинктивной наклонности»[211]. Его «бауэрнфюрер», Вальтер Дарре, восхищался «могучими вождями» Англии и образцовым почтением англичан к вышестоящему классу — в противоположность немцам с их враждебностью к знати. Дарре сожалел об отсутствии у немцев «образцового, единого высшего слоя, на который немецкий народ смотрел бы с восхищением». «Английская культура... с готовностью подчиняется вождю [sic]», — почти в то же время отмечал берлинский англист Вильгельм Дибелиус[212].

Вильгельм Дибелиус так охарактеризовал те реалии английской жизни, которые оказали столь неизгладимое впечатление на Адольфа Гитлера, рвущегося в вожди: английская политическая культура «основана на предположении англосаксов, что вся нация будет совершенно единообразно реагировать на расхожие лозунговые по-

нятия»[213]. А следовательно политическая культура Англии основана на свободе человека делать то, что делает каждый. Еще в 1859 г. Джон Стюарт Милль (1806—1873) отмечал, что в Англии считалось нравственным проступком не делать того, что делают все другие, а тем более — пусть даже и в сфере частной жизни — делать то, чего никто больше не делает[214]. А что принято делать и что не принято — зависело от сословия: «Свобода отдельного человека вправе проявляться лишь в пределах типа», — констатировал Вильгельм Дибелиус, говоря уже об Англии 1929 года[215]. Еще Стюарт Милль находил, что индивидуальные особенности воспринимаются в Британии почти как криминал и что, в конечном счете, в результате систематического самопринуждения неповторимость каждого отдельного человека атрофируется. Коль скоро — с кальвинистской точки зрения — человек по своей природе грешен, спасение его души предполагает, так сказать, увядание этой природы. И коль скоро угодное Богу поведение кальвинизм сводил к покорности (первоначально — Господу, потом, на практике, — избранной Богом общине), то «все то, что лежит вне круга обязанностей, есть уже грех»[216]. В том же направлении, что и кальвинистская этика, на индивида действовало и давление со стороны викторианского буржуазного общества. Джон Стюарт Милль видел в английском мещанстве некий социальный механизм, принуждающий людей к конформизму[217]. «Мы восстаем... только против проявления всякой индивидуальности», — утверждал он[218].

С другой стороны, именно добровольное подчинение нормам «обычного, принятого» — т. е. давлению общества — позволяло обходиться в Англии без полицейского государственного принуждения[219]. Это была одна из столь восхищавших Карла Петерса черт английской жизни, и он, в свою очередь, настоятельно рекомендовал немцам перенять эту традицию и использовать ее как пример для подражания. Когда («здоровое») национальное чувство оказывает на индивида социальное давление и заставляет его подчиняться порядку, нужда в государственном давлении пропадает сама собой — утверждал Карл Петерс. Для обозначения этой, так сказать, социально-исторической особенности Англии используются такие англосаксонские эвфемизмы, как «либеральное» общество и «открытое» общество, что надо понимать примерно так: «В Англии... *иго* (sic) общественного мнения гораздо более тягостно, иго же законодательства менее тягостно, нежели в большинстве других европейских стран»[220].

Эта особенность, затушеванная подобными эвфемизмами, сводится в Англии — в той самой Англии, которую Гитлер хотел ви-

деть примером для подражания, — к тому, что любая попытка поставить под сомнение основы английской жизни становится чревата отторжением — утверждал Вильгельм Дибелиус. Так произошло, например, с поэтом-революционером лордом Байроном и «радикальным» атеистом, депутатом Чарлзом Брэдло* [221]. Не желавшего подчиняться диктату группы (а если брать шире — расовому единству) изгоняли во имя безопасности этой группы[222]. Однако в Англии изгнание не влекло за собой смертной казни, а имущество «изгнанных» не отходило империи как у Гитлера.

«Наша чисто социальная нетерпимость никого не убивает, не искореняет никаких мнений — она [лишь] вынуждает скрывать их, что чрезвычайно способствует сохранению существующего порядка вещей»[223], — еще в 1874 г. заявил противник демократии из Британской Индии Джеймс Фицджеймс Стефен**. «Затрагивать представления, на которых держится каркас общества... опасно, это и должно быть опасным. <...> И ни в коем случае нельзя считать жестоким то обстоятельство, что социальная нетерпимость вынуждает людей держать при себе свои домыслы о правительстве и морали», — продолжал Фицджеймс Стефен[224]. Так, беженцы из гитлеровской Германии (бредившие британской свободой) были вынуждены — ради *своего* блага — усвоить, что им не следует критиковать распоряжения правительства и даже «существующий в Англии порядок вещей» (а также, «разумеется», воздержаться от использования немецкого языка и чтения немецкой литературы в обществе). Чтобы свести к минимуму число тех, кто (по выражению Вильгельма Дибелиуса) «осмеливался в англосаксонском окружении быть иным, чем все прочие», достаточно было средств чисто социального давления — давления со стороны общества[224а].

«Насмешка может убить; поэтому высшее общество Англии всегда использует насмешку, чтобы принудить своих собратьев соблюдать дисциплину»[225]. Поскольку эти слова принадлежат фашистскому фюреру сэру Освальду Мосли, который требовал еще более строгой дисциплины для своей более Великой Британии, их вряд ли можно считать преувеличением. Один из вдохновителей сэра Освальда Мосли (в деле создания расового единства), Бенджамин Дизраэли (премьер-министр Англии в 1868 г. и в 1874—1880 гг.) еще в 1844 г. заявил: «Возможность такой катастрофы, как превращение в посмешище, страх стать смешным — лучшая путеводная

* Брэдло Чарлз (1833—1891) — англ. вольнодумец и радикал, отстаивал свободу личности и критиковал парламентаризм. Избран депутатом в 1880 г., но, будучи атеистом, принял присягу только в 1886 г.

** Стефен Джеймс Фицджеймс (1829—1902), 1-й баронет — англ. судья и литератор.

звезда, предохраняющая человека от попадания во всевозможные затруднительные положения»[226].

Ранний вдохновитель британского фашизма — не кто иной, как Томас Карлейль (1795—1881) — нарочито искажал, представляя в смешном свете, те исторические события, которые, по его мнению, не должны были произойти, но все-таки произошли. Поскольку уже накануне Французской революции фактически случилось то, что (по Карлейлю) не *должно было* случиться — добровольный отказ привилегированной знати от своих преимущественных прав — этот историограф, столь почитавший иерархический строй, пытается, высмеяв благородный порыв французских аристократов, снизить его историческое значение: «Власти, светские и духовные, соревнуясь в патриотическом рвении, поочередно кидают свои владения... на «алтарь Отечества» <...> задевая звезды высоко поднятыми головами»[227].

Вот показательный пример того, как «здравый смысл» (предшествовавший гитлеровскому «здоровому» национальному чувству) сделал британское общество, английскую расовую общность «тупой и бесчувственной... недоверчивой по отношению ко всем оригинальным умам», ко всему, что отклонялось от общей нормы[228]. Следствием такого запугивания общества образом «ненормального» индивида, следствием идеологии здоровой нормальности (здоровья и оздоровления «национального организма») стала фашизация буржуазного субъекта, подготовившая уничтожение «отщепенцев» при Адольфе Гитлере[229].

Задолго до такой фашизации в Англии уже существовало обыкновение объявлять невменяемым и таким образом изолировать от «расового единства» того, кто позволял себе неслыханное — «делать то, чего никто не делает». Причем решение о невменяемости индивида выносилось в суде: ведь присяжные не могли себе представить, чтобы тот, чье поведение отличается от общепринятого, обладал здравым умом...[230] Говоря именно о таком социальном давлении общества, Мэтью Арнольд (1822—1888) в 1869 г. использовал понятие «филистерство», позаимствованное им у немецких романтиков: «Как английский, так и немецкий вариант филистерства неумолимо враждебен вечной борьбе избранного меньшинства за человеческое достоинство и интеллектуальную свободу»[231] индивидуума. Вопреки представлению о том, что *должно* происходить, в действительности в Англии главным была отнюдь не индивидуальность, а избранная расовая общность имперской Великобритании — понятие, являвшееся своего рола умеренной предварительной стадией идеи расового единства национал-социалистской Герма-

нии. Оценив состояние британского общества в 1859 г., Джон Стюарт Милль (подобно Вильгельму Дибелиусу в 1929 г.) констатировал следующее: «Величие Англии в настоящее время... состоит в ее сплоченности; не давая простора проявлению индивидуальности, англичане оказываются способными на что-либо истинно великое только благодаря их привычке сплачиваться ради какого-либо дела»[232].

В Англии над массой ведомых «совершенно самостоятельно выделяется группа вождей», которая прослеживается даже в молодежных группах, — отмечал Дибелиус[232а]. Следует также отметить, что обращение «My leader» («Мой вождь» (*англ.*), что при переводе на немецкий как раз и будет звучать как «Mein Führer») впервые стал использовать основатель английского движения бойскаутов. Причем все это происходило как раз в период развития Гитлера — словно бы затем, чтобы дать ему образец для подражания.

Вы, неспособные приказывать себе сами: ваша потребность из потребностей — оказаться под началом...
Томас Карлейль

Критическое отношение Карлейля к демократии... можно назвать фашистским — и иногда это и в самом деле фашизм.
Уолтер Хотон. «Викторианское состояние духа»

Нет ни одной основной доктрины... нацизма, на которых основана нацистская религия [sic], которой не было бы... у Карлейля.
«Был ли Карлейль первым нацистом?» (Anglo-German Review. II. № 2. 1938. January. P. 51)

Томас Карлейль и «божественные фельдфебели — инструкторы по строю» для беднейших англичан

Томас Карлейль требовал (1850 г.), чтобы «для воспитания юных душ ими командовали, а они повиновались. Мудрое командование, мудрое повиновение — способность к этому составляет вес нетто культуры и человеческой добродетели. Все хорошее пребывает во владении *этих* двух способностей... Хороший человек — тот, кто может приказывать и подчиняться. <...> Для свободного человека характерен не бунт, но повиновение». Единственный тип человека, к мнению которого стоит прислушаться (по Карлейлю),

это тот, «кто повинуется Богу и служителям Бога и непокорен дьяволу и его присным». Англия еще хранит «вождей... которые для своей власти не нуждаются ни в каком «избрании»: они от века избраны в ней Создателем», то есть провидением. В этих вождях, по мнению Карлейля, — надежда Англии на спасение: ведь «сама Вселенная есть Монархия и Иерархия». «Англия должна сообразоваться с вечными законами жизни, иначе погибнет и Англия». (Точно так же и Гитлер предостерегал Германию, ссылаясь на «железные законы бытия»...) Карлейлевский «истинный руководитель и король... знает божественное назначение вселенной, вечные законы Создателя, в приближении к которым заключается победа и счастье, а в удалении — скорбь и поражение...» Поэтому «ему — и только ему на все времена — принадлежит власть над этим миром... Выпадет ли этому человеку [провидения] возможность править (или это станет невозможным), от этого зависит спасение — или уничтожение — мира... Он не может повиноваться там, где властвуют дьявол и его слуги. <...> Нас сейчас не ведет... никакой дукс [прообраз грядущего дуче]. <...> Кто из теперешних государственных людей возьмет знамя и скажет, как герой: «Вперед!»? <...> Неужели на нашу долю достанутся только уличные баррикады анархии, баллотировочные урны и социальная смерть?»[232b] (Под «социальной смертью», видимо, следует понимать утрату положения.)

Поскольку мудрость заключена не в большинстве, то — по Карлейлю — воплотить в жизнь «вечный закон вселенной» (выдвинутый задолго до гитлеровских «железных законов бытия») можно лишь путем подавления этого большинства. И главное здесь для Карлейля — не мнение большинства, а его инстинкты (как позже у Хьюстона Стюарта Чемберлена, а потом и у Адольфа Гитлера). Ведь закон небес, как полагает Карлейль, воспринимается с помощью инстинктов: масса инстинктивно почувствует его «даже сквозь пивной хмель... и через риторику». Таким образом, связав атмосферу бюргерской пивной с завораживающим красноречием, Карлейль уже в 1850 г. опередил свое время, выразив тоску по антидемократическому тоталитарному повелителю. «Где бы ни были прирожденные властители [по натуре] <...> отыскивайте их и выращивайте... вам будут открыты все слои британского населения». Здесь же Карлейль предвосхитил гитлеровские «наполас», выйдя за социальные рамки английских паблик-скул.

Новую и истинную «аристократию» Карлейль мнил найти прежде всего в лице английских вождей промышленности, которые умеют *повелевать* людьми, заставляя их работать. Промышленники должны подчинить «эти орды лишенных вождей солдат... врагов всяко-

го правительства, которое не в состоянии дать им вождя, занять их делом...» Организация рабочей силы представлялась Карлейлю жизненно важной, мировой проблемой. Благодаря «мудрому повиновению и мудрому командованию пауперы, [потенциальные] бандиты, должны стать солдатами промышленности», а предприятия, в свою очередь, оказажутся связанными с государством, что «будет только началом спасительного прогресса, который коснется даже самых вершин нашего общества». Такое заявление подразумевает, что направление людей из низов в приказном порядке на работу — только начало, а в перспективе принудительным трудом предполагается занять и другие слои общества. Трудящиеся якобы потребуют от вождей промышленности: «Хозяин, нас нужно записать в полки. Пусть наши общие с вами интересы станут постоянными...» Вождям же промышленности следовало жестко привязать персонал к предприятию. В конце концов, — утверждал Карлейль, — ведь и лошади, если бы их эмансипировали и отдали бы им обратно их собственность — пастбища, — не стали бы добровольно тянуть плуги и оставили бы своих повелителей без хлеба. (Позже Гитлер в «Mein Kampf» приводил следующий аргумент: до того как плуг стали тянуть вьючные животные, этим приходилось заниматься пленным людям...) «Кочевые бандиты праздности, станьте солдатами промышленности!.. Да заберут вас на работу в трех королевствах или сорока колониях! Полковники промышленности, надзиратели за работой, командующие жизни... неумолимые... распоряжайтесь теми, кто стал солдатом...» — требовал Карлейль. От свободы же выбора места работы следовало отказаться.

«Заставьте того, кто доказал, что не способен стать сам себе хозяином, сделаться рабом и подчиниться справедливым законам рабства. <...> Не в качестве... злополучных сынов свободы, а в качестве сдавшихся в плен, в качестве несчастных падших братьев, которые нуждаются в том, чтобы ими командовали, при необходимости надзирали за ними и принуждали их. Вы, неспособные приказывать себе сами: ваша потребность из потребностей — оказаться под началом... С кочевой свободой перемещения покончено... началось солдатское повиновение... и необходимость в суровой работе ради пропитания. Вон из бессмысленной путаницы — конституционной, филантропической. Милосердие, благотворительность, помощь бедным — это не гуманизм, а глупость, сантименты ради тех, кто платит дань пиву и дьяволу».

В конечном счете «быть рабом или человеком свободным — это решается на небе». А «кого небо сделало рабом, того никакое парламентское голосование не в состоянии сделать свободным граж-

данином... Объявить такого человека свободным... это евангелие от беса...»

Обедневшие обитатели приютов домогаются порабощения «как недостижимого блага» — ведь они обнищали так, что живут хуже рабов. «Если вы будете отлынивать от суровой работы, не подчиняться распоряжениям — я вас упрекну; если это будет тщетным — я стану вас сечь. А если и это не поможет, я в конце концов вас расстреляю — и освобожу от вас... землю божью». Так государство станет тем, «чем оно призвано быть: основой настоящей «организации» рабочей силы» — когда «полки негодяев поголовно работают под началом божественных фельдфебелей-инструкторов по строю», — гласит формулировка Карлейля. «Ясно... что государство при формировании этих полков будет стремиться к тому, чтобы поставить *настоящих* надзирателей над душами людей, собрать их в полки [их]... и объединить в некую священную корпорацию избранных... каковые здесь — соль земли»[232c] — в таких словах развивал Карлейль нечто вроде концепции пуританского ордена, предвестника СС. «Критическое отношение Карлейля к демократии... можно назвать фашистским — и иногда это и в самом деле фашизм», — пишет Уолтер Хотон, британский историк, занимавшийся викторианской культурой[232d]. Во всяком случае, последователи Карлейля пришли именно к фашизму. Согласно представительной «Кембриджской истории английской литературы», изданной в 1916 г., «Карлейль был... крупнейшим нравственным авторитетом в Англии своего времени... Он оказал глубокое влияние на английскую духовную жизнь»[232e]. Среди тех, кто попал под его влияние, можно назвать Чарлза Кингсли, капеллана королевы Виктории, и Джеймса Фрода, оксфордского профессора истории.

Преданным последователем пуританина-империалиста Карлейля стал и провидец британского империализма Сесил Родс; и того, и другого очень ценили в нацистской Германии[232f]. «Библейские» взгляды Карлейля («существует природная аристократия, принадлежность к этой аристократии обусловлена цветом кожи», «совершенно справедливо, что более сильная и лучшая раса должна доминировать») стали особенно популярны после 1865 г. Это было связано с общим подъемом «научного» расизма, свою лепту внесла и публикация Робертом Ноксом расистской книги «Расы людей» в 1870 г.[232g] Следует также упомянуть, что Карлейль был яростным антисемитом, он проклинал «еврея Дизраэли», несмотря на то, что оба они проповедовали расизм и оба придерживались представления об «избранности». Таким образом, политические взгляды Карлейля действительно можно расценить как «прото-фашистские»[232h].

Большой поклонник Карлейля Уильям Джойс, которого называли «англичанин Гитлера», основал Клуб Карлейля, организацию близкую по своей сути к Британскому союзу фашистов[232i]. Если быть более точным, этот клуб являлся ответвлением британской Национал-Социалистической лиги. Клуб Карлейля был закрыт, когда Англия объявила войну гитлеровской Германии[232j]. Сам Карлейль, как впоследствии и Гитлер, был убежден в божественной миссии германской расы*. Таким образом, Карлейль предвосхитил ненависть Гитлера к демократии, к многопартийной системе, к избирательным урнам и ко всем «популярным заблуждениям 1789 года».

И именно к Карлейлю взывали немецкие «фёлькише» — в том самом году, когда Гитлер в Мюнхене попытался устроить путч: «Ах, дай же нам вождя, чтобы он... заставил нас трепетать! Мы готовы следовать за ним, Карлейль... Мы подчинимся ему!»[232k]

Следующий шаг после Карлейля и Ницше — Гитлер, — утверждал в 1946 г. Бертран Рассел в своей истории Западной философии[232l].

В 1938 г. «Anglo-German Review» опубликовало пронацистское эссе профессора Чарлза Сароли под названием «Был ли Карлейль первым нацистом?». Автор отвечал на этот вопрос положительно. «Нацизм — не немецкое изобретение, изначально он возник за границей и пришел к нам именно оттуда... Философия нацизма, теория диктатуры были сформулированы сто лет назад величайшим шотландцем своего времени — Карлейлем, самым почитаемым из политических пророков. Впоследствии его идеи были развиты Хьюстоном Стюартом Чемберленом. *Нет ни одной основной доктрины... нацизма, на которых основана нацистская религия* [*sic*], *которой не было бы... у Карлейля, или у Чемберлена*. И Карлейль и Чемберлен... являются поистине *духовными отцами нацистской религии...* Как и Гитлер, Карлейль никогда не изменял своей ненависти, своему презрению к парламентской системе... Как и Гитлер, Карлейль всегда верил в спасительную добродетель диктатуры»[232m].

И действительно, известно, что идеи Карлейля о политическом лидерстве повлияли на Адольфа Гитлера, который с энтузиазмом читал его труды[232n].

* Об этом свидетельствуют его рассуждения в “Фридрихе Великом”, а также письмо в “Times” по поводу франко-прусской войны 1870—1871 гг., и особенно его труд о норвежских королях (*прим. автора*).

Великий, гениальный англичанин и его «терпеливые усилия» спасают нас от бунтов, республик, революций... которые сотрясают другие, не столь широкоплечие нации.

Теннисон

Народные движения не были революционными, а революционные движения не были народными (в Англии). Если и происходило народное движение, — это было движение черни, направлявшей свою ярость против диссидентов и реформаторов.

Томис и Холт. «Угроза революции в Британии: 1789—1848»

Подчинение, иерархия и отсутствие революционных настроений

Установлено, что в английском языке слово «вождь» (leader) до 1933—1945 гг. встречается несравненно чаще, чем слово «Führer» в немецком. (Когда эсэсовцам потребовалось «задокументировать» традицию фюрерства у прагерманцев, они субсидировали издание монографии об англосаксонском лексиконе.)[232o] Например, британское радио, вещавшее на немецком языке, говорило о «вожде нижней палаты» (Führer des Unterhauses), о назначении вождя в результате консенсуса.

В Англии нового времени правительство — даже до реформы избирательной системы (т. е. во времена классовой дискриминации) — было *правительством консенсуса* (несмотря на то, что оно было олигархическим и коррумпированным)[233]. Интересно, что лишенные избирательных прав англичане все равно выступали в защиту своей страны от революционной Франции, декларировавшей свободу и права британцев. Слабое демократическое движение в Англии было быстро подавлено британским общественным мнением. В конттреволюционной Англии времен французских революционных войн реформаторы считались «изменниками»[234], а реформаторские идеи — «неанглийскими», «завезенными из Франции», поскольку правящий класс был одержим кошмаром якобинства; любое стремление к проведению социальных реформ воспринималось как «прелюдия к революции»[234a]. Тот факт, что, в противоположность остальной Западной Европе, в Англии в 1789—1848 гг. не произошло никаких революций, можно объяснить, в частности, отсутствием у народа революционных настроений, несмотря на то, что английские крестьяне находились в худшем положении, чем крестьяне в дореволюционной Франции[235].

Таким образом, панический страх английского истеблишмента и буржуазии, опасавшихся, что кровавый бунт черни может переброситься из Франции в Великобританию, оказался напрасным. Тем не менее, эти страхи вылились в ряд репрессий. В стране был введен повсеместный надзор. Дэвид Уорралл охарактеризовал Британию 1790—1820 гг. как страну шпионов, в которой надзирали даже за надзирателями. В результате стало опасно высказывать любые критические замечания, пусть даже выраженные в скрытой форме, поскольку повсюду была сеть информаторов. Так, в 1803 г. англо-ирландский полковник Маркус Эдвард Деспард был казнен только за *разговоры* о восстании. В том же году было выдвинуто обвинение против великого английского лирика — мистика и хилиаста Уильяма Блейка*. В 1810 г. был заключен в тюрьму Уильям Коббетт, протестовавший против телесных наказаний в армии, а в 1812 г. двух распространителей его листовки наказали плетьми. В 1812 г. «радикальный» книготорговец Дэниэл Айзек Итон был поставлен к позорному столбу и заточен в тюрьму. Вся страна была опутана шпионской сетью министра внутренних дел лорда Сидмута. Стоит также упомянуть резню при «Питерлоо» (1819, Манчестер, увековечена Перси Биши Шелли** [235а]) и зверскую бойню, устроенную драгунами в Бристоле и унесшую 500 жизней (1831). В 1839 г. полиция открыла огонь по демонстрации чартистов, требовавших всеобщего избирательного права, а в 1852 г. было выдвинуто обвинения против 1500 забастовщиков[236].

Отсутствие в Англии революционных настроений превращалось в предмет гордости — например, для Теннисона[237]. А в 1797 г. будущий премьер Джордж Каннинг описывал, как английские «якобинцы» безуспешно пытаются подбить беднейшее население на мятеж против империи[238].

В Великобритании — даже во время Французской революции — народные массы выступали не против господствующих классов, без труда удерживавших власть, «а против мнимых врагов "церкви и короля"». Томис и Холт отмечали, что если в Англии и происходило народное движение, то «это было движение черни, направлявшей во имя церкви и короля свою ярость против церковных дисси-

---

* Блейк писал: "Пусть раб восстанет. Его цепи разбиты. Его тюрьмы не стало... Ангел Альбиона яростно сжигает".

** "И вот гляжу, в лучах зари,
Лицом совсем как Кэстльри (Каслри, министр короны),
Убийство, с ликом роковым,
И семь ищеек вслед за ним..."

(Маскарад анархии / Пер. К. Бальмонта // Шелли П. Б. Избранное. М., 1997. С. 89.)

дентов и реформаторов». Например, бунты в декабре 1792 г. были направлены *против* парламентской реформы. Предшествующие же народные возмущения (1780) имели своей целью не допустить улучшения положения католического меньшинства. Подобные побуждения проистекали из «темных страстей», схожих с нацистской ненавистью, — писал Джеральд Ньюмэн, сравнивший протестантского фанатика тех времен Джорджа Гордона с Адольфом Гитлером. Как раз такая чернь в 1791 г. сожгла дом видного богослова, ученого и радикала Джозефа Пристли.

Именно такая контрреволюционная атмосфера 1795—1820 гг. — *репрессии, антиинтеллектуализм и фанатизм* — способствовала быстрому росту духовной и социальной сплоченности, сословной солидаризации английского общества. Эта реакция родилась в самых глубинах и захватила все классы. «За Церковь и Короля!», — скандировала Англия. Страна была охвачена паникой, вызванной воображаемым вторжением французов и подстрекаемым французами бунтом ремесленников и рабочих (а может быть, и интеллектуалов, управляемых из Франции, «небританских радикалов» в духе Вольтера, адепта «безбожия и революции»). «Этот панический страх перед революцией на много десятилетий определил отношение британского общества к радикально настроенным элементам», — такой вывод сделал Джеральд Ньюмэн.

Народное движение было не революционным, а ксенофобским; оно как бы предвосхитило поддержку рабочими британских расистов в XX в. (и уже в конце XIX в.). (Такая реакция не являлась чем-то новым: «Уже с XVI века нападения на иностранцев... случались [в Англии] достаточно часто. Инстинктивная ксенофобия, по-видимому, уже на протяжении многих веков являлась эндемической чертой местного городского жителя... Наличие такой ксенофобии *в течение* очень длительного периода *английской* истории является бесспорным».) Для английских рабочих, способных на выступления, характерна была «не готовность требовать фундаментальных изменений», даже в рамках господствующей социальной системы, а «готовность искать себе жертвы среди политических новаторов». Для английских рабочих — даже во время их обнищания — раса значила больше, чем класс[239]. Немногочисленные английские революционеры остались в изоляции. А правящий режим Британии успешно клеймил чисто реформаторские устремления меньшинств как «непатриотические».

Преступление *по определению* должно было носить неанглийский характер. Так в 1790 г. британские суды считали, что в основе преступной деятельности кроются французские корни. К 1803 г. в глазах англичан французы стали олицетворять преступность и ди-

кость: неконтролируемые страсти, садизм, животные инстинкты, каннибализм, сексуальное насилие, содомию и тому подобное. За 140 лет до распространения нацистских представлений о большевиках аналогичная пропаганда велась англичанами в отношении французов: «[революционно настроенных] французов нельзя назвать людьми, это какой-то особый подкласс существ, какой-то подвид монстров...» Плакат с надписью: «Подходят ли французы хоть для одной из наших человеческих игр? Смог бы француз сыграть с нами в крикет? Да, пожалуй, с таким же успехом мы могли бы играть с обезьянами...» (1803) можно назвать еще одним из самых безобидных. А с 1846 г. обычных преступников в Англии стали называть «уличными арабами», «английскими кафрами» и «готтентотами»[239a].

Внутри Англии никогда не было «пятой колонны». Ведь англичане — даже беднейшие — принимали свое низкое положение в социальной иерархии как данность и в своем верном послушании оставались солидарны с господствующими классами. Они испытывали не ненависть к высшему сословию, но удовлетворение от того, что кто-то занимает еще более низкое, чем они сами, положение. «Англичане смотрят вниз с презрением, а вверх — с восхищением. В Англии нет предпосылок для... революции», — такой вывод делал автор «Английской идеологии».

Высказываясь *против* повышения значимости народного представительства, в 1910 г. приводился такой аргумент: Англичанин прежде всего англичанин, не важно, рабочий он или лорд[240]. К такой же дисциплинированной общности стремился шеф гестапо Генрих Гиммлер, требуя от «народа» порядка и подчинения как «основ его силы» (причем сначала порядка и подчинения, а потом уже столько раз заклинаемого «единения»)[241].

Именно такое расовое единство грезилось доктору Геббельсу как прототип его национал-социалистического «Volksgemeinschaft». Еще в 1930 г. он не раз восхищался национальной сплоченностью «политически воспитанного народа», образцового в своем стремлении сформировать единонаправленную национальную волю[241a]. И в 1939 г., когда была развязана война, Геббельс ссылался на то, что в Англии сознание национальной принадлежности — нечто само собой разумеющееся, тогда как в Германии его только внедряют как очередную задачу, имеющую первостепенную важность*.

Однако доктор Геббельс мог ссылаться и на то, что и в Англии дело объединения нации — уже и при жизни Гитлера — не обходи-

* Поводом для этого высказывания послужил упрек, прозвучавший по британскому радио, вещавшему по-немецки. мол, в Англии каждый вправе слушать передачи из Германии, а в гитлеровской Германии тех, кто слушает зарубежные радиостанции, строго наказывают (*прим. автора*).

лось без казней. В ходе Первой мировой войны (1914—1918 гг.) 269 британских солдат были казнены за дезертирство, в то время как в вдвое более многочисленной кайзеровской армии за подобное правонарушение было казнено «лишь» 18 солдат. За шесть месяцев до немецкой революции 1918 г. баварский наследник престола принц Рупрехт с завистью смотрел на Британию, расправившуюся с таким количеством дезертиров. Мотивом для казни британцев послужило не столько желание покарать виновных за их конкретное преступление, сколько желание преподать урок остальным солдатам. Нацисты воспринимали британскую беспощадность как ключ к собственному успеху во Второй мировой войне. В результате за период 1939—1945 гг. в гитлеровской армии за дезертирство было казнено 10000 человек, а в британской армии — ни одного[241b].

Ведь, в конце концов, не прошло еще и 21 года со времени успешного восстания немцев против собственных властителей, в то время как в английской истории таких прецедентов не было с XVII века. На своих военных судах англичане не поднимали красных флагов с 1797 г.*. Английские моряки, даже насильно направленные на службу во флоте, не жалея себя, защищали своих повелителей. И не потому, что боялись наказания: «человек будет трудиться, чтобы избежать кнута, но его невозможно заставить идти в смертельный рукопашный бой... врываться на борт вражеского корабля и брать его штурмом, скорее уж с абордажной саблей в руках он пойдет против собственных офицеров», — справедливо отмечал Филип Мейсон. Немецкие же матросы подняли революционные флаги на военных кораблях своего кайзера и в начале ноября 1918 г. Немецкие революционеры победили в 1849 г. в Бадене и в Баварском Пфальце — хоть и не устояли против прусской интервенции — в 1918 г. — в Киле, а в 1920 г. и в Берлине (сорвав капповский контрреволюционный путч). Немцы положили за дело революции только в 1848—1849 гг. и в 1918—1919 гг. несравненно больше жизней, чем англичане за предыдущие два с половиной века. (Именно *после того как* на континенте участились восстания, политически бесправным англичанам «в качестве профилактики» постепенно даровали «врожденные права англичанина».) Ведь малообеспеченные англичане в целом намного покорнее мирились со своим подчиненным социальным положением, чем многие поколения немцев. А после казни пяти немецких мятежников в Чикаго (1886)

* Английские моряки провозгласили “Floating Republic” (плавучую республику (*англ.*)) и грозили блокировать Лондон; но когда их требования были удовлетворены, моряки его британского величества вновь подняли на мачте его флаг, чтобы защитить Англию от флота Нидерландов, ставших якобинскими (*прим. автора*)[241a].

среди американцев был поднят крик: «Англосаксонской расе господ всерьез грозит опасность социальной катастрофы, если ее сомнут революционные расы!»[242] Под «революционными расами» (ведь зачинщикам мятежа как врагам надлежало быть иностранцами) имелись в виду как раз немцы.

Мятежники — так повелось — были «изменниками» не только для Адольфа Гитлера. Вполне логично, что будущий фюрер всех немцев ссылался на слова (сказанные еще до того, как сложилось убеждение, что «Гитлер — это Германия, а Германия — это Гитлер») некоего британского полковника — привыкшего к английской модели «расового единства», привыкшего к социальной сплоченности англичан, к отсутствию в Великобритании революционных настроений. «У немцев каждый третий — предатель», — утверждал он[243].

Напротив, «Англия не ведет переговоров с предателями» — так гласил ответ, полученный в 1938 г. немецкой группой сопротивления во главе с генералом Фричем*[63], когда последний заклинал мистера Невилла Чемберлена не отдавать Судетскую область «фюреру», не поддаваться на его угрозы и дать возможность этим немецким офицерам свергнуть и арестовать Гитлера еще в самом начале его военной акции. Ведь в Англии — прямо-таки как в образцовом национал-социалистском «расовом единстве» — сопротивление «своему правительству» квалифицировали как низкую измену «своей стране».

С таким же отношением столкнулся и немецкий социал-демократ Вернер К., когда в 1938 г. попросил политического убежища в Великобритании. При официальном собеседовании судья, принимавший решения, спросил его, почему тот не хочет оставаться в Германии, на своей родине? Узнав, что Вернер не согласен с политикой тамошнего правительства, судья обрушился на него: «Так вы хотите жить в Англии, чтобы так же действовать против нашего правительства?»*[64]

Этим можно объяснить то, почему к интернированным иностранцам, жертвам фашизма в их собственных странах, в Англии относились жестче, чем к британским фашистам. Ведь, в конечном счете, последние считались патриотами Британии, в то время как первые — предателями своей страны. Подчас интернированные

*[63] Фрич Вернер фон, барон (1880—1939) — нем. воен. деятель, генерал, с 1935 г. — главнокомандующий, в 1938 г. снят с этой должности за разногласия с Гитлером.

*[64] Когда проситель возразил, сказав, что он — противник национал-социализма, судья спросил переводчика: “Что это такое?” И тот ответил: “Не знаю, ваша честь, — возможно, что-то вроде лейбористской партии” (*прим. автора*).

оказывались просто в невыносимых условиях. Так, двое бывших узников гиммлеровских концлагерей покончили с собой в Англии.

Таким образом, английский патриотизм однозначно оценивал экзистенциальное неприятие правящего в отечестве режима как бесчестное предательство. В Англии принцип «My Country, right or wrong» («Это моя страна, права она или не права») стал частью «здорового» национального чувства (формирования которого так добивался национал-социализм), и дело обошлось даже без «völkische» доктрины о расовом единстве. В Англии не понадобилось и особой партийной идеологии, к которой так стремился Альфред Розенберг. Этот рейхсляйтер совершенно правомерно выдвинул следующий довод: сэр Освальд Мосли вполне мог бы не называть свою партию партией британских *фашистов*[244]. А британские идеологи фашизма по праву настаивали на том, что за ними стоит прочная и давно сложившаяся британская традиция — в частности, от Эдмунда Бёрка до Бенджамина Дизраэли[245].

Все есть раса. Другой истины нет.

Невежество — ваша сила.

Рабочий класс Англии гордится тем... что он хранит свою империю.

Бенджамин Дизраэли

Если вы хотите избежать гражданской войны, вам следует стать империалистом.

Сесил Родс

ГЛАВА 4
БЕНДЖАМИН ДИЗРАЭЛИ. ОБЪЕДИНЕНИЕ НАЦИИ В ИМПЕРИЮ ЧЕРЕЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧИСТОТЕ РАСЫ: НЕ КЛАСС, НО ОДНОРОДНАЯ МАССА

В качестве премьер-министра (в 1868 г. и в 1874—1880 гг.) Дизраэли, лорд Биконсфилд (1804—1881), отстаивал основополагающие политические постулаты о приоритете врожденных прав англичанина перед правами человека; он проповедовал постулаты британского империализма и солидарной общности англичан, усматривая в них в первую очередь социальные задачи. Вся его политика велась во имя высшей расы и расовой чистоты. Этот премьер Великобритании и личный друг королевы Виктории первым из европейцев провозглашал (и — по словам Ханны Арендт — «намного последовательней, чем копеечные души в облачениях ученых»[246]), что «раса — это всё» и основа ее — кровь. «Опыт блуждания по всем окольным и ложным путям истории сводится к одному решению: все есть раса». «Истина в том, что как прогресс, так и реакция — только слова, выдуманные для мистификации миллионов. Они ничего не значат, они — ничто... Всё есть раса»[247]. Под этим мог бы подписаться и Адольф Гитлер. (Не случайно антидемократический, католический теоретик права Карл Шмитт стремился истолковать

мании Гитлера как «дизраэлизм буйно помешанного германизма».) Во всяком случае, в «Mein Kampf» Гитлер рекомендовал подходить к истории, пользуясь именно расовыми категориями. А «единственное, что создает расу, — кровь», — писал Дизраэли[248].

Величие Англии для Дизраэли было «вопросом расы», вопросом доминирования высшей расы. «Упадок расы неизбежен... если только она... не избегает всякого смешения крови», — утверждал Дизраэли (за полсотни лет до Хьюстона Стюарта Чемберлена и почти за восемьдесят до Адольфа Гитлера)[249]. «История английского патриотизма» поддерживала точку зрения Дизраэли: «У любого приличного человека при одной мысли о браке [англичанки] с негром должна кипеть кровь <...> Столь модное нынче естественное равенство, принявшее форму космополитического братства... если бы и могло стать реальностью, испортило бы великие расы и полностью погубило бы гений мира [sic]»[249a]. «Еврейская расовая замкнутость отчетливей всего [sic] опровергает учение о равенстве всех людей», — уверял Дизраэли в 1853 г.[250]

«Все есть раса; другой истины нет», — настаивал он еще в 1847 г. в одном из своих романов[251]. А романы Дизраэли, как утверждалось, были популярнее знаменитых романов Вальтера Скотта[252]. Дизраэли еще задолго до гитлеровца Юлиуса Штрайхера сформулировал любимое изречение последнего: «Расовый вопрос — ключ к мировой истории»[253]. О том, что расовое превосходство («supremacy of race») является ключом к истории, граф Биконсфилд заявил в своей речи, произнесенной в 1873 г. в Глазго, по поводу вступления в должность[254]. Во всяком случае, понятие «раса» считалось ключом к политике Дизраэли[255]. «В романах Дизраэли... раса — это догма; она настойчиво подается как фактор, важный... для будущей науки о человеке. По сравнению с расовым вопросом политика — пустая риторика»[256]. «Бог действует через расы»[257].

При этом «Дизраэли... вера которого в расу являлась верой в свою расу [он причислял себя, в частности, к «расе» еврейской], — первый государственный деятель, веривший в избранность, но не веривший в Того, кто избирает и отвергает», — напоминала Ханна Арендт[258]. «Те, кто обретает причастие у Бога, могут... принадлежать только к священной расе», — заявлял Дизраэли[259]. Тем не менее, по утверждению Ханны Арендт, он «был первым идеологом, который осмелился заменить слово "Бог" словом "кровь"»[260]. По его мнению, избранные были определены навсегда[261], а «семитская раса» стала избранной благодаря чистоте крови. Так богословие получило биологическое обоснование, а чистота британской расы была ревитализована архетипической, ветхозаветной, еще более чистой «бла-

городной кровью». То есть «предопределение» претерпело рационализацию и стало «послеопределением» (Nachbestimmung (*нем.*))[262]. Если в романе-видении Дизраэли «Танкред» его «Commonwealth» (содружество (*англ.*)) еще санкционировал Бог Синая и Голгофы, то есть Ветхого и Нового Заветов, то «воплощал» его в жизнь прагматичный английский шовинизм, «джингоизм» 1872—1878 годов[263].

Ханна Арендт видит в этом радикальном секуляризаторе ветхозаветного представления об избранном народе «создателя теории, необходимой для... угнетения чужих народов»[264]. (Гитлер понимал мысль Дизраэли именно в таком ключе: *от чистоты расы зависит успех империалистического колониального владычества.*) Ведь Дизраэли недвусмысленно заявлял, что «пагубные учения... о естественном равенстве людей»[265] необходимо искоренить[266], поскольку время парламентов прошло. Человек создан, чтобы поклоняться и повиноваться[267].

Уже в 1844 г. Дизраэли был *одним из первых* идеологов «расовой элиты», тем, кто противопоставил «аристократию от природы» аристократии, существование которой основано на истории и традиции. Дизраэли (за восемьдесят лет до Адольфа Гитлера) определял эту аристократию как «...*несмешанную* расу с первоклассной организацией» — по аналогии с «древними иудеями»[268]. «Дизраэли — английский империалист и еврейский шовинист... потому что “Израилем” его фантазии стала именно Англия»[269]. Но отнюдь не только его фантазии: в апогее британского империализма Дизраэли соединил иудаизм (ветхозаветные идеи избранности) с британскими представлениями об избранности, которые (через кальвинистское пуританство) сами опосредованно проистекали из ветхозаветных источников.

Поэтому он заявлял, что расы «арийцев и семитов имеют одну и ту же кровь и происхождение, однако... им суждено идти в противоположных направлениях»[270]. Ранее он предупреждал читателя (задолго до возникновения Третьего рейха), что «невозможно что-либо сделать, пока арийские расы не высвободятся из пут семитизма»[271]. Потому что, согласно Дизраэли, «семитизм научил людей презирать собственное тело»[272]. Высшей целью жизни Дизраэли провозглашал «жить в арийской стране, среди людей арийской расы, возвращать к жизни... арийский символ веры»[273]. По этой причине он приветствовал — в связи со строительством Суэцкого канала — создание «естественной разделительной границы» между «эфиопами» и «Великой расой»...[274]

Элитарное классовое воспитание великой расы (англичан) также вызывало у Дизраэли настоящее восхищение: «Вы хорошие стрелки, вы умеете ездить верхом, вы умеете грести... И то несовершен-

ное выделение мозга... которое называется «мыслью», еще не согнуло вашего стана. Вам некогда много читать. Напрочь исключайте это занятие!»[275] Таким образом, лозунги, которые англичанин Джордж Оруэлл в романе «1984» высмеял как атрибуты грядущего тоталитаризма, еще Дизраэли выдвигал в качестве принципов воспитания английской элиты — в момент, когда английский империализм подходил к своему апогею: «То, что вы называете *невежеством*, — это ваша *сила*: отсутствие книжных знаний. Книги пагубны. Это проклятие человеческой расы...»[276]. (Правда, Лотарь — герой романа Дизраэли — «нарушил основной принцип первоклассного арийского воспитания и рискнул немного почитать»[277].) Дизраэли так сформулировал одно истинно английское воззрение: «Что меня восхищает... — это то, что они [образцовые, неиспорченные арийцы] умеют говорить только на одном языке. И что они никогда не читают. Вот... высшее воспитание!»[278] Образцовый герой одного романа Дизраэли заявляет: «Я не терплю книг в моем доме...» (Именно со времен Дизраэли (конец 1880-х гг.) прослеживается безразличное отношение английских рабочих к образованию.) Но «арийские ли это принципы?», — спрашивает другой герой. На этот сам собой напрашивающийся вопрос Дизраэли отвечает: «Да... И я верю, [что] этим принципам предстоит великое воскрешение. Мы доживем до него, мы сможем увидеть воскрешение»[279] этих самых арийских принципов. И мир действительно дожил до него всего-то лет через шестьдесят после кончины Дизраэли — при самом последовательном из всех почитателей его империи.

К «арийским принципам» Дизраэли относил и «законы, которые должна соблюдать первоклассная раса для сохранения здоровья»[280]. В конце концов, «римляне обрекали уродливых детей на немедленное уничтожение. [А] качественное единообразие расы слишком тесно связано с общим благом, чтобы предоставить его на произвол частных лиц». (Ведь даже технологическое превосходство, согласно евгенике Дизраэли, не могло бы защитить опустившуюся, гибнущую расу. Он уверял, что могучая военная машина Англии в руках отсталой расы оказалась бы столь же бесполезной, как «греческий огонь» для поздней римской Империи, т. е. Византии, в ее борьбе против молодых, более витальных народов.) Следовательно, «необходимо издать законы, призванные обеспечить все это [политику, диктуемую расовой евгеникой]. И настанет день, когда они появятся»[281]. И верно, настал день, когда они появились. Правда, не в Англии Дизраэли — на родине евгеники, а в государстве под властью самого последовательного селекционера (а прежде всего — истребителя) рас из всех основателей империй.

Одну из его главных «биологических» и социал-дарвинистских идей Дизраэли предвосхитил в такой формулировке: «Превосходство инстинктивного человека — важный признак аристократии». С другой стороны, Дизраэли «нашел язык, на котором его были готовы слушать буржуазия и мещане»: ведь он делал упор на «естественные свойства расы, достигаемые селекцией». «Правда, Дизраэли не довелось встретить во плоти своего «инстинктивного человека» (animal man) и олицетворение расы», — замечала Ханна Арендт[281a].

Но, видимо, расовая евгеника оказала на Дизраэли столь сильное впечатление именно потому, что для этого глашатая империи *раса* изначально должна была лежать в основе понятия о *национальном единстве*: «Раса — это то, что объединяет нацию». В такой форме концепция Дизраэли сформулирована в «Истории английского патриотизма» (1913)[282]. Ведь Дизраэли был убежден, что «среди миллионов [англичан] еще кишмя кишат представители... столь сильного и совершенного типа, как арийский. И [его] можно развить»[283]. Дизраэли возлагал надежду на здоровый расовый патриотизм (правда, еще не на нацистское «здоровое национальное чувство») именно беднейших англичан[284]. Он возлагал надежду на их «национальный характер». А императив *национального* характера — то есть расы — Дизраэли ставил выше конституции. Именно тот императив «национального характера, который (как заявлял уже Карлейль) едва ли может расцвести при власти большинства». Высказывания Дизраэли сделали «фарсовый характер народных выборов... еще более вопиющим», — уверенно заявляет автор «Истории английского патриотизма»[285]. В своих заявлениях Дизраэли провозглашал примат расовых интересов над классовыми: чем была бы его консервативная «партия тори, не будь она *национальной*? Ничем». «Это партия многих классов империи. Другая партия [либералов] стремится заменить *национальные* принципы [Англии] космополитическими, объявляет войну всем нравам и обычаям народа этой страны, насаждает в ней космополитические идеи»[286].

Дизраэли пытался привлечь на сторону своего «национального дела» не только консервативную партию, но и рабочих[287]. Гитлер придерживался аналогичной точки зрения: в одной из своих первых речей в качестве рейхсканцлера он заявил, что видит «первейший долг правительства... в привлечении... немецкого рабочего на сторону национального дела».

Дизраэли демонстративно включил в число своих политических требований улучшение гигиены труда в промышленности и обеспечение рабочих сносными жилищными условиями[288]. Пусть это еще не было похоже на нацистскую организацию «Сила в радости»

(«Kraft durch Freude»*[65]), но, по крайней мере, речь уже шла об уменьшении страданий, вызывающих слабость. Дизраэли можно считать изобретателем набора методов, позволявших консерваторам настраивать беднейшие массы против либерализма. Оскар Шмитц, автор пятисотстраничного «Английского завета, который Дизраэли оставил Германии», изданного в 1916 г., в разгар первой мировой войны[289], рассматривает вопрос о том, насколько додемократические институты кайзеровской Германии — несмотря на все тогдашние вильгельмовские лозунги типа «Боже, покарай Англию!» — могли в своей социальной политике следовать завету Дизраэли, лорда Биконсфилда. Утверждая, что рейх не нуждается в парламентаризме, Оскар Шмитц также ссылался на авторитет Дизраэли: «демократический консерватизм Дизраэли — единственное спасение от переворота»[290]. Действительно, в Англии Дизраэли удалось убедить большинство рабочих отказаться от революционных идей и даже забыть о классовом антагонизме: «Они не приемлют космополитических принципов, они твердо стоят за национальные основы»[291]. Соответственно уже для Дизраэли забота о благе бедняков сосуществовала с заботой о строительстве империи — и о сохранении существующего социального устройства[292].

Именно с помощью своей политики империализма и своей приверженности расовой иерархии Дизраэли намеревался преодолеть социальную дистанцию между классами Англии — между «богатыми и бедными... между привилегированными и народом, между двумя нациями»[293]. По его мысли, из «двух наций», разделенных классовыми противоречиями, должна возникнуть единая, объединенная нация — а цементировать такое национальное единство будет популяризация империализма. (Так, уже в 1912 г. могло прозвучать следующее заявление: «Всякий, над кем развевается флаг Юнион Джек, — в равной мере англичанин, будь он лорд или докер»[293a].) Империализму лорда Милнера мешали классовые противоречия; он призывал к «имперской консолидации» путем «устранения причин классовой вражды». Рассуждая в таком духе, фашистские фюреры Англии пытались изображать и защищать империализм своей страны как социалистический[293b]. Например, автор «Английского завета, который Дизраэли оставил Германии», в 1916 г. утверждал, что последний «учитывал социалистические [т. е. социальные] требования» и (именно ради них) сделал Империю жизненно необходимой для Англии[294].

*[65] "Сила в радости" — национал-социалистическая организация в составе Германского трудового фронта, занимавшаяся вопросами досуга, отдыха и развлечений среди рабочих. Руководитель организации Роберт Лей стремился избавить рабочего человека от "чувства неполноценности, которое он унаследовал от прошлого".

Желательно, чтобы Германия достигла в своем развитии состояния Англии, где благодаря империализму «социал-демократическая революция... имеет совсем ручной характер», — такой совет давал кайзеровской империи еще Карл Петерс[295]. Согласно этому завету, классовой стабильности в Германии следовало добиваться с помощью такого социал-империализма. Именно Адольф Гитлер обещал пойти этим путем и отменить классовый антагонизм в Германии. Он называл себя «неизменно представителем бедноты» и намеревался создать «для немецкого плуга» на восточном пространстве, т. е. в России, в «германской Индии», не имевшую себе равных расовую империю. Решающим фактором социального единства этой империи (как это уже было в Британской Индии) должно было стать сознание расового превосходства[296]. (Ведь незаменимый солдат колониальной Британии, которому доставалась лишь «скудная частица того, что Великобритания выжимала из Индии, тем не менее жил в уверенности, что он — как белый человек — обладает привилегией... смотреть свысока на *всех* индийцев, от [владетельного] князя до уборщика»[297].)

Именно при Дизраэли *расовая* основа национального единства и империализма сделалась очевидной. Упор теперь делался на «традиции британской расы» — причем особую ценность представляли голоса рабочих. В результате «расовый инстинкт» связывал британцев сильнее, чем классовый. Распространение избирательного права на британских рабочих совпало по времени с популяризацией империализма в Англии[297а]. (Например, Джозеф Чемберлен*[66] «как представитель британской *расы*» мотивировал свои политические цели надпартийными и «*национальными* интересами»[298].) В результате у англичан действительно укреплялось сознание принадлежности к «имперской расе» и национальное единство. И это же расистское сознание своего превосходства служило для узаконивания британского империализма. Ведь именно Дизраэли сделал королеву Викторию «императрицей Индии» (1877).

Дизраэли прежде всего объявил, что партия консерваторов является выражением идеи национального единства, а ее деятельность имеет общеимперское значение. Для этого он сумел придать партии тори национальную направленность, представить дело так, будто она стоит выше классовых интересов. Ведь благосостояние рабочих *должно было* считаться вопросом не менее важным, чем сохранение империи. Своим рабочим избирателям Дизраэли рекомендовал улучшать социальное положение вместо того, чтобы при-

*[66] Чемберлен Джозеф (1836—1914) — англ. гос. деятель, в 1895—1903 гг. — министр по делам колоний в консервативном кабинете Солсбери.

нимать активное участие в политике: «Вы станете... имперской страной [sic], в которой ваши сыны достигнут высочайших традиций и будут внушать миру уважение...» Дизраэли еще задолго до национал-социалистов Гитлера обращался к непривилегированным классам, заявляя: «Содействие [даже] самого простого человека [позже сказали бы: «соотечественника», Volksgenosse] будет... эффективным»[299].

В программной речи, произнесенной в Хрустальном дворце 24 июня 1872 г., Дизраэли подчеркивал достоинства своей модели «расового единства»: «...Рабочий класс Англии особенно горд тем... что принадлежит к империи, он полон решимости хранить... *свой* imperium, величие и империю Англии... Рабочий класс Англии... — английский до мозга костей, он отвергает политические принципы космополитизма». Эта речь была названа «*часом рождения империализма как внутриполитического лозунга*», поскольку она открывала радужные перспективы для «среднего человека». Наконец-то нашел себе приложение инстинкт повелевать, присущий обывателю. (В Лондоне не было ни одного нищего, который не называл бы буров иначе, чем «наши мятежные подданные»)[300]. Почти половина рабочего класса Британии голосовала за консерваторов даже в период между двумя мировыми войнами. Во всяком случае, память о Дизраэли и в XX веке осталась «дорога массам» — именно благодаря тому, что его империализм ассоциируется с улучшением социального положения рабочих. К тому же британский рабочий «по рождению» получил священное право на огромные незаселенные пространства империи. (Министр по делам Британской Индии Леопольд Эмери восхвалял имперскую идею как способ «зажечь воображение рабочего люда». Ведь империализм охватил и партию лейбористов, как отметил Маккензи.) Эти уступки рабочему классу служили популяризации империализма и упрочению существующего общественного порядка. Дизраэли «открыл души англичан для осознания свободной [для *них*] империи». (Англичане воспитывались в духе абсолютного подчинения. «Не думай о себе, а думай о своей стране и своем работодателе. Самоотречение окупается всегда», — учил бойскаутов их лидер и основатель.)[301]

И как раз этой империи, как заявлял Дизраэли, грозит опасность со стороны либерализма[302] — не говоря уже об угрозе со стороны русских (русских «медведей»), которых он заклеймил как «монгольскую расу»[303]. При нем Россия, как известно, сделалась главным объектом британской политики на Востоке, ставшей еще более агрессивной, а английский консерватизм приобрел империалистическую ориентацию[304]. Дизраэли систематически внедрял в со-

знание англичан империалистические убеждения как подчеркнуто «национальные» — начиная со своего программного романа «Танкред» (1848), в котором ветхозаветная идея избранности интерпретировалась в расистско-биологическом духе. «После его смерти... даже его противники были вынуждены идти путями, которые указал он», — такой вывод делается в немецкой публикации времен национал-социализма[305], описывающей положение в Англии. Но это замечание было справедливо и для Германского рейха Адольфа Гитлера. Там еще в 1937 г. идеализировали Дизраэли[305а].

В ответ на возмущение действиями Османской империи (поддерживаемой Англией), которая устроила резню болгар, посчитав их «подрывным» элементом, Дизраэли в 1876 г. попытался приуменьшить значительность происходящего, заявив, что 12000 жертв (на 370000 жителей Болгарии) — нельзя назвать *геноцидом*[306] — «...пока Англией правят английские партии, правят в соответствии с принципами, на которых возведена наша империя». Ведь «наш долг — в этот критический момент [резни болгар] сохранить imperium Англии»[307]. Даже почитатель Дизраэли, Эме Уингфилд-Стратфорд, отмечает, что «лорд Биконсфилд... оправдывал свою политику более интересами Англии, чем честью [Англии]»[308]. Дизраэли никогда не руководствовался «гуманными побуждениями», «душевные порывы "гуманности" были ему ненавистны», — констатировал в 1916 г. автор «Английского завета, который Дизраэли оставил Германии», сожалея, что государственные мужи Германии (*пока еще*) не следуют его примеру[309]... Ведь Дизраэли, — напоминает этот англоман вильгельмовских времен, — «почитал в англичанах именно то, что не нравится массе: аристократическую волю» к власти, присущую расам господ. «Будучи евреем... Дизраэли находил совершенно естественным, что в «правах англичанина» есть нечто лучшее, чем в правах человека», — подчеркивает Ханна Арендт[310]. И собственное его признание совершенно недвусмысленно: «Что касается нетерпимости — у меня нет никаких возражений против нее, если это элемент силы. Долой политическую сентиментальность!»[311] — на жаргоне нацистского рейха это выражение звучало бы как «слюнявый гуманизм». Героя романа Дизраэли, афоризмы которого выражают расистско-империалистические убеждения подобного рода, одна из самых авторитетных «Историй английской литературы» характеризует как «исполненного мудрости». В «Истории английского патриотизма», восхваляющей Дизраэли, отмечается, что «...любовь Биконсфилда к Англии, его патриотизм проявлялись в том, что он отстаивал интересы своей родины — без оглядки на принципы: политику не должны определять никакие иде-

алы, кроме идеалов скотов или хозяйственников*. Ради процветания Англии он был готов закрыть глаза на тиранию и несправедливость»[312]. Этот же историк, пишущий об английском патриотизме, поясняет, что такой подход был следствием приоритета расы: «...Дизраэли был способен доводить следование расовой доктрине до опасных крайностей. Этой доктриной... объясняется та нехватка сочувствия малым нациям, которая порой темным пятном ложится на его политику»[313].

Такое отношение к малым народам стало традицией. Оправдывая выдачу Адольфу Гитлеру Чехословакии, британская пресса в 1938 г. писала: «Малые нации должны вести себя как малые»[313а] (это о требовании сохранять верность союзным обязательствам перед ними). Точно так же звучит один из принципов внешнеполитической концепции фюрера британских фашистов сэра Освальда Мосли. И сам Гитлер напоминал в одной из своих речей, что он — фюрер немецкого народа (только и единственно); с него довольно бессонных ночей, которые он посвящает благу единственно немецкого народа; о благе других народов пусть заботятся их государственные деятели... Именно в этой связи он мог бы сослаться на слова Иммануила Канта о моральных установках образцового англичанина: «Но чужестранец... всегда может умереть на навозной куче, так как он не англичанин, то есть не человек»[314].

И если Гитлер и его идеи в 1936—1939 гг., в решающие годы создания военного потенциала Третьего рейха, встречали столь широкое понимание — и чуть ли не одобрение — у видных государственных мужей Англии, если его дело они инстинктивно воспринимали как вполне «понятное», то здесь явно не обошлось без унаследованного ими этноцентризма и расизма «расы господ». Англичане считали, что им, как и древним римлянам эпохи Августа, «досталось преимущественное право завоевывать и приказывать. Пусть другим... остаются искусство, наука и философия» (1895)[315].

* В оригинале: “of brutes or economic men” (*англ.*) (*прим. автора*).

Когда англичанин чует расу вождей, он почтительно склоняется и прокладывает ей дорогу...
Вильгельм Дибелиус

ГЛАВА 5
ВОСПИТАНИЕ РАСЫ ГОСПОД В БРИТАНИИ

Мужчина, стиснув зубы, неуклонно движется вперед; гибнут лишь жалкие слабаки.
Хотон. «Викторианское состояние духа»

Муштра элиты из элит

В самый канун первой мировой войны «История английского патриотизма» гордо заявляла, что «английский темперамент усвоил... такие черты, как готовность повелевать и терпение, чтобы подчиняться». В Англии были настолько уверены в неотразимости своего превосходства в глазах других народов, что Британский совет, занимающийся пропагандой английской культуры, в 1943 г. распространил в Иране следующий текст (явно рассчитывая на его привлекательность): «Юноша, покидающий английскую паблик-скул в постыдном неведении даже начатков полезных знаний... неспособный говорить ни на каком языке, кроме собственного, — а писать и на нем умеющий лишь кое-как, — для которого благородная литература его страны, равно как вдохновляющая история его пращуров, во многом остается книгой за [семью] печатями... тем не менее выносит из школы кое-что бесценное: мужской характер... привычку повиноваться и приказывать... Вооруженный таким образом, он выходит в мир и вносит достойный мужчины вклад в покорение Земли, в управление ее дикими народами [sic] и в строительство империи» — «вполне сознавая собственные добродетели и очень мало [сознавая] собственные слабости»[316].

Так, например, Эдмонд Уорр, директор Итона в 1885—1905 гг.*, ставил здоровое тело намного выше здорового духа. «Пока казалось, что мир специально создан, чтобы быть Британской импери-

* Уорр Эдмунд (1837—1920) — директор Итона, пребендарий.

ей...», Итон не давал поводов для критики. Он являлся самой известной паблик-скул и выращивал для империи вице-королей и прочих правителей. Воспитатели (masters) в подобных школах де-факто были воинствующими священнослужителями. Они были склонны подавлять все, что не соответствовало «духу» общности, культивируя тем самым «гляйхшальтунг»* во имя имперского патриотизма.

В блистательные для Англии времена (например, в 1873 г.) многие в стране считали, что, несмотря на «некоторую брутальность... грубое невежество и определенный снобизм... типичный мальчик из паблик-скул является благородным животным, лучше которого и быть не может»[317]. А в 1918 г., в период кризиса империализма, кое-кто из англичан уже стал называть этические нормы, насаждавшиеся в паблик-скул, своими именами: «[Там] царит единогласие... проистекающее из подавления индивидуальности, избыток классового чувства и отсутствие духовных ценностей, а также антиинтеллектуализм, жестокость и отвращение к работе»[318]. «Чувствительных мечтателей принуждают подавлять свое воображение». Паблик-скул «единодушно обвиняли в том, что они вытравляют рыцарский дух... заменяя его жесткостью... учат ненавидеть мечтателей (которые в этом мире ни на что не годятся) и вообще представляют собой источник филистерского практицизма [примата практицизма]»[319].

Но именно такие методы воспитания будущих повелителей до сих пор находят свое признание, поскольку «они исключают свободу мальчиков... подчеркнуто ставят характер выше интеллекта, воспитывают лояльность к сообществу [здесь умалчивается, что речь идет о расовом и классовом сообществе] и... создают вождей империи, верящих в свою миссию и не анализирующих ее», — утверждал Эдвард Мэк, занимавшийся историей этих английских привилегированных частных школ[319a]. Этот же автор замечал, что воспитывать джентльменов такого рода — значит формировать «несведущих и часто жестоких снобов, единственное занятие которых — защита господства высших слоев»; это значит формировать невежественных «мужчин, способных говорить свысока, одеваться... с учетом тех формальностей, что производят столь сильное впечатление на окружающих». Уже длинные панталоны и цилиндры учеников паблик-скул заставляли их выступать с важностью. Ведь «когда белый человек бросается бежать, на Востоке к нему враз теряют уважение... Ученикам не разрешается бегать за автобусом», — с восхищением отмечал нацист Ханс Тост в книге «Национал-соци-

* Gleichschaltung (*нем.*) — нацистская политическая концепция подчинения всех сфер жизни Германии интересам национал-социалистического режима; термин времен нацизма.

алист в Англии». И они учились «вести себя с той сдержанной отчужденностью, которая... сохраняет империю»[320].

Необходимость в «сдержанной отчужденности», которая помогает сохранять мировые империи, наглядно показал глава эсэсовских палачей Генрих Гиммлер, приведя следующий яркий пример: «Если ты шатаешься пьяным на глазах своих иноплеменных рабов, то разве ты создаешь впечатление, что это раса господ прибыла сюда?»[321]. Правда, Гиммлер вполне отдавал себе отчет в том, что британские «джентльмены» намного опередили его соотечественников в своей «сдержанной отчужденности властителя» по отношению к туземцам, как, впрочем, и во всех остальных желательных для властителя манерах. «Для этого у нации должна быть счастливая история нации господ, длиной лет в триста-четыреста — как у англичан», — заявлял Гиммлер[322].

Ведь английских джентльменов с детства учили не делать того, «что им не подобает», того, что считалось «неанглийским». Для них существовал «только один критерий — интересы правящего слоя Англии», — утверждал Эдвард Мэк[323]. Паблик-скул, заведения для воспитания британских вождей, обвиняли и в том, что они закрепляют кастовые границы и «запрещают [sic] имущим сочувствовать беднякам», отчего на них следует возложить долю ответственности за конфликты с рабочим классом[324]. В этом отношении нацистские «наполас» и школы имени Адольфа Гитлера были менее сословно замкнутыми. Ведь концепция коллектива в паблик-скул (например, в трактовке Монтегю Дж. Рэндалла, директора Винчестера в 1911—1934 гг.) даже во времена Гитлера основывалась на кастовом принципе. Монтегю Дж. Рэндалл твердо верил в элиту, принадлежность к которой обуславливалась расой и воспитанием. По его убеждению, на плечи англосаксов возложена миссия «жесткого контроля... над... более слабыми и отсталыми расами». И как все англичане стоят выше туземцев, так в самой Великобритании будущие вожди из паблик-скул стоят выше прочих британцев-обывателей. «Он видел в англосаксонской расе... вождей всего мира», а в тех, кто вкусил воспитания паблик-скул, — элиту этой элиты[325].

(Песню «Мы элита нации и нация элит» для снятого в ГДР фильма «Верноподданный» по мотивам романа Генриха Манна, по сути можно было бы написать буквально на слова этого британско-имперского директора Винчестера; тогда режиссеру не пришлось бы сочинять эту песню, высмеивающую патриотические манифестации времен кайзера Вильгельма.)

Представление об имперской «миссии» Великобритании было для англичан совершенно естественным. Что касается внутренней

политики, то «элита из элит», по крайней мере в теории, была убеждена, что ее функция заключается в «служении» подвластным ей людям. Рэндалл, например, как должное воспринимал «предназначение... обслуживать “низшее отродье...” [а не самих себя!], управляя им»[326].

Идея о миссии англосаксонской расы, избранной Всевышним, была сформирована под влиянием не одного только биологического социал-дарвинизма и прагматизма среднего класса — утверждалось, что у расовой политики были и религиозные и даже «поэтические» обоснования: «Сила, воинская энергия и вера» — ни в коем случае не сентиментальность или гуманизм (который уже империалисты вильгельмовских времен расценивали как «слюнявый») — «были предназначены для завоевания империи... патриотизм, благороднейшее чувство мужчины, чувство, имеющее религиозное и поэтическое оправдание в его многовековой войне против социалистического интернационализма»[327].

Появившаяся в связи с рабочими «беспорядками»[328], критика духа паблик-скул, поощряющего кастовые инстинкты, возымела очень ограниченное действие. Паблик-скул образца 1930 г. (и 1935 г.) продолжали культивировать снобизм по отношению к «чужакам» и презрение к более бедным школьникам. Эти школы формировали людей, «смотревших сверху вниз на всех, кто не входил в круг самых привилегированных лиц, на тех, кто не принадлежал к “нам”». Паблик-скул намеревались и впредь сохранять традицию «подавлять все, что не соответствует духу сообщества»[329]. Существовала и идея «привить бедным идеалы паблик-скул» — «вот средство удержать их там, где следует: на их месте. Ведь лейбористская партия, которой недоставало влияния Итона [Итонской паблик-скул], была недостаточно патриотичной» — т. е. недостаточно «готовой подчинять индивидуума государству»[330], отдельного человека — сообществу.

Уже после второй мировой войны в самой Англии отмечали, говоря об учебных заведениях: ученики «проявляют неприступную надменность... Итон прививает своим ученикам чувство превосходства... преувеличенное почтение к авторитету». Английские школы действительно воспитывали у учеников привычку подчиняться: «Ученики низшего ранга признавали за теми, у кого ранг был выше, право на власть [которой они вряд ли могли бы добиться в жизни] и осуществление таких дисциплинарных функций, как назначение «фагов» [младшие школьники, оказывающие услуги старшим], «префектов» [вид дежурного] — в зависимости от стажа; дежурные имели почти бесконтрольное право наказывать [причем с применением силы]; существовали и социальные преимущества,

приобретаемые успехами на крикетных полях[331]. Уже с 1864 г. было хорошо известно, что в Итоне ученики низшего ранга «были низведены до положения забитых рабов... они были вынуждены подчиняться издевательским обычаям под угрозой ударов и пинков... Что бы ни позволил себе высший по рангу [ученик] по отношению к низшему — все получало одобрение со стороны общества», — к такому выводу пришла комиссия, занимавшаяся расследованием ситуации в паблик-скул[332]. Проблема «фаггинга» как формы рабства школьников привлекла к себе особое внимание после самоубийства ученика в Седбергской паблик-скул в 1930 г. Но даже тогда в прессе выступило больше защитников, чем критиков системы в целом[333].

(Эта система приучала индивида «безропотно соглашаться» со всеми решениями власти, какими бы неправильными или несправедливыми они ему ни казались. Постулат, гласивший, что воспитание должно учить в том числе и привычке «сносить несправедливость молча», вполне соответствовал взглядам Адольфа Гитлера (1933)[333а]. Однако цитата, приведенная ниже, относится не к Третьему рейху, а к послевоенной Англии: «Общество, очень грубо обходящееся со своими детьми, оставляет в душе многих выпускников паблик-скул травму, от которой они никогда не излечатся»[334].)

Ведь как мог кто-либо, даже узнав о самоубийствах, посягнуть на систему закалки и подготовки будущих властителей, уже столько раз испытанную при завоевании мира? В конечном счете, империя держалась на «самозабвенном повиновении высшим по рангу» (подобно тому, как повиновались «фаги» в паблик-скул, приравненные к киплинговским туземцам)[335], где свобода (в утилитаристском смысле) существовала «лишь для тех, кто достоин ее», а истинное равенство — для тех, кто его заслуживает. Единственным «истинным» братством могло быть братство «тех, кто однороден» (т. е. относится к одной расе и сословию) — совершенно в духе Итона[336].

Вся английская культура — массовая. Она с готовностью подчиняется вождю.

Вильгельм Дибелиус

Практические образцы применения принципа фюрерства

«Для людей, подчиненных этой дисциплине с ранних лет... авторитет стал всеобщим принципом мышления». «Многие достой-

ные особы», считавшие, что «авторитет составляет самую прочную основу веры, что готовность верить — благо, склонность к сомнению — зло, а скепсис — грех... и что если достаточно авторитетное лицо провозглашает, что надо верить, то для здравого смысла места уже не остается»[337], процветали не только в 1866 г. Именно такие идеи проповедовал и Гитлер.

С 1870 г. «в качестве ведущего принципа в воспитании английской элиты прочно утвердилось мускулистое христианство»[338]. Для этого нового откровения мышление, когда-то служившее основанием христианства, стало помехой, или же расценивалось как напрасная трата энергии... Так считал, к примеру, Томас Карлейль, предпочитавший энергичных «тихих предпринимателей» неэнергичным «шумным риторам и певцам». Авторитет же, ставший необходимостью для такой секуляризованной веры, воплощался в принципе фюрерства, в «диктатурах» наподобие той, какую установил энергичный губернатор британской Ямайки Эдвард Джон Эйр*.

При этом губернаторе в 1865 г. в ответ на недовольство народа, выразившееся в граде камней, бунтовских песнях и поджоге здания суда, 439 человек (включая набожного протестанта Джорджа Уильяма Гордона, который работал редактором газеты и осмеливался докучать властям своей критикой) было казнено в соответствии с законами о чрезвычайном положении. Еще 149 человек было казнено без обращения к этим законам; 600 мужчин и женщин было высечено плетьми — все это ради предотвращения восстания негров, подобного тому, которое вспыхнуло на Гаити в 1804 г. Общественное мнение Англии встало на сторону Эйра — особенно после того, как в 1866 г. лондонские ремесленники вышли на Трафальгарскую площадь под красными флагами, и над британской столицей нависла угроза беспорядков. Действия Эйра признали «обоснованными» Чарлз Кингсли и даже Чарлз Диккенс (не говоря уже о поэте Альфреде Теннисоне и «философе» Джоне Рёскине). В конечном счете суд оправдал Эйра (даже несмотря на то, что «справедливость вынесенного Гордону смертного приговора [по представлениям Эйра] никоим образом не зависела от предъявленных ему обвинений»). Карлейль утверждал, что «долг каждого гражданина Британии — способствовать наказанию таких людей, как Гордон». Карлейль высмеивал гуманизм, называя его «женоподобным»; ему и его последователям в значительной мере удалось разрушить господствовавшие ранее представления о равенстве[339].

* Эйр Эдвард Джон (1815—1901) — англ. путешественник (исследователь Австралии) и гос. деятель; с 1846 г. — губернатор провинции в Новой Зеландии, 1861—1864 гг. — и. о. губернатора Ямайки, 1864—1866 гг. — губернатор Ямайки.

Голоса оставшихся в живых евангелистов остались неуслышанными (как, например, возмущенный отклик в «The Scotsman» в 1866 г., автор которого обличал «демона ненависти или, по крайней мере, расового презрения, таившихся... в каждом британце»). С этого времени в общественном мнении Англии стали преобладать откровенно расистские взгляды. Воплощением и доказательством превосходства англосаксонской расы должны были служить превосходство в вооружении — после «мятежа» в Индии в 1857 г., войн с маори 1860—1870 гг. — и (не в последнюю очередь) вера в то, что называли «наукой». В том же самом 1866 г. доктор Джеймс Хант обличил человеколюбие как черту, которая не должна быть присуща Британскому антропологическому обществу: «Мы, антропологи, с восхищением смотрим на действия губернатора Эйра. С такими людьми, как губернатор Эйр, мы, англичане, просто обречены на успех в управлении Ямайкой, Новой Зеландией, Африкой, Китаем или Индией»[339а]. Подобные высказывания вполне соответствовали идеям Карлейля.

В период борьбы за отмену рабства Карлейль опубликовал выдержанное в расистском духе «Рассуждение о ниггере» (1840), где требовал, чтобы закон разрешал принуждать черных к полезной работе (на белых)[340]. Государство должно стать главным организатором рабочей силы, — утверждал Карлейль. Отдавая «мудрые приказы», государство должно добиваться «мудрого повиновения» — чтобы «из нищих бандитов возникли полки солдат промышленности», чтобы «не осталось рабочей силы вне полков»[341]. «Победителей хаоса», «завоевателей мировых империй», действующих в этом направлении, Карлейль считал достойными высших почестей[342], а насильственное установление коммерческой зависимости он относил к героическим деяниям[343]. Пуританский диктатор Англии Оливер Кромвель был бы, по мнению Карлейля, «великолепным фабрикантом»: «Я хотел бы, чтобы у нас был такой человек — он подавил бы для нас эту забастовку»[344].

Внедрение соответствующей доктрины подчинения «при господстве страха», утверждение «власти аристократов как данности», а также обесценивание интеллектуального потенциала, ненужного в таких условиях, — связываются с именем реформатора паблик-скул, директора школы Регби, Томаса Арнольда (1795—1842)[345]. Жизнь в Итонской паблик-скул учила, что быть слабым — значит быть несчастным, а *vae victis*, «горе побежденным» — великий закон природы, — об этом вспоминали многие, в том числе и Джеймс Фицджеймс Стефен[346]. Таким образом, не один представитель правящего слоя Британии именно в Итоне усвоил «аристократический прин-

цип устройства природы», «извечное верховенство силы и физической крепости...», на который позже ссылался и Адольф Гитлер[347]. Британский биограф Альфреда Розенберга находит нужным подчеркнуть, что «питомцы Итона *поневоле* бы покраснели, если бы им довелось прочесть, какую роль в истории Британской империи национал-социалисты приписывали их предшественникам». Этот биограф вполне обоснованно напоминает, что Адольф Гитлер не в последнюю очередь связывал британские политические успехи (как, например, столь долгое владычество над Индией с использованием малочисленных вооруженных сил) с наличием колониальных администраторов, сформированных английской системой воспитания[348].

Важнейшим методом этой системы являлось психологическое — и физическое — запугивание. Именно с воспитанием в паблик-скул связывают черты жестокости, проявлявшиеся в характере колониальных британцев. «Барьеры, созданные невежеством и страхом, привели расу господ к неврозу расовой ненависти, сравнимому лишь с маниакальным антисемитизмом фашистской Германии [в 1937 г.*]... к садистскому отношению к индусам со стороны офицеров... Высказывается... мнение, что огромную долю ответственности за эти зверства несет британская система паблик-скул»[349]. Английские солдаты и грубые торговцы «изъяснялись с дерзкими туземцами при помощи кулаков»[350]. Простой солдат Фрэнк Ричардс давал советы, «как бить туземцев, не оставляя следов истязания»: «Следует быть очень осторожным при нанесении ударов индийцам. Почти у всех местных жителей сильно увеличена селезенка, поэтому любой удар может оказаться для них смертельным... Лучше всего брать с собой палку...» Этот совет был опубликован в оксфордском «Cricket Tour Report» в 1903 г. Другой солдат ударил слугу-индийца за то, что тот назвал его своим братом — т. е. равным себе. Этот солдат поступил в соответствии с принципом поведения, свойственным наименее обеспеченным представителям среднего класса: «Если вести себя с простым туземцем как с равным, он оскорбит тебя». Следуя этому же правилу, один полковник давал такие наставления: «Ни в коем случае не пытайтесь завести дружбу с туземцем... Если вы пообещали избить его, проследите, чтобы он получил свое... Туземцы не понимают доброго отношения», — такие примеры приводятся в «Идеологии Одержимости». В результате подобного рода наставлений у многих англичан сформировалась, например, привычка пользоваться хлыстом, чтобы проложить себе путь в толпе индийцев.

---

* До гитлеровского геноцида (*прим. автора*).

Такое же отношение распространялось и на жителей Африки. В «Прелюдии к империализму» описывается следующий случай, происшедший в Мозамбике: «Мне не хотелось бить туземца кулаком, и я залепил ему хорошую пощечину. Он... намеревался... ответить мне тем же... но получил еще одну затрещину, которая его вполне успокоила... но к сожалению, я сломал себе руку». А миссионеры в Африке спорили о том, до какой степени можно пороть туземцев-носильщиков[351].

Директор паблик-скул Харроу, Дж. Э. К. Уэллдон*, с гордостью сообщал, что его ученик подбил оба глаза некоему египтянину за то, что тот позволил себе критически отозваться о британской расе[352]. Уэллдон подчеркивал, что положение завоевателей дает англичанам особые права (как в свое время римлянам). Один из его учеников, Лео Эмери**, стал министром по делам (Британской) Индии, и, естественно, во внешней политике он был сторонником потворства расистскому Третьему рейху, населенному «расой господ». И неудивительно, что после начала войны его сын, попав в плен, начал формировать из военнопленных британский легион «*для Адольфа Гитлера...*»[352a].

Таким образом идея о приоритете силы охватывала целые поколения. Представление о том, до какой степени в то время был распространен культ грубой силы — причем в демонстративной форме, — можно составить по книге Тома Хьюза*** (ученика Томаса Арнольда из Регби) «Школьные годы Тома Брауна». Эта книга была написана для молодежи и стала настольной для нескольких поколений англичан. Ее «герой» Том «утверждает» себя в паблик-скул Регби прежде всего при помощи кулаков: «Если ты проигрываешь в споре, *не* раздумывай: может быть, победители были правы, — и тем более не признавай поражения. [Лучше] последуй примеру Брауна: дай им как следует — или заставь поднять руки»[353]. Эти идеи были высказаны задолго до возникновения Третьего рейха; позже Адольф Гитлер призывал именно к такому способу решения споров — с помощью кулаков. У Гитлера вызывало сожаление отсутствие у немецких офицеров готовности пускать в ход кулаки (а также избыток гуманистического духа у немецкой элиты). Ведь, по его мнению, немецкие офицеры могли бы подавить бунт своих солдат в ноябре 1918 г. с помощью одних только кулаков: «Будь наш...

* Уэллдон Джеймс Эдвард Коуэлл (1854—1937) — епископ.

** Эмери Леопольд Чарлз Морис Стеннетт (1873—1955) — англ. гос. деятель, консерватор. В 1922—1924 гг. — первый лорд адмиралтейства, 1924—1929 гг. — министр по делам колоний, 1940—1945 гг. — министр по делам Индии и Бирмы.

*** Хьюз Томас (1822—1896) — англ. юрист и писатель, приверженец “мускулистого христианства”.

высший слой обучен боксу, немецкая революция... была бы невозможна»[354].

Корреспондент нацистской газеты «Volkischer Beobachter» с удовлетворением сообщал из Лондона, что там фактически действует общая *воинская повинность для господствующих классов* — «корпус офицерской подготовки» (Officer Training Corps). Во время всеобщей стачки 1926 г. — и вообще при каждой угрозе возникновения демонстраций — в качестве добровольных помощников полиции привлекались члены гольф-, теннис-, регби- и охотничьих клубов, которые все входили в «корпус офицерской подготовки». (Как отмечал Ханс Тост, «нескольких слов против [корпуса офицерской подготовки] было достаточно, чтобы виновный «дискуссионный клуб» был разогнан, а виновные ученики — если требовалось — выброшены из высшей школы». Можно привести в пример и Уильяма Джойса, которого называли «англичанин Гитлера», — он читал лекции, облачившись в форму корпуса офицерской подготовки[354a].)

Они прошли... урок расы, научивший их избавляться от всех эмоций.

Уорсли Т. «Barbarians and Philistines», 1940 г.

Не пропускайте ни одного человека с задатками лидера — учите его думать имперскими категориями.

Саймондз Р. «Оксфорд и Империя»

«Чувствительный» — вежливая форма понятия «болезненный».

Чарлз Кингсли

Британское воспитание вождей как подавление способности к критике и состраданию

Даже в то время, когда Англия проповедовала защиту демократии от нацизма, «английское [элитное] образование... как по форме, так... и по содержанию строилось... на принципе фюрерства. <...> Паблик-скул по своей сути являются абсолютно недемократическими заведениями», — утверждал автор «Barbarians and Philistines» в 1940 г.[354b] Под варварами Мэтью Арнольд подразумевал английских эсквайров, а под «филистерами» — буржуазию. Степень заботы его отца, Томаса Арнольда, директора паблик-скул Регби, о «душах богатых» (в Регби) «можно сравнить лишь с тем,

какой страх он испытывал перед недовольством бедняков. Изо дня в день он жил страхом революции».

«Исполненные яростной решимости отвергать «революцию» и «атеизм», во всякое время готовые защищать существующий общественный порядок от всякой критики», — так (незадолго до рождения Гитлера) охарактеризовал своих питомцев Томас Арнольд[355], отметив также, что его ученики почти не «отягощены грузом культуры и не имеют идей»[356]. Арнольд опасался, «что поощрение интеллекта может погубить «гораздо более важную вещь: характер». Другими словами, Арнольд предпочитал, чтобы культура была востребована лишь теми, «чьей функцией являлось *обслуживание* страны при помощи мозгов...» А для аристократии, у которой было более важное предназначение — управление, нравственные принципы, по мнению Арнольда, значили больше, чем всякие премудрости...»[357].

Типичного английского эсквайра «не учили думать самостоятельно, и сам он не позволял себе этого. Лучшие представители данного класса очень редко являлись интеллектуалами, и, хотя среди них и могли оказаться люди, испытывавшие привязанность к книгам — наподобие привязанности к бутылке — они прекрасно понимали, что им лучше не выставлять свое увлечение напоказ», — утверждалось в книге «Эсквайр и его родичи».

«То, что вы называете невежеством, — это ваша сила... Книги пагубны. Это проклятие человечества...» (Дизраэли, «Лотарь»). «Какое счастье для правителей, когда люди не думают! Думать следует только при отдаче... приказа, в противном случае человеческое общество не могло бы существовать» (Адольф Гитлер, «Монологи»). Хили Хатчинсон Олмонд, директор школы Лоретто под Эдинбургом начиная с 1862 г., прямо-таки ополчился против изучения литературных произведений, требуя уделять внимание не литературе, а дисциплине и силе. Олмонд уверял, что «для полка доценты *еще* вреднее, чем для [элитарных] школ», что хранителей империи формирует не книжное знание, не педантизм и дотошность, а охота на оленей и футбол. Значение имела лишь «физическая активность нашей имперской расы». Ведь «не ученый педант... но *человек* со стальными нервами и *животным духом* может предотвратить бедствия, которыми грозят будущие мятежи [туземцев, как, например, мятеж в Индии 1857 г.]». Ведь «первое условие преуспеяния нации заключается в том, что это должна быть *нация здоровых животных*», — повторял (слова Герберта Спенсера) в своих поучениях директор Олмонд[358]. И вообще «он очень много говорил о насилии, силе, борьбе... и жесткости, его проповеди изобиловали выражениями из

лексикона... неоспартанского воина, не терзаемого сомнениями» — лексикона, созданного, чтобы разить с силой и мощью, сохраняя суровые колонии от бабьей изнеженности и пороков. Олмонд и ему подобные считали себя воинствующими священнослужителями *и* вместе с тем своего рода «тренерами». С кафедры Олмонд проповедовал самое настоящее *мускулистое* христианство, например, в проповеди «Долг силы» (которая напоминала императив Киплинга: «Будь готов! будь готов! и еще раз будь готов!»): «Быть сильным — не смейте нарушать эту божью заповедь», потому что «Бог хранит могущество, тех, кто уверенно идет вперед к окраинам империи... чтобы управлять судьбами мира» — во имя «Бога и страны [Англии]»[359] (видимо, с криками «ура» и «аминь»).

Столь имперская форма благочестия побуждала «испытывать к жителям континента такое же презрение, как к кафрам». Такое мировоззрение, разумеется, являлось крайним выражением этноцентризма[360], который подпитывался осознанием собственного классового превосходства и отождествлением себя с «расой господ». Олмонд полагал, что расширение избирательного права «не принесет нации истинного благосостояния». Говоря о воспитании правящего класса, Олмонд настаивал на необходимости «обособлять этот класс и ставить его выше других... причем интеллектуальная сторона не имеет большого значения»[361]. Если верить тому, что говорится в книге «Школьные годы Тома Брауна», ученики паблик-скул Регби не отличались ни мудростью, ни остроумием, ни красотой, однако благодаря своим бойцовским качествам они «веками держали в покорности мир — будь то леса Америки или плато Австралии. Ныне же они составляют костяк мировой империи, в которой никогда не заходит солнце»[362]. Само собой разумеется, что цель достижения мирового господства ставила перед британскими элитными учебными заведениями задачу культивировать мускулы, а вовсе не чувства или дух[363]. Притом англичане считали, что тип человека, сформированный таким воспитанием, «бесконечно выше философствующих немецких увальней или тонконогих французских интеллектуалов, разглагольствующих о политике и искусстве»[364].

Потому британский истеблишмент считал Байрона и Шелли «изнеженными натурами — не только за их способность к состраданию и чувствительность, но уже за их физическое отвращение к мясу и алкоголю»[365]. Ведь английское представление о мужественности было по-истине неоспартанским: стоицизм, смелость, выносливость. Эти добродетели являлись неотъемлемой частью воспитания в английских паблик-скул наряду с дисциплиной, буквально воплощенной в «стиснутых зубах»[366]. Настоящий «мужчина, стис-

нув зубы, неуклонно движется вперед; гибнут лишь жалкие слабаки»[367]. Эсэсовцы Генриха Гиммлера должны были во всем придерживаться аналогичного правила: «необходимо... чтобы они не размякали, а действовали, стиснув зубы».

Англичане — и *вслед за ними* немцы (к своему несчастью) — ошибочно принимали привитую им черствость за «силу», а чувствительность — за слабость. Слабость считалась признаком низшей расы не только во времена викторианского империализма[368]. Даже в последние дни своей жизни Адольф Гитлер не изменил этим убеждениям: он пришел к выводу, что «будущее принадлежит более сильному восточному народу» — а до этого он стремился сделать немцев «жесткими, как кожа и твердыми, как крупповская сталь». Девиз национально-политических воспитательных заведений нацизма гласил: «Будь тверд». «Чем жестче и суровее воспитание, тем лучше конечный продукт. И у меня нет сомнений, что такой результат уже достигается», — заметил один наставник паблик-скул после знакомства с системой воспитания гитлеровской элиты в 1937 году, с искренним удовлетворением отметив параллели между национал-социалистской и английской системами[369].

Такие параллели прослеживаются и в воспоминаниях воспитанника одной из «наполас», пишущего о необходимости показной жесткости, которую прививали всем ученикам этих школ. О личных чувствах в «наполас» полагалось молчать: их наличие считалось слабостью и вызывало смех. Но самым ужасным считалось быть не таким, как все, о чем говорил Ханс Мюнхенберг в интервью австрийскому телевидению[370]. Все сказанное относится к гитлеровским «наполас», тогда как в английских паблик-скул большинство, ориентированное на атлетизм, уже не запугивало «чувствительное меньшинство» и «других» учеников с помощью прежних грубых методов, а, похоже, перешло к чисто словесному глумлению[371]. Традиция высмеивать гениальность как «смешное» отклонение, подавлять социальное, нравственное и интеллектуальное своеобразие прослеживается в английских паблик-скул начиная с 1870 г. Так что более чем сомнительно, чтобы британский истеблишмент перестал считать английский романтизм Байрона и особенно Шелли выражением их «изнеженной натуры»[372].

Перси Биши Шелли (1792—1822) стал жертвой «гляйхшальтунга», политики враждебной по отношению к индивидуальности. С самых ранних лет проявилась его неприспособленность к английской реальности с ее строгим иерархическим устройством. Даже внешне он не соответствовал «нормам», предъявляемым английс-

кой системой: в десять лет, когда его отдали учиться в «академию» Лайон-хауса (в 1802 г.), он слегка напоминал девочку, и соученики встретили его громкими насмешками. Преподавателям не удалось воспитать у Шелли привычку властвовать и повиноваться, его не привлекали ни драки, ни состязания, он не желал тиранить младших — даже в Итоне, воспитавшем виднейших молодых вождей Британии, в Итоне, порядки которого Шелли был вынужден терпеть с двенадцати до восемнадцати лет. Непривычный интерес к литературе и нежелание приспосабливаться сделали его объектом травли со стороны других учеников. При его появлении сотни будущих «властителей» поднимали крик: «Шелли, Шелли!» Они выбивали из его рук книги, рвали одежду. Но никакие издевательства, никакая обструкция со стороны коллектива не смогли сломить его и заставить приспосабливаться. Эти ранние гонения, помимо чувства одиночества, оставили в его душе ненависть к тирании. Через всю лирику Шелли красной нитью проходит мотив бунта, на который решаешься после долгого героического терпения. Его «Королева Маб», мечта, выраженная в форме сна (1813), считается самым революционным документом Англии того времени: в нем выносится обвинение тогдашней религии, имущественным и властным отношениям[373]. А в 1819 г., находясь за пределами Англии, он написал следующие строки: «Промчатся звучные слова, / И будет сила их жива, / Сквозь каждый разум их печать / Блеснет опять — опять — опять: / Восстаньте ото сна, как львы, / Вас столько ж, как стеблей травы; / Развейте чары темных снов, / Стряхните гнет своих оков, / Вас много — скуден счет врагов!»[374].

Лорд Байрон (1788—1824), учившийся в паблик-скул Харроу, тоже получил в детстве психическую травму, связанную с отношением соучеников к его хромоте[375]. Вероятно, эта травма способствовала желанию Байрона бороться с «тиранией на небесах и на земле». На какое-то время он стал «источником силы не только для угнетенных эллинов, за которых отдал жизнь. Он на время стал настоящим знаменосцем свободы для всех, кого преследовали за политические убеждения во Франции, Испании, Италии, Польше и Германии»: «Я научу камни восставать против тиранов земли», — восклицал он. Вполне понятно, что в самой Англии значительная часть лирики Байрона долгое время замалчивалась[375a]. В 1812 г., выступая в лондонской верхней палате, Палате лордов, Байрон заявил: «Разве мало крови [бунтарей] на вашем уголовном кодексе, что надо проливать ее еще, чтобы она вопияла к небу и свидетельствовала против вас?»[376] «Смуглая раса с берегов Ганга

до основания потрясет вашу империю тиранов». Байрон «всего себя положил на борьбу... с бесконечной черной... бездной британских филистеров», — писал Мэтью Арнольд. Однако грезы мятежных романтиков и даже позднейшие гуманистические увещевания критиков империализма не могли ослабить имперский энтузиазм буржуазии и значительной части рабочих, энтузиазм, выпестованный чарлзами кингсли, бенджаминами дизраэли и джозефами чемберленами.

Клеймо проклятья лежало на тех, кто культивировал в себе не черствость, а чувствительность: так было в расистско-империалистической Англии, к этому же пришли и «наполас» и «гитлерюгенд» (не говоря уже об СС). Не только великие английские романтики — до сих пор более ценимые за пределами Англии, чем у себя на родине, — считались «больными, истеричными и спазматическими индивидами»[377]. Популярный британский писатель Чарлз Кингсли «сорвал маску» и с Шекспира, обнаружив в его сонетах признание ущербности — неспособности быть сильным («чувствительный» — вежливая форма понятия “болезненный”»[378]). Такое же клеймо стояло и на интеллектуальности, якобы порождающей «непочтительность» по отношению к установленному.

Критерием принадлежности к группе вождей считалась не ученость, а характер[379] — причем в понятие «характера» входило самообладание, доходящее до полной отрешенности от чувств. (В контексте фашизации мещанского субъекта отмечается, что воля — это и есть «характер в действии»[380].) Эдвард Мэк, британский историк, изучавший паблик-скул и их имидж, охарактеризовал воспитание в этих школах как «систему организованной жестокости», которая либо истязаниями, либо глумлением «атрофирует любые эмоции или гуманные чувства новичка». «Холодность и бесчеловечность благовоспитанного англичанина — вот результат...» А «муштра и наказания, которые ему [англичанину] пришлось снести, вымещаются потом на покоренных расах»[381].

Поверь мне, есть вещи, которых лучше не знать. Да, именно здесь невежество является счастьем... Безумие — быть мудрым.
Дж. Уэллдон (Директор паблик-скул Харроу)[381a]

Какое счастье для правителей, когда люди не думают!.. В противном случае человеческое общество не могло бы существовать.
Адольф Гитлер

Самообладание [как] первая и последняя из добродетелей.
Чарлз Кингсли

Самокритика и утрата самообладания как смертные грехи в империи

Дж. О. Миллер, директор Бишоп-Ридли-колледжа в Онтарио, видел начало всех добродетелей в «самообладании, основе любого характера» (1904)[382]. Человека с такими взглядами изобразил Джозеф Конрад (1857—1924): его Олвен Гарвей боится выражения чувств и проявления энтузиазма больше, чем огня, войны или чумы. Если что-то и следует подавлять *любой* ценой, так это эмоции, — считает герой Конрада[383]. Опыт изучения нацистских почитателей «британской расы господ» привел Ханну Арендт к выводу, что представление об утрате самообладания как о величайшем грехе («самообладание [как] первая и последняя из добродетелей»[384]) дало начало «нравственному кодексу убийц»[385]. (О стремлении эсэсовцев воспитать в себе твердый, жесткий характер говорил оберфюрер СС Вернер Бест, долго работавший под руководством Гейдриха: «Сознательное подавление чувств... стало... неотъемлемой чертой фюреров СС».) В соответствии с этим кодексом деятельность какого-нибудь Рейнхарда Гейдриха* — в частности, подготовка им массовых убийств — считалась бы менее «греховной», чем его игра на скрипке. Ведь первое требовало от него самого жесткого самообладания, второе же было обусловлено избытком чувств и отсутствием самоконтроля. Еще военный инструктор Гейдриха насмехался над «вдохновенной игрой» и эстетическим самозабвением своего подчиненного: «Гейдрих, можете идти. Вы меня растрогали!»[386]. Чтобы «видеть горы трупов и сохранять приличие», необходимо проявлять самообладание: так объяснял эсэсовцам целесообразность этого

* Гейдрих Рейнхард (1904—1942) — шеф Главного управления имперской безопасности (РСХА), с 1941 г. — зам. имперского протектора Богемии и Моравии, один из создателей системы концлагерей.

качества Генрих Гиммлер. Сам Гиммлер сетовал на изнеженность человеческого материала, из которого ему приходилось делать фюреров для своих СС: «И что это нынче многие из молодых вождей, молодых людей нежны как мимозы... они могут умереть просто от мировой скорби». Конечно, мировая скорбь представляется *нецелесообразной* для дела таких людей, как Гиммлер, для тех, чей императив — неизменно стиснутые зубы.

Идея приспособления к биологически целесообразным вещам составляла и суть воззрений на государство соперника Генриха Гиммлера — Альфреда Розенберга. «Целесообразность означает развитие живого существа, нецелесообразность — его гибель... Форма и целесообразность — не «части вечной истины», а сама истина...»[387] «Утилитаристскую истину» английского обывателя — идею целесообразности, пользы — разоблачал еще поэт Мэтью Арнольд. Он, в частности, выступал против системы воспитания в паблик-скул, основанной на утилитаристской традиции[388]. Что полезного в живописи и музыке? «Цветы выглядят мило, но это бесполезные цветы», — так звучит кредо английских буржуазных утилитаристов[389]. Естественно, что в такой мещанской системе ценностей искусство и философия — собственно культура — считались бесполезными[390].

Если же буржуа в результате утраты положения теряет свою идентичность, лишается своих средств — а тем самым и смысла своей жизни — он начинает искать вождей, которые выведут его из возникшего онтологического вакуума[391]; и такое положение вещей представляется вполне закономерным. Мещанский утилитаризм выливается в нигилизм, как, например, в заявлении персонажа Ханса Йоста*: «Когда я слышу слово “культура”, моя рука тянется к пистолету»[392]. Именно в увиливании от подобного использования револьвера обвинял немецкий образованный класс Йозеф Геббельс в журнале «Das Reich». Он критиковал «интеллектуалов» и им подобных за то, что они менее мужественны и храбры, чем простые люди[393]. В таком контексте формулу «Как человек немецкой крови может быть интеллектуалом?», которую лондонское радио, вещавшее на немецком языке (в 1940 г., когда над Англией нависла смертельная опасность) повторяло вслед за национал-социалистами, не следует расценивать как риторический поклеп. Правда, доктор Геббельс мог бы запросто сослаться на изречение Джона Рёскина (1819—1900) (но уж никак не на немецкую классическую традицию, ни на прусские порядки), звучавшее совершенно в буржуазно-британс-

* Йост Ханс (1890—1978) — нем. драматург и поэт, с 1935 г. — председатель Имперской палаты литераторов, автор пьесы “Шлагетер”, в которой появляется цитируемое изречение.

ком духе; во всяком случае, оно целиком соответствовало воззрениям Геббельса: «...Метафизики и философы... — величайшее в мире зло... Тираны могут принести какую-то пользу, поскольку учат людей покорности... метафизики же всегда вводят людей в заблуждение... их всех надо вымести прочь... словно пауков, мешающих... делу»[394].

Еще в 1880 г. проповедник британского империализма и служитель «мускулистого христианства» Чарлз Кингсли[395] высказывал идеи, звучавшие совершенно в духе будущего «гитлерюгенда» (особенно времен Олимпиады 1936 г.): если благодаря тренировке тела «расширяется грудь и твердеют мышцы, то уменьшается и склонность раздумывать о несправедливости судьбы и обвинять общество за его недостатки»[396]. «Больше спорта, меньше чтения — от этого работники станут энергичней и преданней»[397].

Однако даже в 1880 г. эти «взгляды» не были новыми. В 1779 г., в эпоху французского Просвещения Эдмунд Бёрк говорил о необходимости подчинить себе невежество и предрассудки, чтобы с их помощью заставить массы охотно соглашаться со своим положением. Лорд Кеймс предупреждал, что знание является опасным приобретением для бедняков: «образование... вкладывает им в головы химерические представления и нелепые фантазии — тем, кому в руках следует держать кайло...» После того, как свершилась французская революция, в периодическом издании «John Bull» было опубликовано такое предупреждение: «Мы обучаем бедных, и что они говорят в ответ? Они утверждают, что они слишком хороши для нудной и тяжелой работы...»

Полемика считалась «ядом для умов простого народа». Она вела к нарушению субординации и требованиям равенства. Поэтому необходимо было не давать низшему классу «возможности вступать в дискуссии... получать образование и выражать протесты». «Разум выступает за критику, традиция — за безоговорочное почтение», следовательно, «образованный народ осмелится подвергнуть сомнению авторитет власти», а это не может не вызывать беспокойства. Все тот же «John Bull» кричал об опасностях, возникающих в момент, «когда слуги идут против своих хозяев, а ремесленники начинают строить из себя философов»[397a]. «Низшие классы станут бороться за привилегии, и в результате само подчинение — основа управляемости — перестанет существовать».

Тревогу вызывала и мысль о всеобщей грамотности. Яростным противником идеи предоставить рабочим возможность получать высшее образование был Артур Веллингтон: «Люди подобного сорта становятся так называемыми юристами, склонными оспаривать

приказы и проворачивать махинации, направленные против их начальства»[397b]. Еще в 1800 г. архиепископ Сэм Хорсли утверждал, что чернь не должна интересоваться законами, а должна лишь слепо подчиняться им. Школы, по мнению этого архиепископа, могли научить низшие сословия только неуважению к господам[397c]. В такой ситуации возражения партии тори против распространения образования получили широкую и длительную поддержку. «Образование... может нанести вред нравственному состоянию и счастью... неимущих... Вместо того, чтобы сделать из них хороших слуг... как предназначено им судьбой, вместо того, чтобы учить их подчиняться, образование сделает их... упрямыми; получив образование они смогут читать бунтарские... книги... оно воспитает в них дерзкое отношение к своим властителям»[397d]. В 1832 г. истеблишмент отреагировал на призывы дать народу образование следующим образом (вероятно, исходя из собственного опыта): «Знание только вносит беспокойство в умы и отвлекает людей от полезной работы»[398]. Еще более серьезные подозрения вызывало поощрение образования и чтения среди солдат, грозившее подорвать политическую надежность королевской армии. Даже реформатор Генри Маршалл отмечал, что книги «заставляют солдат подвергать сомнению мудрость командующих ими офицеров и превращают солдат в бунтовщиков»[398a].

Страхи консерваторов перед распространением знаний среди низших сословий достигли своего апогея в книге «Опасности философии». Одно только выслушивание философских доводов способно свести с ума и погубить героиню этого романа[398b]. Хотя эта книга вышла в 1798 г., некоторые особенности ее подхода к данной проблеме сохранялись на протяжении всей эпохи британского империализма.

Антиинтеллектуализм карлейлев и кингсли соответствовал тому менталитету, который нашел свое олицетворение в аллегорическом образе Джона Буля — практичного человека, косноязычного и невежественного, но при этом берущего верх над ученым и красноречивым оратором, действующим в согласии с логикой. Джон Буль побеждает потому, что понимает «факты природы» и следует именно законам природы[399] — то есть «железным законам бытия», на которые ссылался Адольф Гитлер.

Согласно Чарлзу Кингсли, который прошел путь от проповедника расового империализма до кембриджского профессора (истории...), «для исцеления» (sic: видимо, для «исцеления социальных проблем») «разум не столь важен, как привычка». Гитлер — как и Кингсли, глашатай империи — считал, что доверия заслуживают не

ум, не сознание, не «мудрствование наших интеллектуалов», а инстинкты[399a]. В конечном счете и Чарлз Кингсли, и Адольф Гитлер в принципе сошлись бы на следующем императиве[400]: «Думай мало, а читай еще меньше».

Согласно Джеймсу Энтони Фруду (1888)*, даже в делах «религии важна не ее истинность, а успех»[401]; в еще большей степени это относилось к пропаганде. Создатель Третьего рейха также подчеркивал (в «Mein Kampf»), что главное — это успех, а отнюдь не мораль: «Победителя... не спрашивают, правду он сказал или нет. Когда начинаешь войну, важно не право, а успех»[402].

Британцам присуще «умение подстраивать средства под цели», утверждал историк Уолтер Хотон. И действительно, оправдание средств целями с давних времен было характерной чертой англичан, которую полностью выявили строители Британской империи.

Хотон отмечал также «нелюбовь британцев к абстрактному мышлению и мечтательности», поясняя, что «среднее и высшее сословия были проникнуты презрением или же страхом по отношению к интеллектуальной жизни, как умозрительной, так и художественной, и к либеральному образованию, которое питало ее». (Словосочетание «либеральное образование» до сих пор пугает англичан. Именно с этим словосочетанием связывается «презрение, которое испытывает средний класс по отношению к знаниям и культуре вообще», — писал Т. Уорсли.)

Прагматическая подгонка средств под цель давно стала нормой для англичан, а тем более для создателей Британской империи. В период ее высшего расцвета как буржуазия Англии, так и высшее общество были полны презрения к интеллектуальной жизни и даже испытывали страх перед ней. Еще Ричард Кроссмен* говорил о том, что «интерес к идеям или беспокойство по поводу соблюдения принципов в британской политике считаются недостатками»[403]. «Антиинтеллектуализм — почти столь же английское, сколь и викторианское явление», — пишет Уолтер Хотон в своем исследовании, посвященном британскому менталитету в 1830—1870 гг.[404] Философствование и «вообще умозрительные рассуждения в Англии времен творцов империи оказались в немилости. Они были не по вкусу английскому «воспитанному классу». Ведь в других местах — начиная с Франции — политическое теоретизирование привело к революции». Поэтому для «англичан... идеи стали объектом антипатии, а мыслители представлялись злодеями». «Размышления о

* Фруд Джеймс Энтони (1818—1894) — англ. историк и публицист, автор “Истории английской Реформации”, друг Т. Карлейля.

** Кроссмен Ричард Хоувард Стаффорд (1907—1975) — англ. полит. деятель и психолог.

революции» Бёрка (1790) — еще один контрреволюционный трактат. Радикальный интеллектуал становится чем-то вроде пугала... Одно время слово «философ» расценивалось в Англии как ругательство... обозначавшее атеиста и бунтовщика». «Контрреволюция защищается антиинтеллектуализмом»; «разум и инициатива отдельных мыслителей всегда подпадают под подозрение», — писал М. Батлер[405]. Талантливым людям, обладавшим блестящим умом, давали обидные прозвища: «мозговитый», «высоколобый», отражавшие враждебное отношение «самодовольного, не думающего общества ко всякой странной рыбе, осмеливавшейся потревожить стоячую воду демонстрацией своего ума», — писал автор книги «Эсквайр и его родичи». Об этом говорится и в «Истории английского патриотизма» (1913) (за пятнадцать лет до того, как Геббельс пожаловался, что интеллект «отравил» немецкий народ): «Самое большее, на что способен интеллект, — ... создавать хитрых мошенников, каждый [из которых] действует ради достижения своих целей, предавая... остальных». Зато «совершенный патриот воистину близок к совершенному святому...»[406]

Британские воспитатели вождей-патриотов в полной мере отдавали должное подобному «мускулистому благочестию», которое должно было сделать их питомцев неуязвимыми для соблазнов интеллекта. О том, что воспитание имперских вождей не подразумевает формирования ни духа, ни сердца, громогласно заявляли сами панегиристы британских паблик-скул. Они вновь и вновь открыто говорили, что будущие вожди должны быть сверхдисциплинированными. Ведь, в конечном счете, именно этому качеству Англия обязана «приобретением, сохранением и дальнейшим развитием... империи», — так лет за пять до учреждения Адольфом Гитлером «наполас» утверждал директор школы Харроу, Сирил Норвуд (1875—1956)[407]. В 1936 году — год мирового успеха Гитлера, которого он добился благодаря проведению Берлинских Олимпийских игр, — в той же Англии все еще бесспорным считалось, что при воспитании будущих британских вождей спорту надо придавать намного больше значения, нежели интеллекту; при этом «никого не беспокоило, что паблик-скул-бойз не станут мыслить самостоятельно — неважно, о политике или о чем-то другом... Для большинства учеников и их наставников наука оставалась чем-то недостойным джентльмена...»[408] И замечание Бернарда Шоу (сделанное им в пьесе «На мели» в 1933 г. — год захвата Гитлером власти) о «широко распространенном в Англии недуге — атрофии мозга»[409] вряд ли могло ослабить волю англосаксонской расы к власти во имя собственного благоденствия. Соответственно и наблюдение пионера вильгельмовско-

го империализма Карла Петерса о том, что англичанин не читает серьезных книг[410], в основном оправдывалось следующим образом: для борьбы за «место под солнцем» важны не книги... и тем более не ум. (Ведь Карл Петерс как-то заявил: «По мне приятней... заниматься торговлей свиньями, чем... иметь дело с “Критикой чистого разума”» (Канта); «когда профессор излагает свои взгляды... это... не более чем вой собаки на луну»[411].) Тот факт, что в Англии *и поныне* считается бестактным говорить о книгах — поскольку собеседник, возможно, не читал их, — не нанес никакого ущерба «изящным английским манерам», а скорее сделал их *еще* более образцовыми для Германии.

Тем временем совет, данный англичанином в 1856 г.: «Держи свой интеллект в тайне, используй простые слова, говори то, чего от тебя ожидают»[412], — уже давно годился не только для англоязычного мира. «Спасение твоей страны, твоей карьеры, сохранение твоего душевного мира — в этом была неотразимая притягательность антиинтеллектуализма»[413]. «Атрофию способности иметь собственное мнение усиливала боязнь нарушить традиционный кодекс поведения, кодекс, который от всех требует компромисса в выборе между справедливостью и несправедливостью, правдой и неправдой — и люди идут на этот компромисс, боясь быть непохожими на других и [в результате] нажить врагов»[414]. Никто не должен выступать против общественного мнения, пусть даже во имя совести. Стать воплощением представлений общества о ценностях — вот идеал английских элитных школ. «Ничто в системе не дает ученикам стимула проявлять какие-либо индивидуальные особенности. Воспитание служит для того, чтобы в существенных вещах никто не желал отличаться от ближнего: ведь привилегированные особы отождествляются с расовым единством»[415].

В соответствии с принципами воспитания британской элиты будущие вожди не должны были слишком много рассуждать, и уж тем более у них не должно было возникать никаких «почему» и «однако» — не в последнюю очередь благодаря давнему примату латинской грамматики (она-то не располагает к лишним вопросам)[416]. Мистер Черчилль (будущий сэр Уинстон) пишет в своих воспоминаниях, что, когда его отдали в паблик-скул, наставник предложил ему просклонять латинское слово «mensa» (стол). И когда они добрались до звательного падежа, Уинстон спросил, зачем нужен этот падеж. Наставник ответил: этот падеж нужен, когда *обращаешься* к столу. «Но я никогда этого не делаю, сэр», — возразил мальчик. В ответ наставник пригрозил: «Если будешь дерзить, тебя сурово накажут».

Такое воспитание будущих английских вождей, направленное на то, чтобы сделать их похожесть, однотипность («гляйхшальтунг») спонтанной, воспитание, подавлявшее импульсы социальной этики и тем более порывы к интеллектуальному своеобразию, и формировавшее из индивидуума унифицированный тип за счет того, что его особенности (в Англии их называли «oddities» — странности) жестоко высмеивались, воспитание, не щадившее никакой гениальности, — подвергалось критике уже в 1870 г.[417] Однако не удивительно, что, несмотря на критику, в период самого расцвета британского империализма, «в 1880-х и 1890-х гг., паблик-скул изо всех сил противодействовали... развитию оригинального мышления. Большинство питомцев Итона и Харроу училось подгонять свои мысли под общепринятый образец и формировать свою личность, ориентируясь на господствующий тип»[418]. Это был вклад усиливавшегося мещанства в столь типичное для Англии «массовое формирование джентельменов стандартного образца», в английский «гляйхшальтунг».

Во всяком случае, во время кризиса британского империализма в 1931 г. такие критики системы паблик-скул, как Чейнинг-Пирс* — даже обращая внимание на «воспитание людей, умеющих властвовать, но не мыслить, [воспитание чувства верховенства] путем обособления расы и класса»[419] — не испытывали никакой симпатии к творческому началу в личности[420]. Ведь в конце концов империю удалось воздвигнуть за счет дисциплины, авторитета и корпоративного духа. Однако тот факт, что этих качеств было недостаточно ни для развития интеллектуального потенциала, ни для развития демократии, в межвоенный период отмечали, по крайней мере, либеральные круги английской элиты. Но и тогда потребовалось не слишком много усилий, чтобы оправдать подавление «индивидуальных особенностей или духовности» высокими целями империи. Ведь «лишь малая часть людей в мире видела, насколько желательны подобные вещи [т. е. демократия, интеллектуальность, духовные ценности]. А будущее Англии зависело не от них»[421]. Для будущего Англии целесообразным считалось иметь такую «веру, которая... позволила бы действовать, а не думать». А паблик-скул как раз и «учили вере и действию вместо мышления»[422].

Ценности (или пороки), сложившиеся за время завоевания, использования и сохранения империи ее слугами, и в свою очередь сформированные антирациональным и антииндивидуалистическим воспитанием, стали традиционными для Англии; и, начиная

* Чейнинг-Пирс Мелвилл Салтер (1886—?) — колониальный администр., воен. деятель и педагог.

с 1890-х годов (со времен Бенджамина Дизраэли и Джозефа Чемберлена) эти ценности были привиты и значительной части британских рабочих. В результате «добровольное подчинение единицы коллективу во имя общего блага, подчинение, поддержанное единодушной волей целеустремленного... народа», спонтанный *инстинкт повиновения* силам, принуждающим к социальному конформизму (инстинкт, «ставший натурой людей, т. е. развившийся в ходе истории народа»), — сделали существование тайной политической полиции в английском обществе (которое служило образцом для нацистов с их «расовым единством»), обществе, вызывавшем восхищение сначала кайзеровской Германии, а позже и немецких фашистов, совершенно ненужным. В Англии и «без концентрационных лагерей можно было поставить человека в общий строй — этого добивались за счет одного только влияния окружающих», в особенности — «за счет воздействия конформистского давления общества». Английские паблик-скул прививали своим питомцам «*желание* подчиняться» предписаниям властей. Нацистская же Германия стремилась достичь *именно такого результата* в молодежных лагерях, где молодежь «подвергалась конформистскому давлению сверстников и... загонялась в строй... не под страхом концлагеря»[423].

Однако по мере «подъема волны цветных» («the rising tide of colour», как выражались расистсы того времени) уверенность британского истеблишмента в том, что это «образцовое расовое единство» выдержит любой кризис, пошатнулась. После революций в Мексике, России и Китае, а прежде всего после революционных потрясений в Британской Индии, некий сэр Джордж Дюморье (в застольной речи, произнесенной в паблик-скул Харроу в 1923 г.) выразил пожелание, «чтобы нечто вроде ку-клукс-клана, организованное из выпускников паблик-скул, предприняло решительные меры и восстановило в Англии дисциплину и порядок»[424]. [Таким образом, этот барон — видимо, норманнского происхождения — призывал использовать методы ку-клукс-клана (которыми восхищался и Гитлер), включавшие, как известно, даже убийство негров (в частности, путем линчевания), нанесение им увечий или по крайней мере запугивание насилием, он призывал проводить кампании против неанглосаксов вообще, евреев и католиков в частности, и подавлять забастовки (а то и интеллектуальный «бунт») силой, без оглядки на законы правового государства]. Эта цитата, приведенная Эдвардом К. Мэком, серьезно противоречит его собственному утверждению, сформулированному в другом месте: «Ни один почитатель паблик-скул не пожелал бы, чтобы они [заведения для воспитания вождей] стали рассадником английских коричневоруба-

шечников»[425]. На деле же, у этих заведений было более чем достаточно почитателей, благосклонно взиравших на то, что именно из этих школ выходят английские фашисты-чернорубашечники. Ведь британские фашисты вместе с их фюрером (leader) сэром Освальдом Мосли в сущности и хотели подвергнуть все британское «расовое единство» «гляйхшальтунгу» — в духе подчинения, повиновения, в духе «веры и действия» (и признания кулака аргументом), в духе формирования стандартного, а не индивидуального характера, — «гляйхшальтунгу», который уже давным давно существовал для английской элиты в паблик-скул.

С другой стороны, немецкие «коричневорубашечники» вполне узнавали в британских паблик-скул воплощение очень многих собственных, нацистских грез. Немецкие фашисты пытались добиться результатов, уже достигнутых в Англии, а если довоенные нацистские концлагеря (с заключенными небуржуазного происхождения) долго не могли дать требуемого результата — добровольного и спонтанного повиновения, то нацисты намеревались восполнить этот недостаток элитарным воспитанием в «наполас» (главным образом выходцев из среднего сословия) в духе «расового единства». Воспитанники «наполас» должны были учиться повелевать, в то время как узники концентрационных лагерей (на начальном этапе их существования) должны были научиться повиновению.

Повиновение непременно должно было быть спонтанным: речь шла о солидарности «расового единства» прирожденных властителей (таких, как чистокровные англичане) против цветного «низкого отродья», «lower breeds», о вождистском принципе послушания вышестоящим, из которого однозначно следовало право командовать нижестоящими, о культе мускулов и презрении к интеллекту и чувству — и все это ради того, чтобы приучить к осуществлению права сильного. В «Англичанине Гитлера. Преступление лорда Хо-Хо»[425a] говорится: «Хоть сейчас не модно это замечать, но в спорте, а также в том значении, которое придается принадлежности к элите и физическому превосходству, в лозунге “сила в радости”... в союзе униформы и национализма просматриваются неприятные параллели с популяр-фашизмом, для сторонников которого притягательны те же вещи». Все эти аспекты образуют «идеалы» и методы воспитания как британской, так и нацистской элит.

Фюрер английских фашистов сэр Мосли считал, что формирование его собственного характера — пример воспитания британской элиты, возведенный в высшую степень. По его словам, закалка питомцев паблик-скул обычно была рассчитана на то, чтобы они могли принять руководство Британской империей в минуту опас-

ности. Сам он якобы чрезвычайно закалился во время обучения в паблик-скул, что и дало ему «преимущество»[426]. Для Гитлера (как и для наставников паблик-скул) тело явно было важнее духа, а характер, сила воли и решимость (как и в Англии) имели приоритет[427]. Адольф Гитлер как раз подчеркивал, что «твердость характера для него ценнее всего остального». Его национально-политические воспитательные заведения «должны были... ставить перед собой такую цель: воспитывать крепость тела, твердость характера...»[428] Согласно Альфреду Розенбергу, «для железного будущего и самый твердый человек недостаточно тверд». «Принцип состоит в том, что... мы как народ господ должны иметь возможность быть твердыми... Надо, чтобы народ господ был способен стрелять, когда вредитель удирает...», — пояснял Гиммлер. (При этом он придавал особое значение дисциплине, «приличиям...»[429], респектабельности и умению держать себя.)

Вот бы нечто вроде ку-клукс-клана, организованное из выпускников паблик-скул, предприняло бы решительные меры, восстановив в Англии дисциплину и порядок.

Г. С. Салт. «Воспоминания о былом Итоне». 1923

ГЛАВА 6
ПОДРАЖАНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ВОЖДЕЙ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Их восхищение... распространяется на наши паблик-скул, которым... приписывают роль... возложенную на эти школы [«наполас»]. Так что в будущем вождями нацистов станут лишь самые лучшие люди.

Дж. У. Тейт*80, наставник британской паблик-скул. 1937

Британские почитатели своих подражателей из «наполас»

Организаторы «наполас» — национально-политических воспитательных заведений — из гиммлеровских СС сознательно следовали образцам английских элитарных паблик-скул[430]. Ими создавалась структура с жесткой иерархией, с суровостью, возведенной в принцип, суровостью ради «закалки воли». «Строго авторитарная... система... приучает повиноваться и приказывать», в результате этого формируются будущие вожди. Таким образом они «рассчитывали воспитать отличительное качество колониальных господ: холодное чувство превосходства». Сдержанность и замкнутость. «Чувство расового превосходства и политическая последовательность должны были создать новый слой вождей»[431].

После прихода Гитлера к власти «официальное прославление [британских] паблик-скул теми, кто был близок к нацистской партии, приобрело самый бурный характер и стало безоговорочным». Взаимное осознание своего избирательного сродства наставниками паблик-скул (masters) и их нацистскими коллегами было

*80 Тейт Джон Уилсон (действ. в 1914—1938).

не случайным. Так, систему воззрений преподобного Дж. Уэллдона, главы паблик-скул Харроу в 1881—1895 гг., самого красноречивого, самого упрямого и самого твердолобого проповедника британской империалистической этики среди всех наставников элитарных паблик-скул, в Англии аттестовали буквально как «геббельсизм» (sic) — правда, не столько расчетливый, сколько наивный (со всей «партийной пристрастностью, монотонностью, упрощениями и решительностью, с умопомрачительными банальностями»). Этот директор считал интеллектуальные критерии худшими из возможных при выборе кандидатов на должности в империи. Для него значение имела не культура, а готовность действовать, «превосходство в активности... — качества... которыми отличаются англичане и особенно мужчины из паблик-скул»; он прославлял также наследственные дарования англичан, культивировавшиеся в паблик-скул: прагматизм и находчивость[432].

С самого возникновения Третьего рейха британские воспитатели расы господ встречались со своими нацистскими подражателями (которые впоследствии самым радикальным образом превзошли своих учителей) и в полной мере сознавали, что воспитание гитлеровской элиты производилось по образцу воспитания элиты английской. Англичане сразу же дали положительную оценку деятельности своих немецких коллег. Так, директор паблик-скул в Лоуэстофт, обращаясь к своим британским читателям, назвал гитлеровские «наполас» «Public Schools in Germany»[433].

Соответствующие сравнения с британскими паблик-скул сделал и сам Гитлер в «Речи, посвященной Англии», от 30 января 1941 г.[434] Альфред Розенберг говорил о необходимости воспитывать прежде всего характер (об этом пишет его британский биограф Роберт Сесил в книге «Миф о расе господ»[435]) — само слово «характер», употребленное им, уже указывает на следование традициям британских паблик-скул. Кроме того, один из наставников паблик-скул, отдавая должное национал-социалистскому воспитанию будущих вождей и младших руководителей, заявлял: «Нельзя умолчать... что в Германии нет места для интеллектуалов, для слишком впечатлительных и сложных натур, тормозящих развитие массы»; «отбор отсеивает чувствительных учеников, склонных к самокопанию»[436]. (Ханс Гримм, торговец, мечтавший о создании расы господ, в 1938 г. говорил, что стоит обращать внимание «не столько... на асоциальную частную жизнь прекрасных душ где-то там, сколько на истинных вождей и на народы вождей». А почитатель Розенберга Генрих Гертле утверждал, что образцом для подражания должна стать Британия: «величайшие строители мирового государства — самые далекие от искусства люди: англичане»[437].)

Обергруппенфюрер СС Гейсмейер также отмечал параллели между английской и немецкой воспитательными системами. В английских паблик-скул (а до них — в Спарте) он видел образец «строгого коллективного воспитания, формирующего тип», образец, передающийся из поколения в поколение, образец «расового единства как такового». В 1938 г. этот эсэсовский авторитет заметил, что «воспитательные средства и задачи [британских паблик-скул]... уместны и в наших заведениях»[438]. А ведь именно как обергруппенфюрер он не мог не знать, и притом совершенно точно, какие задачи ставят перед собой прирожденные властители из СС и какие методы применяются для их решения. Правда, этот эсэсовский авторитет не использовал выражений вроде «английские наполас». Уолтер Струве, историк из США, описывавший гитлеровские «наполас», также не обмолвился, что в их основу были положены британские образцы. Но зато англичанин, наставник паблик-скул, Кристофер Сидгвик в 1937 г. заявил, что к «тому времени, когда парни из «напола» Бакнанга начнут командовать, ... национал-социалистские правители будут обладать здравым смыслом в той же мере, в какой его приписывают британским офицерам, то есть станут настоящими белыми «пака»-сахибами»[439].

Под здравым смыслом будущих фюреров нацизма, обучаемых в «наполас», наставник Тейт явно имел в виду «здоровое национальное чувство». Во всяком случае, говоря о наумбургской «напола», он отмечал именно те черты, которые были характерны для английских паблик-скул: «Наполас под патронатом *СС, элиты*... придают больше значения телу и характеру, чем умственным способностям»[440]. «Высокопоставленный офицер СС... сказал, что их цель состоит в том, чтобы парни обязательно вели себя как солдаты. Точно так же в Англии инспектор в актовый день скомандовал бы «играть игру»[441] [«игру», укрепляющую тело, военизированную, направленную на сохранение imperium]. Их [будущих нацистских фюреров] восхищение здоровым национализмом этой страны [Англии] распространяется и на нашу систему паблик-скул; считается, что она играет ту же роль в жизни [британской] нации, какую должны играть эти школы [нацистской элиты] в жизни германского рейха. *Так что* в будущем вождями нацистов станут лишь самые лучшие люди. ***Небесам ведомо, сколько там уже воспитано будущих Гитлеров***»[442].

Однако, конечно, не одним небесам было ведомо, на что ориентировался тот единственный Гитлер, выстраивая свою политику. «Сила англичан в том, что они со спокойной душой дают народу [только] то, что ему понятно», — заявлял он. Следовательно, Адольфа

Гитлера восхищала эта черта англичан[443]. Ведь «всякая профессорская наука опустошает. Она уводит прочь от инстинкта, человека отучают к нему прислушиваться... И если бы мир... был отдан на произвол немецкого профессора, вокруг нас ходили бы... одни кретины...» «Интеллект? У нас его так много, что с ним одни трудности!»[444] «Мы, немцы, слишком много думаем. [Интеллект] отравил наш народ», — жаловался Йозеф Геббельс. А Адольф Гитлер делал следующий вывод: «Какое счастье для правителей, когда люди не думают! Думать следует только при отдаче или исполнении приказа, в противном случае человеческое общество не могло бы существовать»[445]. «Мне нужны брутальные натуры... примитивные природные задатки к развитию примитивной жестокости, силы воли. Сопротивляемость человека — одна из черт характера»[446]. И именно нацистский воспитатель напомнил англичанам в 1938—1939 гг., что задолго до Гитлера, отодвинувшего умственное начало на третью позицию, «доктор [Томас] Арнольд, отец британских паблик-скул... уже ставил интеллектуальные способности на третье место»[447]. Апологет нацистской педагогики Теодор Вильгельм (1906—?) хвалился, что «наполас ближе всего стоят к британским паблик-скул», и обещал: «За несколько лет мы догоним британские паблик-скул»[448]. Догнали и перегнали...

«Основополагающая черта английской культуры — культивирование силы воли...» Даже язык Англии называли языком «безжалостного акта воли». «Поэтому при обучении английскому языку главная задача — ввести учеников в англосаксонский мир»[449]. Написавший это воспитатель будущих фюреров с удовлетворением констатировал, что «английские... гости предпочитают самые коричневые из коричневых школ — наполас»[450].

И это соответствовало правде. В Английском королевском институте международных отношений в 1938 г. был сделан доклад о «воспитании будущих вождей нацистов», в котором отмечалось, что нацистские заведения *«во многих отношениях построены по образцу наших английских паблик-скул»*. «Все их... воспитание направлено на то, чтобы прививать им убежденность в *их* превосходстве над другими — превосходстве в физической силе... прививать веру в непобедимость их нации». Англичане по достоинству оценили и слова одного «пылкого... молодого национал-социалистского наставника», заявившего, что он презирает «времена, когда немцы были в состоянии использовать лишь свой ум». «Мы хотим действия — и именно его принес национал-социализм»[451] (т. е. национал-социализм принес как раз ценности, традиционно дорогие и любимые для британской элиты со времен их муштры в паблик-скул). Докладчик, мистер

Роувен-Робинсон, высказал также такое суждение о «наполас»: «Высшие руководители этих школ [раньше *связанные с СС*]... — *это все в высшей степени славные люди*, великие личности...»[452]. Пожалуй, слишком «великие» для «простой» человечности.

Определяя функцию школ Адольфа Гитлера, прежде всего исходили из общих принципов дисциплины и послушания, но для этой функции был также нужен институционно-исторический образец. И сам Гитлер нашел его в английских паблик-скул. (Один из воспитанников паблик-скул, Б. Оден, так вспоминал о времени, проведенном в одном из этих учебных заведений: «В школе я жил [как] при фашистском режиме».) [453] Его «рейхсбауэрнфюрер» Вальтер Дарре получил английское воспитание в паблик-скул. Гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп желал, чтобы и его сын получил такое же воспитание. Роберт Лей тоже предпочитал немецким кадетским заведениям соответствующие британские школы: ведь «Англия со своей итонской системой... построила мировую империю»[454]. Подобное признание сродства воспитания своих будущих вождей и британской элиты со стороны Роберта Лея, рейхсляйтера по вопросам организации, вполне соответствовало высоким оценкам нацистской системы со стороны англичан. Мало того, что уже в 1934 г. будущие британские вожди (из паблик-скул Регби) посетили потсдамскую «напола» — за этим последовали встречные визиты представителей «наполас» и других английских паблик-скул. При этом подразумевалось, что такой обмен будет происходить только с «нордическими партнерами, которые должны предохранить Германию от... войны на два фронта», однако речь шла не только об оборонных задачах — партнеры становились «образцами в строительстве мировой империи»[455]. Среди наставников паблик-скул, инспектировавших гитлеровские «наполас» (уже с 1936 г. находившиеся под патронатом обергруппенфюрера СС Августа Гейсмейера[456]), было широко распространено мнение, что «наполас» являются воплощением того, в чем (согласно вильгельмовским, а позже нацистским идеологам) немцы должны были брать пример с Англии. (Причем в то время, когда было сделано это замечание, вся «воспитательная власть» в «наполас» уже давно осуществлялась эсэсовцами.) Наставник паблик-скул Тейт так оценил воспитание новой расы господ: «Тот, кто критикует английские паблик-скул... тем самым критикует и английский характер, и точно так же нельзя разделять военную направленность этих школ и установку *всех* немцев при нынешнем режиме»[457].

По словам Раушнинга, Гитлер заявлял, что создание расового единства требует духовного нивелирования[458]. (Как уже говорилось,

и сам Гитлер сравнивал «наполас» с английскими паблик-скул[459].) Во всех структурах его движения (как и в английских элитных воспитательных заведениях) считалось желательным, «чтобы молодежь — или вообще кто бы то ни было» — отвергал «чтение книг по истории даже для развлечения»[460].

Чувствительных мечтателей принуждают подавлять свое воображение.

Эдвард Мэк. «Паблик-скул»

Если англичане не доверяют искусствам, а также большей части наук и не знакомятся с ними, они поступают совершенно правильно. Ведь на этом равнодушии зиждется их моральное величие.

Редьярд Киплинг

Примат воли над воображением

«Всеобщее образование — это самый разрушающий... яд, изобретенный либерализмом... Для каждого сословия... существует только одно образование... Мы будем последовательны и даруем широким массам низших сословий благодать неграмотности»[461], — утверждал Гитлер. Особую неприязнь у него вызывали специалисты и специальные знания[462] (такие же чувства еще до Гитлера испытывала и британская элита).

Намерение Гитлера путем селекции вывести человека, который «владеет своим телом, своими мышцами и нервами так же хорошо, как людскими массами»[463], вполне отвечает духу и установкам британской идеологии; как, впрочем, и следующее программное заявление Гитлера: «Мне не нужно интеллектуальное воспитание... Знание только испортит мою молодежь... Но учиться повелевать им придется непременно»[464]. Если бы все эти идеи не нашли свое воплощение в Британии, последователи Ницше в Германии вряд ли смогли бы создать столь мощную и хорошо организованную систему образования, построенную на теоретических рассуждениях своего кумира. Отбор «властителей» (как в рыцарском ордене) по критериям «самодисциплины и жертвенности» (вернее, готовности приносить в жертву других), «властителей» суровых, бесстрастных и готовых претворять волю к власти в реальность, уже давно практиковался в воспитании английской элиты и без ницшевского «Заратустры». Хотя имен-

но у Ницше Гитлер мог перенять мечту о том, что в его «орденсбургах вырастет молодежь, от которой содрогнется мир»[465], избранный Гитлером «педагогический» путь к исполнению этой мечты буквально повторял британскую практику паблик-скул: «Моя педагогика сурова. Слабость надо выбивать из учеников»[466].

Только война, объявленная британцами гитлеровской Германии, помешала английским и гитлеровским воспитателям элиты продолжать выражать взаимное восхищение, только война заставила немцев отказаться от признания, что воспитание ее вождей первоначально строилось по британским образцам. В действительности некоторые установки британских паблик-скул и немецких школ Адольфа Гитлера были противоположными по своей сути, и, в конечном счете, они и привели к разрыву отношений между этими воспитательными учреждениями. Так, в Британии во имя сохранения великой империи будущих вождей учили повиноваться и действовать, а не думать. Для защиты немецкого среднего класса от грозившей ему пролетаризации уместно было пойти дальше: не просто (и еще в большей мере, чем в Британии) принуждать массы к повиновению, но еще и муштровать их низших руководителей так, чтобы они «думали кровью».

Роберт Сесил, британский историк *немецкой* версии мифа о расе господ, дал точное определение этой реалии национал-социализма — умолчав, однако, о том, насколько сильное влияние на немцев оказал пример британской расы господ: «Большинство национал-социалистов испытывало ужас перед интеллектуальной деятельностью»; «Не следует изучать что-либо только ради самого предмета изучения»[467]. На самом деле подобный мещанский антиинтеллектуализм имел в Англии (в том числе и по британским оценкам) гораздо более древнюю традицию, чем в Германии. Немецкое ницшеанство у себя на родине не оказало столь длительного воздействия, как английский утилитаризм в Британии — где уже в течение двух веков считалось неприличным (и считается по сей день) называть себя интеллектуалом. Примат мышц над духом — несмотря на бюргерское понятие о воле как о средстве избежать «заражения» «бледностью от мыслей», и несмотря на идеи Ницше и лозунги о «духе как противнике души» — стал установкой немецких «элит» намного позже, чем в Англии. К тому же в английской среде эта идея укоренилась несравненно глубже, чем в немецкой. В Германии ницшеанская враждебность к образованию в течение нескольких поколений оставалась чем-то нетипичным и маргинальным, тогда как англичане непрестанно на практике демонстрировали свое неприятие интеллектуализма. Интересно, что в английском языке не существовало и не существует слова «образование», которое под-

разумевало бы формирование человека, личности с помощью интеллектуальной и эстетической культуры. В немецком же понятию «образование» соответствовало слово «Bildung», которое было вытеснено из обиходного языка только в Третьем рейхе. (Тем более в Англии не существовало понятия об «образованном классе» как о социологической категории.)

(В этой ситуации ничего не меняет популярная острота Маркузе: «Третий рейх не убил немецкий идеализм, а только похоронил его»[468]. В действительности немецкий идеализм совершил самоубийство.)

Интеллектуалы-критики находились в Англии на положении маргиналов уже более чем за век до того, как в Германии утвердился тоталитаризм «здорового национального чувства». Именно в устах англосакса утверждение: «*в Германии давно* существует глубоко укоренившийся и популярный антиинтеллектуализм»[469] — говорит о самодовольном невежестве его автора. Как раз в «образцовой» Англии такие мыслители, как Мэтью Арнольд и Джон Стюарт Милль, ссылались на Германию Гумбольдтов как на противоположность своей родине, где господствовала мещанская бездуховность. А в гитлеровской Германии молодым немцам внушали, что они должны брать пример с Англии[470].

Точно так же, как, например, Шопенгауэр отвергал «пресную» нормальность, так и нацистские «фёлькише чувство и воля» (т. е. экстремизм мелкого буржуа) не могли терпеть никакую «чрезмерно рахвитую индивидуальность». Ведь ее героическая творческая гениальность несовместима с бюргерством — с мещанством, которое с величайшим напором и бесцеремонностью пробивает себе дорогу в «реальной жизни». А «гениальным бюргером» слыл именно Гитлер[470a].

> *Как английский, так и немецкий вариант филистерства неумолимо враждебны по отношению к вечной борьбе избранного меньшинства за человеческое достоинство и интеллектуальную свободу.*
>
> Мэтью Арнольд

Примат нормального над гуманным

Для антидуховного «филистерства у нас в английском языке нет *термина*... возможно, потому, что сам этот феномен у нас в боль-

шом избытке. Из всех народов именно английский стал самым недоступным для идей, самым нетерпимым по отношению к ним... Поскольку англичане прекрасно обходятся без идей, они и презирают тех, кто поднимает шум вокруг этого предмета», — отмечал Мэтью Арнольд еще в 1865 г.[471] Подобная критика филистерства в устах англичанина — уникальная для того времени — связана с влиянием, которое оказал на Мэтью Арнольда немецкий идеализм (и не только идеализм Гумбольдта)[472]. Поскольку начиная с XVIII в. Англия превыше всего ценила здравый смысл (если не сказать «здоровое национальное чувство» нацистов), англичане осуждали немецкий идеализм как непрактичный и высмеивали его, называя фантазией[473]. «Англоязычный мир до самой середины XIX в. в очень слабой мере усвоил философский идеализм... Да, все недоступное рациональному анализу отвергалось как суеверие или как что-то бессмысленное и незначащее»[473а].

Немецкие же классики — возражая в том числе и признанным авторитетам — в эпоху «бурных гениев», напротив, настаивали на том, что никто не вправе распоряжаться творческим субъектом, личностью, свободной и независимой в своей творческой гениальности. То, что нацисты — а до них и англичанин Дизраэли — считали «народом», во времена немецкой классики, к примеру, Шопенгауэр, воспринимал как чернь, как филистеров, как массу «нормальных людей», враждебных гению. Ведь именно нормальности — всему, что позже окрестят «здоровым национальным чувством» — Шопенгауэр желал поражения в борьбе с гениальностью: пусть мир представления победит мир воли[474]. Он знал, что тяга к познанию вызывает ненависть филистеров. Но если на такую тягу есть «спрос, они превратят это в принудительный труд». Они настаивают на «реальном»; идеальное нагоняет на них скуку. «Апофеоз филистерства — ...величайшая проблема». Шопенгауэр обращал внимание и на фельдфебельское «сбивание спеси» с интеллекта[475]. Ханс Гюнтер, гитлеровский популяризатор расизма, напоминал о ценностях и перспективах, которые давал именно средний класс (имея в виду нордическую кровь), и о том, что филистерство «подготовит хорошую расовую почву для нацистов»[475а]. Он оказался как нельзя более прав.

У Джеймса Родса, например, тоталитарная гегемония среднего сословия ассоциировалась с филистерством, изображенным в «Степном волке» Германа Гессе[476]. А романтик Эйхендорф уже в «Поэтической [sic] войне с филистерами» говорил об «исконном праве людей... вести посев нового человечества», веря, что «лишенная мышц», неанглийская Германия уже избавилась от филистеров,

презрительно бросив им: «Сгиньте, я вас бесконечно презираю»[477]. Немецкий романтик Клеменс Брентано дает «филистерам» более развернутую характеристику. «Они всегда болтают о “немецкости”... Англичан... они любят только ради фунтов стерлингов... [Филистерство — это когда] человек должен думать: чего ему хватает — того с него и хватит, *и это все*,.. остальное — глупость... Так возник обычай и соединился с пристойностью, и *породил приличное*... С тех пор как храбрость... и [истинные] герои опочили под земными сводами... вместо героизма... появились воинское подчинение, дисциплина... Они хотят, чтобы люди любили собственный кафтан, и ради этого раздали им одинаковые кафтаны»[478].

(«Мнения не будут опасны для государства», — иронизировал другой немецкий романтик Людвиг Тик, — едва только поэзия как глупость будет признана безобидной. «Умы будут подавлены»; ведь ум «сомневается... в реальности, *приличной*, *целесообразной*, в настоящей реальности». Будьте снисходительны, «прошу вас: посмотрите же на быт, на домашние, бюргерские добродетели»[478a].)

Позже, в 1936 г., ныне забытый Ойген Винклер (1912—1936) в полной мере ощутил на себе, что означает окончательно созревшая агрессивность среднего класса, класса обывателей: «Новое и зловещее обнаруживают себя... в духе гниющего мещанства, в духе казарм, в духе, от которого задыхаешься»[479]. Это было сказано за несколько лет до массовых удушений в газовых камерах. Путь же в газовые камеры вел через восхваление тех, кто насаждал жесткость: «Жизнь жестка, и лишь тот, кто жёсток сам, заставит ее подчиниться... жёстко давать и брать, пока не победишь... в наших рядах нет неженок»[480]. И насколько логически обоснованным было это неприятие чувствительности гуманистов и идеалистов, в 1943 г. показал феномен «Белой розы» Софи Шолль и Ханса Шолля — студенческой группы Сопротивления, вдохновлявшейся традициями немецкого идеализма, Гельдерлина, Новалиса и Гете[481].

Нацизм осуществил «филистерскую цензуру» гениальности, названную в Англии 1897 г. «клеймом приличия»: «Любой мелкий борец за приличия узурпирует право решать безнравственны ли Байрон и Шелли». Как полагали, именно из-за «тупого патриотизма и грубого высокомерия таких борцов за приличия во всем мире и ненавидят Англию»[481a]. На самом же деле, среди отчаявшихся «почтенных» немцев (когда-то их именовали филистерами) подобная «социальная дисциплина» находила немало сторонников и подражателей.

Англичан... в их ограниченном самоупоении ... — исходной точке их желаний и действий... не смутит никакое универсальное знание...

Карл Петерс

Мы... пройдем через все... стадии воспитания, чтобы научиться владеть миром, и станем на равных с нашими заморскими двоюродными братьями, уже владеющими миром... [это произойдет] тогда, ...когда мы будем похожи на них.

Фридрих Ланге, 1899/1904

Подражание отказу от культуры ради сохранения власти

Немецкие классики вызывали у педагогов «гитлерюгенда» еще большую головную боль, чем английские романтики у наставников паблик-скул Великобритании. Ведь для прежней гуманистической культуры Германии, для классицизма и романтизма исключительность гения и нормальность филистера были противоположностями, исключавшими одна другую[482]. Призывы немецких классиков как людей образованных (например, у Гете: «Да будет высшим счастьем для детей Земли только индивидуальность»), «желание как можно выше поднять личное начало — это цель, которая противостоит фёлькише чувству и желаниям и отрицает их», — уверял не один нацистский школьный наставник. Немецкие «наполас» должны были покончить с подобными теоретическими условностями в культурных представлениях, унаследованных подрастающей немецкой элитой. Выразители «фёлькише» взглядов добивались этого еще в кайзеровские времена. Так, в 1899 г. некий Фридрих Ланге заявлял: следование британским образцам, усвоение «духа джентльменов... приведет к тому... что с течением времени образованных людей [среди немцев] будет все меньше... Напротив, мы пройдем через все стадии... воспитания, чтобы научиться владеть миром, и станем на равных с нашими заморскими двоюродными братьями, уже владеющими миром... [это произойдет] тогда, когда мы станем похожи на них»[483]. Однако именно немцы, движимые идеализмом образованных людей, во время первой мировой войны протестовали против того, чтобы «нам с жестами пророков и в качестве пропуска в будущее навязывали всю программу, какую осуществляет английская бездуховно-брутальная политика силы — навязывали, даже не показав опознавательного знака “made in England”»[483а]. Такой образованный

идеализм, безусловно, был невыносим как для нацистской Германии, так и для имперской Англии.

Даже во время первой мировой войны, при кайзере Вильгельме II, зависимость немецкого общества от английской модели была настолько очевидной, что это не могло не вызывать критику. «Немецкий дух подвергся довольно сильной англизации, пристрастился к ней», — заявлял социолог Макс Шелер. «По крайней мере, эта война может способствовать началу процесса де-англизации». Как бы не так! На самом деле англосаксонская утилитаристская пропаганда, направленная против традиций немецкого идеализма, в конце концов достигла своих целей при нацистах. В качестве примера можно привести гитлеровского идеолога в сфере образования Эрнста Крика, который требовал «полного уничтожения «высокого мира» идеализма и всех «высоких» ценностей образования [Bildung]». По мнению этого школьного наставника (ставшего при нацистах ректором Гейдельбергского университета), традиционную немецкую гуманистическую культуру следовало заменить «реалистическим образованием»[483b].

Перед британскими паблик-скул не стояла проблема, как изжить традиционную духовность у молодежи из английского истеблишмента (или из усиливающейся буржуазии), лишь отдаленно сравнимую с духовностью немецкой. В Англии практически никогда не было разговоров об уровне духовной культуры. Английская гуманистическая литература и вообще духовная жизнь для британской элиты никогда не играли такой роли, как немецкая литература и культурная жизнь для влиятельных элит Германии — в противоположность «образцовому» этосу Сесила Родса, позже изучавшемуся даже в гитлеровском Союзе немецких девушек. В Британии уже при подготовительном обучении (на которое ориентировались воспитатели немецких вождей нацизма) сознательно и систематически, самым методичным образом подавлялась именно автономия личности, именно гениальность индивида-творца. Для британского истеблишмента самореализация креативной личности никогда и ни в какое время не была культурным идеалом. Своих Байронов, своих Шелли этот истеблишмент систематически превращал в изгоев. Такое подавление всего, что так восхищало в Англии немецких классиков и романтиков, подавление интереса ко всему человеческому, присущего гению какого-нибудь Шекспира, — все это было ценой, которую империалистическая Англия с величайшей готовностью платила за воспитание своих вождей, за их способность покорить мир.

В свою очередь в Германии, сотрясаемой кризисами, образованная буржуазия почти безоговорочно отказалась от привычного ей

идеала гуманистической самореализации (в свое время возникшего в качестве, так сказать, «мятежа» против догм двора и церкви) — отказалась, чтобы, мобилизовав мелкобуржуазный конформизм в форме национал-социализма, избежать собственного деклассирования и пролетаризации. Буржуазия Центральной Европы, ощущавшая близость экономического кризиса и, в частности, панически боявшаяся потерять свой статус, смотрела на гуманистическое культурное наследие как на балласт, мешающий ей защищать интересы своего класса. Такая ситуация порождала агрессивность в обществе[484] — вплоть до того, что люди были готовы к смерти и убийству. И тут — в качестве приема обороны в классовой борьбе — возникала идея направить классовую зависть в другую сторону — в сторону расовой борьбы. Идеология расовой борьбы формировалась прежде всего с помощью инстинктов и лишь во вторую очередь с помощью рациональных аргументов. Национальная, «фёлькише» политика в этот период рассматривала «яд интеллектуализма, либерализма» (как это уже давно повелось в Англии) как угрозу для власти и ассоциировала его чуть ли не с «господством черни»[484a]. В этой ситуации социальный инстинкт самосохранения велел буржуазии пожертвовать доводами разума. Необходимо было согласиться на «мышление кровью», ставшее частью официальной идеологии Третьего рейха. Страх буржуазии потерять свой статус заставил ее пожертвовать и свойственной образованным людям гордостью наследием классиков с их традиционным уважением к разуму. В результате обращение немцев к английской модели — не обремененной идеализмом образованности — оказалось совершенно естественным.

Во время этой агонии немецкого образованного бюргерства Эрнст Вильгельм Эшман* с особой настойчивостью рекомендовал немецкому обществу, уже уставшему от гуманизма и демократии, английские методы формирования вождей — именно в силу британской антиинтеллектуальности. Эшман заявил, что он не уверен, является ли отставание английских студентов первого семестра от немецких** (или французских) студентов недостатком[485]. «Пространство духовного [в Англии] не так обширно, как на континенте»[486]. Эту столь точную констатацию Эшман подал как пример для подражания.

Английское начальное образование в середине XIX в. было худшим в Западной Европе — правительство давно уже не интересова-

* Эрнст Вильгельм Эшман (1904—?) — нем. писатель, философ и историк культуры.

** До 1917 г. в Англии степень доктора вообще не присуждалась. Желающие получить ее вынуждены были отправляться в другие страны, например, в Германию (*прим. автора*)[484b].

лось образованием как таковым, а островной этноцентризм придавал ему ограниченность. (Так, в 1914 г. в Кембридже история Европы — кроме древнегреческой и римской — вообще не входила в программу экзаменов для младших курсов.) Но в Германской империи недостатки английского образования расценивались именно как «основа расовой гордости и тем самым — как основа неистощимой национальной энергии [англичан]». Англоманы вильгельмовских времен понимали, что объективное восприятие мира и своего положения в нем вряд ли может пойти на пользу национальным интересам народа, нацеленного на завоевание мирового господства[487]. Напротив, в период стабилизации Веймарской республики немецкий англист-гуманист Вильгельм Дибелиус увидел в «недостатке способности к образованию» у английского народа не достоинство, а изъян: «Слабо развитая интеллектуальность — черта, характерная именно для Англии, вследствие которой народным идеалом может стать джентльмен без какого-либо налета интеллекта»[488].

Видный британский историк Тревельян писал об отношении англичан к народному образованию следующее: «Обучение народа — это причуда, подходящая для усердных иностранцев... которым недостает нашего превосходства в характере и нашего положения в мире». Англичанин Г. Спенсер утверждал, что «преподаватель физкультуры... по всей вероятности является... смесью филистера и варвара»[488а]. Именно подобные качества вызывали зависть в империалистической Германии. Карл Петерс с удовлетворением отмечал, что в Англии «даже в университете... в основном учат футболу, крикету и гребле, а спортивная ловкость преподавателя ценится выше, чем образованность»[489]; учащиеся же пребывают в «наивном неведении... насчет всего, что не относится к Англии»[490]. И уж если английское воспитание отражало «здоровый» мир английской буржуазии[491], значит, *такое* воспитание *обязательно* должно было исцелить и недуг грядущего социального деклассирования немецкого бюргерства.

Ведь те, кто еще в первую мировую войну гордился своим гуманизмом, заявляя, что «быть немцем — ...значит серьезнее относиться к духу, чем к жизни»[491а], теперь начали воспринимать гуманизм, в том числе и гумбольдтовский, как тягостное бремя. Как бремя героического императива, а то и как почву для появления таких нарушителей дисциплины и порядка, как брат и сестра Шолль, которые восемь лет спустя выступили со своей «Белой розой». Особое недовольство вызывала гумбольдтовская традиция немецкого университета: «немецкому университету до сих пор [1935 г.] ...не хватало... *воспитательного* элемента», т. е. муштры. Ведь все-таки

«задача университета прежде всего заключается в *воспитании** »[492]. В 1943 г. Роланд Фрейслер, приговоривший к смерти профессора Курта Хубера за подстрекательство студенческой молодежи к бунту, возглавляемому «Белой розой» брата и сестры Шолль, также настаивал, что «университетский профессор должен... *воспитывать*... вверенную ему... молодежь»[493].

Английская университетская традиция, наоборот, не вызывала никаких нареканий, поскольку занималась именно воспитанием молодежи и уж точно не могла вдохновить студентов на создание какой-нибудь «Белой розы». «Английский студент не ищет мировоззрения, а хочет стать воспитанным», — с удовлетворением отмечал репортер «Volkischer Beobachter» Ханс Тост. «Education» означает *воспитание* — понятие, вытеснившее с тех пор в немецком языке понятие «образование» (Bildung), которого нет в английском. Ведь *образование* имеют лишь *некоторые*, а большинство его не имеет. Зато *воспитания* «вкусили» все. Отказ от «идеалов» образования привел к конкретным достижениям, предшествующим «экономическим чудесам». Гуманизм же, напротив, приносил в борьбе за существование больше вреда, чем пользы.

Итак, Эшман самым настоятельным образом рекомендовал образованным бюргерам (уставшим сначала от гуманизма, а вскоре и от гуманности) проверенную опытом, эффективную английскую модель. Эшман подчеркивал, что английский университет не служит для научных исследований, то есть не призван давать знаний для ума[494]: главный его приоритет в Англии — выполнение *воспитательной* миссии во имя формирования «слоя вождей, мыслящего и действующего единообразно»[495]. Эшман особо отмечал заслуги доктора Томаса Арнольда, создателя нынешней системы паблик-скул, который сумел воспитать подрастающих вождей одинаковыми, и тем самым предотвратил «разлад», грозивший нации. А «разрушительное... воздействие этого унифицирующего воспитания на отдельных людей с более тонкой организацией, таких, как Перси Биши Шелли», нисколько не уменьшало восхищения этого образованного мужа (который чувствовал себя очень уверенно, находясь под защитой авторитарного «гляйхшальтунга»). Ведь разве образцовая Англия не позволяла, причем с готовностью, ломать чувствительные натуры — во имя единообразия и закалки вождей?[496] В конце концов, «*реальная* жизнь» по своей сути была гораздо ближе буржуазии, а главное — более любима и дорога, чем идеализм. (Не случайно в окрепшей буржуазной среде воз-

---

* Так, в 1938 г. в немецких университетах остался всего 71% профессоров от уровня 1931—1932 гг. (*прим. автора*).

никла поговорка: «Тут никакой Шиллер не поможет» («Das hilft einem kein Schiller nicht»).)

И потому одна из самых настоятельных рекомендаций Эрнста Вильгельма Эшмана, в 1935 г. указывавшего Германии на великий английский образец, звучала так: «В английской паблик-скул тот, кто не способен постоять за себя, неминуемо погибает... в этом отношении [паблик-скул] ...является отражением *реальной* жизни». Таким образом, Эшман предлагал отказаться от идей Фридриха Шиллера и вернуться к атмосфере пресловутой Карлс-шуле, в которой последний подвергался жестоким притеснениям. (Эшман, видя, как другие страны пытаются подражать английским паблик-скул, сильно сожалел, что этим подражателям не хватает *такого* понимания *реальной* жизни[497].) «Если что бросается в глаза в паблик-скул, так это жесткость», — с гордостью отмечал он — и резюмировал: «Кто прошел через паблик-скул... может *всю оставшуюся жизнь рассматривать как отдых*»[498]. Но многие паблик-скул-бойз «уже *никогда* не оправятся от пережитого здесь», — констатировал один британский автор в 1960-е годы[499]. Эшман считал, что ситуация, сложившаяся в Германии в 1935 г., требовала создания воспитательных заведений по английскому образцу. Английский властитель с его «жесткостью ...принципом единообразия ...командным духом и вождистской основой»[500] должен был стать примером для немцев. Таким образом, вождистский принцип, возникший в коллективах, где «всех вынуждают быть одинаковыми... где насаждают командный дух... и подавляют индивидуальные притязания», стал примером для Германии[501].

При таком воспевании «гляйхшальтунга», позволяющего максимально упрочить положение образованного буржуа, вполне логично, что Эшман[502] уделяет особое внимание главным английским «гляйхшальтерам», директорам паблик-скул, и тому влиянию и авторитету, которые они имели в общественной жизни Англии[503]. Ведь «наставники часто по своей натуре являются истинными вождями, им не обязательно быть выдающимися учеными»[504]. Эшмана восхищало, что в Англии воспитание неотделимо от формирования вождей. Он восхищался и слоем вождей, «который обеспечивает единство нации, пронизывая все сословия, ... и преобразует силовые импульсы, исходящие от великих исторических вождей, в решения». «Английское воспитание прививает дисциплинированность, качества вождя и командный дух... и поэтому эти свойства отличают весь правящий слой»[505]. «Здесь *вызывают интерес только* черты, характерные *для* структуры английской системы *формирования вождей* ... — часто при почти не *диктаторском* руководстве»[506].

Для реализации воли к власти в рамках того, что называли «прусским» [национальным] социализмом, требовалась (кроме «философского» ницшеанства) именно проверенная, практическая модель — модель империализма, успешно осуществленная на практике: «Нам нужна жесткость, нам нужен... класс социалистических природных вождей... — власть, власть и еще раз власть. Планы и замыслы — без власти ничто... без нее не удастся добиться добровольного повиновения»[507] (из работы Шпенглера «Пруссачество и социализм»).

Обращение к английскому опыту было далеко не новым делом для немецкой практики. (Временный) переезд в Англию (в 1852—1853 гг.) некогда оказал «глубокое и плодотворное влияние... на мировоззрение» немецкого «фёлькише» культуролога Пауля де Лагарда[508], которого Альфред Розенберг почитал как «провидца» и одного из предшественников национал-социализма[509]. Лагард «завидовал англичанам, восхищался ими и впал... в некую... англоманию». Да, он имел намерение эмигрировать в Англию[510], к «самым чистым представителям германской нации — англичанам»[511].

Образ человеческого существа... низводится до образа животного, как только мы соединяем его с представлением о негре... Черные происходят от другого семейства обезьян, чем белые.

Х. С. Чемберлен

Немцы готовы; им недостает лишь вождя, ниспосланного Святым Духом.

Х. С. Чемберлен, 1916

ГЛАВА 7
ХЬЮСТОН СТЮАРТ ЧЕМБЕРЛЕН — БРИТАНСКИЙ ПРОВИДЕЦ, ПИОНЕР И ПРОРОК ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Возможно... британские читатели с... удовлетворением узнали, что в лице одного из своих соотечественников они внесли вклад в развитие Германии [в направлении Третьего рейха].

Вильгельм Фольрат. «Карлейль и Х. С. Чемберлен». 1938

Англичанин, для которого Англия стала недостаточно английской — и потому он сделался немцем

Для Х. С. Чемберлена (1855—1927) Англия — после того как ее политика подверглась либерализации — перестала в достаточной мере быть страной «расы господ». И в результате гитлеровец Альфред Розенберг получил возможность с удовольствием цитировать его слова: «Кто говорит в Германии о республике, по тому плачет веревка»[512]. Образцовый английский джентльмен Хьюстон Стюарт Чемберлен так страшился революции, что еще в 1890 г. «чистил свой револьвер» посреди императорской Вены. Ему очень подходила царившая там духовная атмосфера — атмосфера, в которой инстинктивному началу в человеке уделялось больше внимания, чем разумному[513]. Эта атмосфера укрепляла его культурный пессимизм, порождаемый паническим страхом социального краха.

Источник вдохновения Хьюстон Стюарт Чемберлен нашел в сочинениях Томаса Карлейля и в созданном им образе «расы гос-

под». Смотря на мир с этой точки зрения, он (в 1895 г.) видел в массе английского народа (как позже Гитлер) «скотские лица крестьян... убогие, отражающие все пороки негодяйские лица рабочего класса»[514]. Что касается интеллектуалов, то, согласно представлениям Чемберлена, «одни будут становиться все умнее, другие же впадут в состояние хуже скотского»[515] (поколение спустя Гитлер в разговоре с Раушнингом высказывал такие же суждения). При этом Чемберлен хвалил старую добрую Англию, в которой, — выполняя функции абсолютной власти — «железной рукой управляет невидимый, безликий образ, подавляющий всякое выражение личных взглядов, угрожающих государству»[516]. Ведь свобода, по его мнению, вовсе не является естественным правом. Декларацию прав человека вообще надо выбросить в корзину для бумаг — это «парламентская писанина», «пустые слова»[517]. Лишь сила дает право на свободу, и тут нельзя сказать лучше Карлейля: «сила — это право» («Might is Right»)[514]. Только раса, способная создать государство, может быть свободной. И германцы готовы быть свободными[518]: ведь они «достаточно сильны, чтобы приказывать... достаточно горды, чтобы повиноваться, и едины в своей воле»[519]. Приобрести свободу может лишь тот, кто готов к ней. А такую подготовленность дает повиновение. При этом Чемберлен ссылался на «загадочные слова Карлейля: «Повиновение дает свободу»»[520]. «Простой человек нуждается в господине, чтобы тот разговаривал с ним как с рабом». Рассуждая в таком духе и основываясь на тезисах Чемберлена, рейхсляйтер Альфред Розенберг (задолго до провидения Джорджа Оруэлла «Freedom is Slavery» («Свобода — это рабство»)) пришел к выводу, что демократия Франции на деле является «фабрикой рабов»[521].

По примеру Чемберлена Розенберг утверждал: «Господство Англии основано на четком различии между кастами... на неравенстве людей... Эта антидемократия... и вывела Великобританию на путь к мировому господству»[522]. Ведь именно Чемберлен настаивал на том, что властью можно обладать только по праву рождения, а не по прихоти народной воли[523]. «Парламентаризм — главное зло нашего времени», — предупреждал в 1917 г. Чемберлен[524]. Таким образом, Хьюстон Стюарт Чемберлен принадлежит к последним «непоколебимым» («die-hards»), к тем, кто не смог смириться с лишением Палаты лордов власти в пользу народного представительства (1912).

Чемберлен, этот вдохновитель Гитлера, унаследовал систему представлений британского правящего слоя начала викторианской эпохи с ее чрезмерным шовинистическим пылом и привычкой насмехаться над гуманностью и либерализмом — в духе Карлейля, в духе паблик-скул. Несмотря на то, что Хьюстон Стюарт Чемберлен

вспоминал о своем первом учебном заведении как об «аде кулачного права» («никогда больше не переносил я *таких* страданий»), в следующей паблик-скул он уже чувствовал себя лучше. В паблик-скул он усвоил очевидные и несомненные для людей его круга вещи: убежденность в превосходстве Англии, в том, что другие народы должны завидовать индийцам и ирландцам, получившим возможность стать подданными Англии[525]. «Я с раннего детства впитал это чувство гордости... Меня учили... считать французов более низким сортом людей и не упоминать их наравне с англичанами... Сам Бог не смог бы выбить из англичанина чувство собственного превосходства»[526]. «К тому же, я ведь люблю свое родное отечество и нераздельно принадлежу ему... вместе с важнейшими чертами моего характера и моего мышления»[527].

Предполагая, что Германский рейх сможет более последовательно реализовать идею «расы господ», чем британская политика с ее усилившимся парламентаризмом, Чемберлен переехал в Германию. Именно там в 1899 г. вышел его главный труд «Основы девятнадцатого века», сделавший («впервые», по словам Йохена Шмидта) расовое учение приемлемым и достойным уважения для немцев с высшим образованием[528]. И только *после* публикации сочинения этого англичанина количество расистской литературы, издаваемой в Германском рейхе и в Австрии, начало превышать ее количество в Англии — тенденция, которая усилилась после поражения в первой мировой войне[529]. В самой Англии высказывания Чемберлена вплоть до первой мировой войны воспринимались «на удивление благосклонно»[530]. Ведь даже социалист-фабианец Бернард Шоу назвал эти «Основы» «шедевром действительно научной истории», который следует прочесть каждому доброму фабианцу.

Считается, что Хьюстон Стюарт Чемберлен оказал сильнейшее влияние на иррационально-элитарный «витализм» англичанина Дэвида Герберта Лоуренса. И даже Уинстон Черчилль — в то время первый лорд адмиралтейства, а позже, пожалуй, самый ненавистный Гитлеру апологет «мировой демократии» — безмерно высоко оценил чемберленовские «Основы», ставшие впоследствии источником вдохновения для Адольфа Гитлера (1911)[531]. О таком отношении Черчилля к труду Чемберлена вспоминал влиятельнейший почитатель этого ментора Альфреда Розенберга — лорд Ридсдейл*, близкий друг короля Эдуарда VII (1901—1910), сумевший оценить тот факт, что чемберленовская идеализация германской расы относится и к англичанам[532]. В Соединенных Штатах многие противники иммиграции из Восточной и Южной Европы (как, например,

* Фримен-Митфорд Олджернон Бертрам, первый барон Ридсдейл (1837—1916).

Генри Кэбот Лодж*) также сочли «Основы» Чемберлена чрезвычайно привлекательными[533].

Во время первой мировой войны Хьюстон Стюарт Чемберлен порвал отношения с Англией и остался в Германии, но все же продолжал славить и Англию, и Германию, утверждая, что эти страны населяют «два *германских* народа, которые добились больше всех в мире»[534]. По сути он подарил немцам, придерживавшимся «фёлькише» убеждений, идеологическую систематизацию методов и установок британской «расы господ». По поводу его «Основ девятнадцатого века» уже в 1902 г. с полным правом было замечено, что в них «более выражен английский джингоизм, чем какие-то немецкие качества»[535].

Не случайно уже один из первых комментаторов «Основ девятнадцатого века» полагал, что этот труд прежде всего являлся «лишь изложением теории, которая подводила фундамент под практику его [Чемберлена] кузена Джозефа Чемберлена, занимавшего пост министра по делам колоний...» Граф Герман Кейзерлинг** назвал Хьюстона Стюарта Чемберлена Киплингом, «переведенным на язык немецкого идеализма»[535а]. Именно Чемберлен вновь и вновь пытался использовать авторитет Гете для обоснования импортированного из Англии примата расы[536]. Безусловно, корни идей, выдвинутых Чемберленом, нельзя назвать немецкими. И тот факт, что этот англичанин вступил в Пангерманский союз*** и активно «рекомендовал осознать необходимость расовой селекции как пути к оздоровлению немецкого народа», мало что менял в этой ситуации[537]. Как раз Хьюстон Стюарт Чемберлен более чем кто-либо сориентировал рейхсляйтера Альфреда Розенберга (пожалуй, главного идеолога национал-социализма) на британские образцы как на пример для подражания в Третьем рейхе. Этот британец (возможно, раньше, чем кто-либо из немцев) произнес слова, звучавшие в духе Дизраэли (которого, кстати, Чемберлен недолюбливал): «Человек, принадлежащий определенной чистой расе, никогда не потеряет этого чувства»[538]. Судить же о расах следует не с позиций науки, а с позиций инстинкта — то есть того, что невозможно проверить[539]. Этим откровением образованные немцы тоже были обязаны «онемечившемуся» британцу. Ведь, по мнению этого авторитета по прак-

* Генри Кэбот Лодж (1850—1924) — амер. гос. деятель (сенатор), историк и публицист.

** Герман Кейзерлинг (1880—1946) — нем. философ, сторонник иррационализма.

*** Пангерманский союз (Alldeutscher Verband) — консервативное объединение представителей крупной буржуазии и реакционных интеллектуалов (1891—1939); выступало за мировое господство Германии.

тическим вопросам германства, немцев надо было идеализировать не в качестве «народа мыслителей», а в качестве «народа солдат и *торговцев*». По-настоящему практичным — лишенным романтизма и окончательно обуржуазившимся — германцам следовало понять, что «германец должен быть прирожденным промышленником и *дельцом*, в той же мере, в какой он является прирожденным воином»[540]. Выдвинув программу, согласно которой «вступление германца... во всемирную историю пока еще далеко от завершения: германцу еще предстоит вступить во владение всем миром»[541], Хьюстон Стюарт Чемберлен спроецировал на немцев самосознание англичан. Германский рейх в то время ощущал настоятельную потребность в подобном признании со стороны Запада, со стороны представителя Англии, на которую уже тогда ориентировались немцы. Ведь даже последний немецкий кайзер признавался американскому президенту Теодору Рузвельту в своем восхищении Англией.

Это заявление было сделано в 1911 г.[542], в том году, когда Хьюстон Стюарт Чемберлен — сразу после перевода его «Основ» на английский — получил широкое признание у себя на родине, в Англии. Вильгельм II назвал труд Чемберлена монографией величайшей важности; он знал наизусть целые куски из немецкого оригинала [543]. Если Вильгельма тяготил рейхстаг, то и Чемберлен видел во всех парламентах великое зло. Вот царственный друг и писал британскому расисту: «Вы приходите и по мановению волшебной палочки вносите порядок в хаос, свет во тьму; вы даете цели, к которым надо стремиться и ради которых следует работать»[544]. Ведь для последнего немецкого кайзера именно Чемберлен стал «соратником и союзником в борьбе за германство против Рима, Иерусалима и т. п.»[545] — в конечном счете против всего того, что позже Гитлер (но уже на практике — в отличие от Вильгельма II) собирался убрать с пути «ради Германии».

Чемберлен на ложе. Разбитый, лепечущий... Он держит меня за руку и не хочет отпускать... Отец нашего духа, *привет тебе.* Пионер. *Первопроходец...*

Йозеф Геббельс. 8 мая 1926 г.

Адольф Гитлер и Хьюстон С. Чемберлен подали друг другу руки. Великий мыслитель ...открывший путь для фюрера... гениальный учитель и провозвестник Третьего рейха ощутил, что в этом простом человеке из народа счастливо исполнится судьба Германии.

Ханс Конрад. «Фюрер и Байрейт». 1936 г.

Немецкий народ, не забудь... и всегда помни, что это «иностранец» Чемберлен назвал «иностранца» Адольфа Гитлера твоим фюрером... Сто лет назад таким же был англичанин Карлейль... Сегодня именно англичанин Чемберлен... с первых шагов Адольфа Гитлера понял, что тот избран судьбой...

Георг Шотт. «Х. С. Чемберлен, провидец Третьего рейха». 1934 г.

Хьюстон Стюарт Чемберлен, британский вдохновитель Адольфа Гитлера

В телевизионной передаче, посвященной результатам исследований британца Майкла Бальфура, показанной в Германии, утверждалось, что истоки идей Гитлера прослеживаются еще в мировоззрении кайзера. Однако в этой передаче ни словом не обмолвились о том, что общим вдохновителем и кайзера, и Адольфа Гитлера не в последнюю очередь явился англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен. Целые отрывки «Mein Kampf» Гитлера, не говоря уже о «Мифе двадцатого века» Розенберга являются переложением «Основ девятнадцатого века» Чемберлена[546]. Именно из этого труда почерпнуты такие идеи, как: примат витального над моральным, селекция, иерархия рас, расовая избранность для мирового господства — другими словами, это была ***«онемеченная» форма увязки расизма, использующего прием «биологизации», с учением об избранности, имеющим черты теологической доктрины.***

Дорис Мендлевич отмечала: «Главные мыслители национал-социализма, такие, как Геббельс, Розенберг, [Дитрих] Эккарт* и [Ханс] Гримм, по сути недалеко ушли от Чемберлена»[547]. Мендлевич показала, что существенные черты чемберленовских представлений соответствуют главнейшим чертам нацистской идеологии, насколько она представлена в «Mein Kampf» Гитлера и в работах таких идеологов, как Розенберг, Геббельс и т. д.: раса и кровь в качестве важнейших качеств народов (как у Дизраэли); далее — иерархия народов на основе крови и расы; связь расы и (ветхозаветного) особого отношения к Богу, как у «германцев». И — производная от всего этого — претензия на мировое господство. Еврейство же считалось воплощением противоположного принципа.

Мендлевич исследовала высказывания Чемберлена и Адольфа Гитлера и пришла к выводу, что они пользовались практически

* Эккарт Дитрих (1868—1923) — нем. поэт, теоретик национализма и антисемитизма, один из основателей газеты «Völkischer Beobachter».

одними и теми же формулировками, а их лексикон почти не отличался. Она обнаружила и почти полные параллели, существовавшие между идейным миром образованного буржуа, кабинетного ученого Хьюстона Стюарта Чемберлена и миром «маленького ефрейтора великой войны» Адольфа Гитлера[548]. Чемберлен преклонялся перед Гитлером еще тогда, когда тот был никому не известен (они встречались в сентябре 1923 г., до путча в Мюнхене): «То, что Германия в час величайшей беды порождает для себя некоего Гитлера, доказывает, что она жива; о том же говорят и его [Гитлера] действия»[549]. Хьюстон Стюарт Чемберлен уверил будущего «фюрера», что тот представляет собой силу в «космогоническом смысле»[550]. Таким образом Чемберлен — с точки зрения национал-социалистов — стал «провидцем Третьего рейха», хотя в «Mein Kampf» Гитлер упоминает о нем лишь мимоходом, утверждая, что официальные власти были «слишком глупы», чтобы научиться у Чемберлена «необходимым вещам».

Однако чтобы претворить подобную (в духе Карлейля) *британскую идеологию в немецкую практику*, потребовались потрясения мировой войны и социальная катастрофа. Так, в 1925 г. газета «Volkischer Beobachter» оценивала «Основы девятнадцатого века» как «Библию Движения»[551]. Ведь Чемберлен материализовал метафизический дуализм, сделав его расовой идеологией, он конкретизировал умозрительные понятия, создав на их основе целую программу действий. «Всех, кто не принадлежит к нам... следует беспощадно растоптать», «финикийский народ... истребить». «Я ненавижу их всеми силами души, ненавижу и ненавижу», — писал Чемберлен о евреях. Он считал, что человек творит добро или зло в зависимости от того, какая кровь течет в его жилах (т. е. в зависимости от происхождения), и потому Чемберлен возомнил, что уничтожение «зла», якобы воплощенного в еврействе, «спасет» человечество. А для этого, разумеется, надо уничтожить всех евреев. Так, в начале 1917 г. он «открыл» немецкому кайзеру, что мировая война — это «война еврейства... за власть над миром». Именно Чемберлен дал теологическую трактовку конфронтации между германцами и евреями, представив ее как апокалиптическую последнюю схватку[552]. В Англии империалистической эпохи — какой бы расизм в ней ни царил — чувство избранности не приобрело столь *апокалиптической* заостренности. И тем большую готовность вступить в апокалиптическую схватку выразил Байрейт, т. е. наследники «Гибели богов» Рихарда Вагнера.

Но Чемберлен, по своему собственному признанию, был «не вагнерианцем, а байрейтианцем» (1888)[552a]. Однако при этом он

пошел гораздо дальше, чем наследники Вагнера. Хьюстон Стюарт Чемберлен спроецировал на творения Рихарда Вагнера собственные расистские грезы[552b]. Враждебность к иудаизму «прежде всего... побудила Хьюстона Стюарта Чемберлена выдвинуть категорическое требование... за исполнение которого взялся Гитлер: уничтожение европейских евреев»[552c]. Во всяком случае, «именно Чемберлен сумел поставить творчество Рихарда Вагнера и культуру Байрейта на службу политическим целям гитлеровской идеологии». Именно книга Чемберлена о Вагнере («Рихард Вагнер». Мюнхен, 1895) стала священным писанием немецких националистов-вагнерианцев[552d]. Именно Хьюстон Стюарт Чемберлен возглавил движение, сделавшее «круг Вагнера» подобием «Грааля» гитлеровской «партии спасения», хранителей «чистоты крови»[552e]. Именно чемберленовская интерпретация Вагнера составляла, по выражению Иоахима Кёлера, едва ли не «сердцевину мировоззрения Гитлера»[552f].

Нацисты делали особый упор на то, что именно Чемберлен как «провидец Третьего рейха» выявил тот «армагеддон», который германцы ведут с «ночными альбами» — «хранителями сокровища»[552g], символизирующими еврейство[552h]. Именно этот британский вдохновитель Гитлера в ложном свете представил враждебность Рихарда Вагнера к иудаизму и вывел из нее непримиримо-расистский экстремизм убийц. Чемберлен, не считавший евреев людьми, придал мифу почти противоположный смысл по сравнению с тем, что имел в виду Вагнер: тот мечтал о спасении еврейства путем его растворения в универсализме человечества[552i]. У Чемберлена же «Грааль», сверкающий лишь для «чистой расы», «больше не имеет ничего общего... с представлениями Вагнера»[552j]. Интересно, что, выступая против еврейства, сам Гитлер никогда не ссылался на авторитет Вагнера.

В результате Хьюстона Стюарта Чемберлена называли «одним из самых злостных политических клеветников... всех времен» (так считал, например, Куби*).

В день 35-летия будущего фюрера Чемберлен заявил: «Он [Гитлер]... не в состоянии, разделяя всю нашу убежденность в... смертоносном влиянии еврейства... не действовать в соответствии с ней; [не] воплощать выводы из своих мыслей в действиях — никто, кроме Адольфа Гитлера... То же можно сказать о его отношении к марксизму: тут он признает лишь войну на уничтожение...» (1924)[552k]. (Кстати сказать, нет никаких достоверных свидетельств, подтверждающих, что, живя в довоенной Вене, Гитлер враждебно

* Куби — псевд. Александра Парлаха (1910—?), нем. писателя и публициста.

относился к евреям — скорее наоборот.[552l]) Достоверно только то, что Гитлер (как он сам признавался в завещании) довел до конца логические умозаключения Чемберлена и претворил его идеи в жизнь.

«И, словно... отголосок напутствия Чемберлена Гитлеру додумать его мысли "до конца" и "бесстрашно сделать из них выводы", в 1943 г. прозвучало заявление Гиммлера... о том, что он признает "ответственность", которую он и его эсэсовцы взяли на себя, развязав холокост, — "ответственность за *действия*, а не только за идею"», — пишет Иоахим Кёлер[552m].

Таким образом, Чемберлен (согласно его письму от 1 января 1924 г.) увидел в Адольфе Гитлере будущего исполнителя своей «жизненной миссии» и истребителя недочеловеков[553]. В тот же январский день Чемберлен назвал Адольфа Гитлера «одним из редких светочей... истинно народным человеком (Volksmensch)». Чемберлен проторил путь и для своей соотечественницы, члена гитлеровской партии, Винифред Уильямс: он способствовал тому, чтобы поставить наследие Рихарда Вагнера, ее свекра, на службу национал-социализма. И если Хьюстон Стюарт Чемберлен был расистским идеологом «вагнеровского» клана, то во главе этого клана стояла Винифред Уильямс-Вагнер. Эта англичанка «пронесла семейную традицию антисемитизма практически через весь наш век»[553a]. Таким образом, ее убеждения вполне совпадали с воззрениями Гитлера, которого Винифред называла «Волком». Уже в рождество 1923 г. муж Винифред — Зигфрид Вагнер мог отметить, что она «сражается за Гитлера, как львица»[553b]. И даже в 1973 г. (sic) говорили, что Винифред Вагнер продолжает верить в конечную победу Адольфа Гитлера. Эта британская единомышленница Гитлера хранила его портрет с собственноручным его посвящением: «От Волка — его Винни». И потому в своем кругу ее так и величали: «Винни, подруга Гитлера»[553c] — Винифред Уильямс из Англии, хранительница духа Хьюстона Чемберлена, пережившая его самого. Ведь этот онемечившийся представитель английских Чемберленов — Хьюстон Стюарт — первым из писателей с общегерманским (если не европейским) именем объявил себя сторонником национал-социалистского движения[554]. Именно Чемберлена (как отмечал Винфрид Шюлер) — в гораздо большей степени, чем Рихарда Вагнера или любого другого «байрейтианца» — следует считать идеологическим отцом Третьего рейха[555]. Рудольф Гесс утверждал, что всякий раз, когда Адольф Гитлер посещал Чемберлена, глаза последнего сияли: «В последний раз он даже произнес одними губами "хайль"». По словам

Гесса, заместителя фюрера по партии, со смертью Хьюстона Стюарта Чемберлена в 1927 г. Германия «похоронила одного из величайших своих мыслителей, борца за германское дело, как и написано на венке, возложенном от имени Движения». В последний путь Хьюстона Стюарта Чемберлена провожали гитлеровские штурмовики, одетые в униформу[556]. Одним из поклонников «творчества» Чемберлена и успешным продолжателем его дела был Генрих Гиммлер[557]. Не случайно и то, что Юлиус Штрайхер на свой день рождения в феврале 1939 г. получил в подарок от вдовы Чемберлена переплетенные письма ее покойного мужа[558]. Ведь «заслуга» Чемберлена в том, чтобы сделать немецкую юдофобию респектабельной, была неоценима.

Согласно Джеффри Филду, труды Чемберлена — «самая убедительная из сделанных до 1933 г. попыток сформулировать германское [фёлькише] мировоззрение... модель, на основе которой после 1933 г. было осуществлено систематическое изложение национал-социалистской идеологии». Возможно, что и партийная программа Готфрида Федера в 1920 г. основывалась на той же модели[559]. Не случайно замаскированная апология политики Гитлера в отношении Англии, составленная заместителем шефа имперской прессы в Третьем рейхе Зюндерманом (1911—?) уже в послевоенное, аденауэровское время, заканчивается ссылкой на «философа и исторического мыслителя Хьюстона Стюарта Чемберлена»[560]. В этом документе Зюндерман говорит о дружбе между германскими народами и рассматривает Чемберлена как звено, связующее две его Родины — Англию и Германию. «Кровная» солидарность двух германских народов по Чемберлену предполагала «борьбу не на жизнь, а на смерть между этими расами господ и хаосом» (под хаосом подразумевались смешанные нации и евреи)[561]. Безусловно, именно Чемберлен с его «Основами девятнадцатого века» является создателем самой долговечной формулировки «противоречия между германцами и евреями» (поданного как центральный сюжет «мировой истории»); именно Чемберлен сделал антисемитизм «благопристойным» для образованных немцев[562].

Только в Англии расовые идеологии могли развиваться непосредственно на основе национальной... традиции...
Ханна Арендт

...Это уникальное племя в качестве основного закона выдвинуло принцип чистоты расы... Как нация в то время только евреи заслуживали уважения.
Хьюстон Стюарт Чемберлен

Пророк антисемитизма Чемберлен предлагает брать пример с евреев

Х. С. Чемберлен неоднократно ссылался на авторитет британского империалиста Бенджамина Дизраэли, проповедовавшего чистоту расы: «...мы должны учиться у Дизраэли, утверждавшего, что сила еврейской нации кроется в ее чистоте, именно чистота расы дает силу и стабильность»[563]; «чистота расы, кровная солидарность»[564]. Хьюстон Стюарт Чемберлен любил цитировать «Танкреда» Дизраэли: «Все есть раса, другой истины нет»[565]. Именно из этого источника берут начало следующие высказывания Чемберлена: «Евреи, это уникальное племя, в качестве основного закона выдвинули принцип чистоты расы; только это племя обладает... физиономией и характером... Как нация в то время только евреи заслуживали уважения», т. е. уважения расиста. Чемберлен именно как юдофоб желал сделать свойственную евреям расовую чистоту обязательной для своих германцев: «Мы сами изменяем тому, что свято соблюдает самый жалкий обитатель гетто... — чистоте крови»[566]. Как ранее премьер-министр Дизраэли, еврей по происхождению, так и крайний антисемит Хьюстон Стюарт Чемберлен восхищались в евреях именно тем, что объединяло их с англичанами: тем, что еврейство «никогда не поддавалось слабости»... «принять предложение породниться с кем-то»[567]. Напротив, оно с помощью своей религии всячески старалось сохранить чистоту крови[568]. (Так, в современном Израиле государство, следуя религиозному закону, отказывается признавать браки между евреями и неевреями*. Поэтому в 1975 г. Организация Объединенных Наций большинством голосов (а позже и министр от партии Мерец Ш. Атони) осудила Израиль за «расизм»)[568а].

Очевидно, покинувший родину англичанин Чемберлен неосознанно пытался «изобличить» в религии иудеев как раз то, что (че-

* Такой закон был принят в результате непропорционально сильного влияния "религиозных партий" в правительственной коалиции (*прим. автора*).

рез посредство кальвинистского пуританства) усвоили сами англичане, а именно осознание собственной избранности, которая, в отличие от иудеев, привела к постоянным притязаниям на мировое господство. «У народа с такой наклонностью религия порождает иллюзию особой избранности, особой угодности Богу ...он замыкается в безумном высокомерии», — писал Чемберлен о евреях[569]. Вот точное определение *его собственных* чувств, чувств англичанина, уверенного в своей избранности. Но Чемберлен не сделал этого очевиднейшего вывода, потому что основную предпосылку представления об избранности — «принцип предопределения» он провозгласил «исконно арийским», а принцип свободы воли, наоборот, заклеймил как еврейский[570]. Таким образом, этот британский вдохновитель создателя Третьего рейха считал, что *зависимость* (которая предопределена свыше), подчинение — ценности в высшей степени *арийские*, а их противоположность — *свобода* (воли), напротив, является ценностью *еврейской*. Так, уже в 1899 г. Чемберлен с помощью «расовой морфологии» «обосновал» утверждение, что единственная форма свободы, достойная уважения, — это не свобода собственной воли, а (как у Карлейля) свобода повиновения, о чем Чемберлен говорил и Гитлеру. В книге Альфреда Розенберга, в которой он отзывается о Чемберлене как о провозвестнике и основоположнике будущего Германии, *английское* понимание *свободы* (логично и последовательно) интерпретируется как «свобода действовать соответственно *силе*»[571]. Несложно догадаться, что именно такая «прямолинейность британской воли» внушала Розенбергу «уважение к Англии, а то и преклонение перед ней». И не ему одному — и даже по сей день.

С другой стороны, новаторская книга об Англии немецкого англиста Вильгельма Дибелиуса обнаружила «недопустимую» для английской культуры «чрезмерно развитую силу воли — а не свободу воли»[572]. И именно подобные типичные черты британской «расы господ», воспитываемые в английских паблик-скул, Хьюстон Стюарт Чемберлен спроецировал на культуру евреев: отсутствие поэзии, философии, которые «парализуют волю... безусловную волю к жизни»[573]. Соответственно и Парижская Коммуна 1871 г. представлялась ему «еврейской» — а заодно и бонапартистской — махинацией[574]. Все это вытекало из той же «логики», как и его аксиома, что права человека — не более чем «пустая фраза»[575].

Сделанные выводы были абсолютно закономерны, ведь Чемберлен, этот представитель «патристики» НСДАП, был убежден, что человечества как такового «вообще не существует»[576] (до него так же считал его соотечественник Чарлз Кингсли, а после него —

его почитатель Генрих Гиммлер), и поэтому представителей «низших» рас вряд ли можно назвать людьми. В связи с войной 1900 г. против китайцев (по отношению которым Чемберлен использовал почти такие же эпитеты, как и к евреям) он заявлял, что с такими тварями следует обращаться, как с «домашними животными» — т. е. сажать их на цепь. Эпигон Чемберлена, Генрих Гиммлер, подчеркивал, что русские являются «зверолюдьми». (Его британский вдохновитель тоже ненавидел русских — вместе с чехами и поляками. Ненавидел до такой степени, что просто брезговал читать Достоевского. «Русские — новое воплощение вечной империи Тамерлана», — полагал Чемберлен. Такого мнения о русских придерживался не он один. Так, в то время, когда этот вдохновитель Гитлера только появился на свет, некоторые представители его расы считали, что от русских, участвовавших в Крымской войне, «исходил специфический душок: едкий, непреодолимый запах кожи»[577].) Представителей «неполноценной черной расы» Чемберлен относил скорее к животным, чем к людям.

Если принять за аксиому то, что святость догматов веры, передаваемых из поколения в поколение, определяется избранностью верующих, а не разумными обоснованиями, то не требуется вообще никаких аргументов — хватит и «священного» негодования по поводу «фраз... о равенстве человеческих рас... болтовни... к которой стыдно и прислушиваться»[578]. И вряд ли кого-то, кроме англичанина, могло так ужасать «ненациональное государство... бастардов, не связанных одинаковым происхождением». Чемберлен рассматривал такое государство как «прегрешение» перед родом «человеческим» — не только перед расой господ. Его прошибал холодный пот от зрелища чудовищного «хаоса народов»: пока еще «не удалось удалить из нашей крови все яды этого хаоса... Вновь и вновь силы [хаотической] тьмы протягивают свои щупальца... и пытаются затянуть нас... во тьму»[579].

С отрицанием существования *единого* человечества, с мифологизацией «биологии», превращавшей эту науку в нечто иррациональное, связан и чемберленовский кошмар о «прегрешении против природы», его кошмарное видение того «хаоса народов, не имеющих расы и нации», который царил в поздней Римской империи[580]. «Азиатский и африканский раб коварно... прокрался к самому трону, сирийский бастард захватывает в свои руки законодательство». И Чемберлен заявляет (как будто бы раса господ решает, где кончается и где начинается человечество): «Это не люди, это твари...»

Не в последнюю очередь именно благодаря таким высказываниям английский борец за чистоту расы Х. С. Чемберлен сделался

духовным отцом общества «Немецкие христиане»[581]. Германцы — избранная раса[582] (под этим высказыванием Чемберлен подразумевал, что германцы составляют нечто вроде «нового Израиля») — эта идея довела его островной, британский антиуниверсализм до крайности: «Об африканском, египетском и прочем человеческом отребье, помогавшем строить христианскую церковь, нечего и говорить»[583] — это «лишенные расы ненавистники расовой чистоты»[583а].

Автора немецкого расистского романа «Грех против крови»*[91] вдохновили следующие высказывания Чемберлена о евреях и смешанных расах: «...Уже одно их существование — это грех, преступление против священных законов жизни»[584]. «Хуже, чем помесь испанцев с южноамериканскими индейцами»[585], «все эти злосчастные перуанцы, парагвайцы... — результат скрещивания несовместимых рас»[586]. «Дух Каракаллы*[92] настороже, он готов бессмысленно повторять дурацкие и лживые фразы о гуманности», об универсализме, о единстве человечества. «Хаотичный, не имеющий расы человеческий Вавилон ...животное начало, сметающее все границы»[587]. Но, завоевав Римскую империю, германцы «вырвали агонизирующее человечество из когтей вечно-животного»[588].

Для современного Чемберлену «не имеющего расы человеческого Вавилона» последнюю надежду на спасение могло дать лишь аналогичное германское завоевание[589]. Чемберлен обосновывал это тем, что германцы с их расовой чистотой, безусловно, являются высшей расой. (Под германцами Чемберлен подразумевал не только немцев, но и англичан. А Генрих Гиммлер обращался к норвежцам, говоря: «мы, германцы...»). Но это не значит, что немцы и германцы были для него совершенно одним и тем же. Как бы то ни было, путь из Лондона в Рим, по мнению Хьюстона Стюарта Чемберлена, ведет «от самой утонченной цивилизации и высокой культуры в полуварварство — грязь, грубость, невежество, ложь, бедность...»[590] Ведь «чем дальше мы продвигаемся на север, другими словами, чем более мы удаляемся от очага подобной гибельной «культуры» и чем чище становятся расы», тем духовнее жизнь[591]. Уже во время первой мировой войны, незадолго до того, как объявить себя подданным Вильгельма II, Чемберлен — без препятствий со стороны немецкой военной цензуры — делал следующие заявле-

*[91] «Грех против крови» — роман Артура Динтера, первое издание вышло в 1918 г.

*[92] Каракалла в 211—217 гг. был римским солдатским императором и распространил права, которые давало римское гражданство, на живших в империи представителей “чужих рас” (*прим. автора*).

ния: «Англичане — более чистые германцы, чем многие немцы. А в течение последних двух столетий англосаксы — то есть собственно германцы — все больше и больше проявляли себя»[592]. По его словам, англичане благодаря близкородственным бракам стали сильнейшей расой в Европе.

Таким образом, для человеческих рас следовало применять такой же племенной отбор, как в селекции животных[593]: «Я иду вслед за великим английским естествоиспытателем в конюшню... и говорю: *здесь* есть нечто, наделяющее содержанием слово "раса"...»[594] «...Как скаковая лошадь... создается благодаря выбраковке всего низкопородного ... так же [sic] и в человеческом роде»[595]. Нет никаких оснований к тому, чтобы для людей делалось исключение из «естественных законов жизни»[596] — нет никаких оснований для отклонения от «железных законов бытия», поставленных Гитлером на службу своему делу. «Биологизируя» этику с помощью таких представлений о расовом отборе, Чемберлен (как до него Бенджамин Дизраэли применительно к «арийским принципам... сохранения здоровья и красоты первостепенной расы») рекомендовал обрекать слабых детей на смерть — в соответствии с «одним из самых благословенных законов греков, римлян и германцев»[597]. Ведь, по Хьюстону Стюарту Чемберлену, арийскую расу можно *сотворить* (в подтверждение этой мысли он привлек идеи о селекции, высказанные социал-дарвинистами — такими, как Пирсон, Кидд и Гальтон)[597a]. «Пускай было бы доказано, что в прошлом арийская раса никогда не существовала, но мы можем мечтать о том, что она возникнет в будущем», — утверждал Чемберлен. Дефиниция «германского» потребовала бы «как раз взгляда селекционера»[598]. Эта дефиниция оставалась полностью субъективной. Именно инстинктивно Чемберлен ощущал уверенность, что «арийцы физически и духовно превосходят всех людей, и поэтому им по праву следует быть властителями мира»[599].

Таким образом, великие народы должны были «возникать лишь вследствие облагораживания расы»[600]. «Именно раса поднимает человека над самим собой, придает ему необыкновенные, я бы сказал — почти «сверхъестественные» способности... И действительно: чему нас учит любая скаковая лошадь, любой чистопородный фокстерьер, любой кохинхинский петух, тому же учит и история нашего собственного рода человеческого...»[601]

Интеллектуализм, по мнению Чемберлена, ведет к поражению или распаду расы[602]. А в англичанах — как отмечал еще Карлейль — больше всего восхищает их упрямое сопротивление логике. Секрет политического гения англичан[603], англосаксов кроется именно в их

безошибочном жизненном инстинкте[604]. Поэтому и немцы должны следовать инстинкту — этот совет не раз настойчиво повторял Адольф Гитлер. В трудах этого британского наставника фюрера встречаются и пренебрежительные отзывы о «господах с гусиными перьями», писателях. Ведь Европу, согласно Чемберлену, создали не мыслители, а воины[605].

«Неарийским» расам Чемберлен отказал даже в наличии импульса к образованию государства[606]: «В деле управления чужими народами (населением Индии) существует один неоспоримый факт: подобные деяния постоянно, славно и полностью могут свершать только тевтонцы»[606а]. «Какие великие дела... были бы доведены до конца хаосом... без помощи германцев?»[607] Германские «люди несут свое благородство как единственный... дар», они обладают «врожденным приличием [«приличность» — мещанский синоним добродетели*]... суровых рас» — в отличие от «умственного варварства цивилизованных метисов»[609]. Так, в Британской Северной Америке действовали истинные германцы, проходившие суровый отбор в жестокой борьбе за существование[610].

Веру Чемберлена в своих германцев не мог поколебать и геноцид, практиковавшийся ими. Напротив, эта практика подтверждала для него избранность германской расы и ее особые отношения с Богом[611]. «С начала времен и по сей день мы видим, что германцы вырезают целые племена и народы... чтобы расчистить место для самих себя... Всякому придется признать, что именно там, где они были наиболее жестокими, — как, например, Тевтонский орден в Пруссии... англичане в Северной Америке... — они тем самым заложили надежнейшие основы для утверждения самого высокого и нравственного существования»[612]. Незабвенной в этом отношении оставалась для Чемберлена и Австралия, колонизованная британцами. В качестве образцового «неиспорченного германца» из числа австралийских колонистов Хьюстон Стюарт Чемберлен называл английского фермера Тайсона, который эмигрировал в Австралию как поденщик, а к концу жизни стал крупнейшим в мире землевладельцем с состоянием в 5 миллионов фунтов стерлингов...[613]

---

* Слово «приличный» (anstandig) было любимым словом Гиммлера. На одной странице его речей оно появляется не менее четырех раз, на многих других — не менее трех[608] (*прим. автора*).

...Имеем ли мы дело с умными обезьянами или с очень низкоразвитыми людьми?
Олдфилд, 1865

Единственным разумным и логичным решением в отношении низшей расы является ее уничтожение.
Г. Дж. Уэллс, 1902

ГЛАВА 8
БРИТАНСКИЙ РАСИЗМ В ДЕЙСТВИИ: КОЛОНИЗАЦИЯ АВСТРАЛИИ ПУТЕМ ГЕНОЦИДА

Британские поселенцы в Австралии, и особенно на Тасмании, ради собственного процветания систематически уничтожали коренное население и подрывали основы его жизни. Англичанам «нужны» были все земли туземцев с благоприятными климатическими условиями. «Европейцы могут надеяться на процветание, поскольку... черные скоро исчезнут... Если отстреливать туземцев так же, как в некоторых странах отстреливают ворон, то численность [туземного] населения со временем должна сильно сократиться», — писал Роберт Нокс в своем «философском исследовании о влиянии расы»[613a]. Алан Мурхэд так описывал фатальные изменения, которые постигли Австралию: «В Сиднее дикие племена были заморены. В Тасмании они были поголовно истреблены... поселенцами... и каторжниками... все они жаждали получить землю, и никто из них не собирался позволить черным препятствовать этому. Однако те мягкие и добросердечные люди, которых за полвека до этого посещал Кук, оказались не столь покорными, как на материке». После того как фермеры отняли землю у коренных жителей (прежде всего на Тасмании, где климат был холоднее), туземцы с копьями в руках попытались оказать сопротивление пришельцам, вооруженным огнестрельным оружием. В ответ англичане организовали на них настоящую охоту. На Тасмании такая охота на людей происходила с санкции британских органов власти: «Окончательное истребление в крупном масштабе могло быть осуществлено только при помощи юстиции и вооруженных сил... Солдаты сорокового полка загоняли туземцев меж двух каменных глыб, расстреливали

всех мужчин, а потом вытаскивали женщин и детей из скальных расселин, чтобы вышибить им мозги» (1830)[613b]. Если туземцы были «нелюбезны [непокладисты]», англичане делали вывод, что единственный выход из создавшейся ситуации — уничтожить их[614]. На туземцев «беспрестанно охотились, их выслеживали, как ланей». Тех, кого удавалось отловить, увозили. В 1835 г. был вывезен последний оставшийся в живых местный житель. Причем эти меры не были секретными, никто не стыдился их, а правительство поддерживало эту политику.

«Итак, началась охота на людей, и с течением времени она становилась все более жестокой. В 1830 г. Тасмания была переведена на военное положение, по всему острову была выстроена цепь вооруженных людей, которые пытались загнать аборигенов в западню. Коренным жителям удалось пробраться сквозь кордон, однако воля к жизни покинула сердца дикарей, страх был сильнее отчаяния...» Феликс Мейнард, врач французского китобойного судна, вспоминал о систематических облавах на туземцев[615]. «Тасманийцы были бесполезны и [ныне] все умерли», — полагал Хэммонд*.

«Во время холокоста [sic] Тасманию посетил Чарлз Дарвин. Он писал: "Боюсь, нет сомнения, что зло, творящееся здесь, и его последствия — результат бесстыдного поведения некоторых наших земляков". Это еще мягко сказано. То было чудовищное, непростительное преступление... У аборигенов были только две альтернативы: либо сопротивляться и умереть, либо покориться и стать пародией на самих себя», — писал Алан Мурхэд[616]. Польский путешественник граф Стшелецкий**, приехавший в Австралию в конце 1830-х годов, не мог не выразить ужаса от увиденного: «Униженные, подавленные, смятенные... истощенные и прикрытые грязными лохмотьями, они — [когда-то] природные хозяева этой земли — [теперь] скорее призраки былого, чем живые люди; они прозябают здесь в своем меланхолическом существовании, ожидая еще более меланхолического конца». Стшелецкий упоминал также про «освидетельствование одной расой трупа другой — с вердиктом: "Умерла настигнута карой божией"»[617]. Истребление туземцев можно было рассматривать как охоту, как спорт, потому что души у них как бы не было[618].

Правда, христианские миссионеры выступили против представлений об «отсутствии души» у «аборигенов» и спасли жизнь немалому числу последних коренных обитателей Австралии. Тем не

* Хэммонд Джон Лоуренс Ле Бретон (1872—1949) — историк и журналист.

** Стшелецкий Эдмунд Павел (1796—1873) — польский натуралист, географ и геолог, исследователь Америки, Океании и Австралии.

менее, конституция Австралийского Союза, действовавшая уже в послевоенные годы, предписывала (статья 127) «не учитывать аборигенов» при подсчете населения отдельных штатов[619]. Таким образом, конституция отвергала их причастность к роду человеческому. В конце концов, еще в 1865 г. европейцы, столкнувшись с коренными жителями, не были уверены, имеют ли они дело «с умными обезьянами или с очень низкоразвитыми людьми»[620].

Забота об «этих зверолюдях» есть «преступление против нашей собственной крови», — напоминал в 1943 г. Генрих Гиммлер, говоря о русских, которых следовало подчинить нордической расе господ.

Англичане, совершавшие в Австралии «неслыханное в деле колонизации» (по словам Адольфа Гитлера), не нуждались в подобного рода наставлениях. Так, одно сообщение за 1885 г. гласит: «Чтобы успокоить ниггеров, им дали нечто потрясающее. Еда [которую им раздавали] наполовину состояла из стрихнина — и никто не избежал своей участи... Владелец Лонг-Лэгун при помощи этой хитрости уничтожил более сотни черных». «В прежние времена в Новом Южном Уэльсе бесполезно было добиваться, чтобы те, кто приглашал в гости черных и давал им отравленное мясо, понесли заслуженное наказание»[621]. Некий Винсент Лесина* еще в 1901 г. заявил в австралийском парламенте: «Ниггер должен исчезнуть с пути развития белого человека» — так «гласит закон эволюции»[622]. «Мы не сознавали, что, убивая черных, нарушаем закон... потому что раньше это практиковалось повсеместно», — так звучал главный аргумент англичан, убивших в 1838 г. двадцать восемь «дружественных» (т. е. мирных) туземцев. До этой резни на Майелл-Крик все акции по истреблению коренных жителей Австралии оставались безнаказанными. Лишь на втором году царствования королевы Виктории за подобное преступление в порядке исключения было повешено семеро англичан (из низших слоев)[623].

Тем не менее в Квинсленде (северная Австралия) в конце XIX в. невинной забавой считалось загнать целую семью «ниггеров» — мужа, жену и детей — в воду к крокодилам...[624] Во время своего пребывания в Северном Квинсленде в 1880—1884 гг., норвежец Карл Лумхольц* слышал такие высказывания: «Черных можно только стрелять — по-другому с ними обращаться нельзя». Один из колонистов заметил, что это «жесткий... но... необходимый принцип». Сам он расстреливал всех мужчин, которых встречал на своих пас-

* Лесина Винсент Бернард Джозеф (1870—1955) — австрал. полит. деятель и журналист.

** Лумхольц Карл Софус (1851—1922) — норвежский путешественник, натуралист и этнограф, исследователь Австралии, Мексики, Индонезии.

тбищах, «потому что они *суть* скотоубийцы, женщин — потому что они *порождают* скотоубийц, и детей — потому что они [еще] *будут* скотоубийцами. Они не хотят работать и потому не годятся ни на что, кроме как получить пулю», — жаловались колонисты Лумхольцу[625].

В среде англо-австралийских фермеров процветала торговля туземными женщинами, и английские поселенцы охотились на них целыми группами. В одном правительственном сообщении за 1900 г. отмечается, что «этих женщин передавали от фермера к фермеру», пока «в конечном счете, их не выбрасывали как мусор, оставляя гнить от венерических болезней»[626]. Правительство считало смешанные браки «унизительными для [английского] мужчины, хоть эти мужчины почти всегда были самого низкого происхождения». Но самым веским доводом против подобного рода связей было «появление на свет гибридов». Женщин следует «держать в полной изоляции, чтобы не допускать этого зла». Подобная позиция получила некоторую наукообразность благодаря публикации таких книг, как «Наука о человеке» (1907), которая «поясняла»: «Ублюдочные помеси среди людей точно так же нежизнеспособны, как помеси низших животных; такие помеси обычно вырождаются и вымирают»[626].

«Проект образования на севере Австралии скотоводческих ферм впервые создал серьезную угрозу для существования местных племен. Чтобы подавить их сопротивление, карательные полицейские экспедиции вырезали целые племена», — писала Робертс.

Одно из последних задокументированных массовых убийств аборигенов на Северо-Западе произошло в 1928 г. Свидетелем этой резни стал миссионер, решивший разобраться в сообщениях аборигенов о непрекращающихся убийствах. Он последовал за полицейским отрядом, направлявшимся в резервацию аборигенов в Форест-Ривер, и увидел, что полицейские захватили целое племя. Пленных сковали, построив затылок в затылок, а потом всех, кроме трех женщин, убили. После этого они сожгли трупы, а женщин взяли с собой в лагерь. Прежде чем покинуть лагерь, они убили и сожгли и этих женщин.

Доказательства, собранные этим миссионером, в конечном счете заставили власти начать расследование, которое проводила «Королевская комиссия по расследованию убийства и сожжения аборигенов в Восточном Кимберли и методов, используемых полицией при их арестах» (1928. West Australian Parliamentary Papers. Vol. 1. P. 10.). Тем не менее, полицейские, ответственные за случившееся, так и не предстали перед судом[627].

Одна мельбурнская газета назвала типичным для того времени следующее высказывание: «Если бы правительство завтра объявило сезон охоты на черных, я бы первым обратился за лицензией». Другие «белые» «были полностью солидарны с этим заявлением». Аборигенов все еще называют «ниггерами» и «ублюдками». «Безграничная ненависть здесь — обычное явление».

В другой части Австралии появился следующий комментарий: аборигенов «по закону о черных в радиусе 100 миль от Аделаиды следовало бы посадить в ящики и отправить в государственные лаборатории CSIRO* для использования в экспериментах вместо крыс». Утверждается, что это заявление прозвучало из уст муниципального советника из Порт-Аделаиды в сентябре 1977 г.[628]

Во всяком случае, в XIX в. ни одно из лондонских правительств не издало никаких специальных законов для защиты коренных жителей Австралии — и даже не попыталось это сделать (в отличие от мадридского, издавшего подобные законы еще в XVI в., и московитского — в XVII в.[629]). И ни одно из британских правительств не принимало на себя обязанностей по защите туземцев и даже не считало себя обязанным делать это[630]. Разве что гуманисты-одиночки прислушивались к риторическим высказываниям оппозиционеров (в частности, к выводам лондонской парламентской комиссии по расследованию событий 1837 г., которые сообщали о «невиданных злодеяниях», кстати, членом этой комиссии был Гладстон[631]). Но отдельные возмущенные голоса не оказывали никакого влияния на британских колонистов. После получения Австралией статуса самоуправляющегося доминиона (1855/1856) возмущенные призывы частных гуманистических союзов (которые некогда высмеивал Томас Карлейль, и на которые позже нападали британские фашисты) из метрополии окончательно перестали кого-либо к чему-то обязывать. (По сути, и рабочий класс, и истеблишмент воспринимали «Humanitarian League» как «протестантское занудство». Ибо как раз неквалифицированные европейцы, опасаясь конкуренции аборигенов, отказывались признавать равенство «ниггеров», в том числе и в Австралии. Англосаксонские плохо квалифицированные рабочие издевались над коренными жителями, утверждая тем самым свое расовое «превосходство».) Британский управляющий Ричард Блай безуспешно пытался защитить туземных женщин и детей. В 1849 г. он докладывал о злодеяниях, совершенных их убийцами. После этого все английское колониальное сообщество отвернулось от него — так поступали с каждым, кто пытался защищать «ниггеров».) Как писал Кирнан, протесты из Лондона игнорировались

* CSIRO (Commonwealth Scientific and Industrial Organisation) — государственная организация научных и прикладных исследований.

колонистами, а дарование Австралии в 1855/1856 г. автономии вообще положило им конец. Потом *они же* охотились за черепами — для обмена с дикими племенами.

Когда плантаторы Квинсленда не могли более расчитывать на британских каторжных рабочих, началась охота за меланезийцами (1860-е гг.), которых североавстралийские колонисты порабощали. За это в 1872 г. был убит англиканский епископ Меланезии Джон Паттесон. Только такое громкое событие смогло привлечь внимание британского парламента к проблеме злодеяний на севере Австралии, вынудив его принять соответствующие меры. Однако прошло много лет, прежде чем эти меры принесли какие-то практические результаты[631а]. Ведь подобные разоблачения всегда заглушались голосами заинтересованных лиц.

В целом именно Австралия (и прежде всего Тасмания) явилась тем регионом, в котором «расовые инстинкты», «здоровое национальное чувство» англичан-колонистов были беззастенчиво направлены против самых беззащитных из всех человеческих существ — и все это происходило в не столь давние времена. Беззастенчиво еще и в том смысле, что совершенные преступления не требовалось скрывать от «населения» — ведь «население» Австралии само было насквозь пропитано расовым «народным чувством». В Австралии не было нужды в тайной государственной машине истребления — все зверства совершались среди бела дня. Английские поселенцы открыто действовали на широких просторах внутри континента — движимые той силой, которую и Хьюстон Стюарт Чемберлен, и Адольф Гитлер предпочитали интеллекту: инстинктом. Колонисты не получали прямых указаний из Лондона об уничтожении аборигенов, но нельзя сказать, что никто из британских мыслителей не «благословил» их. Так, например, Бенджамин Кидд заявил: «Инстинкты масс имеют более глубокую научную основу [sic], чем интеллект образованных людей». (Кидд категорически утверждал, что «рабство — самое естественное и... одно из самых разумных установлений»[632]). А столь прогрессивный Герберт Джордж Уэллс (в 1902 и 1904 гг.) нарисовал такую картину будущего, где «толпы черных, коричневых и желтых народов, не соответствующие требованиям эффективности», должны «уступить дорогу»: «Их судьба — вымирание и исчезновение». Ведь в конечном счете «мир — не благотворительное учреждение». Из чего опять-таки делался вывод: «единственным разумным и логичным решением в отношении низшей расы является ее уничтожение»[633]. Такой проект шел дальше того, что успел осуществить на практике Адольф Гитлер (хотя Раушнинг утверждал, что у последнего были потенциальные воз-

можности для проведения акций геноцида в еще более широком масштабе).

В период, когда взгляды Гитлера только формировались, мнение, что «примитивным» (а значит, «низшим») расам на роду написано быть вытесненными и даже истребленными, получило широкое распространение (как раз под влиянием английских предшественников Гитлера). «Ведь прогресс следовало оплачивать — по возможности за чужой счет...»[634], а не за счет самих носителей прогресса. Кроме того, Карл Петерс уверял, что империалистическая политика колонизации «улучшила положение рабочих». В 1907 г. он втолковывал немцам, что развитие заморских территорий напрямую зависело от вытеснения местных жителей, как, например, в Северной Америке и в Австралии[635]. А Ханс Гримм еще накануне второй мировой войны в духе своего фюрера пытался напомнить британцам, что первостепенное значение для всего человечества имеют задачи, стоящие перед белой расой — перед англичанами и немцами[636].

И именно Австралии, стране, столь приверженной делу белой расы и английскому расизму, в 1919 г. в качестве «подмандатной территории» была передана часть Новой Гвинеи, захваченная Германским рейхом. В результате регион, где немецкое господство оставило в памяти «туземцев» добрую память о себе (в отличие от африканских колоний)[636a], подпал под власть крайне расистской Австралии. В Новой Гвинее немецкая колонизация запомнилась как «золотой век» — особенно по сравнению с правлением новых колониальных хозяев, чья «[расистская] жестокость... так живо запечатлелась в памяти»[636b]. При австралийской оккупации — в отличие от немецкой — сексуальные контакты между местными жителями и европейцами расценивались как уголовные преступления. А ведь во многих немецких колониях в южных морях — в противоположность английским колониям — сожительство с туземками стало едва ли не правилом. Живыми примерами симбиоза культур на немецких тихоокеанских территориях до их англизации были дети, родившиеся от таких связей.

На туземках женились даже немцы, занимавшие высокие посты в заморской колониальной администрации. Так, в немецкой части Новой Гвинеи до австралийской оккупации (начавшейся во время первой мировой войны) одна «аборигенка», самоанка по прозвищу «Королева Эмма», буквально держала в руках «ключи от высшего колониального общества». Да, немало немцев из южных морей по внешнему облику и по образу жизни, по специфически «тихоокеанской» манере поведения с течением времени все больше и боль-

ше становились похожими на туземцев. Это сходство было настолько очевидным, что статс-секретарь по делам колоний Вильгельм Зольф*, находясь под впечатлением от британской расистской практики апартеида в Калькутте, счел себя обязанным предостеречь немцев от возможного «превращения в канаков». В конце концов, этот немецкий поклонник английских колониальных порядков добился запрета на браки между европейцами и туземцами и в немецких колониях (правда, лишь в 1912 г. — за два года до потери этих владений). Последний немецкий кайзер (находившийся под влиянием английского пророка расизма, а позже вдохновителя Гитлера — Чемберлена) утвердил этот расистский запрет на смешанные браки вопреки воле большинства членов рейхстага (социал-демократов, католической партии «Центра» и свободомыслящих депутатов). Тем не менее, смешанные пары на немецких территориях в южных морях и не думали расставаться. Если кто и пострадал от спонтанной реакции населения на этот запрет, так это сами пропагандисты расизма. Когда один член «Союза за расовую гигиену» (который черпал вдохновение в следовании английским образцам) в немецкой части Самоа попытался агитировать за «расовую чистоту», «поднялась буря возмущения». В конце концов немецкая колониальная администрация была вынуждена задержать этого человека ради его же собственной безопасности. И лишь когда «расово-сознательный» немец был выслан на родину, положение стабилизировалось[636c].

До оккупации немецкой части Новой Гвинеи австралийцами британского происхождения на этой территории не функционировали законы о расовой чистоте. Австралийские англосаксы, создавшие законы о расах, «совершили неслыханное в деле колонизации» — так отзывался об их делах Адольф Гитлер. Это был «неслыханный» геноцид местного населения ради освобождения жизненных пространств для «высшей расы». Этот пример был настолько впечатляющим, что, пожалуй, именно он — скорее, чем события в Северной Америке — мог послужить прецедентом для освоения Гитлером («немецким мечом для немецкого плуга») «пространств на Востоке», послужить моделью для германизации земель — после геноцида и низведения оставшихся жителей до статуса «недочеловеков».

* Зольф Вильгельм Генрих (1862—1936) — нем. гос. деятель и дипломат: 1900—1911 гг. — губернатор Самоа, 1911—1918 гг. — статс-секретарь по делам колоний, 1918 г. — статс-секретарь по иностр. делам (при Максе Баденском), 1920—1928 гг. — посол в Японии.

Тогда выявится новый тип... подлинные господа по природе, которым, правда, нет применения на Западе — это вице-короли.
Адольф Гитлер

ГЛАВА 9
«БРОСОК НА ОСТЛАНД»: ПОДРАЖАНИЕ БРИТАНСКОЙ ИНДИИ

Истинная раса господ появляется только там, где есть истинное повиновение.
Адольф Гитлер

Пространство на Востоке как поле действия для «властителей» из среднего класса

Гитлер полагал, что пространство на Востоке — как уже завоеванное немцами, так и то, которое еще предстояло завоевать — должно было стать для Германии тем же, «чем была для Англии Индия»[637]. По возможности восточные колонии должны были принести Германии еще большую прибыль: «У нас самая доходная колония в мире. Во-первых, она расположена совсем рядом с нами»[638] (sic). «Новое жизненное пространство для немецкого народа должно... [быть] завоевано... Лишь такое увеличение земельных фондов создаст предпосылки для решения социального вопроса»[639]. Все эти высказывания звучат абсолютно в духе британского социал-империализма, практиковавшегося со времен Дизраэли и заселения колоний. Впоследствии же немцы даже попытались превзойти своих учителей. Так, Гитлер объявил: «В качестве земель для немецкой колонизации мы выберем лучшие территории... С их заселением мы справимся»[640]. «...Коренных жителей вытесним в болота Припяти, чтобы самим поселиться на плодородных равнинах...»[641] «Мы совершенно не обязаны испытывать какие-либо угрызения совести... Едим же мы канадскую пшеницу, не думая [при этом] об индейцах»[642]. Таким образом, планируя *эту* колонизацию, Адольф Гитлер также ссылался на опыт англичан.

(Жители Англии действительно «имели не слишком четкое представление об условиях производства баранины, импортируемой оттуда [из Австралии]», — утверждал один британский историк[643], имея в виду создание пастбищ для овец за счет уничтожения почти всех основ жизни австралийского коренного населения.)

С восточными народами Гитлер намеревался поступить так же, как англосаксы поступили с североамериканскими индейцами и австралийскими туземцами. Перед нами «стоит лишь одна задача: осуществить германизацию путем ввоза немцев, а с коренным населением обойтись как с индейцами...»[644] «...Нам придется прочесывать территорию, квадратный километр за квадратным километром, и постоянно вешать [людей] [sic]! Это будет настоящая индейская война...»[645] Ведь британские колониальные поселения по большей части были расположены не в Индии, а в Северной Америке — на территориях, принадлежавших индейцам, — и в Австралии. Туземное население Индии избежало судьбы коренных жителей Австралии (в значительной мере истребленных) именно благодаря непригодности тропиков для заселения — о чем британские империалисты говорили совершенно открыто. Так, либеральный апологет империализма Чарлз Дилк в книге «Более Великая Британия», говоря об Индии, заявлял: хотя ее народы тоже были «голыми варварами и погрязли в... невежестве и суевериях», они «спаслись от истребления, потому что европейцы не могли постоянно жить в их климате»[646].

Гитлер собирался истребить местное население «своей Индии», своего пространства на Востоке, ради заселения немцами. Таким образом его «восточный» империализм был скорее похож на колонизацию англичанами Австралии, чем на британский империализм в Индии. Правда, существовало одно отличие: то, что происходило в Австралии, было спонтанным проявлением расового инстинкта англичан. Гитлер же с помощью внедрения соответствующих национал-социалистических догм попытался идеологически обосновать и заранее спланировать колонизацию своего восточного пространства, — спланировать вплоть до образования «тошнотворной смеси «колониального менталитета» и чувства расового превосходства»[647]. Такое отличие, по крайней мере, отчасти объясняет генезис сверхимпериалистической целевой установки Гитлера на расовую гегемонию, установки, «вероятно, уникальной по размаху... среди всех попыток осуществления варварских программ истребления и колонизации»[648]. Косвенным импульсом для возникновения этой установки стал (еще во времена зарождения немецкого колониального империализма на заморских территориях) британский

политический лозунг, требовавший «неограниченной свободы действий для англосаксонской расы». Необходимость приобретения такой свободы будущий либеральный премьер-министр Англии лорд Розбери (Арчибальд Филип Примроз) оправдывал (Лондон, 1893 г. и 1900 г.) сознанием ответственности «за *будущее* расы»[649]; причем Розбери использовал формулировки, чисто теоретически не слишком отличавшиеся от высказываний Гитлера. (Между прочим, Гитлер желал, чтобы будущие правители завоеванной России по своему происхождению стояли как можно ближе к английским правящим классам. И по этой причине фюрер намеревался набирать таких правителей из Нижней Саксонии — земли, откуда происходили англосаксонские правители.) Но на практике Гитлер пошел гораздо дальше Розбери: «Внешнюю политику должна диктовать необходимость обеспечения нашего народа пространством, необходимым для жизни».

То, от чего Гитлер резко отличал свою экспансионистскую политику, была не британская экспансия, а как раз та политика ревизии границ, которую прежде проводила немецкая националистически настроенная буржуазия. «Политика национал-социалистского движения, напротив, всегда будет пространственной», — заявлял Гитлер[650]. Он (как и его предшественники) вновь и вновь указывал на английские примеры, подчеркнуто противопоставляя Англию кайзеровской Германии с ее внешней политикой. Англии приписывались «великое экономическое завоевание мира ...прозорливая колониальная политика, с давних пор ставшая лучшим средством для воспитания чувства единства народа...» («Мне надоело числиться среди парий ... я хотел бы принадлежать к народу господ» — «как англичане, которых я видел», — еще в 1883 г. заявил в кайзеровской Германии Карл Петерс[651].) «Возможность учиться управлять массами — вот главная ценность, которую дают колонии в деле воспитания молодого поколения... В конечном счете британцы рассматривали весь заморский мир как свою собственность», — поучал немецкий автор книги «Господство Белой Расы»[652], желая дать Третьему рейху на третьем году его существования пример для подражания. Ведь сами английские колонизаторы Индии в «строительстве империи» ценили «не столько становление империи как таковой, сколько развитие определенных качеств у ее строителей»[653].

Именно такие качества рассчитывал воспитать у немцев Адольф Гитлер в результате покорения восточного пространства — после того как оно станет «Индией» Третьего рейха: «Тогда выявится новый тип... подлинные господа по природе, которым, правда, нет применения на Западе — это вице-короли»[654]. Одно только употребление

Гитлером слова «вице-короли» показывает, до какой степени его концепция «приобретения» пространства на Востоке была ориентирована на британские образцы, связанные с Индией.

О том, что воля к власти в Европе стеснена в своих проявлениях (настолько, что «порядочные* авантюристы становятся каторжниками — просто из-за запретов»), говорил еще Ханс Гримм в 1928 г., считавший, что единственным местом, где можно проявить волю к власти, являются колонии[655]. Таким образом, и «орденская идеология СС [идеология рыцарского ордена] должна была реализовываться в социальном вакууме оккупированных восточных территорий, а не в самой Германии»[656]. Гитлер чувствовал, что «истинная раса господ появляется только там, где наличествует истинное повиновение». Он подразумевал не столько классовое, сколько расовое повиновение, и особо подчеркивал, что *для этого* следует «заменить горизонтальную этническую классификацию вертикальной», то есть заменить принцип сосуществования народов иерархией. Ведь только среди покоренного населения у представителей «расы господ» нет иной альтернативы, кроме как культивировать свои качества властителей: новая аристократия крови и почвы «будет закаляться, выполняя задачу руководства среди чужих народов». «Только от этих аристократических родов, связанных с задачами немецкого господства над миром, произойдет политический прирост движения», — заявлял Гитлер Герману Раушнингу еще в начале 1930-х годов. С помощью законов о наследовании Гитлер стремился побудить младших сыновей фермеров поселяться на восточном пространстве, в его «Индии»[657], — в этом фюрер откровенно следовал британским образцам (когда младшие сыновья дворян, лишенные наследства, выступали в роли «колонизаторов»). «Они ведь должны стать землевладельцами [Herrenbauern], должны чувствовать, что они как немцы стоят на завоеванном клочке земли, удобренном кровью и поэтому принадлежащем Германии», — поучал своих подчиненных Генрих Гиммлер в 1940 г.[658]

Но чтобы «бросок на Остланд», предпринятый ради «властителей» из среднего класса не оказался напрасным, Адольф Гитлер уже в 1928 г. стал предусмотрительно планировать наиболее эффективные способы помешать «искусственному воспитанию русских по крови в школах» и становлению интеллигенции, склонной к социальной критичности[659]: «Если обращаться с каким-то народом, как англичане... обращались с индийцами, то нельзя направлять его представителей в университеты, где они узнают, что

* В мещанском понимании слово «*порядочный*» (reinlich) — вовсе не обязательно означает нравственно чистый (*прим. автора*).

с ними сделали»[660]. «Прежде всего мы не должны пускать немецкого педагога в восточные области... Главное, чтобы они не учились умственной работе, необходимо полностью запретить печатное дело... Иначе мы вырастим самых лютых врагов»[661]. «Сейчас они безграмотны и пусть остаются безграмотными»[662]. И вообще «нужно иметь смелость к безграмотности [порабощенных]»[663]. Знания и образование опасны для правящего слоя[664], — доверительно сообщал Гитлер Раушнингу.

Какого черта мы обучаем черномазых, сэр? Вы дали образование Нане Сахибу, не так ли? И он научился читать французские романы и резать нам глотки.*

Слова британского бригадира, приведенные Эдвином Арнольдом[664a]

Философы — ...величайшее зло, с которым мир должен покончить.

Джон Рёскин

Профилактика: как не стать слабее от знаний или сочувствия

Уже задолго до Гитлера «дрессировщики» британских «властителей» предусмотрительно принимали меры против той угрозы, которую несли с собой знания и образование.

Руководители паблик-скул, такие, как, например, Уэллдон, противопоставляли этой угрозе задачу воспитания *характера* в школах Британской империи[665]. Выковывать характер призваны были и развлечения, которым предавались англичане в своих колониях, развлечения, ориентированные на укрепление мышц, а не на усиление интеллекта (к этому стремились и гитлеровские «напола»): «Не легкомысленные книжные знания, а серьезная верховая езда и травля кабанов». Приоритетность «мужественного времяпрепровождения сочеталась с презрением ко всему интеллектуальному и эстетическому...» — констатировал Фрэнсис Хатчинс. Персонаж капитана Белью, «гриффин, уличенный в цитировании лирики, был вынужден оправдываться за подобную эксцентричность... Он заметил [на это], что таков его нрав — цитировать стихи. "Ха-ха! —

* Нана Сахиб сыграл важную роль в индийском мятеже 1857 г., явился организатором массового убийства британских (гражданских) подданных (*прим. автора*).

сказал его начальник. — Философствование?! Да это *еще* хуже"»* [666]. Если жители колоний относились так к собственной, британской литературе, то нечего и говорить об уважении к культурным ценностям туземцев. Колониальный музей Фейра в Рангуне, столице Британской Бирмы, насильственно присоединенной к Британской Индии, получал от правительства субсидию в размере десяти (sic) фунтов стерлингов в год. Английское «Литературное общество молодых людей» сначала (после 1852 г.) получало дотацию в тридцать (sic) фунтов стерлингов в год, а после 1878 г. правительство колонии сэкономило и эти деньги...[667]

«Их невежество в области искусства было поразительно», — отмечается в знаменитом колониальном романе Э. М. Форстера** «Поездка в Индию» (1924), — «и они никогда не упускали случая возвещать о нем друг перед другом; это было умонастроение, типичное для привилегированных школ и расцветшее здесь гораздо более пышным цветом, чем оно может надеяться расцвести в Англии»[668].

«Предрассудки против интеллектуальных наклонностей и культ прославления действия, дела прослеживаются в сочинениях почти всех индо-английских авторов этого периода [с 1880 г.]... корни этих предрассудков, корни нежелания мучиться вопросами «почему» и «зачем», мучиться проблемами абстрактной справедливости и демократических принципов следовало искать именно в паблик-скул»[669]. Чарлз Дилк в своей «Более Великой Британии» открыто заявлял: «Нельзя абстрактно рассуждать о несправедливости аннексии, потому что... худшая из возможных форм британского правления для народной массы лучше, чем самая лучшая власть [туземных (в данном случае — эфиопских)] царьков»[670].

Пространство на востоке должно было стать «немецкой Индией» Гитлера. И будущий рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг разработал для поселенцев этой «немецкой Индии» образ «расы господ», который не слишком отличался от британского, пропагандируемого в паблик-скул. Однако Розенберг оказался намного последовательней своих британских учителей. Английский биограф Альфреда Розенберга Роберт Сесил так описывает убеждения рейхсминистра: «сразу за догматом расы следовал догмат, утверждавший, что роль индивидуума незначительна... Индивидуума следовало лишить способности к

* Речь идет о книге Фрэнсиса Джона Белью "Воспоминания гриффина, или Первый кадетский год в Индии" (Bellew F. J. Memoirs of a Griffin; or, a Cadet's first year in India. London. 1843). Гриффин (*англ.*) — европеец, недавно прибывший в Индию.

** Форстер Эдвард Морган (1879—1970) — англ. романист.

независимому суждению. Его существование приобретает значимость лишь через осознание себя частью целого. По Розенбергу, человеческое существо само по себе — ничто. Оно может иметь личностные качества... только в том случае, когда его дух и душа являются органическим продолжением расы»[671].

Ведь «все белые благодаря принадлежности к расе господ вырастали в собственных глазах», и в первую очередь это относилось к белому населению Британской Индии[671a]. В «Прелюдии к империализму» утверждалось, что «слабость и подчинение... вызывают презрение... отношение к слабым и бессильным граничит с пренебрежением и насмешкой». «Англичане ценят... уверенную... силу». Они испытывают уважение к «сильным и могущественным племенам и презрение — к слабым и бессильным». Англичане «безоговорочно предпочитали те племена, которым удалось поработить своих соседей, а не тех, кто позволили себе опуститься до положения жертв». Англичане считали, что мягкость, свойственная индийцам, является слабостью, которая свидетельствует об их принадлежности к «низшей расе». «Индусский характер» считали «бабьим». Важнейшим атрибутом мужественности в глазах англичан была «физическая сила». И коль скоро индусы не обладали ею, англичане полагали, что они являются немужественным, инфантильным и женоподобным народом. (В отношении «восточного народа», населявшего «Индию» Гитлера, (т. е. в отношении русских) также бытовало представление об их «женоподобности» — в отличие от мужественных немцев.) «Смешанные» в расовом плане браки с индийцами уже с середины XIX в. расценивались как вырожденческие. Отношение к их потомкам, евразийцам, один британский историк в 1973 г. прямо назвал «постыдным»[672]. (Евразийцы не считались гражданами Британии, они не имели права голоса и даже не могли жить на территории Англии.) Евразийцев изображали расово неполноценными, «недостойными и раболепными», болезненными; они являлись «предостережением против смешения рас»[673]. Вероятно, именно это имел в виду Розенберг, цитируя афоризм Ницше: «Берегитесь слез слабых!». Англичанам же с их имперскими устремлениями не понадобилось никакого Ницше, чтобы сформировать такое отношение.

В одном английском колониальном романе 1914 г. представитель имперской власти после подавления восстания индийцев говорит своему собрату по расе: «Вам лучше ничего не понимать, по крайней мере в Индии. О вещах, которых человек не понимает, он предпочитает не думать»[674]. После индийского «мятежа» 1857 г. колониальные британцы окончательно утвердились во мнении, что

характер «туземцев» чужд им. «Неспособность прочувствовать Индию вовсе не расценивалась как ограниченность — многие даже видели в этом особое преимущество, необходимое выражение превосходства их [собственного, британского] характера»: «Вы не поймете темного духа туземцев... А если бы вам это все-таки удалось, вы бы заболели [от этого]»[675]. Именно «непонимание народов Индии... казалось доказательством морального превосходства [англичан], а отсутствие симпатии к ним — необходимым условием... превосходства английского характера»[676].

При таком подходе подобное «превосходство» должно было постоянно усиливаться — ведь сфера *намеренного незнания* все расширялась. «Наши знания [об Индии] тают год от года... чем дольше мы владеем Индией, тем меньше знаем»[676a] о ней. «Он не способен отличить брахмана от кули... и видит во всех них только "ниггеров"», — такое определение получил «совершенный в своем роде экземпляр» англичанина, живущего в Индии[676b]. «Я помню, что был абсолютно невежествен в индийских реалиях... и демонстрировал свое превосходство над индийцами», — такой пример приведен в работе, посвященной жизни британских колонистов в индийских колониях до 1937 г.[676c] Такой пространственный «апартеид» показывал, до какой степени англичане ощущали себя «народом, находящимся в состоянии боевой готовности» (sic), народом, который жил в совершенно другой стране, чем покоренные ими туземцы[677]. Англичане видели в Индии пережиток темного, инстинктивного прошлого, которое цивилизация неизбежно должна была оставить позади: «Индийцы внушали страх не только как подданные ...которые могли бы [опять] взбунтоваться, но и как извращенцы, от которых исходила угроза... совратить белый мир»[678]. Флора Энни Стил* в одном из своих романов описывала, как в страшных храмах богини Кали (требующей и человеческих жертв) подстрекают к бунту ее фанатичных почитателей, опьяненных *кровью* и воспламененных чувственностью[679]. Подобный ужас перед Индией следует объяснять скорее с точки зрения глубинной психологии, чем с позиций истории. Для добропорядочного англичанина, в отличие от индуса, существовало табу на дионисийский экстаз. Подавленное либидо обывателей-кальвинистов оказывало сильнейшее воздействие на формирование образа Индии в глазах колониальных британцев. Отвращение к «туземной Индии» в конечном счете сводилось к глубокому ужасу перед ее соблазнительной и таинственной мощью... «Эта "темная" сторона индийской жизни столь же соблазняла, сколь и пугала»[680].

---

* Псевд.: Флора Энни Уэбстер (1847—1929) — романистка.

Незнание «бездн непостижимого», незнание того, чем и как живет индийское население, и отсутствие интереса к этой сфере было признаком «элитарной исключительности» — по крайней мере в среде благопристойной и самодовольной буржуазии.

Страх имперских британцев перед демонически-экстатической тьмой Индии сродни страху «фёлькише» бюргеров перед ужасающей беспредельностью «восточного пространства». Тот ужас, который испытывали бюргеры, как бы принял эстафету давнего страха перед беспредельностью душевных глубин героев Достоевского (которого когда-то в Германии понимали лучше, чем в любой другой стране, — лучше, чем в самой России до 1905 г.). Это был страх перед «болезненной», «парализующей жизненную силу галереей идиотов» с якобы «антигероическим» морализмом, связанным с осознанием человеческой вины и представлением об искуплении в духе Христа. Надо было раз и навсегда покончить с бормотанием об общечеловеческой гуманности «с испорченной кровью», с бормотанием об «общечеловеческой любови», со всем столь же «противоестественным... как египетско-африканский мазохизм», со всей этой «русской болезненной привычкой представлять уголовника несчастным, а обветшалое и прогнившее — ...“человечностью”», — заявлял Альфред Розенберг[681]. Позже Генрих Гиммлер также уверял, что «часть *этих* русских может отличаться пылкой набожностью... что [русский] может очень усердно работать... и притом... он отчаянно ленив ... разнузданная бестия... сам черт бы не выдумал... тех извращений, к которым склонен русский... Это [все] входит в... систему ценностей этих славян»[681а]. Альфред Розенберг считал, что «во всех [социальных] потрясениях замешана кровь с монгольской примесью... [Она] толкала русских на действия... которые кажутся непостижимыми». Воистину непостижимой Россия оставалась и для Гитлера: «зловещей... как корабль-призрак Летучего голландца»[682]. Еженедельная газета «Шварце корпс», являвшаяся официальным органом СС, а фактически бывшая персональным рупором Генриха Гиммлера, так отреагировала на непреклонное, несмотря на безнадежное положение, сопротивление «восточных людей» (принадлежавших, согласно Розенбергу, к больным в расовом отношении группам народов): «Мы не можем понять этого противника... Мысли и действия этого врага порождены совершенно чуждым для нас миром»[683]. С этим миром, миром непостижимого, вызывающего ужас, с «русской болезнью» надо было «покончить раз и навсегда». Навеки.

Русских следовало изгнать из немецкой «Индии» и переместить за Урал. Недочеловеков, живущих за этим пределом, Генрих Гиммлер покорять не собирался. Видимо, для немецкой Индии Гитле-

ра, для «восточного пространства», Урал должен был стать тем же, чем для Британской Индии была северо-западная граница. Эта граница, согласно английскому вице-королю лорду Керзону, давала Британии «физическую и моральную территорию, необходимую для расы экспансивной и имперской»[684].

(Ссылаясь на наличие такой территории, в 1932 г. Великобритания отказалась выполнить требование Лиги наций и снять с вооружения свои бомбардировщики, якобы необходимые для защиты от «диких» туземцев на границах Индии[685]. Я не располагаю сведениями о том, что британский парламент когда-либо принимал резолюцию, требовавшую распространения Женевской конвенции и на колониальные войны (как это сделал немецкий рейхстаг в 1896 г.[686]). Мало известно, что, к примеру, в 1928 г. доля расходов на военные нужды в бюджете Британской Индии вдвое превышала военные расходы фашистской Италии и составляла две трети от соответствующей доли расходов милитаристской Японии[687].)

Необходимость постоянно бороться с «недочеловеками», живущими вдоль Урала, будет «сохранять молодость» немцам Генриха Гиммлера, — обещал этот рейхсфюрер СС. И «поскольку естественного заслона от этих людских масс не существует, то нам необходим восточный вал, и делать его придется из живых людей. Длительная пограничная война на востоке создаст суровое племя и не позволит нам впасть... в мягкотелость»[688], — заявлял Гитлер.

Когда же ситуация, немыслимая с точки зрения расовой доктрины, все-таки сделалась политической реальностью, когда «восточное пространство» стало брать верх над «арийской кровью», — Гиммлер продолжал утверждать (27 июля 1944 г.): «Мы не усомнимся в своей победе... [Ведь] ценность духа нашего народа, ценность нашей расы, ценность нашей крови выше... чем у наших противников... Тогда снова подтвердится, что наша раса и наша кровь ценнее, чем у прочих»[689]. Это заявление было сделано Гиммлером менее чем за десять месяцев до капитуляции всех войск СС.

Реакция англичан на вторжение японцев в Малайю (всего лишь за два месяца до капитуляции британцев в Сингапуре, явившейся прелюдией к краху всей Британской империи) была выражена несравненно менее резко, но объяснялась теми же причинами — представлениями если не о сверхчеловеке, то о «расе господ», сходными (пусть и не *столь* патологическими) идеями расового превосходства. Когда британский командующий в Малайе разбудил до зари сэра Шентона Томаса, губернатора Стрейтс-Сеттлментс, сообщив, что на восточном побережье полуострова высадились части японских окупантов, губернатор заявил: «Ну, я думаю, вы

вышвырнете этих малорослых человечков вон». Это замечание «лучше любых других дурацких высказываний того же периода ... характеризует британские установки»[690].

Таким образом, и «завоеватели Востока» из Третьего рейха, и (хотя и в меньшей степени) колониальные британцы оказались жертвами собственных представлений о людях (не о человечности). «На скованное предрассудками национальное сознание [англичан] повлияла убежденность в собственном превосходстве — не основанная ни на чем, кроме поразительного... отсутствия знаний». Ведь «презрение англичан к японцам, к «джапсам», этим непристойным, надутым, слюнявым человечкам в очках, словно бы сошедших с политических карикатур, было результатом как расового, так и национального британского высокомерия»[691], «полного нежелания знать, ... абсолютного отказа признавать что-либо, что могло поставить под сомнение богоподобную роль, для исполнения которой якобы были избраны британцы»[692]. «В конечном счете это была ужасная расплата, следствие упадка, алчности и чванства, следствие ситуации, когда абсурдный церемониал считали мощью, когда ритуалы заменяли умения, украшенные строения имитировали авторитет, а за фальшивым великолепием флагов и труб скрывалось почти полное бессилие»[693]. Такова была та империя, сохранению которой в мире должно было способствовать влияние расистского Третьего рейха. Такова была империя, на которую ориентировался Третий рейх. Гитлеры, альфреды розенберги и гиммлеры переняли мировоззрение, господствовавшее в этой империи, переняли присущую ей мистику силы, расы, ее отношение к мышлению и чувствам, намереваясь даже превзойти своих учителей.

Именно английское «воспитание вождей» послужило источником нацистского антиинтеллектуализма, укрепившегося благодаря невежеству. Ведь как раз невежество повышает уверенность в себе — повышает настолько, что в 1941 г. не вызвало сомнений даже решение воевать на два фронта, принятое вопреки элементарнейшему инстинкту самосохранения. При этом, правда, считалось и считается (так полагали и английские кумиры Гитлера), что лозунг «Ignorance is Strength» («Незнание — сила») справедлив лишь до тех пор, пока он сочетается с *реальной* властью. Слабеющая власть с ее нежеланием знать реальность, возведенным в систему, еще быстрее изобличает свое бессилие. Крылатые слова «Ignorance is Strength» принадлежат Джорджу Оруэллу, который на протяжении четырех с половиной лет «наслаждался» воспитанием в Итоне, самой знаменитой из паблик-скул. Английские «питомцы Итона поневоле бы покраснели, если бы им довелось прочесть, какую роль национал-

социалисты приписывали их предшественникам в истории Британской империи», — полагал один британский биограф Альфреда Розенберга[694]. В действительности *типичные* итонцы даже не думали краснеть, сознавая, что именно на них ориентируются нацисты при «селекции расы мужей, которые железной рукой будут править новым миром — миром, что вермахт завоюет для них. Нетерпение Гитлера [достичь поставленных целей] привело к гипертрофии тех пунктов его программы, которые имели отношение к милитаризму и геноциду»[695]. (Как известно, слово «гипертрофия» означает чрезмерное преувеличение. Следовательно, из формулировки этого британского историка можно понять, что ряд пунктов программы предусматривал некий умеренный геноцид, впоследствии ставший чрезмерным...)

Нам придется прочесывать территорию, квадратный километр за квадратным километром, и все время вешать людей! Это будет настоящая индейская война...

Адольф Гитлер. Монологи. 22 августа 1942 г.

Гиммлеровские «зверолюди» «восточного пространства» и соблюдение дистанции со стороны правящих господ

Генрих Гиммлер в 1943 г.[696] назвал местное население «восточного пространства» «зверолюдьми» — а ведь именно так век назад некоторые англичане воспринимали коренных жителей колонизованной Австралии («аборигенов»). Своеобразие вклада Гиммлера (вдохновленного мистером Хьюстоном Стюартом Чемберленом) заключается в том, что он обратил эти взгляды в государственную политику и возвел их применение на практике в бюрократическую систему. «Издыхают ли другие народы... от голода, меня интересует лишь постольку, поскольку они нужны нам в качестве рабов для нашей культуры [sic], в других отношениях это меня не интересует... Если, копая противотанковый ров, десять тысяч русских баб свалятся от изнурения... меня это интересует лишь в том отношении, чтобы для Германии был вырыт противотанковый ров...», — заявлял Гиммлер[697]. Его единомышленники утверждали, что «славянский недочеловек» встречает смерть с безразличием[697а]. (Еще во время аннексии Бирмы и ее присоединения к Британской Индии англичанам «открылось», что бирманцы не испытывают боли и равнодушны к смерти: «Я думаю, эти люди не испытывают боль, подобно чистокровному европейцу. Они питаются сушеной рыбой и

рисом, кровь у них жидкая и течет медленно». Так охарактеризовал покоренных в 1886 г. туземцев британский колониальный офицер Э. Чарлз Браун[698].)

Один дипломат Третьего рейха в 1940 г. так мотивировал утверждение, что «англичане объективно правы... в том, что колонии — это бремя»: «Что мне делать, чтобы туземцы работали? Это уже известно, но как же мы, сентиментальные европейские гуманисты, можем использовать плети из крокодильей кожи, или отрубать руки, или клеймить каленым железом?»[699] Требование «клеймить» или по крайней мере делать специальные татуировки выдвигалось уже в 1911 г. в Юго-Западной Африке, колонизованной Германским рейхом (порядок и там устанавливался не без оглядки на британские образцы)[700], а после такая практика была введена и в отношении если уж не всех жителей восточного пространства, отбывавших трудовую повинность, то по крайней мере в отношении всех заключенных гиммлеровских концлагерей. Эпигонам мистера Хьюстона Стюарта Чемберлена вполне хватало «обоснований», чтобы оправдать методы обращения с туземцами на «восточном пространстве» (включавшие, как известно, и «спецобращение»): «Русский испокон веку привык к жестокому и беспощадному отношению со стороны властей»[701]. «Великодушие не оправдано, когда имеешь дело с азиатами... которые в любезности всегда видят признак слабости», — традиционно считали британские «эксперты» по колониальному пространству, явившемуся моделью для «восточного пространства» Гитлера. В конечном счете фюрер был убежден, что «славяне — прирожденная масса рабов, вопиющая о господине» (а его идеолог, ученик Чемберлена Альфред Розенберг высказывал аналогичное мнение в отношении индийцев). Ведь Гитлер подходил к своему расовому империализму с английскими колониальными мерками — и потому был убежден, что «индийцы опустились бы без длани английского хозяина». «Так и здесь... Наша Индия — это русское пространство, и как англичане правят с помощью горстки людей, так и мы будем управлять своим колониальным пространством...»[702]. «Посмотрим на англичан, которые при помощи 250 тысяч человек — из которых вооруженные силы составляют около 50 тысяч — управляют 400 миллионами индийцев...»[702а]. Рассуждая в таком духе, Гитлер настоятельно призывал доказать, «что не одни англичане могут с помощью тончайшего слоя администрации управлять большими массами народа»[703], «нет, на это в равной мере способны и немцы». «Теперь начнется столетняя борьба, и это прекрасно: мы не заснем... Потому я буду заботиться, чтобы она встряхнула эту молодежь»[704].

Как известно, эта борьба должна была «встряхнуть» (по Гитлеру) и гитлеровские СС. Войска СС должны были особо отстаивать «физическую и моральную территорию, необходимую для расы экспансивной и имперской» (говоря словами английского вице-короля лорда Керзона). Орудием в этой борьбе служила не культура, а куда более сильная вещь — огнестрельное оружие. В пьесе группенфюрера СС Ханса Йоста один «соратник» всякий раз, когда слышит слово «культура», ощущает желание снять револьвер с предохранителя. При Гитлере Йост стал президентом Академии литературы. В Англии столь практичный вождь не занял бы такого поста. Правда, не столько из-за «револьвера», сколько потому, что для англичан бесполезность и даже вредность литературы уже давно стала аксиомой. (Так думал и современник Ханса Йоста, директор Винчестерской паблик-скул, председатель Имперской объездной комиссии паблик-скул (1926) Монтегю Рэндалл, один из тех, кого пригласили для улучшения отбора нордических родсовских стипендиатов (стипендиатов германской расы)[705].) Литература, по мнению англичан, мешала муштре хранителей империи, подрывала дух элитарных паблик-скул, враждебный разуму и индивидуальности[706].

Когда воспитание ставит перед собой такие цели, разглагольствования также становятся помехой. Ведь многословие, как известно, характерно для кляузников и ворчунов, тогда как для людей, облеченных реальной властью, характерен грозный рык. Соответственно и заповеди для представителей балтийско-баварско-остмаркской расы господ в «немецкой Индии», в гитлеровском восточном пространстве гласили: «Вы никогда не убедите русского... Говорить он может лучше вас, потому что он прирожденный диалектик... Решающее значение должна иметь лишь ваша воля... в том числе и благодаря ее твердости... Сохраняйте дистанцию по отношению к русским, они не немцы»[707]. «Если ты шатаешься пьяным на глазах своих иноплеменных рабов, то разве ты создаешь впечатление, что это раса господ прибыла сюда?», — иронизировал Генрих Гиммлер[708].

Из английского колониального опыта следовало, что «европейская администрация представительствует от имени чего-то величественного... И, следовательно, мы *снова* возвращаемся к английским методам... Хайль Гитлер», — утверждал один представитель рейха в Эфиопии в 1940 г.[709] Для колониальных англичан, чьи методы управления послужили образцом для немцев, важно было научиться *держать себя*, изображать олимпийское превосходство — и сохранять этот имидж перед туземцами («Стоит только один раз

дать им повод усомниться в непобедимости британской власти, и все достигнутое рассыпется в прах»)[710]. «Перед низшей расой необходимо демонстрировать власть, могущество и холодность», чтобы туземцы не увидели чего-нибудь, что могло бы подвергнуть сомнению «недостижимую высоту статуса высшей расы», статуса большего, чем просто статус человека. Так, бойскауты должны были учиться внушать туземцам, что «англичанин — ...больше, чем просто человек». Имитируя превосходство, англичане — «как нечто большее, чем [просто] человеческая раса» — привычно соблюдали дистанцию по отношению к покоренным народам. «На публике следовало постоянно сохранять внешнее достоинство — наполовину за счет высокомерного выражения лица, [естественного для англичан], наполовину за счет [соответствующей] маски»[711].

«Со всем этим можно было бы смириться... если бы англичанам... были присущи возвышенные добродетели и высокая духовность...»[712] А поскольку британцы не проявляли этих качеств, автор «Более Великой Британии», сэр Чарлз Уэнтворт Дилк[713] давал следующие наставления о том, как удерживать власть: «Сто лет англичанин в Индии держался как полубог. Он считает себя высшим существом, а [туземное] население воспринимает его так же, как он сам оценивает себя. Всякое ослабление уверенности... как со стороны англичан, так и со стороны индийцев, было бы опасным»[714].

Возможность подобного ослабления внушала серьезный страх. «Наши офицеры рассказывают, что любой *туземец, говорящий по-английски, — негодяй*, лжец и вор, что... недалеко от истины», — заявлял сэр Чарлз Дилк[715]. Именно в «туземцах», получивших английское образование, колониальные британцы видели наибольшую угрозу[716]. Существовала «опасность», что они знают больше и в разговоре над ними не удастся взять верх. Именно поэтому среди всех «туземцев» колониальные англичанине предпочитали послушных солдат и с подозрением относились к разглагольствующим индусским интеллектуалам (бенгальским «бабу»)[717]. В 1886 г. руководитель африканского отдела британского колониального ведомства заявил, что «образованный туземец — это проклятие западного побережья...» В Британской Западной Африке это мнение оставалось в силе еще в 1938 г.: «неученых туземцев предпочитали ученым»[718].

В противоположность англичанам, немцы кайзеровских времен с их миссионерским менталитетом стремились распространять собственную культуру среди населения колоний[719]. Адольфу Гитлеру, напротив, казалось *бессмыслицей*, чтобы Германия «мотивировала

свое право на колонии способностью и желанием распространять немецкую культуру...» Ведь в этом отношении фюрер также равнялся на английские образцы: англичанину никогда бы не пришло в голову обосновывать создание колоний «чем-то, кроме абсолютно реальных и практических преимуществ». «Не стоит забывать и про плеть, повсеместное использование которой обуславливалось полным отсутствием риска вступить в противоречие с культурной миссией». А «если... туземцы... у нас... чувствовали бы себя лучше, чем при англичанах, то для *нормального* англичанина это... говорило бы только в пользу английского типа колониальной политики»[720].

Опасения же, что подобные колониальные методы могут быть применены в самой Англии, что система насилия, «легализованная» в Британской Индии (со ссылкой на незрелость туземцев и их привычку к деспотизму), может быть навязана и Англии, возникли почти одновременно с созданием Британской Индии. В 1788 г. Эдмунд Бёрк тщетно убеждал разорителя Бенгалии Уоррена Гастингса не подменять божью или человеческую этику «географическо-климатической нравственностью» (не релятивизировать нравственность). То есть если максима завоевателей «Я нахожу народ в рабском состоянии и обращаюсь с ним как с рабами» будет перенесена из покоренной Индии в чувствующую себя свободной Англию, свободы последней утратят свою силу[721]: «Нижняя палата... сможет сохранять свое величие... до тех пор, пока она будет в силах препятствовать проникновению *нарушителей* закона из Индии в *законодатели* Англии». («Как можем мы в дальнейшем [всегда] сохранять деспотическую власть над ста миллионами азиатов и [при этом] не потерять собственной свободы?» — спрашивал Ричард Кобден в 1857 г.[722]) Это знаменитое предостережение было тем более уместным, что даже крупнейший английский критик конформизма, Джон Стюарт Милль, отвергая насильственное подчинение, делал исключение для «отсталых обществ, *раса* которых еще пребывает в несовершеннолетнем состоянии». То есть Милль совершенно по-утилитаристски ставил право людей на свободу в зависимость от их «аттестата зрелости». Этот, пожалуй, самый влиятельный из социальных критиков Англии оправдывал деспотизм, если он практиковался в отношении варваров и «имел целью их исправление»[723]. Британское правительство, угнетавшее туземцев в Индии («факты... в которые трудно поверить, даже после ужасов Европы XX века»[724]), в самой Англии не желало полностью ограничивать себя законами; кровавый террор, при помощи которого в 1857 г. было задушено восстание за независимость Индии, мог быть

применен и против недовольных низших слоев Англии: об этом еще 18 сентября 1857 г. в Лондоне предупреждал оппозиционный полковник Фицмайер* [725].

Наиболее известное изложение опасностей, угрожающих демократии в имперской «метрополии» со стороны империализма, было сделано Джоном Гобсоном** в 1902 г. Он показал, что антидемократизм органически свойствен империализму, что дух империализма «отравляет идею демократии, заложенную в уме и характере народа». В то время как империя расширяется, колониальные военные «открыто презирают демократию», внося этот дух презрения в парламент и подрывая парламентаризм, чтобы и дальше возлагать «ярмо империализма на плечи “негров”».

«Юг Англии полон людей ...чей характер сложился в атмосфере наших деспотически управляемых владений. Немало их ... занимает ответственные посты в полицейских учреждениях и тюрьмах; они — сторонники всяких принудительных мер... Если все искусство тиранической власти, если все ее силы, приобретенные и применяемые в наших несвободных владениях, обратятся против свободы нашего отечества, то, право, это будет справедливым возмездием за империализм. ...Каким непрерывным потоком льется сюда яд безответственного автократизма»[725a], неся с собой равнодушие и даже откровенную враждебность к свободам подданных.

С другой стороны, то, что сразу после 1857 г. англичане начали проводить авторитарно-репрессивную политику по отношению к индийцам, отражало страх привилегированных классов перед расширением избирательных прав[726], страх, объяснявший, почему англичане приветствовали (правда, *пока что* в других странах) вождистский принцип. О том, что и демократические страны применяют в своих колониях вождистский принцип, напоминал — и не совсем необоснованно — гитлеровский наместник генерал Риттер Франц фон Эпп[727]. Именно на основе колониального опыта Британской Индии (ставшей прообразом гитлеровского «восточного пространства») Фицджеймс Стефен[728], служивший в 1869—1872 гг. в совете вице-короля лорда Ричарда Мэйо***, вывел следующее правило: «Подсчет голов [для выяснения результатов голосования] происходит по тем же принципам, что и проламывание голов»[729]. В том смысле, что если головы не собираются разбивать, то вовсе незачем их сначала тщательно подсчитывать. А значит следует избегать

* Фицмайер Джеймс Уильям (1813—1895).

** Гобсон (Хобсон) Джон Аткинсон (1858—1940) — англ. экономист, либерал-антиимпериалист.

*** Бёрк Ричард Саутвелл, шестой граф Мэйо (1822—1878) — вице-король и генерал-губернатор Индии.

голосования. Мудрое меньшинство должно повелевать невежественным большинством — *так же, как всадник повелевает лошадью*[729a]. Под заголовком «Свобода, равенство, братство» упомянутый идеолог английского колониализма — еще до Хьюстона Стюарта Чемберлена, вдохновителя Гитлера — разоблачает эти идеалы как «большие слова для мелких вещей»[730]. «Люди *не* должны быть свободны», — утверждал он на основе своего колониального опыта в Индии. Это положение ассоциировалось с англичанами, владевшими Индией. Книга «излагала европейские проблемы в [британско-]индийском свете»[731], отрицая европейскую демократию во имя бюрократического деспотизма Британской Индии. Фицджеймс Стефен был настолько восхищен системой управления британскими колониями в Индии, что «готов был перенести ее на своих соотечественников в Англии». Именно «философия британской государственной службы в Индии» Фицджеймса Стефена вдохновила будущего вице-короля Индии лорда Керзона. В конечном счете, властвование в этом регионе стало считаться ценностью само по себе; ценностью являлась и «гордость от того, что ты принадлежишь к господствующей расе»[732]. На основе опыта британского правления в Индии Фицджеймс Стефен пришел к выводу, что «упоение властью, расовая гордость и культ насилия — это *основы жизни*»[733]. «Лютая ненависть к революции и революционерам... пылкое желание противодействовать всем чаяниям народа... Чувство, которое возмущенный жандарм испытывает по отношению к толпе, во имя гуманности бьющей стекла...»[734]

Вполне логично, что для этого отставного хранителя британского порядка в Индии — еще до Хьюстона Стюарта Чемберлена, до Альфреда Розенберга, и до Адольфа Гитлера — даже основоположник исторического христианства ассоциировался с бунтом. Сознательный администратор британской колонии поступил бы со столь мятежным пророком точно так же, как римский прокуратор Понтий Пилат с Иисусом из Назарета... (писал Фицджеймс Стефен). (Хотя Стефен открыто и не высказал мысль о том, что распятие Христа было справедливым делом, он тем не менее приходит к выводу, что британский колониальный управляющий какой-нибудь мятежной провинции поступил бы правильно, казнив подобного религиозного провидца.)[734a]

В целом англичане в Индии в позднеимпериалистический период — так же как Х. С. Чемберлен, вдохновитель Гитлера, — имели склонность к деуниверсализации христианства. Христианскую религию словно бы сводили до роли отличительного признака англичан как уникальной расы — англичане стали придерживаться такой

позиции задолго до «немецких христиан», духовно ориентировавшихся на Третий рейх. Ведь индийцы были не вправе, меняя религию и становясь христианами, рассчитывать также на изменение *своего* социального статуса, — социальная дистанция между ними и англичанами должна была оставаться незыблемой и в конфессиональном отношении[735].

Идеолог империализма лорд Альфред Милнер утверждал, что туземцы, перешедшие в христианство, становятся «наглыми, неуправляемыми и ленивыми»[735a]. Из представлений о расе, существовавших в викторианскую эпоху, следовало, что христианское учение является источником «опасных представлений о демократии и всеобщем равенстве», и, естественно, англичане не могли допустить распространения подобных идей среди тех, кого «совершенно заслуженно следовало удерживать в подчиненном положении»[735b]. Таким образом, они предпочитали, чтобы туземцы оставались язычниками, и расценивали деятельность миссионеров как пагубную. Просвещать каннибалов, рассказывая им, что все равны перед Богом — значит портить их и вводить в заблуждение. «Даже священная правда не может сделать черного белым, а белого черным; точно так же, как не может она сделать вас равным... вашему хозяину»[735c]. Принадлежность к высшему или низшему классу определялась в глазах англичан не верой, но цветом кожи. Те же, кто стремился «подняться выше своего статуса», будь то английские рабочие или чиновники-индусы, и подражал людям более высокопоставленным, становились посмешищем в глазах общества. Так, уже в 1916 г. вице-король Индии лорд Челмсфорд запретил индусам организовывать собственные отряды бойскаутов, считая, что это могло «оказать на них опасное влияние». Однако, поскольку главным долгом бойскаутов являлось безоговорочное подчинение вождю, к 1921 г. вице-король лорд Руфус Ридинг стал лидером индийских скаутов[735d].

В самой Великобритании социальная дистанция, которую низы по традиции воспринимали как должное, только увеличилась в результате опыта владычества над Индией. «Вместе с индийскими англичанами, уходящими на пенсию, в Великобританию проникало некое подобие кастового менталитета, дополнительно углублявшего и без того глубокий раздел между классами». Так, в Эдинбурге возникло нечто вроде каст, и в одну из них входили пенсионеры из Британской Индии. Эти люди по большей части не могли похвастаться высоким происхождением, но они «позаимствовали» его в стране каст; в то время слово «брахманы» стало использоваться для обозначения самого высокого происхождения[736]. Англичане

вообще были уверены в собственном превосходстве над всем миром. И в Капской колонии британцы «чувствовали себя аристократическим сословием; в этом случае роль низших классов... играли туземцы», чьими хозяевами они были[737].

Интересно, что еще в начале 1920-х годов англичане обвиняли большевизм и иудаизм в подстрекательстве индийских националистов к сопротивлению британскому господству. В колониальном романе Флоры Стил «Закон порога» большевистско-иудейские эмиссары «пьют за архибольшевика Баку*м*ина [sic], за уничтожение дисциплины и порядка и полную свободу для зла»[738]. Ведь еще до Гитлера, уверенного, что за революцией в России стоят евреи, англичане-империалисты мыслили сходным образом: они считали, что за индийским сопротивлением чужеземному британскому господству стоят еврейские силы. Предвосхищая нацистскую пропаганду, в ноябре 1917 г. английская империалистическая пресса уже называла большевистских вождей «крысоподобными обитателями клоак», приписывая большинству из них карикатурные еврейские имена[738а]. «Еврейская олигархия» якобы желает «взрыва в Индии», направленного против Великобритании, а уступки индийским националистам в 1918 г. объяснялись тем, что Эдвин Сэмюэль Монтегю, министр по делам Индии, был евреем и отличался «нежеланием или неспособностью править... сильной рукой»[739]. «Железным кулаком» фашистского диктатора Бенито Муссолини в 1923 г. восхищался бывший образцовый британский вице-король Индии лорд Керзон. Ведь в конечном счете лозунги фашистов призывали «верить и повиноваться» — а никак не сомневаться, и уж тем более не критиковать[740]. И те же самые «добродетели» уже в течение нескольких поколений упорно прививали британской «расе господ» ее воинствующие священнослужители вроде Чарлза Кингсли и пророка Томаса Карлейля, тосковавших по вождю. «Верь, повинуйся, сражайся» — вот идеалы, из поколения в поколение вдохновлявшие правящий класс Британской империи.

У них будут идеалы, которые сделают убийство благодарной деятельностью.

Герберт Дж. Уэллс, 1924

ГЛАВА 10
ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ГЕОПОЛИТИКОВ ГИТЛЕРА. КАК НЕ ПОТЕРЯТЬ ВЛАСТЬ: «КАРТХИЛЛ»

В 1924 г. — через год после того, как лорд Керзон восславил фашистского дуче, общество смогло ознакомиться с самыми настоятельными рекомендациями о том, как сохранить британское господство над Индией. Речь идет о книге «The Lost Dominion» («Утраченная власть»*) Беннета Кристиана Хантингтона Калкрафта Кеннеди (1871—1935), уполномоченного по делам юстиции в провинции Синд Британской Индии и члена Верховного суда Бомбея[741], опубликовавшего книгу под псевдонимом Ал. Картхилл. В своем труде Картхилл (в контексте общепринятой среди британцев практики расистского империализма, а также используя характерные ссылки на «азиатские деспотизмы» и рекомендуя не останавливаться перед массовым истреблением) самым радикальным образом разделывался с либеральным британским гуманизмом и парламентаризмом. Эта книга, с ее иронически-уничижительной «расовой» характеристикой индийских «туземцев», изобличением демократии, пацифизма, принципа самоопределения — всего того, что в соответствующих кругах Германии называлось «слюнявым гуманизмом» — была почти сразу же переложена на немецкий язык (одним «фёлькише» издательством) под названием «Verlorene

* В 1925 г. эта книга (правда, в сильно сокращенном виде) была издана и в России под заглавием: *Ал. Картхилль.* Потерянная империя: Почему англичане потеряли Индию. Повесть англо-индийского администратора / Пер. Н. Губского и Е. Зубковой под ред. В. Яковлева. [М.]: изд-во М. и С. Сабашниковых. 1925. Далее некоторые цитаты приводятся по этому изданию.

Herrschaft» (1924). Предисловие к немецкому изданию этой книги написал учитель Рудольфа Гесса и наставник Адольфа Гитлера, профессор Карл Хаусхофер, восхищавшийся Британской империей. В предисловии Хаусхофер проводил параллели (в духе Вагнера) между ситуацией, описанной в книге Картхилла, и Валгаллой: «как если бы Вотан, под победными рунами которого некогда выступали англосаксы, в последний час Валгаллы еще вынужден был председательствовать на конгрессе пацифистов... и уже... видел трепетанье первых огоньков мирового пожара»[742]. Сам Картхилл был сторонником государственного террора и подтверждал его эффективность. Этот колониальный британский авторитет заявлял, что он опроверг мнение, будто «[на штыках]... нельзя сидеть [по крайней мере долго])». Ведь «если штыков достаточно и они так хорошо воткнуты в тело жертвы, что она не будет извиваться, если размещение этих штыков проведено в определенном и искусном плане, то при их помощи можно соорудить... нечто вроде лесов, на которых... можно водрузить довольно устойчивый консульский... трон»[742]. Успешное «конструктивное подавление», применявшееся в колониальной политике, Картхилл оценивал как «похвальное». Впрочем, он сожалел об отсутствии у англичан необходимого единодушия. Ему казалось, что оно исчезло; он более не видел британской решительности и «могучей убежденности народа, верящего в себя», — «той веры, которая дает людям силы противостоять богам»[743].

«У немецкого народа отныне будет доступ к одной из самых сильных книг... англосаксов о государстве», — писал в заключении гитлеровский геополитик Карл Хаусхофер. Он также рекомендовал гитлеровской Германии сотрудничать с Британской империей. «Ведь у таких противников можно и нужно учиться»[744]. «Если... среди народа господ возобладает настроение... отказаться от законного права на насилие, то в отношении Индии... ничто другое не подействует»[745].

После того как подобные установки — особенно деспотизм восточного типа и всесилие европейской бюрократии — *настолько* хорошо сработали в Индии, Картхилл пытается внушить мысль, что соответствующие методы следует применить и для искоренения непорядков в самой Британии (как отметила Ханна Арендт[746]). Однако — согласно мистеру Картхиллу — «британские избиратели, которых каприз Провидения поставил распорядителями судеб человеческого рода», не имеют *«надежных руководителей»*[747]. Он явно имел в виду руководителей, которые должны были еще более воинственно отстаивать расовую чистоту и насильственно отделять свет культуры от тьмы. Ведь «несчастна та особь, что появляется на свет в результате физического скрещивания особей двух разнородных

племен. Каждая клетка в ней — арена гражданской войны. Едва ли менее несчастен тот, чей интеллект усвоил чужую культуру, тогда как его инстинкты ее отвергают»[748].

Больше всего огорчало Картхилла то, что из английской культуры, даже из той, которая распространялась в Индии, не удалось исключить либеральные идеи, противоречившие представлениям о расовом превосходстве, деспотизму и бюрократической гегемонии, идеи, «пригодные для гуманистической... и подрывной агитации — под маской демократии и самоопределения»[749]. Это была опасность, которую англичане «проглядели»: ведь британское «правительство питало известное презрение к образованию». «Британско-индийский деспотизм... не сознавал необходимости... сдерживать распространение таких идей»[750]. То есть вина за распад империи (в отношении Индии) возлагалась и на английские власти, равнодушно взиравшие на распространение в колониях таких тлетворных европейских представлений, как демократические взгляды.

Для империализма «было важно, чтобы человек из покоренного народа оставался неразвитым, чтобы его не обучали чужому языку [завоевателей] в таком объеме, который позволил бы ему, к примеру... получить образование на опасно высоком уровне». Так утверждал один немецкий автор, говоря о гитлеровском «дранг нах остен» и о «культурной политике» Третьего рейха на завоеванном «восточном пространстве»[751]. Однако эта формулировка почти буквально совпадает с высказываниями таких столпов Британской империи, как наместник Великобритании в Пераке (Малайя) сэр Фрэнк Суэттенхем. Как и Картхилл, горевавший, что англичане оставляют свои позиции в Индии, Суэттенхем считал, что немалая доля вины в неповиновении британским имперским властям лежит на тех, кто позволял «туземцам» получать английское образование. «И если бы бабу [т. е. «пишущий» индиец, обученный английскому] имел душу, она бы, верно, потребовала отчета от тех, кто дал ей дар речи для выражения неосуществимых притязаний класса, столь же богато наделенного способностью к высокопарной агитации, сколь жалкого с точки зрения... телосложения, которым отличаются господствующие расы... В Индии воспитание [education] представляет все большую опасность»[752]. «Давать малайцам высшее образование значило бы вкладывать им в руки интеллектуальное оружие, которое они могли бы обратить нам на погибель»[753]. «Мы в безопасности, пока обучаем детей [Британской Малайи] читать, писать и считать исключительно на *их* языке»[754]. (Правда, нельзя сказать, чтобы даже в Малайе британская школьная политика всегда твердо следовала этой линии, да и христианские миссионеры

распространяли среди «туземцев» не только те знания, которые были угодны британским империалистам.)

Именно подобную политику намеревался проводить в жизнь — причем гораздо более беспощадно и последовательно, чем британцы — Генрих Гиммлер в отношении народов «восточного пространства»: «Никогда в будущем не следует учить этих людей чему-то, кроме "умения написать [собственное] имя, кроме того, что покорность немцам... — божественная заповедь". Они не должны уметь читать». (В Англии, в страхе перед революцией, советовали не запрещать бедным читать, а вот писать не разрешать.) Рейхсляйтер Мартин Борман в начале октября 1940 г. заявил следующее: «Полякам надо оставить их католических попов, чтобы они "оставались тупыми и глупыми"». А всех польских интеллектуалов, по его мнению, следовало уничтожить, что «отныне... становилось законом жизни»[755]. Некий крайсляйтер и гебитскомиссар Бехер как-то заявил: «У кого я замечу интеллект, тот будет расстрелян»[756]. Тех же поляков, которых никак не удавалось лишить этой тлетворной образованности, просто уничтожали: «Слой вождей, выявленный нами сейчас в Польше, подлежит ликвидации; то, что вырастет потом... надо будет снова удалить»[757]. В мае 1940 г. генерал-губернатор доктор Ханс Франк отмечал в своем дневнике: тот факт, что внимание всего мира сосредоточено на Западном фронте, «мы используем... для массовой ликвидации... поляков, прежде всего ведущих представителей польской интеллигенции...»[758] Таким образом, власть, наводившая «порядок» на «восточном пространстве», в «немецкой Индии» Гитлера, не испытала на себе того, что для британского империалиста Картхилла было «проклятием клеветнической прессы»[759], проклятием интеллектуалов-моралистов, которые «из моральных соображений противятся общезначимым принципам»[760]. Тех, кто не приемлет истин, верных «для всех остальных», тех, кого проклинал еще Карлейль, а доктор Геббельс назвал «критиканами». И не кто иной, как Адольф Гитлер, чувствовал себя обязанным «самым жестким образом обходиться с теми [в том числе и] фёлькише бумагомарателями, которые в подобной форме приобретения земли [немецким мечом для немецкого плуга] видят нарушение священных прав человека... и соответственно выступают против нее своей пачкотн ей»[761]. Ведь смерть последнего немца стала бы смертью и для последнего пацифиста, — иронизировал Гитлер.

Картхилл возлагал часть вины за потерю Индии и на сентиментальных человеколюбцев, английских прихвостней француза Руссо, в своей чувствительности «до крайности взволнованных (столь

благородно и... столь неразумно) реальными и мнимыми страданиями Индии», «субъектов... хорошо знакомых психиатру и службе по охране нравственности»[762]. Ведь случай Британской Индии, по его мнению, — «первый и единственный пример» ситуации, когда от «драгоценного имущества» «отказываются по моральным соображениям»[763]. И как «слюнявый гуманизм» (в период немецкого экономического чуда на смену этой формуле пришла другая — «выжимание слез») досаждал немецким расистам и империалистам при Гитлере (и его предшественниках), так и «сентиментальный идеализм» был бельмом на глазу для образцовых представителей британского империализма, порожденных английскими паблик-скул, учившими, что «джентльмен» никогда и нигде не должен поддаваться эмоциям — ни умиления, ни сострадания.

Но если эмоции были неприемлемы (сентиментальные гуманисты «с особым удовольствием фиксируют внимание на... [возбуждающих сочувствие] подробностях мятежа рабов в Индии»[764]), то и на рассудок вскоре перестали рассчитывать — так как оказалось, что *с его помощью* невозможно противостоять ни социальной критике, ни критике империализма. Теперь для существующего положения оставалась лишь одна защита — «инстинкт». «Предрассудки, основанные не на разуме, а на инстинкте... имеют глубокие корни и... вероятно, являются здоровыми», — заявлял Картхилл. Ведь «расовая память» инстинктивна, «расовая память... указывает путь к надежности». Картхилл, как до него Хьюстон Стюарт Чемберлен, а после — Гитлер, считал, что инстинктивное не может быть опровергнуто разумом[765]. Уже сама его враждебность к просвещению и гуманизму как бы являлась рекомендацией «думать кровью» ради сохранения Индии для Англии. Ведь «инстинкт... был приобретен в результате выживания самых способных представителей расы... он незаменим для обеспечения безопасности... расового единства»[766].

«Реакция здорового сообщества» нашла свое выражение в следующем заявлении расиста Роберта Нокса, которое он сделал после «мятежа» индийцев: «Если мы собираемся сохранить за собой наши тропические территории, то единственный выход — оставаться воинственными хозяевами, повелевающими рабами-туземцами; и при этом мы всегда должны жить в страхе ужасной мести с их стороны... И тогда все... человеколюбие и... братство... которое сбивает нас с истинного пути и оставляет безоружными, будет сразу же отвергнуто».

Даже в 1938 г. «мы брали с собой в церковь по воскресеньям ружья и патроны — на случай, если индийские части вдруг восстанут, как это сделали стрелки шестидесятого [полка]... 10 мая

1857 г.», — говорится в воспоминаниях одного англичанина, писавшего о последних временах британского колониального господства, временах его упадка[767]. Эти воспоминания свидетельствуют о том, что колониальные англичане до конца сохранили страх, свойственный английской буржуазии викторианского времени, страх перед взрывом недовольства масс, которые разрушат установленный порядок и конфискуют их собственность. Таким образом, для англичан массы являлись естественными врагами и нужно было быть готовыми в любой момент подавить их. Всеобщее избирательное право, в конечном счете, даже у либералов вроде Маколея вызывало «содрогание и отвращение», поскольку оно считалось «несовместимым с собственностью — а... потому и с самой цивилизацией». «Первое, на что демократия употребит приобретенную политическую власть, — ограбит каждого... на ком есть приличный сюртук»[768].

Как представитель колониальных англичан в Индии Картхилл выражал ужас перед «неким подобием недочеловеков», ужас перед «социальными париями», объяснявшийся тем, что «рядом живет низшая и покоренная, но выжившая, не истребленная раса» — или же раса, являющаяся негативным «последствием... естественного отбора»[769]. «Для тех, кто не может соответствовать все более высоким требованиям, остается лишь судьба парии. Таким образом, народ бездны... становится все многочисленней по сравнению с населением Запада. Сам по себе народ бездны абсолютно неспособен сокрушить социальный порядок... Пария находит себе вождей среди людей здорового племени»[770]. «В каждом человеке еще живет обезьяна. Она сожалеет о потере хвоста и тоскует по своему дому в кронах деревьев. А история цивилизации — это история постепенного подавления обезьяны, и поскольку обезьяна еще живет в самых лучших и благородных из нас, цивилизация так и не смогла одержать полной победы»[771].

«И пока человек-обезьяна без стеснения удовлетворяет свои влечения, правительство свергают»[772]. Таким образом, Картхилл рассматривал попытки поднять восстание в Британской Бенгалии в 1905 г. хоть и не как бунт «зверолюдей» (тех, что страшили англичанина Чарлза Кингсли в образе даяков, Хьюстона С. Чемберлена — в образе метисов, тех, которых собирался покорить Генрих Гиммлер на территории Советской России), но все-таки уже как «восстание неарийских элементов»... Даже гандизм, отрицавший насилие, ассоциировался у него с большевизмом. Причину кризиса 1918—1924 гг. Картхилл видел и в «сильном влиянии евреев», «как в Англии, так и в Индии»[773]: «За теорию еврейского заговора больше аргументов, чем против нее». (В то время подобные представления

уже не были редкостью. Так, «Введение в историю Англии» Флетчера, выдержавшее много изданий, предупреждало: «Индия, полностью оставленная на милость евреев, чиновников-индусов, пищущих по-английски, и мадрасских адвокатов, безусловно является самым пустым из всех пустых мечтаний демократии»)[774]. Бард английских империалистов Редьярд Киплинг, вдохновленный ветхозаветными представлениями[775], и, кстати, бывший частым гостем визионера империализма Сесила Родса, также чувствовал, что призван оказать сопротивление «еврейскому влиянию» внутри и вне Индии. (Будучи англичанином, Киплинг исходил из аксиомы, что британцы являются избранной Богом расой, и, следовательно, просто не могут ошибаться)[776].

Перед лицом всех этих опасных сил, «невежества избирателей... тлетворного влияния английских либералов, сентиментальных гуманистов, интеллектуалов, лишенных инстинкта, перед лицом мобилизации парий, людей-обезьян, неарийской части населения Индии», Картхилл как преданный сторонник империи настоятельно рекомендовал «*холодно, спокойно и безжалостно*» производить «*подавление*»[777].

Картхил еще не называл пугающий «народ бездны» «недочеловеками», но уже предлагал массовое административное убийство в качестве вполне политического выхода из сложившейся ситуации. Оправданием этого метода *прежде всего* служило приписываемое «восточным людям» представление о «политическом избиении как об одной из обязанностей правительства». Уже через семнадцать лет аналогичный «аргумент» был применен в «Индии» Гитлера, на «восточном пространстве»: «*Русский* испокон веку привык к беспощадному отношению со стороны властей»[778]. («Восточный человек», туземец, то есть подданный, якобы «смотрит [на административную резню] как на дело в высшей степени похвальное и вовсе не заслуживающее порицания». Правители же, не запятнавшие себя кровью, в представлении восточных людей являются трусами, — полагала раса господ[779].) «Отказываться от власти он [правитель] не желает, и ясно, что в таком случае избиение является единственно возможным решением»[780], *прежде всего* для сохранения власти над людьми Востока. Но и в отношении самой Англии «Картхиллова» апология и «зерцало государей» британского империализма предписывали использовать *массовое убийство* («избиение») ***в качестве административного акта*** контрреволюции: «Если есть партия, которая может стать сильной и потому опасной, то часто бывает актом благоразумия уничтожить ее вовремя» — если правительство само приходит к выводу, что «избиение» необходимо[781]. А «если

когда-нибудь революционная партия в Англии достигнет значительной силы и почувствует себя в состоянии послать вызов правительству... тогда, я думаю, вопрос решится именно избиениями»[782]. Картхилл, этот апологет империализма, был уверен, что «*когда представится случай,* британцы проявляют поразительную энергию и последовательность в *этой* сфере административного воздействия». Словно бы массовое убийство было не более чем «продолжением политики иными средствами»...

Картхилл явно сожалел о том, что в ответ на всю губительную и подрывную работу британских моралистов, «сентименталистов», на угрозу английскому господству в Индии со стороны «народа бездны» и индийских интеллектуалов британцы не смогли продолжить свою политику «иными средствами» — средствами «административной резни».

Антипатия заступников «народа бездны» к тем, кто причиняет страдание, ассоциировалась у этого выпускника паблик-скул с «бабскими», изнеженными чувствами: возбуждение и страх «сентименталистов» при запахе крови носили, по его мнению, истерический характер и являлись слабостью[783]. Картхилл — как и Альфред Розенберг и Хьюстон Стюарт Чемберлен — с негодованием отвергал «сентиментальное» христианство, он не принимал «мягкого сирийского Адоная... бога, милующего прелюбодейку» и плачущего над Иисусом. (Гитлер же пошел в этом вопросе еще дальше и увидел в христианстве иудейский «протобольшевизм», разлагающий государство[784].) И поэтому вполне логично, что Картхилл (которого в качестве наставника особо рекомендовали гитлеровские геополитики) считал освящение через страдание, через терзания в Гефсиманском саду, через кровь на Голгофе — то есть основной опыт христианства — *нецелесообразными*. Ведь этот опыт — в случаях, «когда убивают англичанина или негр насилует англичанку» — не учит реагировать так, как подобает в империи. Те же, кто мучил цветных, называя их «проклятыми ниггерами», остались в глазах «хранителя империи» Картхилла «безупречными и отважными офицерами или храбрыми солдатами». Книгу же Картхилла можно охарактеризовать как «необычайно откровенное выражение позиции британских колониальных чиновников в Индии», — писал автор книги «Империя и английский характер»[785]. По сути, книга Картхилла является апологетикой британского расистского империализма и ее справедливо относят к источникам британского фашизма[785а].

Далеко не чуждый английскому народному характеру, фашизм — скорее новое выражение одного очень старого... течения в истории английской мысли.

Джеймс Дреннан* [786]

ГЛАВА 11
АНГЛИЙСКИЙ ФАШИЗМ В АНГЛИИ

Не изобрести фашизм, а найти для него в Англии его наивысшее выражение... — вот наша задача.

Сэр Освальд Мосли

Имперская преемственность

В конечном счете важным следствием английского опыта владычества в Британской Индии и других колониях стало распространение британского фашизма в самой Англии. Во всяком случае, ностальгия по имперскому прошлому все большего числа отставных «белых сахибов» из администрации колоний — то есть тех, кто, по словам Адольфа Гитлера, «совершил неслыханное в деле колонизации» — вела именно к фашизму в Англии. Фашистских убеждений придерживались многие военные, поседевшие на службе[787]. Из таких кругов происходил и первый британский вдохновитель Гитлера — Хьюстон Стюарт Чемберлен, бывший, кстати, потомком норманнских завоевателей. Отец Чемберлена был адмиралом, два дяди — генералами, один из которых, сэр Невилл Чемберлен (1820—1902), фельдмаршал королевы Виктории, ветеран армии Британской Индии, сражавшийся с афганцами, сикхами и борцами за независимость Индии в 1857 г., служил для Хьюстона примером, достойным восхищения[788]. Соответственно и «почтенные пред-

* Дреннан Джеймс: псевд., настоящее имя — Аллен Уильям Эдвард Дэвид (1901—1973) — англ. историк и публицист.

ставители» британского фашизма являлись выходцами из тех же кругов — к ним относились прежде всего колониальные военные в отставке и бывшие члены администрации колоний[789]. Среди них можно назвать не только сэра Хоуорта из Индийской гражданской службы, но и вице-адмирала Реджинальда Сен-Пьера Парри (1879—1939) из Лиги защиты Индии (т. е. британских интересов в Индии — Indian Defence League)[790]. *До 1914 г.* империалистические представления, которые проповедовали британские фашисты, считались вполне обычными и традиционными, «экстремистскими» они стали только после первой мировой войны.

А. К. Честертон, один из пионеров британского фашизма, основавший Лигу верноподданных империи (League of Empire Loyalists), был не единственным, кто считал, что «основы фашизма... лежат в [самой] британской национальной традиции»; его Лига начинала как консервативная группа давления (pressure group)[790a]. «Британский фашизм... в сущности был консервативным движением, одержимым... идеей, что обществу грозит бедственное положение»; фашисты были исполнены решимости «защитить Британскую империю»[791]. Преемственность, которая существовала между английскими консерваторами и английскими фашистами, можно наглядно проследить на примере биографии А. К. Честертона. Он начинал как консервативный журналист, консультант могущественного магната прессы лорда Уильяма Максуэлла Бивербрука (1879—1964)* — владельца газетного концерна, в который входила и «Daily Express». Вскоре Честертон стал пропагандистом и одним из ведущих членов Британского союза фашистов (British Union of Fascists)[792]. При этом Честертон — вместе со своей «Лигой верноподданных империи», растворившейся в расистском «Обществе за сохранение расы» (Race Preservation Society) — воспринимался как викторианский реликт имперского прошлого, как борец с распадом империи. Дело Честертона так органично вписывалось в британские традиции, что и он и его «Общество за сохранение расы» были неразрывно связаны с истеблишментом — консервативной партией[793]. Именно британские консерваторы целиком и полностью разделяли беспокойство Честертона и Альфреда Розенберга в связи с «еврейским» союзом американской и советской держав против Британской империи[794].

Честертоновская Лига верноподданных империи срывала собрания «Движения за свободу колоний» и «Общества против рабства» (которое было бельмом на глазу еще для «духовного» глашатая расы

---

* Эйткен Уильям Максуэлл, первый барон Бивербрук — англ. гос. деятель (консерватор, неоднократно занимал министерские посты) и владелец газетного концерна «London express newspapers limited».

господ Томаса Карлейля). Союзниками в этих бесчинствах «верноподданных империи» были британские фашисты[795]. Именно они наиболее последовательно выступали за борьбу со всеми разрушителями Британской империи (то есть отстаивали интересы колониальных англичан). Английские фашисты провозглашали, что они борются за сохранение Британской империи, выступая «против всех революционных движений»[796]. Узы, соединявшие колониальных англичан из расовой империи Великобритании с британским фашизмом, можно проследить на примере биографии ряда виднейших деятелей того времени. Так, один из самых «твердолобых» консерваторов, бригадный генерал Роберт Байрон Дрюри Блэкни (1872—1952), который в 1919—1923 гг. был генеральным директором государственной железной дороги в оккупированном англичанами Египте, стал вторым председателем Большого совета Союза британских фашистов. Имея опыт наведения порядка среди египетских «туземцев», Блэкни принял на себя ответственность и за дисциплину среди английских фашистов[797]. Граф Эрролл, лорд-великий коннетабль Шотландии, стал делегатом колониальных англичан Кении в Союзе британских фашистов, организованном в 1931 г. Две мелкие фашистские группировки, отколовшиеся в середине 1920-х гг. от Союза британских фашистов, назвали себя соответственно «фашистами Британской империи» (British Empire Fascists) и «фашистами объединенной империи» (United Empire Fascists)[798]. Программа последнего политического объединения включала в себя такие пункты, как уничтожение парламентской демократии и наказание за сожительство белых женщин с представителями цветной расы. Стоит также упомянуть британского нациста Уильяма Джойса*, — «англичанина Гитлера», известного как «лорд Хо-Хо» и работавшего диктором на великогерманском радио. Он особо желал сохранить британское господство над Индией и метал громы и молнии против «горстки бабу и факиров, нанятых, чтобы... изгнать британцев из Индии»[799].

Всех этих политических деятелей объединяло стремление «спасти английскую мировую империю от хаоса отсталых народов всего мира» — так гласил завет, который британские фашисты и их лидеры («leader») передали немецкой публике в начальный период существования Третьего рейха[800]. Самый известный лидер британских фашистов сэр Освальд Мосли требовал «беспощадного подавления волнений в Индии»[801], и в 1928 г. колониальные англичане встречали его в Индии с почестями. В своей «Более великой Брита-

* Уильям Джойс (1906—1945) — натурализованный американец, в 1938 г. получил британский паспорт, потом поступил на геббельсовское радио; в 1945 г. повешен как изменник родины.

нии» он сетовал на «сентиментальные излияния тех, кто способен передать землю в самоуправление отсталым народам... Осваивать землю должны расы, пригодные для этого. Ведущая среди этих рас — мы»[802]. В 1930 г., когда индийцы организовали движение гражданского неповиновения, идеи сэра Освальда Мосли пользовались большой популярностью и в Калькутте в среде его собратьев по расе: тогда многие из колониальных молодых англичан вступили в объединение, проповедовавшее откровенно фашистские идеи[803]. Именно во имя «воссоздания славного идеализма нашей империи» Союз британских фашистов в 1936 г. потребовал высылки евреев из Британии[803а].

Идея «административной резни» была впервые выдвинута представителем британской колониальной администрации Картхиллом именно ради обеспечения британского господства над Индией и была призвана «решить индийский вопрос» (отмечала Ханна Арендт)[804]. «Настоящий империализм — это фашизм», — настаивал «англичанин Гитлера» Уильям Джойс[805], который считал империализм консерваторов недостаточно «империалистическим» для того, чтобы сохранить империю для британской «расы господ».

В Англии времен Эдуарда VII (1901—1910) вину за относительный упадок британской экономической мощи и за утрату Англией (начиная с 1878 г.) влияния в мире возлагали именно на либеральную уступчивость. Крайне «правые», так называемые «die-hards» («твердолобые»), видели причину упадка британской державы в «моралистских и гуманистических предпосылках либерализма», в морализме Гладстона и антиимпериализме Ричарда Кобдена (1804—1865). Консервативные «die-hards» требовали, чтобы внешняя и внутренняя политика была основана на социал-дарвинизме, на таких представлениях о мире, согласно которым «определяющим фактором выживания самого жизнестойкого должна быть военная и экономическая мощь», а не гуманные намерения[806].

Эти представления «твердолобых» довоенных времен были переняты британским фашизмом в силу как исторической, так и личной преемственности; свою роль здесь сыграла и империалистическая пресса. В совокупности этих идей нашлось место и представлению об «ударе в спину кинжалом», благодаря которому темные силы зла якобы не допустили военного триумфа Британской империи. Существовали подозрения, что в 1917 г. проявила себя «некая роковая, почти оккультная сила». Действовать в интересах Москвы она не могла: ведь там властвовали еще не большевики, а союзники Англии. Таким образом, роковая («еврейская») сила могла действовать лишь в интересах Берлина как «невидимая рука», о

существовании которой «догадывались» те, кто испытывал фрустрацию из-за неспособности Великобритании быстро победить в войне, — самозванные стражи Англии. В 1917 г. в книге, изданной «The Financial News of London», было написано: «неспроста все еврейское мировое сообщество испытывает... нездоровую привязанность к делу немцев... Евреи прикипели к... религии немецкого бога... Древний инстинкт, запрещающий... браки между представителями разных народов, основан на уроках реальной жизни. Ни одна нация не должна допустить влияния чужеродных элементов в свое кровное братство... Легкий доступ... примесей чужой крови... в британскую нацию... является преступлением, за которое теперь расплачивается нация»[806а]. Среди кандидатов на довыборах 1918 г., проповедовавших подобные убеждения, можно назвать адмиральского сына и волонтера англо-бурской войны Генри Хэмилтона Бимиша[807]. В 1922 г. он предостерегал своих соотечественников, что еврейское (а также кельтское) влияния приведут к потере Индии (и Египта)[808].

Наличием «невидимой руки еврейства» Бимиш объяснял и сопротивление ирландцев. Уже в 1919 г. он основал антисемитское объединение «Британцы». «Британцы» полагали, что миром правят евреи, тогда как по законам природы владычицей мира должна быть нордическая раса. Ведь всех самых известных «британцев» объединял опыт жизни в имперских колониях, «отчетливое понимание расового превосходства — не только как мифа, но и как политической реальности». Все они (в том числе подполковник А. Х. Лейн, служивший с империалистом лордом Китченером в Египте, капитан-лейтенант Х. М. Фрэзер из Индии, а также капитан А. Э. Н. Хоувард, действовавший в Китае) стремились к имперскому блеску и требовали, чтобы белую расу признали высшей. Уже в 1920 г. «британцы» уверяли, что «анализ крови» показывает различие между евреями и англичанами. А Бимиш даже утверждал, что это *он* «воспитал Гитлера»... Бимиш, рекомендовавший англичанам голосовать за консерваторов[809], до такой степени увлекся защитой империи британской расы, что поехал на Нюрнбергский съезд НСДАП в 1923 г. и произнес там речь в качестве почетного гостя (которую на немецкий переводил Дитрих Эккарт). Его речь была воспринята с воодушевлением[810]. Еще раз как почетного гостя в гитлеровской Германии Бимиша приветствовали в декабре 1936 г., когда он посетил немецкие «трудовые лагеря». Даже в 1937 г. он считал, что «еврейская опасность» в Германии «не устранена»[810а]. Вскоре после этого Бимиш вернулся в Южную Родезию, где в августе 1938 г. он стал депутатом... На этом посту он выступал в защиту насильственной трудовой повинности для «черномазых» и настаивал на сохра-

нении «британского образа жизни» в Родезии, одном из последних оплотов английского расизма и фашизма[810b].

И во что тем временем превратится тот, кого мы и англичане называем «белым человеком»?
Ханс Гримм

Паладины борьбы с мировым заговором против империи

Вместе с традицией патриотического воспевания Британской империи английские фашисты унаследовали ее антидемократизм, ее антисемитизм и антисоциализм. Они модернизировали традиционный британский консерватизм, привнеся в него непримиримую враждебность к либерализму и социализму, а также, разумеется, свое стремление бороться с предполагаемым «всемирным еврейским заговором», единственную цель которого они видели в подрыве Британской империи[811]. Влиятельные британские тори-консерваторы верили (еще до немецких и британских фашистов), что «за скоординированной атакой на Британскую империю в Ирландии, Индии и Египте в качестве направляющей силы стоит международное еврейство». Ведь уже в январе 1919 г. министр обороны лорд Альфред Милнер предупреждал кабинет министров о том, что «революцией в России руководят хитрые евреи, многие из которых — преступники»[812]. Консервативная «Morning Post», регулярно провозглашавшая свои антисемитские убеждения, в 1920 г. писала: «...в течение веков существует тайный заговор, преимущественно еврейский; евреи стремились и стремятся к революции, коммунизму и анархии, с помощью которых они надеются добиться мирового господства, установив свое деспотическое правление»[812a]. Подобные представления были широко распространены в британском парламенте и британской художественной литературе того времени. К антисемитам принадлежал и директор Скотланд ярда Бэзил Томсон. Самые широкие круги консервативного истеблишмента начала 1920-х годов разделяли позиции английских фашистов, так, даже очень респектабельная лондонская газета «Times» цитировала фальшивые «Протоколы сионских мудрецов»[813]. (Идентификация «разрушителей империи» с «убийцами Сына божьего» как бы вновь косвенно легитимировала богоугодность империи...) Эта фальшивка, «доказательство» «всемирного заговора» евреев, была издана типографским ведомством его британского величества. (Среди британских офицеров на Ближнем Востоке она была более известна,

чем декларация Бальфура о «Палестине как национальном очаге для еврейского народа»[813a].) И опять-таки, британский фашизм просто перенял и развил идею консерваторов о мировом заговоре «сионских мудрецов».

Но историю о всемирном еврейском заговоре против Британской империи, опиравшуюся на упомянутую фальшивку, использовали отнюдь не одни фашистские преемники «твердолобых» консерваторов. Мистер Черчилль, будущий сэр Уинстон, в 1920 г. — в унисон с Адольфом Гитлером — также полагал, что международное еврейство, «главный источник всякого подрывного движения... стало... бесспорным хозяином России»[814].

Пропагандой этих идей вовсю занимались империалистические газеты. Так герцог Нортумберлендский (во времена Эдуарда VII принадлежавший к «твердолобым», а вскоре примкнувший к британским фашистам) приобрел правоконсервативную и крайне империалистическую газету «Morning Post» и учредил еженедельник «Patriot», выходивший с 1922 по 1950 гг.[815]

Стоит также упомянуть о «вкладе» фюрера Имперской фашистской лиги (основанной в 1928 г.[816]) Арнольда Спенсера Лиза, взгляды которого сформировались во время службы на дикой северо-западной границе Индии[817], а также в Кении, где он, исполняя обязанности колониального ветеринара, занимался, в частности, контролем чистопородности верблюдов[818]. Арнольд Спенсер Лиз, победивший на выборах в 1924 г. кандидата от лейбористской партии[819], видел «заговор евреев», направленный на подрыв Британской империи, в «продолжительном отравлении... англосаксонской крови... желтой негроидной ордой» вследствие иммиграции... Демократия же, по мнению Лиза, расчищала путь для установления еврейского владычества...[820] В 1931 г., 1936 г. и даже в 1948 г. Лиз требовал установления в Англии фашистской диктатуры — ради защиты «арийцев», с тем, «чтобы они потом... имели силы, если потребуется, отстоять чистоту своей расы против остального мира»[821]. Для английской Имперской фашистской лиги первым и священнейшим принципом была «империя, скрепленная британской кровью», вторым (и производным и отсюда) — антисемитизм[821a]. Лиз уже в 1935 г. выступал за «решение еврейской проблемы с помощью “камер смерти”». Таким образом, пожалуй, именно его можно назвать английским аналогом Гитлера[822]. В качестве альтернативы камерам смерти Лиз (в том же 1935 г.) рекомендовал «мадагаскарское решение», предполагавшее выдворить всех евреев из страны[823] (что уже практиковалось в 1290—1655 гг. и получило у видного британского историка Тревельяна «позитивную оценку»[824]). Один сторонник

Мосли, перешедший в Имперскую фашистскую лигу, желал, чтобы их «перетравили всех — газовыми камерами»[825]. В 1934 г. это предлагалось совершить «ради дела расистского фашизма, который нужен империи». «Мы — империалисты до своего арийского мозга костей», — писал в 1936 г. журнал «The Fascist». А согласно тому же фюреру британских имперских фашистов, английский фашизм в основном можно определить как «консерватизм с наростами»[826].

Преемственность между британской поствикторианской системой политических ценностей и британским фашизмом послевоенного периода олицетворяли и такие личности, как Неста Уэбстер, бывшая одним из лидеров английских фашистов. Она также происходила из имперской, военной элиты, по представлениям которой только дисциплина делала «всего лишь людей» настоящими мужчинами. Мнение, что только военный или аналогичный ему опыт мог превратить жалкого «размазню» в «мужчину», было общим для британских мыслителей эпохи империализма — от Джона Рёскина (с его антидемократизмом и враждебностью к личной свободе) до Киплинга (кумира гитлеровца Ханса Гримма)[827]. Киплинг испытывал отвращение к «изнеживанию», которым грозило мирное время, и полагал, что альтруистическая мораль является чем-то «болезненным». (Один из его «положительных» героев откровенно хвалился истязанием бирманского военнопленного.) Киплинг утверждал, что он с удовольствием бы «запустил в Южную Европу [sic] побольше сикхов [в качестве наемников], пообещав им добычу». Поддерживая дружеские отношения с империалистом и антидемократом Альфредом Милнером, будучи другом и даже «рупором» Сесила Родса, Киплинг разоблачал «неарийцев» (sic), верил во всемирный заговор евреев и негодовал по поводу еврейского влияния, предостерегая Англию от возможности «второго индийского восстания»... Хотя Редьярда Киплинга «нельзя назвать собственно фашистом», поскольку он лишь «по-мелкобуржуазному ворчал по поводу униженного благородства» (формулировка Дж. Стюарта), его идеи, безусловно, были близки к фашистским. Именно те идеи, которые придают произведениям Киплинга особую силу и привлекательность, именно эти идеи довольно «трудно отделить от того, что способствовало становлению... господства фашистской идеологии, особенно в Германии»[827а]. Британские фашисты продолжали прославлять Редьярда Киплинга, восхищаясь свойственными ему неприятием всякой сентиментальности и воспеванием культа силы (если не сказать жестокости).

Все, что имело отношение к нему — как лучшее, так и худшее — было в основном английским.

Фрэнсис Селвин. «Англичанин Гитлера»

Англичане Гитлера

Все вышесказанное еще в большей степени относится к Томасу Карлейлю. Так, для «лорда Хо-Хо» — Уильяма Джойса, именно Томас Карлейль «был *великим пионером национал-социализма*». Подтверждение этому можно найти в изданной в Британии (1987) биографии Уильяма Джойса: «В целом для обоснования идей национал-социализма — и оправдания кредо резиновой дубинки — он [Уильям Джойс] был склонен опираться на Томаса Карлейля»[828]. Карлейль — еще задолго до немецких антидемократов — третировал английский парламент, считая его просто «сараем для болтовни»[829]. А летом 1939 г. в его честь было названо «интеллектуальное» ответвление Британской национал-социалистской лиги («Клуб Карлейля»)[829a].

В целом британские фашисты всегда ссылались на английские традиции — от Эдмунда Бёрка (с его неприятием равноправия) до Бенджамина Дизраэли (с его воинственным империализмом, идеей расовой чистоты и привлечением рабочих на сторону национального дела)[830]. Британские фашисты ссылались даже на короля Эдуарда VIII (1936), который в 1920 г. (еще в качестве принца Уэльского) совершал поездку по империи в сопровождении В. Э. Марсдена — репортера «Morning Post» и переводчика фальшивых «Протоколов сионских мудрецов»[831]. «В годы, предшествовавшие коронации Эдуарда, был широко распространен слух, гласивший, что будущий король является большим поклонником нацистской Германии...* Брюс Локхарт утверждал, что 13 июля 1933 г. в разговоре с прусским принцем Луи Фердинандом Эдуард заявил: «Мы не должны вмешиваться во внутренние дела Германии ни в отношении еврейского вопроса, ни в отношении чего бы то ни было другого». Будущий король также заметил: «Диктаторы стали довольно популярны в наши дни, и, возможно, пройдет не так много времени, и нам в Англии потребуется свой». В целом Локхарт описывает Эдуарда как сторонника Гитлера»[832]. Ходили также слухи, что в 1936 г.

* По-видимому, Эдуард писал Гитлеру и после объявления войны; Эдуарда подозревали в том, что он сообщил немецкому агенту данные о французских укреплениях, и тем самым способствовал поражению союзницы Британии — Франции в 1940 г. (*прим. автора*).

фашистский фюрер Мосли как будущий премьер-министр при Эдуарде VIII уже составил список своего кабинета[833]. Вообще британские фашисты самым категоричным образом подчеркивали (особенно до 1937 г.), что они стоят за «империю и короля»[834]. «Фашизм — нечто совершенно естественное для Великобритании: все великие движения в английской истории с ним вполне согласуются»[835]. Преувеличением в этом (фашистском) тезисе является обобщающее слово «*все*». Ведь «далеко не чуждый английскому народному характеру, фашизм является скорее новым выражением *одного* очень старого... течения в истории английской мысли», — писал английский фашист Дреннан[836].

Современные исследователи этого вопроса в самой Англии уверенно подтверждают, что распространение английского фашизма остановила отнюдь не британская политическая культура и уж тем более не «нравственные принципы... органически присущие британской нации». Например, авторы книги «Традиции нетерпимости» опровергают представление о том, что неудача британского фашизма явилась следствием английского либерализма. «Политическая респектабельность вовсе не исключала приверженности фашистским взглядам, что может служить показателем степени поддержки фашизма в британской политике»[837]. Английские исследователи вовсе не оспаривают, что Мосли принадлежал к основному течению британской политической жизни XX века[838] и что британская «национальная культура оказала существенное содействие развитию фашистских идей в Европе. Особую ответственность за рационализацию некоторых аспектов национал-социалистского расизма и империализма несут определенные традиции британского естественнонаучного и социологического мышления». Однако эта и многие подобные формулировки скорее преуменьшают, затушевывают влияние Англии на немецкий фашизм. Другая формулировка Ричарда Терлоу звучит гораздо более точно: «Британское влияние на континентальный фашизм внесло... некоторые идеологические элементы... в фашистский синтез, особенно в Германии»[839]. Таким образом, установлено — причем именно английскими исследователями — что «британским... идеям, особенно имеющим отношение к... научным представлениям о расе и влиянию социального дарвинизма на общество, предстояло сыграть важную роль в формировании фашистских идей в целом — и национал-социалистских в частности». Так, например, Пол Хейз в своей статье «Вклад британских интеллектуалов в фашизм» подтверждает эти выводы: «Британские интеллектуалы... внесли существенный вклад... в фашистские мечты о расовом мировом господстве». Труды бри-

танских социал-дарвинистов подарили оправдание для новой агрессивной государственной системы национал-социалистов[840].

Как раз английский фашизм унаследовал представление времен классического английского империализма, что «британское общество могло бы обновиться... при помощи расистского решения — евгенического отбора» или (виталистской) воли к власти[841]. И британские фашисты, «обосновывая» право Англии господствовать над туземцами империи, привлекали для этого давно известные притязания англичан на *врожденную способность властвовать*[842].

Стоит заметить, что среди предков основателя Британского союза фашистов сэра Освальда Мосли был «живой прототип и создатель "Джона Буля", символа Англии...» Сэр Освальд Мосли чувствовал, что его речи затрагивали «некие тайные струны в вечном бытии Англии»[843]. На собраниях партии Мосли до начала мирового экономического кризиса бывало не меньше народа, чем в тот же период на собраниях Гитлера. А 8 января 1934 г. крупный заголовок статьи в ежедневной газете «Daily Mail», одной из газет лорда Гарольда С. Ротермира*, популярной среди мелкой консервативной буржуазии и отличавшейся крайне империалистическими взглядами, гласил: «Ура чернорубашечникам [Мосли]!». В Англии для многих, не только для Ротермира, фашисты были более желанной альтернативой, чем, например, теоретики лейбористской партии вроде сэра Стаффорда Криппса** [844]. В 1934 г. газета «Daily Mail» вовсю агитировала за сэра Освальда Мосли и фашизм, утверждая, что Мосли стремится «осовременить» Британию. Правление в Италии и Германии несомненно (утверждали репортеры газеты) является лучшим в Европе. Мосли может добиться того же в Британии, устранив «инертность и нерешительность» британского правительства. «На следующих, решающих выборах сохранение Великобритании как великой державы будет зависеть от существования хорошо организованной партии правых, готовой взять на себя ответственность за дело нации с такой же целеустремленностью и энергией, как Муссолини и Гитлер»[845].

Не кто иной, как сын Уинстона Черчилля, Рэндольф Черчилль, считал, что Мосли является намного более привлекательным человеком, чем фашистские лидеры других стран. Рэндольф Черчилль отмечал сходство сэра Мосли с доктором Геббельсом: «голос у обоих звучит по-настоящему убедительно, и волнение оратора передается слушателям»[846]. Так, только в январе 1934 г. «Daily Mail» напе-

* Хармсуорт Гарольд Сидни, первый виконт Ротермир (1868—1940) — владелец газетного концерна «Associated newspapers limited».

** Стаффорд Криппс (1889—1952) — англ. полит. и гос. деятель, левый лейборист.

чатала не менее 26 читательских писем, содержавших дифирамбы фашизму. До тех пор британский фашизм привлекал известных «мужей»; дух, привитый им в паблик-скул, гарантировал, что они соберут хвалебные отзывы в правой печати. Мосли же, высказывавшийся против власти крупного капитала, получал поддержку со стороны некоторых фирм лондонского Сити и промышленников, полагавших, что сэр Мосли может стать стабилизирующей силой в обществе.

Уже со времен возникновения фашистского движения в Англии (1923) британские фашисты имели прочные связи с объединениями среднего класса в защиту собственности от «социалистической угрозы» — в частности, с «Британским имперским союзом» (British Empire Union) и «Союзом среднего класса» (Middle Class Union). Фашисты привлекали на свою сторону и деловых людей, и учителей[847]. Ведь именно в Англии общество не в последнюю очередь рассчитывало на то, что фашизм оградит собственников от угрозы со стороны неимущих, заставит «отдельного человека [из низших классов] признать верховенство государства», заставит признать «общность собратьев по расе», а также окончательно закрепит систему подчинения и найдет новые средства для укрепления старого — чтобы удержать бедняков на своем месте («to keep the poor in their place»)[848].

В 1924 г., в период правления лейбористов, английская буржуазия и консервативный истеблишмент британских тори рассматривали это правление как прелюдию к красному террору — «катастрофе, при которой в безопасности не будут ни собственность, ни добродетель женщин». Приблизительно в это время (1923) в Британии появилась первая фашистская организация «British Fascisti», основанная внучкой фельдмаршала мисс Линторн-Орман. Эта дама так сформулировала концепцию британских «fascisti»: «бороться с красной революцией, защищать короля и страну [отечество]... противостоять коммунизму, социальному анархизму, атеизму и профсоюзам» — а также, естественно, свободной любви[849]. Фашисты представляли собой боевые дружины, готовые сражаться за короля и державу в случае гражданской войны. Таким образом, они являлись дополнением к партии консерваторов. По сути, большинство противников парламентаризма и демократии не покидали Консервативную партию; ее членами являлась большая часть этих правых радикалов. Мисс Линторн-Ормен призывала своих избирателей голосовать за консерваторов, но при этом она предупреждала тори, что если они не будут твердо стоять на своих принципах, то на смену им придут именно фашисты[850]. На практике, однако, тори

получали помощь как раз со стороны фашистов — за что открыто благодарили последних на своих собраниях. (Еврей-консерватор сэр Филип Сэссун* выступил как-то с благодарностью и на одном фашистском собрании.) Подобные «малые пограничные контакты» между тори-консерваторами и фашистами демонстрирует и заявление в «British Fascist Bulletin», всерьез предлагавшее бороться с безработицей путем снижения налогов: ведь тогда знатные люди (sic: «gentlefolk») смогут нанимать больше прислуги...[851]

Иллюстрацией связи между тори-консерваторами и британскими фашистами не в последнюю очередь служит и тот факт, что Уильям Джойс (будущий «лорд Хо-Хо» с радио Гитлера) поначалу покинул своих фашистов и некоторое время был активным тори[852]. В 1934 г. депутат-консерватор (от округа Эйр) Томас Мур хвалил английских фашистов-чернорубашечников, утверждая, что в видах на будущее у «чернорубашечников и их воспитателей — консерваторов», возможно, нет принципиального различия[853]. Ведь «чернорубашечники имеют то, в чем нуждаются консерваторы: волю к действию». Томас Мур одобрял и применение силы со стороны фашистов, если она была направлена на поддержание порядка. «Мы будем рассчитывать на старый добрый английский кулак», — заявлял фюрер чернорубашечников сэр Освальд Мосли[854], — во имя безопасности приличного общества... «Следуя нашей морали..., естественной морали британских мужчин, ... нам придется вести жизнь атлетов», — торжественно заверял он в своей «Более Великой Британии»[855].

Свояченица сэра Освальда, Нэнси Митфорд, уже в 1936 г. сочинила настоящий гимн, воспевавший мораль и долг этих «атлетов»[855а]: «Боритесь с помощью гранат и пуль, боритесь с помощью касторового масла**... боритесь с ненавистным пацифистом, бейте его в творожную грудь. Пусть они почувствуют кулак чернорубашечников; пусть они воют о пощаде. Вперед, чернорубашечники Союза, бейте иностранцев. Боритесь и умирайте за Англию и Юнион Джек»***. Исполняться же этот «гимн» должен был на мелодию песни «Forward, Christian Soldiers» («Вперед, христианские солдаты» (англ.)) — а вовсе не на мотив песни немецких национал-социалистов «Es zittern die morschen Knochen...» (Трясутся дряхлые кости... (нем.)).

---

* Филип Альберт Густав Дэвид, третий баронет Сэссун (1888—1939) — англ. полит. и гос. деятель.

** Политическая полиция Муссолини обычно заставляла противников фашизма в концлагерях пить касторовое масло (вплоть до целого литра) — и потом стоять навытяжку (*прим. автора*).

*** Fight with shell and bullet
Fight with castor oil...
Fight the loathly pacifist

С нами в неотразимой мощи шествует душа Англии.
Освальд Мосли

Джентльмены и их фашисты

Через два года можно было констатировать, что консервативный истеблишмент Англии «ведет себя по-джентльменски, пока сохраняется положение, над которым джентльмены способны сохранять контроль. Убийц [«чернорубашечников» Нэнси Митфорд] всерьез введут в дело, лишь когда джентльмены почувствуют, что ситуация ускользает из их рук. [Пока что] во всяком случае, для джентльменов, целесообразно держать убийц в резерве»[856]. Таким образом, к 1934 г. Британский союз фашистов обрел репутацию политического прибежища для хулиганов и бандитов. Респектабельные сторонники Мосли позже признавали, что не знают, как им избавиться от «этих ужасных *простолюдинов*», которых им «пришлось использовать для достижения власти» (писала Ребекка Уэст). (В Германии сложилась несколько иная ситуация. В 1928 г. там — как предвидел Август Тальхаймер — у людей, не желавших пачкать собственные руки, возникла потребность в «укротителе львов» (чтобы «укрощать массы свистом хлыста»)).

В результате в Англии не существовало *официального* покровительства фашистским чернорубашечникам, так как они еще далеко не стали последней надеждой власти справиться с *внутриполитической* ситуацией. В 1937 г. лейбористы сознавали, что они могут в любой момент могут быть использованы консерваторами как резервная сила для борьбы за истеблишмент, против революции[857]. Такого же мнения придерживалась и британская служба безопасности («М 15»)[857a]. Во всяком случае, доподлинно известно, что джентльмены вроде сэра Арчибальда Синклэра поговаривали о фашистском перевороте[857b]. Несомненно, что движению Освальда Мосли симпатизировало значительное число консерваторов — и в его «Январский клуб» в 1934—1936 гг. вступило около двухсот сторонников этой партии (в том числе лорд

Fight the junket breast,
Make them feel the Jackshirt's fist
Make them howl for rest.
Onward, Union Jackshirt
Foreigners you'll whack.
Fight and die for England
And the Union Jack.

Ротермир, лорд Ллойд*, лорд Иддеслей**, посол франкистской Испании, профессор Р. Уилльямс и сэр Чарлз Петри), пусть даже далеко не все из них стали активными членами фашистской партии. Даже крайние антисемиты не отделялись от тори; патриотический экстремизм оставался «в рамках» английской политической системы, поскольку был свойственен британцам. «Мосли потерпел поражение не из-за своих целей, а из-за своих методов», — вспоминал сэр Чарлз Петри в 1950 г.[858] Мосли не смог пойти дальше из-за британского конформизма, а отнюдь не из-за британского свободолюбия: возглас «хайль» и приветствие поднятой рукой (по-римски) — методы неэффективные в стране, где не принято отличаться от других.

Однако — во всяком случае, в отношении своих *целей* — британский фашизм больше основывался на автохтонных британских традициях, нежели на континентальном, европейском фашизме межвоенного периода: и эта закономерность была установлена именно английским исследователем Ричардом Терлоу[859].Сэр Освальд Мосли совершенно открыто провозглашал лозунг своих фашистов: «Англия превыше всего» («Britain First»)[860]. Для англичан это утверждение звучало как само собой разумеющееся, это был символ веры; и приверженность этому лозунгу отнюдь не означала фашизма... Альфред Розенберг вообще считал, что сэр Освальд не должен был называть свою партию фашистской (в подражание Муссолини)...[861] С немецкой стороны Эрнст Нольте по праву задавался вопросом: не ведет ли перенесенная в Германию имперская концепция (более Великой Британии) фюрера английских фашистов Мосли к неизбежному требованию силой завоевать себе жизненное пространство?[862] Поставить такой вопрос — значит ответить на него утвердительно.

Вице-президент британской Имперской фашистской лиги Генри Хэмилтон Бимиш не ошибся, заявив в 1937 г., что «великий фюрер Адольф Гитлер *в ближайшие пять лет* нападет на Россию»[863]. Объявление этого британского фашиста о предстоящем «броске на Остланд» не слишком противоречило надеждам многих представителей лондонского консервативного истеблишмента. Фашисты лишь *выражали* эти надежды в гораздо более крайних формах, чем было принято у «тори» старого закала. И те и другие считали, что Россию (которую Гитлер рассматривал как «немецкую Индию» и в этом явно стоял «на позициях тори»[864]) населяют зверолюди. (Против «звероподобных народов» выступал также проповедник христианско-социального империализма Чарлз Кингсли (1819—1875), а

* Генри Амброз, первый барон Ллойд (1879—1941).

** Норткот Генри Стаффорд Лоуренс, третий граф Иддеслей (1901—1970).

в 1924 г. — судебный уполномоченный в провинции Синд Британской Индии и член Верховного суда Бомбея Беннет Кристиан Хантингтон Калкрафт Кеннеди (1871—1935), известный как «Ал. Картхилл».) Согласно заявлению Бимиша от 1937 г., Гитлер поместит половину населения «Остланда» в зоологический сад, а (оставшуюся) половину — в камеры смерти (lethal chamber)...

В «Британскую имперскую фашистскую лигу», лидер которой высказывал столь благие пожелания, входили также адмирал Дж. Армстронг и граф Глазго (лорд Келберн), которые помогали правительству консерваторов подавить всеобщую стачку 1926 г.[865] В Большом совете британских фашистов — еще со времен его создания (1923) — преобладали отставные ветераны-военные (не в последнюю очередь из колоний)[866]. Сам Мосли представлял символы английского фашизма как нечто соответствующее «старым добрым британским традициям», а не как подражание фашистам континентальной Европы[867]. (Действительно, подражателями была как раз другая сторона — и это даже слишком очевидно.) Насколько прав был «leader» английских фашистов в своем тезисе об автохтонной преемственности, подтверждает и современный историк английского фашизма Ричард Терлоу[868], говорящий о «фашизме, глубоко уходящем корнями в британскую национальную традицию, которая... интегрировала империалистические и расистские установки». (Из основанного на большом количестве документов заявления Терлоу о том, что «язык и аргументация неофашистов не были чужды сердцу британского консервативного истеблишмента даже в конце 1960-х годов», можно сделать и более далеко идущие выводы[869].) Во всяком случае, и в 1939 г. — после того как Невилл Чемберлен (сильно разочаровавшийся в Гитлере) объявил войну Третьему рейху — Британский союз фашистов не был запрещен. А когда — в самый безуспешный для Англии период войны — Мосли все-таки пришлось интернировать, ему предоставили для заключения квартиру из четырех комнат с обслуживающим персоналом (при условии, что он сам будет содержать себя), за здоровьем сэра Освальда Мосли следил личный врач короля. Таким образом, семья Мосли содержалась под арестом в гораздо лучших условиях, чем беженцы из нацистской Германии, включая и немецких антифашистов.

Британское правительство Чемберлена — с полным правом — видело в Британском союзе фашистов «патриотичную форму [английского] самовыражения»[870]. Ричард Терлоу подчеркивал, что большинство фашистов — включая фюрера, сэра Освальда Мосли — было «английскими патриотами»...[871] Таким образом, даже оксфордский истеблишмент Англии продолжает считать первым критери-

ем оценки своих фашистов их *имперский патриотизм* — а отнюдь не отношение фашистов к *демократии.*

Верховенство патриотизма над демократией вовсе не было особенностью взглядов сэра Освальда Мосли и его фашистов — *этот* приоритет был чем-то самим собой разумеющимся для *всех* англичан. А если фашизм Мосли декларировал намерение «содействовать делу Британской империи *любыми...* средствами»[872], это лишь придавало ему респектабельность (тем более что отцы-основатели фашизма были не озлобленными мелкими буржуа, а настоящими аристократами). Мосли сам вновь и вновь напоминал, что его цели в конечном счете являются частью английской традиции, и что как фашист он стремится к еще более британским целям, чем старейшие движения Англии[873]. Мосли заявлял, что он является «отпрыском тысячелетней связи британской крови с британской почвой». Биограф сэра Освальда, Дреннан, называл своего лидера «таким английским» и считал его «воплощением английской истории»; влияние же, которое имел Мосли, казалось ему проявлением скрытого импульса фашизма, присущего Англии[874].

В июле 1939 г. на массовом митинге Мосли заявил, что здесь присутствует не меньше 15000 человек — «максимально возможное число... участников политического собрания в условиях закрытого помещения во всем мире»[875]. А в 1934 г. Мосли отмечал, что в Великобритании дело фашизма «приобретает сторонников быстрее, чем любое другое фашистское движение где-либо в мире»[876]. (Правда, количество членов его Британского союза фашистов всегда оставалось тайной. В 1934 г. министерство внутренних дел оценивало его численность в пределах от четверти миллиона до полумиллиона человек[877].) В момент наибольшего успеха на выборах (19% отданных голосов в трех благосклонно настроенных округах) Мосли ликовал, заявив, что у него процент голосов выше, чем у Гитлера за четыре года до захвата власти[878].

В 1938 г. любому нефашисту уже было трудно выступать в лондонском Ист-энде, поскольку фашисты заглушали его слова криками. Так, в то время там не давали высказаться ни Клементу Эттли из лейбористской партии, ни лидерам либералов. Роль лондонских полицейских сводилась не столько к пресеканию насилия со стороны британских фашистов, сколько к препятствованию деятельности антифашистов[879]. (Здесь стоит заметить, что в труде 1900 г. «Характер британского народа» полицейских называли «пожалуй, самым замечательным типом англичан, который только можно встретить».) Создавалось впечатление, что полицейские — самые настоящие пособники фашистов, — замечал один депутат от либералов. Британс-

кая служба безопасности (М 15) благосклонно относилась к Освальду Мосли в 1930-е гг. и расценивала Британский союз фашистов как патриотическую организацию, а после 1935 г. вообще перестала рассматривать фашистское движение как угрозу. Законопроект же, запрещавший подстрекательство к проявлениям расизма (1936), был отклонен на основании следующего аргумента лорда Уинтертона: «Требование, чтобы ничьи речи не выражали расовых... предрассудков, — абсурд. В этой стране они существуют века. И всегда будут существовать». Даже британские суды в то время поощряли действия фашистов[879а].

В целом подъем фашизма происходил с такой головокружительной быстротой, что в 1934 г. лорд Ротермир в своей «Daily Mail» (как еще в 1930 г. — будущий лорд Галифакс) не исключал возможности, что Мосли займет пост премьер-министра[880]. Если этого и не произошло, то виной тому были вовсе не цели, пропагандируемые Мосли. Ведь его соперники вроде Невилла Чемберлена во *внешнеполитическом* плане начали проводить такие цели в жизнь. Консерватор Невилл Чемберлен и фашист Мосли совпадали в ориентации на блок четырех: Великобритания, Великогермания, Италия и Франция — при том, что Англия должна была оставаться «страной... вечного лидирования» (по формулировке Мосли)[881]. С одним из предшествующих Чемберленов, Джозефом Чемберленом, империалистом времен англо-бурской войны, Мосли (а в значительной степени и премьер-министра Невилла Чемберлена) связывала концепция (1899), провозглашавшая близость Англии и Германского рейха[882]. Невилл Чемберлен придерживался этой концепции по прагматическим соображениям, Джозеф Чемберлен — на основании тезиса об их «расовом родстве»[882а], а Хьюстон Стюарт Чемберлен — исходя из своей расовой идеологии.

Поэтому Мосли как глава британских фашистов был назван еще и человеком, окончательно сформировавшим кодекс британских традиций — в частности, традиций социал-империализма (восходящих к Джозефу Чемберлену и к Дизраэли)[883].

Внешнеполитические концепции Мосли продолжали оставаться на почве британского патриотизма — несмотря на то, что сам Освальд Мосли оказывал предпочтение фашистским диктатурам Европы (даже можно сказать, именно благодаря этому предпочтению). Его Британский союз фашистов *совершенно открыто* уже с 1935 г. требовал разрыва союза с Францией — в пользу партнерства с гитлеровской Германией. Печатный орган британских фашистов настойчиво призывал к «пониманию» колонизационной экспансии Третьего рейха на соседние восточные земли. Британские фашисты требовали безусловного признания восточноевропейских сфер влияния Гитлера — в ка-

честве *столь же* легитимных, как Британская империя в качестве сферы влияния Англии: «Пусть Германия будет сильной в Восточной Европе, и пусть Британия будет сильной в своей всемирной империи»[884]. Ведь — как учили еще Томас Карлейль и Хьюстон Чемберлен — право вести собственную политику дают только власть и сила. Таким образом открыто и явственно провозглашался основной принцип Карлейля: «Might is Right», сила — это право. Стабилизация, по мнению Мосли, зависела от сотрудничества великих держав. А такое сотрудничество, естественно, стало бы самым прочным, если бы во всех великих державах к власти пришли фашистские правительства.

Мосли особенно ценил восхищение Гитлера английским народом и стремление фюрера к партнерству между взаимно дополняющими друг друга государствами — немецкой сухопутной и британской морской державами. Как и Гитлер, Мосли оспаривал предположение, что где-либо в мире британские интересы могут прийти в столкновение с немецкими, и Англия не собиралась мешать Гитлеру напасть на Россию и уничтожить коммунизм[885].

Однако Мосли видел угрозу для Британской империи не только в подрывной коммунистической пропаганде. Вредное влияние на империю якобы оказывал и американский либерализм. Причем именно в случае конфликта Англии с гитлеровской Германией одновременно и русский коммунизм, и американский либерализм стали бы самыми роковыми факторами для судьбы Британской империи. Ведь победа над Третьим рейхом возможна лишь при условии объединения обоих видов антиимпериализма — североамериканского и советского. А эти формы антифашизма подорвут и мощь империи самой Англии[886]. В этих рассуждениях (кстати, не совсем беспочвенных) фюрера фашистов Британии — опубликованных в 1968 г. — праву народов на самоопределение не отводилось ни малейшей роли.

Маленькие и слабые нации должны вступать в соглашения с могучими соседями; мелкие государства не вправе препятствовать реконструкции Европы, — утверждал еще в 1934 г. Освальд Мосли. (Немецкий англоман, гитлеровский пророк необходимости завоевания жизненного пространства — Ханс Гримм высказался еще грубее: не следует считаться с «правом малых и мельчайших на собственные капризы...»[887]) И эти мнения разделяли отнюдь не только *явные* сторонники фашизма и национал-социализма. В Британии «фашизм влиял на основные течения политического мышления, влиял и даже управлял... «респектабельными» умами в политике. Британский фашизм достиг значительных успехов, потому что многое из того, к чему он апеллировал, являлось частью политических установок того времени»[887а].

Это был совершенно английский подход со стороны мистера Чемберлена.

Ян Колвин

ГЛАВА 12
ПОЧИТАТЕЛИ ГИТЛЕРА ИЗ АНГЛИЙСКОГО ИСТЕБЛИШМЕНТА

Бесспорно также, что фашизм может найти сильный отклик в английском народном характере.

Джеймс Дреннан

Наследники Альфреда Милнера. От либерализма к восхищению Генрихом Гиммлером и СС

Высказывания некоторых либералов, например, лорда Лотиана (Филипа Керра*, прежде секретаря Ллойд Джорджа, а впоследствии британского посла в Вашингтоне), не слишком отличались от пожеланий сэра Освальда Мосли и Ханса Гримма. Так лорд Лотиан во время летней Берлинской Олимпиады 1936 г. писал министру иностранных дел Энтони Идену, что Великобритания не вправе заступаться за восточноевропейские государства, к которым предъявляет претензии Германия. Ведь в противном случае «антинемецкая группа в ближайшие месяцы [sic] развяжет войну — прежде чем Германия успеет полностью вооружиться»[888].

А ведь в 1919 г. тот же «германофил» лорд Лотиан — будучи представителем Великобритании в Версале — безоговорочно отверг предложения по смягчению условий мира для беззащитной Германии — ведь в то время эта страна была *демократической*[889].

Зато ради удовлетворения претензий Гитлера во благо уже ставшей нацистской Германии тот же либерал лорд Лотиан поддержал идею «концессий — притом в основном за счет других стран». В

* Керр Филип Генри, одиннадцатый маркиз Лотиан (1882—1940).

8 Зак 4322

отношении же Адольфа Гитлера он заявлял, что фюрер является «визионером, а не гангстером», «пророком» и «одной из самых творческих фигур этого поколения». Еще до того, как лорда Лотиана пригласили управлять фондом Родса (фонд предназначался для помощи представителям нордической расы), он — после личной встречи с Гитлером в 1935 г. — повсюду заявлял, что Гитлер — «блистательный вождь, который укрепляет вермахт лишь для того, чтобы иметь возможность защитить рейх от нападения коммунистов»[890]. А уже в следующем году премьер-министр Англии Стэнли Болдуин указал своему министру иностранных дел Идену, чтобы тот ни в коем случае — ни ради французов, ни ради кого-либо другого — не вовлекал Британию в войну на стороне русских[891].

Ведь в конечном счете именно английская сторона (по словам Ялмара Шахта) напомнила правительству рейха: «колоний [заморских] у вас быть не может, но перед вами — Восточная Европа». Утверждается, что такой совет — впрочем, вполне соответствовавший устремлениям Гитлера (судя по «Mein Kampf») — дал Леопольд Эмери[892], получивший известность в качестве министра по делам Британской Индии. Эмери принадлежал к кругу империалиста и антидемократа лорда Альфреда Милнера. Представители этого круга в межвоенный период занимали ключевые позиции в британском истеблишменте. По утверждению французского политика Кайло (Caillaux), эти люди «собирались и обсуждали секретные планы по возрождению пошатнувшейся власти касты, к которой они принадлежали, и укреплению господства Великобритании в мире». Автор книги «Англия навсегда» мистер Рутерфорд напоминал, что мечта о мировом господстве англосаксов должна была реализоваться при помощи секретного общества, которое собирался создать Альфред Милнер на средства фонда Сесила Родса и которое действовало бы на всей территории Британской империи. Фонд Родса был призван увековечить имя своего создателя, секретное же общество должно было включать в себя «две или три тысячи человек в самом расцвете сил, рассеянных по всему миру». Милнер отличался умением организовывать секретные группы, которые процветали в среде бывших выпускников паблик-скул и олигархии. Организация Милнера, отчасти известная как «Круглый стол» (с 1909 г.), продолжала действовать как согласованная группа и после смерти Милнера в 1925 г. Секретарем Милнера был Джеффри Доусон, влиятельный редактор лондонской «Times», которая подготовила британцев к уступкам Третьему рейху. «День за днем я делал все возможное, чтобы в газеты не просочилось что-нибудь, что могло задеть их [нацистов] уязвимые места», — совершенно

откровенно писал редактор «Times» (по сведениям Роберта Шэперда). Доусон уверял, что главное — это «безопасность и жизнестойкость Британской империи», а не «европейское равновесие». Это заявление вполне соответствовало идеям Альфреда Милнера, не считавшего, что Англия является «частью Европы». Милнер вообще слыл вдохновителем «политики умиротворения», т. е. укрепления контрреволюционных диктатур. Опыт колониального администратора империи в Южной Африке привел Милнера к убеждению, что парламентская система власти в Англии, «основанная на столь скверной вещи, как общественное мнение, непригодна для управления большой империей».

В 1912 г. Милнер не остановился даже перед государственной изменой британскому парламентаризму («в национальных интересах»). Он и его сторонники пытались разжечь офицерский мятеж против избранного либерального правительства (из-за его уступок Ирландии). Лидер партии консерваторов Бонар Лоу заклеймил эти уступки как «революционный деспотизм» «преступников, способных на любое предательство». Его и Милнера поддержали будущий лорд Галифакс, Леопольд Эмери (впоследствии — министр по делам Британской Индии) и Редьярд Киплинг. На их стороне было и немало видных колониальных деятелей, в том числе два вице-короля Британской Индии, несколько губернаторов ее провинций и один британский правитель Египта — т. е. представители кругов, в которых почитание гитлеровского режима было еще более распространенным явлением, чем в Англии в целом. Еще в 1916 г. Милнер сделал попытку покончить с межпартийными распрями — создав единую «национальную партию».

Выступая в таком духе, Милнер одобрил нанесение Англией летом 1917 г. удара по своему союзнику (правительству демократической России) с целью свергнуть Александра Керенского[893] — удара, нанесенного ради того, чтобы восстановить «дисциплину и порядок» на западном фронте России и тем самым спасти жизни английских солдат на западном фронте Германии. В результате в июле 1917 г. англоязычные читатели могли встретить заголовки: «России нужен диктатор»[894]. Россия и в самом деле получила диктатора — после того как Альфред Милнер через посредство генерала Корнилова резко ослабил русскую демократию. Правда, это был не диктатор, желательный Англии, а диктатор Ленин...

Систематическую организацию помощи желательным диктаторам — таким, как Гитлер и Муссолини — связывали с одним лобби, которое считалось очень влиятельным в сфере внешней политики. Стоит заметить, что даже после 1925 г. идеи Милнера остава-

лись актуальными благодаря усилиям его последователей, облеченных властью и имевших вес в обществе. Среди них можно назвать редактора «Times» Джеффри Доусона и лорда Эстора («The Observer»), а также Леопольда Эмери, повлиявшего на политические взгляды целого поколения. Таким образом, Милнер оставил после себя целую «школу последователей, считавших его своим наставником». Большая часть его «учеников» имела отношение к «кругу гостей» леди Нэнси Астор в Клайвдене. К этой «клайвденской клике» принадлежали «питомцы Милнера» вроде лорда Лотиана, поддерживавшего Гитлера с 1935 г., Невилла Чемберлена (премьер-министр в 1937—1940 гг.) и его министра иностранных дел лорда Галифакса[894a]. Как «протеже группы “Круглого стола”... они уверенно чувствовали себя... в высшем свете британского общества, доступ к которому им открыл Милнер... Возможно, они ближе всех подошли к созданию того тайного общества, призванного расширить Британскую империю, о котором грезил Сесил Родс». Как и их наставник, империалист и противник демократии лорд Милнер, члены группы «Круглого стола» были британскими *расовыми* патриотами, стремившимися добиться дальнейшего усиления англосаксонской расы. Ведь Милнер «сильно переживал... за судьбу расы, к которой он принадлежал... и за империю, как выражение этой расы»[894b]. Таким образом, Милнер оставил после себя заветы, определявшие взгляды его последователей на протяжении 1930-х гг., когда проводилась «политика умиротворения» Гитлера[894c].

В общем, было бы даже странно, если бы часть британского правящего слоя, которая чувствовала себя обиженной демократией — и играла решающую роль в годы перед развязыванием войны (1936—1939) — не оценила бы по достоинству дел и обещаний Адольфа Гитлера. Весь британский истеблишмент был питомцем воспитательных заведений, которые (согласно гитлеровскому Главному управлению имперской безопасности) стремились «воспитывать мужчин с самой твердой волей... мужчин, которые, не считаясь ни с чем... видят смысл своей жизни в служении идеалам английского господства и интересам английского правящего слоя». Эти «питомцы» не могли не отдать должного тому факту, что именно в них гитлеровская Германия хотела видеть «пример для подражания» для своих вождей; ведь лидеры Англии якобы были «выдающимися личностями германского происхождения», наделенными «творческой волей... нордическо-фальской крови», «духом от их [нацистов] духа», людьми, имевшими «власть над империей, все то... что восхищало национал-социализм в истинно английской расе господ». А лозунг «Это моя страна, права она или не права» («Right or Wrong,

My Country») считался образцовым «выражением фёлькиш-британской морали господ»; нацистский эквивалент этого лозунга звучал так: «законность — это то, что нужно народу»[895]. Английская сторона не оставляла подобные комплименты без ответа: так лорд Лондондерри, какое-то время бывший главой Палаты лордов, выражал благодарность Адольфу Гитлеру и в свою очередь напоминал о сходстве обеих стран, об их «расовой солидарности» против коммунизма — хотя и не говорил о «боевом союзе нордических народов», как фашист Лиз[895a].

Уже тот факт, что англичане-«властелины» узнавали в образцах поведения, которые *демонстрировал ранний* Третий рейх, «дух собственного духа», собственные представления о ценностях, — уже один этот факт делает понятным восхищение британцев Гитлером, восхищение, не ограничивавшееся сферой чисто политической.

Заявление главы Экономической лиги (ассоциации работодателей) и члена Большого совета британских фашистов Джона Бейкер-Уайта о том, что Нюрнбергский съезд превзошел по эффективности времена Бисмарка, было еще одним из самых безобидных. «У конгресса нацистов есть... восхитительные методы, позволяющие быстро решать все вопросы». Гитлер — «национальный вождь», «миллионы людей видят в нем бога... Ему потребовалось всего немногим более четырех лет, чтобы вывести великую нацию из глубин [депрессии]... Он не забывает своих друзей. Обрекая на смерть Рёма, он [что похвально] принес в жертву свое личное дружеское расположение». «В лице господина Гиммлера... мы нашли очаровательного хозяина дома... очень дельного шефа полиции». «Об эсэсовцах говорят, что они звери... Но все эсэсовцы, с которыми я общался, были очаровательными, вежливыми и всегда готовыми помочь людьми», — так характеризовал мистер Бейкер-Уайт эсэсовцев Гиммлера[896].

(Впечатление, что Генрих Гиммлер — «скромный человек», «пекущийся о благе своей страны», вынесли и патриотичные ветераны Британского легиона — организации фронтовиков Великобритании — после посещения в 1935 г. концентрационного лагеря Дахау и его высокой оценки. А британский мэр города Бетнел-Грин, «осмотрев» концлагерь в Кисслау (Баден), заявил в печати, что он может «только засвидетельствовать, что Адольф Гитлер... достойно обращается со своими политическими противниками». Одна британская обозревательница очень восхищалась комендантом другого гитлеровского концлагеря. «Я бы спокойно доверила этому любезному человеку своего сына, — заявила англичанка. — Как можно считать подобного человека... мирно живущего со своей семьей

[как позже Рудольф Хёсс — комендант Освенцима], способным на садистские низости?»[897])

Наконец, со стороны СС сам Зепп Дитрих* (убивший Рёма) абсолютно серьезно предлагал обменяться с Англией охранными отрядами — чтобы эсэсовский лейб-штандарт Гитлера мог заступать в караул у королевского Букингемского дворца в Британии...[898] Ведь именно эсэсовский лейб-штандарт Гитлера произвел глубокое впечатление на бывшего шефа морской разведки и контрразведки его британского величества и командующего всем его средиземноморским флотом, экс-заместителя секретаря Комитета имперской обороны и ректора королевского морского колледжа, кавалера таких орденов, как орден «рыцаря Британской империи», адмирала сэра Барри Домвилла**. Он высоко оценил «патриотический идеал» эсэсовцев и он же назвал Генриха Гиммлера «обаятельной личностью в очках» — да, «судя по внешности, он [Гиммлер] мог бы быть благожелательным профессором». (Гиммлер — во время краха Третьего рейха весной 1945 г. — хотел сформировать кабинет из профессионалов, «специалистов». Притом даже не ставился вопрос, *в чем* именно эти люди являются специалистами.) Как раз Гиммлер «очень жаждал [еще] улучшить добрые отношения с Великобританией...» Адмирал сэр Барри Домвилл имел в виду именно Гиммлера, когда говорил, что «*если бы все его соотечественники были такими, как он*... многих проблем бы не было». Английский адмирал признался: «Я был взволнован словами моего хозяина [Генриха Гиммлера]: “Боже, храни Короля” [«God save the King»] — на которые я ответил: “Хайль Гитлер!”».

Но тот же британский «германофил» из королевских ВМС, участвуя в 1919 г. в приемке немецких военных кораблей, подлежавших выдаче союзникам, не удостоил обезоруженную Германию ни единым словом сочувствия, когда на смену империи пришла демократия. Зато по отношению к эсэсовской Германии он выражал лишь благоговейное восхищение. Причем не исключая из сферы своего восхищения и концлагеря. Напротив.

Высокий гость из Великобритании нашел «управление концлагерем Дахау, начальником которого был группенфюрер Теодор

---

* Пока Англия воевала с Германией, британская разведка отзывалась о Зеппе Дитрихе как о старом гангстере, вылезшем из пивной (1944), когда же началась холодная война, Зепп Дитрих вдруг стал “человеком, который вел себя с честью и проявил преданность” (по выражению британского военного историка Мессенджера) (*прим. автора*).

** Домвилл Арчибальд Комптон Уиннингтон (1884—1959).

Эйке*, отличным... а спальни — восхитительно чистыми». Ведь «заключенные — это евреи, политические преступники и депортированные». Британский адмирал говорил, что ему чужда «сентиментальность по отношению к еврейской расе»: «Если мы столь терпимы к иностранцам и евреям — до глупости, это еще не основание быть нетерпимыми к [антисемитской] политике других... Еврейское мышление — не наше мышление... В наших [британских] средних и низших слоях не встретишь... расположения к евреям»[899].

Нечто вроде признания в антисемитизме в том же 1936 г. гитлеровец Риббентроп услышал и от маркиза Лондондерри**: «У меня нет большой симпатии к евреям... Их участие в большинстве этих международных беспорядков... создало столько неприятностей!» Да, Ч. Г. Лондондерри, до 1935 г. — министр авиации Великобритании, побывавший и во главе Палаты лордов и ставший с тех пор надежным рупором гитлеровских идей, высказывался за законодательное ограничение экономической активности евреев. «Я обсудил с господином Гитлером многие политические вопросы и нашел его сколь искренним, столь и приятным собеседником... и по многим пунктам мы пришли к согласию», — поведал он как английской, так и немецкой общественности[900]. Единодушие британского маркиза и Гитлера, называвшего себя «неизменно представителем бедноты», даже чересчур понятно. Для окружения Гитлера «высшие» в расовом отношении английские элиты считались «верной инстинкту, отборной частью высококачественного высшего слоя нордической расы»[900а].

...В окончательном формировании всех устремлений, воплощенных в теперешних предприятиях фашистов, повсюду чувствуешь деятельное участие английского духа.

Джеймс Дреннан, 1934[901]

О мотивах, по которым Гитлер был приемлемой фигурой для имперского истеблишмента Англии

Расово-иерархическая структура Британской империи, в свою очередь, была удобна для тех, кто (пусть даже они принадлежали к среднему классу) ощущали себя частью правящего слоя Англии, —

* Теодор Эйке (1892—1943) — один из создателей и руководителей нацистской системы концлагерей, создатель и командир дивизии СС «Мертвая голова».

** Вейн-Темпест-Стюарт Чарлз Стюарт Генри, седьмой маркиз Лондондерри (1878—1949) — англ. полит. и гос. деятель.

так как именно она стабилизировала иерархическую систему британского общества. (Общества, правящий класс которого и в 1930-е гг. являлся продуктом воспитания Итона, Харроу и Регби — таким же, каким он был в викторианскую эпоху и эпоху короля Эдуарда[901A].)

Эта структура образовалась в период подъема викторианской буржуазии как господствующего класса. Чемберленовская «политика умиротворения», проводившаяся в конце этого периода, следовала традиции дискурса в духе «cant» (лицемерия, двойного стандарта), — напоминает Маргарет Джордж. Соответственно как бизнесмен Чемберлен был воспитан таким образом, чтобы не давать воли эмоциям (например, чуткости к несправедливости) и презирать их. Благодаря одному закону, инициированному им ранее, английские арендаторы попали в такую зависимость от землевладельцев, что появилось восемь новых способов сгона с земли — даже Освальд Мосли считал это законодательство «жутко классовым»[901a]. Можно сказать, что Чемберлен — в традициях викторианской буржуазии — во время своих стараний стабилизировать режимы Гитлера и Муссолини «постоянно ощущал за спиной какую-то тень» — «тень социальной революции» (социальной и экономической, но не политической). Роберт Шэперд также обращал внимание на сильную обеспокоенность правящего класса, встревоженного тем, что война неумолимо повлечет за собой социальную революцию в стране. «Прежний порядок будет сметен...» «Причины, по которым Чемберлен решил проводить «политику умиротворения» в отношении Германии, во многом крылись в... неприятии подавляющим большинством консерваторов... преобразований в британском обществе». «Они сошлись на том, что война, независимо от того, выиграем ли мы ее или проиграем, приведет к уничтожению богатых праздных классов, и, естественно, выступают за мир любой ценой». Согласно декларации лейбористской оппозиции 1938 г., чемберленовская внешняя политика становится понятной, если ее рассматривать в категориях «международного классового сознания». На этой точке зрения давно настаивает и часть британских историков[901b].

В целом защита внутренней социальной системы Англии была связана с защитой ее расово-иерархической империи. Этим объясняются некоторые высказывания Невилла Чемберлена о росте в Британии раздражения, вызванного поддержкой Советским Союзом недовольных внутри империи. Не зря же Британскую империю называли системой, предоставлявшей «облегчение на вольном воздухе высшим классам»[901c]. И поскольку таким образом от сохранения этой империи зависела стабильность социального положения в

самой Англии, для решающей части правящих консерваторов империя была важнее сохранения баланса сил в Европе. Они уступили гегемонию над Европой Гитлеру. Ведь Гитлер — так сказать, по определению — еще в 1942 г. в своих представлениях об «английских интересах» исходил именно из интересов Британской империи. («Если бы им предложили: оставить Германии континент и за это сохранить Индию, 99% англичан высказались бы за Индию. Индия для англичан — фундамент их мирового господства»[902], — подчеркивал Гитлер.) Он вызывался защищать именно Британскую империю. И именно в этой связи еще Томас Карлейль в 1849 г. заявлял: «Англосакс-британец — по сей день вице-регент при Создателе. После того как англичанин не найдет [больше] способа выполнять эти функции, они будут переданы другому... , тому, кто сможет это сделать... Если появятся более сильные, их обнаружит сама природа как достойных [этого названия]...»[903]

«Державы, более не способные вновь и вновь приобретать владения — в смысле материальном и духовном, при помощи превосходящей воли и творческой силы, — созрели для ухода со сцены. Таким образом, судьба старых колониальных держав, которые не могут ни решительно отстаивать господствующее положение в колониальном пространстве, ни воплощать в жизнь идею порядка, — предрешена. Они выпускают из своих слабых рук примат белой расы господ, вместо того чтобы с помощью новых идей, придав власти новые формы, подчинить в колониальном пространстве цветной мир европейской белой расе. Подобные новые идеи ныне обнаруживаются как идеи национал-социализма. Эти идеи будут востребованы, чтобы организовать и упорядочить структуру мира далеко за пределами европейского пространства. "Движение самоопределения разрушает колониальное господство, — утверждал Хаусхофер. — Движение самоопределения, первоначально задуманное всего лишь как лживое средство борьбы против Германии, которое потом якобы легко можно будет остановить, — теперь как истина в процессе становления разрушает колониальное господство повсюду, где оно распространяется в чужеродном пространстве"»[904].

(Так, Тост, английский корреспондент «Völkischer Beobachter», партийного органа гитлеровской НСДАП, констатировал: «Право народов на самоопределение, — как резонно заметил один британец, — это динамит, которым можно... взорвать нашу империю». «Скверно лишь то, — утверждал один колониальный офицер в отставке, — что в Лондоне разучились жесткому обращению... Люди в отечестве стали слишком мягкими... Мы, англичане, должны предоставить Германии сферу влияния на Востоке».)

«*Рекомендовать* столь старой, опытной — но нынче подверженной усталости и слабости — *нации господ, как британская, национал-социализм* побуждает прежде всего действенный *политический мотив его новизны как учения о власти.* Нет сомнения, что, если взглянуть за кулисы его фёлькише и социалистической мировоззренческой доктрины, национал-социализм в состоянии дать таких новых господ, которые смогли бы идеологически обосновать позицию владычества в колониальном пространстве. Возможно, не будет большим преувеличением сказать, что *новая немецкая политика именно потому нашла отклик в* определенных, обладающих реальным политическим мышлением *кругах Англии, что в этой политике* ясно *выразилась воля к власти как противовес ослабляющему всякую империю учению о равенстве* со всеми его последствиями, в том числе самоопределением.

Расовое учение, пока что развитое лишь в отношении к еврейству и проверенное революционным путем, предлагает неисчерпаемые возможности для властвования и подведения идеологического базиса под реалистичную волю к власти в колониальном пространстве. Лишь с помощью расового учения можно одержать идеологическую победу над демократическими идеями, враждебными идее господства, и приобрести обширные пространства, необходимые для властвования, а также твердость воли, безоглядность, решительность и свободу от всякого «слюнявого гуманизма», необходимые для защиты привилегированного положения белой расы в мире. Новая политическая доктрина, так сказать, облегчает работу по осуществлению власти. Расовое учение, учение о неравенстве людей и рас сметает с пути все горькие воспоминания, которые с грузом столетий приобрела тревожная, ранимая и по-женски чувствительная старая раса господ. Если англосаксы все еще предпочитают видеть свою особую миссию в том, чтобы нести «бремя белого человека», то ничто лучше не подходит для его облегчения, чем новое расовое учение, новые господа...

Впрочем, было бы показательным сквозь призму идей «учения о господстве» рассмотреть антисемитизм, все еще стойкий и обостренный... Здесь, в эсэсовских кругах, среди элитных военных кадров сознательно культивируют антисемитизм в качестве «школы господства». Еврей — это «цветной», деклассированный элемент Европы, притом он политически скомпрометирован, он «недочеловек». Гуманное отношение к нему — признак непригодности к господству. Поэтому здесь намеренно воспитывают бесчувственность и даже настоящую свирепость. Здесь стремятся искоренить мягкотелость и возвратить жестокости, так сказать, доброе имя».

«Секрет нашего успеха в том, что мы снова ставим в центр... право истинных господ на существование», — заявлял (по словам Раушнинга) Адольф Гитлер[905]. И все это не осталось неуслышанным, что косвенно подтверждает реакция на предложение Гитлера, адресованное тем имперским англичанам, кто сознавал, что колебания в применении аналогичных методов насилия к насильственно завоеванным народам могут повлечь за собой крах державы самих завоевателей[906]: «Расстреляйте Ганди... и, если этого будет недостаточно, расстреляйте дюжину лидеров партии Конгресса. А если [и] этого будет недостаточно, расстреляйте [еще] двести, и так далее, пока порядок не будет восстановлен. Вы увидите, как быстро они ослабеют, как только вы ясно им покажете, что намерены делать дело», — советовал Гитлер англичанам. Ведь именно в этой нации Гитлер — как и Альфред Розенберг — видел длань господина (в которой якобы нуждается Индия), важнейшую гарантию верховенства «белых». Фюрер призывал к возрождению расового сознания, предостерегая, что «вокруг белых народов находится сомкнутое кольцо цветных»[907]. Запад якобы не вправе отступать ни на шаг из своих колоний; под предводительством Гитлера «сильно вооруженная и верующая Германия» отстоит «верховенство белой расы» от «вторжения цветных» и даже станет решающей силой в утверждении господства белых. В то время как «англосаксы устало бросили поводья, мы сознаем ответственность за *всех* белых», — такое заявление прозвучало в 1936 году, году гитлеровской Олимпиады в Берлине. «Неужели в Лондоне полагают, что перед лицом тяжкой угрозы позициям белых в мире англосаксы могут отказаться от нашей помощи в сопротивлении?.. Мы хотим совместно действовать в том духе, о каком некогда мечтали Чемберлен и Сесил Родс, в тесном союзе с англичанами, самым близким нам по крови народом». «Это... тем более необходимо, что с 1918 г. возникла тяжелейшая угроза, когда-либо нависавшая над верховенством белой расы: большевизм»[908].

Разве «не было бы спокойнее и другим колониальным державам, если бы фронт противников этой угрозы всемирного масштаба в колониях был укреплен за счет Германии?.. Если в колониальном пространстве появится флаг со свастикой, Парижу и Лондону следовало бы видеть в этом и гарантию безопасности собственных владений». Вот как в 1937 г. отстаивались права «немцев как колониальных пионеров Европы». Не в последнюю очередь подчеркивалось, что только со стороны немцев инвестированный капитал (вложенный в колонии, которые следует вернуть Германскому рейху) получит *реальную* защиту: «Под немецкой властью его владель-

цев не побеспокоят ни эксперименты "народного фронта", ни большевистская опасность...»[909]

Речь шла именно о прикрытии Британской империи, а не о нейтрализации 26000 коммунистов в самой Англии, — об этом в 1938 г. маркизу Лондондерри напомнил Геринг[910]. И ссылаясь именно на «исторически уникальные успехи Великобритании как колониальной державы», Гитлер (в беседе с лордом Ротермиром) в 1935 г. рекомендовал британцам сотрудничать с Третьим рейхом[911]. «Гитлер установил, что Британская империя — существенный элемент прочности мира».

Потенциальные союзники по расе

Видя в англичанах своих потенциальных союзников, Гитлер долго, до 1938 г. не отменял запрет на деятельность немецкой службы разведки и контрразведки в Англии[912]. (В игру дружественных в то время тайных служб входила и передача секретного военного самолетного двигателя «Бристоль».) Одному штабному офицеру британского министерства авиации, майору Фреду Уинтерботему, едва удалось предотвратить провозглашение тоста за гитлеровские люфтваффе в лондонском клубе королевских ВВС [913]. Он упоминает также о «благом» пожелании, чтобы Британская империя и «Германская империя в будущем совместно правили миром». Ведь ось Рим — Берлин в глазах Невилла Чемберлена была «оплотом европейского мира».

Гитлер же в свою очередь разделял с Хансом Гриммом, немецким пророком завоевания жизненного пространства, непререкаемое убеждение, что «Германия... есть европейский — а значит, и британский — форпост на востоке»[914]. Англия служила своего рода оправданием империалистических амбиций Германии.

Для Гитлера Англия оставалась и гарантом успеха миссии Третьего рейха: «Перед немцами поставлена задача европейского масштаба... Если вы [англичане] вынуждены требовать защиты белых женщин... от черного позора, то вы выполняете миссию европейского масштаба». Ханс Гримм уверял, что в тот момент, когда «каждый» немец будет видеть в англичанине «брата по крови», тогда «англичане и немцы... *вместе станут защищать свое врожденное право*». Третий рейх не стремится превзойти Англию, — неустанно повторял Ханс Гримм. «И нам, *немцам, не нужно других... благ... кроме* тех, которые узаконил во всем мире *именно английский норди-*

ческий дух»[915]. Разве могли в Англии, стране чистокровности, не заметить этих учений, не обратить внимания, что «Германия... должна защищать от хаоса и масс с Востока ваш [британский] и наш большой нордический мир...»[916] Разве могли англичане пропустить мимо ушей высказывания, подобные этому: «в грядущем времени нашу немецкую судьбу свершит Англия, а ваша [английская] судьба... станет следствием нашей». Таким образом, нацистская Германия Ханса Гримма открыто ожидала защиты расы господ (и господствующего класса) от Англии, а британец Невилл Чемберлен — пусть он и не говорил об этом в открытую — ожидал получить именно такую поддержку от Германского рейха (как некогда этого откровенно жаждал Хьюстон Чемберлен).

Если учесть представления о «расе господ», укорененные в английской имперской традиции, то не приходится удивляться, что расовая идеология Гитлера не помешала английскому истеблишменту сотрудничать с национал-социалистами. При этом намного большую роль играл страх перед подрывными действиями коммунистов против Британской империи, чем перед возможными проявлениями классовой борьбы со стороны рабочих Западной Европы. Имперские англичане больше опасались разжигания антиимпериалистических движений туземцев, чем попыток мобилизовать на революцию британский рабочий класс — надежность которого, учитывая его патриотизм и приятие существующего порядка, объективно почти не вызывала сомнений. Подозрение, что цветное «низшее отродье» («the lesser breeds») под влиянием пропаганды Коминтерна утратит почтение к имперской расе, было актуальней, чем гипотеза, что английские рабочие могут поставить «классовые интересы» выше британского патриотизма. Таким образом, чем важнее для правящих кругов Британии было сохранение империи по сравнению с сохранением баланса сил в Европе, тем больше была готовность сотрудничать с гитлеровской Германией.

Подобное британское «германофильство» никак не проявляло себя в период, предшествовавший захвату власти Гитлером. (Имперская «благозвучная» формулировка консерваторов по этому поводу, высказанная Леопольдом Эмери, звучала следующим образом: «Критика строгости Версальского мирного договора не получала огласки, пока Германия оставалась спокойной». А Черчилль напоминал: «Не было предпринято ни одной попытки достигнуть соглашения с Германией... пока там существовала парламентская система [и демократия]». Так что Гитлер не так уж ошибался, заявив: «К нам постепенно начинают относится как к... равным... потому что мы стали вести себя *безжалостно*».) Итак, пока Германия была безо-

ружной, все это английское «германофильство» не проявлялось ни в малейшей степени: ни в то время, когда гражданское население Германии — даже после прекращения военных действий в 1919 г. — вымирало от блокады, ни тогда, когда сами немцы вынуждены были топить свои военные корабли в Скапа Флоу*.

Этот факт подтверждает, что английская сторона ждала от гитлеровской Германии того, чего не могла дать Веймарская республика. Чего же? Того, чего в Англии официально не было, но что так пригодилось бы ее империи. Английская сторона ждала, скажем, более радикальной расистско-империалистической идеологии власти с выводами в духе какого-нибудь Альфреда Розенберга, идеологии, дающей санкцию на «применение расовых законов против индийцев... черных, метисов и евреев... если пробуждение черных приобретет опасный характер»[917]. Ведь так же, как в представлениях адептов британского расового империализма, в теории Альфреда Розенберга подавление индийцев и черных должно было произойти задолго до подавления евреев. Таким образом, эта гитлеровская идеология могла быть применена в целях сохранения Индии для Англии. Ее могли бы усвоить «покоряющие мир англичане... в качестве народа господ строящие империю!» «Однако не подлежит сомнению, что Индия нуждается в длани господина над собой», а «Великобритания в своих интересах и в интересах белой расы не вправе здесь уступать»[918]. То есть якобы момент требует создания блока государств, «соответствующего единственно интересам нордической культуры» ради «отражения нарастающей угрозы с Востока; требуется заключить союз между этим блоком и Англией, владычество которой над Индией также обеспечивается только отпором азиатству как политической силе»[919].

Лондонская «Times» в 1920 г. полагала (как и Альфред Розенберг, если верить «Мифу XX века»), что за движениями народов Востока против иноземной британской власти кроется всемирный еврейский заговор, что за сопротивлением германско-нордической Британской империи стоят еврейско-демократические происки[920]. Ведь разве не еврейство (согласно Гитлеру) свергло господствовавший над Россией слой балтийских немцев (к которым причислял себя и Розенберг) — основу государства?[921] И разве не Гитлер хотел, сбросив с России «еврейско-большевистское ярмо», сделать из этого «Остланда» немецкую «Индию» — то есть то, чем была Индия для Англии? «Если бы только тыл прикрывала Англия, это дало бы возможность начать новый поход германцев [на восток]». Ведь

* Англ. военно-морская база на Оркнейских островах, где после первой мировой войны должна была быть интернирована большая часть немецкого военного флота; 21 июня 1919 г. она была затоплена.

«если бы в Европе потребовались земли, то их в основном можно было бы приобрести только за счет России; тогда новому рейху пришлось бы отправиться по стопам былых рыцарей Ордена, чтобы с помощью немецкого меча дать немецкому плугу землицы, а нации — ежедневный кусок хлеба. Правда, при такой политике в Европе у нас мог быть лишь один-единственный союзник — Англия»[922].

И действительно, в гитлеровском «броске на Остланд» Англия играла роль если и не открытого союзника, то активного пособника. Так, уже после «конференции четырех» 15 июля 1933 г., реагируя на захват Гитлером власти, лорд Ллойд (британский верховный комиссар в Египте в 1925—1929 гг., где он исполнял должность наподобие вице-короля, в 1930 г. — противник уступок Индии, один из тех, кто настаивал на изменении демократических форм правления в самой Англии, тот самый лорд Ллойд, который пытался стать лидером консерваторов, сместив Стэнли Болдуина) так прокомментировал ситуацию: «Мы даем Германии [свободный] путь на восток и тем самым — столь необходимое ей пространство для экспансии»[923]. Британские внешнеполитические ожидания состояли в том, что «Германия будет ориентирована на восток, поскольку свободное пространство есть только там. Однако пока в России существует большевистский режим, эта экспансия не может ограничиваться мирным проникновением»[924].

Так что представления британских тори о внешней политике Гитлера, согласно которым Германия имела «интересы, аналогичные английским», вполне укладывались в эту логику. Потребность нацистского фюрера в экспансии соответствовала британским потребностям в «мире», который бы обеспечивал сохранение империи, в духе Невилла Чемберлена[925]. (Еще раньше расист и империалист Джозеф Чемберлен в 1898 г. — а особенно в 1903 г. (как почти в то же время его однофамилец Хьюстон Стюарт Чемберлен) — рассчитывал на англосаксонско-немецкий «германский [Teutonic] альянс»[926].

Сотрудничество с Англией при нападении на Советскую Россию поистине предопределено для Германии — в этом были убеждены и Альфред Розенберг, и сам Гитлер, и не в последнюю очередь Рудольф Гесс. В тех британских кругах, через которые пытался действовать Розенберг, «царили почти патологический страх перед Советским Союзом и недоверие к нему», — писал Роберт Сесил в своей книге «The Myth of the Master Race». Если британские фашисты были для английских консерваторов чем-то вроде вспомогательных частей для борьбы с красной опасностью внутри страны, то для британской внешней политики в 1936—1939 гг. вспомо-

гательной силой в мировом масштабе должна была стать гитлеровская Германия. Высказывания британских политиков о том, что, воздействуя на Гитлера, надо сориентировать Германию на восточное направление, уже приводились много раз — в том числе еще до открытия архивов[927].

В представлениях самого Гитлера о немецкой внешней политике еще с начала 1920-х годов фигурировала некая немецко-английская «ось»[928]. Идея об общем расовом превосходстве побуждала и Альфреда Розенберга выступать за союз Германии (вместе с северогерманскими, т. е. скандинавскими государствами) и Англии[929]. Согласно Розенбергу, в одной речи за 1926 г. Гитлер объявил Великобританию своим «естественным союзником». Во второй своей (не опубликованной при жизни) книге Гитлер (1928 г.) уже подробно рассуждал об альянсе с Англией. Растущее влияние Розенберга также способствовало тому, что связь с Великобританией в системе представлений Гитлера приобретала все больше значения[930].

Англия считалась естественным союзником нацистской Германии якобы вследствие принадлежности ее населения к германской расе — Англия была страной «носительницей бремени белого человека», низводящей цветные народы до положения неполноценных подданных. В качестве ответной услуги за возможность преследовать свои имперские цели, Великобритания должна была дать Германскому рейху свободу действий в Центральной и Восточной Европе. Причем это пошло бы на пользу и самой Великобритании, ведь Россия всегда была ее заклятым врагом, — рассуждал Розенберг. Главная задача союза с Англией виделась прежде всего в «охране интересов людей нордической расы на заморских территориях»[931] от «безрасовой Лиги наций», во имя создания «систем государств... которые обеспечат на земном шаре владычество белой расы», — говорится в «Мифе XX века» Альфреда Розенберга[932]. «Мировая политика Англии объясняется всего одним фактом: саксы и норманны... были ее центром, чистым в расовом отношении»[933].

И, в свою очередь, немало англичан видело в Гитлере именно «белого человека» в расовом смысле — «абсолютно преданного, заслуживающего доверия, которое оказывает ему его народ»[934]. Таким образом мнение англичан не слишком отличалось от того, которое настойчиво внедрял Готфрид Бенн (от имени соответствующей части своих земляков): «Речь идет вовсе не о формах правления, а... о последней грандиозной концепции *белой расы...*»[935]

Конечно, самое великое, что совершено людьми в политическом плане, — это господствующее положение, которое в мире заняла Англия... Англия во всем мире совершала то же, что в Европе делала Германия... в отношении славян.

Ханс Гримм[936]

Победы британцев все в большей и большей степени становились победами нацистов.

Гервин Штробль «Тевтонский остров»[936a]

Фашизм и империализм — кровные братья.

Джавахарлал Неру[936b]

Чувство избирательного сродства с Гитлером, исходящее от Британской империи

Приязнь имперских англичан к Гитлеру достигла максимума в 1936—1937 гг. Эта симпатия приобрела такие масштабы, каких не удостаивалось в Англии ни одно немецкое правительство до Гитлера. Особенно процветала в это время организация (членами которой были такие господа, как лорд Ламингтон* и Джерард Уоллоп**) под названием «English Mistery» («Английская тайна») (sic), основанная Уильямом Сандерсоном, автором некоего подобия «зерцала государей» — книги, написанной в 1927 г. В ней речь идет, в частности, о «тайне расы», «тайне власти» и (чего следовало ожидать) «также» о «тайне собственности» («the Secret of Property»). «Наше обновление должно быть англосаксонским», — такое пожелание выражал лорд Ламингтон. Ведь в любом городе, по его словам, есть «подонки из населяющих его недочеловеков... орудия революции, подстерегающие удобный момент, чтобы удовлетворить свои прихоти», — подонки английской крови, [и] многочисленные чужаки. Действительно же здоровые подданные — согласно лорду Ламингтону — испытывают (природное) уважение к установленному порядку и «расовое чувство». «В период... нового духовного пробуждения Германии [при Гитлере] это не может не вызывать восхищение». Англичанам же «следовало бы скрещиваться [sic] только с представителями других нордических рас»[936c] — в противоположность расовым выродкам... Только демократии позволяют свободно распространять низкокачественный наследственный материал.

* Бейли Чарлз Уоллес Александр Нейпир Кокрен, второй барон Ламингтон (1860—1940) — англ. колониальный деятель.

** Уоллоп Джерард Вернон, девятый граф Портсмут (1898—1984).

Все это и многое другое можно было прочесть в органе другой организации лорда Ламингтона — «English Array» («Английский строй») основанной в 1936 г. из «English Mistery».

У «English Array» (члены которой полностью отвергали голосование) были собственные лагеря для офицеров. В этом «офицерском лагере» выступал, например, Реджинальд Дормен-Смит, который был губернатором Британской Бирмы в момент, когда в 1942 г. с падением Сингапура — падением, которое ускорила ложная уверенность англичан в своем расовом превосходстве, — Англия утратила ведущие позиции в Юго-Восточной Азии. Тем не менее, выступая перед офицерами лагеря «English Array», Дормен-Смит заявлял, что именно воспитание в «English Mistery» наделило его энергией. А коллеги оратора перед той же аудиторией хвалили «живительное омоложение Германии при Адольфе Гитлере»[937].

И даже сын Уинстона Черчилля — Рэндольф Черчилль — испытывал симпатию если не к фюреру Великогерманского рейха, то, во всяком случае, к фюреру Британского союза фашистов и национал-социалистов — сэру Освальду Мосли[938]. Еще более активным сторонником фашистских идей было семейство Митфорд — семья лорда Ридсдейла*, отец которого перевел на английский труд Хьюстона Стюарта Чемберлена. Провозглашая «духовное и политическое единение Англии и Германии», которого столь вожделел сам Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855—1927), лорд Ридсдейл назвал одну из дочерей Юнити Вэлкьери («Единство Валькирия»)[939]. Мало того, что он сам в 1936 г. написал в лондонскую «Times» письмо с заявлением, что Гитлер — «образец, которому [немцы] могут следовать с гордостью». Подобные настроения внушали ему и две из его дочерей. Диана Митфорд вышла замуж за фюрера британских фашистов сэра Освальда Мосли — по случаю их свадьбы доктор Йозеф Геббельс дал обед, на котором присутствовал Гитлер. Именно последнего безнадежно любила другая дочь лорда Ридсдейла Юнити Митфорд. (Она не желала разговаривать со своей сестрой Нэнси Джессикой, которая вызвалась отправиться в числе добровольцев в республиканскую Испанию, сражавшуюся против фашизма.) Когда Германия оказалась в состоянии войны с Англией, Юнити Митфорд попыталась (в Мюнхене) совершить самоубийство. (Позже она умерла от нанесенных себе ран, проглотив собственную брошь в виде свастики[940].) Некоторое время Юнити Митфорд жила в семье Юлиуса Штрайхера и находила его антисемитские излияния «очаровательными»; сама же она «служила связующим звеном между ним и британскими фашистами»[941]. Заявления типа «Британия тоже

* Фримен-Митфорд Дэвид Бертрам Огилви, второй барон Ридсдейл (1878—1958).

выступает за расовую чистоту» печатала (1936) и владелица газеты «Saturday Review». До того она призывала короля «стать диктатором Англии — таким, как Гитлер»[942]. Другая знатная английская дама, Ронни Гревилл, носившая титул «кавалерственной дамы» (Dame of the British Empire), (она была близка и самому британскому министру иностранных дел сэру Джону Саймону) в 1934 г. вернулась с Нюрнбергского съезда НСДАП в полном восторге от гитлеровской Германии[943].

Среди восхищенных британцев — гостей гитлеровского имперского партийного съезда в 1936 г. (на этом съезде Гитлер дал понять, что намерен завоевать Украину) было не менее пяти депутатов британского парламента (четверо из которых — консерваторы)[944]. Британская газета «Daily Mail» также внесла немалый вклад в создание подобных настроений: она поддерживала Гитлера тверже и последовательней, чем любая другая газета за пределами Германии[945]. Этот консервативный листок, рассчитанный на мелкобуржуазного читателя, принадлежал вышеупомянутому лорду Ротермиру. Последний в 1933 г. просил передать Гитлеру, что зрители лондонских кинотеатров встречают появление фюрера на экране в еженедельном киножурнале «бурными аплодисментами». Еще в 1934 г. Ротермир заявил в своей газете, что миром суждено «править» мужам из правого крыла. А Гитлер среди них — «один из тех храбрецов, что побывали в окопах»; он — человек, желающий дружбы с Англией. Если же Гитлер не встретит «взаимности» со стороны Англии, он поставит неконсервативных британских «мандаринов» перед выбором: капитуляция или авианалеты и уничтожение. Таким образом, печатный орган лорда Ротермира подчеркивал, с одной стороны, что существует угроза войны, а с другой — что с гитлеровской Германией необходимо дружить. Англичанам следовало признать ее экспансию — и «удовлетворить *земельный голод Гитлера за счет России*». Уже в 1933 г. лорда Ротермира привела в Мюнхен к Гитлеру не в последнюю очередь именно «забота о Британской империи»[946].

Ремилитаризация Германии при Гитлере окажет на эту страну как раз... сдерживающее (sic) воздействие — утверждал Леопольд Эмери (известный как министр по делам Британской Индии; ученик наставника Уэллдона из паблик-скул Харроу). Видимо, для этого выпускника Харроу империя была важнее, чем обязательства Англии перед странами континентальной Европы. Так, Леопольд Эмери выступал против стремлений (проявлявшихся в Англии и Лиге наций) защитить Эфиопию от агрессии фашистской Италии — и тем более против какого бы то ни было военного сотрудничества с

Советским Союзом[947]. Его воззрения формировались под влиянием идей Милнера и Гарвина*.

Еще активнее, чем Эмери, «политику умиротворения» (т. е. потакания фашистским — и только фашистским — диктаторам) отстаивал прежде всего Дж. Л. Гарвин, редактор консервативной газеты «Observer». Гарвин был убежден, что у Гитлера есть основания чувствовать себя во вражеском окружении. И когда Советский Союз — исходя из своих тогдашних интересов — настаивал на применении соглашений о коллективной безопасности (т. е. принципа, согласно которому государства-члены Лиги должны были вступаться за жертв агрессии) в рамках Лиги наций, Гарвин настойчиво предостерегал, что тем самым создается угроза втягивания Великобритании в войну на стороне России и против Германии. Применение принципов Лиги наций (инициатором которых первоначально выступила Америка) привело бы, по мнению Гарвина, к гегемонии большевизма «в Европе и Азии». Следовательно, Гарвин исходил из того, что гитлеровская Германия (полностью в духе «Mein Kampf») совершит в отношении России то, что устав Лиги наций определял как агрессию. Причем препятствовать ей в этом — отнюдь не в британских интересах. Уже в 1936 г. Гарвин выступал против «мелодраматической теории, согласно которой любая и всякая немецкая экспансия *на восток...* представляет собой угрозу Западу». А в начале 1937 г. он — как и Гитлер — видел естественного союзника Англии именно в национал-социалистской Германии[948]. Мысль, что «*оба великих германских народа* будут сражаться друг с другом, невыносима», — заявлял Гарвин в 1938 г. британскому посланнику в Берлине[949].

В Британии существовала и противоположная внешнеполитическая концепция — концепция баланса сил Энтони Идена. Усиление фашистских держав требует создания уравновешивающей политической силы, — гласила эта концепция. Поэтому еще как министр иностранных дел Энтони Иден пытался препятствовать присоединению Испании к «оси» Гитлера — Муссолини и ради этого еще в 1937 г. пытался ограничить иностранное вмешательство в последнюю гражданскую войну в Испании. Именно против такой разумной политики выступал сэр Сэмюэль Хор — мотивируя свою позицию тем, что оно помешает победе генерала Франко (и подтверждая тем самым, что военный успех последнего целиком и полностью зависел от интервентов: Гитлера — в воздухе и Муссолини — на суше). Сэр Сэмюэль — и немецко-итальянское вооруженные силы на территории Испании — добились своего, потому

* Гарвин Джеймс Луис (1868—1947).

что мистер Невилл Чемберлен, премьер-министр кабинета его британского величества в 1937—1940 гг., не желал, чтобы «болшиз» (большевики) нанесли обиду Франко (в пользу правительства Испании, созданного в результате свободных выборов). В результате война в Испании — благодаря военному вмешательству Гитлера и Муссолини — закончилась так, как хотел Чемберлен. (И даже начальники штабов вооруженных сил Великобритании не выражали заинтересованности в том, чтобы Испания осталась вне сферы влияния фашистов[950].)

В этот внешнеполитический «успех» (потворство фашистским державам «оси») свой вклад внес и британский посланник в Париже сэр Эрик Фиппс*. Именно через него британское правительство оказывало давление на «союзное» французское (кабинет «парижских поджигателей войны»), принуждая его к уступкам диктаторам в Риме и Берлине. Ведь сэр Эрик был убежден, что «у большинства французских *евреев есть собственные причины* желать укрепления связи с Советами [т. е. франко-советского договора о взаимной помощи]...» И тот же сэр Эрик Фиппс в 1938 г. не допустил, чтобы в правительство союзной Франции вошел Поль-Бонкур**, который выступал за помощь республиканскому правительству Испании, избранному народными представителями[951].

Стоит также заметить, что для консервативной «English Review» правительство, выражавшее интересы большинства избирателей (и его штатские защитники, в июльские дни 1936 г. одержавшие верх в Мадриде и Барселоне над мятежными военными), было «вооруженной чернью», а мятежники, изменившие присяге, — «лучшими представителями Испании», «к которым англичане не могут относиться без симпатии»[952]. Чтобы не мешать подводным лодкам Муссолини торпедировать суда нейтральных стран, заходящие в порты, контролируемые правительством Испании, Англия в 1937 г. долго отказывала в защите британским торговым судам, торпедируемым в Средиземном море (в противоположность Америке, суда которой получили приказ в случае нападения открывать огонь)[952a].

Эта мера являлась частью политики главы (leader) верхней палаты лорда Э. Ф. Л. Галифакса, которому вскоре предстояло сменить Идена на посту министра иностранных дел при Невилле Чемберлене. Посетив в 1937 г. Гитлера, лорд Галифакс был совершенно очарован его «искренностью», а режим фюрера показался ему просто «чудесным». Ведь Гитлер, как он считал, вернул Германии (кото-

---

* Фиппс Эрик Клэр Эдмунд (1875—1945).

** Поль-Бонкур Жозеф (1873—1972) — фр. полит. деятель, публицист и юрист, в 1932—1933 гг. — премьер-министр, в 1932—1934 гг. и 1938 г. — министр иностр. дел.

рой «грозило уничтожение со стороны коммунистов») «самоуважение»[953]. Именно расовая основа политики Гитлера убедила лорда Галифакса в том, что фюрер «не алчет международной власти». (Ведь премьер-министр Невилл Чемберлен исходил из интересов не человечества, а отдельных наций как «центров политической добродетели» — как бы следуя направлению, указанному Хьюстоном Стюартом Чемберленом.) Галифакс с чувством говорил о «родственных странах»: Германии и Великобритании; он с симпатией относился к нацистским фюрерам, не сомневаясь, что они — *настоящие* ненавистники коммунистов. Лорд Галифакс даже упрекнул Идена за то, что тот больше считается с французскими союзниками, чем с Третьим рейхом. Уж скорее Франция, по мнению Галифакса, в случае нападения Гитлера на Советскую Россию должна была остаться в стороне. Но при этом Франции не следовало расторгать договор о взаимной помощи с Советским Союзом[954]. (Из чего следует, что западные союзники отказывались от обязательств перед русскими в случае нападения на них, тогда как русские по договору были обязаны помочь Франции — а тем самым и Англии.) Впрочем, лорд Галифакс хотел отказаться от британских союзных обязательств и в отношении Франции, чтобы Англия смогла перестать блокировать экспансию Третьего рейха в направлении «восточных пространств» — пока это не угрожало Британской империи и служило поддержкой в ее расистской политике. Отказаться от обязательств в отношении Франции следовало и потому, что борьба вместе с Францией, союзницей Советского Союза, означала бы для Великобритании войну на стороне большевизма. А начальники штабов британских вооруженных сил (*почти любой ценой*) стремились не допустить для Англии такого поворота событий[955].

ГЛАВА 13
БРИТАНСКИЕ ПОСОБНИКИ ГИТЛЕРА

Группа [Энтони] Идена соглашалась, что [в 1938 г.] миллионы немцев охотно саботировали бы ради нас работу на Гитлера, если бы мы им дали шанс.

Маурис Коулинг

Власть Гитлера могла быть абсолютно востребована провидением для установления такого миропорядка, который Британия никогда бы не осмелилась осуществить столь кровавым путем, но, возможно, лучше всех подходила для претворения его в жизнь.

Г. Уилсон-Найт

Пути к Мюнхену: «политика умиротворения», проводимая пособниками и сообщниками

По тем же мотивам — в частности, из-за антипатии к альянсу французских союзников с Советской Россией — британский консервативный истеблишмент в 1936 г. отверг и принятый Лигой наций принцип коллективной безопасности (статья XVI) — обязательство вступаться за жертв агрессии. (Несмотря на то, что Британия подписала этот документ, Невилл Чемберлен заявил: Британская империя ни при каких обстоятельствах не может быть вовлечена в войну «лишь из-за противоборства *маленькой* нации... своему могущественному соседу». Равноправие государств и право наций на самоопределение — принципы, провозглашавшиеся Лигой наций, — противоречили древней британской традиции, гласившей, что в этом мире англичане — избранная Богом нация[955а].) Принцип

же, принятый Лигой наций, а также акцент на соблюдении нравственных норм в международных отношениях означали — для большей части консервативного большинства в парламенте Англии — «превращение Лиги наций в антифашистское военное учреждение». Что могло — и британское правительство заявляло об этом открыто — «втянуть нас в акции содействия России против Германии»[956]. Впервые Невилл Чемберлен выступил против действий Лиги наций в 1932 г., когда ее члены хотели остановить агрессию Японии против Китая. Невилл Чемберлен предположил, чго «люди, восхищающиеся Лигой наций, почти наверняка чокнутые и либералы». А в феврале 1938 г., еще до начала экспансии Третьего рейха, он же провозгласил, что не стоит обманывать малые нации, уверяя их, будто Лига наций защитит их от агрессии[956а]. Ведь в конце концов союзы — в том числе и Лига наций — должны были служить *защите Англии*, а не тому, чтобы *Англия защищала* кого-то другого... Таким образом подразумевалось, что расистская империя имеет безусловный приоритет перед «интернационалистско-гуманистической» Лигой наций, вдохновителем создания которой были США. К тому же, гитлеровская Германия вышла из Лиги наций еще в октябре 1933 г. И правящий истеблишмент Англии сразу же начал обхаживать воистину почитаемых британцами фашистских властителей, обладавших огромным авторитетом и популярностью, поскольку они не вели себя как антиимпериалисты... «Паутина иллюзий», то есть коллективная безопасность и Лига наций, для имперской Британии стали теперь бесполезными. Зато Гитлер для огромного числа англичан в 1938 г. был «расовым патриотом», и не только для консерваторов: «враг коммунизма... он выражал чувства, разделяемые англичанами — и стремился стать союзником Великобритании»[957]. Начальники штабов британских вооруженных сил были готовы признать и его экспансию в Юго-Восточной Европе, пока Гитлер не давал поводов подозревать себя в намерениях напасть *на Британскую империю.* (Даже после того, как Британия объявила войну фашистской Германии, английский начальник Генерального штаба генерал Айронсайд хотел, чтобы его помощником был назначен видный член Британского союза фашистов генерал-майор Фуллер.) Военный советник сэр Морис Харки пошел еще дальше — он заявил: «Нельзя отрицать того, что скоро нам может стать выгодно соединить свою судьбу с Германией и Италией». Маурис Коулинг, английский историк, изучавший влияние Гитлера на политику Великобритании, (цитируя Идена) отмечал, что именно у начальников штабов проявлялось «инстинктивное желание *прыгнуть на подножку к диктаторам*» — склонность, которую

«рационализировало» представление о военной «слабости» Англии[958]. Это означает, что и для британского военного истеблишмента, боящегося демократии, неотразимая притягательность контрреволюционных диктатур была рационализирована с помощью технических уловок — постулирования военной слабости Англии.

Утверждение о военной слабости Англии в 1938 г. (как удобное «обоснование» ее систематической и последовательной прогитлеровской политики, популярной в стране «политики умиротворения», которая и дала Гитлеру возможность развязать в 1939 г. вторую мировую войну) благодаря непрерывному и монотонному повторению в течение десятков лет — во всяком случае, в средствах массовой информации — в конце концов стало аксиомой. Между тем очевидно (это ясно сознавали и современники), что в сентябре 1938 г. Великобритания (вместе с тогдашними союзниками ее и Франции) была в военном отношении намного менее слабой, чем (вместе с союзниками, оставшимися у нее год спустя) в момент объявления ею войны Третьему рейху[959] — 3 сентября 1939 г., когда вооружение Великогермании, согласно Герингу, достигло максимального уровня[960]. Между тем в Англии утверждение о «слабости» считалось неопровержимым[960a]. Его ложность подтверждали и авторитетные немецкие военные историки. «Британское правительство было... конечно... осведомлено..., что в момент развертывания немецкой армии против Чехословакии Германия была не в состоянии даже укомплектовать гарнизонами полевые укрепления, возведенные на Рейне, в Пфальце, в Саарской области и в Айфеле..., что на весь западный фронт... можно было выставить не более... семи немецких дивизий». Ведь в сентябре 1938 г. на стороне Англии, помимо Франции, были (связанные прямыми или косвенными союзными обязательствами) Чехословакия как союзница Франции (с высокоразвитой военной индустрией) *и* Советский Союз (а часть гитлеровских ВВС еще была отвлечена на борьбу с Испанской республикой).

По сообщению Кейтеля, у Великогермании в сентябре 1938 г. было менее 50 дивизий, у Франции — 100, у Чехословакии — 40 дивизий[960b]. Гитлер в случае войны с Чехословакией очень опасался чешских воздушных налетов на промышленные районы Саксонии[960c]. Он отмечал, что взятие чешских долговременных укреплений «[было бы] делом очень тяжелым и стоило бы нам много крови...»[960d]. По профессиональной оценке Кейтеля, в 1938 г. у вермахта было недостаточно сил, чтобы прорвать линию укреплений Чехословакии[960e]. «Захваченной в Чехословакии военной техникой можно было вооружить две дюжины пехотных дивизий» Гитлера[960f] — то есть поло-

вину всех дивизий Великогермании в 1938 г. В 1939 г. Германии — в результате стараний Чемберлена (1938) — досталось 600 чешских танков (производства заводов «Шкода»), свыше 1500 самолетов, 43000 пулеметов, 500 полевых орудий (с тремя миллионами единиц боеприпасов), около миллиарда единиц боеприпасов к стрелковому оружию — по утверждению самого Адольфа Гитлера[960g]. Йодль потом заявлял, что в 1938 г. немецкий вермахт не справился бы с вооруженными силами Франции и ее чешских и польских союзников. «Подобная авантюра... могла закончиться только самым сокрушительным поражением», — писал о войне на западной границе штабной генерал Зигфрид Вестфаль[960h]. Подобные опасения своего генштаба Гитлер опровергал соображением, что союзники не станут воевать[960i].

Во всяком случае, к моменту, когда в 1939 г. Англия объявила войну, на ее стороне оставалась только Франция (причем Гитлер больше не был связан военными действиями в Испании). Потворство экспансионистским притязаниям Третьего рейха в течение предыдущего года стоило Англии (и Франции) военной поддержки Красной Армии — чего, естественно, не могло компенсировать трехнедельное сопротивление польского войска.

Для объяснения такого итога британской внешней политики Невилла Чемберлена вновь и вновь, однообразно и постоянно, повторяют следующий довод: к тому моменту, когда Чемберлен выдал Чехословакию, Советский Союз увязал выполнение своих обязательств по отношению к ней с соответствующим военным вмешательством Франции* (Но со своей стороны Чемберлен оказывал

* Целый набор казуистических рассуждений на эту тему приводит, например, в контексте своей апологии Чемберлена венгерский историк Джон Лукач. Но даже у него можно найти текст заявления от 21 сентября, сделанного от имени Советского Союза (“Советский Союз готов в соответствии с советско-чехословацким договором о взаимной помощи оказать Чехословакии немедленную и действенную помощь в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет соответственную помощь”[961] <Ср.: “Только третьего дня чехословацкое правительство впервые запросило советское, готово ли оно, в соответствии с чехословацким пактом, оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь, и на это советское правительство дало совершенно ясный и положительный ответ”. Из речи председателя советской делегации М. М. Литвинова на пленарном заседании Ассамблеи Лиги наций 21 сентября 1938 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 21. М.: Политиздат. 1977. С. 509 (*прим. перев.*)>). Именно эту увязку советской военной помощи Чехословакии с помощью французской по традиции принято изображать как обходный маневр Москвы, как уловку, чтобы ускользнуть от выполнения обязательств по этому договору о взаимопомощи. И поэтому уже тогда соответственно настроенная пресса обычно умалчивала (как и Лукач, который ни

на французское правительство — которое в военном плане могло рассчитывать лишь на английскую поддержку — сильнейшее личное давление, добиваясь, чтобы союзные обязательства по отношению к Чехословакии не были выполнены. Он намеренно препятствовал французскому выступлению на стороне Праги, и не только тем, что уже 12 марта 1938 г. отказался гарантировать Франции поддержку со стороны Англии при выполнении союзных обязательств перед Чехословакией. Британский историк Р. Сэтон-Уотсон, изучавший эти события, подчеркивал, что «хотя Великобритания не имела никаких обязательств [по отношению к Чехословакии], она делала все возможное, чтобы Франция не выполняла своих союзных обязательств»[963].

Несмотря на это, 26 сентября 1938 г. французский главнокомандующий Гамелен доложил о том, что Франция могла бы атаковать Германию с запада (где у Франции было 23 дивизии, а у Германии — только 8) и выбить немецкие войска из Чехословакии. На следующий же день лорд Галифакс послал телеграмму, в которой требовал проинформировать французское правительство об отношении Англии к этому вопросу. «Мы верим, что они не станут нападать на Германию... Если нам не избежать участия в войне, то, по крайней мере, нам не следует разворачивать серьезную военную кампанию или предпринимать каки-либо меры для спасения Чехословакии». А 30 сентября 1938 г. чешский министр Вавречка заявил, что Чехословакия не обратилась за помощью к Советскому Союзу в одностороннем порядке, опасаясь, что их борьбу могут воспринять как борьбу на стороне большевиков. «И тогда, возможно, вся Европа будет вовлечена в войну против нас и России»[963а].)

Однако мы оставим в стороне вопрос о том, явились ли сомнения Невилла Чемберлена в готовности Сталина прийти на помощь

разу не упоминает об этом на 878 страницах своего труда), что договор о взаимной помощи, заключенный между Чехословакией и Советским Союзом 16 мая 1935 г., обязывал Советский Союз оказать военную помощь Чехословакии *при условии*, что таковую окажет Франция (в соответствии с договором о взаимопомощи между Чехословакией и Францией)[962]. Далее, всегда отмечается (как выражение намерений Сталина *не* оказывать помощи Чехословакии) оговорка Советского Союза (у которого тогда не было общих границ ни с Чехословакией, ни с Германским рейхом) о необходимости согласия Польши (или Румынии) пропустить Красную Армию. Как будто эти императивы, связанные с самыми элементарными географическими соображениями, не были превосходно известны обеим сторонам уже при заключении договоров о взаимопомощи. Как будто возможность прохода Красной Армии ради выполнения союзнических обязательств не зависела от воздействия на Польшу и Румынию со стороны Франции и Англии. Потому-то Советский Союз — предусмотрев это в тексте договора — и обусловил свою военную помощь Чехословакии выполнением Францией *своих* обязательств о помощи (*прим. автора*).

чехам и их западным союзникам в случае, если осенью 1938 г. разразится война, причиной согласия Великобритании уступить без борьбы ради выполнения якобы «последней территориальной претензии в Европе», выдвинутой Гитлером. Это утверждение не нуждается в опровержении уже потому, что документально установлено: британское правительство *вообще не желало* вступления Советской России в войну ради *защиты* союзной Чехословакии и даже «какого-либо *вмешательства Соединенных Штатов*»*. (Британия высказалась даже против американской инициативы провести в 1938 г. конференцию по проблемам международных отношений с участием США и Советской России. Целью конференции должно было стать объединение мировых усилий в противостоянии режимам Гитлера и Муссолини, обсуждение причин напряженности в международных отношениях и разрядка ситуации в Европе. Это вызвало возражения тори, считавших, что подобные мероприятия «могут сильно раздражать [фашистских] диктаторов». По этой же причине Чемберлен крайне негативно отреагировал на «достаточно нелепые предложения» Рузвельта, на «принципы, которые могут оказаться... *не по вкусу диктаторам*». Британский премьер-министр отлично понимал, что идеи Рузвельта грозят расстроить английские планы по соглашению с диктаторами, «которые могут усмотреть в происходящем очередную попытку демократического блока продемонстрировать их неправоту». К тому же Чемберлен терпеть не мог «бесконечных разговоров о *моральных* принципах»** и испытывал «почти нестерпимое презрение к американцам [а не только к русским]». Естественно, что тогда он не стал разглашать предложения Рузвельта, а его советник, сэр Уилсон, назвал их «сущим вздором». Вскоре и министр иностранных дел лорд Галифакс выказал поддержку «делу Британии», предупреждая об опасности «размягчения мира..., обманутого льстивыми речами [американского] либерального идеализма» — а не только коммунизма[964].)

Уже предшественник Невилла Чемберлена на посту премьер-министра, тоже консерватор, Стэнли Болдуин в 1936 г. рассуждал следующим образом: в случае войны Великобритания «может разбить Германию с русской помощью, но ведь это приведет только к большевизации Германии»[965]. И еще откровеннее Невилл Чемберлен мотивировал предательство чешской демократии в следующих словах: было бы «катастрофой, если бы Чехословакия была спасена

* Гитлеру докладывали, что в США во время «чешского кризиса» идея европейской войны была очень популярна[963а]. Согласно Колину Россу, в то время якобы «сотни тысяч [sic]... американцев охотно отправились бы в Европу, чтобы принять участие в войне». Только после британско-французских уступок, по его словам, в Америке утратили интерес к Старому Свету (*прим. автора*).

** Ср. ссылку 127 и сл. (*прим. автора*).

благодаря советской помощи»[966]. Не кто иной, как президент Чехословакии Эдвард Бенеш, вспоминал, что Запад не выдал бы его страну в 1938 г., если бы главной целью Запада не была как можно более полная изоляция Советского Союза[967].

Разве не лорд Ламингтон именно решающей осенью 1938 г. предостерегал, что решение вступиться за Чехословакию «отдаст Европу во власть массе недочеловеческих существ» («subhuman beings»)[968]? Правда, *этот* защитник политики мистера Чемберлена был известным фашистом. Однако один видный английский историк отмечал, что до марта 1939 г. внешнеполитические позиции британских фашистов не отличались от позиций Невилла Чемберлена[969]. А это в конечном счете означает, что официальная политика Невилла Чемберлена в отношении Германского рейха перестала соответствовать подходу английских фашистов только после аннексии Гитлером «остатка Чехии».

Фашисты в Англии настаивали на продолжении прежней европейской политики консерваторов и после того, как последние (после вступления Гитлера в Прагу в 1939 г.) были вынуждены отказаться от своей прежней линии. Сэр Освальд Мосли явно и демонстративно выражал идею отказа от политики европейского баланса сил и сосредоточения на заморском империализме[970]. А его Британский союз фашистов отстаивал мысль, что «умиротворение» Европы Гитлером способен был осуществить только Чемберлен. Английские фашисты славят последнего и по сей день. Так, фашистский капитан Мол Рэмзи категорично заявляет, что если бы не вмешательство мирового еврейства, то Британию миновала бы и вторая мировая война, и ее последствия[971]. Невилл Чемберлен (по словам американского посла Джозефа Кеннеди) утверждал, «что Англию принудили воевать Америка и мировое еврейство»[972]. (Доказано, что мистер Чемберлен предпочел бы держать Соединенные Штаты подальше от «своих» европейских дел — пусть он даже и не столь откровенно, как английские фашисты, высказывался о «дерзких речах» Ф. Д. Рузвельта, направленных «против Британской империи».) Вероятность подобных высказываний в устах Чемберлена подтверждается и заявлением его соратника по консервативной партии лорда Бивербрука (от 9 декабря 1938 г.), что «евреи могли бы втянуть Англию в войну... Их политическое влияние направлено на то, чтобы подталкивать нас в этом направлении»[973]. Ведь именно Бивербрук пытался (во имя империи) удержать Чемберлена от объявления войны (в защиту Польши).

Англия обещала оказать военную поддержку не Чехословакии, единственной демократической стране в тогдашней Восточной Ев-

ропе (государству, в котором этнические меньшинства имели больше прав, чем в каком-либо из созданных (или расширившихся) в 1919 г. государств, стране, где и судетские немцы долгое время входили в центральное правительство), а Польше — стране с авторитарным, даже полудиктаторским режимом, милитаристской Польше, отнявшей силой (либо угрозой применения силы) земли у всех соседних народов — как у немцев, так и у украинцев с белорусами, как у литовцев, так и у чехов*. Таким образом, заявление посланника Великобритании в Берлине сэра Невилла Гендерсона его польскому коллеге: «Немцы правы, утверждая, что из-за негибкости чехов единственным эффективным средством остается применение силы»[974] — вполне последовательно в своем цинизме. Стоит также заметить, что сэр Гендерсон отзывался о чехах как о «свиноголовой расе». (Даже автор весьма панегирической биографии Чемберлена мистер Фейлинг воспроизводит клевету, которую в 1938 г. распространяли о Чехословакии консерваторы. Так, он утверждает, что Чехословакия была «отчасти полицейским государством», а «расовые конфликты неизбежно породили целую систему шпионажа... Практиковалось заключение в тюрьму без суда и следствия... Суровая цензура в печати свидетельствовала... о том, что за неукротимые огни пылают внутри».)

Невилл Гендерсон видел опасность не в «господине Гитлере, а в чешских экстремистах». Таким образом, Гендерсон советовал своему правительству полную противоположность того, что так настойчиво предлагали немецкие военные — противники Гитлера: Эвальд фон Клейст**, Гальдер и Остер. Он советовал уступить Гитлеру, чтобы «не провоцировать»[975] его (sic)***.

И потому этот последний представитель его британского величества в гитлеровском Берлине «главного врага» видел в «критической прессе». По его мнению, ситуация — давно предвиденная им — при которой евреи, журналисты и лондонские интеллектуалы (именно в такой последовательности) втянули бы Англию в принципиальный конфликт (с гитлеровской Германией), совершенно не отвечала британским интересам. В июне 1939 г. сэр Невилл

* Часть Силезии Польша отобрала у немцев, Вильно — у литовцев в результате вооруженного нападения, большие части Западной Украины и Западной Белоруссии — у России (пришедшей в упадок после мировой и гражданской войн), а Тешинскую область — у Чехословакии (которую Англия оставила без помощи) (*прим. автора*).

** Клейст Эвальд Пауль Людвиг фон (1881—1954) — генерал-фельдмаршал.

*** "Провоцированием" Гендерсон считал идею проведения плебисцита, который дал бы австрийцам возможность выбирать между Гитлером и независимостью — за несколько дней до аншлюса, когда Гитлер занял Австрию, чтобы не допустить такого плебисцита (*прим. автора*).

Гендерсон признался Гитлеру, что Англия желает оставить за собой заморские территории, а Германии предоставляется свобода действий в Европе. Ожидания этого английского патриота цитировали следующим образом: «Германии суждено властвовать над Европой... Англия и Германия должны установить близкие отношения... и господствовать над миром». За четыре дня до вторжения Гитлера в Польшу Гендерсон уверял фюрера, что он, сэр Невилл, «не может исключать... возможности заключения Британией [военного] союза с [нацистской] Германией». (Не зря же английская оппозиция называла Гендерсона «наш нацистский посол в Берлине». А в 1913 г. он был замешан в контрабанде оружия для заговорщиков в Ольстере.) Гендерсон настаивал, что «центральный британский интерес — это империя». «*А между Британской империей и Германским рейхом есть положительная идентичность... оба воплощают самоопределение... расы*». «Достаточно лишь сказать, что факт расовой мотивации действий национал-социалистической партии... исключает всякий империализм» (Невилл Чемберлен)[976].

Так и случилось: сохраняя мир, мы спасли Гитлера.
Сэр Невилл Гендерсон

1938 г.: как англичане спасли Гитлера от прусских генералов

По той же имперской британской «логике», согласно которой чехи сами были виноваты в постигшей их злой судьбе, для имперских англичан и немецкие заговорщики — противники режима являлись «предателями родины»[977]. С точки зрения хранителей Британской империи оппозиция Гитлеру — их партнеру в деле сохранения расовой империи — была изменой в чистом виде, не говоря уже о попытке свергнуть Адольфа Гитлера (военный заговор Гальдера, Вицлебена и Остера). Во всяком случае, английская сторона выразила сомнение, не являются ли предателями такие высокопоставленные военные, как Эвальд фон Клейст, «который ищет за границей помощи в действиях против главы *собственного* государства...»[978]. Британское правительство «видело изменников родины... в представителях немецкого военного сопротивления, обратившихся к нему за помощью»[979]. Английский посол в Берлине 13 сентября 1938 г. уверял, что от речей некоторых его немецких собеседников

«попахивает изменой [фюреру]». «Ни один немецкий противник Гитлера не мог быть другом Чемберлена... он всегда испытывал подозрение к «антинацистам», приезжавшим в эту страну»[980]. Чемберлен же чисто инстинктивно не позволял «как-либо содействовать измене государству и родине», в смысле — измене *Гитлеру*: к последнему он питал более дружеские чувства, чем к прусским генералам, возлагавшим надежды на Англию. Таким образом, обращенная к Эвальду Клейсту мольба Бека: «Дайте мне надежную гарантию, что Англия вступит в войну в случае нападения на Чехословакию, и я положу конец этому режиму»[981] — была тщетной. Людвигом Беком двигал отнюдь не пацифизм, а понимание, что вести войну против союзников Чехословакии — дело безнадежное. Согласно Эриху Кордту, «*в то время* гораздо меньше мужества требовалось, чтобы восстать против безумного приказа Гитлера — под аплодисменты большей части немецкого народа, чем выполнить приказ о нападении, после чего эти военачальники неминуемо и притом очень скоро попали бы на виселицу — ведь [тогда] такая судьба неизбежно постигла бы их после поражения от рук разъяренного и восставшего немецкого народа». (Это было еще до того, как пропаганда настолько обработала немецкий народ, что он уже не потребовал ответа за военное поражение и национальную катастрофу с тех, кто вверг его в это бедствие.) Германия, по мнению Бека, стояла перед угрозой «не только военной, но и общенациональной катастрофы»[982]. Министр иностранных дел лорд Галифакс получил информацию о заговоре против Гитлера уже 7 сентября 1938 г. (от советника немецкого посольства Теодора Кордта)[983]. (Немецкая армия «была... готова свергнуть режим [Гитлера], если западные державы окажут твердый отпор его насильственному экспансионизму... Он был бы... застигнут на пороге войны. В этом случае предполагалось, что Гитлер будет арестован после оформления приказа о нападении... и до первой перестрелки, чтобы его — с подписанным приказом в качестве улики — можно было передать имперскому суду для вынесения приговора».)

«Единственным результатом [ходатайства Клейста] было решение Невилла Чемберлена посетить Гитлера» (с целью уступок без борьбы) — причем (едва ли случайно) в тот самый день, на который военные намечали свое выступление. («28 сентября ударные группы были уже готовы напасть на имперскую канцелярию. Там еще не было предпринято никаких чрезвычайных мер [защиты]... Теперь можно было начинать в любой момент»[983a]. И утром 28 сентября начальник штаба Франц Гальдер отдал стоящим в Потсдаме войсковым частям приказ идти на Берлин. К тому времени стало

известно, что главнокомандующий фон Браухич не будет препятствовать перевороту[983b].) «Приготовления группы Остера — Вицлебена — Гальдера к свержению Гитлера как раз переходили в решающую стадию, когда пришедшее днем 28-го [сентября] сообщение о предстоящей Мюнхенской конференции сделало их бессмысленными». Англия решила сделать ставку на Гитлера — а не на тех, кто собирался его свергнуть. Именно предупреждение о близком свержении Гитлера могло побудить английских политиков экстренно с ним сговориться[983c]. Поставленный перед альтернативой: Гитлер или Пруссия, Чемберлен сделал выбор в пользу Гитлера, а не его противников. Они «ощутили себя брошенными британским государственным мужем, который пошел на поклон к гангстеру», — констатировал Петер Хоффман[984]. Напрасно генерал Эрих Хёпнер — с Первой легкой дивизией — стоял наготове в Тюрингии, чтобы преградить дорогу на Берлин лейб-штандарту СС Адольфа Гитлера[985]. Государственный переворот (*в то время*) «был бы одобрен народом». Шансы на успех были столь велики, как, пожалуй, никогда после[986]. Даже «среди напуганного и не желавшего войны населения — единственный раз за двенадцать лет [правления Гитлера] — дело доходило до настоящих волнений...»[987]. 27 сентября 1938 г. «во второй половине дня в Берлине к солдатам относились как никогда плохо; в рабочих кварталах можно было видеть сжатые кулаки, в центре люди демонстративно смотрели в сторону».

«С такими людьми я не могу вести никакой войны», — жаловался Гитлер, и министр пропаганды вторил ему: «Да, мой фюрер...». То было время, когда популярность Гитлера находилась в самой низкой точке, писал автор «Ненужной войны». А американский журналист Уильям Ширер отзывался об этом периоде, как о «самом сильном протесте против войны», который он когда-либо видел. Однако нашелся человек, выведший Гитлера из этой затруднительной ситуации — британский премьер-министр[988] («Из многих концов Германии доносились горячие мольбы: "Не уступать! На этот раз у Гитлера ничего не получится. Народ не хочет войны!"» — вспоминал немецкий политический деятель Венцель Якш. Для него — но не для Раушнинга и не для Гёрделера, не для истории — было «*непостижимым*, что... Чемберлен... игнорировал немецкую оппозицию... существование судетских немцев... — противников Гитлера... игнорировал "трагическую стихию покинутых"»[989].)

Целый ряд наблюдений современников подтверждает, что угроза войны (из-за «судетского кризиса») вызывала у населения серьезнейшую озабоченность и подавленность. Так, в одном донесении службы безопасности СС говорилось: «Мнение о превосходстве

противника порождало пораженческие настроения, доходившие даже до выражения самой резкой критики в отношении «авантюристической политики» рейха». «Авантюризмом» считало эту политику большинство офицеров Гитлера, полагавших, что объявленная фюрером мобилизация была «военным запугиванием» с целью «дипломатического шантажа»[989а]. «Перемены настроения вызывали такой пессимизм, что, например, представители интеллектуальных кругов стремились бежать из пограничных областей на западе, находившихся под угрозой. В некоторых местностях... с банковских счетов снимались значительные денежные сбережения... Тяжелое впечатление... еще более усиливала всеобщая депрессия, возникшая вследствие угрозы войны». «Часть населения больше прислушивалась к иностранной пропаганде и в результате еще более укреплялась в своем тотальном недоверии. *Эти проявления пацифизма исчезли после Мюнхенского соглашения* так же внезапно, *как возникли во время кризиса*»[990]. С другой стороны, в исследовании, озаглавленном «Война Гитлера и немцы», отмечается: «Негативное значение Мюнхенского соглашения... даже трудно переоценить... Мало того, что оно укрепило мнение Гитлера в правильности его экстремистской политики... оно еще и сделало из него почти что легендарную фигуру для немецкого народа». «Образ непобедимого создала ему только... [якобы] непостижимая нерешительность его будущих противников». Передача Судетской области без развязывания войны стала обоснованием «непогрешимости Гитлера в глазах его *теперь* полностью убежденных сторонников». Лишь эта мирная передача обеспечила гром аплодисментов в ответ на уверенное утверждение Гитлера: «Я *все* рассчитал». Ведь «соотечественники, до тех пор еще не полностью уверившиеся в национал-социализме, теперь поняли, что для другой государственной власти достижение *такого* успеха было бы немыслимо. ... Не подлежит никакому сомнению, что... события [сентября 1938 г.] дали новый импульс национал-социализму и еще более укрепили его позиции среди населения. Престиж фюрера поднялся еще выше, и даже самые упорные *теперь* начинают усваивать положительное отношение к новому государству»[991]. (Эти перемены затронули даже узников концентрационных лагерей, многие из которых стали стыдиться своего негативного отношения к режиму.)

Таким образом, «Чемберлен оказал Гитлеру не меньшую услугу, чем господин фон Папен в январе 1933 г.» (когда помог тому прийти к власти), — комментировала «Zürcher Zeitung» 22 сентября 1938 г.[992] Сгруппировавшихся же вокруг генерал-полковника Людвига Бека офицеров день Мюнхена лишил какой бы то ни было базы для

сопротивления[993] перед лицом катастрофы, ставшей неминуемой: «Фюрера, признанного таким образом на Западе... не арестуешь; добрый народ никогда бы не простил генералам, если бы они попытались помешать Гитлеру и его гостю [Невиллу Чемберлену] добиваться... мира. Все было кончено»[994]. («Гитлер теперь убежден, что ему позволено все. Теперь он думает, что все великие державы будут пресмыкаться перед ним», — заключал один наблюдатель[994a]. А ведь всего за год до этого Гитлер не чувствовал себя настолько уверенно. Глава СС Генрих Гиммлер также высказывал свои опасения подчиненным: «Нам нужно больше концлагерей... 30 дивизий "Мертвой головы" образуют ядро... более крупных сил, которые потребуются нам для гарантирования внутренней безопасности и полного контроля над народом»[994b].)

В связи с ситуацией, сложившейся *в начале осени 1938 г.*, Генрих Гиммлер говорил о применении СС для подавления внутреннего сопротивления, а то и о гражданской войне в Германии (*никогда больше за весь период существования Третьего рейха он не делал подобных заявлений*): «Если бы началась *эта* война... мы бы выиграли ее. Правда, проявив такую жестокость и выказав такую железную волю, каких Германия еще не видела. Я могу гарантировать, что, пока я руковожу СС, внутри страны во время войны не будет ни одного человека, который хотя бы мысленно совершал революцию. *Потому что* такие люди сначала познакомятся с нами... Без всякой пощады... Потому что я, не дрогнув, уложил бы тысячу человек в городе. Я сделал бы это и ожидал бы от вас, что и вы это исполните»[995]. В первую очередь этот призыв был направлен против коммунистов. Гиммлер предвидел, что «широкие массы нашего народа... в ближайшие годы и десятилетия будут уязвимы для яда большевизма... распространяемого во все новых формах». «Здесь обнаруживается, что — несмотря на успехи национал-социализма — Гиммлер всегда питал глубокое недоверие к лояльности немецкого народа»[996].

Как, впрочем, и мистер Чемберлен, питавший недоверие к лояльности немцев к делу белой расы, за которое стояла Британская империя. Это стало ясно, когда в беседе с премьер-министром его британского величества (о риске развязывания войны в случае, если не будут удовлетворены «последние территориальные требования» Гитлера в Европе) Гамелен, верховный главнокомандующий вооруженными силами союзной Франции, упомянул о подготовке немецких генералов к свержению Гитлера, на что Чемберлен ответил: «Кто *нам* гарантирует, что Германия после этого не станет большевистской?» Поставить такой вопрос значило ответить на него. Под ответом мистер Чемберлен разумел естественную для него альтер-

нативу: если именно *Гитлер* предлагает *гарантировать* стабильность Британской империи, то плата в форме стабилизации гитлеровского имперского режима кажется премьер-министру Великобритании вполне справедливой. Не случайно его министр по делам Индии лорд Зетланд* сомневался, не создаст ли какой-то «*другой* немецкий *режим еще больше* проблем»[997].

Намерения, мотивы и результаты «умиротворения» Гитлера со стороны Чемберлена были настолько однозначны и очевидны, что еще в 1946 г. — пусть не в самой Германии, а в Швейцарии — нашлось издательство, согласившееся напечатать книгу одного немца — свидетеля событий, уже тогда отважившегося описать, как Чемберлен в сентябре 1938 г. спасал Гитлера от немецких генералов[998]. А в 1953 г. в консервативной лондонской газете «Sunday Express» британский журналист Ян Колвин напомнил, как немецкие генералы пытались объяснить английскому министру иностранных дел лорду Галифаксу, что твердость Великобритании способствовала бы свержению Гитлера офицерами его собственного генштаба в том же сентябре 1938 г. — как только Гитлер вверг бы Германию в войну. Колвин вспоминал и об официальном ответе, который он получил тогда от британского поверенного в делах из Берлина: «Никто не должен создавать впечатления, будто британское правительство интересуют переговоры с кем-либо, кроме законного правительства Германии»[999].

Генерал Гальдер был уверен, что, если бы Англия выразила готовность ответить насилием на насилие, Гитлер «спасовал бы». После того, как невозможно стало скрывать сведения, полученные на допросе Гальдера, коммунистическая газета «Daily Worker» вышла с заголовком «Как тори спасли Гитлера в 1938 г.» (13 сентября 1945 г.). Даже в глазах консерватора Карла Гёрделера** (который вовсе не был ни яростным сторонником демократии, ни противником капитализма) «Невилл Чемберлен и его клика сами были своего рода фашистами», желавшими «при помощи национал-социализма» спасти свою «систему получения наживы»...[1000] И эту оценку со стороны мученика немецкого национального сопротивления (которую Герхард Риттер охарактеризовал как «странную»; «однако при ближайшем рассмотрении не такую уж нелепую» — по Б. Вендту)[1001] вовсе не следует считать особым преувеличением. В самой Британии подобные оценки (особенно со стороны лейбористов) не казались чем-то неслыханным уже начиная с 1938 г. Ведь как-никак

* Дандас Лоуренс Джон Ламли, второй маркиз Зетланд (1876—1961).

** Гёрделер Карл Фридрих (1884—1945) — нем. полит. деятель консервативного толка, 1931—1937 гг. — обер-бургомистр Лейпцига, 1931—1932 гг. и 1934—1935 гг. — рейхскомиссар по ценам; участники Июльского заговора 1944 г., его прочили в рейхсканцлеры. После провала заговора был арестован и казнен.

мистер Чемберлен предпочел дело Адольфа Гитлера делу прусских генералов-заговорщиков, — в то время, когда (задолго до истребления Гитлером евреев и цыган) в концлагерях Третьего рейха томилось немногим менее четверти миллиона немецких оппозиционеров*. Не в последнюю очередь (а скорее всего в первую) это были немецкие коммунисты.

Именно это и сделало Гитлера в глазах влиятельных лиц в Англии самым надежным оплотом против большевизма — т. е. против его влияния на английских подданных из чуждых рас, влияния, ослаблявшего империю. В то же время за планами путча, замышляемого прусскими генералами — врагами Гитлера, этим влиятельным лицам мерещилась опасность большевистского хаоса, крах дисциплины и порядка. По сравнению с этим Третий рейх как гарантия порядка — т. е. систематизированности субординации — с его государственной идеологией, базировавшейся на самой радикальной расовой иерархичности, для англичан-тори был гораздо более приемлем. И «Гитлер... мог бы — при правильном обхождении с ним — даже оказаться “хорошим парнем”»[1003] (sic).

(«Умиротворение» Гитлера должно было — как утверждает автор книги «Политическая экономика умиротворения» — сохранить суть «британского образа жизни». Провал этой политики в конечном счете похоронил и сами «джентельменские ценности». Британский образ жизни вращался вокруг загородных домов на Итон сквер, которые нужно было спасать от войны, грозившей превратить эти фешенебельные дома в квартиры, вращался вокруг отеля Дорчестер, который нужно было спасать от угрозы перехода его в случае войны в руки туземцев, арабов. Ведь «британский образ жизни», который следовало защищать, ограничивался «джентльменскими ценностями» праздного английского класса[1003а]. Даже личный секретарь лорда Галифакса отметил, что «настоящими противниками перевооружения являются богачи из партии [консерваторов], опасающиеся обложения налогами. Ведь любая война, независимо

---

* По данным самого Генриха Гиммлера, в начале ноября 1937 г. в концлагерях Дахау и Заксенхаузене содержалось *по* 6000 заключенных, в Бухенвальде — 8000, т. е. 20000 только в этих трех лагерях. («Я убежден, — хорошо, когда наконец выскажешься до конца, — что в случае войны мы этим не обойдемся», — восклицал Гиммлер.) И это уже после стабилизации режима. Подчиненному Гиммлера Рейнхарду Гейдриху приписывают введение порядка, в соответствии с которым после полугодового заключения в концлагере узника освобождали. Таким образом, в 1937—1938 гг. только в трех названных концлагерях побывало 40000, а с января 1933 г. до конца 1938 г. — 240000 арестантов. Согласно Вернеру Мазеру, до начала войны в общей сложности «около миллиона немцев... познакомилось с лагерями в качестве заключенных» (*прим. автора*)[1002].

от того, проиграем мы ее или выиграем, погубит богатые праздные классы, которые вследствие этого выступают за мир любой ценой»[1003b]. В этом свете «расчетливого премьер-министра» с его «политикой умиротворения» подозревали — и не только в Государственном департаменте США — «в том, что он является пособником эгоистических финансовых интересов тех, кому особенно выгодно было заключить сделку с Берлином и Римом»[1003c].)

Хильдебранд установил, что Чемберлен вынужден был пойти навстречу Гитлеру — а потом и уступить ему — «чтобы *сохранить* империю и [*британское*] *общество, какими они были в то время.* Поэтому для него не было альтернативы консервативной «политике умиротворения». Это-то и завело Англию в тупик, в конце которого находилась война»[1004].

Однако и после аннексии Гитлером «остатка Чехии» (которой Великобритания торжественно давала гарантии), в июле 1939 г., в британской прессе встречались заявления, что Англия поступила бы правильно, последовав примеру Германии — «в духе общей крови и общих интересов». Предлагавший это журнал «New Pioneer» (при его имперско-патриотической позиции) уверял, что он отстаивает интересы «лучших представителей» Британии, отвечающих традиции паблик-скул — образца элитарного воспитания, которому подражали гитлеровские «наполас». Не случайно именно в этот период (сразу после того, как восхищение англичан гитлеровской Германией и сотрудничество с нею достигло высшей точки) деятельность британских паблик-скул меньше, чем когда-либо, подвергалась критике. Когда же Третий рейх, вместо того чтобы (как планировалось) служить интересам Британской империи, вступил с ней в войну, прозвучал упрек: «Если бы паблик-скул формировали у своих выпускников настоящее социальное сострадание... меньше бы людей [из находящихся у власти в Англии] предпочли бы принести в жертву Испанию, Чехословакию, Францию... вместо того, чтобы обратить свой взор к возможностям социального прогресса у себя на родине». Ведь утверждалось, что важнейшим «союзником фашизма был [классовый] снобизм... разлагающий англичан»; сословный «снобизм, выпестованный паблик-скул»[1005]. (Паблик-скул не только «с подозрением относились к воображению и интеллекту; находить решения также никак не полагалось... С проблемами нужно было обращаться свысока, с легкой руки... Все они были неискренни», — писал Рауз[1005a]. Исходя из этих фактов, можно с легостью понять, почему Невилла Чемберлена не устраивала четкая формулировка *идеологических* мотивов его «политики умиротворения».)

В 1940 г., в преддверии катастрофы, в свет вышла книга «Barbarians and Philistines», содержавшая обвинения в адрес британской педагогики. «Мы [британцы] пребываем там, где мы есть... во многом благодаря привилегированной системе образования правящих классов... Господствующий класс оставил за собой — использовав для этого систему образования — доступ к привилегированному положению, подорвав тем самым... движение в сторону демократии». «Мы ведем войну с авторитаризмом [а по сути с *тоталитаризмом*], в то время как большинство учеников любой паблик-скул в Англии... проголосуют скорее за авторитарную систему, чем за демократическую... И так готовили выпускников [паблик-скул], офицеров, колониальных чиновников» — это была подготовка для авторитарной системы, «где не было места демократии»[1005b]. Так и произошло: люди сражались не за демократию, а за свою страну, причем те, кто стремился к господству и владычеству, сохраняли свои привилегированные позиции.

Английские «властелины» узнавали в своих нацистских визави дух собственного духа. В ценностях, культивировавшихся в Третьем рейхе, можно было узнать установки, систематически прививавшиеся их собственным, английским элитарным воспитанием: следует быть элитой в элитарной же нордическо-англосаксонской расе, обладать волей к власти, привычкой повиноваться (и приказывать), отдавать предпочтение мускулам перед интеллектом, презирать людскую чувствительность — вот исконные ценности воспитанников английских паблик-скул. Это узнавание и объясняло высокую оценку Гитлера британскими властями, которая нашла свое воплощение в содействии англичан экспансии Третьего рейха. В этом была экзистенциальная подоплека того, что обычно объясняется стремлением британцев использовать нацизм в качестве защитного бастиона расовой империи Англии от большевистской угрозы.

Мы подвели их [поляков] и позволили им погибнуть, не предприняв ровным счетом ничего для их спасения.
Х. Далтон

Как непобедимость союзников так и не была использована ради окончания войны в сентябре 1939 г.

Но и позже функционирование этого бастиона не вызывало серьезных нареканий: «Сэр Сэмюэль Хор... обронил реплику, что после дальнейшего сближения четырех великих европейских держав [Ве-

ликобритании, Великогермании, Италии и Франции] они могли бы... даже взять на себя гарантию противодействия Советской России», — так было сказано в сообщении, поступившем в Берлин 31 октября 1938 г.[1005c] А уже на следующий день лорд Галифакс выразил пожелание, чтобы при *«возможной немецкой экспансии на Украину* Франция — и мы — не позволили бы России втянуть нас в войну с Германией». Через три недели (24 ноября 1938 г.) Невилл Чемберлен получил из Франции успокоительную весть: немецкое «выступление с целью отделения Украины» *не* обяжет Францию выполнять союзные обязательства по отношению к Советскому Союзу. Таким образом, британский поверенный в Берлине уже в Николаев день (6 декабря) 1938 г. мог передать в Лондон, что ближайшая цель [Берлина] на 1939 г. — создание независимой от русских Украины под немецкой опекой[1006]. Соответственно и его немецкий коллега в Лондоне 4 января 1939 г. мог передать «приятное» сообщение: «Если с немецкой — в том числе и военной — помощью, под предложенным Германией лозунгом «Освобождение Украины от власти большевистского еврейства», будет создано украинское государство, британское общественное мнение стерпит это». Секретарь сэра Кадогана, служившего в министерстве иностранных дел, мистер Глэдвин Джебб подтверждал, что «в случае, если Германия испытывает потребность в дальнейшей "экспансии", она всегда может рассчитывать на Украину». Ведь большая часть англичан полагала, что «ни с точки зрения морали, ни с точки зрения благоразумия нет необходимости препятствовать действиям Гитлера в Восточной Европе».

И вполне логично, что *еще весной 1939 г.* английский посол в Берлине сэр Невилл Гендерсон рекомендовал своему министру иностранных дел лорду Галифаксу дать Гитлеру возможность заняться «освоением» Украины (уже после того, как на это был сделан намек на съезде нацистской партии в 1936 г.). Гендерсон считал, что во время «акции» Гитлера на Украине Великобритания должна сохранять нейтралитет[1007].

Тем не менее позже, летом 1939 г., Англия пыталась добиться от Советского Союза, чтобы тот дал гарантии Польше, ее союзнице — гарантии помощи, если последняя подвергнется нападению и попросит о таковой[1007a]. Для самой Великобритании военный альянс был абсолютно неприемлем: «*В таком случае* Гитлер был бы загнан в угол. История с этого момента пошла бы по-другому», — писал один швейцарский историк[1008]. Но для того, чтобы добиться подобных гарантий от Советского союза, Англия — на основе взаимности — была бы вынуждена взять на себя аналогичные обязательства

по отношению к России. А это представлялось совершенно неприемлемым — понятно почему. (Из Министерства иностранных дел Англии так прокомментировали мотивы британского правительства (не разглашая, впрочем, широко эту точку зрения): «с одной стороны, кабинет желает *получить гарантию помощи от русских*, а с другой стороны — не брать на себя обязательств, которые заставили бы нас препятствовать экспансии Германии на Восток — в Россию»[1008a]. Британское правительство и в данном случае использовало политику двойных стандартов, оценивая свои действия с прагматической точки зрения, а действия русских — с позиций морали. Так, 24 августа 1939 г. Чемберлен пожаловался представителям своего кабинета: «Это *противоречит всем принципам чести* — в то время как мы, *ничего не скрывая*, проводим переговоры с русскими, они *за нашими спинами* договариваются с Германией...»[1008b].) Понятно и почему даже в августе 1939 г., к примеру, полковник Мейнерцхаген, шеф британской службы разведки и контрразведки в Восточной Африке, ратовал за совместные действия с гитлеровской Германией[1009].

После новых британских инициатив (предпринятых уже после объявления Англией войны гитлеровской Германии), при которых посредником в установлении контактов выступал американец, один немецкий дипломат сообщал: британцы стремятся сохранить Германию «в качестве пособника западных держав в действиях против России»[1010]. 28 августа 1939 г. Гитлер уверил шведского посредника Далеруса: остается только выяснить, что предпочитает британское правительство — политический договор с ним или альянс. Он бы отдал предпочтение настоящему союзу с Великобританией[1011]. (Один апологет внешней политики Гитлера вспоминал во времена Аденауэра, что еще 25 августа 1939 г. Гитлер предложил сэру Невиллу Гендерсону заключить договор, «обеспечивавший Британской империи немецкую помощь [15 дивизий — согласно Риббентропу] в любом месте, где бы она ни понадобилась»[1012]. Гитлер явно имел в виду потребность в помощи Германии для укрепления власти белой расы над низшими расами, особенно цветными...) Через того же Далеруса лорд Галифакс 26 августа 1939 г. передал сообщение: «Мы постараемся сохранить дух, который выказал фюрер»[1013]. Верно сказано, даже чересчур верно...

То, что британская сторона тогда не слишком усердствовала в противодействии Гитлеру, является неопровержимым фактом. Ведь посол его британского величества сэр Невилл Гендерсон заявлял из Берлина, что из всех немцев именно Гитлер умеренней всех в том, что касается Данцига и «польского коридора»...[1013a]

Гитлер, в свою очередь, 14 августа 1939 г. заверил своих генералов, что французы не предпримут серьезного наступления в защиту Польши, поскольку Великобритания отказала им в поддержке. (Гарантии, которые Чемберлен пообещал Польше, звучали намеренно двусмысленно, оставляя «открытой дверь для второго Мюнхена. Но поскольку Гитлер не дал Чемберлену такой возможности, мы никогда не узнаем, сколько консерваторов поддержали бы эту сделку», — комментировали эти события в «American Historical Review».) Более того: англичане уже предусмотрительно выяснили у Гитлера его планы на период *после краха Польши*[1013b]. Ведь и после нападения Германии на Польшу Невилл Чемберлен, похоже, «все еще не отказался от своей идеи некой Антанты со [своей] Германией» — правда, он не поделился этим замыслом с собственным министерством иностранных дел[1013c]. С другой стороны, Гитлеру было ясно, что его вторжение в Польшу будет иметь успех только в случае, если западные державы не проявят военной активности на его западном фронте[1013d]. Это сознавали и британские начальники штабов, когда принимали решение о невмешательстве. В результате Британия не стала бомбить военные заводы Гитлера в Эссене под предлогом, что Германия не нанесла ударов ни по одному из гражданских объектов Польши. Такая резолюция была вынесена через три дня после того, как британское правительство было информировано о том, что Германия нанесла авиаудары по 26 польским городам, а число жертв среди мирных жителей перевалило за тысячу[1013e].

Именно это противоречие между настроением «союзников» и поляков определило приоритеты Гитлера. Он верно рассудил, что в случае его нападения на западные державы Польша, выступив в их поддержку, втянула бы его в войну на два фронта, тогда как при его нападении на Польшу ни Англия, ни Франция не выполнят своих союзных обязательств[1013f] — даже в тот промежуток времени, когда его вермахт будет скован на восточном фронте. Ведь в случае войны на два фронта шансы Германии на успех в сентябре 1939 г. были почти столь же безнадежны, как и в сентябре 1938 г.

Для немецкого генералитета соотношение сил на западном фронте представляло собой самый настоящий *военный* кошмарный сон. Начальник штаба генералов Рунштедта, Кессельринга и Роммеля Зигфрид Вестфаль вспоминал: «У всех экспертов... волосы вставали дыбом, когда они думали о возможности французского наступления в самом начале войны. Им было непонятно, почему оно не начинается... Если бы французская армия [тогда] всеми силами перешла в наступление, она бы могла недели за две дойти до Рейна. Немецкие силы на западе были поначалу слишком незначи-

тельны, чтобы остановить французов». Напротив, Гитлер ясно видел, что (исходя из *идеологических* установок) чемберленовская Англия — вопреки самым элементарным военным соображениям — даже в случае перевеса сил над немцами на западном фронте не санкционирует наступления. Тот факт, что мистер Чемберлен не использовал уникальную возможность, которую западным державам давала гитлеровская игра ва-банк в Польше, остался для таких немецких генералов, как Кейтель, Зигфрид Вестфаль, фон Манштейн, Йодль и Вицлебен, непостижимым. Ведь они знали, что до победы над Польшей великогерманские вооруженные силы не в состоянии *одновременно* удерживать и западный, и восточный фронты[1013g].

На 1 сентября 1939 г. у союзников на западе было 2200 самолетов против 1000 у Гитлера (еще 2600 он послал на Польшу). Союзники могли в короткое время выставить на западный фронт 4,5 млн. французских солдат против всего 800 тыс. немецких. Превосходство в артиллерии также было на стороне французов[1013h]. А 30 августа 1939 г. британский кабинет был извещен*, что 46 союзным дивизиям на западной границе Германии противостоят только 15 немецких[1013i], 35000 французских офицеров — менее 10000 немецких, 3286 французским танкам — ни одного немецкого на западе в период польской кампании. Французский главнокомандующий Гамелен также подтверждал, что на тот момент силы французов в 3—4 раза превосходили немецкие силы[1013j]. Генерал Вермахта Лееб считал «Линию Зигфрида» «фасадом». Немцы еще 24 августа 1939 г. «опасались французского удара на Рур». Тогда он имел бы успех: на границах Франции и Голландии укрепления не были закончены. Генерал-полковник Вицлебен «видел», что — к началу сентября 1939 г. — немецкие линии не выдержат наступления союзников на западе[1013k]. По словам генерала Зигфрида Вестфаля, у вермахта на западе бензина и боеприпасов хватило бы всего на три дня боевых действий. Соответственно немецкие власти распорядились об «эвакуации угрожаемой пограничной зоны» — в частности, стариков и кормящих матерей[1013l].

И все-таки решение генштабов Англии (и Франции) осталось неизменным: даже во время концентрации сил вермахта в Польше они не отдали приказа наступать в восточном направлении[1013m]. В

* Британский кабинет был извещен своей военной службой разведки и контрразведки, в которой начальником морского департамента был контр-адмирал Дж. А. Г. Труп, открыто выражавший симпатии к фашистскому генералу Франсиско Франко. Но даже полученные по этим профашистским каналам данные о люфтваффе Геринга Невилл Чемберлен в августе 1939 г. увеличил на 200%, прежде чем доложить их кабинету. Об этом сообщал Джон Кимш, ссылаясь на некий «безупречный источник», который он вынужден был оставить «неназванным», но сообщения которого якобы были подтверждены «одним высокопоставленным офицером» (*прим. автора*)[1013н].

британском Комитете имперской обороны ни разу не обсуждали вопрос, следует ли после нападения Гитлера на Польшу вынудить Третий рейх воевать на два фронта. При этом члены комитета ни разу не проконсультировались с польским правительством. Его даже не ставили в известность...[1013п]. Тем самым правительство Польши — а ведь Англия давала ему гарантии — в военном отношении было списано мистером Чемберленом со счетов[1013о]. Британцы списали со счетов и 300-тысячную (в момент начала войны) армию Польши, пятую по величине армию Европы. Этим Англия предопределила судьбу Польши: для Великобритании «польский вопрос» был закрыт еще до того, как «из-за Польши» разразилась новая мировая война. Напрасно призывы поляков о помощи — после шести дней неравной борьбы ставшие отчаянными — напоминали союзникам об уникальной ситуации на западном фронте, прежде чем туда был переброшен вермахт из Польши[1013р]. Поляки, которые с 1 сентября 1939 г., хоть и безнадежно уступая противнику в военном плане, из последних сил защищали свою страну, возлагая надежды на британские (и французские) заверения, что им не придется проливать кровь одним. И вот они истекали кровью без военной поддержки своих могущественных союзников, за которых продолжали сражаться и потом, на чужбине — например, в Нарвике (Норвегия) в 1940 г. и в Монтекассино в 1943 г. (а в 1996—1997 гг. они опять-таки добивались приема в западный союзный блок...).

Однако в сентябре 1939 г., воздержавшись от борьбы с Третьим рейхом на его западном фронте, Англия не только бросила на произвол судьбы своих польских союзников. Она, не использовав ради еще достижимой (и насколько можно судить — легкой) победы *временную* военную слабость Гитлера на западе в сентябре 1939 г., а также свое военное превосходство и удачную стратегическую ситуацию, позволила Гитлеру развязать почти шестилетнюю мировую войну, стоившую человечеству массовых жертв, истребившую миллионы и миллионы человеческих жизней. Англия Невилла Чемберлена — после того, как сама же объявила войну, — не предприняла военных действий, которые (по оценкам именно немецких военных специалистов) могли бы уже в сентябре 1939 г. решить исход войны — и завершить ее. По сути британские власти избегали даже простого обсуждения этих возможностей.

Остается напрашивающееся само собой объяснение: Невилл Чемберлен и после уничтожения Польши намеревался договориться с Гитлером[1013q], ибо нуждался в нем. (15 мая 1939 г. британский посол Гендерсон уверил статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Эрнста фон Вейцзекера в том, что со стороны

Западных держав война за Польшу «будет [исключительно] *оборонительной*».) Есть основания утверждать, что в решающем сентябре 1939 г. британцы даже дали Гитлеру заверения, что наступление союзников на западном фронте не состоится. Существуют «серьезные доказательства того, что Британия обещала [Германии] не атаковать на Западе. Это соглашение было достигнуто в ходе секретных переговоров при посредничестве Папы римского». Уже 28 августа 1939 г. гитлеровское посольство в Лондоне знало, что «неминуемое объявление войны» Англией не будет означать никакой «реальной борьбы» против Германии. Сэр Сэмюэль Хор успокаивал: «Без объявления войны мы, конечно, не обойдемся, но сразу же напрягать все силы не будем»[1013r]. (По этому поводу сам Гитлер якобы заметил, что притворное объявление войны со стороны Великобритании — ради сохранения ее престижа — не будет трагично восприниматься Германской стороной[1013s].) Из этого следовало, что Гитлеру предоставят свободу действий на востоке.

Ведь мало того, что через долгое время после нарушения Гитлером Мюнхенского соглашения, еще решающим летом 1939 г., премьер-министр Невилл Чемберлен противился «домогательствам отдать предпочтение не только Сталину перед Гитлером»[1014], но и предпочесть Ф. Рузвельта[1014a] и даже сэра Стаффорду Криппсу, политика из оппозиционной лейбористской партии в самой Англии, германскому фюреру...

При этом не мистер Чемберлен заявил о том, что «опознал» за военным потенциалом Сталина «всемирный еврейский заговор». Это сделал другой депутат от консерваторов (1931—1945), воспитанный в Итоне, капитан Арчибальд Мол Рэмзи (из Нордической лиги, председатель «Объединенного христианского фронта» — «United Christian Front»), убежденный фашист. (Еще в мае 1939 г. он основал «Клуб правых», члены которого не признавались в принадлежности к нему. Это дало возможность тем тори, которые придерживались полуфашистских убеждений, но никогда не признались бы в симпатиях к вульгарным чернорубашечникам Мосли, проявлять теперь уже «респектабельный» антисемитизм. Поскольку к началу Второй мировой войны «Клуб правых» насчитывал около 200 членов, Джон Костелло видел в нем «симптом антисемитизма, свойственного британским правящим классам»[1015].) С другой стороны, один из самых видных исследователей истории этого британского движения четко установил: никак нельзя однозначно заявлять, что политические установки Британского союза фашистов в отношении нацистской Германии вплоть до 15 марта 1939 г. радикально отличались от политических установок британского пра-

вительства[1016]. А это значит, что менее чем за шесть месяцев до того, как Гитлер развязал вторую мировую войну, британская официальная политика по отношению к Третьему рейху не имела разительных отличий от политики британских фашистов.

В плане численности последние имели не меньший вес и после начала войны. Росла популярность и объединенного британского движения, названного «Link» («Связь»), куда входили даже высокопоставленные британские правительственные чиновники и военные, включая и тех, кто был «готов заменить демократию более подходящей формой правления». Даже через два с половиной месяца после объявления Англией войны, «Link» насчитывал 4300 зарегистрированных членов. «Фашистская лига» Арнольда Лиза также достигла своей высшей точки развития в 1939 г. — как раз накануне объявления войны[1017]. Даже через полгода после этого начала войны, в марте 1940 г., Британский союз фашистов (с программой «сохранения империи и мира» — т. е. чемберленовской программой 1938 г.) все-таки получил в северо-восточном Лидсе 3% голосов (больше, чем Гитлер в Германии в 1928 г.)[1018].

Ведь британцы — и важность этого факта едва ли можно преувеличить — «были втянуты в войну не с нацистским режимом, а с его внешней политикой».

(«Например, один британский министерский чиновник, получив сведения о судьбе евреев, отказался принимать «сантименты Еврейского агентства» за чистую монету... Англичанин Портленд, начальник штаба связи секретных служб... заявил, что не мог верить как польским, так и еврейским сообщениям о зверствах в отношении евреев. «Ведь у евреев... богатая фантазия...» В специальном докладе, подготовленном для английского правительственного аппарата, задавался риторический вопрос: «Почему бы евреям не пострадать, если они это заслужили?»»[1019] Эти цитаты, приводимые Вернером Мазером, не датированы. Зато можно точно датировать время, когда британские секретные службы впервые узнали о геноциде, проводимом нацистами, — почти за три месяца до открытия первых лагерей смерти (1942). И даже тогда британское правительство предпочло умолчать о том, что Гитлер начал истреблять евреев[1019а].)

Правительственная публикация «Дело Британии», появившаяся в декабре 1939 г., открыто высказывала мнение, что граница между фронтами «проходит не между демократическими и недемократическими государствами — как было абсурдно предположено». В этой публикации откровенно восхвалялись фашистские режимы Италии, Испании и Португалии. Официальная точка зрения состо-

яла в том, что «основная ответственность за волнения в Европе лежит на России». Гитлер же (по мнению британских властей — до прихода Черчилля к власти) являлся вполне приемлемой фигурой, пока боролся против «кровавой мировой революции», о чем и говорилось в этой официальной публикации (с предисловием министра иностранных дел), вышедшей уже после объявления Англией войны. Здесь же содержатся многочисленные жалобы на «отступничество и измену герра Гитлера», «предательство Европы, брошенной на алтарь коммунистических амбиций».

А один из основных мотивов, по каким Англия объявила войну, в тот же день самым ясным образом сформулировал сам мистер Невилл Чемберлен. Его обращение по радио к немецкому народу, которое начиналось словами: «Немцы!», венчал следующий выпад против их фюрера: «Он годами клялся, что он — смертельный враг большевизма. Теперь он его союзник!..» Причиной, по которой все партии в Палате общин настояли на «помощи Польше» со стороны Великобритании и объявлении войны Германии, явился именно пакт Молотова–Риббентропа[1020]. И все же десять дней спустя личный секретарь Чемберлена отметил, что Британии не следует отказываться от возможности объединения с немецким правительством ради противостояния общей угрозе, т. е. России[1020a].

Я рад за немецкий народ, потому что... Англия и Германия выступают... совместно... И тогда мы нашли бы настоящих союзников... Я восхищаюсь ими... Здесь *нам еще нужно многому поучиться.*

Адольф Гитлер, 1941

Гитлер в роли «отвергнутого поклонника» Англии

Когда потом, менее чем через два года, в день столь долгожданного для Англии нападения Гитлера на Россию, столь твердое в своих антироссийских (и антибольшевистских) предпочтениях британское правительство все-таки объявило о своей солидарности со Сталиным, — «возможно для немецкого фюрера... это было самым горьким... разочарованием»[1021] в его жизни. «Сожаление, что ему не удалось объединиться с Англией, красной нитью прошло сквозь все годы его правления», — свидетельствует Альберт Шпеер[1022]. Англию Гитлер вспоминал и в последние недели жизни: «Я делал все, чтобы щадить гордость Англии. С самого начала этой войны я

старался действовать так, словно глава британского правительства способен понять политику крупного масштаба»[1023]. Нечто подобное заявил через полгода после начала войны верховному командованию вермахта и один гитлеровский морской офицер: якобы Англия готова признать господствующее положение Германии в Европе. За это, по его мнению, Германия должна будет — через четыре месяца после пакта Гитлера со Сталиным — вместе с Англией выступить против большевистской опасности с востока. В свою очередь, личный секретарь Чемберлена сэр Артур Ракер заметил (11 октября 1939 г.), что «в сложившейся ситуации коммунизм представляет собой наибольшую опасность, даже большую, чем нацистская Германия». А всего три дня спустя (и через полтора месяца после объявления войны) он предостерегал против «подогревания военных настроений», осуждая Черчилля за преследование немецких подводных лодок[1024].

В самой Великобритании — вплоть до 9 апреля 1940 г., т. е. до начала военных действий на норвежском берегу напротив Англии —за чемберленовскую «политику умиротворения» Гитлера даже после объявления войны выступали не только приверженцы фашистского лидера Освальда Мосли, но и большая часть британской общественности. В целом настроения в пользу сделки с Гитлером сохранялись в Англии вплоть до его наступления на западном фронте (10 мая 1941 г.)[1025]. Британское правительство явно не исключало возможность того, что в один прекрасный день англичане вместе с немцами объединятся для совместных действий против Советского Союза, видя в нацистах желаемый противовес политике СССР. Утверждают, что даже окружение Чемберлена еще в начале 1940 г. тяготело к «гармонизации интересов» с гитлеровской Германией и призывало ее к нападению на Россию, к которому якобы собиралась присоединиться и сама Англия[1026]. Этого желал и Роберт Мензис, премьер-министр расистской Австралии[1026a]. В то время Советскую Россию принимали за «легкую мишень» для британских военно-морских сил. С января 1940 г. стала формироваться (в основном британская) экспедиционная армия против Советского Союза. Британия планировала — еще за десять дней до нападения Гитлера на Россию — с помощью авианалетов парализовать деятельность советских нефтепромыслов. Притом якобы затем, чтобы тем самым подорвать поставки горючего в Германию...[1026b]

Тем временем британские секретные разведслужбы сохраняли каналы связи с нацистской Германией и после завоевания ею Польши. Майор британских ВВС Вильгельм де Ропп, тайный агент, признанный близкими к премьер-министру Невиллу Чемберлену

«одноклубниками», мог даже уверять Альфреда Розенберга, что война, объявленная Великобританией, «приведет лишь к гибели Запада, арийской расы [sic] — и к большевизации Европы, а значит, и Англии». И, следовательно, для сохранения Британской империи необходимо прекратить войну с гитлеровской Германией. И пусть «ни одна официальная [английская] инстанция больше не призывает к свержению немецкого правительства»[1027]. В документах же, происходящих из окружения Гитлера, содержались следующие записи: «Фюрер *не* будет в обиде на Англию за эту мнимую войну»[1027a]. Сообщается, что еще 19 декабря 1939 г. лорд Галифакс выражал интерес к заключению мира — на условиях союза «воюющих сторон» (в том числе Италии), возвращения Германии колоний и восстановления ее восточной границы 1914 г., передачи чехов под немецкое верховенство и воссоздания польского государства (включающего Западную Украину и Западную Белоруссию)[1027b].

С другой стороны, установлено, что Гитлер не планировал уничтожения Англии: «Если мы разгромим Англию в военном отношении, Британская империя распадется. Германии это совсем невыгодно». «Развались сегодня империя... наследниками... стали бы не мы, а Россия... и американцы... Если сегодня Англия умрет, это нам ничего не даст»[1028]. Вскоре после «победы на западе» Геббельс заявил, что Гитлер ни в коем случае не желает «расправы» над Англией: «Мы не хотим разрушать Британскую империю... Английский народ не должен чувствовать себя оскорбленным... Фюрер, несмотря ни на что, все еще очень положительно относится к Англии», — отмечал рейхсминистр пропаганды[1029]. Известно также, что Гитлер лично распорядился позволить британскому экспедиционному корпусу беспрепятственно бежать из Дюнкерка. 24 мая 1940 г. он отдал четкий приказ генералу Рунштедту «остановить немецкое наступление в 24 км. от Дюнкерка»[1030], давая возможность для эвакуации британского экспедиционного корпуса (тогда как именно в Дюнкерке его вермахт взял в плен около 40 тыс. ***французских*** солдат). На вопрос, «как это он... позволил британцам бежать, Гитлер ответил, что он... не хотел без нужды раздражать “кузенов с того берега”»[1031]. За несколько дней до того Гитлер в присутствии Гальдера заявил: «Мы ищем контакта с Англией на основе раздела мира»[1032]. (т. е. раздела между расистскими империями Англии и нацистской Германии.) Не уничтожать Англию, а вынудить ее встать на сторону Гитлера — такой была первоочередная цель даже в 1940 и 1941 гг. Ведь, в конце концов, Гитлер напомнил после своей победы над Францией: «Кровь любого англичанина слишком драгоценна, чтобы проливать ее. Наши народы

составляют единое целое — по расе и традиции; таково мое мнение с тех пор, как я себя помню»[1033].

(Правда, расовое сознание англичан [*в тот момент*] было настроено против... идеи германо-англосаксонского кровного родства... считалось, что немцы... не имеют ничего общего с британцами и *их* претензию на принадлежность к «расе господ» [отныне] можно отмести с насмешкой[1034].) Гитлер чувствовал себя ответственным за будущее белой расы господ. Его поиски дружбы с Англией включали в себя и стремление создать «Тевтонскую империю германской нации», причем понятие «тевтонский» включало в себя англосаксонскую расу.

В период с 10 мая по 30 июня 1940 г. Гитлер пребывал в полном убеждении, что Британия готова к «разумному миру» с ним на следующих условиях: она выполняет «миссию Белой расы», а он следует своему призванию покорения восточных пространств — возможно, даже полагая, что он может рассчитывать в этом деле на помощь Британии[1034а]. (Пользуясь этой ситуацией, Черчилль, якобы, не давал Гитлеру четкого ответа, пока тот в соответствии со своим планом не приступил к «броску на Остланд».) Среди всех «побежденных» правительств Гитлер протянул «руку дружбы» только британскому. «Что такое напряжение тех лет по сравнению с голосом крови! Война с Англией — все равно что гражданская война», — увлеченно восклицал уже английский корреспондент Альфреда Розенберга. «В отношениях между Германией и Англией есть нечто от отношений Пруссии и Австрии... в 1866 году... Чтобы сохранить свою империю... они нуждаются... только в Германии [Германской империи]», — повторял Гитлер[1035]. И даже за несколько недель до смерти он размышлял о том, «не сохраняет ли английский народ тех англосаксонских качеств, которые обеспечили ему власть над миром и... сегодня бы оправдали ее»[1036]. «Если сегодня придет к власти [сэр Сэмюэль] Хор, ему нужно лишь освободить фашистов... таких людей, как Мосли. Если бы такие люди, как Мосли, вышли на волю! Более 9000 человек... из лучших семей сидят... потому что они не хотели войны»[1037]. На то, что «лучшие элементы Англии» «вновь окажутся у руля» в результате ее поражения, надеялся еще Хьюстон Стюарт Чемберлен, английский вдохновитель Гитлера[1038] — на то, что поражение Англии станет ее победой[1039]. Причем такой победой, после которой большинство, массы более не будут играть никакой роли, — как этого хотел гитлеровец Ханс Гримм. Англичане лишь тогда действительно станут англичанами, когда начнут сотрудничать с немцами, которые лишь тогда действительно будут немцами, — к такому заключению пришел Ханс Гримм[1040].

Среди англичан, которые видели исполнение судьбы Англии в союзе с гитлеровской Германией был и Мол Рэмзи с его Нордической лигой, вошедшей 11 сентября 1939 г. в Британский союз фашистов под руководством Мосли. Известные члены этой организации на секретном заседании в январе 1940 г. предлагали устроить государственный переворот, свергнуть правительство и прекратить военные действия против Гитлера. О таком же перевороте размышляли и члены «Клуба правых», число которых даже на момент начала войны с Германией составляло 200 человек[1040a]. В рядах этой организации состояли такие известные люди, как заместитель председателя консервативной партии полковник Харольд Митчелл, два парламентских организатора правящей партии консерваторов — Чарлз Керр и сэр Альберт Эдмондсон, высокопоставленные правительственные чиновники, включая шесть членов Палаты лордов, а также тридцать парламентариев. У основателя «Клуба правых» Арчибальда Мола Рэмзи были хорошо налаженные связи с военными (выпускниками Итона) и представителями британского истеблишмента. В этой организации состояли и члены известных клубов лондонского истеблишмента, как, например, Карлтона, престижнейшего консервативного клуба для министров[1040b].

Список членов «Клуба правых» и до настоящего времени держится в секрете. Этот список называли миниатюрным «кто есть кто» в деле пособничества Гитлеру. В «Клуб правых» входили и члены королевской семьи, и лидеры партии консерваторов. Похоже, что за лоббированием мирного договора с гитлеровской Германией стояли королева Мария, несколько лордов (лорд Buccleuch, лорд Лондондерри) и герцог Вестминстерский, которому симпатизировал Невилл Чемберлен. (Утверждается, что этот герцог, самый состоятельный человек империи, 12 сентября 1939 г. — то есть уже после объявления войны — и в октябре того же года высказывался против войны с Германией, характеризуя эту войну как «еврейско-масонский заговор с целью уничтожить христианскую цивилизацию». Герцог Вестминстерский опасался, что «две наиболее близкие и наиболее дисциплинированные расы в мире» могут обескровить и погубить друг друга[1040c].)

Благодаря специальному законодательству, принятому с целью ограничить влияние подобных элементов внутри страны, правительство Черчилля смогло, начиная с 22 мая 1940 г., арестовать 1769 человек, среди них и капитана Арчибальда Мола Рэмзи и адмирала сэра Барри Домвилла. Несмотря на принятые меры, тори вскоре попытались свергнуть кабинет Черчилля и сформировать новое правительство, готовое прийти к соглашению с Гитлером; об

этом 27 июня 1940 г. сообщила американская газета «United Press»[1040d]. Причиной этого послужило то, что интернированы были лишь самые эксцентричные из почитателей Гитлера, самые же видные имели слишком большое влияние в стране и оставались на свободе на протяжении всей войны[1040e]. Для последних действия Черчилля стали лишь предупреждением о том, что британские службы безопасности интересуются более нацистской пропагандой и той частью английского истеблишмента, которая сочувствовала Третьему рейху, чем откровенными британскими фашистами, на тот момент уже интернированными, а значит, не представлявшими опасности.

Так, например, лорд Buccleuch, соглашаясь с Гитлером в том, что война «выгодна только СССР, евреям и американцам» и что она окажет разрушительное действие на Британскую империю, уже в феврале 1940 г. хотел добиться сепаратного мира с Германией. Единственным наказанием для него стало увольнение с должности управляющего королевским двором и введение надзора за ним. Директора же британской разведки («М 15») сэра Вернона Кэлла уволили за «*чрезмерное* снисхождение к фашистскому андерграунду»[1040f]. Однако даже во времена союза Англии с Советской Россией во главе отдела британской контрразведки «В 5», занимавшейся поисками фашистов, стоял ярый антикоммунист и антисемит Максвелл Найт. (Сообщалось, что советскому шпиону Гарольду Филби удалось добиться его расположения именно благодаря тому, что он изображал из себя фашиста, которого наградил орденом сам генерал Франко.) Очевидно, Максвелл Найт и оказался тем человеком, который предупредил «англичанина Гитлера, лорда Хо-Хо» (ср. ссылки 1048—1048g), дав ему возможность вовремя покинуть страну[1040g]. Но и после этого случая Максвелл Найт продолжал находиться под протекцией «семьи» питомцев паблик-скул («Old Boys»)[1040h].

«Для того, чтобы защитить лиц, которые пострадали бы от разглашения информации, или их потомков... некоторые из самых важных документов... касающихся британского фашизма, были засекречены. Это относится к делам капитана Рэмзи, адмирала Домвилла... и Арнольда Лиза... Дела более чем 700 фашистов были уничтожены властями». Ходили слухи о том, что в отделе «М 16» пылали костры, уничтожались целые груды дел, касавшихся уважаемых лиц и их роли в событиях 1939/1940 гг., — напоминал автор «Тайной истории британского фашизма»[1040i]. Доступ к информации о членах «Клуба правых», этой «подпольной организации приверженцев нацизма из британского истеблишмента» (по словам Скотта

Ньютона) был ограничен из-за опасений, что в ответ на разглашение этой информации последуют многочисленные иски «за клевету». Огласке было предано лишь несколько имен, и дела эти, главным образом, касались почивших в бозе. Для защиты репутации уважаемых представителей британского истеблишмента, тех, кто пытался договориться с Гитлером, доступ к архивным данным был закрыт. Уже в 1941 г. Министерство внутренних дел Великобритании настаивало на том, что публикация списка членов «Клуба правых» расходится с интересами общества. В послевоенный период Британское правительство также отказывалось публиковать документы, связанные с деятельностью этой организации. Выяснилось, что доступ к информации о «Клубе правых» был закрыт не только в Лондоне — *по просьбе британской стороны* соответствующие документы были изъяты и из государственных архивов в Вашингтоне.

Попытки продолжать «политику умиротворения» Гитлера предпринимались британским истеблишментом и после объявления войны. Американскому военному атташе в Лондоне «стало известно, что в Сити [т. е. на бирже] все в любой момент были готовы приступить к осуществлению "политики умиротворения"», поскольку их раздражали действия Черчилля, не заботившегося, по их мнению, о сохранении империи[1040j]. Оппозиционная Черчиллю часть британского истеблишмента (группировавшаяся вокруг лорда Бивербрука) опасалась потерять как империю, так и свои привилегии, и потому ратовала за сохранение прежнего общественного порядка[1040k]. Лидерам тори приписывались замыслы «устранить всех джентльменов из правительства, и даже из Палаты общин»[1040l]. Ради сохранения привилегий британского истеблишмента и спасения Британской империи министр иностранных дел лорд Галифакс и его заместитель Р. А. Батлер в июне 1940 г. обратились к Гитлеру с вопросом об условиях мира с Германией. Ожидалось, что, предоставив Гитлеру континентальную Европу, Британия получит возможность сохранить свою империю со всеми ее колониями и подмандатными территориями[1040m]. Таким образом лорд Галифакс лоббировал интересы целой группы людей: биржевиков, крупных промышленников, землевладельцев-тори и даже представителей королевского двора, опасавшихся падения империи. В свою очередь король Георг VI желал сделать лорда Галифакса премьером[1040n], ожидая от этого «бесстрастного тори», что он сумеет объяснить сделку с Гитлером интересами империи[1040o] и сохранит Британскую империю и британский флот в целостности. Однако в конце мая 1940 г. этим планам помешал Уинстон Черчилль, которого поддержали

лейбористы. В ответ лорд Галифакс назвал Черчилля и его соратников «гангстерами». Несмотря на эти события, Галифакс продолжал (тайком от своего премьера) поиски мирного решения конфликта с Третьим рейхом, рассчитывая сохранить Британскую империю, которой он был предан больше, чем кабинету министров, членом которого являлся. В результате 18 июня 1940 г. Черчиллю пришлось пригрозить лорду Галифаксу арестом[1040p].

Сам Гитлер предпочитал иметь дело с людьми вроде лорда Галифакса, чей опыт управления колониями (Галифакс был вице-королем Британской Индии) внушал уверенность в имперском призвании Англии[1040q]. От имени этого же лорда британский банкир Виземан получил предложение об «управлении Германии... Генрихом Гиммлером», шефом нацистских концлагерей[1040r].

Попытки «найти мирное решение», предпринятые членами правительства Чемберлена, не остались безответными. Весной 1941 г. Рудольф Гесс привез в Англию предложение «от имени Гитлера»[1040s], включавшее признание Британской империи и гарантии ее стабильности; за это Третий рейх требовал для себя свободы действий в континентальной Европе («против большевизма»). (То обстоятельство, что Россия стала большевистской, Гитлер считал прямо-таки счастливым фактором для своей политики. Это (якобы) обеспечивало ему легкое завоевание восточных пространств[1041] — не говоря уже об одобрении со стороны Англии.) В то время как Россия обречена на уничтожение, Британская империя может быть спасена, если только примет дружбу Гитлера[1042]. (Черчиллю удалось заставить свой раздираемый разногласиями кабинет отказаться от «щедрого» предложения Рудольфа Гесса. Информация об этом предложении была засекречена (отчасти и по сей день) с тем, чтобы «защитить... высокопоставленных консервативных... политиков; репутация главных министров оказалась в опасности»[1042a].)

Ожидалось, что окончательное оформление дружеских отношений Британии с нацистской Германией произойдет после прихода к власти сэра Сэмюэля Хора[1042b]. Именно его кандидатуру — вместо Черчилля — желал видеть Адольф Гитлер, считавший Сэмюэля Хора «своим человеком»[1042c]. (Именно Черчилль открыл доступ к досье сэра Сэмюэля Хора[1042d]). Это подтверждают записи Александра Кадогана, занимавшего пост несменяемого помощника министра иностранных дел, назвавшего Хора «будущим Квислингом Англии» — после того, как Германия покорит Британию. Однако Кадоган утверждал, что у Британии все же есть последняя надежда: надежда на убийство Сэмюэля Хора в ту пору, когда «крысы покидают тонущий корабль»[1042e]. Ибо даже тогда, в мае 1942 г., Сэмюэль Хор

продолжал поддерживать связи с представителями Гитлера. В качестве посла Чемберлена во франкистском Мадриде он уверял представителя фюрера в Испании в том, что «рано или поздно он [Хор] будет вызван обратно в Лондон, чтобы принять там бразды правления...»[1042f].

То, что в 1941 г. «*только* Гитлера по-настоящему волновало, чтобы эта [Британская] империя сохранялась [Гитлер предложил помощь немецких солдат для защиты империи], потому что он видел в ней оплот цивилизации [чистой белой расы]», с полным правом мог заявить фашистский депутат капитан Мол Рэмзи (уже после завершения второй мировой войны и распада империи как ее результата)[1043]. Во всяком случае, имя Британии — согласно одному эсэсовскому источнику — в Третьем рейхе и в 1941 г. все еще вызывало уважение[1044]. А в 1995 г. на глубину и стойкость представлений Гитлера об Англии — вплоть до печального для него конца войны — указал один из авторитетнейших историков[1045].

Нельзя сказать, что Запад не подкреплял таких представлений Гитлера. Так, Джозеф Кеннеди, американский посол в Лондоне, католик и клерикал, якобы узнал, что «Гитлер атаковал бы Россию, не войдя в конфликт с Англией, если бы [Ф. Д.] Рузвельт не повлиял на Англию, чтобы она унизила Германию в польском вопросе». По словам Джозефа Кеннеди, Невилл Чемберлен жаловался ему на то, что «Англию принудили воевать Америка и мировое еврейство»[1046]. Именно *эту* Англию имел в виду Генрих Гиммлер, когда — через несколько дней после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. — утешал своих эсэсовцев: «К тому же немало людей есть в Англии... очень хороших националистов и приверженцев имперского мышления»[1047]. Не требуется никаких умозрительных рассуждений, чтобы из всего вышесказанного сделать вывод, на какое «имперское мышление» Англии рассчитывал фюрер эсэсовских палачей.

И Генрих Гиммлер не ошибался: в Англии было немало людей, подобных лорду Аберконвею (Aberconway), посетившему Геринга в августе 1939 г. Другом Геринга был и консерватор, член совета Имперского союза промышленников, Джерри Дрюммон-Вольф, настаивавший, что войну развязали «евреи и левые». Стоит упомянуть и герцога Бэдфордского, который в 1913 г. поддержал заговорщиков в Ольстере, готовивших мятеж против парламентарного правительства Британии, а в 1942 г. в Палате лордов потребовал прекращения войны против Гитлера. В Британии было и много помещиков, недовольных парламентаризмом «вредным для их класса, а потому вредным для всей страны»[1047a]. Нельзя забывать и про блистательных лорда Арнольда и лорда Бакмастера, игравших на

лондонской бирже; лорда Берстеда, лорда Брокета, лорда Бакстона, лорда Хармсворта, лорда Мансфилда, лорда Рашклиффа, которые — все до единого — выступали против войны с Гитлером[1047b]. Как впрочем, и лорд Семпхилл, индустриальный магнат, член «Клуба правых», подпольной организации, использовавшей доступ к военным тайнам для того, чтобы переправлять эти сверхсекретные материалы в фашистскую Германию[1047c]. Джон Т. С. Мур-Брабазон, например, еще в 1918 г. назвал выборы «одним из самых чудовищных кошмаров», сэр Арчибальд Синклэр «поговаривал о фашистском перевороте» во имя Британии, а лорд Небсворт ненавидел «даже мысль о парламентаризме» и полагал, что Англии необходим «милитаристский, фашистский тиран»[1047d]. Однако единственным «лордом», против которого было выдвинуто обвинение и который был осужден за предательство, за государственную измену Британии, стал «лорд Хо-Хо», не являвшийся по сути никаким лордом...

Одного только Гитлера по-настоящему волновало, чтобы эта империя сохранялась, потому что он видел в ней оплот цивилизации.

Англия довела до уничтожения тех, кто желал быть ее друзьями, кто рисковал жизнью, чтобы ее защитить.
Депутат Палаты общин капитан Мол Рэмзи

На эмоциональном уровне он испытывал по отношению к немцам чувство превосходства, считавшееся типично британским.
Дж. Коул, «Лорд Хо-Хо и Уильям Джойс»

ГЛАВА 14
БРИТАНЦЫ ПОД НАЧАЛОМ ГИТЛЕРА

Англичанин Гитлера Лорд Хо-Хо

На Гитлера работали многие англичане, такие как «Лорд Хо-Хо» и Джон Эмери. «Лордом Хо-Хо» именовался англичанин Уильям Джойс; он, правда, был не лордом, а английским диктором с радио Геббельса, «британским подданным чистокровного европейского происхождения», как он себя сам величал[1048]. В то время, когда «евреи [и красные], ведшие подрывную деятельность», еще не сменили мятежных ирландцев, Уильям Джойс гордился тем, что служил разведчиком в нерегулярных силах Британской короны[1048a] — а точнее, доносчиком, в задачи которого входили подслушивание и слежка за вызывавшими подозрение ирландцами. Позже он продолжал работать осведомителем, донося на коммунистов офицерам британской разведки. Оценив роль тори как «хранителей англосаксонского... господства», Джойс стал председателем Общества консерваторов в Бирбекском колледже[1048b]. Восхищаясь Карлейлем и видя в нем «истинного национал-социалиста»[1048c], он основал «Клуб Карлейля» как ответвление его национал-социалистской лиги. «Директивы для жизни» Джойса содержат привычные для его круга наставления: «Не стоит испытывать особого уважения к учености... Характер важнее интеллекта» («характер» в данном контексте, разумеется, означал дисциплинированность)[1048d]. Естественно, что Джойс ратовал за полное сохранение власти Британии над индийскими территориями и требовал упразднения

«отвратительного [реформистского] закона об Индии 1935 г.», открыто, без всякого стеснения называя свою национал-социалистскую лигу «империалистической».

Выступая на гитлеровском радио под именем «лорда Хо-Хо», Джойс настаивал на том, что «победа... [лондонского] правительства [над Германией] означала бы вековечное поражение его расы». Джойс постоянно восхвалял Гитлера как «почитателя» британской расы»[1048e]. Как и Хьюстон Стюарт Чемберлен во время Первой мировой войны, «лорд Хо-Хо» ожидал спасения Англии от ее поражения, ведь после этого Англия могла бы использовать «свой шанс построить тот новый мир, дорогу к которому указал Гитлер». А если немецкий фюрер и прибегнул к военной силе в отношении Англии, то лишь потому, что он заботился об «истинной» Англии куда больше, чем сами англичане, — утверждал «лорд Хо-Хо».

И все же «англичанин Гитлера» полагал, что *немцы не вполне достойны* своего Фюрера, намекая тем самым, что (его) англичане могли бы быть более достойными нацистами, чем соотечественники Адольфа Гитлера. «Лорду Хо-Хо» даже казалось, что немцы намеренно действуют так, словно бы желают проиграть войну. Эти рассуждения лишний раз подтверждают убеждения фюрера в том, что его немцам еще многому предстоит научиться у англичан. Уильям Джойс даже караульным эсэсовцам разъяснял «необходимость повсеместной ликвидации всех евреев».

«Что за странная ирония заключена в том, что именно немецкому народу суждено быть пионером национал-социализма... Жаль, что так произошло. Ведь эти славные бедняжки почти так же соответствуют истинному национал-социалистическому духу, как какие-нибудь китайцы; с той только разницей, что первые с бóльшим трепетом относятся к своим удобствам», — утверждал «лорд Хо-Хо». В лучших традициях «стиснутых зубов» (ср. ссылки 316 и 382) «Джойс презирал излишнюю темпераментность немцев... Сам он стремился соблюдать холодную отдаленность, как и полагалось англичанину, находящемуся среди темпераментных чужаков». Ведь «на эмоциональном уровне он испытывал по отношению к немцам[1048e] чувство превосходства*, считавшееся типично британ-ским»[1048f]. Это чувство было настолько сильным, что, согласно книге «Национал-социализм сейчас» этого «англичанина Гитлера», Британия не могла быть втянута в «Закат Европы» немца Шпенглера[1048g]: Британской империи полагалось стоять во веки веков. И именно она должна была помочь Третьему рейху в борьбе с Советской Россией.

---

* Например, этому “англичанину Гитлера” пришлось как-то выслушать следующее объяснение немцев: “Хоть Вы и британец, Вы получите такие же карточки на питание, как и все другие граждане” (*прим. автора*).

Британия царит над волнами, Германия — на континенте.
Де Слад «Иомены Валгаллы»

Британские войска СС

С одобрения Фюрера члены Британского добровольческого корпуса, основанного в 1942 г. («Легион святого Георгия») — это «истинно британское, добровольное воинство Империи» — дали «обет совместной борьбы против Советской России», против «красной угрозы из Азии». (Ведь именно защита Европы от Азии (т. е. от России) была, согласно «Делу Британии», публикации чемберленовского правительства, появившейся в декабре 1939 г., «миссией Польши».)[1048h] Потенциальных рекрутов «Легиона святого Георгия» убеждали в том, что Британия находится на грани войны с Советским союзом. «Легион был сформирован специально, чтобы отразить грядущее русское [sic]... вторжение в Англию». Таким образом выходило, что «германское войско — это единственная преграда на пути коммунизма [в Англию], единственная защита [английской] собственности». Так гласило воззвание Джона Эмери (1912—1945).

Отслужив в Испании при Франко[1048i] (которого спас Невилл Чемберлен), Эмери стал вербовщиком британских солдат для Гитлера, хотя нацисты и приписывали его отцу, Леопольду Эмери, «еврейские связи». Леопольд Эмери, министр по делам колоний (в 1924—1929 гг.) и министр по делам Британской Индии, воспитанный знаменитым наставником империалистических паблик-скул Уэллдоном[1049], был председателем антисоциалистического Имперского молодежного движения, основанного в 1937 г. с целью поддержания *расовой чистоты* и «идеалистического воодушевления молодежи по образцу нацистской Германии»[1049a].

Патриотизм, который проповедовал Джон Эмери британским добровольцам Гитлера, был патриотизмом белой расы, «всеевропейским», независимым от национальности; Джон Эмери бросал клич «*белых* мужей *белым* мужам». Цветным не было места в Британском добровольческом корпусе[1050].

Некоторые черты этой разновидности расизма возникли под влиянием лозунгов Хьюстона Стюарта Чемберлена, прославлявшего, например, «бесстрашную смелость», с которой Гитлер решал «еврейскую проблему в самом ее корне». Эти положения содержались в публикации Джона Эмери «Англия лицом к Европе», содержавшей уверения в приверженности фашизму сэра Освальда Мос-

ли. Этот текст стал программным для британских солдат Гитлера; он напоминал им, что «англичане должны быть благодарны Адольфу Гитлеру, величайшему из людей». Благодарны за то, что в мае 1943 г. он распорядился включить английских добровольцев в состав СС. Реально это произошло 1 января 1944 г., когда Британский добровольческий корпус вошел в Waffen-SS, а рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер занялся укреплением «уз между нордическими нациями, между двумя тевтонскими нациями». (Что являлось по сути повторением идей, высказанных Хьюстоном Стюартом Чемберленом.) В «Красной угрозе из Азии» Джон Эмери настаивал на том, что война Германии и Англии «братоубийственна»; своих добровольцев он уверял в том, что война эта приведет к расовому самоубийству англичан[1050a].

Лозунг этого объединения должен был звучать следующим образом: «Британия царит над волнами, Германия — на континенте». Доктор Геббельс действительно ожидал, что англо-германский союз приведет к решающему повороту в войне. Об этом же твердил и Джон Эмери: «Английские моряки, солдаты и авиаторы, узнав о [великом] проекте [Гитлера], поспешили в Европу, на битву с Советской Россией». Офицерам Британского добровольческого корпуса «суждено было стать элитой британской армии» — после капитуляции Англии. Будущим лидером британской армии должен был стать британский солдат с крайне подходящим для этого случая именем Бутчер (Мясник)[1050b]. Планировалось и создание Временного британского правительства, в котором Джон Эмери занял бы пост министра. Добровольцы, которых Эмери завербовал среди пленных британцев, были уверены в том, что в Англии у их лидера насчитывается не менее 150000 приверженцев — эта цифра в сто раз превышала действительные планы Джона Эмери по созданию Легиона. Англичане, «сражавшиеся» под командованием Джона Эмери, считали его министром иностранных дел, отстраненным за желание заключить мир с Германией[1051] (то есть министром в духе Невилла Чемберлена). Подобный взгляд был в некотором роде проекцией английских настроений, поддерживавших идею сотрудничества с Гитлером в 1938 г. на 1942 г. Однако в 1945 г. Джон Эмери был сочтен британцами изменником родины — и повешен. Неудача британских вербовщиков, вдохновленных крайне правыми тори 1936—1939 гг. и пошедших еще дальше «миротворца» Чемберлена, заключавшаяся в том, что они сумели завербовать лишь 26 британских военнопленных, стала результатом приоритетов англичан: для них повиновение начальству стояло еще выше дела расы. (Для изменения такой ситуации потребовались бы серьезнейшие сообра-

жения материальной выгоды, как это произошло, например, в послевоенной расистской Родезии.) Однако не исключено, что Джон Эмери мог бы завербовать намного больше англичан и получить ту поддержку, на которую он рассчитывал (поддержку лондонского истеблишмента, например, «клайвденской клики», генерала Фуллера, связанного с Освальдом Мосли, лорда Ридсдейла, прославлявшего Гитлера), если бы Уинстон Черчилль призвал англичан не к борьбе с Германией во имя Англии, а к борьбе с фашизмом во имя демократии.

Но Британия Черчилля собиралась защищать и Британскую империю. В 1942 г. поздно уже было проводить мобилизацию англичан на стороне Гитлера, чтобы защитить Британскую империю, империю отца Джона Эмери, империю наставника его отца в паблик-скул. В 1942—1944 гг. громогласные призывы «спасти нашу империю», «бесценное наследие наших отцов» уже не имели того влияния, как в 1937—1940 гг.

Неудача преследовала этого вербовщика британских эсэсовцев для Адольфа Гитлера несмотря на то, что со стены на него смотрели фотография рейхсфюрера СС Гиммлера и висевший рядом портрет короля Британии Эдуарда VIII; несмотря на то, что на эмблеме британских эсэсовцев красовались, рядом с мертвой головой и перекрещенными костями, все три льва британского герба — под флагом «Юнион Джек» с венчающей его свастикой[1051а]...

Единственный клочок британской земли, оккупированный немцами, не оказал сопротивления, которое можно было бы прославлять.

М. Бантинг

Британские острова под великогерманской оккупацией

Флаг Великобритании и флаг с изображением свастики в 1940—1945 гг. дружно развевались над Нормандскими островами — британской территорией, занятой вермахтом[1052]. Британский бейлиф (наместник) распорядился не оказывать сопротивления — и «исполнять приказания немцев». Гитлеровскую оккупационную власть «побежденные подданные гордой страны» «приветствовали с вежливым почтением», «так вежливо, что невозможно было представить, что между ними идет война», — сообщал в 1940 г. американский журналист Чарлз Свифт[1053]. Ведь, в конце концов, «немцы

освободили Европу от коммунизма [sic]» — и называли англичан своими «двоюродными братьями», «двоюродными братьями по расе». На Нормандских островах — в отличие от других оккупированных территорий — солдатам вермахта незачем было носить оружие. Во всей оккупированной Европе эта британская территория была для немецких оккупантов самым безопасным местом, чтобы переждать войну[1054]: там (и только там) они могли не опасаться никаких враждебных действий.

Утверждается, что Невилл Чемберлен предрекал: «Люди предпочтут быть несвободными и живыми, чем свободными и мертвыми...» Ведь зачем британцам, если их победили, было снова рисковать головой? *На это*, в конце концов, были союзники (в частности, поляки и сербы)...

«Если бы [британские] островные органы отказались выполнять хотя бы административные... функции для немецких оккупационных властей, последним было бы нелегко управлять [Нормандскими] островами». Произошло обратное: Амброз Шервилл, генеральный атторней (по сути — прокурор) острова Гернси, выразил по радио (в августе 1940 г.) не только свою гордость поведением сограждан, но и благодарность немецким оккупационным властям — за то, что те учли лояльность британских подданных (в том числе и) его британского величества...[1055] Шервилл заявил, что цель его деятельности заключается в том, чтобы реализовать меры по осуществлению оккупации в наибольшем объеме. В свою очередь бейлиф острова Гернси, Виктор Кэри, «использовал все средства» для помощи немцам. Местная британская администрация этих островов действовала как «агентура немцев»-гитлеровцев. «В результате национал-социалистские намерения воплощались руками британских чиновников». Так, на островах Джерси и Гернси были введены специальные законы против евреев. Шервилл и британская полиция на острове Джерси сотрудничали с гитлеровской оккупационной властью в выявлении и регистрации евреев по приказу немцев. «Ни один британский чиновник на Гернси и Джерси не считал евреев достаточно важными лицами, чтобы портить из-за них хорошие отношения с немцами»[1056]. В противоположность некоторым немцам (особенно в Берлине) эти островитяне «не защищали ни евреев, ни тех, кого принуждали к рабскому труду, ни тех [немногих], кто сопротивлялся... Отдавшие жизнь за свободу доставляли неудобства большинству, не имевшему такого мужества» — как и в Германии. ***По сути, сопротивление на этих британских территориях, оккупированных нацистами, было гораздо слабее, чем в самой Германии.*** Единственным же человеком, призывавшим к вос-

станию против гитлеровских оккупантов на Нормандских островах, был немецкий солдат Пауль Мюльбах. (В 1948 г., когда Германия была оккупирована союзными войсками, Пауля Мюльбаха судили «за дезертирство». В 1945 г. Комитет немецких солдат пытался обратиться за сведениями к «английским патриотам», однако они предпочли держаться подальше от всего этого. При немецкой оккупации британские суды на Нормандских островах преследовали тех, кого обвиняли в сопротивлении; даже поведение, приводившее к обострению отношений с оккупационными войсками, расценивалось британскими островными властями как правонарушение. Некоторые из островных жителей «были вовлечены» в издевательства над заключенными трудовых лагерей. Повешение одного из них, русского, вызвало у полисмена с острова Джерси такую же реакцию, как и у большинства немцев.) Ведь при гитлеровской оккупации прагматичная британская тактика на британских Нормандских островах — еще в течение долгого времени после отставки Невилла Чемберлена — формулировалась так: «мир любой ценой»[1057].

Министерство информации Англии ограничилось по этому поводу лишь заявлением от 19 июля 1945 г.: «Коллаборационизм был почти неизбежен»[1058]. Мало того, что ни один британец с Нормандских островов не был привлечен к ответу за сотрудничество с «врагом» — даже доносчик, виновный в смерти двух из пяти подпольных активистов сопротивления. (Уже после освобождения от немецкой оккупации австралийский журналист Роланд ле Фоле Хоффманн, находившийся на острове Гернси, покончил с собой, поскольку не смог вынести стыда и отвращения при виде открытого сотрудничества с врагом.) Не прозвучало и какой-либо публичной критики действий местного руководства в период вражеской оккупации. Напротив: высшие служащие местной британской администрации даже удостоились официальных почестей. (В этом отношении Великобритания стала почти уникальным исключением среди стран, территории которых были заняты державами «оси» и где появились коллаборационисты, — включая даже такие страны «среднего класса», как Франция, Нидерланды, Бельгия, Норвегия, не говоря уже о «докапиталистических» — Польше, Греции, Болгарии, Сербии.)

Послевоенная пресса Англии наложила табу на тему сотрудничества британцев на Нормандских островах с Третьим рейхом. («Удивительна эта дисциплина прессы, эта солидарность, когда речь идет о престиже и мощи империи», — восхищался до войны корреспондент «Völkischer Beobachter».) Только одна газета — «Daily Herald» в

номере от 7 июня 1945 г. отметила, что органы правосудия Великобритании не проявляют никакого интереса к британским коллаборационистам, сотрудничавшим с нацистами, — даже к тем, кто помогал отправлять людей в концлагеря. Отказ от судебного преследования военных преступников, действовавших в концлагере Олдерни, стал неприятным фактом для лейбористского правительства Британии после 1946 г.

И вообще «британцы не желают замечать, что на британской земле были [нацистские] концлагеря». Когда немецкий социал-демократ Отто Шпер — после девяти лет пребывания в гиммлеровских концентрационных лагерях — был переведен в концлагерь Олдерни на британских Нормандских островах, и сообщил об этом британским радиослушателям, он получил выговор. Не возымело никакого действия и письменное обращение жителя острова Джерси к министру внутренних дел, лейбористу Моррисону (тому самому, который в 1937 г. обвинял Невилла Чемберлена в укрывании фашистских злодеяний). Автор этого обращения подчеркивал, что «гражданская администрация была пронацистской — со дня прихода нацистов и до самой их капитуляции». По слухам, около 50 самых активных коллаборационистов с Нормандских островов были тайно вывезены британскими секретными службами в Англию, чтобы «замять суету вокруг них». В Англии же они были тихо отпущены на свободу. Ведь провал нацистской оккупации британских Нормандских островов породил кошмар грядущего общественного бунта против антидемократических коллаборационистов с фашистами, «кошмар, который преследовал каждую страну, побывавшую под нацистской оккупацией, обратился в бурю отмщения». И, *словно бы* и на британских территориях существовала опасность такого бунта, даже лейбористское правительство Англии следовало политике систематического укрывательства. «Важнейшие документы с чьей-то помощью пропали», явно для того, чтобы «избежать неприятностей», — сообщала мужественная журналистка Маделейн Бантинг.

Она же совершенно справедливо напоминала о том, что для нацистов «оккупация британских Нормандских островов явилась репетицией встречи с английским населением», «экспериментальной площадкой оккупации [всей] Британии». И Маделейн Бантинг с полным правом задает решающий вопрос: «А вы, англичане, поступили бы по-другому?». Ответ напрашивается сам собой.

Итак, хотя англичане прежде гордились своим патриотическим сопротивлением Гитлеру, впоследствии они уже не были столь уверены в том, что покорившиеся (или желавшие покориться) ему не действовали так же «патриотично»[1059].

Английская сторона как будто сознавала то, что через десять лет (в 1955 г.) еще раз заявил бывший заместитель шефа гитлеровской имперской прессы X. Зюндерман: Британская империя сама ослабила себя уже тем, что вообще объявила войну (гитлеровской) Германии. Разве не сам капитан Рэмзи провозгласил, что Англия «довела до уничтожения тех, кто желал быть ее друзьями, кто рисковал жизнью, чтобы ее защитить»[1060]? Да, и во время второй мировой войны существовало «множество мыслящих людей... постоянно помнивших об общем прошлом» (двух империй)[1061].

Об общем прошлом двух видов расистского империализма, которым не суждено было пережить войну. Об общем для них, хотя и в разной степени выраженном, мире «расового превосходства», «расы господ», ниспосланной провидением «избранности», культа мускулов, презрения к чувствительности и вообще к «абстрактному» гуманизму.

10 Зак 4322

То, что кажется преддверием геноцида или путем к нему, вмиг утрачивает это сходство, когда его сравниваешь с по-настоящему чудовищным.

Клаус Хильдебранд

ГЛАВА 15
О НЕСРАВНИМОСТИ ПРАКТИКИ. РЕШАЮЩИЕ РАЗЛИЧИЯ В ТЕОРИИ

Ни права *ниггеров, ни* права *человека не стоят того, чтобы о них дискутировать.* Сила *людей — вот о чем идет речь.*

Томас Карлейль[1062]

Заморские выходы для агрессивности среднего класса

Если важнейшие элементы нацистских *теорий* либо восходят к тому, что было импортировано *из Англии*, либо прямо опираются на британские образцы, то реальная *практика* Третьего рейха *уникальна*. По своему *размаху и систематичности* эта *практика* вообще не сравнима ни с какой практикой британского империализма. Решающие отличия в двух этих видах расизма объясняются тем, что представления, импортированные из Англии, Гитлер воплощал в жизнь гораздо более интенсивно. Несхожесть объясняется еще и тем, что английский расизм и представление о «расе господ» возросли во времена подъема империализма, а аналогичные феномены в Германии стали реакцией на поражения и беспомощность власти, на кризис буржуазии. Навязчивые идеи нацизма, такие, как демонизация «еврейства», порождали панику в обществе. «Фашизм как эффективное движение возник из страха», из общественной паники, не свирепствовавшей в Британии в таких масштабах.

Гервин Штробль в своем исследовании о восприятии Британии нацистами так объясняет радикализацию Гитлером британских моделей: «Действия [Гитлера] должны были быть радикальнее любых действий Британии, ввиду необходимости достичь желаемого результата [мирового расового господства] в гораздо более сжатые

сроки. Британии потребовалось два с половиной столетия, чтобы покорить Индию. Россию же [«Индию» Гитлера] следовало завоевать за столько же месяцев. Именно поэтому методы Гитлера отличались от британских».

Как баварско-австрийский вариант учения о «расе господ» национал-социализм и ему подобные явления были прежде всего феноменом среднего класса центральной и западной Европы. Именно так — пусть даже, например, профессор Д. Дж. Голдхейген, обвиняющий немецкий народ (а не только немецкое «*население*») в геноциде, систематически игнорирует мелкобуржуазно-среднеклассовую и не в последнюю очередь баварско-австрийскую подоплеку этих преступлений (хотя ее влияние было несоразмерно большим, чем численность). И далеко не случайно Гитлер настаивал на переносе имперских регалий средневекового Рейха из Вены с ее некогда широким культурным горизонтом в Нюрнберг — воплощение мещанской культуры Германии, город мейстерзингеров, давший название расистскому законодательству Гитлера. Там филистеры, освобожденные от своих господ во имя человечности, вскоре начали отрицать человеческую природу тех, над кем они так желали господствовать. Так принцип фюрерства выражал мещанские ценности, в частности, раболепство перед верхами и топтание низов (по выражению Дусе). Предрасположенность к фашизму можно было обнаружить в тех пределах, которые ограничивают Европу среднего класса — Европу «обывателей... из среднего сословия, которые были ближайшими подручными Гитлера», «мелких буржуа, лопающихся от затаенной ненависти и зависти, от недоброжелательства и эгоизма». Их «вечное мещанство» проявлялось в том, что они больше страдали от потери благосостояния, чем от потери свободы (по выражению Германа Маркуса). Для такого «вечного мещанина» угнетение тех, кто угрожает его благосостоянию, является инстинктивной реакцией, призванной подавить экзистенциальную панику. Ведь для того, кто пребывает в состоянии отчужденности и все больше и больше теряет те нравственные ограничения, что придают жизни смысл, экономическое благосостояние остается единственной экзистенциальной опорой. «Если бы правление [нацистской] Германии принесло нам благосостояние, девять из десяти французов смирились бы с ним, а трое или четверо [из десяти] приняли бы его с улыбкой», — констатировал Андре Жид в июле 1940 г.[1062a]

Такова была «Европа», включавшая в себя Францию, Бельгию, Нидерланды, Скандинавию и даже Швейцарию. На ее границах фашизм натыкался на сопротивление «добуржуазных» стран — Испании (Мадрид в 1936—1939 гг. оставался непобежденным *в бою*,

хотя его больше двух лет почти ежедневно обстреливала фашистская артиллерия и бомбила авиация), Польши (чьи кавалеристы бросались в атаку на гитлеровские танки), Греции (в 1940 г. греки отогнали муссолиниевских захватчиков далеко вглубь Албании), Сербии (где правительство регента, подчинившееся фашистским державам, было в 1941 г. сметено волной патриотического воодушевления, ввергшего страну в безнадежную войну с державами «оси»), Болгарии (где народное возмущение воспрепятствовало депортации евреев), Албании («банды» албанцев в 1944 г. изгнали и гитлеровскую оккупационную власть), России — чей крах Гитлер предрекал через три с половиной месяца после своего вторжения и которая потом взяла верх над сильнейшей военной машиной Европы.

Эта добуржуазная Европа отличалась от Европы среднего класса так же, как врожденное благочестие и честь отличаются от торжественных заверений в «приличности».

Из этого мира «пристойности», из «европейского культурного круга» следовало изгнать «азиатские» влияния — в этом, по словам генерал-фельдмаршала фон Рейхенау, и состояла важнейшая цель похода против «еврейско-большевистской» системы. Так, британский «Легион святого Георгия», поддерживавший Гитлера, провозгласил поход против «звериной азиатской власти [русских]», за «будущее под знаменем *европейских* идеалов... за культуру Запада в противовес варварству Востока»[1062b]. Ведь устремления общеевропейского характера не были чужды и миру ордена под знаком черепа — эмблемы СС. В 1944 г. Гитлер распорядился, чтобы членам СС ненемецкого происхождения выдавали документы, подтверждавшие их «*европейскую* национальность». (О том, что первыми энтузиастами общеевропейского дела были члены Waffen-SS, в 1999 г. напоминало и немецкое телевидение.) Альфред Розенберг вообще считал «национал-социализм *европейским* ответом на вопросы нашего века»[1062c]. Если это в какой-то степени верно, возникает вопрос — во что же превратилась эта самая Европа, если ей потребовались *такие* ответы? «Настоящими европейцами были немцы из Бухенвальда и Аушвица; они продемонстрировали *европейский* (западный, *современный*) способ жесткого проведения в жизнь окончательного решения», — писал А. Глюксманн.

Утверждается, что после 20 июля 1944 г. при гитлеровской мелкобуржуазной диктатуре было уничтожено более 5000 представителей дворянских родов из земель восточнее Эльбы и из Пруссии[1062d]. Не они были «Новой Европой», поскольку европейский «континентальный фашизм был экстремизмом среднего класса»[1062e] — в

гораздо большей степени, нежели британский. Цель континентального фашизма состояла в том, чтобы сделать Европу еще «более европейской». Если динамика нацизма стала следствием контрреволюционных настроений мелкой буржуазии, искавшей защиты от грозившей пролетаризации, то в Англии, хоть она во многом и была образцом для Гитлера, подобное *массовое* движение отсутствовало. (Потому в Англии и не пришел к власти свой Адольф Гитлер. Ведь *такого* фюрера имеет не всякий народ.) Основная масса британских фашистов в значительной мере сохраняла связь с правящим консервативным истеблишментом, для которого эта масса была, так сказать, боевым резервом против внутренней «революционной опасности». Однако Англия была далека от социальных угроз такого рода. Окончание первой мировой войны не привело в Великобритании ни к распаду общественных структур, ни к революционному перевороту в сфере формы правления. Однако развитие революционных, антирасистских движений, пожалуй, уже тогда начало угрожать гегемонии англичан в их расистской империи. Чем меньше у консервативного истеблишмента Британии было веских поводов передавать власть внутреннему британскому фашизму, тем, конечно, полезнее казалось ему укрепление фашизма внешнего: гитлеровская экспансия на восток обещала создать угрозу для угрозы — для Советского Союза, в то время еще враждебного по отношению к Британии. Коль скоро расизм Третьего рейха был не в меньшей степени преемником расизма Британской империи, чем нацистская Германия — Германии кайзеровской, то тем легче было премьер-министру Невиллу Чемберлену принять решение в пользу проекта англо-немецкого сотрудничества, не слишком отличавшегося от проектов Джозефа Чемберлена и Хьюстона Чемберлена.

Однако похвальные высказывания Вильгельма II по адресу англичанина Хьюстона Стюарта Чемберлена, который позже вдохновлял Адольфа Гитлера, ни в коем случае не означают даже отдаленной сопоставимости их политической *практики*. Тот «намордник» (Beisshemmung), который сохранял эффективность немецкой монархии как правового государства до ее краха в 1918 г., в Великобритании продолжал действовать. Хотя основополагающие постулаты расизма попали в Центральную Европу именно из Англии, у себя на родине они не нашли такого развития, которое можно было хотя бы отдаленно сравнить с их *воплощением* при гитлеровской власти.

Ведь если британский расовый империализм и был главным примером для агрессивного расистского нацизма, то, с другой стороны, первый давал Англии клапаны для выхода агрессивности *вовне*

— что снижало ее уровень внутри страны. С одной стороны, нельзя сказать, чтобы антидемократизм как позиция колониальных англичан не оказывал сильного влияния на саму Англию. С другой — авторитарные модели поведения оказали на властные структуры империи столь сильное влияние, что именно там могла развиться фашистоидная готовность притеснять. Таким образом, именно социальные установки жителей колониальной империи в значительной мере абсорбировали потенциал антисемитизма. Большая часть антисемитов в Великобритании происходила как раз из среды колониальных англичан: это была, так сказать, их вторичная установка внутри основной расистской[1062f]. Она больше служила для консолидации власти, чем для пропагандистской подготовки экспансии. Поэтому основой английского расизма была не юдофобия. А вот в Центральной Европе — начиная с Вены Гитлера — антисемитизм укрепился именно в качестве внутреннего клапана для внутренних социальных фрустраций. Третьему рейху он тоже служил пропагандистским средством оправдания экспансии. (Об уникальности английской практики геноцида писал еще Чарлз Дилк (1869) в своей «Более Великой Британии»: «Англосаксы — *единственная* истребляющая раса на земле. Никогда еще — вплоть до начала ставшего теперь уже неизбежным уничтожения индейцев... маори и австралийцев [аборигенов] — ни одна столь многочисленная раса не была стерта с лица земли завоевателями»[1062g]. Этот британский расизм представлялся чрезвычайно успешным — в противоположность догитлеровскому австрийскому антисемитизму.)

Возможно, предположение, что без практического расистского опыта Британской империи (столь процветавшей, в отличие от империи габсбургской) австрийская юдофобия Гитлера не довела бы до массовых убийств подобного масштаба на расистской почве, до столь уникального и систематичного геноцида, нельзя доказать впрямую: эта причинная связь подтверждается лишь косвенными доказательствами. Так, уверенное заявление Гитлера (в заключении к «Mein Kampf») — связанное и с другими его высказываниями на ту же тему — о «властителях мира», принадлежность к которым государство может обрести только заботясь о своих «лучших» в расовом отношении обитателях, может опираться только на «опыт» британской мировой империи. Это подтверждает и Гервин Штробль в своей монографии «Тевтонский остров. Восприятие Британии нацистами»: Гитлер полагал, что увеличение дистанции «между расой господ и низшими расами [в духе Хьюстона Стюарта Чемберлена] заложено в самой сердцевине британского империалистического этоса и является секретом успеха британцев... Гитлер был зах-

вачен идеей расовой чистоты, его привлекала склонность британцев видеть в туземцах не братьев... но подчиненных... Несомненно именно здесь кроется связь между расой и империей (идея этой связи доминировала во взглядах Гитлера в течение всей его жизни), именно здесь кроется объяснение настойчивых утверждений Гитлера о том, что в управлении Россией Третьему рейху следует брать пример с британского правления в Индии»[1062h].

Во всяком случае, бесспорно, что создатель Третьего рейха — просто до однообразия регулярно — ссылался на английские прецеденты, на соответствующую британскую практику, постоянно «оправдывая» с их помощью собственные действия и желания: «А Англия, — завопил... Гитлер... — Англия, сколотившая свою империю грабежом и воровством?.. Империи создаются мечом и обдуманным насилием...» Об этом вспоминал Герман Раушнинг — его конфидент в течение многих лет[1063].

Вообще *Англия* была и оставалась *мерилом* притязаний и чаяний Германии по крайней мере с момента основания рейха в 1871 г. *Если бы* дурное обращение с «туземцами» лишало права на владение колониями, «из этого [бы] следовало сделать вывод, что... Англия не имеет права владеть колониями», — такие аргументы выдвигало колониальное ведомство рейха в 1919 г., когда Германию под этим благовидным предлогом собирались лишить колоний[1064]. Прообраз представлений об «имперской расе», какими они были, например, у Эриха Коха, рейхскомиссара «немецкой» Украины: «Мы — народ господ, который должен понимать, что самый простой немецкий рабочий в расовом и биологическом отношении в тысячу раз ценней, чем здешнее население»[1065], — определенно пришел из Великобритании. Но этот гибрид обывателей в качестве колониальных «властелинов» — перенесенный на почву «восточного пространства» — сознательно шел на то, чтобы превзойти своих британских учителей. (Например, в расистской Австралии убийство на расовой почве тоже очень долго не каралось, но, с другой стороны, его и не вменяли в обязанность. А буры, прославлявшиеся с 1899 г. именно как жертвы британской грабительской войны и даже британских концлагерей*, проявили себя в Южной Африке по отно-

* *Понятие* «concentration camps» первой применила *британская* сторона для собственных учреждений — этот факт использовала немецкая пропаганда времен войны (см., например, речь Гитлера от 30 января 1941 г.). В 1900—1901 гг. в таких лагерях англичане интернировали 117 тыс. бурских женщин и детей (чтобы принудить бурских партизан к капитуляции). Смертность в этих английских «бурских лагерях» составляла от 22 до 34%. Эти лагеря описала англичанка Эмили Хобхауз ((1860—1926), англ. общ. деятельница; резко критиковала политику Англии в бурской войне и особенно отношение к женщинам в концлагерях, активно занималась помощью заключенным) (*прим. автора*).

шению к африканцам как намного более жестокие расисты, чем все английские империалисты вместе взятые.) По мнению Адольфа Гитлера, английские образцы подлежали «ревитализации»: «Сегодня в этой империи уже налицо признаки распада... потому что ей нигде не хватает смелости показать себя решительным хозяином собственных владений... если они стали слишком гуманными... то их время прошло», — заключал он[1066].

Безумны не столько сами посылки, сколько неумолимая последовательность, с какой из них делаются выводы, и не считающаяся ни с каким реальным опытом логичность, с которой все эти выводы воплощаются в жизнь.
Ханна Арендт

Прагматизм — и доведение до абсурда вследствие безусловного подчинения Фюреру

«Миротворцы», властители Британской империи, готовы были уступить Гитлеру, чтобы укрепить свою империю. Однако если растущая слабость британского империализма приписывалась смягчению свойственной ему прежде безжалостности, то империя Гитлера оказалась слишком безжалостной — себе же во вред. Даже империалисты конца викторианской эпохи осознавали, что, «хотя низшие расы должны страдать в борьбе за жизнь, цивилизованные расы не могут позволить себе стререть их (выполняющих столь много *необходимых функций*) с лица земли»[1066а]. Такой прагматизм был совершенно чужд Гитлеру, когда дело касалось Расы.

Чему Гитлер не уделял ни малейшего внимания — так это вопросу, который в отношении «Индии» Третьего рейха, «восточного пространства» прямо-таки напрашивался, буквально возникал сам собой (например, у генерал-лейтенанта Ханса Лейкауфа): «Если мы перестреляем евреев, заморим военнопленных, предоставим населению больших городов умереть голодной смертью... потеряем из-за голода и большую часть сельского населения... — остается открытым вопрос, кто же будет производить материальные ценности?» «То, что воспринималось как выражение... слюнявого и сентиментального гуманизма, было в действительности выражением самой что ни на есть реальной политики. Ведь речь шла не менее чем о сохранении у миллионных масс населения восточного пространства первоначального [положительного] отношения к нам, чтобы из этого... можно было извлечь величайшую пользу для Гер-

мании»[1067]. Однако для гитлеровского расизма в «восточном пространстве» — в отличие от британского расизма в Индии — не было никаких пределов, которые ставит прагматизм, холодный расчет выгоды.

Напротив, именно прагматическо-утилитаристской традиции Англии учитывать границы, в которых можно практиковать расизм и игнорировать право народов, в конечном счете соответствовали следующие выводы Трейчке: «За этим соображением стоят очень реальные чувства *взаимозависимости*, а не человеколюбия... Вновь и вновь приходишь к выводу, что в своих же интересах власть должна прибегать к гуманным мерам» — прагматическим соображениям, удерживавшим правителей тех мест, откуда происходит *идеология* расового господства, от *образа действий* в стиле Адольфа Эйхмана. Так, в одном американском художественном фильме об Эйхмане последний, отдав приказ о геноциде, спрашивает: вопросы есть? В ответ один из его людей (исключительно по-деловому) осведомляется: «А что, если враги *то же самое* сделают с нами?» Прагматическое и решающее соображение, благодаря которому человечество — начиная с каменного века — постепенно избежало *риска* взаимного истребления.

Решимость Гитлера проводить геноцид и таким образом подвергнуть немецкую нацию такому риску явилась результатом его веры в миф, в «вагнеровский апокалипсис», в «сумерки богов», а не просто в выживание сильнейших.

Провозглашение права сильнейшего «железным законом бытия», принцип, в соответствии с которым слабейшие по сути не имеют природного права на жизнь, порождает беспредельный риск. Ведь ни одна, абсолютно никакая человеческая власть, в том числе и власть Адольфа Гитлера (первоначальный вариант его «Mein Kampf» делал «германского» фюрера и его жизнь гарантом успеха его политики), в конечном счете не может гарантировать, что *она* действительно останется сильнейшей. А значит, мнимое «право сильного» слишком легко может оказаться иллюзией более слабого. Если же люди, настаивающие на праве сильного, в реальности оказываются слабее противника, — наступает «случай риска», известный случай, когда те, кто во главе со своим фюрером перед лицом всего человечества громогласно взывали к праву сильного, *сами становятся жертвами этого же принципа* (а некоторым из них и по сей день не надоело жалеть себя за эту свою травму). В конечном счете именно из-за такого риска — который никогда нельзя исключить полностью — родина социал-дарвинизма не провозглашала тот принцип, что «ни один народ на этой земле не имеет и квадратного километ-

ра... по высшему праву» в качестве категорического принципа межгосударственных отношений в мировой политике. «Таким образом... землю дает только право победоносного меча»[1068]. Ведь при такой установке можно потерять всякое право на родную землю. (А если заявить на нее какие-либо притязания, то в ответ тебе логично укажут на «право» сильного.) Права на родину лишает (как заявляет, в частности, Манфред Рёдер) вовсе не абсурдная легенда о *коллективной* вине (за которой на самом деле прячутся настоящие виновники — *отдельные лица*), а реальный коллективный *риск* — риск потери своей земли при неудачной попытке присвоить чужую. В конечном счете ради ограничения такого риска страна инициаторов социал-дарвинистского учения, не объявляя об этом громогласно, в своих претензиях на гегемонию не провозглашала данную доктрину в качестве решающего принципа.

(Став приоритетным в плане ограничения силы как права, прагматизм оказался отправной точкой и в плане допущения превалирования силы над правом. Именно прагматические соображения определяли, что следует делать, а что не следует. Так, будучи либералом, Гладстон осуждал британское завоевание Бирмы (1885/1886), но когда он стал прагматичным премьер-министром (1892—1894), ему даже в голову не приходило пересмотреть британскую аннексию. Полвека спустя Клемент Эттли именно с точки зрения *морали* неустанно порицал кровавый режим Франко в Испании, подавлявший большинство (при решающей военной поддержке Гитлера и Муссолини в 1936—1939 гг.), заявляя, что британские лейбористы никогда не отступятся от республиканской Испании. И все же именно Клемент Эттли, став в 1945 г. лейбористским премьер-министром, решающим образом способствовал укреплению диктаторского режима Франко в Испании, отдав предпочтение прагматизму «холодной войны» перед моралью демократии...)

Именно как прагматикам английским «властелинам» иногда казалось, что и христианство мешает сохранению их господства. В качестве трансцендентального стража порядка оно представлялось необязательным и к тому же позволяло делать анархистские, подрывные выводы, удобные прежде всего для париев. К тому же христианские миссионеры мешали осуществлять британскую власть в Индии. Гуманизм также мешал осуществлять британскую власть — ведь «это человеколюбие... идет рука об руку с неким родом религии, которая многим противна... их привлекают слезы и смертное борение в Гефсиманском саду... и кровь — прежде всего кровь, пролитая на Голгофе»[1068a].

И все-таки Англия... не великая держава зла... От этого ее спасают... религиозные влияния...

Вильгельм Дибелиус

Они не отрицали существования души, но знали, что ее следует удерживать на подобающем ей месте.

Ричард Саймондз[1068b]

Одна из спасительных черт британского империализма XX века — сравнительно высокий уровень моральной ответственности.

Алан Кернс

Теистическое самоограничение — и отсутствие пределов для «сверхчеловеков»

Однако именно такая реакция имперско-британских «властелинов» на якобы «подрывное» влияние христианства показывает, что оно оказало-таки смягчающее воздействие на империализм. Принадлежность к британской нации давала право властвовать, которое, в свою очередь, было связано с моральным рвением. Имперское властвование должно было заключать в себе моральную силу. «Имперское право Киплинга было сродни божественному праву»[1068c]. Однако под ним подразумевалось не только право силы. «Даже в XIX веке гуманизм и протестантизм... наложили на имперскую власть [своего рода] внешние ограничения», хотя и на «евангелический лад»: власть узаконивалась чистотой намерений властьимущих. К 1864 г. сформировалась следующая идея: «править следует, испытывая как можно меньше угрызений совести, словно мы ангелы, призванные для выполнения этой задачи». Ангелы — несмотря на то, что как раз в этот период в Англии христианским представлениям о братстве стали предпочитать идеи о первенстве англосаксонской расы. Мысль о том, что использование силы должно ограничиваться внутренними нравственными принципами, возникла под влиянием церковных диссидентов[1068d]. Даже большинству евангелических и англиканских миссионеров, обучавшихся в Оксфорде, приписывалась «идея о том, что расовые предрассудки являются одним из самых страшных грехов, а также смелость высказать эту идею»[1068e]. Евангелическая набожность утверждала и следующее: «высокомерие, несправедливость, бессердечие и несоблюдение долга среди людей, облеченных высшей властью, являются нарушением Божественной воли... за это последует возмездие»[1068f].

В таком же духе высказывался и Гладстон, величайший государственный деятель британского либерализма, премьер-министр в 1868—1874 гг., 1880—1885 гг., 1892—1894 гг.: «Великий долг правительства — не допустить победы идей о превосходстве над остальным человечеством, не поощрять зловещий дух господствования, а действовать на основании... принципов братства и равенства наций». Гладстон также предупреждал: «Настанет день... когда народ Англии осознает, что национальная несправедливость есть вернейший путь к падению нации»[1068g]. Не случайно королева Виктория испытывала неприязнь к Гладстону, отдавая предпочтение расистскому империализму Дизраэли с его враждебностью к демократии и антипарламентаризмом. А лорда Альфреда Милнера сильно раздражала книга «Холопы Британии» Фрэнка Уэстона, ставшего в 1908 г. епископом Занзибара.

Уэстон (1871—1924) утверждал, что «расовое сознание, столь характерное для англичан» препятствует выполнению христианской миссии. В частности, он разоблачал жестокое отношение британской колониальной армии к африканским носильщикам. Международный совет миссий также пробовал протестовать (из Лондона) против принуждения африканцев к непосильному труду. В 1924 г. Олдхэм опубликовал свою книгу «Христианство и расовая проблема», разоблачавшую экономические интересы британских колонистов. В том же году пресвитерианский священник А. Фразер (член Международного совета миссий из Уганды) произнес в Вестминстерском аббатстве проповедь под названием «Война между Христом и Мамоной в нашей великой империи». В ответ на подобную критику Законодательная палата расистской британской Кении приняла решение о самороспуске, выказав тем самым свое возмущение происходящим. В 1939 г. в своей проповеди в Оксфорде Фразер заявил: «В Восточной Африке африканец имеет не больше прав, чем еврей в Берлине [еще до начала нацистского геноцида]»[1068h].

Эти моралисты боролись за Англию, противоположную той Англии, которой стремился подражать Гитлер, которую он хотел догнать и перегнать. Даже империалистические паблик-скул, которыми восхищался Гитлер, пропагандировали некоторые идеи, абсолютно несовместимые с представлениями нацистской Германии. Так, ярый империалист Уэллдон, директор паблик-скул Харроу (ср. ссылку 432), говорил: «Уважение сильных по отношению к другим — вот то, что составляет святость»; «По закону Христа, сильные являются слугами слабых»[1068i].

Даже «мускулистое христианство» Томаса Арнольда (1819—1875)[1069], реформатора паблик-скул Регби и доктора англиканской

теологии, не обходилось без этики. И он, и другие духовные лица-главы паблик-скул сделали часовни ядром этих учебных заведений. Там, в подобающей этому месту благоговейной тишине, в полутьме «будущие властелины Англии выслушивали проповеди своих наставников о чести, служении и грехе», — напоминал автор «Крушения британской мощи»[1069a]. Заботу Арнольда о «душах богатых» (в Регби) «можно сравнить лишь с тем, какой страх он испытывал перед недовольством бедняков». Но если он «изо дня в день... жил страхом революции»[1069b], то его питомцам (как впрочем и питомцам подобных ему пастырей) полагалось — в противоположность их нацистским подражателям — страшиться Господа Бога еще больше, чем революции. Не стояли ли «религиозные и моральные принципы» для Томаса Арнольда выше, чем даже «поведение джентльмена»?[1069c]

«Стоят ли традиции Регби и общее мнение его учеников... выше ценностей Божьих?» — это еще имело форму *вопроса*, а не утверждалось как аксиома[1070]. Влиянию Арнольда следует приписать и следующие моральные положения: «Если мальчик оказывается слабее, пусть даже он и неправ, *не* нападай на него вместе с другими... И если ты не можешь прийти ему на помощь (или сделать его мудрее), запомни: он нашел в мире нечто, за что будет бороться и страдать, и именно это тебе следует сделать для себя; думай и говори о нем с нежностью»[1071].

Все это, как писал автор книги «Barbarians and Philistines», «уберегло [британцев]... от самой суровой формы жестокости по отношению к врагам, туземцам и прочим подданным». Уберегло благодаря тому, что «британские правящие классы воспитывались в атмосфере, в которой беспощадная жестокость уживалась с постоянными напоминаниями о необходимости быть добрым», — такой вывод сделал автор книги «Империя и английский характер»[1071a].

В Англии, в отличие от нацистской Германии, никогда не звучали открытые призывы к зверствам. (Вот, например, слова некоторых песен времен Третьего рейха: «Трясутся гнилые кости» («Es zittern die morschen Knochen»), «Когда с ножей потечет еврейская кровь, все станет еще лучше...» («Wenn Judenblut von den Messern rinnt, geht es noch einmal so gut...»).) Даже в учении Карлейля присутствовал религиозно-нравственный аспект, напрочь отсутствовавший у Гитлера.

Субъективно британский империализм не был совершенно лишен моральных устремлений. Во всяком случае, он призывал их иметь — хотя бы устами либералов, находившихся *в оппозиции*: «Англия... пребывая в контакте со столь многими слабейшими расами, в проклятой гордости кровью, цветом кожи или империей... [могла

впасть] в соблазн позабыть, что все это не уменьшает, а усугубляет обязанность быть человечными»[1072]! «Наш долг — действовать во благо тех слабых человеческих существ, для которых мы исполняем роль почти что Провидения; великая, данная нам свыше обязанность — действовать в пользу народов, наших подданных, наш долг — ...оправдать нашей справедливостью наше мировое господство». Даже радикально настроенному либералу Чарлзу Дилку, верившему в превосходство англосаксонской расы и одобрявшему истребление «низших» рас, приписывали «решимость защищать слабых».

О том, что авторитарный расизм в Англии смягчался представлениями о милосердии, свидетельствует и высказывание Джона Рёскина: «Наша раса все еще не пришла в упадок; у нас... все еще сохранились твердость, чтобы управлять, и милость, чтобы подчиняться. Нам присуща религия чистого милосердия». Для ярого империалиста Сесила Родса Англия стояла выше остального человечества, но при этом, даже для него, Бог стоял выше Англии. Именно Сесил Родс утверждал, что «религиозная сторона политики» должна «предохранить... империю от... превращения в воплощенного демона, подверженного амбициям беззакония и бессердечной любви к золоту». «Надо быть империалистом не только исходя из простой... гордости своей расой, но и потому, что... империя является проводником... Справедливости, Свободы и Мира во всем мире». Даже для Сесила Родса «распространение Справедливости и Свободы являлось условием избранности англосаксонской расы Богом»[1072a]. Перед первой мировой войной одна «История английского патриотизма» видела свою империю «не только могучей... но также бескорыстной и христианской... Ведь... величие и душа [английской] конституции [sic] — свобода... Судьбой Британии еще может стать создание образца империи... через посредство любви»[1073]. В апогее Британской империи даже Фрэнсис Янгхасбенд* объяснял превосходство жителей Великобритании над азиатами «более высокой нравственной сущностью»[1074].

Такое нравственное превосходство британцы ощущали по отношению к людям чужих рас, «полудьяволам и полудетям», в соответствии со знаменитыми словами Киплинга о «бремени белого человека»**. Колониальные англичане — по Киплингу — должны с

---

* Янгхасбенд Фрэнсис Эдвард (1863—1942) — англ. путешественник, исследовал Центральную Азию и Тибет, в 1906—1909 гг. — британский резидент в Кашмире.

** Твой жребий — Бремя Белых!
...Править тупой толпою
То дьяволов, то детей...

(Бремя Белых / Пер. В. Топорова // *Киплинг Р.* Бремя Белых. М., 1995. С. 43)[1075].

величайшим трудом выводить их из тьмы на свет, пожиная за все это лишь неблагодарность*. Конечно же, имея дело с такими «полудьяволами и полудетьми», англичане не представляли, как тут можно говорить о равноправии, пусть даже в отношении образованных «туземцев»; несмотря на это подчинение последних должно было вписываться в некую патриархальную связь — в духе самовосприятия тогдашнего классового общества в самой Англии. Киплинговская Англия видела в себе упорядочивающую силу. Сходным образом, например, Пауль Рорбах оправдывал вильгельмовский империализм не без морализма. «Гуманность... была практически неопровержимым доводом... в деле пропаганды империализма». Британские империалисты *заявляли*, что они собираются «дать народам земли... большую свободу и большую справедливость, величественнее и беспристрастнее которой не было в мире» — как бы исполняя волю Всемогущего, а не провозглашая «какую-нибудь новую форму имперского язычества, созданную на основе... немецкого культа самопочитания» (эти слова Болдуина даже в 1940 г. цитировали в Германии).

В донацистской Германии специфика английской религии понималась как вера в «своего английского бога, защищающего свой избранный народ и ведущего его к победе», по определению Фридриха Брие. Но, по крайней мере, в Англии, в отличие от Германии Ницше, не считалось, что «Бог мертв» — пусть даже, как у Томаса Карлейля, это был *британский* Бог: ему соответствовало некое высшее «сверх-Я». Так, Киплинг напоминал: «Если мы, опьяненные властью, перестанем испытывать благоговение к Тебе... Господь воинства, не покидай нас, чтобы не забылись мы». «Высланный в даль, тает наш флот... Глядите, весь наш блеск вчерашний оставит от себя не больше, чем оставили после себя Ниневия и Тир. Судья наций, все же пощади нас, чтобы не забылись мы, чтобы не забылись мы. Да избежим мы веры в то, что невечно: ...в железо, в осколки. В прах обратится мужество, то, что строится на песке, на железе, на том, что обратится в осколки. Помилуй Твой народ, Господь». Этим гимном Киплинг призывал соотечественников к

---

* Твой жребий — Бремя Белых!
Награда же из Наград —
Презренье родной державы
И злоба пасомых стад.
Ты (о, на каком ветрище!)
Светоч зажжешь Ума,
Чтоб выслушать: «Нам милее
Египетская тьма!»
(Там же)[1076].

смирению. И если британцы Киплинга считали себя «избранным народом», то они связывали это и с возложенными на себя обязанностями, а не исключительно (пусть и в основном) со своими привилегиями[1077].

(Понятие о ветхозаветной, этническо-культурной исключительности, которое обычно выводят из знаменитого высказывания Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут», на самом деле в том же киплинговском тексте преобразуется в гуманистическом духе: если сильный сталкивается с сильным, то для этих истинных людей больше нет ни Востока, ни Запада*).

Хоть выражение «бремя белого человека» и было исполнено расового чванства, но эти крылатые слова отражали *не только* лицемерие. Они рассматривались как «распространение сословного “noblesse oblige”** на империю» (в противоположность лозунгу среднего класса «bourgeoisie n’oblige pas»***, по словам русского аристократа Александра Герцена****). Как «бремя белых», так и обязанности, обусловленные знатностью, должны были связывать этот статус с необходимостью исполнять долг перед более слабыми и даже делать его символом этого долга. Действительно, среди имперских англичан встречались люди, всерьез принимавшие на себя это «бремя» как долг. «Трагическими Дон-Кихотами империалистической авантюры» называет их Ханна Арендт[1079] — рыцарями скорее без страха, чем без упрека. Визионером такого типа был, к примеру, Джордж Р. Паркин*****, чей англосаксонский расизм был ориентирован не столько на надменность силовой политики, сколько на «расовое смирение» (sic)[1080]. По его мнению, в случае противоречий между расовым национализмом и христианскими идеалами «высшее первенство» должно быть отдано последним. Более того: британский (ветхозаветный) расизм был для Паркина средством воплощения идеалов (новозаветного) христианского идеализма. Ведь

---

* О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?

(Баллада о Востоке и Западе / Пер. Е. Полонской // *Киплинг Р.* Бремя Белых. М., 1995. С. 32)[1078].

** Положение (букв. дворянство) обязывает (*фр.*).

*** Принадлежность к буржуазии не обязывает (*фр.*)

**** Ср.: Письма из Avenue Marigny (письмо четвертое) // *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 5. М., 1955. С. 240.

***** Паркин Джордж Роберт (1846—1922) — англ. педагог и публицист, уроженец Канады; член Лиги имперской федерации; поклонник С. Родса, распорядитель стипендий его имени.

«экспансия нашей расы... означает власть... но она означает и огромную моральную ответственность»[1081]. Богоизбранность английской расы подразумевала под собой — по крайней мере в начале викторианской эпохи — и Страшный суд, день, когда Британия будет призвана к ответу («Совесть викторианского государства»). Даже в разгар Первой мировой войны «христианский империализм» напоминал: «Когда нам говорят о нашей принадлежности к посвященному народу, о том, что этот статус влечет за собой священные обязанности, мы могли бы пожелать, чтобы... этого не произносили вслух... И все же наша совесть не останется глуха к их мольбам... А если чванливая гордость когда-либо станет нашим главным грехом... что, как ни повиновение Ему, тому, кто низвергает могущество... и возвышает низы, сделает нас смиренными»[1081a].

Таким образом, с идеологической точки зрения, британское понимание своего «расового превосходства», по крайней мере вплоть до 1914 г., было основано на осознании своей огромной ответственности. «Существовали положения, согласно которым долг англичан заключался в расширении своей системы империалистического правления». Однако англичане провозглашали, а некоторые даже верили, что они делают это «во благо невежественных и диких». Поэтому совершенно серьезно заявлялось: «Даже когда нам не будет нужна Индия, мы все равно будем нужны Индии, и мы обязаны отвечать на эту ее потребность даже ценой собственных невзгод...»[1081b].

Однако подобные христианско-моральные побуждения в британском империализме почти не пережили первую мировую войну. После послания Вудро Вильсона о праве народов на самоопределение и послания Ленина о мировой революции высшим приоритетом стала защита самой Британской империи, а вовсе не защита ее миссии. (В той мере, в какой миссионерское сознание было лицемерием англичан, оно представляло собой «дань, которую порок платит добродетели». В случае Германии Ханна Арендт показала, что Бертольт Брехт, разоблачив буржуазное социальное лицемерие, тем самым способствовал нигилизации: те, кого он разоблачил, вздохнули с облегчением, ведь они больше не нуждались в маске. Они наконец могли пойти своей дорогой — такими, какими были...)

Однако и после этого этика британской колониальной бюрократии — отличная от этики колониальных английских торгашей — не ограничивалась лишь иллюзией или имитацией порученного чиновнику высокого служения. Так, британские «резиденты» в малайских княжествах (де-факто находившихся под британским протекторатом) видели в себе «непредубежденных... опекунов [guardians],

[действующих] в лучших интересах туземцев». Это видно по шоковой реакции Хью Клиффорда, одного из настроенных таким образом «civil servants» из Британской Малайи, который в межвоенное время служил в нынешнем Сабахе, на территории частной британской коммерческой «Норт Борнео чартеред компани». Торговое предприятие, на землях которого работал Клиффорд, было озабочено лишь собственной прибылью и обычно почти ничего не тратило на благосостояние, гигиену, здоровье и образование населения. Чиновник, убедившись в почти полном отсутствии заботы о подданных со стороны «Норт Борнео чартеред компани», подал в отставку. Ведь в его глазах единственным объяснением британского правления была забота о благе туземцев. Хью Клиффорда постоянно волновал вопрос о том, как можно «оправдать империализм с точки зрения морали» — несмотря на его уверенность в превосходстве белой расы (а, может быть, именно исходя из нее). Ибо для Клиффорда, ставшего в 1926 г. губернатором Нигерии, убежденность в необходимости беречь и защищать земли туземцев — основанная на принципах морали — была непререкаемой. Колониальное правительство британской Западной Африки неоднократно отказывало британцам в разрешении устраивать плантации, поскольку это грозило превратить местных жителей в безземельных батраков[1082]. Даже лорд Альфред Милнер высказывался в подобном духе: «Единственное оправдание тому, что белые... навязывают свой порядок черным, является использование его во благо подчиненных рас...»[1082a]. Впоследствии, как утверждал автор книги «Англия навсегда», «идеализму имперской миссии со свойственной ему вводящей в заблуждение верой в то, что могущество заключено в моральном превосходстве английского характера... противостояло ***превращение европейского империализма в европейский фашизм***».

В отличие от подобных моральных претензий британского империализма в Индии, Гитлер никогда и мысли не допускал о том, что власть немцев должна идти на пользу России. Напротив, говоря о населении, которое немцы обнаружат в «восточном пространстве» — его Индии, — Адольф Гитлер напоминал: «Если кто-то заговорит о заботе, его надо тут же бросить в концлагерь». «Жалких сто миллионов славян мы поглотим или вытесним»[1083]. Гитлеровская политика систематического принудительного переселения, отмены обучения, запланированного или уже начавшегося истребления образованных людей превзошла по жестокости все колониальные методы прошлого. Она «воплощала ту основу фашизма, которая выдает в нем колониальный империализм, возведенный в степень», — констатирует Эрнст Нольте[1084]. Гитлер придал войне про-

тив Советского Союза новые «качества, прежде знакомые лишь по колониальным войнам». («Разве туземцы — люди? Большинство дикарей вынесет гораздо больше... чем любой европеец», — утверждал Баден-Пауэлл.)

«Безжалостность» — ключевое слово для Гитлера. Он связывал это понятие именно с Британией, как бы сопоставляя ее с Германией... «Безжалостность» являлась позитивной чертой в представлении Гитлера: нацисты считали, что лишь Британия и Третий рейх могли быть названы «безжалостными»». Именно на Британию ориентировались нацисты, продумывая собственную модель для управления Россией. В 1937 г. немцам предстояло учиться у англосаксов тому, как следует «преодолевать собственные угрызения совести... Нацистские лидеры ни в коей мере не порицали опыт империалистической Британии. Они надеялись добиться такого же результата», — подтверждал Штробль.

И все же «то, что... кажется преддверием геноцида или путем к нему, вмиг утрачивает это сходство, когда сравниваешь его с поистине чудовищным»[1085], с «вероятно, уникальной по масштабам... попыткой воплощения варварской программы уничтожения и колонизации»[1086], этой «отвратительной смесью колониального менталитета и расового господства». При Гитлере ни один миссионер не смел даже заикнуться — в отличие от миссионеров Британской империи — о том, что «расовые предрассудки» являются «одним из самых страшных грехов».

В Англии лорд Байрон оставался «всего лишь» отщепенцем; его книги там не сжигали в качестве «вырожденческих». Если, с одной стороны, у колониальных англичан в Индии хороший тон требовал *игнорировать* памятники прошлого «туземцев» (и не знать о них), то, с другой стороны, гитлеровский генерал-фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау прямо заявлял: «Истребительная война предполагает и исчезновение памятников прежнего большевистского господства, в том числе и зданий. При этом ни исторические, ни художественные соображения в восточном пространстве не должны приниматься во внимание»[1087]. Для британского колониального империализма «туземцы»-интеллектуалы были «всего лишь» в тягость. (Вице-королю лорду Керзону приятнее всего были индийцы, *не* умевшие читать...) Известно, что раньше в самой Англии господствующие классы предпочитали, чтобы их подчиненные оставались неграмотными. «Детям бедняков не подобает учиться писать». Но нацистские «новые вельможи крови и почвы», эти сверхчеловеки из мещан, пошли несравненно дальше[1088]. В генерал-губернаторстве Гитлера (Польше) и в «его» восточном пространстве перед «расой гос-

под» ставилась задача ликвидации образованных людей: «У кого я замечу интеллект, тот будет расстрелян», — якобы заявил один гебитскомиссар, крайсляйтер Бехер[1088а].

Британские колониальные империалисты никогда не использовали террор в *таких* масштабах. Поскольку социальная революция в самой Англии, которой страшились — без оснований — в период империализма, так и не вспыхнула, у британского колониального милитаризма не было той дополнительной контрреволюционной агрессивности, которую служившие Гитлеру милитаристы перенесли с ликвидированных в Германии спартаковцев и приверженцев мюнхенского Совета на оккупированные области Советского Союза[1089]. В этой связи Уинстон Черчилль еще в 1927 г. пояснил итальянскому коллеге Гитлера, что благодаря отсутствию в Англии «смертельной опасности» со стороны «зверского ленинизма» *Англия реагирует на него не так, как фашистский диктатор.* «Будь я итальянцем... я бы обязательно был всем сердцем с вами... с вашей триумфальной борьбой», — такое признание сделал мистер Черчилль дуче[1090]. Но Англия сильно отличалась от Италии и Германии.

Именно потому, что для «расы господ» на ее образцовой британской родине уже эволюционная ситуация ставила прагматические, а то и теологические пределы, тот англичанин, что вдохновил и «запрограммировал» Гитлера, — Хьюстон Стюарт Чемберлен — перебрался в Германию. Ведь именно незыблемость «расы *господ*» в Великобритании не оставляла никакого места для «*сверх*человека» (равно как «lesser breeds» — так сказать, «низкое отродье» — в конечном счете не было тождественным «недочеловекам»: «низкое отродье» — псевдобиологическое, «недочеловек» — мифологическое понятие). В Британии не было места для сверхчеловека — не только владеющего своими мышцами и нервами и стоящего выше чувств и страхов, но стоящего выше и религиозных представлений, господина над жизнью и смертью обычных людей[1091]. Ведь в Англии не было нигилизации (как результата обостренной — во имя сохранения статуса — агрессивности мелкого буржуа, панического страха буржуазии перед угрозой пролетаризации), которая нуждалась в компенсации потери идентичности, компенсации в густой тени сверхчеловека. В Англии органично возникшие виды социальной идентичности смогли сохраниться. (Представление об англичанине как о сверхчеловеке, «overman», у Джона Дэвидсона*, который рассматривал историю Англии как его эволюционное становление, осталось лишь одиноким исключением[1092].) И, несмотря

* Джон Дэвидсон (1857—1909) — шотландский поэт; в своих «Завещаниях» воспевал «сверхчеловека».

на все английские традиции веры в «расу господ», избранность, расовое превосходство, сплоченное расовое единство и на привычку подчиняться, при всем культе мускулов и презрении к духовной и эмоциональной жизни, которые воспитывались у английской элиты, все-таки в самой Великобритании никаких войск СС не появилось. (Члены английского «Потерянного легиона», хотя их и характеризовали как решительных, жестоких и преданных своему лидеру[1092a], все же не были настолько деморализованы, чтобы стать наравне с эсэсовцами и выполнять их функции). Не появилось в Англии ни концлагерей, охранники которых должны были бы проходить в этих местах квалификационные испытания путем «полувоенной» службы в них, ни частей «Мертвая голова» из тех, кто уже получил такую «квалификацию» — хотя Англия и вдохновила воспитание гитлеровских элит.

«Образцы мужественности», существовавшие в Британской империи, должны были вдохновлять немецких юношей. Согласно нацистским представлениям (1937), «британская история наглядно продемонстрировала — особенно это выразилось в ее великих вождях — инстинктивное неприятие угрызений и запретов, чуждых расе». Гервин Штробль в своей книге «Тевтонский остров», вышедшей в Cambridge University Press, неоднократно обращал внимание читателей на «восторги нацистов перед мужественностью британцев и мнимым презрением к нравственным ограничениям». Именно в таком духе должна была воспитываться гитлеровская элита вождей элитарной расы. Элита, твердо намеренная исповедовать соответствующую «этику», например, такую: «Мы расстанемся с последними шлаками своего слюнявого гуманизма»[1093]. И «да будет известно этим «хорошо воспитанным» господам, что *мы* со спокойной совестью делаем то, что они делают тайно и с нечистой [совестью]», — еще в начале своей деятельности заявлял Адольф Гитлер. (Ибо не евреи ли выдумали угрызения совести?)[1094]. Однако для этого было необходимо «в еще более решительной форме, чем до сих пор, разделаться с христианством... с этим христианством, этой великой чумой... которая делала нас слабее в любой схватке, нам придется разделаться. Нам придется разделаться с ним внутри себя», — настойчиво напоминал в 1942 г. Генрих Гиммлер[1095].

Но глубинный смысл гитлеровского «национального социализма» не сразу понял даже такой человек, как Герман Раушнинг, в течение многих лет близкий к Гитлеру. Это был «социализм» как «преддверие отделения *новой* расы господ от расы скотов». Ведь «нынешние массы — предварительная форма той самой породы людей, которую Гитлер назвал выродившейся»[1096]. (Возможно, даже

в этом на Гитлера оказало влияние и то, что он принимал за британские примеры. Во всяком случае, господствующий слой Англии как образцовый по породистости он противопоставлял «грязи» — так Гитлер именовал британские низшие слои[1097].) Попытка «тотальной власти опытным путем в лабораториях концлагерей избавиться от людей, ставших лишними, соответствует... осознанию современными массами собственной ненужности в перенаселенном мире»[1098]. Таким образом, тоталитаризм в конечном счете стремился создать систему, в которой человек является лишним, — делала вывод Ханна Арендт. К этому ведет прогресс механизации. Ведь и в «открытом обществе» индивидуальная деятельность имеет тенденцию «в конечном счете [сводиться] к бессознательному или вынужденному исполнению роли [социальных] механизмов», то есть происходит, по определению общественных наук, «упразднение человека»[1098a]. Потенциальные возможности развития в этом направлении, возможно, наметились при индустриализации, начавшейся в Великобритании. Однако обезличивание человека путем лишения его духовности в конечном счете привело к тоталитаризму все-таки не в самой Англии.

Как утверждал антидемократический, католический теоретик Карл Шмитт, Гитлер воплотил в жизнь чаяния ницшевского Запада, его стремление к Человеку, реализующему себя в этом мире, чисто биологически, в соответствии с природой. Шмитт говорил о Гитлере как о конечном продукте «гуманизма» Ницше. Ницше, как известно, появился не в Англии. Согласно Ницше, человеку как таковому, так сказать, не остается места между недочеловеком и сверхчеловеком[1099]. Однако в Англии почти не было социальной потребности в грезах Ницше о сверхчеловеке, в его желании создать «орден высших людей, у которых воспитывают самодисциплину... [ради] твердости и преодоления сострадания... воли к власти... *будущих* властителей мира». Ведь среди имперских англичан (где быть англичанином значило быть «избранным над всеми народами») хватало «властелинов», *уже* — а не будущих — властителей мира. А значит, в Англии не оставалось социального пространства для «революции [гитлеровской] *новой* аристократии» (среднего класса) «против масс», в духе «богочеловека» — «богочеловека», в одиночестве стоящего надо всеми, обладающего беспредельной властью и подчиняющегося лишь своей воле. Итак, в Англии даже Джон Дэвидсон решительно отверг сверхчеловека Ницше, «поляка», а, следовательно, неполноценного...

Поскольку британская классовая иерархия по большей части осталась неизменной, прагматического расизма, вооруженного пред-

ставлениями о превосходстве англичан, было вполне достаточно для властвования над туземцами — для этого не требовался английский сверхчеловек[1100]. Во всяком случае, в Англии не было нужды в австро-баварском, мещанском типе сверхчеловека, для которого, по словам Даниэля Голдхагена, «концлагерь являлся тренировочной площадкой для вырабатывания поведения, присущего господам». Таким образом, роковое предсказание Гитлера: «Я освобожу людей... от грязных и унизительных самоистязаний из-за химеры, именуемой "совестью и моралью"»[1101] в Англии не получило отклика*.

Рейхсмаршал Геринг, обращаясь к рейхскомиссарам и военным командующим, так уточнял применение этого лозунга на практике: «Видит бог, вас послали туда не затем, чтобы... работать на благо вверенных вам народов, а затем, чтобы выжать из них все, что возможно... Мне все равно, если вы будете мне говорить: мол, ваши люди гибнут от голода. Пусть себе — лишь бы не умер от голода ни один немец»[1102]. Высказываясь в том же духе, не проявлял «излишней» человечности и Генрих Гиммлер (человечности в нем было намного меньше, чем даже у Томаса Карлейля, предназначавшего «ниггеров» для подневольной черной работы под ударами бича; меньше даже, чем у лорда Альфреда Милнера, учившего: «Не наше дело заботиться о других. Наше дело — заботиться о нас самих и наших домочадцах»): «Что происходит с русскими, мне совершенно безразлично... Мы, немцы, займем позицию, которую прилично иметь по отношению к этим *зверолюдям*, но заботиться о них — преступление перед нашей собственной кровью»[1103]. «*Животные*, которые находятся в лагерях для русских пленных», — так называл восточные народы Адольф Гитлер[1104]. В этом он пошел дальше даже сочинения своего рейхсфюрера СС под названием «Недочеловек» («Der Untermensch»), включавшего соответствующие карикатуры на «восточных людей». А «если русские отправят на войну... людей, обучавшихся четырнадцать дней, и эти звери пойдут в наступление, нам придется встретить *этих зверей* с оружием в руках», — беспокоился рейхсфюрер СС даже в дни наибольших успехов Гитлера на «восточном пространстве»[1105]. (Ведь в противоположность «звероподобным» даякам Борнео, принадлежность которых к людям английский служитель «мускулистого христианства» Чарлз Кингсли огульно ставил под сомнение, русские «зверолюди» поражали своей способностью умело защищаться.)

* Ведь функции прагматической составляющей этого «сверхчеловеческого» обещания уже исполнял «кэнт» (cant) — оценка другой стороны по моральным критериям, а собственной — по утилитаристским, основанная на представлении об избранности: мораль, таким образом, оставалась — двойная (*прим. автора*).

Тявканье трусливых буржуазных шавок... я могу переносить тем спокойней, что... слишком хорошо знаю среднего труса.
Адольф Гитлер

Расчет Невилла Чемберлена — и гитлеровское видение «сумерек богов»

Писали, что задолго до того, как войска СС изготовились к «броску на Восток», Адольф Гитлер — который к тому времени уже стяжал гром оваций всего лишь за заверение «я *все* рассчитал» — сделал следующее предсказание: «Может быть, мы погибнем. Но мы возьмем с собой весь мир»: Муспилли, мировой пожар из нордической мифологии. «Он напел тему из “Гибели богов”» [Рихарда Вагнера][1106] — «только это подобает... незыблемой воле повелителя, которая и перед лицом полного уничтожения... остается цельной»[1107].

И это уже не была «незыблемая» воля английского повелителя; здесь перед нами не просто социал-дарвинизм, заимствованный из Англии. И речь уже шла не просто о «конце белого мира» — речь шла о «хаосе или планете термитов... угрозе ужасного термитного безумия с Востока...» Это были апокалиптические сумерки богов, и именно перед лицом такой перспективы якобы ожидалось, что Гитлер убережет культуру среднего класса — культуру спокойствия и порядка[1107а]. Апокалипсис в образе «щупалец», столь зловеще тянущихся к расе господ, — по Хьюстону Стюарту Чемберлену. Ведь как раз этот онемеченный британец, основу представлений которого в конечном счете составлял экзистенциальный опыт британского империализма (пусть и крайне радикализованный), «подвел молодого народного трибуна к последним выводам и для этого посвятил его в [якобы вагнерианские] спасители», согласно Иоахиму Кёлеру[1108]. Объявляя заранее, что нацистский фюрер — единственный, кто осмелится из своего знания о «смертоносном влиянии еврейства» сделать «выводы» для своей деятельности, Чемберлен «*запрограммировал Гитлера*». Избранник стал орудием мира идей британца Чемберлена, «маской, из-за которой вещал чужой голос»[1109]. Этот самый британский «властелин», разочарованный в английском парламентаризме, предопределил «миссию» Адольфа Гитлера (приписав ее авторство Рихарду Вагнеру). В ней была «важна не реальность, а режиссерская партитура, по которой ставят этот спектакль. Она предписывает миру стать ареной решительной апокалиптической битвы — раса, созданная как божественная... должна

выдержать [эту битву] с расой разрушителей, проросшей из недр ночи и смерти. Считалось, что именно за этой драмой последует развязка». Как в «Сумерках богов» Рихарда Вагнера, мир, обреченный на гибель, должен был охватить очистительный мировой пожар. А «Гитлер стал Зигфридом, героем, вознамерившимся убить "злого гложущего червя рода человеческого"», так сказать, «превратить мир в театр Вагнера». «Драма политической реальности... для Гитлера разыгрывалась на фоне меняющихся декораций «Кольца» [Нибелунгов]», это был «спектакль... в котором Гитлер играл свою звездную роль», делил «мир по категориям и создавал социальный порядок, при котором костюм олицетворял функцию». «Как Вотан — дикой охотой, он [Гитлер] командовал уже войском мертвецов... и, разыгрывая войну в ящике с песком, форсировал массовую гибель... Пока это зависело от него, репертуар составляли «Сумерки богов»»[1110].

Пусть юдофобия Гитлера восходила еще к временам его венской юности, а укрепил его в этих убеждениях Дитрих Эккарт — «наглядной реальностью [в духе Хьюстона Стюарта Чемберлена] демонические недочеловеки [стали только] в вагнеровском мифе о Нибелунгах. Дьявольский заговор преисподней, жертвой которого падает лучезарный герой», Гитлер узрел не с помощью венских антисемитов, а в чемберленовской интерпретации вагнеровского «Кольца Нибелунгов». «Бесспорно лишь, что... вывод, внушенный Чемберленом... Гитлер соотнес со своей деятельностью...» Лишь «вагнеровский» «театр мира... изображающий гибель сынов арийских богов и наступление... владычества» демонических хранителей сокровища, «помог немыслимому стать отчетливо-наглядным» до такой степени, что внушил мысль истребить мнимых «мракобесов». «В отвратительный абсурд, который он [Гитлер] предвещал в своих проповедях перед ликующими массами, по сути никто не был готов... поверить». Казалось, что это чистой воды театр, пьеса, требующая сценического же воплощения[1111]. Однако этому «театру» суждено было стать реальностью.

Предпосылки же английского национализма не были по-вагнеровски театральны, как раз наоборот — они были «эмпирически» ориентированы[1111а]. Тем более неожиданным должно было стать воплощение подобных видений Хьюстона Стюарта Чемберлена для его однофамильца, расчетливого премьер-министра Невилла Чемберлена из Бирмингема и Лондона. Посетив в 1877 г. Лондон, Рихард Вагнер счел, что именно *там* воплотился сон Альбериха, демонического стража сокровища, — «дом туманов, власть над миром»[1112] благодаря сокровищам, на страже которых стоят безжалост-

ное насилие и холодный расчет. Но именно эта подоплека гитлеровского «импульса» от «Сумерек богов» тем более не позволяла лондонскому премьер-министру понять его. Невилл Чемберлен — мнивший себя расчетливым и реальным политиком — в 1938 г. прибыл из Лондона в Мюнхен, чтобы использовать фюрера Третьего рейха в интересах английского имперского истеблишмента, чтобы пригрозить тем, кто нес угрозу Британской империи. Ведь насколько успешно Невилл Чемберлен вел свой бизнес, настолько мало он был способен понять австро-баварского эпигона британского мифотворца (проигравшего на бирже) — Хьюстона Стюарта Чемберлена.

Если тот из Чемберленов, которого звали Хьюстон, стремился противостоять страшной для него социальной революции, разоблачая стоящих за ней «недочеловеков», то Невилл Чемберлен, в свою очередь, пытался по возможности усилить намеренным и систематическим потворством Третьему рейху со стороны Англии контрреволюционную Германию Адольфа Гитлера — ученика Хьюстона Чемберлена. Невилл Чемберлен вышел из школы Альфреда Милнера, который среди твердолобых тори Великобритании считался «сильным человеком», подходящим для «чистки авгиевых конюшен парламентской демократии». В 1918 г. Милнер занимал пост военного министра. В марте 1917 г. Невилл Чемберлен был сильно обеспокоен победой демократии в России, а в сентябре того же года лорд Альфред Милнер оказывал помощь Корнилову, рассчитывая на свержение нового демократического режима. (Милнер резко отрицательно относился и к поддержке демократической революции в Германии в 1918 г. со стороны американского президента Вильсона.) Лорд Милнер рассматривал парламентаризм в частности и демократию в целом как помеху для империализма, а империю — как нечто жизненно важное для сохранения англосаксонской расы. Он «никогда не признавал прав оппозиции» и «полагал, что временное прекращение действия британской конституции... было бы полезно для эффективного развития империи». Еще в 1903 г. этот непопулярный (и принадлежавший в то время к меньшинству) империалист мечтал о «барабанщике», который мобилизует массы против демократии, за расовый империализм и контрреволюцию. «Может быть, однажды появится большой силы шарлатан, политический прохвост... лжец и пустобрех — но при этом любимец народа — который использует власть (добытую искусной демагогией) во имя национальных целей», — надеялся Альфред Милнер, сознавая, что хотя шанс и невелик, другого выхода все равно нет[1112a].

Именно для сохранения имперских владений еще в 1903 г. антипарламентарист Милнер хотел использовать вождя-демагога. А его эпигон, Невилл Чемберлен, видя угрозу Великобритании во врагах расизма и империализма, в 1938 г. точно так же намеревался противопоставить им Гитлера и его присных[1112b].

Если Хьюстон Чемберлен мечтал укрепить германо-англосаксонскую мировую державу за счет примата расового превосходства, то Невилл Чемберлен рассчитывал, усилив расистский Третий рейх, ослабить антирасистскую агитацию против Британской империи (как «имперской расы»). В конечном счете гитлеровский расизм (скорее байрейтский, чем венский) был *мифическим*, и именно поэтому премьер-консерватор (привыкший к *прагматичному* британскому расизму) был не в состоянии даже осознать масштабы иррациональности Адольфа Гитлера: «Над бессмысленностью тоталитарного общества царит сверхсмысл идеологии». Понимание тоталитарной политики затрудняет именно последовательность, с какой применяется то, что присуще их идеологии[1113].

Удачливый бизнесмен из Бирмингема, привычный к рациональному расчету, Невилл Чемберлен был абсолютно неспособен хотя бы принять к сведению возможность вторжения иррационального в политику, например, задачу «создания типа» и «претворения мифа в жизнь», поставленную главным идеологом нацизма Розенбергом. Ведь если Англия Невилла Чемберлена была довольно далека от Гете, она тем менее могла обозреть путь немецких элит от фаустовской культуры до «покинутости в ничто*». В Англии, в отличие от Германии, «переоценка ценностей» была незначительной. Англичане — не познавшие ужаса поражения и панического страха перед внутриполитической катастрофой — не ощущали «изношенности и истрепанности общепринятого нравственного закона», как немцы времен Ханса Гримма, который «открыл», что этот закон «никогда не был более чем... видимостью»[1114]. В Англии масштабы нигилизующего влияния кризиса в обществе были несопоставимы с ситуацией в Германии. Социальный кризис и распад общественных структур, сопровождавшиеся дискредитацией существующей формы правления, экономическим обнищанием и политическим хаосом, даже во время всемирного экономического кризиса начала 1930-х годов не достигли в Англии такого размаха, как в Германии. Подобные факторы, ускорявшие гибель парламентаризма, не оказали решающего влияния на Англию с ее стабильными институтами и сравнительно однородным обществом — в отличие от Германии. В Вели-

* Geworfensein in das Nichts — термин хайдеггеровской философии (*прим. автора*).

кобритании партии среднего класса, являвшиеся основной политической силой, не подверглись дезинтеграции, как в Германии. Все это и позволило [британскому] парламентаризму выстоять в мировом экономическом кризисе[1115]. Таким образом, Англия обошлась без идеологизации иррационального, позволявшей «прикрыть» социальные структуры, которые уже не могло защитить голое «рацио», — не понадобился ей и мифологизованный в тоталитарном духе антисемитизм[1116]. Так, британский фашизм Освальда Мосли (с которым Англия Невилла Чемберлена была прекрасно знакома), даже включив в свою программу антисемитские требования, не мифологизировал их. Британский фашизм оставался очень далек от апокалиптических театральных импульсов «сумерек богов». Настолько, что сэр Освальд Мосли — равно как и Невилл Чемберлен — не замечал их у Гитлера (несмотря на личные знакомства в байрейтском кружке)[1117].

И именно потому, что идеи гитлеровской Германии, вдохновленные Англией (представление о «расе господ», сознание расового превосходства, культ мускулов, враждебность к эмоциям и интеллекту), казались столь знакомыми англичанам (в отношении «напола» эту узнаваемость и даже чувство «дежа вю» в 1936—1939 гг. засвидетельствовал в своих публикациях целый ряд наставников британских паблик-скул), у британцев укрепилась «реально-политическая» иллюзия, что им понятны стремления Гитлера. Англичане не представляли, *насколько* этот фюрер — человек, которому доверял Чемберлен, — пойдет дальше своих британских прототипов. Прагматичная чемберленовская политика невмешательства в экспансию Гитлера на восток не уделяла никакого внимания самому главному отличию нацистского расистского империализма мифа (больших *пространств*) от британского расистского империализма прагмы (жестко ограниченных *территорий*). Британцы игнорировали апокалиптический импульс гитлеровской «*не*реальной политики», импульс «сумерек богов» в динамике этой экспансии, некогда получившей «вагнерианское» благословение британского эмигранта Хьюстона Стюарта Чемберлена. Министр иностранных дел лорд Галифакс, к примеру, просто не мог поверить соответствующим сообщениям Германа Раушнинга — и это ничуть не странно[1118]. Почти столь же предсказуем был и тот факт, что Невилл Чемберлен, даже увидев после 1940 г. результаты своей политики, остался убежден, что он вряд ли мог действовать по-другому в 1938 г. (то есть не поощрять экспансию Гитлера и не укреплять тем самым его режим). Даже в 1940 г., после начала войны, Чемберлен абсолютно серьезно оспаривал предсказуемость «перемены» в Гитлере, проис-

шедшей с 1934 г.[1119] (то есть предсказуемость осуществления того, что давно было провозглашено в «Mein Kampf»)... Англия Невилла Чемберлена помогла Адольфу Гитлеру выйти на то исходное положение, благодаря которому он смог развязать вторую мировую войну: без борьбы уступив его территориальным притязаниям, Англия помешала внутренним силам Германии свергнуть фюрера, а ведь попытка осуществить эти притязания военным путем (насколько можно судить) привела бы нацистский режим к гибели еще в сентябре 1938 г.

Допросы начальника генерального штаба сухопутных войск Третьего рейха генерал-полковника Франца Гальдера, проведенные американской разведкой, подтверждали ответственность Англии. Полученная на допросах информация крайне обеспокоила министерство иностранных дел Британии. Показания Гальдера были названы (11 августа 1945 г.) «очень опасными»; более всего британское министерство иностранных дел было напугано возможностью утечки этой информации. Так, Патрисия Михан обнаружила в архиве этого британского министерства заметку следующего содержания: «Лучшим выходом могла бы стать дискредитация генерала Гальдера... Если не заткнуть свидетелям рты, используя при ведении судов методы ГПУ и Гестапо... эти вредоносные сведения выйдут на поверхность»[1119a]. Подобные меры были призваны помешать обществу осознать, что, если бы не вмешательство Невилла Чемберлена, Вторая мировая война осталась бы «ненужной войной», как называл ее Уинстон Черчилль[1119b].

Тем самым на внешнюю политику Лондона ложится значительная доля вины за то, что война была развязана, — и, во всяком случае, за ее продолжительность. Именно Великобритания в 1938 г. разрушила систему союзов (возводившуюся Францией с 1934 г.) — вместе с тем, что еще оставалось от системы коллективной безопасности под патронатом Лиги наций. Именно Невилл Чемберлен — вследствие своей незыблемой веры в готовность Гитлера к сотрудничеству — отказался от традиционной британской политики сохранения баланса сил в Европе. После того как в 1939 г. Гитлер не оставил ему другой альтернативы, кроме войны, Англия всего через десять месяцев оказалась вынуждена в одиночестве противостоять Третьему рейху. В результате чего Сталин получил возможность давить на Англию — и захватил в Восточной Европе как раз те территории, которые Чемберлен предназначал Гитлеру.

Безусловно, Англия — выстояв при Уинстоне Черчилле (с июня 1940 по июнь 1941 гг.) — не позволила Гитлеру одержать окончательную победу. Однако при этом англичанами двигали не такие

абстракции, как борьба демократии против тоталитарной диктатуры, а вещи, гораздо более близкие, более конкретные: защита собственной страны от врага. Во всяком случае, тот факт, что неангличанин Гитлер стал претендовать на мировую значимость, какая положена только англичанам, уже перестал иметь первостепенное значение, как и то, что в своей практике Гитлер пошел несравненно дальше своих британских прообразов. Великобритания объявила войну Великогермании не за то, что та насаждала все в новых странах нацистские и фашистские диктатуры, а за экспансию Третьего рейха в сферу британских интересов. Именно это явилось причиной войны, пусть даже британское радио на немецком языке изо дня в день утверждало обратное (слова, от которых Гитлер полагал достаточным отмахнуться как от «пустых фраз»): «Идет свобода! Она с британскими летчиками в небе Германии и Италии. Она с миллионами угнетенных, ждущих своего часа. Она с армиями рабочих, кующих себе оружие из свободной воли — в Старом и Новом Свете. Идет свобода!»

Так Англия агитировала за свое дело именем ценностей, которые *субъективно* ей самой были чужды, — абстрактных прав человека (то есть чего-то, выходившего далеко за рамки прав англичанина). И все-таки строго *объективно* это притязание было оправданным — именно в силу его фактической альтернативы. Борясь за права англичанина, Англия не дала тоталитарной диктатуре чистопородных «сверхчеловеков» уничтожить военным путем права человека как таковые. «Странным, чудесным образом... британцы никогда не теряли присущей им непременной веры в себя. И именно она... выиграла войну, даже после того, как высокомерие и слепота британцев почти проиграли ее» (П. и Дж. Мур).

Так исполнились слова Черчилля: «Еще никогда столь многие не были столь многим обязаны столь немногим». Несмотря на возможность сохранить империю, договорившись с Гитлером[1119с], Англия предпочла сопротивляться, даже ценой потери империи. *В этом проявилась* сохранившаяся сила *английского расового мифа*, пусть в форме «решимости [Британии] защищаться... от тирании самого насильственного вида расизма... самозванных хранителей тевтонского сознания», — с удовлетворением констатировал один британский историк. Даже в 1982 г. английское сознание собственного расового превосходства считалось целесообразным для Англии и сулящим ей успех — при этом англичане не задавались вопросом, обоснованны ли эти притязания[1120]. Гордость англичан своими успехами не оставляла места для сомнений в собственном расовом превосходстве. Однако только когда британское владычество над миром кануло в прошлое, английские ученые усомнились в идее

избранности *одних только* англичан (идее, существовавшей начиная с 1560-х гг.) на том основании, что «избрание... не принимает в расчет [государственные] границы»[1120a]. Конечно нет. «Могущество испортило англичан: они стали думать, что оно является их врожденным качеством, воплощенным в каждом из них, а не в страхе, который наводило британское оружие. Но когда все, чем они так восхищались в себе, неожиданно оказалось под угрозой исчезновения... они смогли проявить храбрость и... безрассудную гордость. Вынужденнные сражаться, они не боялись смерти»[1120b].

Так или иначе, но, опираясь не в последнюю очередь на сознание расового превосходства (пусть и ограниченное прагматическими соображениями), Великобритания достаточно долго выдерживала натиск тоталитарной державы, исповедовавшей расизм «сумерек богов», и дождалась появления в числе своих союзников Советского Союза (мечтавшего о мировой революции) — державы, враждебной ее империализму. Итак, антикоммунизм Гитлера хоть и не спас Британскую империю (как того хотел Невилл Чемберлен, долго и активно поощряя экспансию Третьего рейха), но именно этот антибольшевизм в конечном счете спас Англию — нападение немцев на Россию кардинальным образом облегчило положение Великобритании. Великобритания держалась достаточно долго, чтобы в качестве ее союзника в войну вступили и Соединенные Штаты — федерация, когда-то провозгласившая право народов на самоопределение. Однако военная поддержка Америки создала и определенные проблемы. Даже британское Министерство колоний не смогло изолировать негров, служивших в армии США, от «цветных» подданных Британской империи, которых считали «потенциальным источником недовольств и раздоров»[1120c]. Все это также ускорило потерю владычества белой «имперской» расы.

Таким образом, намереваясь воспрепятствовать концу владычества белой расы, Гитлер в конечном счете ускорил этот процесс: Британская империя пережила крах Третьего рейха всего на несколько лет. Ведь после разгрома гитлеровского «тысячелетнего рейха», который довел расистский империализм до абсурда, не могла существовать и британская колониальная империя, основой которой был именно расизм (хоть и несравненно более умеренный). *Так* эту ситуацию прокомментировало радио Лондона (Би-Би-Си) в 1996 г.[1120d]

Прежде лорд Альфред Милнер подчеркивал, что Британская империя опирается на расу: «Именно британская раса создала империю... только британская раса может сохранить ее»[1120e]. Потому и невозможно было сохранить Британскую империю после победы над Гитлером, показавшим истинное лицо любого расизма.

Первым великим принципом британского государства... было следование расе.

Альфред Милнер

Должны ли мы предпринять попытку создания новой Германии по английским образцам?

Мелкие немецкие души поддавались английскому духу массовости — тем вернее, чем больше они сами принадлежали к массе. Но все по-настоящему великие немцы, такие, как Гете и Бисмарк, отвергали Англию в целом при всем признании ее отдельных достоинств.

Вильгельм Дибелиус, 1923[1120f]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже в 1930 г. Ёме и Каро назвали национал-социалистов Гитлера «борцами за Британскую империю». Альфред Розенберг также заявлял, что «Британскую империю будет защищать и борьба Германии с Россией и большевизмом» — благодаря походу Гитлера на Восток. Здесь же будет интересно привести последний политический анекдот Третьего рейха. «После 8 мая 1945 г. в офисе британских секретных служб появляется человек с усиками и характерным австрийским акцентом. Человек отклеивает усы и докладывает: "Тайный агент под номером 51. Задание выполнено. Вся Германия лежит в руинах"».

Известно, что Гитлер «с удовольствием вел бы борьбу против большевизма, используя в качестве партнеров английские флот и авиацию». (Возможно, именно на это рассчитывал фюрер, начиная эту войну.) Предполагалось, что контактное лицо Рудольфа Гесса — герцог Гамильтон — должен был вступить в переговоры с вероятным «главой британской "Партии мира"» — не кем иным, как королем Георгом VI. В результате этих переговоров Британия должна была заключить мирное соглашение с Гитлером, который собирался после этого напасть на Советский союз. Об этом в 1941 г. из Лондона сообщал американский военный атташе, об этом говорила и советская разведка. Предпринимая постоянные попытки заполучить поддержку Англии в войне против Советского Союза (настолько постоянные, что они уже граничили с одержимостью),

Гитлер, вероятно, *собирался добиться мира с Англией, развязав войну на Востоке.* Таким образом, Гитлер рассчитывал, что ему не придется воевать на два фронта после нападения на Советский Союз[1121].

Как известно, из этого ничего не вышло. В своей новаторской истории немецкой внешней политики Клаус Хильдебранд задается вопросом: «Почему Гитлер... верил, что на фоне поражения ему удастся... сойтись с Великобританией» и «вместе с Великобританией загнать век в рамки»? («А ведь если бы к власти не пришел «полуамериканец» Уинстон Черчилль, Гитлер вполне мог бы дождаться исполнения своих мечтаний», — напоминал автор книги «Десять дней, которые спасли Запад».) Даже в 1944 г. в гитлеровской Германии «многочисленные представители государства и вермахта, экономических кругов и высшего общества цеплялись за английскую иллюзию»[1121a]. В конце концов, ***ни одно немецкое правительство в своей силовой политической экспансии никогда не получало такой поддержки со стороны Англии, как правительство Адольфа Гитлера. И, пожалуй, ни один глава немецкого государства так не идеализировал Англию, как Гитлер.*** Нацистский режим всегда относился к британской империи как к «старшему брату Третьего рейха», связанному с Германией общими постулатами о расовом превосходстве. Нацисты считали, что англичане, критикующие Третий рейх, отрекаются от истории собственной страны, от ее подлинной сути. Однако в решающие предвоенные годы таких в Британии было меньшинство, и к тому же они почти не имели влияния. И заявление, сделанное Гитлером в 1931 г. о том, что Германия заинтересована в сохранении британской власти над Индией, произвело «особое впечатление в Лондоне»[1121b].

После того как в НСДАП победила ориентация Гитлера на Англию (в противовес ориентации Отто Штрассера на Россию* и колониальные народы), судьба Германии во второй мировой войне геополитически была предрешена. Была предрешена роль Германии, которую Ханс Гримм определял не в последнюю очередь как роль «*британского* форпоста на Востоке»[1121c]. Неоднократный *отказ* Германии в прошлом «*таскать для Англии каштаны из огня*» был ошибкой — прямо заявляет Гитлер в «Mein Kampf»: еще в 1904 г. немцам следовало напасть на Россию, чтобы добиться благоволения Анг-

* Ориентация на Россию соответствовала тогда представлениям именно национальных, консервативных мыслителей Германии, — таких, как Освальд Шпенглер, Эрнст Юнгер, Мёллер ван дер Брук (***прим. автора***) (Мёллер ван дер Брук, Артур (1876—1925) — нем. писатель, автор книги «Третий рейх» (***прим. перев.***)).

лии*... Именно таким образом *Германская* империя *должна* была сделаться мечом Британии на континенте, используемым против Востока. «Конечная цель политики Гитлера... состояла в *присоединении* к Британской империи»: он хотел любыми способами войти в мир англичан — самый привилегированный из миров — сначала на правах поверенного в делах, а затем и в качестве руководителя (писал Н. Зомбарт, ссылаясь на Карла Шмидта)[1121d].

Расизм завоевал уважение — начиная со времен кайзера — именно благодаря престижу его британских моделей. И этот вывод легко подтверждается документами. Добровольная зависимость от англосаксонских ориентиров пережила и вильгельмовскую империю, и Третий рейх. Так, один бывший заместитель шефа имперской прессы нацистской Германии даже в 1955 г. приписывал «большинству немцев тридцать три почтительных поклона» перед англичанами[1121e]. Оценивая себя, немцы два века оглядывались на Англию. Генрих фон Трейчке, например, отмечал «космополитизм» немцев в отличие от врожденной «ограниченности» англичан. «Им [немцам] придется работать над собой, пока... они не станут думать и о себе самих», — такой вывод делал Трейчке[1112f]. Гете также ставил англичан в пример: «Если бы немцам, по образцу англичан, привить меньше любви к философии и больше энергии, меньше интереса к теории и больше — к практике...»[1121g]. Тот же Гете в беседе с Эккерманом заметил: «Немцы бьются над разрешением философских проблем, а тем временем англичане, с их практической сметкой, смеются над нами и завоевывают мир»[1121h]. Однако недостижимое должно было стать реальностью — при посредстве «патологического комплекса неполноценности национал-социалистов по отношению к англичанам... превратившегося в высокомерие»[1121i].

Ведь Англия как самое раннее национальное государство, как первая индустриальная держава и как империя с самыми протяженными заморскими владениями была субъектом как кальвинистского сознания избранности, так позже и социал-дарвинистского сознания права сильного: «Постепенное угасание низших рас — не только закон природы, но и благо для человечества, — подбадривал англичан сэр Чарлз Дилк. — ...Наша британская кровь... немало потрудилась над распространением людей нашей расы по всему миру». «Империю сформировали расовые инстинкты», — уверял, начиная с 1889 г., Джордж Паркин как примас миссионеров империализма[1121j]. Подобные заявления вполне соответствовали

* В «Mein Kampf» сказано: Германия должна была сыграть «роль Японии в 1904 году». То, что в виду имеется именно нападение на Россию, однозначно следует из замечания: *при этом* Германии пришлось бы пролить меньше крови, чем в мировой войне против Англии (*прим. автора*).

британским представлениям об избранности, которые опосредованно (через кальвинистское пуританство) проистекали из ветхозаветных источников.

Пуританские корни продолжали определять характер английского национализма. Англия была первой страной, где все население поголовно обладало национальным сознанием. «Господь, наш Бог, Высочайший... Он проложил нам путь до краев земли», а «если кровь есть цена... Господь Бог, мы заплатили ее сполна», — писал в 1893 г. Киплинг. Вполне в соответствии с ветхозаветным духом Израиль стал для Англии Мильтона, Англии XVII века, образцом при покорении Ирландии[1121k].

Для подобных английских расистов как библейского, так и социал-дарвинистского толка кельты были почти такой же низшей расой, как «ниггеры». Согласно «научным» представлениям англичан, по степени развития мозга ирландцы приближались к малайцам. Самым же большим мозгом обладали, конечно, англичане — если верить исследованиям в области мозга Сэмуэля Мортона. Низкий уровень развития ирландцев объяснялся их происхождением от «иберо-монголоидной расы». Эта смесь якобы и породила ленивых и шумных, невоздержанных ирландцев[1121l].

«Если б только каждый ирландец прикончил по негру — и был бы за это повешен...» — мечтал в 1881 г. профессор оксфордского университета Эдвард Фримэн. Этот же профессор высказывался за то, чтобы предоставлять «нетевтонским [non-Dutch] арийцам» американское гражданство лишь в третьем поколении, а неарицам — вообще не давать гражданства, не говоря уж о неграх, этих «огромных черных обезьянах», как он называл их. «Евреи не могут не лгать», — еще один тезис этого уважаемого оксфордского профессора; ему же принадлежит и следующая фраза: «Каждая нация вправе притеснять своих евреев»[1121m].

Другой оксфордский профессор истории Джеймс Энтони Фрод учил своих студентов, что туземцы — неполноценны в расовом отношении, и что рабство является для них благом. Все эти идеи полностью соответствовали учению Карлейля [1121n]. Следуя этой же традиции, автор школьного учебника «Введение в историю Англии», переизданного *десять* раз (до 1954 г.), Флетчер (кстати, тоже преподаватель оксфордского университета) решительно порывал с «пустыми мечтаниями демократии» об «Индии, полностью оставленной на милость евреев, чиновников-индусов, пищущих по-английски, и мадрасских адвокатов» [1121o].

Даже якобы научная антропология в 1900-х годах определяла англосакса как прирожденного «господина по натуре» с «врожден-

ным чувством превосходства»[1121p]. В «социал-дарвинистском» духе эта антропология поощряла прежде всего волю среднего класса — уже выказавшего свои пробивные способности — к подъему. В Германии же потенциальные сторонники социал-дарвинизма принадлежали к менее обеспеченным слоям среднего класса — группе, по большей части подверженной антисемитизму[1121r].

«Нормы, принятые в области человеческих взаимоотношений, могли по крайней мере частично не браться в расчет — в отношениях с чужими и неравноценными культурами»[1121s]. Причины очевидны. Автор книги «Британское лидерство и паблик-скул» так объяснял сложившуюся ситуацию: само понятие лидерства в этих учебных заведениях для элиты элитной нации выявляло его иррациональность: право руководить являлось лишь результатом социального положения лидеров. «Английский джентльмен присваивал себе... право командовать... исходя из инстинктивных побуждений [а не из интеллектуальных способностей]. Именно инстинкт формировал те особые, специфические манеры, вызывавшие такое почтение у низов». Писатели, не учившиеся в паблик-скул, писали об этих школах с нежностью, а юноши из рабочих кварталов могли только мечтать о них, заключал автор книги «Империализм и культура масс». «Приоритет инстинктивного обуславливал... зависимость понятия «лидерства» в паблик-скул от иррациональной идеологической обработки». Выпускники паблик-скул определяли образ Англии — и даже ее представление о себе, имевшее в историческом плане решающее значение.

В строптивых туземцах незачем видеть людей: их следует истреблять как врагов Господа, по примеру героев Ветхого Завета, — такой вывод делал англиканский богослов, профессор истории и популярный британский писатель Чарлз Кингсли. Богословы, с порога отметавшие идею происхождения человека от обезьяны, аплодировали (по выражению одного либерального критика британской империи) претензиям на «право тигра», утверждавшее, что сила означает право[1122]. Однако «право», добытое силой, еще нуждалось в освящении волей Всевышнего, «провидения». И поэтому в 1937 г. Ханс Франк оповещал Третий рейх: «Христос... сегодня был бы немцем»; немцы — истинные «орудия Бога для уничтожения зла»; «мы сражаемся во имя Бога с евреями и большевизмом. Бог хранит нас»[1122a]. Идея выживания сильнейшего почти полностью отвечала германскому «праву» англосаксов, «привычных к командной власти»[1123] — привычных, так сказать, завоевывать землю молотом. И даже если бы они не происходили из «рода бога-молотобойца», они бы все равно стремились унаследовать «его всемирное царство». В свою очередь, «Гитлер, скорее

всего, был рад считать свой политический цинизм разновидностью британского цинизма». Именно поэтому (как отмечал Штробль) критика Британии «за *попытки следовать ее примеру*» не имела ни малейшего воздействия на нацистов. И Гитлер был убежден, что он следует ему.

Во всяком случае, Адольф Гитлер не оставил подобные притязания без признания: «англичане — тоже чисто германский народ», — аттестовал он их в одном монологе в ставке. (До войны даже члены СС публично восхищались «чистой нордической кровью» англичан.)[1124]

Более раннее заявление Гитлера в речи, разнесшейся по всему миру на коротких волнах: «Пусть нас и не любят, зато боятся и уважают», — было встречено бурными аплодисментами. Но ведь такая *прикладная* этика явно была им выведена не из личного опыта жизни в Вене и Мюнхене. Она брала свое начало в гораздо более удаленных местах. Это была «характерная, непреодолимая и надменная отстраненность английских колониальных чиновников, за которую их ненавидели», и о которой напоминает Ханна Арендт[1124а]. Представление всех англичан о себе как о нации аристократов (выросшее из феодального самосознания времен норманнского завоевания) поднимало их в собственных глазах высоко над другими народами, а идея «расы господ», которую кальвинизация сделала «холодней» и «тверже», наложила отпечаток на отношение «имперской расы» к чужим народам.

В Германии заявление Рёскина о будущем, которое ожидает Англию, восприняли как напоминание о том, что британская раса является первой среди сильных, а, значит, предназначена править всем миром. Такие настроения царили и после окончания первой мировой войны, несмотря на упадок империи. Во времена подъема фашизма «национальное самосознание [британцев] продолжало связываться с расовым превосходством» — и не только в отношении чернокожих Британской империи. «В то время, как [британская] империя умирала, [английский] расизм процветал». «Превосходство, достигаемое без каких-либо усилий, стало неотъемлемой чертой английского характера», отмечал Фрейер. «Все, что относилось... к британскому расовому владычеству... подразумевало... и консервативное почтительное отношение [к вышестоящим]», — напоминал автор книги «Англия навсегда. Мужественность и Империя». Ведь от превосходства англосаксов зависела и «возможность свободы», на практике означавшая свободу подчиняться и приспосабливаться[1125].

А поскольку Гитлер планировал сделать Россию своей колонией и пытался практиковать колониальную эксплуатацию, британский

пример никогда не выходил у него из головы. «*Как ни неприятна нам эта мысль... нет никакого сомнения в том, что нацистские лидеры чувствовали прямую связь между Третьим рейхом и британской империей и стремились найти в ее примере законные оправдания для собственной колониальной экспансии*», — к такому выводу приходят авторы книги, изданной в 2000 г. в Англии (Cambridge University Press).

Элита нации внутри нации элит четко усвоила рефлексы командования и повиновения. Готовность масс строго соблюдать иерархию внутри британского общества, «примириться с положением эксплуатируемых» удивляла даже англичанина, автора книги «Магия Просперо»[1125a].

Доктор Геббельс считал, что эта нация элит есть результат образцовой «селекции для политики» — успешно проведенной благодаря социальным условиям, которые были для нее естественными и не подлежали обсуждению. Вожди в Англии никогда бы не столкнулись с внутренним политическим сопротивлением, весь народ инстинктивно был солидарен с ними. «Сила и величие Англии — путеводные звезды для... политического инстинкта». И в 1930 г. Геббельс хотел видеть Германию такой, как британская нация элит[1125b].

Классовую элиту Англии воспитывали как лидеров, воспитание основывалось «на принципе фюрерства, который гарантированно обеспечивал им здоровое презрение к демократии». Это был класс прирожденных властителей, предназначенных для этого судьбой. Даже в 1940 г. это «в целом признавала остальная часть нации», — писал автор «Barbarians and Philistines» Т. Уорсли во время кризиса 1940 г. Английские паблик-скул стали образцом для гитлеровских «наполас», рассчитанных на селекцию фюреров, образцом для подготовки элиты нации с типичным для них «прославлением спорта, стоящего выше культуры, варварской мужественности, значащей больше, чем... достижения цивилизации»[1125c]. Для них «самый тяжелый грех... — выделяться» (ибо свобода — привилегия тех, кто подчиняется добровольно). Идеолог нацизма Альфред Розенберг напоминал, что и нация, и государство нуждаются в *типах*, в *разведении типов*, так что тут «неуместно даже говорить о личностях». Ханс Тост, английский корреспондент «Völkischer Beobachter», отмечал аналогичную ситуацию в паблик-скул: «Они не замечают, что их воспитание... в принципе приучило их думать намного более одинаково, чем... прусских кадетов... Если они — индивидуалисты, то выпускаемые серийно, как наши “Фольксвагены”»[1125d]. «Травля [непохожих,] эксцентричных и слабых в сущности была для них отдыхом. Солидарность с коллективом была важнее, чем совесть и... честь. И таким образом они приучились смело лгать и никогда не

выдавать никого из членов группы». И все это несмотря на то, что директора паблик-скул были капелланами: непосвященный, мирянин (до 1890-х годов) не мог занять эту должность[1125e].

Появления «божественных фельдфебелей» ожидал уже Томас Карлейль. По его представлениям, они должны были выстроить затылок в затылок самых бедных (и, следовательно, не признанных достойными свободы) и привести их в рабство — в соответствии с чем-то вроде ветхозаветного предопределения — точно так же «ниггерам» *суждено* было рабство под «благодетельным бичом» в рамках нового (точнее, возобновленного) порядка при чаемом грядущем великом вожде. Карлейль, сам того не зная, принадлежал к фёлькише байрейтскому кружку, «духовной родине» Гитлера, — полагал Х. С. Чемберлен[1125f]. Пуританские представления о предопределении, претерпев биологизацию, превратились в расизм в Англии, который послужил образцом для Германии. Расовая гордость должна была сделать империализм популярным в низших слоях, оттеснив классовую солидарность, — этого добился (и надолго) Бенджамин Дизраэли, премьер-министр Англии в 1868 г. и в 1874—1880 гг. (Дизраэли ненавидел гуманные порывы и считал учение о равенстве людей пагубным для будущего примата империализма.) В Германии модель Дизраэли (расовая солидарность низших слоев во имя социального империализма) была подхвачена националистами, сторонниками фёлькише убеждений. Так, в 1900 г. поборник интересов среднего класса Фридрих Ланге напоминал «аристократии расы» о «дворянской грамоте... положенной в колыбель всем... кто принадлежит к белой расе. По сравнению с этим... расстояния между классами среди самих белых незначительны. Если бы [только]... вся белая раса... приобрела сознание... превосходства... согласно дворянской грамоте своей крови, над... другими расами!»[1125g]

Однако даже некоторые англичане сознавали, что практикуемый в Индии расизм может угрожать правовому государству и в самой Англии. В 1902 г. Джон Гобсон предупреждал, что автократические методы колониального владычества отравляют источники демократии в самой Англии и грозят ее конституционным свободам. Действительно, британский фашизм изначально был теснейшим образом связан с самыми твердолобыми из «хранителей империи». Джавахарлал Неру предупреждал, что расистский фашизм означает применение колониально-империалистических методов и в самой Европе.

Ханна Арендт показала, что корни европейского расистского фашизма произрастают из опыта властвования европейцев над тропическими колониями.

Истребление евреев Гитлером неотделимо от его навязчивой мании завоевания «пространства на Востоке», покорения России

— его «Индии». В войне против великой державы применялись те методы, что до этого были приняты «только» в колониальных войнах вне Европы. Новым было стремление низвести великую державу-соперника до уровня колонии для своих поселенцев, истребив коренное население, мешавшее колонизации. Такая радикализация колониально-империалистических традиций «последовательно вела саму Германию не только к военно-политической, но и к моральной катастрофе, атрофируя ее духовную сущность»[1125h].

Не случайно именно немецкий центр изучения истории национал-социализма опубликовал исследование, посвященное колониальному господству и социальным структурам в Германской Юго-Западной Африке[1126]. В этой работе опыт колониального империализма в Африке помогает выявить элементы — если не истоки — тотальной власти. Отношения, установившиеся между европейской «расой господ» и «туземцами», сказались и на колониальных методах обращения с людьми и в самой метрополии[1127]. Одним из примеров такого обратного влияния было участие защитника Германской Восточной Африки генерала Пауля фон Леттов-Форбека в 1920 г. (во время капповского путча) в свержении демократии в Мекленбурге. Возможно, высказывания типа: «порог тоталитарного мышления и поведения... [был] перейден» уже в методах осуществления немецкой колониальной власти в Африке[1128]; так называемый «колониализм» есть не что иное, как «периферийный фашизм»[1129] — являются преувеличением. Однако бесспорно, что наследие колониально-империалистических мотиваций в Британии — под видом «политики умиротворения» — стало решающим фактором, позволившим Третьему рейху осуществить агрессию.

Лорд Альфред Милнер (1854—1925), вдохновитель англо-бурской войны 1899—1901 гг., «проконсул» Великобритании в Южной Африке и военный министр в 1918 г., считал империю настолько жизненно важной для британской расы господ, парламентаризм — столь тягостным для империализма, а демократию — такой серьезной угрозой национальной безопасности, что (в 1912 г.) воспринял применение парламентского принципа большинства как узурпацию и хотел вместе со своими сторонниками призвать к военному мятежу. Еще в 1903 г. Милнер видел единственную возможность спасения «национального дела» (т. е. империализма) от демократии в некоем демагоге, который обольстил бы народ, который смог бы вдохновить «каждого рабочего». Милнер мечтал, чтобы повсюду были организованы «юношеские бригады, и все молодые люди в возрасте от 14 до 18 лет были обязаны вступать в них»; «тренировка и дисциплина... — благословение, которому суждено стать всеобщим», «чтобы

создать сильную... имперскую расу». Эти мечты вскоре были реализованы на практике — сначала в Италии Муссолини, а потом и в Германии Гитлера. Милнер — задолго до этих двух фашистских диктаторов — настаивал на ограничении урбанизации, с тем, чтобы обеспечить наилучшие условия для процветания империализма. Милнер подчеркивал, что «империализм... как кислород... необходим для возрождения затхлой атмосферы в британской политике... Империализм... обладает глубиной и полнотой религии»[1130]. От Милнера и его «твердолобых» довоенного времени ведет свое происхождение британский фашизм, приверженцы которого даже в 1987 г. в одной британской оксфордской публикации были — обоснованно — названы «фашистскими *патриотами Британской империи*». В связи с этим один британский историк социал-империализма делает следующее точное замечание: «Фашистские» принципы напрямую выводились из взглядов и принципов, а также программ некоторых виднейших представителей британской политики и науки». «Некоторые важные идеи нацизма были напрямую заимствованы из английских источников», из идеологии английского расового империализма[1130a]. Из имперского опыта фашисты позаимствовали идеи «расы господ» и неравенства людей, а также волю к власти. Англичане считали, что их власти в Британской Индии угрожает мировое «еврейство». Самый знаменитый британский вице-король Индии, лорд Керзон, заявлял (в 1924 г.), что оно уже властвует над Россией[1130b]. Именно эти намерения воплотили в жизнь в Германии в 1919—1920 гг. антидемократические добровольческие корпуса, «бойцы бригады Эрхардта», — напоминал Ханс Гримм[1130c].

Один из питомцев лорда Милнера, Невилл Чемберлен, с 1937 г. пассивно, а с 1938 г. активно поощрял приготовления Гитлера к агрессивной войне, рассчитывая, что экспансия расистского Третьего рейха будет направлена против антирасистского Советского Союза, укрепив в конечном счете расистскую Британскую империю.

Закат имперского могущества Британии вовсе не означал упадка империалистического расизма. Скорее наоборот. Сильная расистская идеология, противодействовавшая деколонизации, укрепляла распадавшуюся империю. Чемберленовскую «политику умиротворения» не раз характеризовали как политику, призванную сохранить империю, и, следовательно, социально-экономический строй страны — чтобы защитить экономические интересы консерваторов и людей, стоявших за ними. Симпатии членов консервативной партии в парламенте к нацистам позволяли усомниться в их готовности противостоять агрессии фашистских держав[1130d].

«Политика умиротворения», которую проводил Невилл Чемберлен, и его отказ помешать гитлеровской экспансии в 1938 г. спасли

режим Гитлера от заговора прусских генералов. Мало того, что — благодаря нажиму Чемберлена в 1938 г. — Гитлеру в 1939 г. достался чехословацкий арсенал, которого хватало для укомплектации не менее пяти (если не сорока) новых дивизий. По некоторым сведениям, каждый третий танк, использовавшийся Германией при вторжении во Францию, был чехословацкого производства. За время, прошедшее между фактической передачей Чемберленом чехословацких заводов Шкода Гитлеру, и началом войны между Англией и Германией (октябрь 1938 г. — сентябрь 1939 г) эти заводы успели произвести для Гитлера столько оружия, сколько произвели все британские заводы за тот же период времени[1130e].

Отдав без борьбы территории, завоевание которых силой стало бы самоубийством для Третьего рейха, Чемберлен создал для «фюрера» авторитет непогрешимости, непобедимости: «Если бы Англия вместе с Францией вступили в войну на стороне оборонявшейся Чехословакии [в 1938 г.], Германия, без сомнения, *вскоре* потерпела бы поражение»[1130f]. Такого мнения придерживались даже в ставке верховного командования Гитлера. Но Британские начальники штабов в то время даже не собирались предпринимать в Европе никаких военных операций: для них важнее была защита Индии и Египта[1130g]. «Аргументы» о мнимой военной слабости Великобритании представляли собой «рационализацию инстинктивного желания прыгнуть на подножку к диктаторам [оси]»[1130h].

Совершенно очевидно, что интересы британских империалистов не шли вразрез с представлениями о господстве белой расы над туземцами колоний — господстве, которое *тоталитарный* расизм Гитлера мог только усилить. Ведь расизм, ставший тоталитарным, очень соблазнительно было использовать для укрепления расового владычества европейцев над цветными — вопреки учениям о равенстве и тенденциям к эмансипации[1130i]. Так, в 1937 г. в Третьем рейхе, к примеру, пообещали ввести смертную казнь для цветных за сексуальную связь с белой женщиной — во имя борьбы с «расовым кровосмешением» в колониях и более развитого «апартеида»[1130j]. Безусловно, немецкий расизм был гораздо более радикального толка, чем его английский собрат в парламентской Великобритании. И поскольку такой объем власти, как при Гитлере, расисты не могли получить ни в Англии, ни из рук Англии, то тем более соблазнительным представлялось использовать Третий рейх во внешней политике Великобритании, направленной на сохранение расовой империи. Однако желание Чемберлена укрепить Третий рейх вытекало не только из утилитаристских соображений — к ним примешивалось и инстинктивное ощущение избирательного сродства британской и австро-ба-

варской «расы господ». «С тем типом человека, которого знаешь уже долгое время, сразу начинаешь чувствовать себя, как дома». «Диктатор — ближе всего к крупному английскому землевладельцу», — говорил виконт Лимингтон, восхищавщийся Гитлером и прочими диктаторами за то, что они возрождали истинные английские качества. Это и вправду было истинное, инстинктивное сродство[1130k]. Такое развитие событий предчувствовал и Альфред Розенберг, утверждавший: «Расистская Германия... в конце концов непременно вызовет симпатию у Британии. Ведь в основе Британской империи лежат те же заявления о господстве, обоснованные расой»[1130l]. Это было не только узнавание (упомянутое во многих публикациях) в гитлеровских «наполас» духа английских паблик-скул. Прежде всего здесь имело место узнавание родства по сути (отраженного в публикациях слабее) — хоть и разного по степени радикализма, но все-таки бесспорного — родства в представлениях о расе, об интересах государства, о силе и бессилии. Это родство лучше, чем любые поверхностные аналогии, объясняет привлекательность Третьего рейха в глазах сэров невиллов гендерсонов, маркизов лондондерри, сэров сэмюэлей хоров, лордов ллойдов и лотианов. В документах германского МИДа отмечено, что лорд Лотиан давал «инстинктивно верную оценку величия нашего фюрера. Он видит в фюрере empire builder [строителя империи]... наподобие Сесила Родса... Лотиан... ощущает внутреннее родство немецких и британских притязаний на власть...»[1130m]. И это при том, что лорд Лотиан был либералом — по крайней мере, в духе империалистического «либерализма лорда Розбери». Каковы же тогда были английские не-либералы?

В конце концов Невилл Чемберлен как консервативный премьер-министр отверг предложенный Лигой наций принцип коллективной безопасности, поверив в обещанную в «Mein Kampf» восточную экспансию Гитлера — того самого Адольфа Гитлера, которого вдохновил, если не сказать запрограммировал, другой Чемберлен — визионер Хьюстон Стюарт.

Безусловно, юдофобия Гитлера восходит к венскому периоду его биографии, но навязчивое представление о демонических недочеловеках он не мог перенять у венских антисемитов[1130n], а (как считает Иоахим Кёлер) тоько из мира представлений Хьюстона Стюарта Чемберлена (мифологизировавшего британский расовый империализм)[1131], героем которого был германский спаситель «человечества из когтей вечно-животного». Ведь, согласно доктрине этого британского вдохновителя Адольфа Гитлера, «финикийский народ [семитов]... [необходимо] истребить». «Если бы римляне не разрушили Карфаген... фатальное семитское наводнение навсегда

затопило бы Европу»; «само существование семитов-евреев в своем крайнем проявлении есть преступление против сакральных законов жизни»[1132]. Хьюстон Стюарт Чемберлен первым поднял этот апокалиптический императив («байрейтский кружок» задним числом спроецировал его на мышление Рихарда Вагнера) «на уровень категорического требования, которое выполнял Гитлер: уничтожение европейских евреев». «Я ненавижу их всеми силами души, ненавижу и ненавижу!» — писал Чемберлен о евреях. И «эта навязчивая идея... стала задачей, выполнение которой было возложено на Гитлера», — заключал Иоахим Кёлер. Согласно его данным, именно англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен подвел австро-баварского «националистического барабанщика» к этому последнему выводу.

В результате защита на Нюрнбергском процессе могла бы сослаться на «*подстрекательство*» со стороны Чемберлена и даже представить в доказательство факты, совпадавшие с выводами Иоахима Кёлера: «Хьюстон Чемберлен... утверждая в отношении нацистского фюрера, что *тот* — единственный, кто осмелится из своего знания о “смертоносном влиянии еврейства” сделать выводы для своей “деятельности”, запрограммировал Гитлера[1133]. Избранник стал орудием мира идей этого Чемберлена» — его «видения спасителя» из «сумерек богов» (1923—1924) — задолго до того, как другой Чемберлен, Невилл, премьер-министр, в 1937—1939 гг. стал прагматично использовать Третий рейх как орудие английской политики на «восточном пространстве». Невиллу Чемберлену принадлежит не меньшая заслуга в упрочении власти Гитлера в 1938 г. (не в последнюю очередь благодаря демонстрации «непогрешимости» фюрера), чем Францу фон Папену — в захвате власти Гитлером в 1933 г.

Во всяком случае, после этого захвата Хьюстон Стюарт Чемберлен продолжал считаться у нацистов «провидцем Третьего рейха»: «Немецкий народ, не забудь, что это был пришелец извне... [как] сто лет назад англичанин Карлейль... так и сегодня англичанин... с первых шагов Адольфа Гитлера понял, что тот избран судьбой»[1134]. Нацизм, в свою очередь, с полным правом называл Хьюстона Чемберлена «отцом нашего духа». «Привет тебе. Пионер. Первопроходец», — так величал его доктор Геббельс[1135].

Теперь же на соотечественников «фюрера» — *исполнителя* (Ausfuhrer) завета своего британского вдохновителя, этого английского «пионера и первопроходца» нацизма — в конечном счете возлагается коллективная вина за то, что они пошли путем, который духовно проложил для них этот гитлеровский первопроходец из Англии!

Если же против нацистских властителей было бы выдвинуто обвинение в немецком народном суде — не в последнюю очередь за то, что они довели немецкие армии до военной, а немецкий народ —

до национальной катастрофы, — и тут защита могла бы сослаться на то, что Третим рейхом руководили исполнители последней воли британца Хьюстона Чемберлена, исполнители завещания, которое едва ли могло в такой степени воплотиться в жизнь без политического содействия Невилла Чемберлена и ему подобных.

«Политика умиротворения» Германии проводилась Британией... а не только Чемберленом», — напоминал Гейнс Пост[1135a]. Поэтому вполне логично, что для сохранения «хорошей мины при плохой игре» британскому истеблишменту необходимо было опротестовать представления о том периоде, как о «моралите, в котором Чемберлен и его сторонники играли роль виновных»[1135b]. Аргументация очевидна; ведь *собственные* поступки не следовало оценивать с точки зрения морали. Ведь именно тогда, в 1938 г., «в те дни реализма принципиальность считалась эксценричностью, а идеалы — истерикой»[1135c].

Но поскольку апологеты британской стороны приписывают — не без традиционного «cant» — по крайней мере («миролюбивым») *намерениям* Невилла Чемберлена нравственную чистоту[1136], напрашивается следующий принципиальный этический вопрос: кто в большей степени является преступником — тот, кто из убеждений развязывает войну и геноцид, которые неоднократно обещал более десяти лет? Или те, кто — зная об обещаниях начать войну и геноцид — использует их автора как орудие собственной политики и для этого оказывает ему мощную поддержку (что единственно и позволяет последнему исполнить обещанное)? Поставить такой вопрос —значит ответить на него. Видимо, поэтому его обычно и не ставят.

Естественно, феномен Гитлера не объясняется одним только следованием английским образцам или «помощью» со стороны Англии. (Немало материалов опубликовано о сотрудничестве с Гитлером старых монархо-империалистических элит. Значительно меньше внимания уделяется феномену деморализации всей Западной Европы — важной предпосылке тоталитарной нигилизации, в которую впала Германия в результате ее особой травматизации после 1918 г.). Конечно, нельзя охарактеризовать феномен Гитлера и *только* как «дизраэлизм буйно помешанного германизма» или «самое жуткое порождение немецкой англомании», как утверждал Карл Шмитт[1137]. Ведь английская культура не ограничивалась и не ограничивается только теми феноменами, которым стремился подражать Гитлер (и которые он в конце концов так основательно превзошел) — напротив, в английской культуре было немало того, что прямо противоречило убеждениям Гитлера. Но при любом объяснении, которое не учитывает британских образцов Гитлера, из рассмотрения выпадают очень важные вещи.

I. Edwin Jones, The English Nation, The great myth (Glowcestershire, 1998), p. 216; Benjamin Jowett as quoted by R. Symonds, Oxford and Empire (Oxford, 1991), p. 28; Lord Alfred Milner, The Nations and the Empire. A Collection of Speeches and Addresses (London, 1913), p. xxxv; Carl Amery, Hitler als Vorläufer. Auschwitz — der Beginn des 21. Jahrhunderts? (München, 1998), S. 14; Arnold J. Toynbee, A Study of History, Vol. 1 (Oxford, 1935), p. 211; Charles Dilke, Greater Britain (London, 1869), pp. 223, 564; Richard L. Rubenstein, Modernization and the Politics of Extermination; Michael Berenbaum (Editor), A Mosaic of victims. Non-Jews persecuted and murdered by the Nazis (London, 1990), pp. 3 f, 6, 8f.

II. Thurlow, Fascism in Britain (London, 1982), p. 13.

III. Paul Hayes, "The contribution of British intellectuals to Fascism, in: Lunn & Thurlow, *British Fascism*, p. 168—186.

IV. Paul Hayes, "The contribution of British intellectuals to Fascism, in: Lunn & Thurlow, *British Fascism*, p. 178.

V. Paul Hayes, "The contribution of British intellectuals to Fascism, in: Lunn & Thurlaw, *British Fascism*, p. 178.

VI. Benjamin Kidd, Social Evolution (London, Ausgabe von 1898), p. 280.

VII. Karl Pearson, National Life from the standpoint of Science (London, 1901), S. 19, zitiert nach Paul Hayes, "Contributions of British intellectuals to Fascism": Lunn & Thurlaw, British Fascism. S. 176f.

VIII. Walter Houghton, The Victorian frame of mind (New Haven, 1970), S. 328.

IX. Anglo-German Review. II. № 2. 1938. January. P. 51.

X. Carlyle, Critical and Miscellaneous Essays, Vol. V (Boston, 1838), p. 17; Thomas Carlyle, Latter-Day Pamphlets, p. 55. Edition of Michael Goldberg and Jules Seigel (Canadian Federation for the Humanities, 1983), quoted by Chris R. Vanden Bossche, Carlyle and the Search for Authority (Columbus, Ohio, USA, 1991), p. 138, 168; Adolf Hitler, Mein Kampf (München, 1941), p. 479.

XI. Rudyard Kipling, Something of Myself (London, 1951), pp. 154, 157, 103, 119f, 132; R. Thurston Hopkins, Rudyard Kipling's World (London, 1925), pp. 64f; Harold Orel (Editor), Critical Essays on Rudyard Kipling (Boston, 1989), p. 221; Preben Karlsholm, "Kipling and Masculinity", in: Raphael Samuel (Editor), Patriotism. Making and unmaking of British national identity, Vol. III (London, 1989), p. 215; Hans Grimm, "Geistige Begegnung mit Rudyard Kipling", in: Das Innere Reich, October/March 1935/36, S. 1458, 1465.

XII. E. K. Milliken, "The new Public Schools in Germany": *The Times* (London) of 28. September 1935, cited by Harald Scholtz, Nationalsozialistische Ausleseschulen. Internatsschulen als Herrschaftsmittel des Fuhrerstaates (Gottingen, 1973), S. 143.

XIII. J. W. Tate, "The Public Schools of Germany": *Internationale Zeitschrift fur Erziehung*, VI, (1937), S. 172.

XIV. Tate, p. 172.

XV. G. A. Rowan-Robinson, "Training of the Nazi leaders of the Future" (Ansprache im Chattham House, London, am 27. Januar 1938, under Chairmanship of Major B. T. Reynold, M. C., in: *International Affairs* (Marz 1938), pp. 237, 235, 241.

XVI. Harald Scholtz, Nationalsozialistische Ausleseschulen. Internatsschulen als Herrschaftsmittel des Fuhrerstaates (Gottingen, 1973), S. 99.

XVII. Volker Raddatz, Englandkunde im Wandel deutscher Erziehungsziele (o. O., 1977), p. 146.

XVIII. Theodor Wilhelm, "Scholars or Soldiers? Aims and results of "Nazi" education": *Internationale Zeitschrift für Erziehung*, VIII (vom 5. November 1939), S. 95.

XIX. Harald Scholtz, Nationalsozialistische Ausleseschulen, S. 190; Price Ward, Extra-special Correspondent (London, 1957), S. 201.

XX. Volker Raddatz, Englandkunde im Wandel deutscher Erziehungsziele (n. p., 1977), p. 146.

XXI. Ross McKibbin, Class and Culture. England 1918—1951 (London, 1998), pp. 238, 245; T. C. Worsley, Barbarians and Philistines. Democracy and the Public Schools (London, 1940), pp. 121, 200.

XXII. H. John Field, Toward a Programme of Imperial Life. The British Empire at the turn of the Century (Oxford, 1982), pp. 22, 35, 39; J. A. Mangan, in: John Mackenzie, Imperialism and Popular Culture (Manchester, 1986), p. 116.

XXIII. Gerwin Strobl, The Germanic Isle. Nazi perceptions of Britain (Cambridge, 2000), pp. 80, 69, 76, 82.

XXIV. Rudolf Diels, Luzifer ante portas (Stuttgart, 1950), S. 84, zitiert in Josef Henke, England in Hitlers politischem Kalkül, 1935—1939 (Boppard, 1973), S. 22; Hitler, Monologe im Führerhauptquartier (Rindlach, 1988), S. 393: 6 September, 1942; Hans F. K. Günther, Ritter, Tod und Teufel. Der heldische Gedanke (München, edition of 1920), S. 96: "Ruchlose Willenstat"; Raddatz, S. 152; Strobl, pp. 42, 64.

XXV. Strobl, pp. 77, 169, 223, 69, 90, 91.

XXVI. Johannes H. Voigt, "Hitler and Indien": Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, IX (1971), S. 33, 49; SS-General Walter Schellenberg, Invasion 1940. The Nazi invasion Plan for Britain (London, 2000), p. 27; Die Welt vom 15. August, 2000: "Operation Seelöwe".

XXVII. Raddatz, S. 143, 152, 157 (Anm191, 192), zitiert O. Harlander, "Französisch und Englisch im Dienste der rassenpolitischen Erziehung": Neue Sprachen, No. 44 (1936), S. 50.

XXVIII. Raphael Samuel (Editor), Patriotism. The Making and Unmaking of British National Identity, Vol. I (London, 1989), p. 58; William Henry Poole, History, the True Key to Prophecy in which the Anglo-Saxon Race is shown to be the lost tribes of Israel (Brooklyn, 1880, cited in John Higham, Strangers in the Land. Patterns of American Nativism 1860—1925 (Westfort, Conn.; USA, 1981), p. 367); William Haller, Foxe's Book of Martyrs and the Elect Nation (London, 1967), p. 87, (начиная с елизаветинских времен, эта книга считалась самой влиятельной в Англии после Библии — утверждал Эдвин Джонс: Edwin Johnes, The English Nation. The Great Myth (1998), pp. 56, 57).

XXIX. William Blake, Jerusalem. The emanation of the Giant Albion, Chapter II, XXIV, 5: Prophetic Books of William Blake, edited by E. P. D. Maclagan and A. G. B. Russel (London, 1904), p. 31; Friedrich Brie, Imperialistische Strömungen in der englischen Literarur (Halle, 1928).

XXX. Alain and Cairns, Prelude to Imperialism. British Reactions to Central African Society, 1840—1890 (London, 1965), p. 238; MacDonald, Language of Empire, p. 153 f. Rutherford, Forever England. Reflections on Race, Masculinity and Empire (London, 1997), p. 15.

XXXI. Lord Oliver, The Myth of Governor Eyre (London, 1933), p. 115; Missionary Hymns... of the London Missionary Society (London, 1830), p. 43 as quoted in Raphael

Samuel (Editor), Patriotism. The making and unmaking of British National Identity, Vol. I (London, 1969), p. 194: John Wolffe, "Evangelicalism... in mid-ninteeth century England".

XXXII. Mackenzie, Imperialism in Popular culture, p. 33; David Brion Davis, The Problem of Slavery in the Age of Revolution (Ithaca, N. Y., USA, 1977), p. 65; Peter Marsh, The Conscience of the Victorian State (London, 1979), p. 128; Alain and Cairns, Prelude to Imperialism (London, 1965), p. 238.

XXXIII. Alain and Cairns, pp. 246, 192.

XXXIV. Daunton and Halpern (Editors), The Empire and Others. British Encounters with Indigenous Peoples 1600—1850 (London, 1999), p. 365; Hill Schwarz (Editor), The Expansion of England. Race, Ethnicity and cultural History (London, 1996), p. 162; Thomas R. Trautmann, Aryans and British India (Los Angeles, 1997), reviewed in *American Historical Review*, Vol. CIV, No. 2 (April, 1999), p. 639.

XXXV. Chris R. Vanden Bossche, Carlyle and the Search for Authority (Columbus, Ohio, USA, 1991), p. 137, quoting Carlyle, Collected Letters (Durham, 1970), 13: 192 and Carlyle, Reminiscences of my Irish Journey in 1849, p. 176; Robert Knox, The Races of Men (Philadelphia, 1850), 26, 216—220; 41. 89 f, 216, 253; Raphael Samuel (Editor), Patriotism, p. 196 (John Wolffe); Kathryn Tidreck, Empire and the English Character (London, 1992), p. 131.

XXXVI. Ibid., o. 257; J. M. Mackenzie, Imperialism and Popular Culture (Manchester, 1986), p. 5; Johannes H. Voigt, "Hitler and Indien"; *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, IX (1971), S. 33, 49; Sidney Ball, Memories and Impressions of "an ideal Don". Arranged by Oona Howard Ball (Oxford, 1923), p. 211.

XXXVII. George Orwell, Collected Essays, Journalism and Letters, II (Harmondsworth, 1970), p. 95.

XXXVIII. Richard Symonds, Oxford and Empire, pp. 55; cf. Vincent Harlow, The Historian and British Colonial History (Oxford, 1951), pp. 8, 9; Dickson A. Mungazi, The Last British Liberals in Africa: Michael Blundell and Garfield Todd (Westport, Conn., USA, 1999), cited in *American Historical Review*, Vol. CV, No. 5 (December, 2000), pp. 1845 f.

XXXIX. James A. Froude, Oceana. England and her Colonies (Leipzig, 1887), p. 44; Mackenzie, Imperialism and Popular Culture (Manchester, 1986), p. 41; Penny Summerfield, "Patriotism and Empire. Music Hall Entertainment".

XL. Otto Gessler, in: Al Carthill, Die Erbschaft des Liberalismus (Berlin, 1926), S. IX; Esme Wingfield-Stratford, The Squire and his Relations (London, 1956), p. 92.

XLI. Ross McKibbin, Ideologies of Class. Social relations in Britain 1880—1950 (Oxford, 1991), p. 299, 288, 24, 275, 271 ff, citing R. Roberts, The classical Slum (London, 1974); C. F. G. Masterman, England after the War (London, 1922), pp. 54 f.; A. Finkel and C. Leibovitz, The Chamberlain—Hitler Collusion (Halifax, Canada, 1997), p. 38.

XLII. Patricia Meehan, The Unnecessary War. Whitehall and the German Resistance (1992), p. 24; John H. Clarke, The Call of the Sword (London, The Financial News, 1917), pp. 8, 15, 30 f, 33, 34, 52 f; Panikos Panayi, The Enemy in our Midst. Germans in Britain during the First World War (Oxford, 1991), pp. 172—177, 180 f, quoting J. H. Clarke, England under the Heel of the Jew (London, 1918), pp. 58—61, 65; Kirton Varley, the Unseen Hand (London, 1917), pp. 25 f, 44 f, 49 f, 52 ff, 72, 75, 88 f; Arnolf White, The Hidden Hand (London, September and October, 1917); The Vigilante of 23. February, 2., 9. and 16. March, 1918, 26. April, 1918.

XLIII. D. S. Lewis, Illusions of Grandeur. Mosley, Fascism and British Society 1931—1981 (Oxford, 1987), pp. 261 f; Robert Skidelsky, Oswald Mosley (London, 1975), p. 333; Richard Thurlow, Fascism in Britain (Oxford, 1987), p. 16; Brigitte Hamann, Hitler's Vienna (New York, 1999), p. 404 f.

XLIV. Margaret George, The Warped Vision of British Foreign Policy 1933-1939 (Pittsburgh, 1965), p. VIII: Preface by R. Colodny; Ross McKibbin, Class and Culture. England 1918—1951 (London, 1998), p. 530.

XLV. N. Bethell, The War Hitler Won. September, 1939 (London, n. d.), p. 180; Ross McKibbin, ibid., p. V; E. P. Thompson, The making of the English working Class (1968), pp. 26 f; A. Finkel and C. Leibovitz, The Chamberlain—Hitler Collusion, p. 37, 38, quoting Margaret George, The Hollow Men (London, 1967), p. 66; Ellis Wasson, Born to rule. British political Elites (New York, 2000) reviewed in *American Historical Review*, Vol. CVII, No. 3 (June, 2002), p. 935; Philip M. Taylor, British propaganda in the twentieth century. Selling Democracy (Edinburgh, 1999), p. 91.

XLVI. Peter Neville, Appeasing Hitler. The Diplomacy of Sir Nevile Henderson (New York, 2000), p. IX; Ross McKibbin, pp. 529, 290.

XLVII. Richard Overy, Russia's War. Blood upon the Snow. (New York, 1997), pp. 60 f; John W. Wheeler-Bennett, King George VI. His Life and Reign (London, 1958), p. 347; Alvin Finkel and Clement Leibovitz, The Chamberlain-Hitler Collusion (1997), pp. 143, 148, quoting Neville Chamberlain's own notes.

XLVIII. Patricia Meehan, The Unnecessary War. Whitehall and te German Resistance to Hitler (London, 1992), pp. 4, 389 f. (FO 371/46790, in the files of the Foreign Office).

XLIX. Sven Lindquist, "Exterminate all the Brutes" (London, 1996), p. 10; *Schwetzinger Zeitung* of 16. February, 1999: Ulrich Schilling-Strack, "Erst Lafontaine, dann Neumann".

L. Hannah Arendt, Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft (Frankfurt, 1955), p. 292; pp. 177, 212 of the English version; Russland und Deutschland im 19. Und 20. Jahrhundert. Zwei Sonderwege... Herausgegeben von Nicolaus Lobkowicz... (Köln, 2001), S. 89; Charles Wenworth Dilke. The Greater Britain (London, 1894), p. 535; Herbert G. Wells, Works, Vol. IV (London, 1924), p. 274; A. Toynbee, A Study of History, I (Oxford, 1935), p. 213.

LI. Dietz Bering. Der Intellektuelle. Geschichte eines Schimpfwortes (Stuttgart, 1978).

LII. Friedrich Lange, Reines Deutschtum. Grundzüge nationaler Weltanschauung (Berlin, 1904), S. 386f.

LIII. Daniel Gasman, The scientific origins of National Socialism. The Social Darwinism of Ernst Haeckel (London, 1971), pp. 127, 30, 131 f, 173.

LIV. Joachim Köhler, Wagners Hitler. Der Prophet und sein Vollstrecker (München, 1997), S. 240, 241, 245 (Anm 50), 249, 251.

LV. Josephs Goebbels, Sämtliche Fragmente (München, 1987), Teil I, S. 72f, 178: Tagebuchnotiz vom 8. Mai 1926.

LVI. Volkischer Beobachter vom 5. September 1925: Paul Heyes, "Contribution of British intellectuals to Fascism", in Kenneth Lunn & Richard Thurlow, *British Fascism. "An essay on the extreme Right in ... Britain* (London, 1980), p. 182.

LVII. Arnold Toynbee, A Study of History, Vol. I, p. 225.

1. Carl Peters, Nationalpolitisches Vermachtnis. Der Deutsche und sein Lebensraum. Herausgegeben von Hermann Bohme (Hannover, 1938), S. 46; Hans Grimm, Englische Rede. Wie ich den Englander sehe (Gutersloh, 1938), S. 7; Heinrich Himmler, Geheimreden 1933 bis 1945 und andere Ansprachen (Frankfurt, 1974), S. 78: Rede vor preusssischen Staatsraten am 5. Marz 1936; Adolf Hitler, Mein Kampf, Kommentierte Auswahl von Christian Zentner (München, 1974), S. 221.
2. Hitlers Rede vom 28. April 1939: Sendung des Deutschen Kurzwellensenders vom 28.IV.1939.
3. Adolf Hitlers Zweites Buch, Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Institut für Zeitgeschichte, *Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte*, Band VII (Stuttgart, 1961), S. xiv, 181.

4. Wahrhold Drascher, Vorherrschaft der weissen Rasse (Berlin, 1936), S. 205, 208.
4a. Reinhard Spitzy, So haben wir das Reich verspielt (München, 1986), S. 146.
5. Percy Ernst Schramm, Erlauterungen zu: Henry Picker, Hitlers Tischgesprache im Führerhauptquartier 1941—1945 (Stuttgart, 1963), S. 94. *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера / Пер. И. Розанова. Смоленск: Русич. 1993. С. 26.
6. Jan Colvin, Vansittart in Office, A historical survey of the origins of the second World War based on the papers of Vansittart (London, 1965), p. 346; J. Sydney Jones, Hitler in Vienna 1907—1913 (New York, 1983), p. 329; Hans W. Thost, Als Nationalsozialist in England (München, 1939), S. 313.
7. Percy E. Schramm, op cit., S. 135: Tischgesprache vom 22. Juli 1941, nachts.
8. Hitlers Zweites Buch, S. 165.
9. Ernst Nolte, Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen (München, 1968), S. 202.
10. Gisela Lebzelter, in: P. Kennedy & A. Nicholls, Nationalist and racialist movement in Britain and Germany bevor 1914 (Oxford, 1981), p. 160.
11. Carl Peters, Die Grundung von Deutsch-Ostafrika, Kolonialpolitische Erinnerungen und Betrachtungen (Berlin, 1906), S. 33; Carl Peters, Nationalpolitisches Vermachtnis, S. 30, 14.
12. Hans Grimm, Heynade und England. Eine deutsch-englische Familiengeschichte der Jahre 1880—1923 (Lippoldsberg, 1969), Band I, S. 83, 87.
13. Carl Peters, England und die Engländer (Hamburg, 1915), S. 201.
14. Gustave Le Bon, A que se debe la superioridad de los anglosajones? (Madrid, o.J.)
15. Gustav Frenssen, Peter Moors Fahrt nach Sudwest. Ein Feldzugsbericht (Berlin, 1906), S. 15; Frenssen Gesammelte Werke (Berlin, 1943), Band I, S. viii, Band V, S. 10—11.
16. M. W. L. Fos, England als Erzieher (Berlin, 1921), S. 327.
17. Maurice Cowling, Impact of Hitler. British politics and policies 1933—1940 (London, 1977).
18. Alfred Rosenberg, Der Mythus des Zwanzigsten Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkampfe unserer Zeit (München, 1943), S. 660.
19. Hans Lutzhoft, Der Nordische Gedanke in Deutschland 1900—1940 (Kiel, 1971), S. 189.
20. Hans Grimm, Heynade und England, Band III (Lippoldsberg, 1969), S. 32, IV, S. 28f; V, S. 6.
21. Ibid., III, S. 60, 137; V, S. 241.
22. Ibid., IV, S. 229; V, S. 241.
23. Ibid., III, S. 32.
23a. Donald Seth, Jackals of the Reich. The story of the British Free Corps (London, 1973), p. 60.
23A. G. Strobl. The Germanic Isle. Nazi perceptions of Britain (Cambridge, 2000), pp. 223, 224.
24. Ernst von Wolzogen, Wie ich mich ums Leben brachte... Erinnerungen und Erfahrungen (Braunschweig, 1922), S. 327.
24a. F. D. Lugard, Dual Mandate in British Tropical Africa (London, 1922), p. 616, quoted in Galinsky, "Sendungsbewusstsein der Führungsschicht im Britentum": ***Anglia, Zeitschrift für Englische Philologie***, Vol. LXIV, (1946), p. 327.
25. M. W. L. Foss, England als Erzieher, S. 24.
26. Ibid., S. 305.
27. Adolf Hitler, Politisches Testament. Die Bormann Diktate vom Februar und April 1945 (Hamburg, 1981), S. 67.
28. Walter Houghton, The Victorian frame of mind (New Haven, 1970), p. 328; Woodruff D. Smith, The German colonial Empire (Chapel Hill, USA, 1978), p. 25.
29. C. Peters, Nationalpolitisches Vermachtnis, S. 74, 10.

30. C. Peters, Die Grundung von Deutsch-Ostafrika, S. 28, 29.
31. Ibid., S. 17; C. Peter, England und die Englander, S. 226.
32. C. Peters, Die Gründung von Deutsch-Ostafrika, S. 244; C. Peters, Nationalpolitisches Vermachtnis, S. 46, 32; C. Peter, Gesammelte Werke, Band I (Munchen, 1943), S. 431 nach Schmitt-Egner, Kolonialismus und Faschismus ... am deutschen Beispiel (Giessen, 1975), S. 80.
33. C. Peters, Die Grundung von Deutsch-Ostafrıka, S. 245, 246; Carl Peters and Wilhelm von Kardorff, Die Amtstätigkeit des Kaiser. Kommisars Dr. Carl Peters am Kilimandjaro 1891 (Berlin, 1907), S. 50.
34. Reichskolonialamt, Die Behandlung der eingeborenen Bevolkerung in den Kolonialbesitzungen Deutschlands und Englands (Berlin, 1919), S. 68—69.
35. Wilfried Westphal, Geschichte der deutschen Kolonien (Munchen, 1984), S. 255.
35a. Helmut Bley, Kolonialherrschaft und Sozialstruktur in Deutsch-Südwestafrika (Hamburg, 1968), S. 299, Anm. 339.
35b. Ibid., S. 249.
36. Carl Peters, Nationalpolitisches Vermächtnis, S. 19; vgl. F. J. Schulte-Atthoff. "Rassenmischung im kolonialen System. Deutsche Kolonialpolitik". *Historisches Jahrbuch* (1985), S. 84.
36a. John Mackenzie, Imperialism and Popular Culture (1986), pp. 104, 101, quoting *Spectator* of 19 August 1899.
37. Horst Kuhn, Faschistische Kolonialideologie und der Zweite Weltkrieg (Ost-Berlin, 1962), S. 115, zitiert aus Hanswerner Nachrodt, "Kolonialdichtung und kolonialpolitische Schulung, in *Deutscher Kolomaldienst*, Nr. 11 (1937), S. 19 ff.
38. Hans Grimm, Englische Rede. Wie ich den Englander sehe (1938), S. 27.
39. Johann Leers, Deutschland — Kolonialpionier Europas (Stuttgart, 1937), S. 71.
40. Drascher, Vorherrschaft der weissen Rasse (wie Anm. 4), S. 212.
41. Basil Williams, "Cecil Rhodes". Übersetzung von Marilies Mauk als "Südafrika. Entdeckung und Besiedlung..." Band I (Berlin, 1939), S. 329; Mackenzie, p. 161; Raphael Samuel (Ed.), Patriotism. The making and unmaking of British national identity, Vol. I (London, 1989), p. 11.
42. *Stuttgarter Nachrichten* vom 25, August 1994; J. Bryce, Roman Empire and the British in India (London, 1911), p. 74; Ch. Bolt, Victorian attitudes to Race (London, 1971), p. 214.
43. Doris Mendlewitsch, Volk und Hail. Vordenker des Nationalsozialismus im 19. Jahrhundert (Rheda- Wiedenbruck, 1988), S. 116 ff.
44. Paul Lagarde, Deutsche Glaube ... (1914), S. 121.
44a. N. C. Macnamara. Origin and character of the British People (1900), p. 2, 174, 227, 221 bei Hugh Mac Dougal, Racial myth in English history (1982), p. 123.
45. F. K. Gunther, Adel und Rasse (Munchen, 1927), S. 114—116; H. Lutzhoft, Der nordische Gedanke, S. 189; Wilhelm E. Mühlmann, Geschichte der Anthropologie (Wiesbaden, 1984), S. 198.
46. Adolf Hitler, Mein Kampf, Band I (Munchen, 1943), S. 313—314; Hitler, Mein Kampf (1933), S. 747.
46a. Allen Greenberger, The British image of India (Oxford, 1969), p. 15.
47. Benjamin Disraeli, Tancred or The New Crusade, Kapitel xiv = Disraeli, Novels and Tales, Band X (London, 1927), p. 153—154.
48. Robert Huttenback, Racism and Empire (London, 1976), S. 323, zitiert PAC, Orders in Council, RG2, Series I, V, 566, George Gagan, sec. Vancouver, Trades and Labour Congress, I.IX.1892.
49. H. Picker (Hrsg.), Hitlers Tischgesprache (Stuttgart, 1976), S. 456f: Tischgesprache vom Abend des 24. Juli 1942. Vgl. Peter Schwind-Waldeck, Wie deutsch war Hitler? (Frankfurt, 1979), S.

12, 210 und Alfred D. Low, Jews in the eyes of the German, From the Enlightenment to Imperial Germany (Philadelphia, 1979), p. 52.

50. Randall L. Bytwerk, Julius Streicher (New York, 1983), p. 27.

51. Adolf Hitler, Mein Kampf, Kommentierte Auswahl von Christian Zentner (München, 1974), S. 226. *Пикер*. C. 37.

52. Robert Cecil, The Myth of the Master Race. Alfred Rosenberg and Nazi ideology (London, 1972), p. 70.

53. Kenneth Ballhatchet, Race, Sex and Class under the Raj. Imperial attitudes (London, 1980), p. 138—140.

53a. Ronald Hyam, Empire and Sexuality. The British Experience (Manchester, 1992), pp. 95—96, 116, 107.

53b. R. Hyam, pp. 97f, 109; R. Winstedt, Start from Alif. An Autobiographical memoire (Kuala Lumpur, 1969), p. 17f.

53c. R. Hyam, pp. 166f.

53d. Ibid., p. 168.

54. Hannah Arendt, Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft (Frankfurt, 1955), S. 350.

55. Ibid., S. 311.

55a. Wilhelm Hubble-Schleiden, Ethiopien. Studien uber Ostafrika (Hamburg, 1879), S. 294; E. von Weber, Erweiterung ... und Grundlegung zu uberseeischen deutschen Staaten (Leipzig, 1879), S. 69 nach Peter Schmitt-Egner, Kolonialismus und Faschismus am deutschen Beispiel (Giessen, 1975), S. 79.

55b. Peter Stanley, White Mutiny. British military culture in India (New York, 1998), pp. 31, 122 (reference 69, quoting letter of 12.VIII.1858).

56. Charles Wintworth Dilke, Greater Britain (London, 1894), p. 538; Colvin, Vansittart in Office, p. 34.

57. Ba U, My Burma. The autobiography of a President (London, 1959), S. 43.

58. Hans Thost, Als Nationalsozialist in England (Munchen, 1939), S. 369; Reginald Reynolds, The White Sahibs in India (reprint: Westport, Conn., USA, 1970), p. 275.

59. Ivonne Kirkpatrick, The Inner Circle (London, 1959), p. 97; Jurgen Thorwald, Wen sie verderben wollen (Stuttgart, 1942), p. 123—126.

60. Alfred Rosenberg, Mythus des Zwanzigsten Jahrhunderts, S. 642.

61. Ibid., S. 663, 665—666; Thost, Als Nationalsozialist in England (München, 1939) S. 321.

61a. John Mackenzie, Imperialism and Popular Culture (1986), p. 156.

62. Sarvepalli Gopal, *Jawaharlal Nehru. A biography*, Bd. I (London, 1975), p. 237, 251, 232, 170 (Fussnote 5), 178 (Fussnote 3), Cf. J. Nehru, The Discovery of India (London, 1961), p. 511f, 514, 344f, 443, 448f.

62A. Peter Schmitt-Egner, Kolonialismus und Faschismus am deutschen Beispiel (Giessen, 1975), S. 5.

62a. Helmut Bley, Kolonialherrschaft und Sozialstruktur in Deutsch-Südwestafrika (Hamburg, 1968), S. 258, zitiert Leserzuschrift an *Deutsch-Sudwestafrikanische Zeitung* vom 21. Juli 1906; Peter Schmitt-Egner, Kolonialismus und Faschismus am deutschen Beispiel (Giessen, 1975), S. 5.

62b. Helmut Bley, Kolonialherrschafl und Sozialstruktur in Deutsch-Sudwestafrika (Hamburg, 1968), S. 205; Trotha und Schieffen, Schreiben an Kolonialamt vom 12. Dezember und 23. November 1904.

62c. Brum Hofer & Heinz Dieterich & Klaus Meyer, Das fünfhundertjahrige Reich (o.O., 1990), S. 257, 258.

63. Horst Kuhn, Faschistische Kolonialideologie und der Zweite Weltkrieg (Ost-Berlin, 1962), S. 100.

64. General von Lettow-Vorbeck, Mein Leben (Biberach, 1957), S. 183, 189.
65. Landes-Hauptarchiv Staatsministerium Schwerin, A 2, Vorgang 26 (vom 25.III.1920), angefuhrt bei Horst Kuhn, op. cit. S. 100; *Norddeutsche Zeitung* vom 23. Marz 1920: "Die Unruhen in Schwerin", zitiert nach Martin Polzin, Kapp-Putsch in Mecklenburg (Rostock, 1966), S. 101.
66. Lettow-Vorbeck, Mein Leben, S. 192.
67. Ibid., S. 222.
68. Josef H. Krumbach (Hrsg.), *Franz Ritter von Epp. Sein Leben für Deutschland* (München, 1939), S. 250, 161, 162, 165, 63—65.
69. Heinrich Hillmayr, Roter und weisser Terror in Bayern nach 1918 (München, 1974), S. 72, 116, 150.
70. Krumbach (Hrsg.), Franz von Epp, S. 181, 224.
71. Ibid., S. 263, 236.
72. Ibid., S. 277.
73. Horst Kuhn, op. cit., S. 97 zititert "Richtlinien für kolonialpolitische Schulung (ohne Seitenangabe, Datum oder Nummer) und Max Decken, Warum braucht Deutschland Kolonien? (Berlin, 1938?), S. 40.
73A. K. Bhaskara Rao, Rudyard Kipling's India (Norman, Oklahoma, USA, 1967), p. 163; Robert McDonald, Language of Empire... Myths and Metaphors of Popular Imperialism 1880—1918 (Manchester, 1994), pp. 160 [quoting Robert Service, The Law of the Yucon: Songs of Sourdough (Toronto, 1908), pp. 277f]; pp. 277ff, 221, 161, 228 [quoting C. J. Hyne-Cutcliffe, Captain Kettle (New York, 1903), pp. 297, 405, 619, 704], 185, 163, 169, quoting Flint, Cecil Rhodes (Boston, 1974), pp. 216f, 57; G. Hamilton Brown, With the Last Legion in New Zealand (London, 1911), p. 48.
73a. Bruni Höfer, Heinz Dieterich und Klaus Meyer, Das fünfhundertjahrige Reich (o. O., 1990), S. 261.
74. Lord Elgin, Journals, p. 199 (vom 21.VIII.1857): John Morley, The Life of Richard Cobden (London, 1903), p. 474.
75. K. Tidrick, Empire and the English Character (London, 1992), p. 75; Daunton and Halpern (Editors), Empire and Others. British encounters with indegenous peoples (London, 1999), p. 364; Hannah Arendt, Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft (Frankfurt, 1955), S. 333.
76. Richard Thurlaw, Fascism in Britain (London, 1982), p. 89.
77. Huttenback, Race and Empire, p. 17.
77a. L. P. Curtiss, Anglo-Saxons and Celts. A study of anti-Irish prejudice in Victorian England (Bridgeport, Conn., USA, 1968), pp. 12, 33, 52—56, 64.
77b. Curtiss, pp. 16, 61, 85ff; Robert Knox, The Races of Men (London, 1850), pp. 322, 365f.
77c. Curtiss, pp. 25, 84.
77d. Curtiss, pp. 121, 34, 70f, 63 (quoting John Beddor, Races of Britain (London, 1885), p. 10f, 58f, 102; Janet Beveridge, An Epic of Clare Market (London, 1966); p. 9; Arnold Toynbee, A Study of History, Vol. I (London, 1935), p. 466.
78. John Morley, Life of Cobden, p. 673.
78a. *Saturday Review* of 20th March, 1869, quoted in Christine Bolt, Victorian attitudes to Race (London, 1971), p. 178.
79. Thomas Carlyle, "The Nigger Question" (1849): *Miscellaneous Essays*, Vol. IV (London, 1899), S. 5ff; *Critical or miscellaneous Essays*, Vol.V, p. 376, 378f.
79a. Bolt, Victorian attitudes to Race (London, 1971), p. 33, 37f, 64.
80. Ibid., S. 349, 351f, 355, 367; Walter E. Houghton, The Victorian frame of Mind (New Haven, 1970), S. 212.
81. Thomas Carlyle, "The Nigger Question" (1849): *Miscellaneous Essays*, Band IV (London, 1899), S. 5ff; Critical or miscellaneous Essays, Band V, S. 376, 378f.

82. Alec Waugh, Vulkan Westindien. Die karibische Inselwelt von Kolumbus bis Castro (Munchen, 1967), S. 261, 270; S. H. Parry and P. M. Sheplock, Short history of the West Indies (London, 1965), pp. 240f.
83. Nehru, Article in *The National Herald* of 24 January 1939; Letter of Marquis Willingdon to Sir Samuel Hoare, dated 26 December, 1931, as quoted in Sarvepalli Gopal, Jawaharlal Nehru. A biography, Vol. I (London, 1975), pp. 232, 170; Hugh Tinker, The Union of Burma. A study of the first years of Independence (Oxford, 1957), p. 18, Footnote 3.
84. Francis Hutchins, The Illusion of Permanence. British Imperialism (Princeton, 1967), S. 133, zitiert Philip Mason, Prospero's Magic. Some thoughts on Class and Race (London, 1962), S. 1; Maurice Collis, Trials in Burma (London, 1953), p. 191, 194f, 207, 211ff.
84a. Helmut Bley, Kolonialherrschaft und Sozialstruktur in Deutsch-Südwestafrika (Hamburg, 1968), S. 11; Maurice Collis, Trials in Burma (London, 1953), pp. 191, 194f, 207, 211ff; Sir C. P. Lucas, Greater Rome and Greater Britain (Oxford, 1912), pp. 96f, 99.
84b. *American Historical Review*, Vol. CIII, No. 4 (1998), p. 1188.
85. Hannah Arendt, op. cit., S. 307, 313.
85a. B. A. Kosmin, "Colonial careers for marginal Fascists... Beamish": *Wiener Library Bulletin*, XXVII, No 30/31 (1973/1974), pp. 18, 16.
86. R. Griffiths, Fellow-Travellers of the Right ... for Nazi Germany (Oxford, 1983), p. 86.
87. Richard Thurlaw, Fascism in Britain. A history 1918—1985 (Oxford, 1987), p. 71.
88. Ibid., S. 53; Gisela Lebzelter, Political Anti-Semitism in England 1918—1939 (Oxford, 1918), p. 69.
89. Thurlaw, p. 249—250.
90. Heinrich Fraenkel & Roger Manvell, *Hermann Goring* (Hannover, 1964), S. 13.
91. Carl Peters, Nationalpolitisches Vermachtnis, S. 74, 30. Vgl. Hans Grimm, Heynade und England, Band I, S. 87.
92. Huttenback, Racism and Empire, S. 16, zitiert Robert Huttenback, British Imperial experience (New York, 1966), S. 102.
92a. W. T. Stead, The Last Will and Testament of Cecil J. Rhodes (London, 1902), pp. 73, 61.
93. Basil Williams, "Cecil Rhodes", Ubersetz. von Marilies Mauk als "Südafrika. Entdeckung und Besiedlung...", Band I (Berlin, 1939), S. 131f, 140ff, 144, 299, 309.
93a. Vera Stent, Personal records in the life of Cecil Rhodes (Butawayo, 1970), p. 56; W. T. Stead, The Last Will and Testament of Cecil J. Rhodes (London, 1902), p. 98.
93b. R. Symonds, Oxford and Empire (Oxford, 1990), p. 118f, 178; Stead, p. 51; Symonds, pp. 261, 263, 259 quoting Lytton Report... of Commitee on Indian Students, Part II (London, 1922), pp. 30—33.
93c. Stead, p. 183.
94. Basil Williams, p. 461, 349.
95. Ibid., p. 345, 34.
95a. K. Tidrick, Empire and English Character, p. 76, quoting Selous, History of Matabele, p. 259; Stead, pp. 148f; F. K. Gunther, Ritter, Tod und Teufel, S. 125f.
96. Basil Williams, S. 341, 388.
97. Huttenback, Racism and Empire, p. 16. Vgl. Hans Grimm, Heynade und England, Band I, S. 87 and Carl Peters, Gründung von Deutsch-Ostafrika, S. 30.
98. Huttenback, Racism and Empire, p. 17; Wolfgang Mock, "The functions of Race in imperialist ideologies...": P. Kennedy & A. Nicholls (Hrsg.), *Nationalist and racialist movements in Britain and Germany before 1914* (Oxford, 1981), p. 197, quoting R. Hyam, Britain's imperial Century (London, 1976), p. 329.
99. Huttenback, Racism and Empire, p. 324—325.
100. Randall Bytwerk, Julius Streicher, p. 148.

101. *The Church Missionary Intelligencer* (sic), 1869, cited in Christine Bolt, Victorian attitudes to Race (London, 1971), S. 132; Richard Thurlaw, Fascism in Britain (Oxford, 1987), p. 17; John Morley, Life of Cobden (London, 1903), p. 97, quoting R. Bosworth Smith, Life of Lord Lawrence, II, p. 150f; D. C. Somervell, Geistige Stromungen in England im neunzehnten Jahrhundert (Bern, 1946), S. 286; J. Martin Evans, Milton's Imperial Epic. Paradise Lost and the discourse of Colonialism (Ithaca, USA, 1996), p. 146.
102. John Milton, Paradise Lost, Paradise Regained, III, 183f: John Milton, The Works, Vol. II, I (New York, 1931), p. 84, Vol. IV, p. 691; Richard Hofstadter, Social Darwinism in American thought (Philadelphia, 1959), p. 10, cited in Wilhelm Mühlmann, Geschichte der Anthropologie (Wiesbaden, 1984), S. 111.
103. Thomas Carlyle, Past and Present, Book III, Chapter xii (London, 1897), p. 201. *Карлейль Томас.* Теперь и прежде / Пер. Н. Горбова. М.; 1906.
104. Hughes, "Prefatory Memoir": Alton Locke, S. xxiii, quoted by Walter Houghton, Victorian frame of mind 1830—1870 (New Haven, 1970), p. 214.
105. Charles Kingsley, His Letters and Memoirs of his Life (London, 1901), p. 231f: letter of 30.XII.1849 to J. M. Ludlow.
106. Houghton, Victorian... mind, p. 213.
107. Lewis Wurgaft, The Imperial imagination, Magic and myth in Kipling's India (Midtown, Conn, USA, 1983), p. 97: William Kaye, History of the Sepoy War in India 1857—1858 (London, 1864), II, p. 208.
107a. Kathryn Castle, Britannia's Children's Reading. Colonialism through children's books and magazines (Manchester, 1996), p. 42.
107b. Christopher Hibbert, The Great Mutiny. India 1957 (New York, 1982), pp. 311 (reference 6—7), 331 (reference 25), 317f (reference 25).
107c. Ibid., pp. 382 (reference 41), 212 (reference 54), 214 (references 67—58); cf. Peter Stanley, White Mutiny. British military culture in India (New York, 1998), p. 86.
107d. H. Alan C. Cairns, Prelude to Imperialism. British reactions to Central African society 1840—1890 (London, 1965), p. 299; Letter of D. R. Pelly to his parents, dated 12th and 29th of June 1896.
107e. K. Tidrick, Empıre and the English Character (London, 1992), p. 38.
108. J. A. Mangan, The Games Ethic and Imperialism (New York, 1985), p. 26.
109. Houghton, Victorian... mind, p. 211.
109a. William Fitchett, Fights for the Flag (London, 1910), p. 233.
110. Houghton, p. 210.
111. Wahrhold Drascher, Die Vorherrschaft der weissen Rasse (Stuttgart und Berlin, 1936), S. 203.
112. Ibid., S. 204.
113. Ibid., S. 207.
113a. Edward Young, "Ocean, an Ode", quoted in Carl August Weber, Englische Kulturideologie, Bd. I, (Stuttgart, 1941), S. 128.
114. Hans Ruhl, Disraelis Imperialismus und die Kolonialpolitik seiner Zeit (o.O., 1935), S. 53.
115. Hugh A. Mac Dougal, Racial Myth in English history. Trojan, Teutons and Anglo-Saxons (Montreal, 1982), p. 91.
116. Allen Greenberger, The British image of India. A study in the literature of Imperialism 1880—1920 (Oxford, 1969), p. 13.
116a. C. A. Weber, Englische Kulturideologie, Bd. I, (Stuttgart, 1941), S. 128f, 28, 196ff.
117. Heinrich Himmler, Geheimreden, Hrsg. von F. Smith (Frankfurt, 1974), S. 237.
118. Hermann Rauschning, Gesprache mit Hitler (Zürich, 1940), S. 227.

119. Wilhelm Dibeliu, England, II (Leipzig, 1929) S. 70.
119a. Jason P. Rosenblatt, Torah and Law in "Paradise Lost" (Boston, 1994), pp. 15, 64f, 82, 112; John Lily, Euphues — and his England, Edited by Edward Arber (Westminster, 1900), pp. 456, 451.
119b. Samuel Purchas, His pilgrimage or relations of the World and the Religions observed... (London, 1613), pp. 625, 631, 632 quoted in David Armitage, Ideological origins of the British Empire (Cambridge, 2000), p. 85; William Symonds, Sermon for the Virginia Company: John Martin Evans, Milton's Imperial Epic. "Paradise Lost" and the Discourses of Colonialism (Ithaca, 1996), pp. 21f.
119c. Hans Kohn, Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte (Heidelberg, 1950), S. 243, 245f.
119d. John Milton, Works (New York, 1931), Vol. II, Part I, pp. 8, 425, 440: "Paradise Regained", II, 442—444, 36; Vol. II, Part II, p. 351; "Paradise Lost", XI, 155.
119e. Advertisement for the Inexperienced Planters of New England (London, 1631), pp. 15f, quoted in Evans, Milton's Imperial Epic, p. 18.
119f. Evans, pp. 18, 20.
119g. John Milton, "On Reformation... Discipline in England" (1644): Milton, Complete Prose Works, Vol. I, (New Haven, USA, 1953), pp. 616—617; W. T. Stead, Last Will and Testament of Cecil Rhodes. Political and religious ideas of the Testator (London, 1902), p. 100.
119h. C. A. Weber, Englische Kulturideologie, Bd. I, (Stuttgart, 1941), S. 128f, 28, 196ff: F. Giese und H. Gerber, "Religion und Politik in England"; Drascher, Vorherrschaft der weissen Rasse, S. 206f; David Armitage, Ideological origins of the British Empire (Cambridge, 2000), p. 99.
120. Drascher, Vorherrschaft der weissen Rasse, S. 206f.
120a. F. Brie, Imperialistische Strömungen in der englischen Literatur (1928), S. 239, 240; Hans Kohn, Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte (Heidelberg, 1950), S. 851; R. MacDonald, Language of Empire, p. 155.
120b. R. MacDonald, Language of Empire, p. 141.
120c. Alain and Cairns, Prelude to Imperialism, p. 242.
121. Hannah Arendt, Ursprunge und Elemente totaler Herrschaft (Frankfurt, 1955), S. 318f.
122. Wilhelm Dibelius, England (Leipzig, 1929), II. Halbband, S. 71; J. Morley, Life of Cobden, p. 674.
123. Sir John Kaye, The Administration of the West India Company (London, 1853), p. 660.
124. Hugh E. Egerton, Short history of British colonial policy (London, 1897), p. 496, zitiert nach Hans Kohn, Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Franzosischen Revolution (Heidelberg, 1950), S. 852.
125. H. Kohn, ibid., S. 852.
126. Max Weber, The Protestant Ethics and the spirit of Capitalism, Translated by T. Parsons (London, 1968), p. 104, 122.
127. Dibelius, England II. Halbband, S. 72, 70.
128. Wilhelm Mühlmann, Chiliasmus und Nativismus. Studien zur Psychologie, Soziologie und historischen Kasuistik der Umsturzbewegungen (Heidelberg, 1961), S. 404.
129. Dibelius, England, II, S. 75, 201.
130. Ibid., S. 76.
131. Werner Roder, Deutsche sozialistische Exilgruppen in Grossbritannien 1940—1945 (Godeberg, 1973), S. 186—187.
132. Vgl. Manfred Messerschmidt & Fritz Wallner, Die Wehrmachtsjustiz im Dienste des Nationalsozialismus (Baden-Baden, 1987), S. 260f, 271f.
132a. Hans W. Thost, Als Nationalsozialist in England (Munchen, 1939), S. 255.

133. ARD (Fernsehen) "Politmagazin Panorama" des NDR vom 12, September 1996, 21, 10 Uhr; Ian Slater and Douglas Batting, Nazi Gold. The story of the World's greatest Robbery — and its Aftermath (Edinburgh, 1998), pp. 337, 340, 342f, 349f, 353.
134. Hans Grimm, Heynade und England, Buch I, S. 83.
135. Carl Peters, Die Gründung von Deutsch-Ostafrika, S. 136.
136. Hans Grimm, Heynade und England, Buch III. Vgl. Neville Chamberlain on 1. November 1938: House of Commons, *Debates*, Bd. CCCXL, Col. 74, 88 in D. Aigner (wie Anm. 895) S. 334, 402.
136a. Carl Peter, England und die Englander (Hamburg, 1915), S. 121.
137. Hitlers Tischgesprache (vom 18. April 1942, abends) im Führerhauptquartier. Aufgezeichnet von Henry Picker. Hrsg. von Percy Ernst Schramm (Stuttgart, 1965), S. 280. Пикер. С. 209.
137a. Bill Schwarz (Editor), Expansion of England. Race, ethnicity and cultural history (London, 1996), p. 251; James Morgan Read, Atrocity Propaganda (New York, 1972), pp. 29ff, 35, 37, 44, 49, 53.
137b. James Froude's novel "Cyril or Oceana" (1889), Chapter XVIII, cited by F. Brie, Imperialistische Strömungen in der englischen Literatur (Halle, 1928), S. 167.
137c. Max Scheler, Der Genius des Krieges und der deutsche Krieg (Leipzig, 1915), S. 408: "Zur Psychologie des englischen Ethos und des cant".
137d. Peter Marsch (Editor), The Conscience of the Victorian State (Syracuse, N. Y., USA, 1979), p. 2.
138. E. Wingfield-Stratford, History of British Patriotism (London, 1913), Vol. I, p. xxxiv, xxxvi f, xxiii.
139. The British Image of India, p. 131.
140. Josiah Strong, The times and young men (New York, 1901), quoted in: Gossett, Race. History of an idea in America (New York, 1969), p. 187.
141. Josiah Strong, Our Country. Its possible future and its present crises (New York, 1895), quoted in: Gossett, ibid., p. 190.
142. Gossett, ibid., p. 178, 185.
143. Flora Annie Steel, On the face of the Waters. A tale of the Indian mutiny (London, 1897), p. 2, angefuhrt bei Greenberger, The British Image of India, p. 13.
144. Robert Knox, The Races of Men (1850): Mac Dougal, Racial Myth in English history, S. 91.
145. Sir Charles Dilke, Greater Britain (London, 1894), p. 564; Greater Britain (edition of 1869), p. 230, 572f.
146. J. A. Cramb, Origins and Destiny of Imperial Britain (London, 1900): Patrick von zur Mühlen, Rassenideologie, Geschichte und Hintergrunde (Berlin, 1977), S. 216.
147. Dennis Kincaid, British social life in India (London, 1973), p. xiii, 213.
148. K. Lun & Richard Thurlaw (Editors), British Fascism (London, 1980), p. 168—186: Paul Hayes, "The contribution of British intellectuals to fascism"; F. W. Hirst & G. Murray & J. L. Hammond, Liberalism and Empire (London, 1900), S. 152, 171ff.
149. Konstantin Pobedonoscev, Moskovskij Sbornik (Moskau, 1901), p. 240—242; Daniel P. Todes, Darwin without Malthus. The struggle for existence in Russian evolutionary thought (New York, 1989), pp. 19, 41, цит по: *Данилевский*. Дарвинизм. Критическое обозрение. СПб., 1885. Т. I. С. 478.
150. Lean Poliakov, The Aryan Myth. A. History of racist and nationalist ideas in Europe (London, 1971), p. 298.
151. Herbert Spencer, Social Statics or the Conditions essential for human happiness (London, 1851), p. 311f, 314f, 321ff, 416f; Houghton, Victorian... mind, p. 139f.
152. David Duncan (Editor), Life and Letters of Herbert Spencer (New York, 1908), II, p. 16f: Spencer's letter of 26. August 1892 to Kentaro Kaneko.

152a. Stefan Kühl, The Nazi Connection. Eugenics, American Racism and German National Socialism (Oxford, 1994), pp. XIV, 72; Stefan Kühl, Internationale der Rassisten (Frankfurt, 2000), pp. 122 ff; cf. ibid., pp. 18, 41.
153. Cf. Hugh Mac Dougal, Racial Myth in English History, p. 97.
154. Hannah Arendt, Ursprunge... totaler Herrschaft, S. 290; Bernard Semmel, Imperialism and social reform, English Social-Imperial thought 1895—1914 (London, 1960), p. 42, 44, 49.
155. Francis Galton, Hereditary Genius (New York, 1891), p. 338f, 346, cited in Gossett, Race... in America, p. 155—156; Semmel, p. 47.
156. Muhlen, Rassenideologien, S. 240; American Historical Review, Vol. CVI, No. 4 (October, 2001), p. 1481, review of Pascal Grosse, Kolonialismus, Eugenik und bürgerliche Gesselschaft in Deutschland 1850—1918. Campus Forschung. No. 815 (New York, 2000); Lothar Stengel von Rutkowski, Was ist ein Volk? Der biologische Volksbegriff (Erfurt, 1943).
157. Unveroffentlichte Rede Hitlers vom 22. Juni 1944, gehalten vor Offiziersanwärtern, zitiert nach Christian Zentner: Adolf Hitler, Mein Kampf. Kommentierte Auswahl (1974), S. 225.
158. Emil Brix (Hrsg.), Ludwig Gumplowicz oder Die Gesellschaft als Natur (Köln, 1986), S. 25; Ludwig Gumplowicz, Grundriss der Soziologie (Wien, 1905), S. 139, 76, 78, 198.
159. Ibid., S. 195.
160. Ibid., S. 78.
161. Benjamin Kidd, Soziale Evolution. Deutsche Ubersetzung (Jena, 1895), S. 155, 156.
162. Lunn & Thurlaw, British Fascism, p. 178: Paul Hayes, "Contributions of British intellectuals to Fascism».
163. Benjamin Kidd, The Science of Power (London, 1918), p. 294.
164. Benjamin Kidd, Social Evolution (London, edition of 1898), p. 280.
165. Lunn & Thurlaw, British Fascism, p. 178.
166. Karl Pearson, National Life from the standpoint of Science (London, 1901), p. 19, quoted in Paul Hayes, "Contributions of British intellectuals to Fascism": Lunn & Thurlaw, British Fascism. S. 176f; Bernard Semmel (as note 154), p. 41f, 44, 49f; Jonathan Rutherford, Forever England, Reflections on Masculinity and Empire (London, 1997), p. 55; G. R. Searle, The Quest for National Efficiency. A study in British politics and political thought 1899—1914 (Oxford, 1971), p. 96.
167. Patrick von zur Muhlen, Rassenideologien. Geschichte und Hintergrund (Berlin, 1977), S. 98, 215.
168. Friedrich Nietzsche, "Fröhliche Wissenschaft": Aphorismus 349: *Werke*, Band II (München, 1966), S. 215; Веселая наука / Пер. М. Кореневой. // *Ницше Ф.* Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993. С. 475.
169. Mühlen, Rassenideologien, S. 85 unter Anfuhrung von: John Berry Haycraft, Darwinism and Race Progress (London, 1895).
170. Mühlen, ibid., S. 85.
170a. Robert Knox, Races of Men (London, 1850), p. V; S. Kühl, Internationale der Rassisten (1994), S. 25.
171. Thost, Als Nationalsozialist in England (Munchen, 1939), S. 99; Thurlow, Fascism in Britain (London, 1982), p. 276; Hannah Arendt, Elemente... totaler Herrschaft, S. 288.
172. Ibid., S. 288; Weir and Boyle, "Human Rights in the United Kingdom": *The Political Quarterly*, Vol. LXVIII, No 2 (April/June, 1997), p. 128; Michael Levin, in: *American Historical Review*, Vol. CV, No 1 (2000), p. 279; cf. Alan Ereira, People's history of England (London, 1981), p. 41, 50, 56f, 62, 67.
172a. Don Herzog, Poisoning the mind of the Lower Orders (Princeton, 1998), p. 513; R. Baden-Powell, Scouting for Boys (London, 1908), p. 200; *Politics for the People* vom 6.

Mai 1848, reprinted in: Joel H. Wiener (Editor), Great Bntain. The Lion at Home. A documentary history of domestic policy 1689—1973, Vol. II (New York, 1983), p. 228, 230, 239f.

173. Don Herzog, p. 480, quoting "John Bull" of 11. May, 1834, p. 149; Ross McKibbin, Class and Culture. England 1918—1957 (1998), pp. 530f; Hannah Arendt, Elemente... totaler Herrschaft, S. 289; Walter Bagehot, The English Constitution (Glasgow, 1975), p. 265—269.
174. Carl Peters, England und die Englander, S. 154—155.
175. Dibelius, England, II, S. 204, 20, 207; Bagehot, The English Constitution (Glasgow, 1975), p. 270, 271.
176. E. W. Eschmann, "Englische Fuhrelbildung": *Die Tat*, XXVII, Heft 3 (Juni 1935), S. 169.
177. Reginald Reynolds, The White Sahibs in India (London, 1937), p. 274, 270, quotes Durant, The case for India (1930).
178. Heinrich von Treitschke, Politik. Vorlesungen, gehalten an der Universität zu Berlin (Leipzig, 1898), S. 257, 525.
179. Hans Grimm, Englische Rede. Wie ich den Englander sehe (Gutersloh, 1938), S. 28.
180. V. G. Kiernan, The Lords of Humankind (London, 1969), p. 58; Friedrich Lange, Reines Deutschtum, Grundzuge einer nationalen Weltanschauung (Berlin, 1904), S. 237f.
181. Hannah Arendt, Elemente totaler Herrschaft, S. 289.
182. Edmund Burke, "Reflections on the Revolution in France": *Works* (London, 1899), Vol. III, p. 251ff; John Morley, Life of Cobden, p. 76.
183. Charles Dilke, Greater Britain (London, 1885), p. 562; Baden-Powell, Scouting for Boys, p. 27; Wingfield-Stratford, The Squire and his Relations, p. 92.
184. Wilhelm Dibelius, England, II, Halbband (Leipzig, 1923), S. 191.
185. Kiernan, Lords of Humankind, p. 59, quotes J. W. Sherer, Havelock's March to Cawnpore (o. O., 1857), p. 108, 151f.
186. Hannah Arendt, Elemente... totaler Herrschaft, S. 289.
187. Robert Cecil, The Myth of the Master Race, p. 92; Paul de Lagarde, Deutsche Schriften (Gottingen, 1903), S. 7: "Konservativ? Kleiner Sommer 1853".
188. Dibelius, England, II, S. 207.
189. Carl Peters, England und die Englander, S. 126; W. R. W. Stephen (Editor), Life and Letters of Edward Freeman, Vol. II (London, 1895), pp. 234, 236f; cf. H. F. K. Gunther, Ritter, Tod und Teufel, S. 129; Mackenzie, p. 105, quoting A. Merriman Labor, Britons through Negro Spectacles (London, 1905), pp. 175ff; W. Kraus, "Raden Saleh. Ein indonesischer Maler in Deutschland": *Orientierungen* 1 (1996: Universität Bonn), p. 59, quotes Virginia Surtees, Charlotte Canning, Lady in Waiting to Queen Victoria (London, 1975), p. 158.
190. Hermann Rauschning, The Voice of Destruction (New York, 1940), p. 42: Walter Struve, Elites against Democracy, Leadership ideals in bourgeois political thought in Germany 1890—1933 (Princeton, 1973), p. 9.
191. Hans Thost, Als Nationalsozialist in England (Munchen, 1939), S. 114; Wahrhold Drascher, Vorherrschaft der Weissen Rasse (1936), S. 224.
192. Ibid., S.209.
193. Ibid., S. 209; Alfred Rosenberg, Der Mythus des Zwanzigsten Jahrhunderts (München, 1943), S. 529.
193a. Tim Jeal, Baden Powell, Founder of the Boy Scouts (New Haven, USA, 2001), p. 185.
194. Hans Grimm, "Vom politischen Dichter. Geistige Begegnung mit Rudyard Kipling" *Das Innere Reich* (October 1935/March 1936), S. 1458; K. D. Ewing and C. A. Gearty, The Struggle for Civil Liberties... in Britain 1914—1945 (New York, 2000), p. 35; Madeleine

Bunting, The Model Occupation (New York, 1995), p. 331; Lord Alfred Milner, Nation and Empipre... Collection of Speeches (London, 1913), p. 353; Scott Newton, Profits of Peace. The Political Economy of Anglo-German Appeasement, p. 152; Georg Orwell, Collected Essays. Journalism and Letters. Edited by Sonia Orwell. Vol. I (London, 1968), p. 67.

195. Paul Kennedy & Anthony Nicholls (Editors), Nationalist and Racialist movements in Britain and Germany before 1914 (Oxford, 1981), S. 183, 173, 175; Geoffrey Crossick (Editor), The lower Middle Class in Britain (London, 1977), p. 94; cf. Robert Roberts, The classic Slum. Salford life... (n. p., n. d.) p. 183.

196. Briton Martin, New India 1985, British official policy and the emergence of the Indian National Congress (Berkeley, 1969), p. 242, 248f, 254, 260f, 267.

197. R. Thurlaw, Fascism in Britain, p. 19; B. Shaw, Man and Superman (1903), pp. 264, 268; G. R. Searle, The Quest for National Efficiency, p. 95.

198. Ibid., p. 61, 96; B. Semmel, Imperialism and Social Reform (London, 1960), pp. 50f, 53—82, 216—233.

198a. Ibid., p. 140.

198b. Lord Milner's "Credo": *The (London) Times* of 27. July, 1925, quoted in A. M. Gollin, Proconsul in Politics... Lord Alfred Milner (1964), p. 129.

198c. G. R. Searle, Quest for National Efficiency, p. 58f.

199. Ernst Nolte, Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen, S. 330f; Hans-Christoph Schroder, Imperialismus und antidemokratisches Denken: Alfred Milners Kritik am politischen System England (Wiesbaden, 1978), S. 12, 22, 27ff, 43, 55; Gollin, pp. 73, 98, 93, 96, 94f (quoting *Daily Mail* of 30. March, 1906); Walter Nimocks, Milner's Young Men: The "Kindergarten" in Edwardian Imperial affairs (London, 1968), pp. 57ff.

200. Hannah Arendt, Elemente... totaler Herrschaft, S. 343, 345f.

201. Francis G. Hutchins, The Illusion of Permanence. British Imperialism in India (Princeton, N. Y., USA, 1967), p. 113; Greenberger, British Image of India, p. 27.

202. Robert Colls & Philip Dodd, Englishness. Politial and cultural 1880—1920 (London, 1986), p. 295.

203. Malcolm I. Thomis & Peter Holt, Threats of Revolution in Britain 1789—1848 (Hamden, Conn., USA, 1977), p. 127.

204. Ibid., pp. 7f.

205. A. J. Sherman, Island refuge. Britain and the refugees from the Third Reich (Berkeley, 1973), p. 219; Paul de Lagarde, Deutsche Glaube (o. O., 1914), S. 123.

206. R. Huttenback, Racism and Empire, p. 17.

207. Colls & Dodd, Englishness, p. 297.

208. R. Huttenback, Racism and Empire, p. 13.

209. M. Foss, England als Erzieher, S. 26; R. Faber, The Vision and the Need. Late Victorian imperialist aims (London, 1966), p. 122 cited by G. E. Watson, English ideology, Studies in the language of Victorian politics (London, 1973), p. 198.

210. Ibid., p. 26.

211. Adolf Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928 = Institut fur Zeitgeschichte, Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Band VII (Stuttgart, 1961), S. 63.

212. R. Walter Darre, Neuadel aus Blut und Boden (München, 1930), S. 133, 218f; Dibelius, England, II, S. 200.

213. Ibid., S. 200, Dietrich Aigner, Das Ringen um England. Das deutsch-britische Verhältnis. Die offentliche Meinung 1933—1939... (München, 1969), S. 97.

214. John Stuart Mill, On Liberty (New York, 1975), p. 58. Ср.: Милль Джон Стюарт. О свободе / Пер. М. Ловцовой. СПб.: Изд. В. И. Губинского. 1901. С. 136.

215. Dibelius, England, II, S. 221.
216. Ibid., S. 58f. Ср.: Милль Джон Стюарт. О свободе / Пер. М. Ловцовой. СПб.: Изд. В. И. Губинского. 1901. С. 121.
217. Manfred Henninger (Hrsg.), Vom Nationalstaat zum Empire. Englisches politisches Denken im neunzehnten Jahrhunder (Munchen, 1970), S. 144.
218. John Stuart Mill, On Liberty (New York, 1975), p. 67. Там же, с. 143.
219. Carl Peters, England und die Englander, S. 198.
220. David Spitz, in: John Stuart Mill, On Liberty (1975), p. 6. Там же, с. 19—20.
221. Dibelius, England, I, S. 221.
222. Greenberger, The British Image of India, p. 26.
223. J. A. Froude, Short Studies on great subjects (London, 1888), IV, p. 238f; James Fitzjames *Stephen*, Liberty, Equality, Fraternity (London, 1874: reprint Cambridge, 1967), p. 102f.
224. Ibid., p. 103f.
224a. A. J. Sherman, Island Refuge. Britain and the Refugees from the Third Reich (Berkeley, 1973), p. 219.
225. James Drennan, Der britische Faschismus und sein Führer (Berlin, 1934), S. 219.
226. Benjamin Disraeli, Coningsby, Book IV, Chapter xv = Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield, Novels and Tales, Volume (London, 1927), S. 260.
227. Thomas Carlyle, Historical View of the French Revolution, I, Book vi, Chapter 2 = Carlyle, The French Revolution, Vol. I (New York, 1922), S. 177; Карлейль Т. История Французской революции / Пер. Ю. Дубровина и Е. Мельниковой. М.: Мысль. 1991. С. 142.
228. Dibelius, England, II, S. 203.
229. Wolfgang Fritz Houg, Faschisierung des burgerlichen Subjekts und die Ausrottungspraktiken im deutschen Faschismus (Berlin, 1986), S. 88.
230. John Stuart Mill, On Liberty (1859: reprint New York, 1974), p. 65.
231. Matthew Arnold, Culture and Anarchy (London, 1869: reprint New Haven, USA, 1994), p. 35f, 227.
232. John Stuart Mill, On Liberty (New York, 1974), p. 65; Милль. О свободе. С. 140.
232a. Dibelius, II, S. 163, 200.
232b. Ibid., S. 200; Carlyle, Later Day Pamphlets (London, 1911), p. 19, 21ff, 142f, 114, 193, 213ff, 27f, 232f, 246; James Anthony Froude, Thomas Carlyle, A history of the first forty years of his life (London 1882), p. 2, 15f, 19. Карлейль Т. Памфлеты последнего дня / Пер. А. Белова. СПб.: изд. Ф. И. Булгакова. 1907. С. 19, 14, 80, 19, 93.
232c. Ibid., p. 202, 204, 132, 30f, 141ff, 38f, 35ff, 211, 40, 155; Там же. С. 21, 92, 57.
232d. W. C. Houghton (1970), S. 328; vgl. H. Rauschning, Gesprache mit Hitler (Zürich, 1940), S. 211.
232e. A. W. Ward & A. R. Wallers (Hrsg.), Cambridge History of English Literature, Vol. XIII (Cambridge, 1916), p. 22.
232f. Gerald Newman, The Rise of English Nationalism (London, 1997), p. 244.
232g. Paul B. Rich, Race and Empire in British Politics (Cambridge, 1986), p. 13.
232h. Simon Heffer, Moral desperado. A life of Thomas Carlyle (London, 1995), pp. 177, 263, 292, 341, 379, 19.
232i. G. C. Webber, Ideology of the British Right (London, 1986), p. 72; Selwyn, Hitler's Englishman, p. 30.
232j. Alfred Cole, Lord Haw-Haw — and William Joyce (London, 1964), pp. 80, 87.
232k. Ernst Wicklein, Vorwort zu: Thomas Carlyle (Eugen Diedrich Verlag, Jena, 1922), S. 5.
232l. Simon Heffer, Moral desperado. A life of Thomas Carlyle (London, 1995), p. 23; Bertrand Russel, History of Western Philosophy (1946).

232m. *Anglo German Review*, II, No 2 (January, 1938), p. 51.

232n. H. F. Guessen, Lecture "Carlyle and Hitler": Klaus Schreiner, "Wann kommt der Retter Deutschlands? Formen und Funktionen des politischen Messianismus in der WeimarerRepublik", in *Saeculum*, XLIX (1998), S. 15.

232o. Tennyson, quoted in: Matthew Arnold, Culture and Anarchy (1965), pp. 150 f; Herbert Beer, Führers und Folgen. Herrschen und Beherrscht werden im Sprachgut der Angelsachsen: Ein Beitrag zur Erforschung von Fuhrertum und Gefolgschaft (Breslau, 1939), cited in: G. Strobl, The Germanic Isle. Nazı perceptions of Britain (Cambridge, 2000), pp. 83f, 243.

233. Thomis & Holt, Threats of Revolution in Britain, p. 128.

234. John Morley, The life of Richard Cobden (London, 1903), p. 130.

234a. Thomis & Holt, Treats of Revolution in Britain, p. 23; G. M. Trevelyan, History of England, Vol. III (New York, 1952), p. 85, 87, 89—92.

235. Thomıs & Holts, Treats of Revolutıon in Britain, p. 128; cf. E. S. Thompson, The Romantics. England in a revolutionary age (New York, 1997), pp. 9, 43, 16, 2, 165; Wingfield-Stratford, The Squire and his Relations, p. 246; Don Herzog, Poisoning the mind of the Lower Orders, p. 124f.

235a. Kenneth Neill Cameron, The Young Shelley. Genesis of a Radical (New York, 1950), p. 160.

236. David Worrall, Radical Culture. Discourse, Resistance and Surveillance 1790—1820 (Detroit, 1992), pp. 6—7, 60—61, 68; William Blake, Poems. Edited by W. H. Stevenson (London, 1971), p. 194; Geoffrey Pearson, Hooligan. A history of respectable fears (New York, 1983), p. 180, 157; A. L. Motion, Volksgeschichte Englands (Ost-Berlin, 1956), S. 385, 433, 406, 435, 480; Kenneth Neill Cameron, The Young Shelley, Genesis of a radical (New York, 1950), S. 160; Friedrich Heer, Europa, Mutter der Revolutionen, S. 40f.

237. Matthew Arnold, Culture and Anarchy (1867) (New Haven, USA, 1994), p. 77.

238. Ibid., p. 147 mit Anfuhrung von George Canning, "Anti-Jacobin".

238a. Friedrich Heer, Europa, Mutter der Revolutionen, S. 31.

239. Thomis & Holt, Threats of Revolution in Britain, p. 23, 130; Gerald Newman, Rise of English Nationalism (London, 1977), pp. 209, 231, 232; Christopher Husbands, "Racial attacks. Persistance of racial harassment in Britain's cities": T. Kushner and K. Lunn (Editors). Traditions of Intolerance... in Britain (Manchester, 1989), p. 98.

239a. Raphael Samuel (Editor), Patriotism. The making and unmaking... Vol. I (1989), pp. 266—268; G. Pearson, Hooligan. A history of respectable fears (as note 236), p. 159.

240. G. E. Watson, English Ideology. Studies in the language of Victorian politics (London, 1973), p. 190, quoting A. Tocqueville, Journeys to England and Ireland of 1835 (London, 1968), p. 60; Gerwin Strobl, The Germanic Isle. Nazi perceptions of Britain (Cambridge, 2000), p. 31; Lord Selbourne quoted in G. R. Searle, Corruption in British politics 1895—1930 (Oxford, 1987), p. 116; Paul Kennedy & A. Nicholls (Hrsg.), Nationalist and racialist movements in Britain (Oxford, 1981), S. 30.

241. Heinrich Himmler, Geheimreden, S. 44.

241a. Thomis & Holt, Threats of Revolution in Britain, S. 28; Joseph Goebbels, "Erziehung und Führerschicht": *Nationalsozialistisches Jahrbuch* (Munchen, 1930), S. 180, 181.

241b. Christoph Jahr, Gewöhnliche Soldaten, Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914—1918 (Göttingen, 1998), S. 18, 162, 205, 240, 338, citing Julian Putkowski and Julian Sykes, Shot at Dawn (Barnsley, 1993), p. 243.

242. Philip Mason, Prospero's Magic. Some thoughts on Class and Race (London, 1962), p. 106; John Higham, Strangers in the Land. Patterns of American Nativism 1860—1925 (Westport, USA, 1981), S. 138, zitiert "Business Magazine" *Public Opinion* (1886), S. 355: "Age of Steel".

243. Adolf Hitler, Mein Kampf (München, 1940), S. 251; vgl. Schwind-Waldeck, Wie deutsch war Hitler? (Frankfurt, 1979), S. 165.
244. Arthur Marwick, The Home Front. The British and the Second World War (London, 1976), pp. 36f; Peter and Leni Gillman, "Collar the Lot!" How Britain interned and expelled its Wartime Refugees (London, 1990), p. 286; Hubertus Prinz zu Löwenstein, Abenteurer der Freiheit (Frankfurt, 1983), S. 231; R. Thurlow, Fascism in Britain (New York, 1987), p. 221; R. Cecil, The Myth of the Master Race, p. 176.
245. James Drennan, Der britische Faschismus und seine Führer (Berlin, 1934), S. 230.
246. Hannah Arendt, Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft (Frankfurt, 1955), S. 126; Cecil Rhodes (1895) quoted in Robert Colls and Philip Dodd (Editors), Englishness. Politics and Culture 1880—1920 (London, 1986), p. 46.
247. Disraeli to Lord George Bentinck, quoted in: Wingfield-Stratford, *History of English Patrintism* (London, 1913), Vol. II, p. 545.
248. Carl Schmitt, Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947—1951. Hrsg. von Eberhard von Medem (Berlin, 1991), S. 142: 1. Mai, 1948; Arendt, p. 128.
249. Disraeli, Tancred or The New Crusade = Benjamin Disraeli, Novels and Tales, Band X (London, 1927), p. 153f.
249a. Esme Wingfield-Stratford, History of English Patriotism, II, p. 547, 546.
250. Disraeli, "Life history of Lord Bentick" (1853), zitiert bei H. Ruhl, Disraelis Imperialismus und die Kolonialpolitik (Leipzig, 1935), S. 411; Wingfield-Stratford, p. 546, 547.
251. Disraeli, Tancred, p. 153f.
252. Walter E. Houghton, The Victorian frame of mind 1830—1870 (New Haven, 1970), p. 325.
253. Randall Bytwork, Julis Streicher (New York, 1983), p. 133.
254. Esme Wingfield-Stratford, History of English Patriotism, II, p. 545.
255. Ibid., p. 545.
256. G. E. Watson, The English Ideology. Studies in the language of Victorian politics (London, 1973), p. 202, 204.
257. Benjamin Disraeli, Lothair = Benjamin Disraeli, the Earl of Beaconsfield, Novels and Tales, Band XI (London, 1927), p. 397.
258. Arendt, S. 128.
259. Disraeli, Tancred or The New Crusade = Benjamin Disraeli, Novels and Tales, Band X (London, 1927), p. 270, 271.
260. Arendt, S. 128.
261. Benjamin Disraeli, Lothair = Benjamin Disraeli, the Earl of Beaconsfield, Novels and Tales, Band III, iii (London, 1927), p. 34: Ruhl, Disraelis Imperialismus, S. 53.
262. Ruhl, S. 52f.
263. Ruhl, S. 59.
264. Arendt, S. 126.
265. Morris S. Lazaron, "Benjamin Disraeli", in: *Seed of Abraham* (New York, 1930), angefuhrt bei Hannah Arendt.
266. Arendt, S. 119.
267. Benjamin Disraeli, Coningsby or The new genius (1844), Bok IV, Chapter xiii = Disraeli, the Earl of Beaconsfield, *Novels and Tales*, Vol. VIII (London, 1927), p. 253.
268. Disraeli, Coningsby, IV, x: Arendt, S. 125.
269. Arendt, S. 127.
270. Disraeli, Lothair = Benjamin Disraeli, *Novels and Tales*, Vol. XI, p. 397.
271. Disraeli, Lothair, Kapitel xxix: Disraeli, *Novels and Tales*, XI, p. 134.
272. Disraeli, Lothair, *Novels and Tales*, Vol. XI, p. 131.
273. Disraeli, Lothair, *Novels and Tales*, XI, p. 381.
274. Ibid., p. 390.

275. Ibid., p. 387.
276. Disraeli, Lothair, Chapter xxix, ibid., p. 132.
277. Disraeli, Lothair, ibid., p. 459.
278. Disraeli, Lothair, Chapter xxix, ibid., p. 132.
279. Ibid., p. 133.
280. Ibid., p. 131.
281. Ibid., p. 133—134.
281a. Arendt, S. 125.
282. Esme Wingfield-Stratford, History of English Patriotism, Band II (London, 1913), p. 551.
283. Disraeli, Lothair, xxix, ibid., p. 133.
284. Wingfield-Stratford, II, p. 559.
285. Ibid., S. 534, 536f.
286. Disraeli, Londoner Kristallpalast-Rede vom 24. Juni 1872: Earl of Beaconsfield, Selected Speeches, Edited with an introduction by T. E. Kobbel, II (London, 1882), p. 524.
287. Oskar A. H. Schmitz, Englands politisches Vermachtnis an Deutschland durch Benjamin Disraeli, Lord Beaconsfield (München, 1916), S. 395.
288. Wingfield-Stratford, II, 563.
289. Schmitz, S. 433.
290. Ibid., 414, 430.
291. Wingfield-Stratford, II, p. 562.
292. Ibid., II, 561.
293. Disraeli, Sibil or The Two Nations (1845), Book IV, Chapter viii = Benjamin Disraeli, the Earl of Beaconsfield, Novels and Tales, Vol. IX (London, 1927), p. 77, 285.
293a. Earl of Selborne, Draft of letter to the Editor of the "*Morning Post*", July 1912, quoted in: G. R. Searle, Corruption in in British politics (Oxford, 1987), p. 116.
294. Schmitz, S. 116, 333.
295. Carl Peters, Nationalpolitisches Vermachtnis. Der Deutsche und sein Lebensraum (Hannover 1938), S. 51ff.
296. G. E. Watson, English Ideology (London, 1973), p. 199.
297. V. G. Kiernan, Lords of Humankind (London, 1969), p. 58.
297a. D. C. Somervell, Geistige Stromungen in England im neunzehnten Jahrhundert (Bern, 1946), S. 276f.
298. C. P. Lucas, Greater Rome and Greater Britain (Oxford, 1912), p. 108; D. C. Somervell, Geistige Strömungen in England im 19. Jahrhundert (Bern, 1946), S. 276f.
299. Disraeli, Earl of Beaconsfield, Selected Speeches, II, p. 531—533.
300. Ibid., p. 528; Ross MacKibbin, Class and Culture in England 1918—1951 (New York, 1998), as reviewed in *American Historical Review*, Vol. CV, No 2 (April, 2000), p. 614; cf. Joseph Schumpeter, "Zur Soziologie des Imperialismus": *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. Vol. XLVI (1918/1919), S. 6, 8.
301. Wingfield-Stratford, II, p. 517, 585; P. Marsch, The Conscience of the Victorian state (1979), p. 191; cf. Wilkinson, The Prefects, p. 51; Mackenzie, Imperialism and Popular Culture, p. 199; Baden-Powell, Scouting for Boys, p. 245.
302. Disraeli, Rede vom 24. Juni 1872: Selected Speeches, II, p. 530.
303. Disraeli, Lothair: *Novels and Tales*, XI, p. 382.
304. Arendt, S. 43.
305. Ruhl, Disraelis Imperialismus, S. 161.
305a. James Drennan, Der britische Faschismus und sein Führer (Berlin, 1937), S. 230, 11, 21.
306. Benjamin Disraelis Rede vom 11. August 1876: *Selected Speeches*, II (London, 1882), p. 156.

307. Ibid., II, p. 160.
308. Wingfield-Stratford, II, p. 587.
309. Oskar Schmitz, Englands politisches Vermachtnis an Deutschland durch... Disraeli (1916), S. 395.
310. Arendt, S. 288.
311. Disraeli, Coningsby, Such IV, Kapitel xv = Dısraeli, *Novels and Tales*, (London, 1927), p. 262; Cambridge History of English Literature, Vol. XIII, ii (Cambridge, 1916), p. 351; W. Flavell Monypenny and Earle Buckle, Life of Disraeli, Vol. III (1914), p. 60; P. Marsch, Conscience of Victorian State, p. 234.
312. Wingfield-Stratford, II, p. 581.
313. Ibid., II, p. 549: "Disraeli and Young England"; Ch. Richmond and Paul Smith, Self-Fashioning of Disraeli 1818—1851 (Cambridge, 1998), p. 160.
313a. MacKenzie, pp. 128, 138.
314. Immanuel Kant. "Anthropologische Charakteristik": Kant, *Werke*. Akademische Textausgabe, Bd. VIII (Berlin, 1968), S. 315; *Кант И.* Соч. в шести томах. М., 1966. Т. 6. С. 567.
315. Wingfield-Stratford, I, S. 383. J. A. Mangan, Game ethics and Imperialism (Harmondsworth England, 1985), p. 34, 44; cf. Sir C. P. Lucas, Greater Rome and Greater Britain (Oxford, 1912), pp. 97, 99 and James Bryce, The Ancient Roman Empire in India, p. 74.
316. R. Wilkinson, The Prefects. British Leadership and the Public School Tradition (New York, 1964), pp. 87f, 83f; N. C. Macnomara, Origins and Character of the British People (London, 1900), p. 227; C. E. Eckersley, England and the English. A book for foreign students (London, 1942: Egyptian edition), p. 138.
317. Edward C. Mack, Public Schools and British opinion since 1860. The relationship between contemporary ideas and the evolution of an English institution (New York, 1973), p. 156, quotes *Cornhill Magazine* (1873), p. 287; cf. Esme Wingfield-Stratford, The Squire and his Relations (London, 1956), pp. 398f.
318. Mack, p. 333, quotes *English Review* (April 1918), p. 335ff; W. T. Stead, The Last Will and Testament of Cecil J. Rhodes (London, 1902), p. 39.
319. Lunn, Loose Ends (London, 1919), p. 45, 58, 107; Francis Brett Young, The Young Physician (London, 1919), p. 14, 82, quoted in Mack, p. 333.
319a. Mack, p. 390.
320. Mack, p. 449; Thost, Als Nationalsozialist in England (Munchen, 1939), S. 63.
321. Heinrich Himmler, Geheimreden, S. 156: Ansprache vom 9. Juni 1942.
322. Ibid., S. 74: Ansprache vor preussischen Staatsraten am 5. März 1936.
323. James Wellard, Understanding the English (1937), S. 85—95, quoted in Mack, p. 449f.
324. John Galsworthy's Article "Public Schools and Caste fadories" (of 27. May 1912): H. V. Marrot, Life and letters of John Galsworthy (New York, 1936), p. 703—705 cited in: Mack, p. 284; Wilkinson, The Prefects, p. 4.
325. Mangan, Game ethics and Imperialism, p. 30, 33.
326. Ibid., p. 32.
327. Esme Wingfield-Stratford, History of English Patriotism (London, 1913), Vol. II, p. 458, 573.
328. John Galsworthy's Article "Public Schools and Caste factories" (of 27. May 1912): H. V. Marrot, Life and letters of John Galsworthy (New York, 1936), p. 703—705 cited in: Mack, p. 284.
329. Mack, p. 369.
330. Ibid., p.404.
331. Ibid., p. 23ff, 40f; Anthony Sampson, Wer regiert England? Anatomie einer Fuhrungsschicht (München, 1963), S. 202.

331a. Thomas Hughes, Tom Brown's School Days (Oxford, 1989), p. xxxivf, xxxviiff; Rudyard Kipling, Complete Stalky & Co. (Oxford, 1987), p. 128—138.
332. Report of the Public School Commission (1864), III, 3 (Teil i), S. 475ff, 506ff, quoted in: Mack, p. 25.
333. Mack, p. 405f, 414.
334. Adolf Hitler, Mein Kampf (Munchen, 1933), S. 459; Sampson, Wer regiert England? (wie Anm. 499), S. 202.
335. Mack, p. 226.
336. Geoffrey Drage, Eton and the Empire (Eton, 1890), p. 16: Mack, S. 217.
337. Thomas Henry Huxley, "On the advisableness of improving natural knowledge": *Methods and Results* (1866), S. 40, quoted in: Houghton, Victorian frame of Mind, p. 106, 95.
338. David Newsome, Godliness and good learning. Four studies on an Victorian ideal (London, 1961), p. 197f, 209; Allen J. Greenberger, British image of India (Oxford, 1969), p. 25.
339. Alec Waugh, Vulkan Westindien, Die karibische Inselwelt von Kolumbus bis Castro (Munchen, 1967), S. 266, 269; James Froude, Carlyle. A history of his Life in London (London, 1884), II, Kapitel XXVI, p. 265; Lord Oliver, The Myth of Governor Eyre (London, 1933), pp. 284f, 314, 320f, 338; Bill Schwarz (Editor), The Expansion of England. Race, ethnicity and cultural history (London, 1996), p. 163..
339a. Christine Bolt, Victorian attitudes to Race, pp. 103, 105, 93, quoting *The Scotsman* of 4. August, 1866 and *Popular Magazine of Anthropology*, Vol. I (1866), pp. 14f.
340. Thomas Carlyle, "A discourse on Niggers"; Carlyle, "The Nigger Question" (1849), in: *Miscellaneous Essays*, Vol. IV (New York, 1900), p. 355, 367f.
341. Thomas Carlyle, Latter Day Pamphlets (London, 1911), p. 135, 141.
342. Carlyle, Past and Present (London, 1897), p. 160f.
343. Houghton, p. 123.
344. Ibid., p. 201.
345. Mack, Public Schools and British Opinion, p. 423.
346. James Fitzjames Stephen, Liberty, Equality, Fraternity (as note 223), p. 4.
347. Adolf Hitler, Mein Kampf (Munchen, 1933), S. 69.
348. R. Cecil, The Myth of the Master Race, p. 135.
349. Lieutenant Colonel Arthur Osburg, Must Britain lose India? (London, 1930) quoted in: Reginald Reynolds, The White Sahibs in India (Westport, 1970), p. 275.
350. Betina Parry, Delusions and discoveries... India in the British Imagination 1880—1930 (London, 1972), p. 48.
351. Ibid., p. 34; Cecil Headlam, Ten Thousand Miles through India and Burma: An account of an Oxford University... Cricket Tour (London, 1903), pp. 94, 98, 16; Richard Symonds, Oxford and Empire (Oxford, 1991), p. 199, quoting Letter of Sir John Maynard to G. Murray of 20. March, 1987; Robert MacDonald, Language Empire (Manchester, 1994), p. 220.
352. Mangan, Games ethics and Imperialism, p. 38; David Baker, Ideolody of Obsession. A. K. Chesterton and British Fascism (London, 1996), p. 163; Christopher Hibbert, The Great Mutiny. India 1857 (New York, 1982), p. 39 (reference 50); Alain Cairn (Editor), Prelude to Imperialism. British reactions to Central African Society 1840—1890 (London, 1965) pp. 49, 41.
353. Houghton, p. 204; D. C. Somervell, Geistige Strömungen in England im neunzehnten Jahrhundert (Bern, 1946), S. 136.
354. Adolf Hitler, Mein Kampf (1933), S. 454—455; Thomas Hughes, Tom Brown's School-Days (Oxford, 1989), p. 283, 301, 404.
354a. Thost, Als Nationalsozialist in England (München, 1939), S. 82; J. A. Cole, Lord Haw-Haw and William Joyce (London, 1964), p. 31; G. Strobl, The Germanic Isle

(Cambridge, 2000), quoting *Morgen: Nationalsozialistische Jugendblätter*, No 11 und 12 (1935).

354b. T. C. Worsley, Barbarians and Philistines. Democracy and the Public Schools (London, 1940), pp. 74, 7, 10, 16; Wilkinson, The Prefects, p. 178.

355. Hitler, Monologe im Fuhrerhauptquartier, S. 213: 18./19. Januar 1942; *Fortnightly Review*, Juni 1882, p. 684f cited in Mack.

356. Hermann Keyserling, Reise durch die Zeit ("Schweiz", 1948), S. 135, zitiert nach Geoffrey Field, *H. S. Chamberlain, Prophet of Bayreuth*, p. 359f; Mack, p. 72.

357. Robert Briffault, Decline and Fall of the British Empire (New York, 1938); J. Wellard, Understanding the English (New York, 1937), quoted in: Mack, p. 449f.

358. Mangan, Games ethics and Imperialism, p. 27—28.

359. Ibid., p. 25—27; Rudyard Kipling, Land and Sea Tales for Scouts and Guides (London, 1951), p. VI.

360. Mangan, Games ethics and Imperialism., p. 27.

361. Ibid., p. 23f.

362. Houghton, p. 203.

363. Ibid., p. 202.

364. Noel Gilroy Annan, *Leslie Stephen. His thought and character in relation to his time* (London, 1951), p. 38, cited in: Houghton, p. 202.

365. H. John Field, Toward a Programme of Imperial Life, The British Empire at the turn of the Century (Oxford, n. d.), p. 39; Houghton, p. 202: "Moral attitudes".

366. J. A. Mangan, Games and the ethics of Imperialism (Harmondsworth, England, 1985), p. 147.

367. Houghton, p. 205.

368. Francis Hutchins, The Illusion of Permanence. British Imperialism in India (Princeton, USA, 1967), p. 72.

368a. Albert Speer, Erinnerungen (Frankfurt, 1969), S. 181, 403, 446.

369. J. W. Tate, "Nationalpolitische Erziehungsanstalten and the English Public Schools", in: Zeitschrift fur Erziehung, VI (1937), S. 162f, 171.

370. Fernsehkanal 3 Sat am 5. September 1996; Hans Münchberg, Gelobt sei, was hart macht. Aus dem Leben eines Zöglings der Nationalpolitischen Erziehungsanstalt Potsdam (Berlin, 1991), S. 48, 122ff, 181.

371. Mack, p. 216, 138, quotes *Macmillan's* of March 1870, p. 406; Mihran Dabag und Kristen Platt (Hrsg.) Genozid und Moderne (Opladen, 1998), S. 131.

372. Houghton, p. 202.

373. Kenneth Neill Cameron, The young Shelley. Genesis of a Radical (New York, 1950), p. 7—11, 37, 273.

374. Marilyn Butler, Romantic rebels and reactionaries in English literature and its background 1760—1830 (Oxford, 1981), p. 148; Маскарад анархии / Пер. К. Бальмонта // Шелли П. Б. Избранное. М.: Терра. 1997. С. 100.

375. Friedrich Heer, Europa, Mutter der Revolutionen (Stuttgart, 1964), S. 29.

375a. Ifor Evenas, Geschichte der englischen Literatur (München, 1983), S. 68.

376. K. N. Cameron, The young Shelley, p. 162; Речь, произнесенная в палате лордов 27 февраля 1812 года во время обсуждения билля против разрушителей станков / Пер. О. Холмской. // Байрон Дж. Г. Собр. соч. в четырех томах. М.: Правда. 1981. Т. 2. С. 129.

377. Houghton, S. 201.

378. Charles Kingsley, "The limits of exact science as applied to history: The Roman and the Teuton": *Works*, Vol. X, p. 331, quoted in: Houghton, p. 205.

379. *The Edingburgh Review* (April 1897), p. 356, 371, quoted in: Mack, p. 214.
380. Wolfgang Hong, Die Faschisierung des bürgerlichen Subjekts. Ideologic der gesunden Normalitat (Berlin, 1986), S. 92.
381. Mack, p. 451.
381a. J. E. C. Welldon, Youth and Duty. Sermons to Harrow Schoolboys (London, 1907), p. 69.
382. Adolf Hitler, Monologe im Fuhrerhauptquartier. Hrsg. von W. Jochmann (Hamburg, 1980), S. 213: 18./19. Januar 1942; Mangan, Games and the ethics of Imperialism, p. 147.
383. Joseph Conrad, "The Return" (*Tales of Unrest*): J. Conrad, El Regreso (Mexico City, 1995), p. 6, 8, 10ff.
384. Arendt, S. 312.
385. Brenda Colloms, *Charles Kingsley. The Lion of Everley* (London, 1975), p. 288.
386. Gunther Deschner, *Reinhard Heydrich. Statthalter der totalen Macht. Eine Biographie* (Esslingen, 1977), S.29, 30; Ulrich Herbert, Best. Biographische Studien über Radikalismus, Weltanschauung und Vernunft 1903—1989 (Bonn, 1996), S. 24, 44, 227, 421.
387. Heinrich Himmler, Geheimrden, S. 44: Rede (vor SS-Führern) vom 8. November 1938; Rudolf Höss, Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höss (Stuttgart, 1961), S. 15; Harold Welzer, "Massenmord und Moral", in: M. Dabag und K. Platt (Hrsg.), Genozid und Moderne (Opladen, 1998), S. 270; Alfred Rosenberg, Der Mythus des zwanzigsten Jahrhundert, S. 683.
388. Houghton, p. 118.
389. Ibid., p. 115, quotes: *Athenaeum*, Nr. 418 of 31. October 1835, p. 817.
390. Houghton, p. 115.
391. James M. Rhodes, The Hitler Movement. A modern millenarian movement (Stanford, 1980), p. 146.
392. Hanns Johst, *Schlageter, Schauspiel* (München, 1933), S. 26f.
393. Deutscher Kurzwellensender, Berlin (Zeesen) in einer Sendung von 1939.
394. John Ruskin, Works. Edited by E. T. Cook & Ado Waderburn, Vol. V (London, 1902), S. 334.
395. David Newsome, Godliness and good learning (London, 1961), p. 197f.
396. Charles Kingsley, "Great cities and their influence for good and evil": *Sanitary and Social Lectures and Essays* (1880) = Ch. Kingsley, *Works*, Vol. XVIII (London, 1961), p. 210—212.
397. Houghton, p. 121.
397a. Don Herzog, Poisoning the Mind of the Lower Orders (Princeton, N.J., USA, 1998), pp. 47, 78, 92f (quoting *John Bull* of 30. October, 1825, No 5 (44), p. 348), XI, 37, 84 (quoting "A Country Gentleman, Consequences of scientific education to the working classes of the country" (London, 1826), p. 277; Brian Simon, Studies in the history of Education 1780—1870 (London, 1969), p. 134, quoting B. Hammond, The Town Labourer. 1760—1832 (1917), p. 321.
397b. G. R. Gleig, A life of Arthur Duke of Wellington (London, 1973), p. 401, quoted by Peter Stanley, White Mutiny. British military culture in India (New York, 1998), p. 21.
397c. Don Herzog, p. 79.
397d. Brian Simon, Studies in the History of Education, 1780—1870 (London, 1969), p. 132, quoting Davies Giddy from *Parliamentary Debates* (Hansard), Vol. IX, p. 798: 13. July, 1807.
398. Wilhelm Dibelius, England (Leipzig, 1929). Halbband II, S. 145.
398a. Peter Stanley, White Mutiny. British military culture in India (New York, 1998), p. 43, quoting William Marshall, Military Miscellany (London, 1846), p. 320.
398b. Sophia King Waldorf, or The Dangers of Philosophy (London, 1798), I, pp. 117—127, cited by Don Herzog, Poisoning the Mind of the Lower Orders (Princeton, N.J., USA, 1998), p. 105.

399. Thomas Carlyle, Past and Present (1843), Book III, Chapter v (London, 1897), p. 158.
399a. Hitlers Zweites Buch = Institut fur Zeitgeschichte, *Quellen und Darstellungen*, VII (Stungart, 1961), S. 76; Hermann Rauschning, Gespräche mit Hitler (Zürich, 1940), S. 211.
400. Charles Kingsley, His Letters and Memories of his Life (London, 1877), Vol. I, p. 66—70.
401. J. A. Froude, Short Studies on great subjects (London, 1888), IV, p. 238.
402. Adolf Hitler, Rede vom 22. August 1939 vor den Oberbefehlshabem: Ernst Klee & Willi Dressen, "Gott mit uns". Deutscher Vernichtungskrieg im Osten (Frankfurt, 1989), S. 12.
403. R. H. Crossman, Introduction to W. Bagehot, The English Constitution (1974), p. 32; Houghton, p. 110.
404. Houghton, p. 105.
405. Matthew Arnold, "The function of Criticism at the present time" (1864): *Essays in Criticism*, First Series (London, 1875), p. 18; Matthew Arnold, Philistinism in England and America (Ann Arbor, 1974): Houghton, p. 112f; Marilyn Butler, Romantics, Rebels and Reactionaries. English Literature and its backgrounds 1760—1830 (Oxford, 1981), pp. 55, 165.
406. Wingfield-Stratford, The Squire and his Relations, p. 412; J. Goebbels, Michael. Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern (München, 1931), S. 76; Wingfield-Stratford, History of English Patriotism, p. XXXII, XXXIII.
407. Cyril Norwood. The English tradition of education (London, 1929), p. 3—7, cited in: Edward Mack, Public Schools and British opinion since 1860 ... The evolution of an English institution (New York, 1941 — reprint 1973), p. 422; Henry S. Salt, Memories of bygone Eton (London, n. d.), p. 210.
408. Mack, p. 370.
409. R. Griffiths, Fellow-Travellers of the Right ... for Nazi Germany (Oxford, 1983), p. 29; На мели / Пер. Е. Голышевой // Шоу Б. Полн. собр. соч. Т. 6. Л., 1981. С. 66.
411. Carl Peters, Die Gründung von Deutsch-Ostarika. Kolonialpolitische Erinnerungen und Betrachtungen (Berlin, 1906), S. 27, 35.
412. Walter Bagehot, "The character of Sir Robert Peel": *Works*, III, p. 5, quoted in: Houghton, p. 124.
413. Houghton, p. 128.
414. *Edinburgh Review*, 1897, p. 355, 360, 368, 371, quoted in: Mack, p. 216.
415. Robert Cecil, The Myth of the Master Race (London, 1972), p. 147.
416. Wilhelm Dibelius, England, Halbband II (Leipzig, 1929), S. 170, 207.
417. *Mackmillan's*, Marz 1870, S. 406, quoted in: Mack, p. 138.
418. Mack, p. 124.
419. Chaning Pearce, Chiron or The education of a citizen (London, 1931), p. 11, 22, 26, 34, 49, 59, 63, 66, 72 in: Mack, 406f; Esme Wingfield-Stratford, The Squire and his Relations (London, 1956), pp. 396, 398f.
420. Mack, p. 406f.
421. Ibid., p. 107, 108.
422. Ibid., p. 391, 393.
423. R. Cecil, The Myth of the Master Race, p. 148; M. Foss, England als Erzieher (Berlin, 1921), p. 26; R. Wilkinson, The Prefects. British Leadership (New York, 1964), pp. 38, 48.
424. Henry S. Salt, Memories of bygone Eton (London, 1928), p. 213, quotes: *Morning Post* of 13, July 1923.
425. Mack, p. 463.
425a. Francis Selwyn, Hitler's Englishman. The crime of Lord Haw-Haw (London, 1987), p. 23.

246. Oswald Mosley, My Life (as reference 881), p. 28f; H. S. Salt, Memories of bygone Eton, p. 212.
427. Adolf Hitler, Mein Kampf (1933), S. 452.
428. Henry Picker (Hrsg.), Hitlers Tischgesprache im Führerhauptquartier 1941—1942 (Stangart, 1953), S. 248, 275 (Ausführungen vom 4. April und 12. April 1942).
429. Himmler, Geheimreden, S. 32: Rede vom 8. November 1938.
430. Hannsjoachim Koch, Geschichte der Hitlerjugend (Percha, 1975), S. 271 mit Hinweis auf H. Heuer, "Englische und deutsche Jugenderziehung": *Zeitschrift für neusprachlichen Unterricht*, XXXVI (Berlin, 1937), S. 215ff.
431. H. Koch, Geschichte der Hitlerjugend, S. 272ff.
432. G. Strobl, Germanic Isle, p. 80; Mangan, Game ethics and Imperialism, p. 37, 36.
433. E. K. Milliken, "The new Public Schools in Germany": *The Times* (London) of 28. September 1935, cited by Harald Scholtz, Nationalsozialistische Ausleseschulen. Internatsschulen als Herrschaftsmittel des Fuhrerstaates (Göttingen, 1973), S. 143. Vgl. Christopher Sidgwick, "German Journey to Backnang" in: *Internationale Zeitschrift fur Erziehung* (1937), S. 170f; T. C. Worsley, Barbarians..., pp. 263, 279 with reference to Hansard of 9th March and "Spectator" without specification of dates.
434. Picker, Hitlers Tischgesprache (1965), S. 275; Harald Scholtz, National-sozialistische Ausleseschulen, S. 257.
435. R. Cecil, The Myth of the Master Race, p. 142.
436. J. W. Tate, "The Public Schools of Germany": *Internationale Zeitschrift fur Erziehung*, VI, (1937), S. 166.
437. Hans Grimm, Englische Rede. Wie ich den Englander sehe (Gutersloh, 1938), S. 27; Heinrich Hartle, *Alfred Rosenberg. Grossdeutschland* (1970), S. 294.
438. Harald Scholtz, Nationalsozialistische Ausleseschulen, S. 99.
439. Walter Struve, Elites against Democracy. Leadership ideals in bourgeois political thought in Germany 1890—1933 (Princeton, 1973), p. 448ff; J. W. Tate, "The Public Schools of Germany": *Internationale Zeitschrift für Erziehung*, VI, (1937), p. 172.
440. Ibid., p. 166.
441. Ibid., p. 167.
442. Ibid., p. 170f.
443. Adolf Hitler, Monologe im Fuhrerhauptquartier 1941—1944. Aufzeichnungen Heinrich Helms, Hrsg. von Werner Jochmann (Hamburg, 1980), S. 383: 3. September 1943.
444. Ibid., S. 280: 17. September 1942; S. 91: 17. Oktober 1941.
445. Ibid., S. 213: 18./19. Januar 1942; J. Goebbels, Michael, Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern (München, 1931), S. 76, 54.
446. Ibid., S. 123: 2. November 1941.
447. Theodor Wilhelm, "Scholars or Soldiers? Aims and results of "Nazi" education": *Internationale Zeitschrift für Erziehung*, VIII (vom 5. November 1939), S. 91 mit Hinweis auf John Rogers, Old Public Schools of England (London, 1938), S. 2.
448. Theodor Wilhelm, "Scholars of Soldiers", p. 95.
449. H. John Field, Toward a Programme of Imperial Life. The British Empire at the Turn of the Century (Oxford, n. d.), p. 39; Hans F. K. Günther, Ritter, Tod und Teufel (München, 1920), S. 96 ("Rücksichtslose Willenstat"), quoted in G. Strobl, Germanic Isle, pp. 41, 42; Theodor Wilhelm, p. 96.
450. Ibid., p. 84.
451. G. A. Rowan-Robinson, "Training of the Nazi leaders of the Future" (Speech in Chattham House, London, on 27. January 1938, chaired by Major B. T. Reynold, M. C., in: *International Affairs* (March 1938), p. 237, 235, 241.
452. Ibid., S. 241.

453. Harald Scholtz, Nationalsozialistische Ausleseschulen, S. 56, 399; Mackenzie, p. 143 (Jeffrey Richards, "Boy's own empire"), quoting W. H. Auden, in: Graham Greene (Editor), The Old School (Oxford, 1984), p. 9.
454. Scholtz, S. 190; Price Ward, Extra-special Correspondent (London, 1957), p. 201.
455. (As reference 453), S. 147f.
456. R. Cecil, The Myth of the Master Race, p. 152.
457. J. W. Tate, "The Public Schools of Germany", *Internationale Zeitschrift für Erziehung*, VI (1937), S. 168.
458. Scholtz, S. 259; Hermann Rauschning, The Voice of Destruction (New York, 1940), p. 42f; Walter Struve, Elites against Democracy (Princeton, 1973), p. 453.
459. Scholtz, S. 257; Thost, Als Nationalsozialist in England (Munchen, 1939), S. 66.
460. Hermann Rauschning, The Voice of Destruction (New York, 1940), p. 42f; Walter Struve, Elites against Democracy. Leadership ideals in bourgeois political thought in Germany 1890—1933 (Princeton, 1973), p. 453.
461. Mack, quoting from Lunn, Loose Ends (1919), pp. 45, 107; Rudyard Kipling, Something of Myself (London, 1937), p. 124; Hermann Rauschning, Gespräche mit Hitler (Zürich, 1940, Europa Verlag), S. 124, 47; Ср.: Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: МИФ. 1993. С. 49.
462. Ibid., S. 172f; Там же. С. 147.
463. Ibid., S. 47; Там же. С. 49.
464. Ibid., S. 237; Там же. С. 192.
465. Ibid., S. 237; Там же. С. 191.
466. Z. B. Reichsorganisationsleiter, *Der Schulungsbrief*, IX (1942), Heft 3, angefuhrt von Scholtz, S. 190.
467. R. Cecil, The Myth of the Master Race, p. 145.
468. Ludwig Marcuse, "Der deutsche Kampf gegen den deutschen Idealismus": *Die Sammlung*, XII (Amsterdam, 1934), S. 647ff, zitiert bei Franz Schonauer, Deutsche Literatur im Dritten Reich (Olten und Freiburg im Breisgau, 1961), S. 163.
469. Jarrell C. Jackman & Carla M. Borden, The Muses flee Hitler. Cultural transfer and adoption 1930—1945 (Washington, 1983), p. 31.
470. John Stuart Mill, On Liberty (reprint New York, 1974), p. 54f; Matthew Arnold, Lectures and Essays in Criticism (1865) (reprint Ann Arbor, USA, 1968), p. x, 111, 113; Ernest K. Bramstead, Aristocracy and the Middle Classes in Germany. Social types in German literature 1830—1900 (Chicago, 1966), p. 222; Strobl, p. 81.
470a. Jochen Schmidt, Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik 1750—1945 (Darmstadt, 1985), Band II, S. 205; vgl. D. Schoenebaum, Hitler's Social Revolution. Class and Status in Nazi Germany (New York, 1980), S. 21 und Leppert-Fogen, Die deklassierte Klasse. Studien zur... Ideologie des Kleinburgertums (Frankfurt, 1974), S. 233, 235f, 238; Erich Fromm, Fear of Freedom (London, 1963), pp. 211—214, 219; Wernwr Sombart, El burgues (Madrid, 1979), pp. 183, 210, 228; David Riesman, Die einsame Masse (Hamburg, 1958), p. 260; *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство. Т. I. СПб., 1911. С. 18; Franz Schauwecker, "Hitler, der geniale Spiesser", zitiert in: Otto-Ernst Schuddekop, Revolutions in our Time. Fascism (New York, 1973), p. 185.
471. Bramstead, p. 233; Matthew Arnold, Culture and Anarchy (London, 1869).
472. Cf. John Stuart Mill, On Liberty, p. 55.
473. Ernst Wicklein, Vorwort zu: Thomas Carlyle, Helden und Heldenverehrung (Jena, 1922), S. 3.
473a. Terry Cook, "George A. Parkin and the concept of Britannic idealism": *Journal of Canadian Studies*, X, Nr. 3 (1975), p. 22.

474. Jochen Schmidt, Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik 1750—1945 (Darmstadt, 1985), Band I, S. 452, 466; Band II, S. 169.

475. Arthur Schopenhauer, Die Welt als Wille und Vorstellung (Wiesbaden, 1949), S. 452f; Schopenhauer, Parerga und Paralipomena (Wiesbaden, 1947), Bd. II, S. 258; Jochen Schmidt, Band II, S. 205; vgl. D. Schoenebaum, Hitler's Social Revolution. Class and status in Nazi Germany 1933—1939 (New York, 1980), p. 21 und Leppert-Fogen, Die deklassierte Klasse. Studien zur ... Ideologie des Kleinburgertums (Frankfurt, 1974), S. 233, 235f, 238 sowie Erich Fromm, Fear of Freedom (London, 1963), S. 211—214, 219; Werner Sombart, El burgues (Madrid, 1979), p. 183, 210, 228; David Riesman, Die einsame Masse (Hamburg, 1958), S. 260; *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство. Т. I. СПб., 1911. С. 18.

475a. Hans F. K. Günther, Ritter, Tod und Teufel. Der heldische Gedanke (München, 1928, third edition), S. 149.

476. James M. Rhodes, The Hitler Movement. A modern millenarian revolt (Stanford, 1980), p. 146.

477. Joseph Eichendorff, "Krieg den Philistern": *Neue Gesamtausgabe*, Band IV (Stuttgart, 1978), S. 520, 536.

478. Clemens Brentano, "Der Philister bevor, in und nach der Geschichte", *Ausgewahlte Werke*, III (Leipzig, 1908), S. 70, 72, 75f, 78.

478a. Ludwig Tieck's Schriften, Zehnter Band (Berlin, 1828), S. 62, 65f, 182, 374: "Prinz Zerbino".

479. Eugen Gottlob Winkler, *Briefe* (Bad Salzig, 1949), S. 72, zitiert in: F. Schonauer, Deutsche Literatur in Dritten Reich (1961), S. 142.

480. Wolfgang Fritz Haug, Die Faschisierung des bürgerlichen Subjekts. Die Ideologie der gesunden Normalitat (Berlin, 1986), S. 123, zitiert "Kinder-Flugblatt" "Für Alle" (Herbst, 1934?): Beilage zum "*Hauslichen Ratgeber*" des Beyer-Verlags (Leipzig).

481. Christian Petry, Studenten aufs Schafott. Die Weisse Rose und ihr Scheitern (Munchen, 1968), S. 53, 153—155, 163; Inge Scholl, Die Weisse Rose (Frankfurt, 1953), S. 28.

481a. Geoffrey Cressik (Editor), The Lower Middle Class in Britain, 1870—1914 (London, 1977), p. 94, quoting Walter Matthew Gallichan, The Blight of Respectability (London, 1897), pp. 3, 6, 56.

482. Bramstead, Aristocracy and the Middle Classes (1966), p. 222.

483. Hannsjoachim W. Koch, Geschichte der Hitlerjugend (Percha, 1975), S. 224, zitiert G. Stark, Schuldramen unserer Klassiker (Bamberg, 1935), S. 7; Friedrich Lange, Reines Deutschtum. Grundzuge nationaler Weltanschauung (Berlin, 1904), S. 386f.

483a. Max Hildebert Boehm, Der Sinn der humanistischen Bildung (Berlin, 1916), S. 52, 54f.

483b. Ernst Krieck, Nationalsozialistische Erziehung (Leipzig, 1933), S. 134f; Jean Neurohr, Der Mythos vom Dritten Reich (Stuttgart, 1957), S. 258.

484. Jochen Schmidt, Geschichte des Genie-Gedankens, Band II, S. 221.

484a. Georg Schott, *Houston Stewart Chamberlain, der Seher des Dritten Reiches* (Munchen, 1934), S. 8.

484b. Ross MacKibbin, Class and Culture. England 1918—1951 (1998), p. 251.

485. E. W. Eschmann, "Englische Fuhrerbildung": *Die Tat*, XXVII, Heft 3 (Juni 1935), S. 164.

486. Ibid., S. 175.

487. Carl Peters, England und die Englander (Hamburg, 1915), S. 154; G. M. Trevelyan, History of England, Vol. III (Garden City, New York, 1952), p. 254; Raphael Samuel, Patriotism. The making and unmaking of British national identity (1989), p. 11.

488. Wilhelm Dibelius, England, Halbband II, S. 165.

488a. H. J. Spencer, in *Contemporary Review* of July, 1900, p. 115, quoted by Mack, pp. 215f.

489. Dibelius, S. 88; Trevelyan, History of England, III, p. 194, 254.
490. Carl Peters, England und die Englander, S. 207.
491. Eschmann, "Englische Fuhrerbildung": *Die Tat*, XXVII, Heft 3 (Juni 1935), S. 168.
491a. Max Hildebert *Boehm*, Sinn der humanistischen Bildung (Berlin, 1916), S. 52.
492. Eschmann, S. 176; David Schoenebaum, Hitler's Social Revolution. Class and status in Nazi Germany 1933—1939 (New York, 1980), S. 244.
493. Clara Huber, *Kurt Huber zum Gedachtnis: "...der Tod war rucht vergebens"* (München, 1961), S.45.
494. Thost, Als Nationalsozialist in England (München, 1939), S. 79; Eschmann, "Englische Fuhrerbildung»: *Die Tat*, XXVII, Heft 3 (Juni 1935), S. 176.
495. Ibid., S. 178.
496. Ibid, S. 173.
497. Ibid., S. 174; Thomas Hughe, Tom Brown's Schooldays, p. viii: Introduction by Andrew Sanders.
498. Eschmann, S. 174.
499. Anthony Sampson, Wer regiert England? Anatomic einer Fuhrungsschicht (München, 1963), S. 202, zitiert Brian Inglis (Hrsg.), John Bull's School-Days (1961).
500. Eschmann, "Englische Fuhrerbildung": *Die Tat*, XXVII, Heft 3 (Juni 1935), S. 172.
501. Ibid., S. 175.
502. Ibid., S. 42.
503. Ibid., S. 172; Reinhard Spritzy, So haben wir das Reich verspielt (München, 1986), S. 157.
504. Eschmann, "Englische Führerbildung", S. 165.
505. Ibid., S. 167, 169.
506. Ibid., S. 165.
507. Oswald Spengler, Preussentum und Sozialismus (München, o. J.), S. 98f.
508. Paul de Lagarde, Deutscher Glaube, deutsches Vaterland, deutsche Bildung (Jena, 1914), S. iv.
509. Fritz Stern, Kulturpessimismus als politische Gefahr (Stuttgart, 1963), S. 122f.
510. Ibid., S. 42.
511. Doris Mendlewitsch, Volk und Heil. Vordenker des Nationalsozialismus im neunzehnten Jahrhundert (Rheda-Widenbruck, 1988), S. 14.
512. H. S. Chamberlain, Briefe (München 1928), Band I, S. 248 (20. September 1914); Alfred Rosenberg, Houston Stewart Chamberlain als Verkünder und Begründer einer deutschen Zukunft (München, 1927), S. 53; Houston Stewart Chamberlain, Mensch und Gott (München, 1921), S. 13; Wilhelm Vollrath, *Thomas Carlyle und Houston Stewart Chamberlain, Zwei Freunde Deutschlands* (München, 1938), S. 22, 24, 94; Georg Schott (Hrsg.), *Houston Stewart Chamberlain, der Seber des Dritten Reiches* (München, 1939), S. 30: Chamberlain, "Der Wille zum Sieg" (1916).
513. Geoffrey Field, Evangelist of Race. The Germanic vision of Houston Stewart Chamberlain (New York, 1981), p. 112, 92.
514. Houston Stewart Chamberlain, Briefe (München, 1928), Band I, S. 261: an Graf Zeppelin vom 30. November 1915; Henry Picker, *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier* 1941—1945 (Stuttgart, 1963), S. 244.
515. Ibid., S. 31, 32: Brief vom 15. November 1895.
516. Ibid., S. 21: Brief an Professor Christian von Ehrenfels vom 7. November 1894.
517. H. S. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts (München, 1904), Band I, S. 335, 337, II, S. 854.
518. H. S. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts (1904), Band I, S. 503; Winfrid Schuler, Der Bayreuther Kreis (Munster, 1971), S. 257.

519. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts (München, 1904), Band I, S. 150.
520. Houston Stewart Chamberlain, Demokratie und Freiheit (München, 1917), S. 70.
521. H. S. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts (München, 1904), Band II, S. 576; Alfred Rosenberg, Chamberlain als Verkunder, S. 43f.
522. Ibid., S.41, 43f.
523. Geoffrey Field, Evangelist of Race, p. 373.
524. H. S. Chamberlain, Demokratie und Freiheit, S. 70.
525. Geoffrey Field, Evangelist of Race, p. 23, 27.
526. Houston Stewart Chamberlain, Lebenswege meines Denkens (München, 1942), S. 34, 37.
527. H. S. Chamberlain, Briefe, I, S. 232, 234f; vom 10. und 15. August 1914; II, S. 240: Brief an Kaiser Willhelm II vom 27. Dezember 1912; James (Viscount) Bryce, Race sentiment as a factor in History (London, 1915), p. 5.
528. Jochen Schmidt, Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik 1750—1945 (Darmstadt, 1985), Band II, S. 222.
529. Patrik von zur Mühlen, Rassenideologien, Geschichte und Hintergrunde (Berlin, 1977), S. 231f.
530. Geoffrey Field, Evangelist of Race, p. 459.
531. Ibid., p. 463.
532. Ibid., p. 461.
533. Ibid., p. 465.
534. H. S. Chamberlain, Briefe, I, S. 21: vom 7. November 1894.
535. Geoffrey Field, Evangelist of Race, p. 246.
535a. Hermann Keyserling, Reise durch die Zeit ("Schweiz", 1948), S. 135, quoted in: Geoffrey Field, p. 359f.
536. Z. B. Chamberlain, Briefe, I, S. 305: Briefvom 29. Marz 1915 an Rittmeister von Roon.
537. Alfred Kruck, Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939 (Wiesbaden, 1954), S. 131; H. S. Chamberlain, Briefwechsel mit Kaiser Wilhelm II, Band II (München, 1928), S. 152: Brief an den Kaiser vom 2. Februar 1902.
538. H. S. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts (München, 1904), S. 271f.
539. Ibid., S. 271; Briefwechsel, II, S. 100.
540. Grundlagen, I (1904), S. 335.
541. Ibid., I, S. 530.
542. Geoffrey Field, H. S. Chamberlain, Prophet of Bayreuth, p. 361; Geoffrey Field, Evangelist of Race, p. 261.
542a. Joachim Kohler, Wagners Hitler, (München, 1997), S. 181.
543. Field, Evangelist of Race, p. 251.
544. H. S. Chamberlain, Briefe, II, S. 142: 31. Dezember 1901; Briefwechsel, II, S. 142f, 238f: Briefe an den Kaiser vom 31. Dezember 1901 und 1. Januar 1912.
545. Doris Mendlewitsch, Volk und Hell. Vordenker des Nationalsozialismus im neunzehnten Jahrhundert (Rheda-Wiedenbruck, 1988), S. 20.
546. Ibid., S. 42; Michael Karbaum, Studien zur Geschicht der Bayreuther Festspiele (Regensburg, 1976), Teil II, S. 66; Josephs Goebbels, Sämtliche Fragmente (München, 1987), Teil I, S. 72f, 178: Tagebuchnotiz vom 8. Mai 1926; Heinrich Hartle, Alfred Rosenberg, Grossdeutschland (1970), S. 93, 240, 248; Georg Schott, *Houston S. Chamherlain, Der Seher des Dritten Reiches. Vermächtnis* an das deutsche Volk in einer Auswahl seiner Werke. (München, 1936), S. 8; Alfred Rosenberg, Letzte Aufzeichnungen, Ideale und Idole der nationalsozialistischen Revolution (Göttingen, 1965), S. 132.

547. Mendlewitsch, S. 42.
548. Ibid., S. 45.
549. H. S. Chamberlain, Briefe, II, S. 124ff: Brief vom 7. Oktober 1923, zitiert in Adolf Hitler, Monologe im Führerhauptquartier. Hrsg. von Werner Jochmann (Hamburg, 1980), S. 429.
550. Chamberlains Brief vom 7. Oktober 1923: *Deutsche Erneuerung. Monatsschrift fur das deutsche Volk* (Munchen, 1924), S. 2f, zitiert in Winfried Schuler, Der Bayreuther Kreis vom Entstehen bis zum Ausgang der wilhelminischen Ära. Wagnerkult und Kulturreform im Geiste völkischer Weltanschauung (Munster, 1971), S. 126.
551. Völkischer Beobachter vom 5. September 1925: Paul Heyes, "Contribution of British intellectuals to Fascism", in Kenneth Lunn & Richard Thurlow, *British Fascism. "An essay on the extreme Right in... Britain* (London, 1980), p. 182; Joachim Kohler, Wagners Hitler, (München, 1997), S. 290; Adolf Hitler, Mein Kampf, S. 296; Georg Schott, Houston S. Chamberlain, Der Seher des Dritten Reiches (München, 1936), S. 6.
552. Joachim Köhler, Wagners Hitler, (Munchen, 1997), S. 180, 385; Houston Stewart Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts (München, 1941), I, S. 25, 531, 162; Ibid. (1915), S. 550, 542, 859, 864; H. S. Chamberlain, Foundations of the Nineteenth Centure (1911), Vol. I, p. 391f; Hartmut Zelinsky, Richard Wagner, ein deutsnes Thema (Munchen, 1953), S. 140, 160; H. S. Chamberlain Brief vom 20. Januar 1915 an Wilhelm II.
552a. Walter Essmann, Der Bayreuthianer Chamberlain und sein Bildungsideal (1925), zitiert bei Hartmut Zelinsky, Richard Wagner - ein deutsches Thema (Berlin, 1983), S. 216.
552b. Jakob Katz, Richard Wagner, Vorbote des Antisemitismus (Konigstein, 1985), S. 200 angefuhrt bei D. D. Scholz, Richard Wagners Antisemitismus (Würzburg, 1993), S. 189.
552c. Joachim Kohler, Wagners Hitler (München, 1997), S. 9.
552d. D. D. Scholz, Richard Wagners Antisemitismus (Würzburg, 1993), S. 23f, 181f.
552e. Joachim Kohler, Wagners Hitler (München, 1997), S. 340.
552f. Ibid., S. 343; Hermann Rauschning, Gesprache mit Hitler (Zürich, 1940), S. 216f.
552g. Georg Schott, Houston S. Chamberlain, Der Seher des Dritten Reiches (München, 1936), S. 10.
552h. Joachim Köhler, Wagners Hitler, (München, 1997), S. 287, 299.
552i. Julius Kapp (Hrsg.); Richard Wagners gesammelte Schriften (Leipzig, o. J.), Bd. XIV, S. 29; D. D. Scholz, *Richard Wagners Antisemitismus* (Würzburg, 1993), S. 161; H. S. Chamberlain, Richard Wagner, S. 160; D. Borchmeyer und Ami Maayani und Susanne Vill, Richard Wagner und die Juden (Stuttgart), S. 17, 19 (Saul Friedlander), 202 (H. R. Vagot).
552j. D. D. Scholz, ibid., S. 183, 187f, unter Anfuhrung von Erich Kuby, *Richard Wagner & Co. Zum 150sten Geburtstag des Meisters* (Hamburg, 1963), S. 138.
552k. Georg Schott, Houston S. Chamberlain, Der Seher des Dritten Reiches (München, 1936), S. 17.
552l. Brigitte Hamann, Hitler's Vienna. A Dictator's apprenticeship (New York, 1999), pp. 348ff, 403, 57; August Kubizek, Adolf Hitler, mein Jugendfreund (Graz, 1953), S. 300, 301.
552m. Joachim Köhler, Wagners Hitler, (München, 1997), S. 250, 414.
553. Chamberlains Brief vom 1. Januar 1924 an Dr. Boepple, Bayreuth: Hardy L. Schmidt (Hrsg.), *Houston Stewart Chamberlain. Auswahl aus seinen Werken* (Breslau, 1934), S. 66.
553a. Gottfried Wagner, Wer nicht mit den Wolfen heult. Autobiographische Aufzeichnungen eines Wagner-Urenkels. (Köln, 1997), S. 16: Vorwort von Rudoph Giordano.
553b. Ibid., S. 101; Michael Karbaum, Studien zur Geschichte der Bayreuther Festspiele 1876—1976, Teil II (Regensburg, 1976), S. 65.

553c. Gottfried Wagner, S. 114, 135, 137, 152.
554. Geoffrey Field, Evangelist of Race, S. 440, 438; D. D. Scholz, S. 187; H. S. Chamberlain, Flugscrift vom l. Januar 1924: Zelinsky, S. 170; Carl Schmitt, Glossarium. Aufzei chnungen 1947—1951. Herausgegeben von Eberhard von Medem (Berlin, 1991), S. 149: 15. Mai 1948.
555. Winfried Schuler, Der Bayreuther Kreis, S. 126.
556. Rudolf Hess, *Briefe 1908—1933.* Hrsg. von Wolf Rudiger Hess (München, 1987), S. 379, 373: Briefe vom 15. April 1927 an Gret Georg und vom 11. Januar 1927 an Klara sowie Fritz Hess; Hartmut Zelinsky, Richard Wagner — ein deutsches Thema. Dokumentation zur Wirkungsgeschichte Richard Wagners (Berlin, 1983), S. 41.
557. Geoffrey Field, Evangelist of Race, p. 12.
558. Randal Bytwerk, *Julius Streicher* (New York 1983), p. 39.
559. Geoffrey Field, Evangelist of Race, p. 448f, 373.
560. Helmut Sundermann, Alter Feind, was nun? Wiederbegegnung mit Englandern (Leoni am Starnberger See, 1955), S. 206.
561. H. S. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, I, S. 531.
562. Mendlewitsch, Volk und Heil, S. 20.
563. Hannah Arendt, Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft (Frankfurt, 1955), S. 288; Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, I, S. 273f.
564. Ibid. (4, Auflage), S. xxxii: Vorwort.
565. Geoffrey Field, Evangelist of Race, p. 215.
566. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, S. 340; cf. B. Hamann, Hitler's Vienna, pp. 350f.
567. Chamberlain, Grundlagen, S. 257.
568. Ibid., S. 324—326.
568a. Report by French and German News Agencies (AFP and DPA) of 2. February, 2000: Por Esto: (Merida, Mexico) of 3. February, 2000, pp. 2—3.
569. Chamberlain, Grundlagen, I, S.· 447—448, 450.
570. Ibid., S. 306.
571. Alfred Rosenberg, Houston Stewart Chamberlain als Verkünder und Begründer einer deutschen Zukunft (1927), S. 37.
572. Wilhelm Dibelius, England, Halbband II (1929), S. 205.
573. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, II, S. 569.
574. Ibid., I, S. 335.
575. Ibid., S. 337.
576. Ibid., II, S. 703.
577. H. S. Chamberlain, Mensch und Gott (München, 1921), S. 13; H. S. Chamberlain, "Die Seele des Chinesen": *Neues Wiener Tageblatt* vom 15./16. April 1900, zitiert bei Geoffrey Field, H. S. Chamberlain, the Prophet of Bayreuth, p. 495f, 502, 202 mit Hinweis auf R. Kassner, Buch der Erinnerung (Leipzig, 1938), S. 156; Peter Padfield, Himmler Reichsführer-SS (New York, n. d.), p. 54.
578. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, I, S. 483; William Fitchett, Fights for the Flag (London, 1910), pp. 256, 293.
579. Chamberlain, Grundlagen, I, S. 318—319.
580. Ibid., I, S. 313.
581. R. Cecil, The Myth of the Master Race, p. 87.
582. Mendlewitsch, Volk und Hell, S. 138, 140.
583. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, II, S. 884.
583a. Ibid., I, S. 307.
584. Ibid., S. 374.

585. Ibid., S. 379f.
586. Ibid., S. 286.
587. Ibid., II, S. 1009.
588. Ibid., I, S. 463, 464; (1915), S. 550 ("Die Erben").
589. Ibid., (5. Ausg., 1904), S. 680.
590. Ibid., II, S. 693.
591. Ibid., I, S. 318.
592. Houston Stewart Chamberlain, Kriegsaufsätze (München, 1915), S. 45f (vom 9. Oktober 1914).
593. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, I, S. xxxvi, 274.
594. Ibid., S. 274: "Dilettantismus, Rasse, Monotheismus, Rom".
595. Ibid., S. 278.
596. Ibid., S. 282.
597. Ibid., S. 278; Benjamin Disraeli, Lothair: Benjamin Disraeli, the Earl of Beaconsfield, *Novels and Tales*, Band XI (London, 1927), p. 131.
597a. Paul Hayes, "The contribution of British intellectuals to Fascism", in: Kenneth Lunn & Richard Thurlow, *British Fascism. An essay on the extreme Right in interwar Britain* (London, 1980), p. 179.
598. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, I, S. 499.
599. Ibid., S. 503.
600. Ibid., S. 375.
601. Ibid., S. 272.
602. Ibid., S. 307.
603. H. S. Chamberlain, Briefe, I, S. 20.
603a. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, S. 751.
604. Ibid., S. 316.
605. Mendlewitsch, Volk und Heil, S. 21f.
606. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, S. 141.
606a. H. S. Chamberlain, Foundations of the Nineteenth Century (London, 1911), p. 387f.
607. Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts. S. 857.
608. Heinrich Himmler, Geheimreden (Frankfurt, 1974), S. 169. Vgl. ibid., S. 38, 46, 220, 247; Guido Knopp, Hitlers Helfer, Täter und Vollstrecker (München 1999), S. 310; Hermann Glaser, Spiesserideologie. Von der Zerstörung des deutschen Geistes (Freiburg/Breisgau, 1964), S. 236, 16f; vgl. Richard Breitmann, Heinrich Himmler. Architekt der Endlosung (Zürich, 1996), S. 17f.
609. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, S. 313.
610. Ibid., S. 856.
611. Mendlewitsch, Volk mid Heil, S. 41.
612. Chamberlain, Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, II (1915), S. 864.
613. Ibid., S. 758, Fussnote 3.
613a. Robert Knox, The Races of Mankind (1862), p. 145, quoted in Bill Schwarz, Expansion of England. Race, ethnicity and cultural history (London, 1996), p. 150; R. Symonds, Oxford and Empire, pp. 222f; Herbert G. Wells, "Antipathies" (1902), "Modern Utopia" (1905): Wells, Works, Atlantic Edition, Vol. IV (London, 1924), p. 274; X (1925), p. 299.
613b. Alan Moorhead, The fatal impact: An account of the invasion of the South Pacific 1767—1840 (Harmondsworth, 1966), p. 212; R. Symonds, Oxford and Empire, pp. 222f; Herbert G. Wells "Antipathies" (1902); "Modern Utopica" (1905); Wells, *Works* Atlantic Edition, Vols. IV (London, 1924), p. 274; X (1925), p. 299.
614. Wilhelm Ziehr, Hölle im Paradie. Entdeckung und Untergang der Südsee-Kulturen (Düsseldorf, 1980), S. 25.

615. F. W. Hirst & G. Morray & J. L. Hammond, Liberalism and Empire (London, 1900), p. 152; Alan Moorhead, The fatal impact, p. 213.
616. Ibid., p. 213.
617. Ibid., p. 213—214.
618. V. G. Kiernan, Lords of Humankind in the Imperial Age (London, 1969), p. 268.
619. Clive Turnbull, Tod auf Tasmanien. Die Ausrottung der tasmanischen Ürbevolkerung (Berlin Ost, 1963), S. 11.
620. Janine Roberts, Nach Völkermord: Landraub. Schwarzaustralier kämpfen ums Überleben (Kassel, 1979), S. 26; Himmler, Rede vom 4.X.1943 vor SS-Gruppenführern: Ernst Klee ft Willi Dressen, "Gott mit uns", Deutscher Vernichtungskrieg im Osten (Frankfurt, 1989), S. 223.
621. Janine Roberts, S. 30; Hirst & Murray & Hammond, Liberalism and Empire (London, 1900), p. 154.
622. Janine Roberts, Nach Völkermord Landraub, S. 27.
623. A. G. L. Shaw, The Story of Australia (London, 1960), p. 23.
624. W. Hirst & Murray & J. L. Hammond, Liberalism and Empire (London, 1900), p. 153—154.
625. W. Ziehr, Hölle im Paradie, S. 53.
626. H. Reynolds, Other side of Frontier, p. 17; Janine Roberts, Nach Völkermord Landraub, S. 33.
627. Ibid., S. 30f.
628. Ibid., S. 51.
629. Vgl. Lewis Hanke, Colonisation et conscience chretienne au XVIe siecle (Paris, 1957?), p. 120f; G. V. Lantzeff, Russian colonial policy... with special reference to Siberia (Dissertation, Berkeley, USA, 1938 typescript), p. 161, 164; Sarkisyanz, Geschichte der orientalischen Volker Russlands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte (München, 1961), S. 397.
630. Kiernan, Lords of Humankind, p. 268.
631. Ibid., quotes G. Parsons, Black Chattels (n. p., 1946), p. 11.
631a. Gareth Stedman Jones, Language of Class. Studies in English Working Class history (1938), p. 233; Heather Goodall, "Authority under challenge. Picampul Land and Queen Victoria's Law during the British invasion of Australia", in: Daunton and Halpern (Editors), Empire and Others. British encounters with indigenous peoples 1600—1850 (London, 1999), p. 273; H. Reynolds, The other side of the Frontier, p. 148; R. Symonds, Oxford and Empire (Oxford, 1991), p. 222f; Gustav Warneck, Abriss einer Geschichte protestantischer Missionen (Berlin, 1900), S. 96, 352.
632. Benjamin Kidd, Soziale Evolution. Deutsche Ubersetzung (Jena, 1895), S. 141, 153ff.
633. H. G. Wells, "Faith, morals and public policy of the New Republic" (1902); Wells, "Race in Utopica: Modern Utopia,... (1905): Wells, Works. Atlantic Edition, Vol. IV (London, 1924), p. 274.
634. Kiernan, Lords of Humankind, p. 268.
635. Cart Peters, Vermachtnis, S. 52.
636. Hans Grimm, Englische Rede. Wie ich die Englander sehe (Gütersloh, 1938), S. 30.
636a. *American Historical Review*, CII, Nr. 1 (February 1997), p. 124.
636b. Hermann Joseph Hiery, Das Deutsche Reich in der Sudsee 1900—1921 (Göttingen, 1995), S. 315.
636c. Ibid., S. 54, 41f, 45—48.
637. Henry Picker (Hrsg.), Hitlers Tischgesprache (1963), S. 143: 8./9. September 1941; *Пикер...* С. 37.

638. Adolf Hitler, Monologe im Fuhrerhauptquartier 1941—1944. Die Aufzeichnungen von Heinrich Helms, herausgegeben von Werner Jochmann (Hamburg, 1980), S. 337: 11. August 1942.
639. Ibid., S. 27.
640. Ibid., S. 289: 22. Februar 1942.
641. Ibid., S. 128: 5. November 1941.
642. Ibid., S. 91: 17. Oktober 1941.
643. Kiernan, Lords of Humankind, p. 268.
644. Hitler, Monologe, S. 91: 17. Oktober 1941.
645. Ibid., S. 377: 29. August 1942.
646. Charles Wenworth Dilke, The Greater Britain (London, 1894), p. 535.
647. A. Hillgruber, "Ein Volk, ein Reich, ein Führer. Pervertierung des Nationalgedankens": *Die Neue Ordnung*, Nr. 39 (1985), S. 49, zitiert bei Klaus Hildebrand, Das vergangene Reich. Deutsche Aussenpolitik von Bismarck bis Hitler (Stuttgart, 1995), S. 750.
648. G. R. Uberschar & Wette (Hrsg.), Unternehmen Barbarosa. Der deutsche Uberfall auf die Sowjetunion (Paderborn, 1990), S. 192.
649. Carl Peters, Vermachtnis, S. 62f; R. Symonds, Oxford and Empire, quoting Lord A. P. Rosebery. Questions of Empire (London, 1900), p. 13.
650. Hitlers Zweites Buch = Institut für Zeitgeschichte, *Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte*, Band VII (1961), S. 78; Strobl, The Germanic Isle, p. 94.
651. Carl Peters, Vermachtnis, S. 40f.
652. Drascher, Vorherrschaft der weissen Rasse, S. 209.
653. Andrew Rutherford, "Officers and Gentlemen", in: Rutherford, *Kipling. Mind and Art* (Edinburgh, 1964), p. 185, quoted in: Allen J. Greenberger, The British Image of India. A study in the literture of Imperialism 1880—1960 (Oxford, 1969), p. 20.
654. Hitler, Monologe, S. 151: Nacht vom 1. auf 2. August 1941.
655. Hans Grimm, Die dreizehn Briefe aus Deutsch-Südwestafrika (München, 1928), S. 13; Carl Peters, Was lehrt uns die englische Kolonialpolitik? (Berlin, 1897); James Anthony Froude, Oceana or England and her Colonies (London, 1886), pp. 8f.
656. David Schoenebaum, Hitlers social revolution. Class and status in Nazi Germany 1933—1939 (New York, 1980), p. 279.
657. Hermann Rauschning, Gespräche mit Hitler (Zürich, 1940), S. 39, 44, 41; Ср.: Раушнинг. С. 42, 45; Tim Jeal, Baden-Powell (New Haven, 1995), p. 418.
658. Himmler, Geheimreden, S. 142: Ansprache vom 29. Februar 1940.
659. Hitlers Zweites Buch = Institut fur Zeitgeschichte, Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Band VII (1961), S. 156.
660. Hitler, Monologe, S. 196: 12./13. Januar 1942.
661. Ibid., S. 311f: 3. Marz 1942.
662. Ibid., S. 48: 27. Juli 1941.
663. Rauschning, Gespräche mit Hitler, S. 39ff; Ср.: Раушнинг. С. 45.
664. Ibid., S. 39—40.
664a. Symonds, Oxford and Empire (1991), quoting Edwin Arnold, Education in India (London, 1860), pp. 6, 8.
665. Mack, Public School, p. 42.
666. Dennis Kincaid, British social life in India (London, 1973), p. 149; F. Hutchins, Illusion of Permanence, pp. 43f.
667. D. R. Pearn, History of Rangoon (Rangoon, Burma, 1939), p. 203.
668. Francis Hutchins, The Illusion of Permanence, p. 43f; Ср.: Форстер Э. М. Поездка в Индию /пер. В. Исакова. Л.: Худ. литература. 1937. С. 36.
669. Greenberger, British image of India, p. 26.

670. Charles Dilke, Greater Britain (London, 1885), p. 554.
671. R. Cecil, The Myth of the Master Race, p. 146, 147.
671a. Francis Hutchins, Illusion of Permanence, pp. 111, 112; cf. Zia Sardar & Ashis Nandy & Meryl Wyn Davies, Barbaric Others. A manifesto on Western Racim (London, 1993), pp. 75f.
672. Alain Cairns, Prelude to Imperialism, pp. 114, 108, 118; Christine Bolt, Victorian attitudes to Race (London, 1971), p. 146; Bill Schwarz (Editor), Expansion of England. Race, ethhicity and cultural history (London, 1996), p. 136; Lewis Wurgaft, The Imperial Imagination. Magic and Myth in Kipling's India (Middletown, Conn., USA, 1983), p. 19; The 'manly Englishman' and the 'effeminate Bengali' in the Late 19th centure (New Delhi, 1995), pp. 41, 124; Kincaid, British social life in India, S. x; A. J. Greenberger (wie Anm. 26), S. 48; Martin Daunton and Rick Halpern (Editors), Empire and Others. British encounters with indigenous peoples 1600—1850 (London, 1999), p. 20.
673. Benita Parry, Delusions and discoveries. Studies on India in the British imperial imagination 1880—1930 (London, 1972), p. 32.
674. Ibid., p. 124f, zitiert F. A. Steel, Law of the Treshold (1914), S. 293; Lewis D. Wurgaft, The Imperial imagination, Magic and Myth in Kipling's India (Middletown, Conn., USA, 1983), p. 19.
675. Parry, Delusion, p. 4, zitiert J. R. Ackerley, Hindu Holiday. An Indian journey (1952), p. 23f.
676. Francis Hutchins, The Illusion of Permanence, p. 154, 155.
676a. Reginald *Reynolds*, The White Sahibs in India (1937), p. 275.
676b. Greenberger, British image of India, p. 18.
676c. Kincaid, British social life in India, p. xvii.
677. Parry, Delusions, p. 123.
678. Ibid., p. 4.
679. Ibid., p. 121 with reference to Flora Annie Steel, On the Face of the Waters (London, 1897), p. 60.
680. Lewis Wurgaft, The imperial imagination. Magic and Myth in Kiplings India (Middletown, Conn., USA, 1983), p. 49.
681. Alfred Rosenberg, Mythus des zwanzigsten Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkampfe unserer Zeit (München, 1941), S. 212, 214.
681a. Ernst Klee & Willi Dressen, "Gott mit uns". Deutscher Vernichtungskrieg im Osten, S. 222.
682. Hitler, Monologe, S. 403, mit Hinweis des Herausgebers auf: Christa Schroeder, Er war mein Chef. Aus dem Nachlass der Sekretärin von Adolf Hitler. Herausgegeben von Anton Joachimsthaler (München, 1985), S. 113.
683. *Das Schwarze Korps* vom 28. Juli 1941: "SS-Manner gegen Sowjet-Elite. Neue Wellen van Stalin-Gardisten": Das Schwarze Korps. Organ der Reichsfuhrung-SS. Facsimile-Querschnitt hrsg. von Helmut Heiber und Hildegard von Kotze (Bern/München, o. J.), S. 175.
684. J. Goebbels, Tagebücher aus den Jahren 1942/43 (Zürich, 1948), S. 132; Wurgaft, The Imperial imagination, p. 164; cf. Marquess of Londonderry, Ourselver and Germany (Harmondsworth, 1938), p. 54.
685. Reginald Reynold, The White Sahibs in India, p. 328.
686. Helmut Bley, Kolonialherrschaft und Sozialstruktur in Deutsch-Sudwestafrika (Hamburg, 1968), S. 11.
687. Reginald Reynolds, The White Sahibs In India, p. 328.
688. Hitler, Monologe, S. 68: 25. September 1941.
689. Himmler, Geheimreden, S. 244.

690. Donald & Joanna Moore, The first 150 years of Singapore (Singapur, 1969), p. 593.
691. Ibid., p. 593.
692. Ibid., p. 594.
693. Ibid., p. 611.
694. R. Cecil, The Myth of the Master Race, p. 135.
695. Ibid., p. 135.
696. Himmlers Ansprache vom 4. Oktober 1943 bei Tagung von SS-Gruppenfuhrern: Ernst Klee & Willi Dressen, *"Gott mit uns". Deutscher Vernichtungskrieg im Osten* (Frankfurt, 1989), S. 223.
697. Ibid., S. 222.
697a. Ibid., S. 9.
698. E. Charles Browne, The Coming of the Great Queen. A narrative of the acquisition of Burma (London, 1888), p. 284.
699. Kathryn Tidrick, Empire and English character (London, 1992), p. 140f, citing Lord Cranworth, Kenya Chronicles (London, 1939), p. 64; W. McGregor Ross, Kenya from Within (London, 1924), p. 114f; Errol Trzebinski, Kenya Pioneer (London, 1985), p. 125; Brief von Dr. G. Strohm (Gesandter, dann Konsul des Deutschen Reiches in Addis Abeba) vom 10. April 1940 — nach Horst Kuhn, Faschistische Kolonialideologie und der zweite Weltkrieg (Berlin Ost, 1962), S. 177—178.
700. *Südwestbote, Organ des Farmerbundes*, VIII, Nr. 38: "Vorschläge zur Abhilfe der Arbeiternot (sic) in Deutsch-Sudwestafrika", angeführt bei Peter Schmitt-Egner, *Kolonialismus und Faschismus ... am deutschen Beispiel* (Giessen, 1975), S. 127.
701. Klee & Dressen, "Gott mit uns". Deutscher Vernichtungskrieg im Osten, S. 34, zitiert Geheimbefehl von General Eugen Müller (zur besonderen Verfügung beim Oberbefehlshaber des Heeres) vom 25. Juli 1941. Vgl. Greenberger, The British image of India. A study in the literature of Imperialism 1880—1920 (Oxford, 1969), p. 58.
702. Hitler, Monologe, S. 62f: 17./18. September 1941.
702a. Ibid., S. 48: 27. Juli 1941.
703. Werner Maser, Das Regime. Alltag in Deutschland 1933—1945 (München, 1983), S. 259.
704. Hitler, Monologe, S. 374f: 29. August 1942.
705. Mangan, Games ethics and Imperialism, p. 29.
706. Mack, Public Schools, p. 181.
707. 8. Gebot der "Zwölf Gebote für das Verhalten der Deutschen im Osten und die Behandlung der Russen": *Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militargerichtshof* (Nürnberg, 1947), Band VIII, S. 28.
708. Himmler, Geheimreden, S. 156.
709. Schreiben von Dr. G. Strohm, Gesandten des Deutschen Reiches, dann Konsul in Aethiopien, vom 10. April 1940 an Dr. Weigelt, Direktor der Deutschen Bank, zitiert in Horst Kuhn, Faschistische Kolonialideologie, S. 178.
710. Basil Williams, Cecil Rhodes. Ubers. von Merilies Mauk (Berlin, 1939), S. 321; Marsch, The Conscience of the Victorian State, p. 173.
711. Alain Cairns (Editors), Prelude to Imperialism, p. 38; R. Baden-Powell, Scouting for Boys (1908), p. 44; V. Kiernan, Lords of Humankind, p. 55.
712. John Morley, Life of Cobden (London, 1903), p. 673.
713. Charles Wentworth, Greater Britain (1894), p. 496.
714. Sir Charles Wentworth Dilke & Spencer Wilkinson, Imperial Defense (Edition of 1897), p. 80.
715. Dilke, Greater Britain, p. 535.

716. V. Kiernan, Lords of Humankind, p. 54.
717. Greenberger, British image of India, p. 49, 51.
718. R, Symonds, The British and their sucessors (London, 1966), p. 125; Lord Hailey, An African survey (London, 1938), p. 258, angefuhrt in Robin Hallett, *Africa since 1875. A modern history* (Ann Arbor, USA, 1974), p. 308.
719. Wilfried Westphal, Geschichte der deutschen Kolonien (München, 1984), S. 272.
720. Hitlers Zweites Buch = Institut für Zeitgescluchte, Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Band VII (1961), S. 165, 166.
721. Edmund Burke, *Works*, Vol. IX (London, 1899), p. 447f, 453, 455, 457: Speech of accusation Warren Hastings, former Governor General of Bengal, dated 16. February 1788.
722. Edmund Burke, "Reflections on the Revolution in France" (1790): Burke, *Writing and Speeces*, Vol. VIII (Oxford, 1989), p. 96.
723. Manfred Henningsen, Vom Nationalstaat zum Empire. Englisches politisches Denken im neunzehnten Jahrhundert (München, 1970), S. 146f.
724. V. Kiernan, Lords of Humankind, p. 47, quotes: Joshu, The Rebelion of 1857 (Delhi, 1957), p. 371ff.
725. John Morley, Life of Cobden, p. 825, 676, 679f.
725a. John A. Hobson, Der Imperialismus (Berlin, 1968), S. 142, 146f; Гобсон Джон. Империализм /пер. В. Беленко. Л.: Прибой. 1927. С. 128, 129.
726. Ibid., S. 133, 139, 141; Wurgaft, The imperial imagination, p. 21.
727. Joseph H. Krumbach (Hrsg.), From Ritter von Epp. Sein Leben für Deutschland (München, 1939), S. 314.
728. Wurgaft, The imperial imagination, p. 21.
729. James Fitzjames Stephen, Liberty, Equality, Fraternity (London, 1874: reprint Cambridge, 1967), p. 70.
729a. Ibid., p. 32.
730. Ibid., p. 219.
731. Ibid., p. 1f.
732. Leslie Stephen, The Life of Sir James Fitzjames Stephen (London, 1895), p. 97; Lord Ronald Shay, The Life of Lord Curzon, Vol. I (London, 1998), p. 20, cited by R. Symonds, Oxford and Empire, p. 36; Flora Annie Steel, Potter's Thumb (London, 1894), p. 16, quoted in: Greenberger, The British image of India, p. 22.
733. James Fitzjames Stephen, Liberty, Equality, Fraternity, p. 14.
734. Ibid., p. 14.
734a. Ibid., pp. 113f.
735. Greenberger, The British image of India, p. 31.
735a. Lord Alfred Milner, Nation and Empire... a Collection of Speeches and Addresses (London, 1913), p. 414.
735b. Christine Bolt, Victorian attitudes to Race (London, 1971), p. 118.
735c. R. MacDonald, Language of Empire, p. 227.
735d. Ibid., p. 249; cf. Tim Jeal, Baden-Powell (New Haven, 2001), p. 249.
736. J. Heiton, The Castes of Edinburgh (Edinburgh, 1859), Chapter xii, cited in: V. Kiernan, Lords of Humankind, p. 43, 72, 47.
737. Basil Williams, *Cecil Rhodes*, p. 321.
738. Flora Annie Steel, Law of the Threshold (London?, 1924), p. 37, quoted in: Betina Parry Delusions, p. 114f.
738a. Daily Mail of 12. November, 1917, quoted in Tania Rose, Aspects of political Censorship 1914—1918 (Hutt, England, 1995), p. 121.
739. Moreton Frewen's letter to St Loe Strachey of 25. July 1918, quoted in G. R. Searle, Corruption in British politics (Oxford, 1987), p. 333—335.

740. Tracy H. Koon, *Believe, Obey, Fight*. Political socialization of youth in Fascist Italy 1922—1943 (Chapel Hill, USA, 1985), p. ix, 32, xvii, 9.
741. Herbert G. Wells, "The New Republic": *Works*, Vol. IV (London, 1924), p. 258; Parry, Delusions, p. 26f.
742. Karl Haushofer, in: Al Carthill, *Verlorene Herrschaft. Wie England Indien aufgab* (Berlin, 1924), S. 9; *Ал. Картхилль*. Потерянная империя: Почему англичане потеряли Индию. Повесть англо-индийского администратора / Пер. Н. Губского и Е. Зубковой под ред. В. Яковлева. [М.]: изд-во М. и С. Сабашниковых. 1925. С. 114.
743. Ibid., S. 206f.
744. Ibid., S. 12.
745. Ibid., S. 10.
746. Hannah Arendt, Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft (Frankfurt, 1955), S. 349.
747. Carthill, Verlorene Herrschaft, S. 63; *Ал. Картхилль*. Потерянная империя: Почему англичане потеряли Индию. Повесть англо-индийского администратора. С. 70.
748. Ibid., S. 141.
749. Ibid., S. 142.
750. Ibid., S. 143.
751. Hermann Schreiber. Land im Osten. Verheissung und Verhangnis der Deutschen (Dusseldorf, 1961), S. 342f.
752. Rex Stevenson, Cultuvators and administrators. British educational policy towards the Malays 1875—1906 (London, 1975), p. 76.
753. Ibid., p. 58, 75, quotes *The Times of Malaya* (Ipoh, Perak) of 9. February 1905, p. 5.
754. Ibid., p. 58, quotes *Perak Annual Report* (1895) without further details.
755. Jochen von Lang, Der Sekretar. Martin Bormann: Der Mann, der Hitler beherrschte (München, 1990), S. 159; Brian Simon, Studies in the history of Education, 1780—1870 (London, 1969), p. 132, quoting R. Brimley Johnson (Editor), Letters of Hannah More (1925), p. 183.
756. Hermann Schreiber, Land Im Osten. Verheissung und Verhangnis, S. 353.
757. Ibid., S. 343, zitiert Generalgouverneur Dr. Hans Frank in der Polizei-Sitzung vom 30. Mai 1940.
758. Internationaler Militargerichtshof, Nürnberg (wie Anm. 707), Band XXII, S. 546.
759. Carthill, Verlorene Herrschaft, S. 146.
760. Ibid., S. 309.
761. Adolf Hitler, Mein Kampf (München, 1936), S. 739ff: Christian Zentner, Hitler, Mein Kampf. Kommentierte Auswahl (München, 1974), S. 32.
762. Carthill, Verlorene Herrschaft, S. 71.
763. Ibid., S. 13.
764. Ibid., S. 117.
765. Ibid., S. 72—73.
766. Ibid., S. 72.
767. R. Knox, in: *Popular Magazine of Anthropology*, I (1866), pp. 24ff, quoted by Christine Bolt, Victorian attitudes to Race, p. 22; Dennis Kincaid, British social life in India (London, 1973), p. xviii.
768. Thomas Babington Macaulay, *Complete Writings*, Band IX (New York, 1898?), S. 308—317, quoted in: Houghton, Victorian frame of mind, S. 55—57.
769. Carthill, Verlorene Herrschaft, S. 108—109.
770. Ibid., S. 110.
771. Ibid., S. 110, 233.

772. Ibid., S. 234.
773. Ibid., S. 237.
774. Ibid., S. 101; C. Robert Leslie Fletcher, An Introductory History of England, Vol. V (London, 1904), p. 418.
775. Carthill, Verlorene Herrschaft, S. 179f.
776. Rudyard Kipling, Something of Myself (London, 1937), pp. 224f; K. Bhaskara Rao, Rudyard Kipling's India (Norman, USA), p. 6.
777. Carthill, S. 219.
778. Ernst Klee & Willi Dressen, "Gott mit uns". Deutscher Vernichtungskrieg im Osten (Frankfurt, 1989), S. 34.
779. Carthill, Verlorene Herrschaft, S. 98; *Ал. Картхилль*. Потерянная империя: Почему англичане потеряли Индию. Повесть англо-индийского администратора. С. 77.
780. Ibid., S. 98; Там же.
781. Ibid., S. 92f; Там же.
782. Ibid., S. 89; Там же.
783. Ibid., S. 88.
784. Hitler, Monologe, S. 96: 19. und 21. Oktober 1941.
785. Carthill, S. 85; K. Tidrick, Empire and the English Character, p. 237.
785a. Otto-Ernst Schüddekopf, Fascism (London, 1973), p. 31.
786. James Drennan, Der britische Faschismus und sein Führer (Berlin, 1934), S. 217.
787. David Baker, Ideology of Obsession, A. K. Chesterton and British Fascism (1996), p. 169; Sir Oswald Mosley, The Greater Britain (London, 1934), p. 20; Richard Thurlow, Fascism in Britain, A history 1918—1985 (Oxford, 1987), p. 249f.
788. Houston Stewart Chamberlain, Lebenswege meines Denkens (München, 1942), S. 29; Geoffrey G. Field, *Houston Stewart Chamberlain: Prophet of Bayreuth* (Ann Arbor, Michigan, USA, 1975: University Microfilm), p. xiii, 3f, 481; Peter Stanley, The White Mutiny... in India (New York, 1998), p. 95.
789. Thurlow, Fascism in Britain, p. 249.
790. Colin Cross, Fascists in Britain (New York, 1961), p. 179.
790a. A. K. Chesterton, Oswald Mosley. Portrait of a leader (London, 1937), p. 168.
791. Richard Griffiths, Fellow-travellers of the Right. British enthusiasts for Nazi Germany (Oxford, 1983), p. 86.
792. Thurlow, Fascism in Britain, p. 5, 249, quotes: D. A. Baker, "A. Chesterton. The making of a British Fascist": Dissertation of the University of Sheffield (1982), p. 268—277, 331—334.
793. Thurlow, Fascism in Britain, p. 278—279.
794. Ibid., p. 253.
795. Ibid., p. 249f.
796. Griffiths, Fellow-travellers of the Right, p. 86.
797. Thurlow, Fascism in Britain, p. 53.
798. Colin Cros, Fascists in Britain, p. 98, 61; T. Kushner and K. Lunn, Traditions of Intolerance... race discourse in Britain (Manchester, 1989), p. 151.
799. Ibid., p. 171f, zitiert William Joyce, National Socialism Now (1937); W. A. Rossignol, "Why try Democracy": *Indian Empire Review* (April, 1933), quoted in G. C. Webber, Ideology of the British Right (London, 1980), p. 130; Rebecca West, The Meaning of Treason (London 1949/2000), pp. 134f.
800. Drennan, Der britische Faschismus, S. 205.
801. Colin Cross, Fascists in Britain, p. 53.
802. Ibid., p. 29; Sir Oswald Mosley, The Greater Britain (London, 1934), p. 146f.

803. Kincaid, British social life in India, p. 317.
803a. *Action* vom 17. September 1936, cited in: Gisela Lebzelter, Political Antisemitism in England 1918—1939 (Oxford, 1978), p. 97.
804. Hannah Arendt, Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft, S. 306f.
805. D. S. Lewis, Mosley, Fascism and British society 1931—1981 (Manchester, 1987), p. 182, quotes: William Joyce, Fascism and India (British Union of Fascists Publication: London, 1935), p. 2.
806. Gisela Lebzelter, "Henry Hamilton Beamish and The Britons", in: Kenneth Lunn & Richard C. Thurlow; *British Fascism, Essays on the radical Right in interwar Britain* (London, 1980), p. 44f, 48f; Thurlow, Fascism in Britain, p. 10, 5.
806a. John Clarke, The Call of the Sword (London, Financial News, 1917), pp. 10—11, 28.
807. *The Times* (London) of 17. October 1917 and 2. July 1918: Colin Holmes, Antisemitism in British society 1876—1939 (London, 1979), p. 139, cited in: G. R. Searle, *Corruption in British Politics 1895—1930* (Oxford, 1987), p. 247—248; Lebzelter, "Henry Hamilton Beamish and The Britons", in: Kenneth Lunn & Richard C. Thurlow; *British Fascism. Essays on the radical Right in interwar Britain* (London, 1980), p. 50.
808. Searle, Corruption in British Politics, p. 336ff, 345.
809. Kenneth Lunn & R, Thurlow, British Fascism. An essay on the radical Right in interwar Britain (London, 1980), p. 42, 10; Lebzelter, "Henry Hamilton Beamish and The Britons", in: Kenneth Lunn & Richard C. Thurlow; ibid, p. 65; Lebzelter, Politial Antisemitism in England 1918—1939 (Oxford, 1978), p. 58, 188, quotes: "Jewry über alles", in: *Hidden Hand*, I, Nr. 3 (April 1920); II, Nr. 3 (April 1921), p. 1.
810. Lebzelter, ibid., p. 52, 54; Colin Cross, Fascists in Britain, p. 120, 125; Barry A. Kosmin, Colonial Careers for marginal fascists. Portrait of Hamilton Beamish: *Wiener Library Bulletin*, XXVII, No. 30/31 (London, 1973/74), pp. 17—18, 22f.
811. Hans Grimm, Heynade und England, S. 103; Thurlow, Fascism in Britain, p. 49.
812. Gisela C. Lebzelter, "Antisemitism — a focal point for the British radical Right": Paul Kennedy & A. Nicholls (Hrsg.), *Nationalist and racialist movements in Britain before 1914* (Oxford, 1981), p. 97, 99.
812a. G. C. Webber, Ideology of the British Right, 1918—1939 (London, 1980), pp. 58, 69.
813. Robert Wilton, in: *The Times* (London) of 8. May 1920, p. 24; Victor Marsden, *The Cause of World Unrest* (London, 1920), p. 190—194, cited in: Norman Cohn, *Histoire d'une myth. La conspiration juive et le Protocoll des Sages de Sion* (Paris, 1967), S. 154f and in Walter Laqueur, Russia and Germany (London, 1965), p. 311—314.
813a. Lebzelter, Political Antisemitism in England 1918—1939 (Oxford, 1978), p. 21, 182 (David Casaroni, "Joynson-Hicks and the radical Right in England after the first World War").
814. *Illustrated Sunday Herald* of 8. February 1920: "Zionism versus Bolshevism", cited in: Lebzelter, "Antisemitism — a focal point for the British radical Right": Paul Kennedy & A. Nicholls (Editor), *Nationalist and racialist movements in Britain before 1914* (Oxford, 1981), p. 99ff; Sherman Kadish, Bolsheviks and British Jews (London, 1992), pp. 135, 140f.
815. Thurlow, Fascism in Britain, S. 25, 49; Wilhelm Dibelius, England, Halbband I (Leipzig, 1929), S. 418.
816. Lebzelter, "Antisemitism — a focal point for the British radical Right": Paul Kennedy & A. Nicholls (Hrsg.), Nationalist and racialist movements in Britain before 1914 (Oxford, 1981), p. 98.
817. Griffiths, Fellow-travellers of the Right, p. 65f.
818. Ibid., p. 61.
819. Arnold Leese, Out of Step (Hollywood, 1951), p. 49; Colin Cross, Fascists in Britain, p. 152; Th. Linehan, British Fascism, 1918—1939. Parties, ideology, culture (Manchester, 2000), pp. 52ff.

820. *Gothic Ripples*, Nr. 96 (14. Januar 1953), p. 4, cited in: John Morell, "Arnold Leese and the Imperial Fascist League. The impact of racial Fascism: Lunn & Thurlow, British Fascism. An essay on the radical Right in interwar Britain (London, 1980), p. 64.
821. *The Fascist*, Nr. 29 (October 1931), p. 1; Nr. 81 (February 1936), p. 1; *Gothic Ripples*; Nr. 13 (21. March 1946), p. 1; Nr. 33 (18. January 1948), p. 1—2, quoted in: Robert Skidelsky, "Reflections on British Fascism": Lunn & Thurlow, *British Fascism. An essay on the radical Right in interwat Britain* (London, 1980), p. 84.
821a. Ibid., p. 70—73, 85 with reference to *The Fascist*, Nr. 31(December 1931); Nr. 67 (Dezember 1934), p. 1; Nr. 84 (May 1936), p. 2.
822. Thurlow, Fascism in Britain, p. 71.
823. Ibid., p. 153.
824. C. M. Trevelyan, History of England, Band I (Garden City, USA, 1952), p. 252; W. R. W. Stephens (Editor), Life and Letters of Edward Freeman, Vol. II (London, 1895), p. 428: Letter from Oxford of 8. February, 1891.
825. Colin Cross, Fascists in Britain, p. 153; Th. Linehan, British Fascism, 1918—1939. p. 54.
826. Arnold Leese, Out of Step (Hollywood, 1951), p. 49.
827. Th. Linehan, British Fascism, 1918—1939, pp. 48f; Roland N. Stromberg, Redemption by War, The intellectuals and 1914 (Lawrence, Kansas, USA, 1982), p. 88; Hanswerner Nachrodt, "Kolonialdichtung und Kolonialpolitische Schulung", in: *Deutscher Kolonialdienst*, Nr. 17 (1937), S. 19ff, angefuhrt bei Horst Kuhn, Faschistische Kolonialideologie und der Zweite Weltkrieg (Berlin Ost, 1962), S. 115; Kipling (wie Anm. 776), S. 138, 154f, 156, 160.
827a. Rudyard Kipling, Something of Myself (London, 1951), pp. 154, 157, 103, 119f, 132; R. Thurston Hopkins, Rudyard Kipling's World (London, 1925), pp. 64f; Harold Orel, "Kipling and Masculinity", in: Raphael Samuel (Editor), Patriotism. Making and unmaking of British national identity, Vol. III (London, 1989), p. 215; Hans Grimm, "Geistige Begegnung mit Rudyard Kipling", in: *Das Innere Reich*, Oktober/Marz 1935/36, S. 1458, 1465.
828. Francis Selwyn, Hitler's Englishman. The crime of Lord Haw-Haw (London, 1987), p. 86—87, 195.
829. Thomas Carlyle, Latter-Day Pamphlets... (1850) (London, 1911), p. 187, 191: "Parliaments".
829a. Selwyn, Hitler's Englishman, p. 91; cf. John Alfred Cole, Lord Haw-Haw and William Joyce (London, 1964), pp. 80, 87.
830. Ernst Nolte, Krise des liberalen Systems un die faschistischen Bewegungen (München, 1968), S. 383.
831. Lunn & Thurlow, British Fascism, p. 42.
832. Martin Allen, 1940. So wollte der Herzog von Windsor den Frieden retten (2001); Griffiths, Fellow-travellers of the Right, p. 241, quotes Robert Bruce Lockhard, *Diary 1915—1938* (London, 1973), entry of 13. July 1933.
833. Colin Cross, Fascists in Britain, p. 165.
834. Ibid., p. 102.
835. James Drennan, Der britische Faschismus und sein Führer, S. 217.
836. Ibid., S. 229f.
837. Thurlow, Fascism in Britain, p. 12; Kushner and Lunn, Traditions of Intolerance, Historical Perspectives on Fascism and Race discourse in Britain (Manchester, 1869), p. 152.
838. Philip Rees, "Changing interpretations of British Fascism", in: Lunn & Thurlow, British Fascism, p. 199, quotes Robert Skidelsky, *Oswald Mosley* (1975).
839. Thurlow, Fascism in Britain, p. 13.

840. Paul Hayes, "The contribution of British intellectuals to Fascism, in: Lunn & Thurlow, *British Fascism*, p. 168—186.
841. Thurlow, Fascism in Britain, p. 20.
842. V. Kiernan, Lords of Humankind in the Imperial Age (London, 1969), p. 325ff.
843. H. R. Knickerbocker, Die Schwarzhemden in England (Berlin, 1934), S. 15; Oswald Mosley, My Life (London, 1968), p. 319.
844. Ernst Nolte, Krise des liberalen Systems, S. 338; Wilhelm Dibelius, England, Halbband I (Leipzig, 1929), S. 418.
845. Colin Cros, Fascists in Britain, p. 96, 117.
846. Ibid., p. 97.
847. Thurlow, p. 51; Rebecca West, Meaning of Treason (London, 1949/2000), pp. 77f.
848. Cf. Mack, Public Schools, p. 404; Carl Peters, Vermachtnis, p. 4.
849. Colin Cross, Fascists in Britain, p. 57f.
850. Ibid., p. 62; Kusher and Lunn, Traditions of Intolerance, pp. 142, 163f, 170; Linehan, pp. 48f.
851. Colin Cross, p. 60.
852. Ibid., p. 59.
853. Ibid., p. 100, 114f, quotes: *The Times* (London) of 9. January 1934.
854. Selwyn, Hitler's Englishman, p. 39.
855. Oswald Mosley, The Greater Britain (London, 1934), p. 27, 51, 53.
855a. Nancy Mitford, Wigs on the Green (1935), quoted in: Colin Cross, Fascists in Britain, p. 177.
856. James Drennan, Der britische Faschismus und sein Führer (Berlin, 1934), S. 229; G. D. H. Cole & M. I. Cole, The Condition of Britain (London, 1937), p. 436.
857. John Stevenson, "The British Union of Fascist, the Metropolitan Police and the public order": Lunn & Thurlow, *British Fascism*, p. 137; Otto-Ernst Schüddekopf, Revolutions of our time: Fascism (New York, 1973), p. 188; R. West, Meaning of Treason, p. 75.
857a. Mike Cronin, The Failure of British Fascism. The far Right and the fight for political recognition (New York, 1996), pp. 30f.
857b. D. Cannadine, Decline and Fall of the British Aristocracy (1999), p. 546.
858. Colin Cross, British Fascists, p. 101.
859. Thurlow, p. 6.
860. James Drennan, Der britische Faschismu, S. 195.
861. Alfred Rosenberg, Grossdeutschland. Traum oder Tragodie. Hrsg. von H. Hartle (München, 1970), S. 80.
862. Ernst Nolte, Die Krise des liberalen Systems, S. 340.
863. Thurlow, Fascism in Berlin, p. 74.
864. Ibid., p. 74.
865. Griffiths, Fellow-travellers of the Right, p. 87—88.
866. Thurlow, Fascism in Britain, p. 51.
867. Ibid., p. 135.
868. Ibid., p. 146.
869. Ibid., p. 276.
870. Ibid., p. 118; Skidelsky, pp. 118, 226, 198f, 461; A. Marwick, The Home Front... and the Second World War (London, 1976), pp. 36f; David Baker, Ideology of Obsession. A. K. Chesterton and British Fascism (1996), p. 193; Richard Griffiths, Patriotism perverted. Captain Ramsay, the Right Club and British Antisemitism, 1939—1940 (London, 1998), pp. 113f, 207.
871. Thurlow, Fascism in Britain, p. 249.
872. A. K. Chesterton, *Mosley. Geschichte und Programm des britischen Faschismus* (Leipzig, 1937), S. 29.

873. Oswald Mosley, The Greater Britain (London, 1934), p. 20; R. Skidelsky, p. 455.
874. A. K. Chesterton, Mosley. Geschichte und Programm des britischen Faschismus (Leipzig, 1937), S. 258; James Drennan, Der britische Faschismus und sein Führer (Berlin, 1937), S. 10f, 219.
875. Colin Cross, Fascists in Britain, p. 189.
876. Mosley, The Greater Britain, p. xi.
877. Lebzelter, Political Antisemitism in England 1918—1939 (Oxford, 1978), p. 108.
878. Colin Cross, Fascists in Britain, p. 167.
879. Colin Cross, S. 15, 99, 130ff.
879a. Richard Thurlow, Fascism in Britain (New York, 1987); Lebzelter, Political Antisemitism in England 1918—1939 (Oxford, 1978), p. 117f, 121f, 128, 131, 135 with reference to Record of sessions of House of Commons of 10. July and 26. November 1936: Hansard, 5th Series, CCCXIV, 15—75 und CCCXVIII, 640; N. C. Macnamara, Origin and character of the British People (London, 1900), p. 231f; R. West, Meaning of Treason, p. 68f; K. Ewing and C. Gearty, The Struggle for Civil Libertees... in Britain (New York, 2000), pp. 35, 173, 275f, 299, 301, 329.
880. Colin Cross, pp. 15, 99, 130ff.
881. Sir Oswald Mosley, My life (London, 1968), p. 388, 396.
882. W. Mock, "The function of Race in Imperialist ideology. The example of Joseph Chamberlain", in: P. Kennedy & A. Nicholls (Editor), *Nationalist and racialist movements in Britain before 1914* (Oxford, 1981), p. 193.
882a. G. R. Searle, The Quest for National Efficiency (Oxford, 1971), p. 95.
883. Robert Skidelsky, Oswald Mosley (London, 1935), pp. 45, 658f; Skidelsky, Fascism (London, 1973), without page reference, cited in: Philip Rees, "Changing interpretations of British Fascism", in: Lunn & Thurlow, British Fascism, p. 199.
884. D. S. Lewis, Illusion of grandeur. Mosley, Fascism and British society (Manchester, 1987), p. 200f, quotes: *Action* of 25. March 1939, S. 1; Cross, Fascists in Britain, p. 182f.
885. Oswald Mosley, The Greater Britain, p. 152f; Mosley, My Life (London, 1968), p. 364f.
886. Mosley, My Life, p. 394.
887. Gollin, Proconsul, pp. 538f, 550f, 557; J. Drennan (Pseudonym von W. E. D. Allen), "Why not Drang nach Osten?": *British Union of Fascists Quarterly*, I, Nr. 4 (Oktober-Dezember 1938), p. 16—27, quoted in: D. S. Lewis, S. 186; Mosley, The Greater Britain, p. 152f; Hans Grimm, Englische Rede, Wie ich den Engländer sehe (Gütersloh, 1938), S. 17; Oswald Mosley, The Greater Britain, pp. 152f.
887a. Mike Cronin, Failure of British Fascism, The far Right and the fight for political recognition (New York, 1996), p. 8.
888. Drennan (wie Anm. 786), S. 226; Jan Colvin, Vansittart in Office, A Historical survey of the origins of the second World War based on the papers of... Vansittart (London, 1965), p. 273, 285: quotation from Sir Horace Wilson; J. R. M. Butler, *Lord Lothian (Philip Kerr) 1882—1940* (London, 1960), p. 360.
889. Ibid., p. 76, 235.
890. Ibid., p. vi, 236, 128; Werner Maser, Das Regime (München, 1983), S. 407.
891. Thomas Jones, A Diary with Letters 1931—1950 (Oxford, 1954), p. 231: entry of 27. July 1936.
892. J. R. M. Butler, *Lord Lothian*, p. 352: Communication of Hjalmar Schacht vom 5. Mai 1937; Gollin, pp. 550f.
893. Hans-Christoph Schroder, Imperialismus und antidemokratisches Denken. Alfred Milners Kritik am politischen System Englands (Wiesbaden, 1978), S. 66, 70—73; Walter Nimocks, Milner's Young Men (London, 1968), p. ix; Jonathan Rutherford, Forever England (1997), p. 77; Margaret George, Warped Vision. British foreign policy 1933—

1939 (Pittsburgh, USA, 1965), p. 217, 139f, 142, 538ff; William R. Rock, British Appeasement in the 1930"s (London, 1977), p. 65; Robert Shepherd, A Class divided. Appeasement and the Road to Munich, 1938 (London, 1988), p. 22.

894. R. D. Warth, The Allies and the Russian Revolution (Cambridge, 1954), pp. 94, 104, 14; Alexander Kerenski, Die Kerenski Memoiren (Wien, 1966), S. 365f, 408, 418f.

894a. J. R. M. Butler, *Lord Lothian*, S. 250f; *The Round Table*, XXV, No 98 (1935), pp. 283, 297f, cited in Rutherford, Forever England, p. 98; R. Shepherd, p. 25; Gollin, Proconsul, pp. 42, 606.

894b. Margaret George, Warped Vision. British foreign policy 1933—1939 (Pittsburgh, USA, 1965), pp. 217, 139f, 142; James Drennan, Der britische Faschismus. BUF und sein Führer (Berlin, 1937), S. 238f; A. M. Gollin, Proconsul in Politics. A study of Lord Milner (London, 1964), pp. 216f, 220, 601; K. Tidrick, Empire and the English Character (London, 1992), pp. 271f, 231, quoting Milner's "Credo": *The Times* (London) of 27. July 1925.

894c. Gollin, Proconsul, pp. 573, 523, 525, 561, 564, 568, 345, 373.

895. Dietrich Aigner, Das Ringen um England. Das deutsch-britische Verhaltnis 1933—1939 (München, 1969), S. 59, 56, 57, zitiert auch *Das Schwarze Kords*, Nr. 3 vom 16. Januar 1936, S. 7; George, Warped Vision. British foreign policy 1933—1939 (Pittsburgh, USA, 1965), p. 28f; Walter Schellenberg, Invasion 1940. The Nazi Invasion Plan for Britain (London, 2000), pp. 27, 144: The Gestapo Handbook for... Britain.

895a. Marquess of Londonderry, Ourselves and Germany (London, 1938), p. 111, 166; Londonderry, England blickt auf Deutschland. Um deutsch-englische Verstandigung (Essen, 1938), S. 4f; Colin Cross, Fascists in Britain (New York, 1961), p. 141.

896. John Baker-White, Dover-Nurnberg (London, 1937), p. 28, 31f, 70f, 72, 74.

897. Linehan, p. 45; Graham Wooton, The official History of the British Legion (London, 1956), p. 195, in: Richard Griffiths (as reference 791), p. 130.

898. D. Aigner, Das Ringen um England, S. 83; vgl. G. Ward Price, Extra Special Correspondent (1957), p. 222 und Hans Thost, Als Nationalsozialist in England (München, 1939), S. 200, 309f.

899. Sir Barry Domville, By and Large (London, 1936), p. 236f, 240, 243, 245ff.

900. Marquess Londonderry, Ourselves and Germany (Harmondsworth, 1938), p. 97, 157, 73; Middlesmas & Barnes, *Stanley Baldwin* (London, 1969), p. 805 in: Maurice Cowling, The impact of Hitler. British politics and policies 1933—1940 (Chicago, 1977), p. 127; Richard Griffiths, Fellow Travellers of the Right British enthusiasts for Nazi Germany (Oxford, 1983), p. 140f.

900a. Aigner, Ringen um England, S. 56.

901. Margaret George, Warped Vision, pp. 223f; cf. Walter Darré, Neuadel aus Blut und Boden (München, 1930), S. 133, 218f and G. E. Watson, The English Ideology (London, 1976), p. 201 as well as R. Symonds, Oxford and Empire, p. 11; R. Shepherd, p. 18; Drennan, Der britische Faschismus, S. 78f.

901A. Cannadine, p. 697.

901a. A. K. Chesterton, Mosley. Geschichte und Programm des britischen Faschismus (Leipzig, 1937), S. 78f; cf. Wilson Knight, Christ and Nietzsche (London, 1948), p. 209, quoted in David Baker, The Ideology of Obsession. A. K. Chesterton and British Fascism (London, 1996), p. 102.

901b. R. Shepherd, p. 274; Speech of Herbert Morrison of 22. February, 1938: *Parliamentary Debates. House of Commons, Vol. CCCXXXII*, Col. 303f, qouted in B. J. Wendt, München, 1938. England zwischen Hitler und Preussen (Frankfurt, 1965), S. 113, 143; Simon Haxey, England's Money Lords (1939).

901c. R. Symonds, Oxford and Empire (London, 1991), p. 10f; cf. Keith Feiling, Life of Neville Chamberlain (London, 1947), p. 406; Robert Shepherd, pp. 106, 176f, 205f, 245f.

902. Adolf Hitler, Monologe im Fuhrerhauptquartier, S. 193: 10. Januar 1942.

903. Thomas Carlyle, "The Nigger Question" (1849): Carlyle, *Miscellaneous Essays*, Vol. IV (London, 1899), p. 374, 381.
904. H. Thost, Als Nationalsozialist in England (München, 1939), S. 323f, 240f; Hermann Rauschning. Die Revolution des Nihilismus, Kulisse und Wirklichkeit im Dritten Reich (Zürich, 1938), S. 372.
905. Ibid., S. 382f; Rauschning, Gesprache mit Hitler (Zürich, 1940), S. 44; Раушнинг. С. 47.
906. Allen Greenberger, British Image of India, p. 60.
907. K. Tidreck, Empire and English Character, p. 246; cf. Scott Newton, Profits of Peace. Political economy of Anglo-German Appeasement (Oxford, 1996), pp. 168, 152; Ivonne Kirkpatrick, The Inner Circle. Memoirs (London, 1959), p. 97; Wahrhold Drascher, Die Vorherrschaft der Weissen Rasse (Berlin, 1936), S. 373, 222.
908. Ibid., S. 153, 375, 379, 221, 343, 345.
909. Dr. Johann von Leers, Die Deutschen — Kolonialpioniere Europas (Stuttgart, 1937), S. 76, 72.
910. Marquess Londonderry, Ourselves and Germany (1938), p. 80.
911. John Toland, Adolf Hitler (Bergisch Gladbach, 1977), S. 499.
912. Thurlow, Fascism in Britain (London, 1980), p. 165.
913. Fred Winterbotham, Secret and Personal (London, 1969), S. 38—39; Winterbotham, The Nazi Connection, S. 93 nach Griffiths (as note 791), p. 119f, 176; R. Cecil, The Myth of the Master Race (London, 1972), p. 176; Margaret George (as note 893), p. 180; J. Wheeler-Bennet, King George VI (Toronto, 1958), p. 346.
914. Hans Grimm, Heynade und England. Eine deutsch-englische Familiengeschichte 1880—1923 (Lippoldsberg, 1969), Buch I, S. 351.
915. Ibid., Buch III, S. 164; Buch I, S. 191, 13.
916. Hans Grimm, Englische Rede. Wie ich den Engländer sehe (1938), S. 18f, 7f.
917. L. Amery, My political Life, Vol. III (1953), p. 247; Bernd Martin, Friedensinitiativen und Machtpolitik im Zweiten Weltkrieg, S. 507; Alfred Rosenberg, Der Mythus des Zwangzigsten Jahrhunderts. Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkampfe unserer Zeit (München, 1943), S. 666.
918. Ibid., S. 660, 663.
919. Ibid., S. 676.
920. Ibid., S. 656, 657.
921. Adolf Hitler, Mein Kampf (1941), S. 743.
922. Adolf Hitler, Mein Kampf (München, 1941), S. 154.
923. Valentin *Falin*, Die Zweite Front. Die Interessenkonflikte in der Anti-Hitler-Koalition (München, 1995), S. 38.
924. Memorandum Undersecretary of State Olme G. Sargent of the Foreign Office of 17. February 1935: Documents of British Foreign Policy 1919—1939, Series 2, Vol. XII (London, 1972), p. 501f.
925. Maurice Cowling, The Impact of Hitler. British politics and policies 1933—1940 (Chicago, 1977), p. 126.
926. Joseph Chamberlain in Birmingham 1898 and in Leicester 1903 in Lean Poliakov, The Aryan Myth, A history of racist and nationalist ideas in Europe (London, 1971), p. 190, 377.
927. Robert Cecil, The Myth of the Master Race (London, 1972), p. 185; Ernst Nolte, Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen, S. 332, 203.
928. Rudolf Hess, Briefe 1908—1933. Hrsg. von Wolf Rüdiger Hess (München, 1987), S. 38.
929. Hans Lutzhoft, Der Nordische Gedanke in Deutschland 1900—1940 (Kiel, 1971), S. 372.

930. Robert Cecil, The Myth of the Master Race, p. 54, 168; Adolf Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928 = Institut für Zeitgeschichte, *Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte*, Band VII (Stuttgart, 1961), S. 2.
931. Cecil, Myth of the Master Race, p. 162, 167.
932. Alfred Rosenberg. Der Mythus des Zwanzigsten Jahrhundert, S. 675.
933. Ibid., S. 671—672.
934. Richard Griffiths, Fellow Travellers of the Right. British enthusiasts for Nazi Germany, 1933—1939 (Oxford, 1983), p. 313.
935. Franz Schonauer, Deutsche Literatur im Dritten Reich. Versuch einer Darstellung (Freiburg im Breisgau, 1961), S. 48.
936. Hans Grimm, Heynade und England. Eine deutsch-englische Familiengeschichte 1880—1923 (Lippoldsberg, 1969), Buch I, S. 204, 292; Griffiths, p. 317, 320.
936a. Gerwin Strobl. The Germanic Isle. Nazi perceptions of Britain, p. 82.
936b. Sarvepalli Gopal, Jawaharlal Nehru. A Biography. Vol. I (London, 1975), p. 232, quoting *National Herald* of 24. January, 1939.
936c. R. Griffiths, Fellow Travellers of the Right, p. 320.
937. Ibid., p. 321; Earl of Portsmouth, Gerald Wallop, A Knot of Roots (New York, 1965), pp. 127, 128, 131f; Fergal Keane, "Save us from our friends... Aung San's murder": *The Manchester Guardian* of 19. July, 1997.
938. Cowling (wle Anm. 925), S. 239.
939. Hitler, Monologe, S. 466.
940. David Pryce-Jones, Unity Mitford. A Quest (1976), pp. 232, 235; Griffiths, p. 173f.
941. Randall Bytwerk, Julius Streicher (wie Anm. 50), S. 35.
942. *Saturday Review* of 20. and 6. June 1936 in Griffiths, p. 234.
943. Robert Bruce Lockhart, *Diary*. Edited by yon Kenneth Young (London, 1973), entry of 14. September 1934, in Griffiths, p. 169.
944. Griffiths, p. 225; David Pryce-Jones, Unity Mitford. A Quest (1976), p. 110.
945. Hans Adolf Jacobsen, Nationalsozialistische Aussenpolitik 1933—1938 (Frankfurt, 1968), S. 334.
946. Thost, Als Nationalsozialist in England (München, 1939), S. 222, 17; Cowling, p. 118, 119, 157.
947. Cowling, p. 120f.
948. Cowling, p. 122, 135; cf. B. Semmel, Imperialism and Social Reform, p. 256.
949. H. Frankel & R. Manvell, Hermann Goering (Hannover, 1964), S. 171.
950. Cowling, p. 166, 162.
951. Cowling, p. 284—285; cf. Josef Henke, England in Hitlers politischem Kalkül (1973), p. 14; Martin Thomas, Britain, France and Appeasement (Oxford, 1956), pp. 91f; Robert Rhodes James (Editor), Chips: The Diaries of Sir Henry Channon (London, 1967), p. 198: 11. May 1939.
952. *English Review* of September 1936, p. 204 in Griffiths, p. 233.
952a. Enrique Moradiellos, La perfidia de Albion. El gobierno britanico y la guerra civil española (Madrid, 1996), p. 201.
953. Cowling, p. 275, 273.
954. Cowling, p. 263, 281.
955. Cowling, p. 160—162, 274—275.
955a. On Wilson-Knight cf. James Anthony Froude, cited by Hans Galinsky, "Sendungsbewusstsein der politischen Führungsschicht im heutigen Britentum": Anglia, Zeitschrift für englische Philologie, Vol. LXIV (Halle, 1940), S. 319; F. Brie, Imperialistische Strömungen in der englischen Literatur (Halle, 1928), S. 128.
956. Cowling, p. 266, 125, 376.

956a. Keith Middlemas, The Strategy of Appeasement. The British Government and Germany 1937—1939 (Chicago, 1972), p. 100: Parliamentary Debates, Fifth Series, Vol. 332 in House of Commons, February, 1938, *Hansard* (London, 1938), Col. 227.

957. Cowling, p. 126, 269—270; J. A. Cromb, Reflections on Destiny of Imperia Britain (London, 1900), p. 209.

958. Cowling, p. 162, 169; T. Kushner & K. Lunn, Traditions of Intolerance... Fascist and racist discourse in Britain (Manchester, 1989), p. 183; Domville Diaries of 12. November, 1939; cf. Gaines Post, Dilemmas of Appessement (Ithaca, USA, 1993), p. 60 and Douglas Little, Malevolent Neutrality (Ithaca, USA, 1985), p. 43.

959. Transatlantisches Ferngesprach mit Professor Dr. Hans-Adolf Jacobson vom 8. Mai 1996; Jan Colvin, The Chamberlain Cabinet. How the meetings ... led to the Second World War (London, 1971), p. 266, 260; L. Amery, My political Life (London, 1955), Vol. III, p. 309; Carrelli Barnett, The Collapse of British Power (1997), p. 573; R. Cockett, Twilight of Truth (London, 1989), p. 83, 82, 189, 188.

960. Ivonne Kirkpatrick, Inner Circle (London, 1957), p. 195; Margaret *George*, Warped Vision. British foreign policy 1933—1939 (Pittsburgh, USA, 1965), p. 199; William Rock, British Appeasement in the 1930's (London, 1977), p. 28, 67, 89f.

960a. Erich Kordt, Nicht aus den Akten. Die Wilhelmstrasse in Frieden und Krieg. Erlebnisse, Begegnungen und Eindrücke 1928—1945 (Stuttgart, 1950), S. 248; internationale Militärgerichtshof, IV, S. 466: Jodl; Meehan, Unnecessary War, p. 135.

960b. Winston Churchill, The Second World War, I: The Gathering Storm (London, 1950), pp. 281f, 286, 301f; Robert Caputi, Neville Chamberlain and Appeasement (London, 2000), p. 50; Andrew Rothstein, The Munich Conspiracy (London, 1958), p. 194f; Jan Colvin, The Chamberlain Cabinet. How the meetings ... led to the Second World War (London, 1971), p. 269; L. S. Amery, My political Life (London, 1955), Vol. III, p. 288f; cf G. Jukes, "The Red Army and the Munich Crisis": *Journal of Contemporary History*, Vol. XXVI, pp.202, 203.

960c. Hitler, Zweites Buch (wie Anm. 3), S. 147.

960d. Albert Sneer, Erinnerungen (Frankfurt, 1969), S. 125.

960e. Nuerenberg Trial of the Major War Criminals, XI, S. 2: Rothstein, p. 198; Patricia Meehan, p. 134.

960f. Heinz Drummel, Vom Anschluss zum Krieg (Wien, 1989), S. 263.

960g. Siegfried Westphal, Heer in Fesseln. Aus Papieren des Stabschefs von Rommel, Kesselring und Runstedt (Bonn, 1950), S. 73f; Rothstein, S. 201; Kimche, The Unfought Battle (London, 1968), S. 29; Robert Caputi, Neville Chamberlain and Appeasement (London, 2000), p. 210.

960h. Nuerenberg Trial (...), XV, p. 320, 368f in: Rothstein, S. 195.

960i. W., Jaksch, Der Weg nach Potsdam (Stuttgart, 1958), S. 317.

961. John A. Lucacs, The Great Powers and Eastern Europe (New York, 1953), p. 172—189; William Rock, British Appeasement in the 1930's (London, 1977), p. 19; Andrew Rothstein, The Munich Conspiracy (London, 1958), p. 201, 249; Richard Overy, Russia's War (New York, 1977), p. 61, citing G. Jukes, "The Red Army and the Munich Criss": *Journal of Contemporary History*, Vol. XXVI, pp. 196—198; Patricia Meehan, The Unnecessary War, pp. 174f.

962. H. R. W. Seton-Watson, Munich and the Dictators (London, 1939), p. 139, 88f, 91—94; M. J. Carley, 1939: The Alliance that never was, p. 209.

963. Akten zur deutschen auswartigen Politik. Serie D, Bd. VIII, Erster Teil (Frankfurt, 1961), S. 715. Vgl. ibid., Bd. II (Baden-Baden, 1950), S. 292: Dokument 227 vom 31. Mai 1938; H. R. W. Seton-Watson, Munich and the Dictators, p. 69.

963a. M. Cowling, The Impact of Hitler, p. 181; Rock, British Appeasement, p. 7, 69 (with reference to Middlemas, Diplomacy of Illusion, London, 1972, pp. 211ff); Colvin, The Chamberlain Cabinet, p. 269; Carrelli Barnett, The Collapse of British Power (1997), p. 544; Yvon Lacaze, La France et Munich... processus decesionnel (Bern, 1992), pp. 149, 153f, 206, 230—233, 412—417; L. Amery, My Political Life, Vol. III (1995), p. 269; C. Leibowitz and A. Frankel, The Chamberlain-Hitler Collusion (Halifax, Canada, 1997), p. 174, quoting F. S. Northhedge, The Troubled Giant (New York, 1996), p. 535.

964. Boris Celovsky, Das Münchner Abkommen (Stuttgart, 1958), S. 25, 34; A. L. Rowse, Appeasement. A study in political decline 1933—1939 (New York, 1961), p. 67; William Rock, Chamberlain and Roosevelt. British Foreign Policy and the United States, 1937—1940 (Columbus, Ohio, 1988), pp. 58, 64, 60, 68, 69, quoting Lord Templewood (Sir Samuel Hoare), Nine Troubled Years (London, 1954), pp. 263—271; R. Caputi, Neville Chamberlain and Appeasement, pp. 59f; Ian Colvin, The Chamberlain Cabinet, p. 84; P. Neville, Appeasing Hitler. The Diplomacy of Sir Nevile Henderson (2000), p. 54; R. Shepherd, A Class divided, p. 152.

965. Cabinet Papers. The Minutes, Conclusions and Confidential Annexes in the Public Record Office, Cab/23/83, p. 82 in: Valentin Falin, Die Zweite Front. Die Interessenkonflikte in der Anti-Hitler- Koalition (München, 1995), S. 46, 55.

966. H. R. W. Seton Watson, S. 161.

967. R. Caputi, p. 55, quoting the Boston edition of Winston Churchill, The Gathering Storm, pp. 344, 347; Andrew Rothstein, The Munich Conspiracy (London, 1958), p. 267.

968. *The Quarterly Gazette of the English Array* vom Oktober 1938, in: R. Griffiths, Fellow-Travellers of the Right, p. 322f.

969. R. Thurlow, Fascism in Britain, p. 167.

970. G. Lebzelter, Political Anti-Semitism in England, p. 101; R. Skidelsky, Oswald Mosley (London, 1975), p. 453; R. Griffiths, Patriotism perverted, pp. 68f.

971. *Action* of 24. September 1938, p. 10 in: D. S. Lewis, ... Mosley, Fascism and British Society, p. 198; Captain Maule Ramsay, The Nameless War (Berkshire, 1992), p. 89; 5 and cover of book; John Costello, Ten days that saved the West (1991), pp. 114, 117; R. Griffiths, Patriotism perverted. Captain Ramsay, The Right Club (London, 1998).

972. James Forrestal, The Forrestal Diaries, The inner history of the Cold War. Edited by Walter Mills (London, 1952), p. 129; R. Griffiths, Patriotism perverted, pp. 210, 211.

973. Ramsay, p. 70f, 112f, 119f; Hitler, Monologe, S. 470, Fussnote 97; D. Aigner, Ringen um England (München, 1969), S. 125f; Lebzelter, p. 186: A. J. P. Taylor, Beaverbrook (London, 1975), p. 387; SS-General Walter Schellenberg, Invasion 1940. The Nazi Plan for Britain (London, 2000), p. 164: Gestapo Handbook: The Special Wanted List, Item 65.

974. J. Lukacs, The Great Powers and Eastern Europe, p. 147.

975. Lothar Kettenacker, "Der national-konservative Widerstand aus englischer Sicht": J. Schmodeke & P. Steinbruch (Hrsg.), *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die Deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler* (München, 1986), S. 115; Keith Feiling, Life of Neville Chamberlain (London, 1947), pp. 344, 345; R. Shepherd, A Class divided, p. 165; Gordon Craig and F. Gilbert (Editors), The Diplomats, 1919—1939 (Princeton, 1953), p. 553.

976. Cowling, The Impact of Hitler, p. 286; P. Neville, Appeasing Hitler. The diplomacy of Sir Nevile Henderson (New York, 2000), pp. 4, ix, xi, 159, 163; Margaret George, The Warped Vision, p. 181; Aufzeichnung über Unterredung Neville Chamberlains mit Hitler auf dem Obersalzberg (15. September 1938): Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie D, Bd. II (Baden-Baden, 1950), S. 629: Dokument 487.

977. Margaret *George*, Warped Vision, p. 181f.

978. Klemens von Klemperer, Die verlassenen Verschwörer. Der deutsche Widerstand auf der Suche nach Verbündeten 1938—1945 (Berlin, 1994), S. 84, 98.

979. Kettenacker, S. 715.
980. Lukacs, S. 153; Patricia Meehan, pp. 143, 144.
981. B. J. Wendt, München 1938. England zwischen Hitler und Preussen (Frankfurt, 1965), S. 36, 30; vgl. Jan Colvin, Vansittart in Office, A Historical survey of the origins of the second World War based on the papers of ... Vansittart (London, 1965), p. 235; Jan Colvin, Chief of Intelligence (London, 1951), p. 65; Colvin, The Chamberlain Cabinet (as reference 960b), p. 163, 270.
982. Ludwig Beck, Denkschrift an den Oberbefehlshaber des Heeres über die militarische Aussichtslosigkeit eines Krieges gegen die Tschechoslowakei vom 16. Juli 1938 nach Klaus-Jurgen Müller, *General Ludwig Beck. Studien und Dokumente zur politichen Begriffswelt ... des deutschen Generalstabschefs* (Boppard am Rhein, 1980), S. 544; Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie D, Bd. II, S. 528, 334: Dokumente 409 und 259 vom 30. August 1938 und 20. Juni 1938; Erich Kordt, Nicht aus den Akten. Die Wilhelmstrasse in Frieden und Krieg. Erlebnisse, Begegnungen und Eindrucke 1928—1945 (Stuttgart, 1950), S. 249.
983. Klaus Hildebrand, Deutsche Aussenpolitik ... 1871—1945 (1995), S. 654f; Thomas Jones, Diaries and Letters (Oxford, 1954), p. 441; Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof (Nürnberg, 1947), Band XIII, S. 236. Vgl. L. Amery, My Political Life, III, pp. 288f und Carrelli Barnett, The Collapse of British Power (1997), pp. 522f.
983a. Peter Hoffmann, Widerstand, Staatsstreich, Attentat (München, 1979), S. 125; Patricia Meehan, The Unnecessary War. Whitehall and the German Resistance to Hitler (London, 1992), p. 150f.
983b. Erich Kordt, Nicht aus den Akten. Die Wilhelmstrasse in Frieden und Krieg. Erlebnisse, Begegnungen und Eindrucke 1928—1945 (Stuttgart, 1950), S. 278.
983c. Wendt, S. 38.
984. Wendt, S. 129, 31, 289, 38, 104, 70, 72.
985. Wenzel Jaksch, Europas Weg nach Potsdam. Schuld und Schicksal im Donauraum (Stuttgart, 1958), S. 317, nach einem Bericht, den Otto Strasser in Kreise der Präsidentschaft der Tschechoslowakei weiterleitete; Internationaler Militärgerichrshof (wie Anm. 983b), S. 235, 247 (Gisevius); Vgl. Hjalmar Schacht, Sechsundsiebzig Jahre meines Lebens (Worishofen, 1953), S. 491.
986. Klemperer, S. 104; Peter Hoffmann, Widerstand, Staatsstreich, Attentat (München, 1979), S. 119, 122, 125.
987. Internationaler Militärgerichrshof, XII, S. 241; Hans Berndt Gisevius, Bis zum bitteren Ende, Band II (Hamburg, 1947), S. 56.
988. Ibid., II, S. 63f; W. Shirer, Rise and Fall of the Third Reich (London, 1972), p. 399.
989. Jaksch, S. 311, 313, 314.
989a. Internationaler Militärgerichtshof, Nürnberg, Bd. XII, S. 234; Aussage von Gisevius; L. Amery, My Political Life, III, p. 273.
990. Heinz Boberach (Hrsg.), Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945, Band II — Jahreslage-Berichte für 1938 des Sicherheitshauptamtes (o. O., 1984), S. 72, 73.
991. Regierungspräsidium Oberbayern, 10. November 1938; Regierungspräsidium Mainfranken für Oktober 1938: Militärarchiv, Abt. II, 106 671 und 106 681, zitiert nach Marlies G. Steinert, *Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmungen und Haltungen der deutschen Bevölkerung im zweiten Weltkrieg* (Düsseldorf, 1976), S. 79.
992. Neue Zürcher Zeitung vom 22. September 1938 (Abendausgabe Nr. 1672), Blatt 5, Spalte 2.
993. Steinert, S. 79; Internationaler Militärgerichrshof, XII, S. 236.

994. Drimmerl, Vom Anschluss zum Krieg, S. 137.
994a. Fritz Hesse, Hitler and the English (Wingate, 1954), p. 61f.
994b. *Daily Worker* of 13/14. September, 1945, quoted by Patricia Meehan, The Unnecessary War. Whitehall and the German Resistance to Hitler, p. 42.
995. Himmlers Rede vom 8. November 1938 vor SS-Gruppenführern. In Besprechung im Führerheim der SS-Standarte "Deutschland": Heinrich Himmler, Geheimreden (wie Anm. I), S. 48.
996. Ibid., S. 112 (Rede vom 8. November 1937 vor SS-Gruppenführern), S. 293.
997. Wendt, S. 104ff, 144; J. Colvin, The Chamberlain Cabinet (as reference 960b), p. 164, 167.
998. Gisevius, II, S. 76.
999. Documents of British Foreign Policy, Series III, Vol. II (London, 1949), p. 685; Klemperer, S. 108; Jan Colvin, in: *Sunday Express* vom 8. November 1953 nach H. Sundermann, Alter Feind, was nun? (Leoni am Starnberger See, 1955), S. 115f.
1000. Friedrich Krause (Hrsg.), Dokumente des anderen Deutschland (New York, 1945), S. 58: Karl Goerdelers politisches Testament.
1001. Wendt, S. 115.
1002. Werner Maser, Das Regime. Alltag in Deutschland 1933—1945 (München, 1987), S. 431.
1003. Klemperer, S. 106.
1003a. Scott Newton, Profits of Peace. Political Economy of Appeasement (Oxford, 1996), p. 202f; L. Amery, My Political Life, III (1955), p. 299.
1003b. M. J. Carley, 1939: The Alliance that never was (Chicago, 1999), p. 84, quoting John Harvey, Diplomatic Diaries (1970), p. 222.
1003c. William R. Rock, Chamberlain and Roosevelt. British Foreign Policy and the United States 1937—1940 (1988), p. 77.
1004. Hildebrand, S. 663.
1005. Edward Mack, The Public Schools and British opinion since 1860 ... The evolution of an English institution (New York, 1973), pp. 425, 461.
1005a. A. I. Rowse, Appeasement. A study in political decline, pp. 114ff.
1005b. T. C. Worsley, Barbarians and Philistines. Democracy and the Public Schools (London, 1940), pp. 11, 15, 153, 204, 273.
1005c. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie D, Bd. IV (Baden-Baden, 1951), Dokument 260 vom 31. Oktober 1938; A. I. Rowse, p. 106; Hugh Dalton, The Fateful Years 1931—1945 (London, 1957), p. 277, quoted by M. G. Gilbert and R. Gott, The Appeasers (1963), p. 344.
1006. Andrew Rothstein, The Munich Conspiracy (London, 1958), p. 201; M. J. Carley, 1939: The alliance that never was (Chicago, 1999), p. 63.
1007. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie D, Bd. IV (Baden-Baden, 1951), S. 317 (Dokument 287, Botschaftsbericht aus London vom 4. Januar 1939); Valentin Falin, Die Zweite Front (München, 1995), S. 523; Cowling, p. 12; Peter Neville, Appeasing Hitler. The diplomacy of Sir Nevile Henderson, 1937—1939 (New York, 2000), p. 133; *Documents of British Foreign Policy*, Series III, Vol. IV (1951), p. 214: Sir Nevile Henderson's Letter to Lord Halifax of 9 March, 1939; Donald Lammers, "From Whitehall after Munich. The Foreign Office and the future course of British policy": *The Historical Journal*, XVI (1973), p. 845.
1007a. Carley, pp. 128, 171, 197.
1008. *Akten zur deutschen auswärtigen Politik*, Serie D, Bd. VI (1956), S. 241, 247: Dokumente 233, 239 vom 19. und 21. April 1939; Jan Colvin, The Chamberlain Cabinet, p. 194, 199f, 203; Walter Hofer, Die Entfesselung des zweiten Weltkriegs. Eine Studie über Internationale Beziehungen im Sommer 1939 (Stuttgart, 1955), S. 21, cf. Rock, British Appeasement in the 1930"s (1977), p. 94.

1008a. Carley, 1939. The alliance that never was, p. 131, Fn. 38: Communication of Laurence Collier to William Strang of 28. April, 1939.
1008b. Carrelli Barnett, The collapse of British Power (1997), p. 572.
1009. P. von Lettow-Vorbeck (wie Anm. 64), S. 220.
1010. Falin, S. 144.
1011. Falin, S. 112.
1012. Günther W. Gellermann, Geheime Wege zum Frieden mit England (Bonn, 1995), S. 28; Francis R. Nicosia, Hitler und der Zionismus (Leoni, 1989), S. 132.
1013. Falin, S. 114.
1013a. John Kimche, The Unfought Battle (London, 1968), p. 104.
1013b. Franz Halder, Kriegstagebuch, I (Stuttgart, 1962), S. 151: Eintragung vom 15. August 1939; Paul Addison, in: *American Historical Review*, Vol. CIV, No 5 (December, 1999), p. 1758.
1013c. Colvin, Vansittart in Office, p. 331.
1013d. J. R. M. Butler (Hrsg.), Grand Strategy, Vol. II (London, 1957), p. 11; John Kimche, The Unfought Battle (London, 1968), p. 52.
1013e. J. R. M. Butler, Grand Strategy, II, p. 12, 55; Clement Leibowitz and Alvin Frankel, The Chamberlain-Hitler Collusion (Halifax, Canada, 1997), p. 254; Gilbert and Gott, p. 328, citing E. L. Spears, Prelude to Dunkvor (London, 1954), pp. 29—31 and Hugh Dalton, Fateful Years, pp. 273, 276.
1013f. Halder, I, S. 23 (Eintragung vom 22. August 1939); Kimche, p. 114.
1013g. Franz Halder, Kriegstagebuch, S. 88: 27. September, 1939; Internationaler Militärgerichtshof, Der Nürnberger Prozess, Bd. X, S. 378, 586f; Bd. XV (Nürnberg, 1948), S. 408; Gilbert und Gott, S. 342; Siegfried Westphal, Heer in Fesseln (Bonn, 1950), S. 112f, 118f; Fabian von Schlabrendorff, Offiziere gegen Hitler. Hrsg. von Gero v. S. Gaevernitz (Zürich, 1946), S. 35f; Kimche, S. 63f, 66, 76f, 55, 132 (Fussnote 32), 138; J. R. M. Butler, p. 59f; Andreas Hellgruber, Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940—1941 (Frankfurt, 1965), S. 34.
1013h. Halder, I, S. 47 (Eintragungen vom 31. August und 9. September 1939); Kimche, p. 90.
1013H. Kimche, p. 108, 151.
1013i. Jon Kimche, The Unfought Battle (London, 1968), p. 93; Gilbert & Gott, p. 342.
1013j. Kimche, p. 142; E. R. May, Strange Victory. Hitler's Conquest of France (New York, 2000), p. 278, quoting Gamelin, Journal de marche of 5th and 8th September, 1939.
1013k. Kimche, p. 91; Robert Boyce & Esmonde Robertson, Paths to War. New essays on the origins of the Second World War (New York, 1989), pp. 346f; E. R. May, pp. 276, 278, quoting W. von Leeb, Tagebuchaufzeichnungen und Lagebeurteilungen aus zwei Weltkriegen (Stuttgart, 1976) and Otto W. Forster, Befestigungswesen (Neckargemund, 1960), pp. 45—50.
1013l. Siegfried Westphal, Heer in Fesseln (Bonn, 1950), S. 112.
1013m. J. R. M. Butler, Grand Strategy, II, p. 11, 56; Michael Jabara Carley, 1939: The Alliance that never was and the coming of World War II (Chicago, 1999), p. 198.
1013n. Kimche, p. 71f; Carley, p. 114.
1013o. J. Colvin, The Chamberlain Cabinet (as reference 960b), S. 196, 197; Kimche, p. 145 (Fussnote 24), 129, refers to Sir John Slessor, The Central Blue (London, 1956), p. 231.
1013p. Lord Lloyd, The British Case. With an Introduction by the Right Honourable Viscount Halifax (London, December, 1939), p. 48; Anita Prazmowska, Britain and Poland, 1939—1943. The betrayed Ally (Cambridge, 1995), pp. 35f; Kimche, p. 47, 129, 135, 145, 138.
1013q. Halder, I, S. 101; Kimche, p. 112f; May, pp. 278, 272f, citing Albert Merglen, La verite historique. Drames... de la seconde guerre mondiale (Paris, 1985) and Merglen, "Les forces allemands sur le front de l'ouest en septembre 1939": PhD. Thesis, Sorbonne,

1969; A. Hillgruber, Hitler's Strategie. Politik und Kriegführung, 1940—1941 (Frankfurt, 1965), p. 34.

1013r. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Band VII (Baden-Baden, 1956), S. 335: Dokument 405 (Bericht von der deutschen Botschaft, London, 28. August 1939); Halder, I, S. 88; Kimche, p. 138 (Futnote 47), refers to Kurt Sendtner, "Römische Friedensgespräche": *Politik und Zeitgeschehen.* "BX (sic) 9.3.55 (sic)"; Leibovitz and Finkel, quoting the English version of *Documents of German Foreign Policy*, Series D, Vol. VI, p. 503: Document 385; Maurice Cowling, The impact of Hitler. British politics and British policies, 1933—1940 (Chicago, 1977), p. 352.

1013s. V. Falin, Die Zweite Front. Interessenkonflikte in der Anti-Hitler-Koalition (München, 1995), S. 109.

1014. M. Cowling, The impact of Hitler on British politics and policies, p. 303.

1014a. J. Colvin, The Chamberlain Cabinet (wie Anm. 960b), p. 84, 85.

1015. Captain Maule Ramsay, The nameless War (Berkshire, 1992), pp. 94, 103f; John Costello, Ten Days that saved the West (1991), pp. 114, 115.

1016. Thurlow, Fascism in Britain, p. 166.

1017. Berndt Martin, Friedensinitiativen und Machtpolitik im Zweiten Weltkrieg 1939—1942 (Düsseldorf, 1974), S. 54, 72, 74, 89; K. Lunn and R. Thurlow, British Fascism. An essay on the radical Right in Britain (London, 1980), p. 59.

1018. Colin Cros, Fascists in Britain, p. 192; Griffiths, Fellow-Travellers of the Right, p. 307, 313; Griffiths, Patriotism perverted, p. 39, 32, 293, 294.

1019. Lord Lloyd, The British Case (December, 1939), pp. 55, 53, 41, 38, 36; Hedva Ben-Israel, "Im Widerstreit der Ziele. Britische Reaktionen auf den deutschen Widerstand": Jurgen Schmadeke & Peter Steinbach (Hrsg.), *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler* (München, 1986), S. 747; Griffiths, Patriotism perverted, pp. 66, 195, 296; Werner Maser, Das Regime. Alltag in Deutschland 1933—1945 (München, 1983), S. 280.

1019a. Richard Breitmann, Staatsgeheimnisse. Die Verbrechen der Nazis — von den Alliierten toleriert (1999), S. 131, 138; Walter Laqueur, Was niemand wissen wollte... über Hitlers "Endlösung" (Frankfurt, 1982), S. 85, 107, 252ff; Griffiths, Patriotism perverted, pp. 195, 296.

1020. British Broadcasting Corporation (BBC), Nachrichtensendung in deutscher Sprache vom 3. September 1939; Robert Boyce & E. Robertson, Paths to War. Essays on the origins of the Second World War (New York, 1989), p. 343.

1020a. J. Colville, Fringes of Power. Dawning Street Diaries 1939—1955 (london, 1985), pp. 47, 40f.

1021. Adolf Hitler, Monologe, S. 55f: 8., 9., 10., 11. August 1941; Sundermann, S. 124.

1022. Albert Speer, Erinnerungen (Frankfurt, 1969), S. 86; Otto Strasser, Hitler und ich (Konstanz, 1948), S. 243.

1023. Adolf Hitler, Politisches Testament. Die Bormann-Diktate vom Februar und April 1945 (Hamburg, 1981), S. 43.

1024. Leutnant Franz Maria Liedig, Eingabe an Oberkommando der Wehrmacht vom Dezember 1939: Peter Hoffmann, *Widerstand, Staatsstreich, Attentat. Der Kampf gegen Hitler* (München, 1970), S. 187f; Carley, p. 230, Fn. 51; Colville, p. 41.

1025. Thurlow (as note 787), p. 167.

1026. Bernd Martin, Friedensinitiativen, S. 96; Falin, S. 153.

1026a. Clive Ponting, 1940: Myth and Reality (Chicago, 1993), p. 100.

1026b. Carley, pp. 238 (Fn 82), 236, 294 (Fn 72); cf. Winston Churchill, Der Zweite Weltkrieg, Bd. III (Bern, 1950), S. 52f, 441 and Günter Kahle, Das Kaukasus-Projekt der Allierten vom Jahre 1940 = Rheinisch-Westfalische Akademie der Wissenschafte, *Vorträge*, G 186 (Opladen, 1973), S. 9, 20, 22.

1027. Dokumente zur deutschen auswärtigen Politik, Serie D, Bd. VIII. Kriegsjahre. I. Band (Frankfurt, 1961), S. 104, 105, 202, 204f, 285, 288: Dokumente 134, 235, 318 — Aktennotizen vom 25. September 1939 über Gesprache mit Baron de Ropp.
1027b. Ibid., S. 437: Dokument 472 — deutscher diplomatischer Bericht aus Kopenhagen.
1028. Adolf Hitler, Monologe im Führerhauptquartier, S. 110: vain 26./27. Oktober 1941.
1029. Josef Goebbels, Tagebücher. Samtliche Fragmente, Band IV (München, 1987), S. 225: Eintragung vom 30. Juni 1940; S. 225, 230, 234: Eintragungen vom 3. Juli, 6. Juli, 9. Juli 1940.
1030. Franz Halder, Kriegstagebuch. Bearbeitet von H. A. Jacobsen, Bd. II (Stuttgart, 1963): Eintragung vom 13. Juli 1940.
1031. Werner Maser, Das Regime (München, 1983), S. 415.
1032. Falin, S. 159f, 524.
1033. John Toland, Hitler (Bergisch Gladbach, 1977), S. 782: Auskünfte von 1971 und 1975 von Gerdy Troost, Ehefrau von Hitlers Architeken, P. L. Troost; Costello, p. 321.
1034. Dr. Aigner, Das Ringen um England (wie Anm. 213), S. 231. Vgl. Sir Norman Angell, The defense of the Empire (o. O., ?, 1937); Franz Halder, Kriegstagebuch. Bearbeitet von H. A. Jacobsen, Bd. II (Stuttgart, 1963): Eintragung vom 13. Juli 1940, S. 16, 18, 53.
1034a. Klaus Hildebrand, Das vergangene Reich. Deutsche Aussenpolitik von Bismark bis Hitler 1871—1945 (Stuttgart, 1995), S. 728; vgl. Gellermann. S. 121, 29, 39ff.
1035. Hitler, Monologe, S. 73, 76: Nacht vom 27./28. September 1941; H. Thost, Als Nationalsozialist in England (München, 1939), S. 203f.
1036. Hitler, Politisches Testament. Bormann-Diktate, S. 45.
1037. Hitler, Monologe, S. 196: vom 12./13. Januar 1942.
1038. Houston Stewart Chamberlain, Briefe, I (1928), S. 250: Brief vom 22. April 1914 an Prinz Max von Baden.
1039. William Joyce, Twilight over England (1940) in: Selwyn, p. 104.
1040. Hans Grimm. Englische Rede. Wie ich den Englander sehe (1938), S. 270; H. Grimm, Heynade, Buch III, S. 270.
1040a. Tony Kushner & Kenneth Lunn, Traditions of Intolerance... Fascist and racist discourse in Britain (Manchester, 1989), pp. 174, 180: R. Thurlow, "Secret history of British Fascism"; Scott Newton, Profits of Peace, The political economy of Anglo-German Appeasement (Oxford, 1996), pp. 168, 152; Griffiths, Patriotism perverted, p. 126, 144f, 186, 230, 237; Scott Newton, pp. 168, 152.
1040b. N. J. Crowson, Facing Fascism. The Conservative Party and the European dictators 1935/1940 (London, 1977), p. 177; John Costello, The Ten Days that saved the West (London, 1991), pp. 159, 161f; Kushner & Lunn, p. 180; Newton, p. 152.
1040c. Costello, p. 161; Crowson, p. 76; N. Bethell, The War Hitler Won. September, 1939, p. 17f.
1040d. Scott Newton, Profits of Peace. The political economy of Anglo German Appeasement (Oxford, 1996), p. 170; Costello, p. 328.
1040e. Crowson, p. 249.
1040f. Kushner and Lunn, p. 179; Newton, p. 153, 170; Crowson, p. 175; David Cannadine, Declme and Fall of the British Aristocracy (New York, 1999), p. 623.
1040g. W. J. West, Truth betrayed (London, 1987), p. 234; Leibovitz and Finkel, second page (not numbered): Introduction by Christopher Hitchens.
1040h. Joan Miller, One Girl's War. Personal exploits (Kerry, Ireland, Dingle Co., 1987), pp. 66f, 194f; Rebecca West, The meaning of Treason (London, 2000), p. 263.
1040i. Tony Kushner and Kenneth Lunn (Editors), Traditions of intolerance... Fascist and rasist discourse in Britain (Manchester, 1989), p. 176: R. Thurlow, "The Secret history of British Fascism".

1040j. S. Newton, p. 185; Griffits, Patriotism perverted, p. 3, 304, 313.
1040k. Bernd Martin, Friedensinitiativen und Machtpolitik im Zweiten Weltkrieg 1939/1942 (Düsseldorf, 1974), S. 498.
1040l. Costello, p. 252.
1040m. Costello, pp. XV, 18, 306, 398.
1040n. Newton, p. 168f; cf. R. Shepherd, A Class divided, p. 294.
1040o. Newton, p. 168f; Costello, p. 464.
1040p. Newton, pp. 168, 171f, 174f, 179; Costello, p. 49; Leibovitz and Finkel, pp. 255f.
1040q. Costello, pp. 188, 49.
1040r. Newton, pp. 180, 184.
1040s. Costello, p. 19; cf. Kilzer, Churchill's Deception. The Dark Secret that destroyed Nazi Germany (New York, 1994), pp. 34, 70, 265, 287.
1041. Adolf Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928 = Institut für Zeitgeschichte, Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Band VII (Stuttgart, 1961), S. 159.
1042. Ulrich von Hassell, Vom anderen Deutschland. Aus nachgelassenen Tagebuchern (Zürich, 1946), S. 205—223.
1042a. Costello, p. 19.
1042b. Hitler, Monologe, p. 196; 12./13. Januar, 1942.
1042c. Louis Kilzer, Churchill's deception. p. 70.
1042d. Newton, p. 191.
1042e. Sir Alexander Cadogan, The Diaries, 1938—1945. Edited by David Dilks (London, 1971), p. 287: 20 May, 1940.
1042f. Newton, pp. 193, 187.
1043. Captain A. H. Maule Ramsay, The Nameless War (Berkshire, 1992), p. 69.
1044. *Das Schwarze Korps* vom 27. November 1941, S. 5: "Ein Stuka gefallig" = Das Schwarze Korps. Organ des Reichsführers SS. Ein Faksimile Querschnitt hrsg. von H. Heiber und Hildegard von Kotze (Bern und München, o. J.), S. 179.
1045. Klaus Hildebrand (wie Anm. 1085), S. 643f, 805, 807.
1046. Forestall, Diaries, entry of 27. December 1945 (New York, 1951), p. 121.
1047. Heinrich Himmler, Geheimreden 1933—1945. Edited by F. Smith and Agnes F. Peterson (Frankfurt, 1974), p. 232: Speech of 26 July, 1944; Captain Maule Ramsay, The Nameless War, pp. V, 119f.
1047a. Scott Newton, Profits of Peace. The political economy of Anglo-German Appeasement (Oxford, 1996), pp. 168, 152; David Cannadine, Decline and Fall of the British Aristocracy (New York, 1999), pp. 527, 623, 546.
1047b. Newton, p. 168; R. Shepherd, p. 32.
1047c. Newton, p. 169.
1047d. Cannadine, pp. 546f.
1048. Captain Maule Ramsay, The Nameless War, pp. V, 119f; Francis Selwyn, Hitler's Englishman, The crime of Lord Haw-Haw (London, 1987), p. 120.
1048a. Selwyn, p. 18.
1048b. John Alfred Cole, Lord Haw-Haw and William Joyce. The full story (London, 1964), pp. 33, 31.
1048c. William Joyce, National Socialism Now (n. p., 1937), p. 24.
1048d. Cole, pp. 80, 295.
1048e. William Joyce, National Socialism Now, p. 57, 24, 55, 66.
1048f. Cole, pp. 145, 164, 278, 216f, 245, 28; Selwyn, p. 120.
1048g. William Joyce, National Socialism Now, pp. 70, 64.

1048h. Marquis de Slade, Yeomen of Valhalla (Mannheim, 1970), pp. 33, 82, 28; Lord Lloyd, The British Case (1939), p. 48; Adrian Weale, Renegades, Hitler's Englishmen (London, 1994), p. 60.

1048i. Rebecca West, The Meaning of Treason (London, 1949/2000), p. 112.

1049. De Slade, pp. 35, 5; B. Semmel, Imperialism and Social Reform, p. 256; K. Arns, Index der anglo-jüdischen Literatur (Bochum, 1939), S. 9, cited in Hans Galinsky, "Sendungsbewusstsein der politischen Führungsschicht im heutigen Britentum": *Anglia. Zeitschrift für englische Philologie*, Vol. LXIV (Halle, 1940), pp. 9f, 331.

1049a. John M. Mackenzie (Editor), Imperialism and Popular Culture (Manchester, 1986), pp. 173f.

1050. De Slade, p. 113; Ronald Seth, Jackals of the Reich. The story of the British Free Corps (London, 1973), p. 124.

1050a. De Slade, pp. 20ff, 72, 71, 63; Hans-Werner Neulen, Eurofaschismus und der zweite Weltkrieg. Europas verratene Söhne (München, 1980 — Universitas Verlag), p. 169; Adrian Weale, Renegades, p. 176.

1050b. De Slade, pp. 25f, 35, 47, 29f, 14—15, 18; Seth, pp. 82f; George H. Stein, Geschichte der Waffen-SS (Düsseldorf, 1967), S. 170f: Report of the SS-Obergruppenführer Gottlob Berger to Himmlers Staff. US. Military Tribunal (Nurenberg), Fall 11, PDB 66-H, p. 46f.

1051. Selwyn, Hitler's Englishman, p. 124ff, 216.

1051a. De Slade, pp. 26, 76; Adrian Weale, Renegades, p. 120, 161, 200, 204, 206.

1052. Madelaine Bunting, The Model Occupation. The Channel Islands under German rule 1940—1945 (New York, 1995), p. 83.

1053. Ibid., p. 83.

1054. Ibid., p. 43, 82f, 40f; Norman Longmore, If Britain had fallen (London, 1972); George Forty, The Channel Islands at War. A German Perspective (Shepperton, 1999), p. 139.

1055. Bunting, p. 84.

1056. Ibid., p. 106ff, 113.

1057. Ibid., p. 76, 78f, 89f, 106ff, 113f.

1058. Ibid., p. 268.

1059. Thost, Als Nationalsozialist in England (München, 1939), S. 322; Bunting (1995), pp. 278, 15, 299, 304, 260, XXX, 238, 81; Asa Briggs, The Channel Islands. Occupation and Liberation 1940—1945 (London, 1995), p. 45.

1060. Captain Maule Ramsay, The Nameless War, p. 69.

1061. H. Sundernann, Alter Feind — was nun? (Leoni, 1955), S. 7, 70f, 205.

1062. Klaus Hildebrand, Das vergangene Reich (wie Anm. 1085), S. 759; Thomas Carlyle "The Nigger Question" 1948: *Miscellaneous Essays*, Vol. IV (London, 1899), p. 375.

1062a. O. D. Schüddekopf, Revolutions of our Time. Fascism (New York, 1973), p. 17, 171; Gerwin Strobl, The Germanic Isle. Nazi Perceptions of Britain (Cambridge, 2000), p. 87; K. D. Bracher, "...Letters to the NSDAP... Eisenach 1939—1940": *Journal of Modern History*, LXVIII, Nr. 4 (Dezember 1996), S. 903, with reference to Dietrich Orlow, History of the Nazi Party (Pittsburgh, 1973), p. 38; H. Rauschning, Revolution des Nihilismus (Ausgabe von 1964), S. 87f, 96, angefuhrt von Th. Schieder, *Rauschnings Gesprache mit Hitler als Geschichtsquelle* = Rheinisch-Westfalische Akademie der Wissenschaften, *Vorträge*, G 179 (1971), S. 56; Friedrich Doucet, Im Banne des Mythos. Psychologie des Dritten Reiches (Esslingen, 1979), S. 203f; *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство. Т. I. СПб., 1911. С. 18; см. также: Пути революции. Берлин, 1923. С. 8—9.

1062b. Hermann Marcus, Der Spiesserstaat (Hamburg, 1977), S. 189; Klee & Dressen "Gott mit uns". Deutscher Vernichtungskrieg im Osten (Frankfurt, 1989), S. 39: Tagesbefehl

des Generalfeldmarschalls von Reichenau vom 28. Oktober 1941. Vgl. E. Sarkisyanz, Russland und der Messianismus des Orients (Tübingen, 1955), S. 199, Fussnote 14.

1062c. A. Glücksmann, Die Meisterdenker (Rheinbeck, 1978), S. 45; Struve, Elites (as reference 190), p. 458.

1062d. H. Härtle, Alfred Rosenberg, Grossdeutschland (1970), S. 238; De Slade, p. 123; Eckenhard Struhldreher ("Leibstandarte" of the SS), in the German Television, MDR, 21. July, 1999, at 9 p. m.

1062e. Seymour Lipset, "Fascism as extremism of the Center", in: Gilbert Allardyce (Editor), *The place of Fascism in European history* (Englewood Cliff, New Jersey, USA, 1971), p. 113.

1062f. Cf. Gisela Lebzelter, Political Antisemitism in England 1918—1939, p. 174.

1062g. Charles Dilke, Greater Britain (London, 1869), pp. 223, 564.

1062h. Gerwin Strobl, The Germanic Isle. The Nazi perception of Britain (Cambridge, 2000), pp. 90ff: Hitler's Table Talk of 22. August, 1942.

1063. Hermann Rauschning, Gespräche mit Hitler (Zürich, 1940), S. 116f; Раушнинг. С. 102.

1064. Reichskolonialamt, Die Behandlung der eingeborenen Bevölkerung in den Kolonialbesitzungen Deutschlands und Englands (Berlin, 1919), S. 73ff, 82.

1065. Rede des Reichskommissar Erich Koch auf Versammlung der NSDAP in Kiew am 5. Marz 1943: Ernst Klee & Willi Dressen (Hrsg.), "Gott mit uns", Deutscher Vernichtungskrieg im Osten (Frankfurt, 1982), S. 218.

1066. Rudyard Kipling, Something of Myself (London, 1951), p. 162; Oskar Hintrager, Geschichte von Südafrika (München, 1952), S. 373f; zitiert Emily Hobhouse, The brunt of War (London, 1902); Robert MacDonald, Language of Empire, Mythos of popular Imperialism (Manchester, 1994), p. 39.

1066a. M. Domarus, Hitlers Reden und Proklamationen 1932—1945 (München, 1965), Bd. II, Teil II, S. 1658; Rauschning, Gesprache mit Hitler, S. 117; Раушнинг. С. 102.

1067. Hannah Arendt, Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft (1955), S. 720; Schreiben des Rustungsinspektors-Ukraine, Generalleutnant Hans Leykauf, vom 2. Dezember 1941 an das Hauptwehrwirtschafts- und Rustungsamt im OKW sowie geheime Aufzeichnung vom 25. Oktober 1942 des Otto Brautigam vom Ostministerium: Klee & Dressen, *Gott mit uns*, S. 200, 202.

1068. Heinrich Treitschke, Politik. Vorlesungen, S. 546, 573; Adolf Hitler, Mein Kampf (München, 1933), S. 740, 741.

1068a. Carthill, Verlorene Herrschaft (1924), S. 101, 115f, 85ff.

1068b. Richard Symonds, Oxford and Empire. The last lost Cause? (Oxford, 1991), p. 3.

1068c. Alain Cairn, Prelude to Imperialism. British reactions to Central African society 1840—1890 (London, 1965), p. 238; MacDonald, Language of Empire, p. 153f; Rutherford, Forever England (London, 1997), p. 15.

1068d. Alain Cairn, pp. 35, 93, 237; K. Tidrick, Empire and the English Character, p. 7; *Spectator*, 15. October, 1864, p. 1179, quoted in Ch. Bolt, Victorian Attitudes to Race, p. 216.

1068e. R. Symonds, Oxford and Empire, p. 226.

1068f. Lord Olivier, The Myth of Governor Eyre (London, 1933), I, p. 115; Peter Marsh, The Conscience of the Victorian State (Syracuse, 1979), pp. 96, 126.

1068g. R. Symonds, Oxford and the Empire, pp. 214, 217, 218.

1068h. W. E. F. Ward, Fraser of Trinity and Achimata (Accra, 1965), p. 146 cited by Symonds.

1068i. Welldon, Youth and Duty. Sermons (1907), pp. 155f, 160.

1069. Wilhelm Dibelius, England II, S. 210; Matthew Arnold, Culture and Anarchy (New Haven, 1994), p. 157.

1069a. Correlli Barnett, The Collapse of British Power (1977), p. 33.

1069b. K. Tidrick, Empire and the English Character (London, 1992), p. 216.
1069c. John Rogers, Old Public Schools of England (London, 1938), p. 2.
1070. Thomas Hughes, Tom Brown's School Days (Oxford, 1989), p. 142, 228f.
1071. Ibid., p. 195.
1071a. T. C. Worsley, Barbarians and Philistines (London, 1940), p. 202; K. Tidrick, Empire and the English Character, p. 99.
1072. Mangan, Games' ethics and Imperialism (as reference 108), p. 195.
1072a. Stead, Last Will... of Cecil Rhodes, pp. 100, 101, 114, 39 (t); Simon Heffer, Moral Desperado. A Life of Thomas Carlyle (London, 1995), p. 236.
1073. F. W. Hammond, Liberalism and Empire (London, 1900), p. 156f; John Morley, Life of... Cobden (as reference 712), p. 97; Wingfield-Stratford, History of English Patriotism, Vol. II (London, 1913), p. 585.
1074. Francis Younghusband, The Heart of Asia (London, 1896), p. 396f in: Robert Huttenback, Racism and Empire (1976), p. 15.
1075. Rudyard Kipling, Verses (London, 1940), p. 256.
1076. Ibid., p. 324.
1077. B. Parry, Delusions and discoveries ... India in the British imagination 1880—1930 (London, 1972), p. 51; vgl. Somervell, Geistige Stromungen in England im neunzehnten Jahrhundert (Bern, 1946), S. 283.
1078. Rudyard Kipling, Complete Verses (London, 1990), p. 190, 193.
1079. Ruppert Wilkinson, The Prefects: British leadership and the Public School tradition (London, 1964), p. 100—109; Hannah Arendt, Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft (1955), S. 339.
1080. Terry Cook, "George R. Parkin and the concept of Britannic idealism": Journal of Canadian Studies, Vol. X, Nr. 3 (1975), p. 22.
1081. Ibid., p. 22, 26 (source references 71 und 100).
1081a. Marsh, Conscience of the Victorian State, p. 192; A. C. Hill, Christian Imperialism (London, 1917), pp. 10, 11.
1081b. Douglas Lorimer, Color, Class and the Victorians (New York, 1998), p. 205; MacDonald, Language of Empire, p. 67; Correlli Barnett, the Collapse of British Power (London, 1997), p. 137.
1082. Ruppert Wilkinson, The Prefects: British leadership and the Public School tradition (as reference 1079), S. 74; Stockwell, "Hugh Clifford's early career": *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*, XLIX (1976), Part II, pp. 94f, 111.
1082a. Lord Alfred Milner, The Nation and the Empire... Collection of Speeches and Addresses (London, 1913), Introduction, Speech in Capetown on 20. April, 1900.
1083. Rutherford, Forever England, p. 96; Adolf Hitler, Monologe im Fuhrerhauptquartier, S. 331: 6. August 1942.
1084. Ernst Nolte, Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen (München, 1968), S. 206.
1085. R. Baden-Powell, The Matabele Campaign (London, 1900), pp. 171f, quoted in: R. MacDonald, Language of Empire (Manchester, 1994), p. 39; D. Pryce-Jones, Unity Mitford. A Quest (London, 1976), p. 18; G. Strobl, The Germanic Isle, pp. 42, 169; Klaus Hildebrand, Das vergangene Reich. Deutsche Aussenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871—1945 (Stuttgart, 1995), S. 112, 759.
1086. G. R. Uberschar & Wette (Hrsg.), Unternehmen Barbarossa, Der deutsche Uberfall auf die Sowjetumon (Paderborn, 1990), S. 192.
1087. Generalfeldmarschall von Reichenau, Befehl vom 28. Oktober 1941: Klee & Dresen, "Gott mit uns ...", S. 40.

1088. Lord Alfred Milner, England in Egypt (London, 1892); Earl of Cromer, Das heutige Ägypten (Berlin, 1908), Bd. II, S. 228, 504; Wurgaft, The Imperial Imagination. Magic and Myth in Kipling's India (1983), p. 162; Brian Simon, Studies in the History of Education 1780—1870 (London, 1969), p. 134 with reference to *Parliamentary Debates* (Hansard) Vol. IX, 798 (13. July, 1807); to Brimley Johnson, Letters of Hannah More (1925), p. 18 and to A. Bell, Experiment in Education (second edition, 1805), p. 62.

1088a. Lord Alfred Milner, England in Egypt (London, 1892); Earl of Cromer. Das heutige Agypten (Berlin, 1908), Band II, S. 228, 504; Hermann Schreiber, Land im Osten. Verheissung und Verhangnis der Deutschen, S. 355; Wer Krieg war im Dritten Reich (Arndt Verlag, Kiel, 1985), S. 46; Christopher Ailsby, SS: Roll of Infamy (London, 1997), p. 13.

1089. Vgl. Christian Streit, Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen (Stuttgart, 1978).

1090. *The Times* (London) vom 21. Januar 1927 nach Richard Griffiths, Fellow-Travellers of the Right. British enthusiasts for Nazi Germany 1933—1939 (Oxford, 1983), S. 14; Spitzy, So haben wir das Reich verspielt (1986), S. 154.

1091. Walter Struve, Elites against Democracy. Leadership ideals in bourgeois political thought in Germany 1890—1933 (Princeton, 1973), S. 453.

1092. John Davidson, The Testament of John Davidson (London, 1908), p. 18.

1092a. Patricia Meehan, The Unnecessary War (London, 1992), p. 388f: Foreign Office 371/46790; 370/1268.

1093. G. Strobl, Germanic Isle, p. 78, quoting Erich Kirsch, in: Rudolf Benze & Alfred Pudelko (Editors), Rassistische Erziehung als Unterrichtsgrundsatz (Frankfurt, 1937), S. 164; Generalbevollmachtigter für Arbeitseinsatz, Rede vom 6. Januar 1943: Klee & Dressen, "Gott mit uns", S. 167.

1094. Hermann Rauschning, Gesprache mit Hitler (Zürich, 1940), S. 250f.

1095. Heinrich Himmler, Geheimreden, S. 159: Rede vom 9. Juni 1942.

1096. Rauschning, Gesprache mit Hitler, S. 232; Раушнинг. С. 180; H. S. Chamberlain, Briefe, Band I (München, 1928), S. 31: 15. November 1895.

1097. Henry Picker, Hitlers Tischgesprache im Fuhrerhauptquartier (1963), S. 244.

1098. H. Arendt, Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft, S. 719.

1098a. Ibid., S. 718; Philippe Lacoue-Labarthe, in: Le Nouvelle observateur, 22.I.1988: M. Dabag & K. Pratt, Genozid und Moderne (Opladen, 1998), S. 46; Friedrich Tenbruck, Die unbewaltigten Sozialwissenschaften oder Die Abschaffung des Menschen (Graz, 1984), S. 194 nach: *Historisches Jahrbuch*, Band CV (1985), S. 218.

1099. Joachim Kohler, Wagners Hitler. Der Prophet und der Vollstrecker (München, 1997), S. 101f.

1100. F. Brie, S. 268; Rauschning, Gesprache mit Hitler, S. 237f; H. F. Peters, Zarathustras Schwester. Fritz und Lieschen Nietzsche — ein deutsches Trauerspiel (München, 1983), S. 289.

1101. Th. Schieder, *Hermann Rauschnings "Gesprache mit Hitler" als Geschichtsquelle* = Rheinisch-Westfalische Akademie der Wissenschaften, *Vorträge*, G 178 (Opladen, 1971), S. 19.

1102. Hermann Goering, Ansprache vom 6. August 1942 vor dem Reichskommissaren für die besetzten Gebiete und den Militärbefehlshabern: Klee & Dressen, "Gott mit uns"..., S. 204.

1103. Heinrich Himmlers Rede vor SS-Gruppenführer-Tagung am 4. Oktober 1943: Klee & Dressen, "Gott mit uns"..., S. 223; Lord Milner, The Nation and the Empire, p. 207.

1104. Hitler, Monologe im Führerhauptquartiert, S. 60: Nacht vom 14./15. September 1941.

1105. Heinrich Himmler, Rede vom 9. Juni 1942: Himmler, Geheimreden, S. 151.

1106. Hitlers Zweites Buch (wie Anm. 3), S. 215; Richard Wagner, Werke. Hrsg. von Peter Faessler, Band II (Frankfurt, 1966), S. 268, 269, 270, 271; Rauschning, Gespräche mit Hitler, S. 11.

1107. Rauschning, Die Revolution des Nihilismus. Kulisse und Wirklichkeit im Dritten Reich (Zürich, 1938), S. 384.

1107a. Rutherford, Forever England, p. 59; Thurlow, Fascism in Britain, p. 86; Ernst Bertran, Rede vom 3. Mai 1933, nach *Deutsche Zeitschrift*, XLVI (o. J.), S. 611, zitiert in: Franz Schonauer, Deutsche Literatur im Dritten Reich (Olten, Freiburg i. B., 1961), S. 55.

1108. Joachim Köhler, Wagners Hitler, S. 249.

1109. Hartmut Zelinsky, Richard Wagner — ein deutsches Thema. Dokumentation... (Berlin, 1983), S. 170: 1. Januar 1924.

1110. Joachim Köhler, S. 417, 410, 405, 384, 11, 13.

1111. Ibid., S. 248—251. Vgl. Margarete Plewnia, Auf dem Wage zu Hitler. Der völkische Publizist Dietrich Eckart (Berlin, 1970), S. 94—111.

1111a. Thurlow, Fascism in Britain, p. 86.

1112. Cosima Wagner, Tagebuch, Band II (Munchen, 1982), S. 1052: Eintragung vom 25. Mai 1877.

1112a. James J. Barnes & Patience P. Barnes, Hitlers "Mein Kampf" in Britain and America, The publication history 1930—1939 (Cambridge, 1980), S. 48.

1112b. A. M. Gollin, Proconsul in Politics, A study of Lord Milner (London, 1964), pp. 46, 47, 603, 573; Keith Feiling, The Life of Neville Chamberlain (London, 1947), pp. 79f: Chamberlain's Diary, note of 22. April, 1917.

1113. H. Arendt, Elements und Ursprunge totaler Herrschaft, S. 719.

1114. Hans Grimm, Heynade, IV, S. 5.

1115. D. S. Lewis, *Oswald Mosley, Fascism and British Society* (as note 884), p. 263, 266.

1116. Vgl. R. Griffiths, Fellow-Travellers of the Right, S. 59.

1117. Oswald Mosley, My Life (London, 1968), S. 364f.

1118. Theodor Schieder, *Hermann Rauschmngs "Gespräche mit Hitler" als Geschichtsquelle* = Rheinisch-Westfalische Akademie der Wissenschaften, *Vortrage*, G 178 (Opladen, 1971), S. 15.

1119. Thomas *Jones*, A Diary with Letters 1931—1950 (Oxford, 1954), p. 447f.

1119a. Patricia Meehan, The Unnecessary War (London, 1992), p. 388f: Foreign Office 371/46790; 370/1268.

1119b. John Charmley, as quoted by Caputi, p. 221.

1119c. *American Historical Review*, Vol. CIII, No. 3 (June, 1998), p. 894.

1120. Mac Dougal, The racial Myth in England history (wie Anm. 115), p. 129—130; Edwin Jones, The English Nation. The Great Myth, p. 55.

1120a. David Armitage, Ideological Origins of the British Empire (Cambridge, 2000), p. 78; William Haller, Foxe's Book of Martyrs and the Elect Nation (London, 1963).

1120b. Donald & Joanna Moore, The First 150 years of Singapore (Singapore, 1969), pp. 594f; cf. Kathryn Tidrick, Empire and the English Character (1992), p. 279.

1120c. Lawrence James, Rise and Fall of the British Empire (London, 1994), p. 504.

1120d. BBC Broadcast of 29. December, 1996, 4.30—4.45 (programme directed to North America).

1120e. Lord Milner, The Nation and the Empire (1913), pp. xxxi f, xxxv: "The Two Nations" (4. December, 1912); Dibelius, II, S. 204f, 215, 216.

1120f. Alfred Milner, "The Two Nations", Speech on 4. Dezember 1912: The Nation and the Empire (London, 1913), p. xxxf, xxxv; Wilhelm Dibelius, England, II, S. 215, 216, 204f; BBC-Radiosendung vom 29. Dezember 1996, 4.30—4.45 Uhr.

1121. Alfred Milner, "Key to My Position": Questions of the Hour (London, 1925), quoted by Richard Symonds, Oxford and Empire (Oxford, 1991), p. 44; Walter Oehme & Kurt Caro, Kommt das Dritte Reich"? Berlin, 1930—Rohwolt: reprint 1984—Ei chhorn), S. 52; Max Vandray, Der politische Witz im Dritten Reich (München, 1967), p. 149; Louis Kilzer, Churchill's Deception. The dark secret that destroyed Nazi Germany (New York, 1994), pp. 57f, 294 (George Bernhard, in: *New York Times* of 29. June, 1941, p. 6E), 74f, 286, 289, 61.

1121a. Klaus Hildebrand, Das vergangene Reich. Deutsche Aussenpolitik von Bismark bis Hitler. 1871—1945 (Stuttgart, 1995), S. 806f; Costello, p. 187.

1121b. G. Strobl, Germanic Isle. Nazi perceptions of Britain (Cambridge, 2000), pp.93f; H. Thost, Als Nationalsozialist in England (München, 1939), S. 60; vgl. Wendt, S. 126.

1121c. Hans Grimm, Heynade, V, S. 351; vgl. Otto Strasser, Hitler und ich (Konstanz, 1948), S. 139, 142; O. E. Schüddekopf, Linke Leute von rechts (Stuttgart, 1960), S. 283—287.

1121d. Adolf Hitler, Mein Kampf (1941), S. 154, 155. Nicolas Sombart, Rendevouz mit dem Weltgeist, p. 212: "Carl Schmitt".

1121e. Helmut Sundermann, Alter Feind — was nun? Wiederbegegnung mit England und Englandern (Leoni am Starnberger See, 1955), S. 8; vgl. Gitta Sereny, *Albert Speer*. Das Ringen mit der Wahrheit und das deutsche Trauma (Munchen, 1997), S. 602.

1121f. Heinrich von Treitschke, Politik. Vorlesungen gehalten an der Universitat zu Berlin, Bd. I (Leipzig, 1897), S. 273.

1121g. Georg Steinhausen, Geschichte der deutschen Kultur (Leipzig, 1913), S. 473.

1121h. Eckermann, Gespräche mit Goethe (Leipzig, 1939), S. 295; *Эккерман И.-П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. Н. Ман. М., 1986. С. 327.

1121i. Walter Hofer, Die Entfesselung des zweiten Weltkrieges. Eine Studie uber die internationalen Beziehungen im Sommer 1939 (Stuttgart, 1955), S. 175.

1121j. Charles Wontworth Dilke, The Greater Britain (London, 1869), Vol. I, p. 130 (Preface), II, p. 405, quoted in: Mac Dougal (as reference 44a), p. 99; Terry Cook, "Georg R. Parkin and the concept of Britannic idealism": *Journal of Canadian Studies*, X, Nr. 3 (1975), p. 17, 20f.

1121k. Hans Kohn, Die Idee des Nationalismus (1950), S. 247, 847; Richard Symonds, Oxford and Empire (1991), p. 243; R. Kipling "A Sond of the English": *Verses* (London, 1940), pp. 170, 174; Milton, Eikonoklastes (1649), iii. Line 5: John Milton, *Complete Prose Works*, Vol. III (London, 1962), p. 482; J. A. Gamb, Reflections on the origins and Destiny of Imperial Britain (London, 1900), pp. 154, 315.

1121l. R. Knox, The Races of Men (Philadelphia, 1950), p. 253; cf. ibid., pp. 217, 216, 220; N. C. Macnamara, Origin and Character of the British People (London, 1900), pp. 19, 208.

1121m. W. R. M. Stephens, Life and Letters of Edward Freeman, Vol. II (London, 1885), pp. 230, 428.

1121n. W. R. M. Stephens, Life and Letters of Edward A. Freeman, Vol. II (London, 1895), pp. 230, 428.

1121o. C. R. L. Fletcher, Introductory History of England, Vol. V (London, 1904), p. 418.

1121p. Mac Dougal, p. 123: A. H. Keane, Man Past and Present (1900), p. 532f.

1121r. Alfred Kelly, The Descent of Darwin. The popularization of Darwinism in Germany, 1860—1914 (Chapel Hill, USA, 1981), pp. 110, 130.

1121s. Alain Cairns, Prelude to Imperialism, p. 42.

1122. F. W. Hirst & Murray and Hammond (as reference 148), p. 152.

1122a. Joachim Kohler, Wagners Hitler, S. 338.

1123. So vor allem schon bei Thomas Carlyle (above, reference 232b).

1124. Adolf Hitler, Monologe (wie Anm. 443); Das Schwarze Korps, 5.I.1939: Strobl, p. 87.

1124a. Hannah Arendt, S. 292; oben wie Anm. 692, 710, 711, 714.

1125. F. Brie, Imperialististische Stromungen in der enlischen Literatur (Halle, 1928), S. 116f: John Ruskin, Speech of 14. December, 1869; Peter Fryer, Black People in the British Empire (London, 1989), pp. 174, 181, 173; J. Rutherford, Forever England (London, 1997), p. 5; *Contemporary Review*, II (1869), p. 230 quoted by Christine Bolt, Victorian attitudes to Race, p. 230.

1125a. Philip Mason, Prospero's Magic. Some thoughts on Class and Race (London, 1962), p. 107; Strobl, The Germanic Isle, p. 95.

1125b. Josef Goebbels, "Erziehung und Führerschicht": *Nationalsozialistisches Jahrbuch* (München, 1930), S. 180, 181.

1125c. T. C. Worsley, Barbarians and Philistines. Democracy and the Public Schools (London, 1940), pp. 251, 252; R. Wilkinson, The Prefects. British Leadership and the Public School Tradition (1964), p. 84; Wingfield-Stratford, The Squire and his Relations (London, 1956), p. 395; John Mackenzie (Editor), Imperialism and Popular Culture (Manchester, 1986), p. 19.

1125d. Raymond Williams, *George Orwell* (London, 1971), S. 18; Thost, Als Nationalsozialist in England, S. 68, 85; Rosenberg, Der Mythus, S. 386.

1125e. David Newsome, Godliness and good learning (London, 1961), p. 2, 4, 38f, 37, 98, 209.

1125f. Houston Stewart Chamberlain, *Richard Wagner* (München, 1897), S. 496.

1125g. Friedrich Lange, Reines Deutschtum. Grundzüge einer nationalen Weltanschauung (Berlin, 1904), S. 237f.

1125h. Andreas Hillgruber, "Die Endlösung und das deutsche Ostimperium", in: *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, XX (1972), S. 137f, 152, 153.

1126. Helmut Bley, Kolonialherrschaft und Sozialstruktur in Deutsch Südwestafrika = Hamburger Beiträge zur Zeitgeschichte, Bd. V (Hamburg, 1968), vgl. Bernard Semmel, Imperialism and Social Reform. English Social-Imperial thought 1895—1914 (London, 1960), p. 261, 42, 43.

1127. Bley, S. 314.

1128. Ibid., S. 260f.

1129. Ibid., S. 261; Schmitt-Egner (wie Anm. 62a), S. 5.

1130. Alfred Milner, The Nation and Empire. A Collection of Speeches and Addresses (London, 1913), pp. xiv, xliii, xl—xlii; H. Schröder, (wie Anm. 1113), S. 62.

1130a. B. Semmel, p. 251, 256; Thurlow, Fascism in Britain, p. 86; D. S. Lewis, *Mosley, Fascism and British society*, p. 203; Peter Hoffmann, Widerstand (wie Anm. 983a), S. 129; vgl. Bernard Semmel, Imperialism and Social Reform, p. 251, 256.

1130b. Lebzelter (wie Anm. 803), S. 27: *London Times* of 27. October 1924.

1130c. H. Grimm, Heynade (wie Anm. 12), IV, S. 23, 228.

1130d. Robert Caputi, Neville Chamberlain and Appeasement (London, 2000), p. 184; Lawrence James, Rise and Fall of the British Empire (London, 1994), p. 455.

1130e. Paul B. Rich, Race and Empire in British Politics (Cambridge, 1986); Scott Newton, Profits of Peace. Political economy of Anglo-German Appeasement (Oxford, 1996), pp. 4, 7, 151; Lawrence James, Rise and Fall of the British Empire, p. 455.

1130f. Franz Halder (wie Anm. 1013b), S. 17; Kimche, S. 11.

1130g. J. R. M. Butler. History of the second World War. The Grand Strategy, Vol. II (London, 1957), p. 15.

1130h. Maurice Cowling, The Impact of Hitler, British... policy 1933—1940 (Chicago, 1977), p. 9: PREM 1/276; Letter of Eden to N. Chamberlain of 31. January, 1938, quoted in Clive Ponting, 1940. Myth and Reality (London, 1990), p. 26.

1130i. Lawrence James, Rise and Fall of the British Empire (London, 1994), p. 455; cf. above, p. 214f.

1130j. Gunther Hecht, "Die Bedeutung des Rassegedankens in der Kolonialpolitik": Deutscher Kolonialdienst, No. 12 (1937), S. 2, zitiert bei Horst Kuhne, Faschistische Kolonialideologie, S. 72; cf. Jack McCulloch, Black Peril, White Virtue: Sexual Crime in Southern Rhodesia, 1902—1935 (Bloomington, USA, 2000).
1130k. David Cannadine, Decline and Fall of the British Aristocracy (New York, 1990), p. 547; Earl of Portsmouth, A Knot of Roots (1965), pp. 141, 149—151.
1130l. Alfred Rosenberg, "Die rassische Bedingtheit", p. 340, quoted in G. Strobl, Germanic Isle. Nazi perceptions of Britain (Cambridge, 2000), p. 93.
1130m. Akten zur deutschen auswartigen Politik, Band VI (Baden-Baden, 1956), S. 565: 8. Juni, 1939.
1130n. Robert Shepherd, A Class Divided, Appeasement and the Road to Munich, 1938 (London, 1988), p. 117. Brigitte Hamann, Hitler's Vienna. A dictator's apprenticeship (New York, 1999), pp. 348f, 403, 57.
1131. Joachim Kohler, Wagners Hitler. Der Prophet und sein Vollstrecker (München, 1997), S. 248f, 12.
1132. Ibid., S. 417; H. S. Chamberlain (wie Anm. 552), pp. 259, 374.
1133. Joachim Köhler, Wagners Hitler, S. 385.
1134. Georg Schott, *H. S. Chamberlain, Seher des Dritten Reichs* (München, 1936), S. 8.
1135. J. Goebbels (wie Anm. 546), I, S. 72f: 8. Mai 1926.
1135a. Gaines Post, Dilemmas of Appeasement. British Deterence and Defense 1934—1937 (Ithaca, N. Y. USA, 1993), p. 343.
1135b. Robert J. Caputi, Neville Chamberlain and Appeasement (London, 2000), p. 231.
1135c. Martin Gilbert & Richard Gott, The Appeasers (London, 2000), p. 370.
1136. Rock, British Appeasement in the 1930"s, S. 100.
1137. Andreas Hillgruber, Hitlers Strategie (Frankfurt, 1965), p. 532; Carl Schmitt, Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947—1951). Herausgegeben von Eberhard Freiherr von Medem (Berlin, 1991), p. 142: 1. May, 1948.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Глава 1. Если вы не станете такими, как англичане, не будет вам дано царство 30

Потеря статуса и стремление стать «расой господ» благодаря крови и расе 33

От расы господ, повелевающей туземцами, до «окуривания» Германии ради расовой очистки 36

Мелкобуржуазный «властитель» как жандарм нации по образцу англичанина — мирового жандарма 42

От расы господ в колониях к фашизму в Европе 47

Глава 2. Вдохновители гитлеровских «железных законов бытия» 57

Ветхозаветная избранность Англии 57

Британский «cant»: двойной стандарт Англии 64

«Наука» о праве сильного 70

Свободы англичан как иерархические привилегии 74

Глава 3. Англия как прообраз расового единства (Volksgemeinschaft) 80

Иерархическое повиновение и расовая солидарность 80

Свободы англичанина как добровольное подчинение 85

Томас Карлейль и «божественные фельдфебели — инструкторы по строю» для беднейших англичан 89

Подчинение, иерархия и отсутствие революционных настроений 94

Глава 4. Бенджамин Дизраэли. Объединение нации в империю через представления о чистоте расы: не класс, но однородная масса 101

Глава 5. Воспитание расы господ в Британии 111

Муштра элиты из элит 111

Практические образцы применения принципа фюрерства .. 115
Британское воспитание вождей
как подавление способности к критике и состраданию ... 120
Самокритика и утрата самообладания
как смертные грехи в империи 126

Глава 6. Подражание английскому воспитанию вождей в Третьем рейхе 137
Британские почитатели своих подражателей из «наполас» .. 137
Примат воли над воображением 142
Примат нормального над гуманным 144
Подражание отказу от культуры ради сохранения власти . 147

Глава 7. Хьюстон Стюарт Чемберлен — британский провидец, пионер и пророк Третьего рейха 154
Англичанин, для которого Англия стала недостаточно
английской — и потому он сделался немцем 154
Хьюстон Стюарт Чемберлен, британский вдохновитель
Адольфа Гитлера 159
Пророк антисемитизма Чемберлен предлагает
брать пример с евреев 164

Глава 8. Британский расизм в действии: колонизация Австралии путем геноцида 170

Глава 9. «Бросок на Остланд»: подражание Британской Индии 178
Пространство на Востоке как поле действия
для «властителей» из среднего класса 178
Профилактика: как не стать слабее
от знаний или сочувствия 182
Гиммлеровские «зверолюди» «восточного пространства»
и соблюдение дистанции со стороны правящих господ .. 189

Глава 10. Образец для геополитиков Гитлера. Как не потерять власть: «Картхилл» 198

Глава 11. Английский фашизм в Англии 206
Имперская преемственность 206
Паладины борьбы с мировым заговором против империи . 211
Англичане Гитлера 214
Джентльмены и их фашисты 219

Глава 12. Почитатели Гитлера из английского истеблишмента 225
Наследники Альфреда Милнера. От либерализма к восхищению Генрихом Гиммлером и СС 225
О мотивах, по которым Гитлер был приемлемой фигурой для имперского истеблишмента Англии 231
Потенциальные союзники по расе 236
Чувство избирательного сродства с Гитлером, исходящее от Британской империи 241

Глава 13. Британские пособники Гитлера 247
Пути к Мюнхену: «политика умиротворения», проводимая пособниками и сообщниками 247
1938 г.: как англичане спасли Гитлера от прусских генералов 255
Как непобедимость союзников так и не была использована ради окончания войны в сентябре 1939 г. 263
Гитлер в роли «отвергнутого поклонника» Англии 271

Глава 14. Британцы под началом Гитлера 281
Англичанин Гитлера Лорд Хо-Хо 281
Британские войска СС 283
Британские острова под великогерманской оккупацией .. 285

Глава 15. О несравнимости практики. Решающие различия в теории 290
Заморские выходы для агрессивности среднего класса 290
Прагматизм — и доведение до абсурда вследствие безусловного подчинения Фюреру 296
Теистическое самоограничение — и отсутствие пределов для «сверхчеловеков» 299
Расчет Невилла Чемберлена — и гитлеровское видение «сумерек богов» 312

Заключение 320

Примечания 334

М. Саркисянц

Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ» / Пер. с нем. М. Некрасова — СПб.: Академический проект, 2003 — 400 с.

ISBN 5-7331-0169-5

В данной книге излагается совершенно новый взгляд на происхождение немецкого фашизма. М. Саркисянц доказывает, что многие истоки идей Гитлера кроются в имперской политике и идеологии Англии. Автор последовательно показывает, как колониальная политика Англии, ее имперские амбиции, отношение к расовому вопросу, принципы воспитания и образования повлияли на формирование идей Гитлера. Подробно рассказано об идеализации гитлеровского Рейха в консервативном истеблишменте Великобритании, об участии англичан во Второй мировой войне на стороне Германии. Автор анализирует также принципиальные различия в теоретических и практических подходах британских и германских расистов, обусловивших столь разную судьбу и оценку соответствующих исторических феноменов.

Мануэль Саркисянц
Английские корни немецкого фашизма

Художественный редактор *В. Бахтин*
Редактор *А. Канева*
Компьютерная верстка *Й. Сакулин*
Корректор *О. Абрамович*

ЛР № 066191 от 27.11.98

Подписано в печать 9 мая 2003. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton
Усл. п. л. 25. Уч. изд. п. л. 23, 8. Тираж 1000 экз. Заказ № 4322.

Гуманитарное агентство "Академический проект"
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12